ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Scan Kreyder - 24.08.2014
STERLITAMAK

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Том 2

РЕКВИЕМ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

книга первая

Фантастические романы

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛОКС»
1992

ББК 84.Р7
Г61

Иллюстрации **А. ЛАВРОВА**

Обложка **И. ФОКИНА**

На форзацах — авторские работы
В. ГОЛОВАЧЕВА

Головачев В.

Г61 Избранные произведения. Т. 2. Реквием машине времени. Черный человек, книга первая: Фантастические романы.— Нижний Новгород: Флокс, 1992.— 540 с.: ил.

ISBN 5-87198-026-0

Во второй том собрания сочинений Василия Головачева вошел роман «Реквием машине времени» и первая книга романа «Черный человек».

Романы отличает динамичность сюжета и пристальное внимание к общечеловеческим ценностям.

Г $\frac{4702010201—025}{Д\ 40(03)—92}$ без объявл. ББК 84.Р7

ISBN 5-87198-026-0

© Составление, оформление. Издательство «Флокс», 1992

Одни мы над миром владыки,
Нам зверь подчиняется дикий
И травы зеленых полей...

М. Тарловский. Иронический сад

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Вездеход выгрузил их на лесной поляне, краем выходившей на покинутую деревню с необычным названием Скрабовка. В деревне уцелело всего несколько домиков, крытых соломой, серой от непогод и времени. Веяло от них запустением и старостью, неприкрытой крестьянской бедностью начала века, хотя водитель вездехода, местный старожил, рассказывал, что деревня покинута недавно, года четыре назад. Когда-то через нее тянулся Дятьковский тракт, обходивший болото и приток Ветьмы Пожну, но потом болото пересохло, через Пожну построили мост, тракт опустел, а когда люди, соблазненные благами цивилизации, перебрались в райцентр, деревня захирела и умерла совсем.

— Не скучайте,— сказал белобрысый, словно в соломенном парике, водитель.— Через пару дней доставлю остальное ваше барахло. Ну, ни пуха...

Вездеход взревел по-бычьи, всплыл над землей, почти касаясь травы резиновыми бортиками воздушной подушки, и, ускоряя ход, пополз по дороге. Тугая воздушная волна пригнула траву, сдула пыль с поросшего подорожником и снытью тракта и сорвала с головы Рузаева берет.

Когда вездеход скрылся за деревьями, Сурен Гаспарян, одетый, как на прием в посольстве, поставил на землю рюкзак, сел на него верхом и хмыкнул:

— Барахло! Слышали, как он о нашей аппаратуре?

— Кстати,— хладнокровно сказал Рузаев, подбирая и надевая берет,— в этом рюкзаке вся наша оптика.

— Правда? — удивился Гаспарян, продолжая сидеть.— То-то я чувствую седалищем что-то твердое...

Был он человеком, склонным к сдержанной насмешливости, и привыкнуть к его манере поведения удавалось не всем.

— А чуете, как здесь тихо? — сказал третий участник экспертной группы, высокий жилистый Иван Костров.— Благодать-то какая, эксперты! Соскучился я по лесной тишине.

— Да и я тоже,— признался Гаспарян.— Давненько нас не посылали в поиск. Только птиц здесь почему-то не слышно. Нас испугались, что ли?

Костров окинул взглядом груду снаряжения.

— С чего начнем? Может, сразу пойдем к месту происшествия?

Гаспарян в раздумье покачал головой.

— Сначала поставим палатку, наведем порядок.

— У меня идея.— Рузаев посмотрел на низкое солнце.— Выберем одну из хат, и дело с концом.

— Ну уж нет, палатка лучше,— возразил Гаспарян.— Лично я не люблю спать с клопами и тараканами.

— Какие там клопы-тараканы? — махнул рукой Костров.— В домах уже четыре года никто не живет, насекомые давно сбежали. А вот сырости там хватает.

Через час они поставили две палатки: одну, четырехместную, для себя, другую для груза, который составляли нежная аппаратура и продовольствие.

— Теперь так.— Гаспарян поправил свою модную и строгую джинсовую двойку: сизо-синюю куртку с эмблемой «Вязники», расшитую бахромой и серебряной нитью, и такие же брюки.— Мы с Иваном пройдемся по лесу, а ты подежуришь в лагере,— обратился он к Рузаеву.— Все равно будешь битый час тупо смотреть в стенку палатки и вспоминать, зачем нас сюда послали.

Возражений не последовало. На монголоидном лице Миши Рузаева не дрогнула ни одна черточка. Характер у него был невероятно сдержанный, ровный и спокойный. К жутким выпадам Гаспаряна, которых поначалу пугались все в отделе, пока не разобрались, что за этим кроется избыток юмора, Рузаев относился так же хладнокровно, как философ к зубной боли.

Оставив Михаила хозяйничать в лагере, Костров и Гаспарян пересекли полянку, окруженную смешанным лесом, прошли мимо вросших в землю домов Скрабовки и оказались на заброшенной проселочной дороге, украшенной коровьими следами и узорчатыми полосами от велосипедных шин.

— Метров двести налево,— сказал Гаспарян.— И в лес?

— Вроде бы, так,— согласился Костров, вспоминая, с чего все началось.

Два дня назад в Центр по изучению быстропеременных явлений при АН СССР пришла телеграмма из Брянска, в которой сообщалось, что над лесом возле деревни Скрабовка Жуковского района потерпел аварию вертолет энергохозяйства. Причины аварии расследовались линейным отделением милиции и были отнесены к компетенции научных органов. Что это были за причины, Костров толком не знал, но, будучи экспертом Центра, привык к неожиданным командировкам, зачастую не приносящим научных результатов.

— Черт! — сказал Гаспарян, сдирая с лица паутину.— Это уже четвертая.

Костров тоже дважды воткнулся головой в паутину, висящую между деревьями и кустами, но как заядлый грибник, давно привыкший к лесному неуюту, не обращал на это внимания.

Сегодня на лесной поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра,—

торжественно продекламировал он стихи Бунина и добавил с удовлетворением: — А грибы тут есть. Я уже два подосиновика нашел. Гарантирую завтра суп с грибами.

Лавируя между стволами редких осин и кустами акаций, они подобрались к краю болота, заросшего ивняком, осотом, ракитником и рыжим мхом. Болото пересекала цепочка ажурных мачт линии электропередачи, исчезающая в просеке недалеко от того места, где вышли эксперты.

Гаспарян ступил на пружинящий мох, остановился, предупреждающе поднял руку. Костров сразу понял, что привлекло внимание начальника группы.

Рядом со старой сосной высился могучий полутораметровый муравейник. Однако он был безжизнен и оплетен паутиной до самого верха. На вершине муравейника лежала кверху лапками мертвая птица с серо-желтым оперением.

— Сорокопут? — неуверенно сказал Костров.

Гаспарян осторожно приблизился к муравейнику, осмотрел его, потрогал птицу и пробормотал:

— Как тебе это нравится?

Костров пожал плечами и пошел вперед.

Ближайшие кусты перед ним были почти сплошь оплетены паутиной, да в траве кое-где виднелись серебристые паутинные вуали, похожие на пятна изморози. Лес стоял мрачный, молчаливый, будто притихший перед грозой, и в его глубине кое-где виднелись на ветвях все те же паутины. Костров шагнул было к кустам, но Гаспарян поймал его за рукав.

— Не спеши, дорогой, к славе, она сама тебя найдет.

— Я только посмотрю, интересно же...

— Не спорю, но сегодня ничего смотреть не будем. Заметил, какая тут прорва паутин?

— Трудно не заметить,— пожал плечами Костров.— Михаила бы сюда, это больше по его части. Давай хотя бы поищем разбитый вертолет, из-за которого начался сыр-бор. Он где-то здесь.

Гаспарян посмотрел на небо — солнце вот-вот должно было зайти, но перечить не стал, сказал только:

— Вертолет не причина, а следствие. Неужели не догадался, из-за чего нас сюда прислали?

— Ты же знаешь, что меня вытащили из отпуска, и я в институт не заходил, прямо из дома — на вокзал. Паутины?

— Они самые.

— Не вижу ничего загадочного.

Краем болота они вышли к просеке и молча остановились, разглядывая открывшуюся картину.

Просека была опутана паутиной так, что совершенно скрывалась в белесом «тумане», сквозь который проступали смутные контуры кустов, пней и опор. Некоторые узорчатые полотнища пересекали просеку от одной стены деревьев до другой и даже взбирались на опоры ЛЭП. Дальний конец просеки скрывался в сплошном белом мерцании, и смотреть туда было жутко и неприятно.

Гаспарян передернул плечами и стряхнул с куртки остатки паутины.

— Понял теперь? На районной подстанции диспетчер обнаружил утечку энергии, сначала небольшую, потом она возросла до... В общем, напряжение упало. Послали вдоль линии бригаду на вертолете. Дальше ты знаешь.

— Понятно. Значит, утечка была в этом районе?

— Именно. Электрики в паутинник сунуться побрезговали, посбивали кое-где паутину с проводов, а улетая, напоролись на дерево.

— Живы?

— В больнице. К ним полетел Ивашура и кто-то из начальства, узнавать подробности. Милиция в общем-то разобралась в аварии, ну, а нам придется разбираться во всем остальном. Кстати, я пауков с детства не люблю.

— Странно...

— Что не люблю?

— Нет, что именно нашу группу послали сюда. Мы же атмосферники, а не биологи. Разве что Михаил когда-то, в дремучем детстве, был не то зоологом, не то энтомологом.

— Он как-то иначе называл свою бывшую профессию... Но не важно. А послали нас сюда потому, что, во-первых, мы специалисты

широкого профиля, я имею в виду группу, а во-вторых, в Центре толком не знали, с чем нам придется столкнуться. О паутинах, например, я узнал только от электриков. В крайнем случае, привлечем к работе узких специалистов.

Обратно шли молча, внимательно высматривая просветы между деревьями, чтобы не влезть в паутины, частота которых явственно указывала на биологическую аномалию. Откуда-то пришло ощущение, будто из лесной чащи за ними наблюдает затаившийся хищник.

— Интересно,— сказал Костров, невольно понижая голос,— волки здесь водятся или всех переохотили?

— Гнать бы их надо! — ответил задумавшийся о своем Гаспарян.

— Волков?!

— Пауков. Вызвать бригаду санэпидстанции и...

В тот же момент сзади, у просеки, раздался гортанный, с металлическими модуляциями, страшный и странный крик. Длился он несколько секунд, взорвав тишину на осколки эха, и были в этом леденящем душу крике смертельная тоска, злоба и ужас!

Костров споткнулся от неожиданности и замер, прислушиваясь.

— Кто это?! — пробормотал Гаспарян, меняясь в лице.

— Упырь,— хрипло ответил Костров.— Погоди-ка...

Где-то недалеко послышался еще один крик, человеческий:

— ...а-ан!.. ре-е-ен!..

— Наверное, Миша зовет!

Не сговариваясь, оба бросились сквозь чащу к дороге, но вскоре выяснилось, что тревожились они напрасно. Рузаев звал их в ответ на чужой вопль. Толком не поняв, кто кричит, он вскочил и опрокинул в костер котелок с чаем.

— Один ноль в пользу крикуна,— прокомментировал Гаспарян, переводя дух.— Мне казалось, тебя ничем не проймешь.

— Мне тоже так казалось,— проговорил Рузаев. Он был эвенком, но по-русски говорил всегда чисто, разве что чуть замедленно. Но сейчас в его речи явственно звучал акцент.

— Кто кричал?

— Леший,— предложил вторую свою гипотезу Костров и пошел умываться.

Чай в этот вечер они пили поздно.

2

Под утро Кострову приснилось, будто он взобрался на высокую скалу, ощущая восторг от распахнувшейся дали, и шагнул с нее прямо в воздух. С минуту он парил на той же высоте, вольный и

легкий, как луч солнца. Под ним в синей дымке расстилался лес, теряющийся за горизонтом, извилистой фиолетовой лентой текла река, выпирали из леса рыцарские шлемы сопок... Деталей он не различал, был занят собой, общим состоянием сказочной легкости и управляемости тела. С легкой грустью Костров подумал, что видит Красноярский край, вспомнил отца, умершего семь лет назад. «Надо навестить родственников, скажут — забыл... Вот прямо сейчас и полечу, чего откладывать?» И вдруг с ужасающей отчетливостью внизу показалась огромная паутина, накрывшая лес на несколько километров. «Откуда здесь паутина?»— успел подумать он и сразу же начал падать, быстро и неудержимо. Со страшной скоростью засвистел мимо воздух, мир сжался до размеров глубокого колодца, в который он влетел стремительным болидом. А когда удар о землю казался неминуемым, тяжелое сердце в диком ускорении оторвалось, пробило грудную клетку и взорвалось впереди огненным фонтаном...

Осторожно пощупав левую сторону груди, Костров выглянул из палатки. В трех метрах от нее горел костер, у которого возился Рузаев. Пахло дымом и рыбным супом.

— Незаменимый ты человек, Рузаев! — с чувством сказал Костров. Но тут ему на голую спину стекла с полога палатки холодная струйка воды. Он взвыл и разбудил Гаспаряна.

Через час, позавтракав и поразмышляв о причинах вечернего крика, все трое шагали по мокрой, седой от росы траве к дороге, увешанные своей драгоценной, осточертевшей за долгие месяцы экспедиций аппаратурой. Недалеко от места, где вчера экспертов застал крик, они совершенно случайно обнаружили останки разбитого вертолета.

Здесь тоже было полно паутины: на траве, на кустах орешника, на ветвях берез и нежнокорых осин. Стальной винт вертолета успел покрыться густой ржавчиной, хотя авария произошла всего два дня назад, и все кругом было буквально нашпиговано паутинами разных сортов и рисунков.

— Откуда их здесь столько, братцы? — удивился Рузаев, отбросив на мгновение свою природную невозмутимость.

— Оттуда,— пояснил Гаспарян, сдирая с лица удивительно прочные нити, и прошипел: — Гадость! Ты, кажется, зоолог по образованию? Классифицируй, тебе и карты в руки. Кстати, обратите внимание: в лесу полностью отсутствуют насекомые.

— Что же тут удивительного? — буркнул Костров.— Начало осени. Но вот птиц, действительно, не слышно.

Ступая по жухлой осенней траве, он приблизился к вертолету.

Стабилизирующий винт машины валялся в стороне, лонжероны заднего стабилизатора были погнуты, лобовое стекло отсутствовало, кабина была смята.

— Ударились они прилично! Слышишь, металловед? — обратился Костров к Гаспаряну.— Ржавчина уже по твоей части. Кабина тоже насквозь проржавела, даром, что дюралевая.

— Ладно, ладно,— произнес Сурен.— Металловед я бывший, но распределять обязанности положено мне. Разбирайте аппаратуру. От вертолета наметим границы спокойной зоны, а дальше к просеке надо держать ухо востро, без датчиков не вздумайте шагу ступить.

— Не чересчур? — спросил Рузаев, останавливаясь рядом с Костровым.— Никогда не видел такой паутины! Смотри, Иван, белая, как снег!

Он дотронулся до края паутины пальцем и резко отдернул руку.

— Ах ты!.. Жжется! — пояснил в ответ на удивленные взгляды товарищей.

Гаспарян подошел ближе, сунул палец в паутину и тут же отдернул. Потом достал электрометр и приблизил чувствительный элемент прибора к паутине.

— Электростатический заряд,— сообщил он через минуту,— мне добавить нечего. Миша, обычная паутина проводит электричество? Или она диэлектрик?

— Не знаю,— подумав, сказал Рузаев.— Скорее, проводник.

— Специалист,— в тон ему сказал Гаспарян.— Вот что, дорогие мои, давайте уясним себе правило: с этой минуты ничего не трогать руками. У нас есть щупы, зонды, пинцеты, перчатки... Договорились?

— Как прикажете.— Рузаев вдруг шарахнулся от вертолета. Сверху, с козырька над дверцей, метнулось к нему круглое черное тело диаметром около пятнадцати сантиметров, пролетело над головой, сочно шлепнулось в центр паутины и мгновенно исчезло, оставив после себя слабый запах эфира:

— Вот и паучок пожаловал,— сказал Сурен со смешком.— Симпатичный такой!.. Птиц, значит, они уже сожрали, теперь очередь за нами.

— Я конечно, не разглядел как следует,— проговорил Рузаев, придя в себя,— но, скорее всего, это сольпуга, а не паук.

— Соль... что? — спросил Костров.

— Сольпуга — фаланга из семейства паукообразных. Сольпуги неядовиты, так что бояться их нам, вроде бы, нечего.

— А паутину они, эти сольпуги, плетут? — осведомился Гаспарян.

— Н-нет... кажется, нет.

— Вот видишь! — Гаспарян с треском захлопнул футляр электрометра.— Эксперты! Специалисты, так сказать! Помощнички!.. Надеюсь, ты прав, и пауки не ядовиты. Как вы думаете, сюрпризы еще будут?

Рузаев с иронией развел руками.

— Гарантировать не могу, но кажется мне, что все еще впереди.

— Михаил-пророк! — фыркнул Костров.

Гаспарян посмотрел на часы.

— Ну-с, джентльмены, за работу.

Солнце поднялось уже высоко, исчезла с кустов и травы роса, день обещал быть по-летнему жарким.

Вскоре эксперты закончили измерение локальной полевой обстановки в радиусе километра вокруг просеки с ЛЭП, произвели соответствующие записи в журнале и полюбовались на свои вытянутые физиономии. Радиационный, а также магнитный, электрический и прочий фон оказался в норме. Приборы не фиксировали аномалий электромагнитного характера вроде тех, что были отмечены возле разбитого вертолета и у линии электропередачи. В последнем случае это было нормальным явлением: ЛЭП работала и «гнала» свои двести пятьдесят тысяч вольт потребителям в городах и поселках района.

Правда, одна аномалия все же была — биологическая. Концентрация паутины в одном месте на трассе ЛЭП, в районе просеки, была очевидной. Она не отражалась электронными символами на экранчиках приборов и обладала только одним достоинством — наглядностью.

— Сядем, покурим,— предложил Рузаев, доставая сигареты.

Костров отказался, Гаспарян машинально взял одну и тут же вернул: он не курил, как и Иван.

В целях безопасности они вышли из «паучьей зоны» и расположились отдохнуть на берегу Пожны, здесь она была лишь ручьем шириной метра полтора.

— Что же мы имеем? — пробормотал Гаспарян.— А имеем мы без малого нуль информации. Странное нашествие пауков — раз, утечку электроэнергии на линии — два, самих пауков, не похожих на пауков,— три, крик ночью — четыре. Все?

— Ржавый вертолет — пять,— подсказал Костров.— Отсутствие живности в лесу — шесть да еще сверхпрочная паутина-диэлектрик! Больно ты пессимистичен, начальник. У нас материала уже на приличную сенсацию, а ты — «нуль информации»!

— Нужна аппаратура физико-химического анализа,— сказал Рузаев, затягиваясь,— Иван прав, набор проблем хорош. Но тем интереснее с ним работать. И неплохо бы достать какие-нибудь комбинезоны или спецовки, что ли, а то лазить по лесу в наших костюмах несподручно. Хорошо хоть сапоги догадались взять. Я их достал из мешка, можете надевать.

— Вечером схожу в райцентр и позвоню Ивашуре,— пообещал Гаспарян.— Спецовки он привезет. Что касается моего пессимиз-

ма, то обосновать его я не могу. Тревожно что-то на душе, друзья мои. Не нравится мне паучье нашествие.

— Обычная вспышка биологической активности,— предложил идею Костров.— Вы не хуже меня информированы о таких вспышках среди леммингов, крыс, саранчи. Вспомните «красные» приливы в Атлантике, когда по каким-то причинам начали бурно размножаться красные водоросли. Вот и здесь нечто подобное: нарушилось где-то экологическое равновесие, и среди пауков вспыхнула «эпидемия» размножения.

— Не годится даже в качестве прикидочной гипотезы,— покачал головой Рузаев.— Слишком много несоответствий. Во-первых, трудно представить, из-за какого экологического фактора начали плодиться пауки. Во-вторых, судя по виду, это не пауки вовсе, а сольпуги, хотя утверждать не берусь — разглядеть не было времени. Да и родина сольпуг — юг Туркмении, так что непонятно, откуда они взялись в умеренной зоне России. И в-третьих, обычная паутина непрочная, а эта — словно соткана из шелковых ниток! К тому же, накапливает электрические заряды!

— Чувствуется профессионал! — сказал Гаспарян.— Да, Иван? Зоолог я хреновый, но меня Михаил убедил. Что будем делать дальше, джентльмены? Ваши предложения?

— Давайте попробуем пробиться к просеке со стороны леса,— предложил Костров, спокойно отнесшийся к «разгрому» своей идеи. Он был самым высоким в их компании и самым молодым. Лицо открытое, слегка скуластое, курносое, глаза карие. Друзья любили его за добрый нрав и бесстрашие, когда дело касалось критических ситуаций в экспедициях Центра: надежен, смел и удачлив. И не было случая, чтобы он дрогнул перед опасностью, спасовал или струсил. Фамилию свою Костров целиком и полностью оправдывал: он виднелся издалека, и не столько из-за роста, сколько из-за огненно-рыжей шевелюры.

— Зачем тебе просека? — спросил Гаспарян.

— Может быть, найдем причину скопления паутины именно в том месте. Судя по всему, там паучий центр.

— Резонно,— заметил Рузаев.— Только подход к просеке я бы отложил: нужна, как я уже говорил, спецодежда, да и рация для связи. А вот экземпляр паука нам бы не помешал. Пожалуй, я займусь ловлей. Если ты не возражаешь,— добавил он дипломатично.

Гаспарян кивнул.

— Согласен. В крайнем случае сфотографируйся с пауками вместе на память, а мы с Иваном нанесем на карту особо запаутиненные места и начнем исследовать свойства паутин. Кстати, кто у нас сегодня дежурный по кухне? — Он посмотрел на Кострова.

— Михаил начал — ему и кончать,— быстро среагировал тот.

Гаспарян хмыкнул, посмотрел на каменное лицо Рузаева.

— Логично мыслит, да, Михаил?

— Подежурю,— коротко ответил Рузаев.

К вечеру они закончили намеченные работы только наполовину: Рузаев истратил цветные фотопленки и километр кинопленки, снимая паутины, пауков и лес, но паука поймать не смог. Костров и Гаспарян определили координаты паутинных скоплений, однако на изучение паутин не хватило времени. Начальник группы в половине седьмого ушел в райцентр, надеясь засветло вернуться.

Костров, не обращая внимания на мрачные пророчества Рузаева относительно его здоровья, с наслаждением искупался в Пожне, найдя неподалеку от лагеря бочаг глубиной около двух метров. Вода была холодная и чистая до полной прозрачности.

Во время ужина у Кострова разыгралось воображение, и он выдал две гипотезы, которые Рузаев уничтожил неторопливо, методично и основательно, словно «сыпал» завравшегося диссертанта.

— Ну, а у тебя самого есть собственная гипотеза? — спросил задетый за живое Костров.

— Есть, а как же,— невозмутимо проговорил Рузаев.— Я лично считаю, что Carthāgo delenda est [1].

Ошеломленный познаниями товарища в латинском языке, Костров повертел головой и не нашелся, что ответить.

Так как на следующий день дежурить по биваку была его очередь, а от судьбы, как известно, не уйдешь, Иван решил заранее сходить к реке и набрать два ведра воды.

Закат пламенел на полнеба, предвещая ветер, глухо шумел лес, наполненный тысячерукими тенями, покинутый зверем, птицей и насекомыми. Это отсутствие животного мира действовало на нервы больше, чем паутины в лесу. Дома на краю деревни казались угрюмыми склепами, стерегущими сон покойников, и Костров, далеко не робкий по натуре, под влиянием таинственной и мрачной атмосферы засвистел.

Дойдя до речки и зачерпнув воды, он не сразу понял, что на его свист откликается довольно необычное эхо. Он остановился, перестал свистеть и прислушался. Это было не эхо. Из леса слева от тропинки доносился тихий прерывистый свист, даже не свист — писк. Он смолк почти сразу, как только Костров прекратил свистеть, и дважды возобновлялся в ответ на переливчатые рулады полонеза Огинского. Кто-то помогал Кострову солировать.

Продолжая насвистывать, Иван поставил ведра с водой, нашел подходящий сук и метнул его в чащу, откуда доносился писк. И тут же из леса раздался вопль, похожий на тот, что поразил их в первый вечер. Он прозвучал резко и сильно, полный тоски и злобы, и Костров невольно отскочил на середину тропинки, прямо на ведра.

---

[1] «Карфаген должен быть разрушен» *(лат.)* — слова римского патриция Катона-младшего, которыми он обычно заканчивал свои речи в Сенате.

С минуту он прислушивался к шорохам леса, готовый бежать или драться, потом подобрал ведра и снова пошел за водой.

— Кто-то кричал? — спросил его сонный Рузаев, когда он принес воду и молча залез в спальный мешок.

— Я,— ответил Костров.

Гаспарян пришел поздно ночью, усталый, злой и возбужденный.

Костров, спавший вполсна, повернул голову в сторону негромких проклятий, доносившихся сквозь храп Рузаева, и спросил:

— Ты, Сурен?

— Спи, спи, дорогой,— отозвался Гаспарян.— Хорошо хоть в палатке пауков нет. Вот ведь дряни наплодил господь бог при сотворении мира! Кого он хотел этим удивить — ума не приложу.

— Что случилось?

— Да ничего особенного. Устал, как собака, километров двадцать отмахал туда и обратно да еще драпал километра три...

— От пауков? — засмеялся Костров.

— Кто его знает. Где старый брод через Пожну, помнишь? Проезжали, водитель показывал... Нет? Впрочем, все равно. Темно, понимаешь, кругом, жутко — птицы молчат... А возле дороги что-то светится в кустах, как два глаза... И такая в них тоска — не передашь!.. Кинул я туда камешек...

— А оттуда как заорет! — досказал Костров.

— Точно! Как догадался? Слышал?

— Слышать не слышал, но со мной тоже произошел случай.

Гаспарян прыснул.

— Ну и мчался же я! Наверняка установил рекорд в беге с препятствиями! Ты тоже?

— Нет, я прыгнул в длину метров на семь без разбега, прямо в ведра с водой.

Они засмеялись вдвоем, вхлипывая, давясь, и хохотали до тех пор, пока не проснулся Рузаев.

— Вы что, с ума посходили? Два часа ночи, а они ржут! Анекдоты травите, что ли?

— Извини, Михаил,— сказал изнемогший Гаспарян, вытирая слезы.— Разрядка за день.

— Звонил Ивашуре?

— Звонил. Шеф передал всем привет. Завтра вечером или послезавтра утром обещал привезти комбинезоны или штормовки. Так что надо успеть составить хотя бы общую картину.

— Да, Игорь Васильич не любит туманных формулировок.

Костров выполз из спального мешка и, поеживаясь от холода, выбрался из палатки. Спустя минуту раздался его голос:

— Братцы, посмотрите-ка!

— Что там еще? — всполошился Гаспарян, высовывая голову из-под полога, и тихо выругался по-армянски.

Над лесом, в стороне злополучной просеки, «заросшей» паутинами, вставало мягкое, переливчатое, серебристо-пепельное сияние.

3

Завтрак прошел в молчании.

Собирались также молча, только Гаспарян, выглядевший, несмотря на плохо проведенную ночь, как всегда, аккуратным, подтянутым и свежим, сказал Кострову:

— Иван, захвати-ка на всякий случай ружье.

Кострову не хотелось тащить на себе лишние килограммы железа, но он вспомнил свое вечернее приключение и без слов нацепил на шею ремень ивашуринской бескурковки. Рузаев лишь головой покрутил, протирая объектив своего знаменитого «Киева-10».

В лес вошли по тропинке, протоптанной ими за два дня. Не успели миновать заросли жимолости, как шедший впереди Гаспарян вдруг остановился, словно наткнулся на змею. Костров обошел его сзади и увидел в кустах, невысоко над землей, кружевную снежно-белую паутину.

— Так,— спокойно сказал Рузаев.— Пауки расширяют свои владения. Еще вчера их здесь не было.

Гаспарян молча раскрыл футляр электрометра.

— Напряженность поля — четыреста вольт на сантиметр.

Костров присвистнул. Потоптавшись у паутины, он проследил за длинной серебристой нитью, цеплявшейся за куст рябины, и увидел вторую паутину. За ней располагались сразу две, связанные между собой ажурным «мостиком», а дальше, метров через десять, шло уже белое паутинное поле, опутавшее стволы сосен и берез, траву и кустарник.

Гаспарян отломал сухой сук и ударил по паутине. С отчетливым стеклянным хрустом паутина развалилась на две части и потухла — стала серой, словно ее присыпали пылью.

Костров заметил какое-то движение в траве под кустом, без долгих раздумий рванул с плеча ружье, поймал на мушку черное пятно, убегающее в траву, и нажал на спуск.

Бах!

Выстрел разнес тишину леса в клочья отголосков.

— Сдурел! — шарахнулся в сторону Гаспарян.

— Паук...— пробормотал Костров и повел стволом.

Рузаев с любопытством оглядел его, полез в кусты и, поворочавшись там минуты три, глухо спросил:

— Чем было заряжено ружье?

Костров покосился на Гаспаряна.

— Дробью,— ответил тот.— А что?

— Это был паук. К сожалению, Иван отменный стрелок, и от паука остались только рожки да ножки.

Рузаев вылез из кустов и смахнул с колен приставшие комки мха и сосновые иголки.

— Надо было целиться в ногу,— сказал он рассудительно.

Все трое переглянулись и засмеялись. Потом Гаспарян взял у Кострова ружье.

— За стрельбу тебе еще придется отвечать, стрелок, так что не очень радуйся. Тут тебе не тир. А это слышали? Дразнит нас какая-то зараза...

— С чего вы взяли? — осведомился Рузаев.

Костров посмотрел на Сурена и рассказал Михаилу случай с «вечерним концертом».

— Значит, кричат, по-вашему, пауки?

— Но ведь больше некому, сам видишь — ни птиц, ни зверей.

— Ну, отсутствие зверей еще надо доказать, а вот то, что паукам нечем издавать звуки, это я знаю точно.

— Сам же говорил, это не пауки, а сольпуги. Может, и не сольпуги вовсе, а какой-нибудь новый вид?

Рузаев пожал плечами.

— Не знаю. Вообще-то на Земле известно около тридцати пяти тысяч паукообразных, открыть новый вид сложно. Но если это действительно новый вид — так и быть, приоритет за тобой.

— Дадим ему название: паук «Иванус Костровус»,— предложил Гаспарян.— Звучит, не правда ли, Михаил?

Рузаев, усмехнувшись, кивнул.

— Лично у меня есть своя гипотеза.— Он прошагал к ближайшим паутинам и снял с шеи ремень фотоаппарата.— Пауки-мутанты.

— О! — Гаспарян оживился.— В этом что-то есть.

— И все же, здесь нужен специалист-арахнолог.— Рузаев сфотографировал потухшую паутину и перевел пленку.— Я всего лишь зоогеограф по образованию; моя специальность, причем бывшая, заметьте,— изучение факторов, определяющих распределение животных, в частности, пресмыкающихся. О пауках я знаю мало.

— Где я тебе возьму специалистов? — буркнул Гаспарян.— Я говорил Ивашуре, он обещал что-нибудь придумать, но в один день специалиста не найти, да и с оформлением командировок под конец месяца — проблема. Так что будем обходиться пока своими силами. Факты, давайте факты, ничего, кроме фактов, выводы сделают другие. Миша, ты все же попробуй поймать паука, только без этого...— Он пошевелил пальцем,— без стрельбы. А мы с Иваном займемся обстановкой. Будем делать замеры трижды в день и один раз ночью. Кто знает, как нам это может пригодиться.

После обеда Костров взял метровый щуп, представляющий собой гибкий металлический стержень с керамической рукояткой, закинул за плечи рюкзак с ЗЗУ — звукозаписывающей аппаратурой — и направился к болоту.

— Осторожней там,— по привычке пробурчал Гаспарян ему вслед.— Не подходи к просеке близко, возвращайся пораньше. Оделся хорошо?

Костров похлопал щупом по своим сапогам: экипирован, он был по всем законам леса.

За обедом Рузаев поделился своими наблюдениями: он дважды видел пауков, но поймать так и не сумел — слишком шустрыми они были, зато хорошо рассмотрел.

— Это не сольпуги,— заявил он,— но и пауков таких я не знаю. Может, действительно, новый, неизвестный науке вид? Во-первых, размер тела — около двадцати сантиметров! Людоеды, а не пауки! Во-вторых, окраска фиолетовая, с металлическим отливом. В-третьих, хелицеры у них, то есть передние ноги для защиты и нападения, совершенно не развиты! В-четвертых, педипальцы — ногощупальца, наоборот, увеличены. В-пятых, у них всего по две пары глаз, но зато размером чуть ли не с половину головогруди! Если это не новый вид, то уж точно мутанты. Единственное, что смущает, так это причина мутагенеза. Самый мощный из известных сегодня источников мутации — радиация — для пауков не страшна...

Пробираясь между деревьями, Костров продолжал размышлять над словами Михаила, и предложения товарища будили в нем такие ассоциации, от которых на душе становилось муторно.

Он вышел на край болота чуть дальше того места, где они с Суреном впервые увидели скопление пауков. Осока и камыш пересохшего болота были ржавого цвета, белые островки паутин хорошо выделялись на этом фоне. Несмотря на расширение своих владений в лесу, пауки почему-то неохотно ткали сети на болоте: паутинных полей здесь было значительно меньше.

Шурша ломкой травой и опавшими листьями, Костров начал пробираться к просеке с линией электропередачи, стараясь идти по краю болота и не заходить в лес. Даже со стороны было заметно дрожащее белое мерцание в его глубине: пауки заткали все пространство между деревьями, и чем ближе Костров подходил к просеке, тем гуще становилось паутинное плетение. Наконец идти дальше, не затрагивая паутин, стало невозможно. Костров потыкал щупом в ближайшее паутинное облако, скрывшее под собой кусты чернотала, подивился упругости паутины и углубился в болото, обходя редкие островки паутин и колдобины с грязью.

Через полчаса он выбрался к опоре ЛЭП и вытер пот со лба: ветер стих и было довольно жарко. Вокруг царила странная тишина,

будто все живое в радиусе нескольких километров от паучьего «логова» бежало, спасаясь от неприятного соседства, затаилось, спряталось. Не было видно даже длинноногих комаров — карамор, живущих на болотах до поздней осени, что Костров отметил еще раньше. Он впервые оценил этот факт, как сигнал тревоги. Заныло под ложечкой, стало зябко и неуютно, пришло ощущение чьего-то незримого присутствия...

Костров передернул плечами, снял рюкзак и достал продолговатый футляр ЗЗУ. Вскрыв панель, вставил в отверстия по бокам решетчатые диски антенн, включил питание, подумал и поставил переключатель режимов в положение «инфразвук». Вложив прибор в рюкзак, он снова закинул его за плечи и побрел в сторону просеки, придерживаясь линии электропередачи.

Через полкилометра линия привела его к просеке, и идти дальше Костров не решился. Построения паутин здесь приобретали странные, вполне осмысленные формы: арки, столбы, шпили, башни и даже целые «крепостные» стены, так что за ними не было видно ни леса, ни опор, ни самой просеки. Зато оттуда ощущался ток чистого и свежего теплого воздуха, щедро сдобренного запахом эфира.

Тишина угнетала. Костров поймал себя на том, что норовит оглянуться через плечо, пытаясь хоть краем глаза поймать какое-то движение: ему казалось, что паутины по сторонам едва заметно колеблются, но как только он бросал в том направлении взгляд, это движение замирало, пряталось куда-то вглубь, чтобы возникнуть уже в другом месте. Лес казался насыщенным странной жизнью, и в то же время был неподвижен и мертв.

Рассердившись, Костров ткнул щупом в ближайшую паутинную башню, серую у подножия и ослепительно белую вверху, на высоте шести-семи метров. Щуп с трудом преодолел ажурную преграду, и в тот же миг Костров почувствовал сильный удар по руке. «Башня» сердито зашипела, засияла вся сверху донизу. Костров выпустил щуп и отскочил назад.

Щуп остался висеть в воздухе, потом вдруг раскалился до желтого свечения и... осыпался каплями расплавленного металла! Запахло жженой пробкой и горелой виниловой изоляцией.

— Ч-черт бы вас побрал! — в сердцах сказал Костров.— Хотя бы предупреждали!

Кому адресовались его слова, он сам не знал.

Он постоял некоторое время, потирая ушибленные пальцы, и вдруг подумал о спичках, представил, как горит сухая трава на болоте, полыхают деревья и жухнет в огне паутина... Додумать до конца Костров не успел: ему внезапно стало очень плохо. Голова закружилась, заломило виски, в ушах поплыл тихий, но все усиливающийся звон, ноги сделались ватными, подкосились, и он, теряя сознание, упал лицом в траву...

Очнулся он от странных размеренных звуков: «Кх-кха-а-а... Кх-кхха-а-а... Кх-кхха-а-а...» Словно где-то рядом дышал громадный зверь или шумели кузнечные мехи...

Костров открыл глаза, приподнял тяжелую голову и увидел, что лежит на голой скале, белой, как отполированная ветром и дождем кость. Вокруг, насколько хватало глаз, стояли необычные зеленые колонны, пушистые, словно поросшие зеленой шерстью. Вверху они расщеплялись на несколько тонких хлыстов с кисточками на концах, некоторые заканчивались свернутыми в спираль пучками зеленых листьев. Колонны соединялись между собой белыми ажурными мостиками, в которых Костров узнал паутины. Он резко сел и почувствовал, что вокруг стоит небывалая жара, что воздух здесь душный, густой, как кисель, и полон незнакомых ароматов...

Обливаясь потом, Костров соскользнул со скалы, потрогал ее гладкий горячий бок, обошел кругом. На высоте его роста в скале обнаружились два отверстия, напоминавшие пустые глазницы черепа, а чуть ниже зияла щель, в которой смутно угадывались ряды треугольных пластин.

Костров отошел от утонувшей в земле скалы, потом, движимый неосознанной тревогой, оглянулся. Скала...

Холодея, он понял, что эта скала — не что иное, как высохший череп какого-то исполинского зверя! Сомнений быть не могло. Костров хорошо помнил изображения ящеров палеозоя и мезозоя, в его домашней библиотеке было несколько книг из серии «Возникновение жизни на Земле».

Попятившись, он наткнулся спиной на зеленую колонну, стрелой вонзавшуюся в густо-синее, без единого облачка, небо, и отскочил в сторону. Это была, конечно, не колонна, это было дерево... «Псилофит,— всплыло в памяти название одного из самых древних растений,— или... сигилярия?»

Озираясь, он пошел между «псилофитами», чувствуя, как рубашка липнет к телу.

Прекратившиеся было звуки снова возобновились, Иван направился в ту сторону, ошеломленный своим пробуждением в неведомой местности. Вопросов — почему, где и как? — он себе не задавал: ответов все равно искать было не у кого.

Внезапно он вышел на край громадной воронки, скрытой под вогнутой белой пленкой, в которой он не сразу угадал... колоссальную паутину! Звуки шли оттуда, но разглядеть в глубине воронки что-либо, кроме тусклого оранжево-желтого мерцания, было невозможно. С каждым «кх-кхха-а-а» из воронки волнами наплывали запахи, в том числе и запах эфира, от которого кружилась голова и слегка поташнивало. Жара вблизи нее стояла совершенно невыносимая.

Костров отступил, шатаясь, прошел несколько шагов и наткнул-

ся на бугристый черный «ручей», бесшумно и неудержимо скатывающийся в воронку. Это были пауки!

Костров зачарованно смотрел на «ручей», пока тошнота не подступила к горлу с новой силой. Тогда он попятился за ствол «псилофита», нечаянно задел паутинный мостик, что-то сверкнуло в воздухе, и наступила темнота...

Сознание вернулось не сразу, а очнувшись от непонятного забытья, он увидел перед глазами знакомые жесткие стебли осота, коричневую губку мха и за кочкой — черное паучье тело с четырьмя громадными, прозрачно-фиолетовыми глазами. Паук поводил в воздухе двумя передними парами лап, видимо, «размышляя», что ему делать с непрошеным гостем.

Костров отмахнулся, встал и побрел прочь от просеки — бежать не было сил. Лишь свалившись в скрытую подо мхом яму, к счастью, сухую, он опомнился и перевел дыхание. Ноги дрожали, в голове стучало, словно он отравился газом. Кое-как уняв дрожь в ногах, Костров осмотрелся. Никто его не преследовал. Кругом расстилался знакомый ландшафт, жара исчезла, как и странная обстановка с «псилофитами» и черепом ископаемого динозавра. Но рубашка была мокрой и неприятно липла к телу.

— Бред! — вслух сказал он. Выкарабкавшись из ямы на невысокий бугорок, он погрозил кулаком в пространство и пожалел, что не захватил с собой ружье. В то же мгновение новая волна слабости чуть не свалила его с ног. Задохнувшись от боли в голове, Костров, спотыкаясь, побрел в глубь болота и остановился, когда последние паутинные пятна скрылись из глаз...

В лагерь он вернулся только через два часа, к заходу солнца, обойдя местность с пауками пятикилометровым крюком.

Выслушав его сообщение, Гаспарян долго смотрел на пляшущие над костром языки пламени...

— Что ты об этом думаешь? — спросил он наконец Рузаева.

— Ничего,— ответил тот.— Когда я ловил пауков, у меня тоже несколько раз появлялась головная боль, хотя и не такая сильная, как у Ивана. Да и «неземные» пейзажи мне не снились, но чувствовал я себя скверно. Потом все прошло, и я забыл...

— Что ж ты молчал?! Мимо таких ощущений нельзя проходить спокойно. Пауки отгоняют нас от своих владений, это очевидно. Но чем? Ты какую аппаратуру с собой брал?

— Звукозапись,— сказал Костров и стукнул себя по лбу.— Тьфу, совсем выбило из головы! Я же включил ЗЗУ на инфразвук.

Он встал, нырнул в темноту к палатке и через несколько минут вернулся с прибором.

— Удивляюсь, как я его не поломал, когда падал. Сейчас посмотрим беднягу.

Проверив настройку, он включил прибор на воспроизведение.

Некоторое время из динамика доносилось только шуршание фона, потом раздался длинный вздох и долгое, постепенно затухающее, пульсирующее гудение.

— Частота? — встрепенулся Гаспарян.

— Восемь герц,— посмотрел на шкалу Костров.— Мощность — десять децибел.

Гаспарян медленно встал с пня.

— Что?! Восемь герц?!

— Фликер! — хмыкнул Рузаев.— Инфразвук с частотой семь-восемь герц — это фликер. Будь частота равной трем герцам, а мощность в полтора раза больше, ты, Иван, уже не встал бы. Три герца — это биоритм смерти.

— Значит, восемь...— глухо повторил Гаспарян.— Однако это уже не игрушки... Твои галлюцинации тоже, вероятно, следствие излучения. Вот так паучки! Придется вызвать тревожную группу Центра, пока не случилось беды.

— Подождем Ивашуру,— сказал Костров и виновато посмотрел на руководителя группы.— Он же обещал приехать завтра?

— Обещал.— Гаспарян не заметил оговорки Ивана, выражавшей недоверие к нему, как к руководителю.— Давайте ложиться спать, владыки мира. Отдых наш кончается. Утром перетащим лагерь подальше от болота, я видел паутины уже в деревне. И займемся систематизацией данных...

Они полюбовались мягким голубоватым сиянием над лесом, где пауки соткали свое «государство», и улеглись спать. Спали, однако, недолго. Ночью всех разбудил сильный грохот.

Они выскочили в трусах из палатки, спросонья не зная, за что хвататься и куда бежать. Но в темноте ничего не было видно, даже сияния над лесом. Только со стороны деревни доносился удаляющийся грохот, словно по лесу неслась дьявольская кавалерия, круша деревья и сшибая недругов с седел, да мелко вздрагивала земля. Вскоре грохот утих, в последний раз громыхнуло, и в лес вернулась первозданная тишина, сквозь которую послышалось нарастающее журчание воды.

Они стояли и всматривались во мрак, пока не продрогли.

— Сходим? — предложил Костров, хотя желания идти вслепую, в ночном мраке, неизвестно куда у него не было. Как и у остальных.

— Утром,— принял мудрое решение Гаспарян.— Ни черта мы сейчас не увидим, даже с фонарями. Залезайте обратно, не хватало, чтобы мы схватили простуду.

Рузаев без слов залез в спальный мешок и тут же, судя по дыханию, уснул. Костров долго прислушивался к вою ветра и задремал только через час. Гаспарян уснул последним. Он еще два раза вылезал из палатки с ружьем и смотрел на притихший лес, вслушивался в ночные шорохи, сняв на всякий случай ружье с предохранителя...

4

Утром стала известна причина ночного переполоха.

От просеки с пауками через лес, дорогу и деревню проходил громадный рваный ров! По пути он задел две крайние избы и размётал их на бревнышки, а дойдя до Пожны, остановился, и речка́, изменив русло, теперь почти вся текла по этому рву в лес, к болоту.

Они молча стояли на метровом валу вывороченного дерна и разглядывали обмелевшую ниже по течению Пожну. По дну рва бежал уже посветлевший поток воды, направленный чьей-то волей к скоплению паутин.

— М-да,— сказал Гаспарян, теребя выбритый подбородок. Когда он умудрился побриться — никому ведомо не было.— Кто-нибудь может мне сказать, что это такое?

— След от сохи Никиты Кожемяки,— буркнул Рузаев.— Он со змеем ночью землю делил...

— Канал,— произнес Костров, настроенный более прозаично, со вздохом трогая щетину на щеках.— Глубина метра два да ширина столько же... Пауки наши, оказывается, умеют строить каналы не хуже нас. Д-р-р-р — и готово! Только зачем им вода̀? Миша, паукам вообще вода нужна?

— В мизерных количествах. Насколько мне известно, необходимое количество жидкости пауки высасывают из своих жертв. Но чтобы целая река... Кстати, почему ты решил, что этот «канал» построили пауки?

— А кто еще?

— Вот что,— сказал Гаспарян.— Давай-ка определим точно, куда идет ров. Если вода течет к просеке, там скоро будет потоп. Тогда придется переносить лагерь еще выше по дороге.

— Переносить надо в любом случае.— Рузаев обвел взглядом лес, свежую двухметровую борозду, проделанную неизвестно кем и неизвестно зачем за одну минуту.— Вдруг паукам вздумается проложить еще один «канал»? Попади он по лагерю...

— Точно,— кивнул Костров,— костей не соберем!

Гаспарян поморщился и махнул рукой.

— Я же сказал, перенесем. Пошли.

— А завтрак? — спросил голодный Костров.— Может, лучше после завтрака?

— Успеем, перекусим консервами. Не отставайте.

Они потянулись гуськом друг за другом: впереди Гаспарян, потом Рузаев и Костров. Не успели пройти и полсотни шагов, как в лесу раздался треск, и на берег «канала» выскочил ошалелый пожилой дядя, одетый в заплатанные штаны времен первой мировой войны, ветхую студенческую куртку с надписью «Алтай-88» и женскую соломенную шляпу с выцветшей розой на полях. В руках он

держал просторную ивовую корзину, судя по его рыси — пустую. Заметив экспертов Центра, он круто затормозил.

— Доброе утро,— вежливо приветствовал его Гаспарян.

— Здорово! — сипло отозвался дядя, заросший мощным волосом чуть не до бровей.— Чего это вы тут?..

— Мы ученые, не пугайтесь, изучаем пауков, а вы?

— Леший,— шепнул на ухо Кострову Рузаев.

— Грибник,— догадался тот.— Я уж думал, что сюда по грибы никто не ходит. Вы, наверное, напоролись на пауков?

— Тьфу! — сплюнул дядя, достал громадный клетчатый платок и вытер лоб и шею.— Я в этих местах, почитай, шестой десяток годков грибы собираю! Что ж это за дрянь тут деется?

— Вы же видели, пауки,— пожал плечами Рузаев.— Туда больше не ходите, опасное место. Где вы живете?

— В Жуковке, хата у меня там...

— Вернетесь, скажите соседям, чтобы сюда пока не ходили. Мол, запретная зона.

— Дак куды ж тогда за грибами?

— Лес велик, найдете еще места. А здесь... сами видите.

— Вижу.— Дядя немного успокоился, трубно высморкался и тут заметил ров.— А энто откудова?

— Оттудова,— кивнул в сторону болота Рузаев.

Дядя проследил за его взглядом, затем издал сиплый горловой звук и снова попер в лес, ворочаясь в зарослях, как дикий кабан.

Костров засмеялся.

— Натерпелся страху, грибник, все грибы растерял!

— Страх — ладно, не было бы еще каких-нибудь сюрпризов вроде инфразвука,— сказал Гаспарян.— Места эти, видать, грибные, ждите еще гостей, особенно в выходные дни. Надо бы как-то обозначить зону, не дай бог что случится!

— Чем обозначить? Не писать же объявления на деревьях...

— Не знаю, чем и как. Думайте.

Рузаев почесал в затылке.

— Одни мы не справимся. Охватить надо зону километра три в поперечнике, это по окружности километров десять.

Гаспарян молча зашагал вперед.

— Ладно, посмотрим по ходу дела,— сказал Костров, понимающе глядя в спину начальника группы.

Они снова направились вдоль созданного ручья в лес и вскоре пришли к мнению, что ров тянется точно к просеке, к центральному паутинному скоплению. Однако никаких следов затопления местности не обнаружилось, хотя ручей тек всю ночь и должен был уже разлиться по лесу.

— Странно,— пробормотал озабоченный Гаспарян.— Никакого котлована в районе просеки вроде бы нет. Куда же девается вода?

— В болото,— предположил Костров.

Рузаев промолчал.

Они стояли в удивительном сказочном лесу, затканном паутинами. Косые лучи утреннего солнца пронизывали его огненными стрелами, и паутины вспыхивали всеми цветами радуги, словно усыпанные драгоценными камнями. Свежая борозда разделяла лес надвое и придавала ему угрюмую материальность. Лишь один звук нарушал колдовскую тишину вокруг — едва слышное журчание воды.

Рузаев сфотографировал ров, исчезающий в туманной глубине леса, и они побрели назад, стараясь идти бесшумно, тихо, инстинктивно ожидая появления чего-то непонятного и грозного.

В восемь часов утра позавтракали сухим пайком, сложили палатки, собираясь перебазировать лагерь подальше от рва и поближе к дороге, и услышали издалека в лесу крик. Не сговариваясь, бросились в заросли, причем практичный Рузаев успел захватить ружье.

— Везет же нам на крики! — констатировал он хладнокровно.

Это была девушка.

Она лежала навзничь у куста акации, отбросив в сторону кошелку с грибами. Правая ее рука касалась паутины, и прямо над ней сидел громадный, не круглый, а многогранный, неуловимо асимметричный черный паук, поводивший из стороны в сторону двумя передними парами лап.

Костров, бежавший первым, успел схватить ситуацию в одно мгновение, подивившись ее сходству с собственным случаем у просеки, и на бегу метнул в паука свой фотоаппарат. Паук исчез вместе с паутиной, повеяло странным сухим и горячим ветром. Иван подхватил девушку на руки и бегом направился назад, к лагерю.

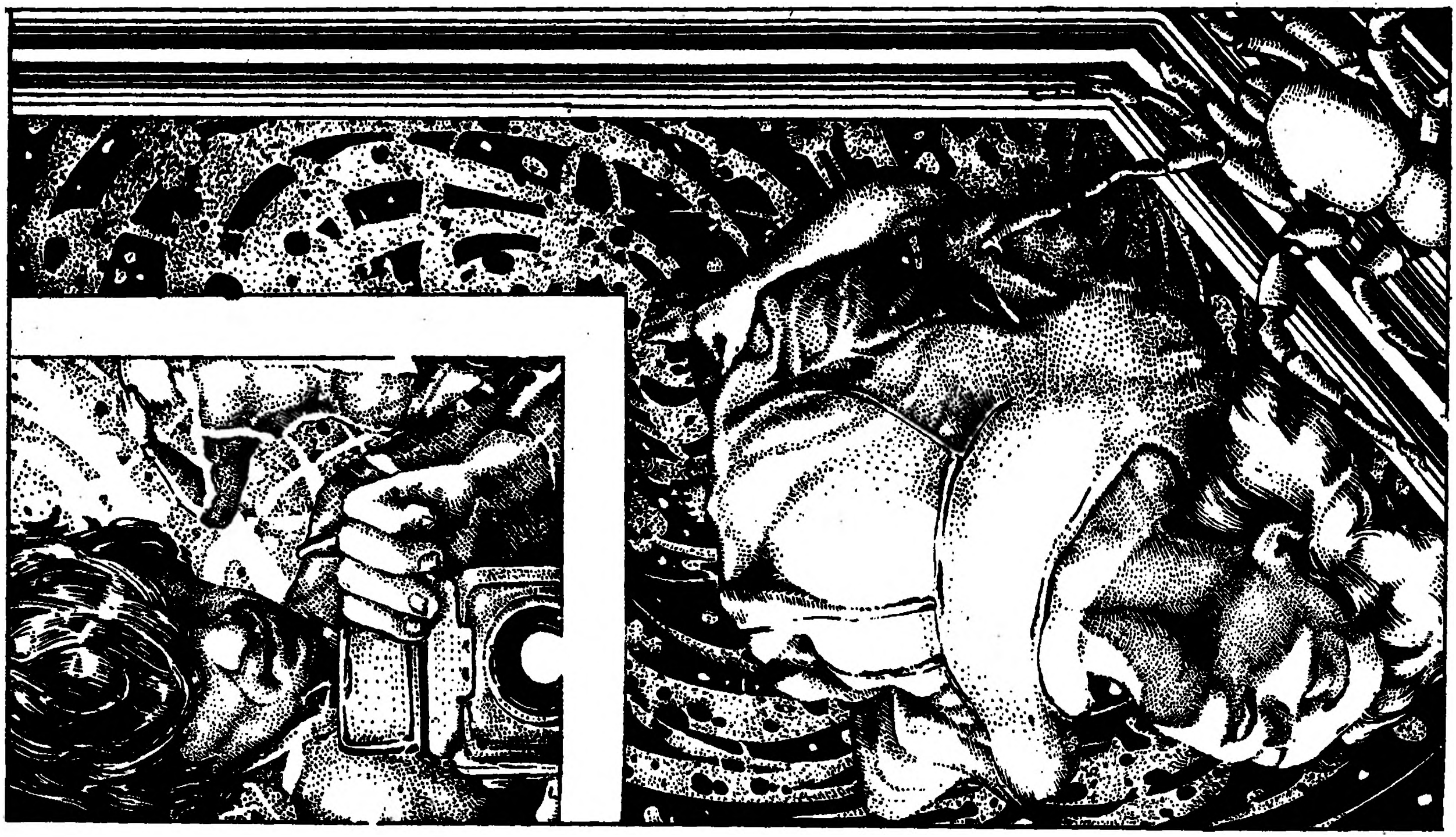
— Фотоаппарат подбери,— крикнул он Рузаеву, отмахиваясь от его помощи.

Вместе с Гаспаряном он уложил потерпевшую на брезент, подсунув под голову свернутый спальный мешок, и брызнул ей на лицо водой. Ресницы девушки дрогнули, она открыла глаза. Ужас, мелькнувший в них, сменился радостью и недоумением.

— Вы кто? — спросила она, приподнялась и села, пряча ноги под себя.

Одета она была несколько легкомысленно для лесных прогулок: в небесного цвета кофточку поверх легкого сарафана, открывающего длинные, стройные ноги. Смуглая, тонкая в талии, с волной каштановых волос, перехваченных у шеи лентой, она показалась Кострову лесной феей, разве что бедновато одетой для сказки.

— Мы исследователи,— сказал Гаспарян, деликатно отводя глаза.— Не бойтесь, здесь вы в безопасности. Меня зовут Сурен, а это,— он оглянулся на Кострова,— ваш спаситель, Иван Костров,



эксперт Центра по изучению быстропеременных явлений природы.

Костров церемонно поклонился, шаркнув ногой.

Девушка улыбнулась. Бледность с ее щек стала исчезать.

— Меня зовут Таисия, Тая... Пришла вот за грибами и... Кто это был?

— А кого вы видели?

— Сначала паутину, там их много, просто ужас! А потом паука. Он так смотрел!.. Я замахнулась на него корзиной и... и мне стало плохо. Потом... появились вы.

Эксперты переглянулись.

— За грибами теперь сюда ходить нельзя. Вы здешняя?

— Вообще-то я живу в Днепропетровске, а сюда приехала в отпуск, мои тетки живут в Жуковке.

— Похоже, весь райцентр ходит сюда по грибы,— сказал Гаспарян Кострову...— Ну что стал? Объясни Таисии ситуацию, а я схожу к Михаилу, что-то долго он твой фотоаппарат разыскивает.

Гаспарян взял из груды снаряжения щуп и скрылся в кустах.

Костров помог девушке встать и вкратце рассказал историю их появления в Брянском лесу.

— До чего интересно! — воскликнула Тая, всплеснув руками.— Я ведь журналист по образованию, работаю корреспондентом в газете. Вот уж никак не ожидала найти здесь материал!

— Этот материал пока не для газеты,— остудил ее восторги Костров.— Слишком много необъяснимого и даже опасного. Вам здесь, наверное, и оставаться-то нельзя.

— Вот еще! — Тая упрямо сжала губы.— Я уже не ребенок, сама могу решать, где мне можно быть.

— Да я не против,— миролюбиво согласился Иван.— Только ведь и мы не решаем, кто имеет право присутствовать возле запретной зоны с пауками.

— Кто у вас начальник? Этот... Сурен? — В характере Таисии, по всей видимости, одной из главных черт была решительность.

— Сурен — руководитель группы, но скоро должен прилететь Игорь Ивашура, начальник отдела.

— Вот с ним и решим, пусть приезжает.

Таисия наскоро привела себя в порядок, чувствуя взгляды Ивана, и вдруг посмотрела на него с мольбой:

— Я буду тише воды, ниже травы! Ну, пожалуйста!

Костров невольно засмеялся и махнул рукой:

— Договорились.

Из леса вышел мрачный Гаспарян, за ним бесстрастный Рузаев.

— Ну, ты даешь! — сказал начальник группы, подходя и бросая на землю щуп.

— Да, природа тебя силушкой не обидела.— Рузаев подкинул в руке плоский предмет.— Узнаешь?

— Что это? — удивилась Тая.

Рузаев остановился, потом подал черную мятую пластину.

— Несколько минут назад э т о было фотоаппаратом. Ваш спаситель метнул его в паука так, что сплющил в лепешку.

— Ерунда,— сказал Костров.— Не мог я метнуть фотоаппарат с такой силой. Там даже дерева поблизости не было — трава и паутина с пауком, так что разбивать аппарат было не обо что. А сделать из него пластину и вообще невозможно без пресса.

— Выходит, это сделал паук.

Костров посмотрел на Таю и пожал плечами.

Гаспарян заметил его взгляд и мягко отнял у девушки искалеченный фотоаппарат.

— А вам, Таисия, придется нас покинуть. Мы не имеем права рисковать чужой жизнью. Еще хорошо, что так закончилась ваша грибная охота, могло быть хуже.

— Почему это вы будете рисковать моей жизнью? Разве я сама не отвечаю за себя? Решайте свои вопросы, я вам не помешаю. К тому же, я журналист...

— Ваши... м-м... полномочия не вызывают у нас сомнения,— начал Гаспарян.— Но поймите, зона леса в этом районе действительно стала опасной. Скоро здесь, я думаю, появятся воинские части и тогда...

— Вот и прекрасно. Когда дело дойдет до официального запрещения — я возражать не стану. А пока... давайте я вам лучше помогу.

Гаспарян почесал горбинку носа, хмыкнул и сдался.

— Ну хорошо, оставайтесь, только одеты вы... м-м... не по сезону.

— Ничего, сбегаю домой, переоденусь.

Через полтора часа они перенесли лагерь на триста метров от прежней стоянки, установив палатки в нескольких шагах от заброшенной дороги. А еще через полчаса приехал Ивашура.

5

Игорь Ивашура на всех производил одинаковое впечатление. Высокий, гибкий и бесшумный, он не ходил, а подкрадывался, был постоянно настороже, словно ожидал нападения со стороны своих самых близких друзей. Лицо у него было резкое, хищное, и на нем выделялись яркие, прозрачно-желтые, «тигриные» глаза...

Ивашура не удивился, встретив их в другом месте. Выгрузив с помощью своих подчиненных какие-то громоздкие ящики, выслушал доклад Гаспаряна, сходил с ним к просеке, посмотрел на «отводный канал» и, задумавшись, присел на ящик, вертя в руках останки фотоаппарата.

— Держитесь,— шепнул Костров на ухо Тае.— Как Игорь решит, так и будет.

— Я не боюсь,— шепотом же ответила Таисия.

Костров покачал головой.

За что он уважал Ивашуру больше всего, сказать было трудно. Наверное, за умение ладить с людьми самых разнокалиберных характеров. У начальника экспертного отдела был какой-то особенный сплав такта, доброго юмора, мягкости и желания понять собеседника, и вместе с тем он был решителен, тверд в убеждениях и обладал железной волей — качеством, столь необходимым для начальника любого ранга. По-видимому, Тая тоже почувствовала в Ивашуре человека незаурядного, что Костров отметил не без укола ревности. Она рассматривала начальника отдела с любопытством и опаской, потом тихонько отошла за палатки.

— Тут грибов в лесу тьма,— подошел к ним водитель «рафика», усатый, небритый и веселый — рубашка нараспашку.— Вы долго стоять будете? А то я полазаю полчасика с ведерком...

— Ни в коем разе,— буркнул Гаспарян.— В лес ходить опасно. Можете посмотреть издали, что там творится, и назад. Миша, покажи ему.

Рузаев увел недоверчиво улыбающегося водителя и через четверть часа привел обратно, бледного и растерянного.

— Так! — сказал Ивашура.— Ждите меня к вечеру. Ничего без меня не предпринимайте.

И через минуту юркий «рафик» скрылся за поворотом.

Ивашура быстро принимал решения и быстро выполнял их. Таю он, вероятно, не заметил, хотя, по мнению Кострова, она была этому только рада.

— Какой-то он у вас... жесткий,— сказала она со смешком.

— Да нет,— вздохнул Костров.— Он просто встревожен.

Вспомнился разговор с Суреном еще в самом начале его научной карьеры в отделе.

— Красивый мужик,— со вздохом признался тогда Гаспарян после знакомства с новым начальником отдела, хотя ему-то как раз грех было жаловаться: почти все девушки отдела были в него тайно влюблены. Но Костров с ним согласился. Ивашура был красив по-мужски, целеустремленной красотой, он был гармоничен всегда и во всем, а это, по мнению Кострова, было главным в человеке. Нет, не зря Тая обратила внимание на Игоря Ивашуру, власть его над людьми была удивительна и неповторима.

— Вот так,— сказал Рузаев и повалился столбом в траву.— Приказано ничего не предпринимать, а я человек дисциплинированный. Люблю бабье лето! Воздух в лесу: дыши — не хочу! Насовсем в деревню уехать, что ли?

— От твоих сигарет деревня за неделю покроется смогом! —

проворчал Гаспарян.— Вон как смолишь — пачку в час! Первый раз вижу эвенка, курящего сигареты, а не трубку.

— Брошу курить. Не веришь? Вот докурю... пачку... и брошу. Буду жить один, распашу поле, сохой, на оленях... посажу картошку, капусту...

— Ягель,— подсказал Костров.

Рузаев и ухом не повел.

— Заведу корову, пару баранов, олешков и буду покорять природу голыми руками, без техники.

— Покоритель! Владыка, так сказать, лесов, морей и рек. Города мы уже превратили в сточные ямы цивилизации, моря, кажется, тоже прибрали к рукам, очередь за последней деревней, за полями и лесами...

— Ты что, Сурен? — удивился Костров.— Лекцию читаешь? Или вспомнил обязанности члена общества охраны природы?

— От окружающей среды,— хихикнул Рузаев.

— Двое на одного? — Гаспарян расстегнул свою куртку и покосился на привезенный Ивашурой ящик.— Между прочим, Игорь был-таки в больнице и расспросил пилотов упавшего вертолета. Симптомы те же: они вдруг почувствовали себя плохо, а вертолет потерял управление и врезался в дерево. Чудо еще, что остались живы.

— Инфразвук,— подал голос из травы Рузаев.

— Очевидно. Какие еще причины могут заставить двух здоровенных мужиков потерять сознание? Так что будем делать до вечера, эксперты?

— Лично я буду загорать,— сонным голосом отозвался Рузаев.

— Надо бы разобрать новый груз,— заметил Костров.— Интересно, что привез Игорь?

— Эврика! Вставай, Михаил, отдыхать будешь в институте.

— Не хочу,— сказал Рузаев, однако спустя минуту встал.

— А я пока схожу переоденусь,— сказала Тая.— И вернусь.

— Лучше бы вы, Таисия...— начал недовольно Гаспарян, но посмотрел на Кострова и замолчал.

— Я ее провожу,— буркнул тот.— Вы тут без меня справитесь.

— Хорош! — развеселился Рузаев.— Идеи подавать мастер, а осуществлять их должна Маргарита. Я шучу.— Он похлопал Кострова по плечу, повернулся к начальнику группы.— Справимся, Сурен?

— Иди,— нехотя проговорил Гаспарян.— Только побыстрей возвращайся. И уговори ее остаться дома.

— Не прощаюсь,— звонко засмеялась Тая и взяла Кострова под руку.— Пойдемте, рыцарь.

Они ушли.

— Красивая девочка,— вздохнул Рузаев.— И, видать, еще не испорчена мужским вниманием.

— Да,— согласился Гаспарян и подумал об Ивашуре.— Они с Иваном чем-то похожи, да? Волосами особенно.

— Миша,— через некоторое время позвал он,— у тебя дети есть?

— Дочка, Галина.— Рузаев, прищурясь, посмотрел на товарища.— А что?

— Да это я так, к слову... Сколько ей?

— Двадцать четвертый пошел.

— Да ну? — поразился Гаспарян.— Это сколько же тогда тебе?

— Сорок семь. Что, хорошо выгляжу?

Гаспарян покачал головой.

— Я думал, ты мой ровесник, мне тридцать четыре...

Костров вернулся к обеду, без Таисии. Она пообещала прийти к вечеру и побежала на вокзал сдавать билет.

Подходя к биваку, Иван заметил за редким сосняком у дороги двухвинтовой вертолет и поспешил к палаткам. За время его отсутствия возле лагеря побывала какая-то автомашина, это он определил по отпечаткам шин, а вертолет был двухместный, легкий — Ка-18.

Возле их оранжево-синей палатки стоял Гаспарян и разговаривал с двумя незнакомцами в серых брезентовых спецовках.

— Понятно,— сказал один из них, плотный, с ежиком седых волос.— Доложу начальству, пусть решает. Поехали, Витя.

Очкастый долговязый Витя мотнул головой, отвечая на приветствие Кострова, и зарысил к вертолету.

— Это наш сотрудник, Иван Костров,— представил Ивана Гаспарян.

— Матвеев,— протянул руку седой.— Странные тут у вас дела творятся, товарищи ученые. Ну да ладно, еще не раз сюда приеду, чует мое сердце. Пока...

Вертолет улетел.

— Электрики? — спросил Костров.

— Начальник дежурной смены Жуковской подстанции,— буркнул Гаспарян. У него отчего-то испортилось настроение.

— А еще кто приезжал? Я видел на дороге следы машины...

— Случайные гости. Проехали мимо, в лес.

— А где Михаил?

— Тут я,— ответил из палатки Рузаев.— Пришли?

— Я один.

Рузаев выглянул.

— Уговорил-таки остаться? Молодец! Я был о тебе лучшего мнения.

— Не уговорил, обещала прийти вечером.

— Тогда другое дело,— хмыкнул Рузаев и снова скрылся.

— Зачем хоть электрики прилетали?

— Утечка возросла,— очнулся от раздумий Гаспарян.— Напряжение в сети «село» почти на десять процентов. Если так пойдет и дальше, придется воевать с пауками всерьез, иначе район останется без электричества.

Костров изучающе посмотрел на озабоченное лицо Сурена. Таким он его еще не видел. Сдержанная насмешливость Гаспаряна куда-то исчезла, уступив место угрюмой нерешительности и тревоге. В подобной ситуации никто из них не был, но Гаспарян интуитивно чувствовал серьезную опасность паучьего нашествия и мучался сомнениями относительно правильности своих действий, хотя уже понимал, что инициатива перешла в руки Ивашуры, а сам он, по сути дела, ничего толкового не придумал и не сделал.

Костров сунул голову под полог палатки и шепотом спросил Рузаева, перезаряжающего фотоаппарат:

— Что это Сур ходит, как под наркозом? Что тут у вас произошло?

— Ничего,— сказал из-под одеяла Рузаев и добавил, понизив голос: — Просто в нем сейчас умирает лирик.

Костров почувствовал в словах Михаила дружеский совет не мешать и буркнул:

— Понял.

Взяв из ящика складывающийся электрозонд и электрометр, он сказал в спину Гаспаряну, что идет в лес.

В паучьем «логове» ничего не изменилось, если не считать того, что площадь, занимаемая паутинами, увеличилась. Пауки принялись застраивать Скрабовку и кое-где пересекали дорогу недалеко от старого места расположения лагеря.

Костров наблюдал за «каналом», снабжающим паучий «город» водой, пробрался к просеке со стороны болота, стараясь думать о пауках «приятно», и долго всматривался в белое мерцание паутинных башен, взобравшихся по опорам линии электропередачи до гроздей керамических изоляторов. «Вот откуда утечка на линии,— подумал он.— Паутина проводит ток в землю...»

Ни одно движение не нарушало мертвой неподвижности леса и паутинного царства, и это было странно, потому что Кострова не покидало ощущение, что за ним наблюдают чьи-то внимательные глаза. Сторожат, подумал он, преодолевая искушение швырнуть в кусты зонд. Пусть сторожат, я мирный прохожий... Повернувшись к просеке спиной, он не спеша двинулся обратно, ожидая «оклика» или «выстрела в спину». Напряжение постепенно ушло, неслышимое ворчание сторожа втянулось в лес, ощущение взгляда со стороны прошло.

Костров вытер холодный пот со лба и ускорил шаг.

Вечерело, когда он, закончив разведку, подходил к палаткам. Откуда-то из-за кустов доносилось бормотание мотора, и Костров понял, что вернулся начальник отдела.

Ивашура приехал не один. Вместе с ним на зеленом с синей полосой «уазике» прибыл невысокий худой майор милиции с двумя молодыми людьми в штатском. Они действовали расторопно, записали рассказ Гаспаряна на диктофон, и Рузаев, свыкшийся с ролью проводника, увел их в лес.

— Только недолго,— крикнул им вслед Ивашура.— Скоро стемнеет.

— А что делать нам? — спросил Гаспарян, несколько повеселевший после прибытия гостей.

— Сегодня — только регистрация фона вокруг зоны с паутинами, а завтра — посмотрим. Хорошо бы, конечно, отловить пару экземпляров, специалисты быстро разобрались бы, откуда эти пришельцы. Не пытались ловить?

— Пробовали, однако,— вмешался вынырнувший из леса Рузаев.— Но встречаются они довольно редко, и реакция у них поистине космическая, да и ловить их небезопасно.

— Куда ты дел районное начальство УВД? — вполголоса спросил Гаспарян.

— Они пожелали остаться одни, дальше обещали не заходить.

— А почему пауков ловить небезопасно? — поинтересовался Ивашура.— Из-за инфразвука?

Рузаев напомнил ему случай с фотоаппаратом Кострова.

— Ну, это не аргумент,— махнул рукой начальник отдела,— Иван, как это было?

Костров рассказал, не зная, как относиться к случившемуся: с иронией или серьезно.

— Когда я его бросил,— вспомнил он вдруг,— в лицо мне пахнуло горячим воздухом. Как из... духовки.

— Любопытно. Что скажет по этому поводу металловед?

— Насчет горячего воздуха ничего, а вообще — хорошо бы этот фотоаппарат отдать в нашу лабораторию,— проговорил Гаспарян, раздувая костер и умудряясь при этом оставаться чистым и франтоватым.— Нужен всесторонний анализ. Но все же считаю, что Иван не мог с такой силой метнуть аппарат, чтобы сплющить его в лепешку. Для этого нужен удар силой в пару сотен килограммов, если не больше.

— И я сомневаюсь,— пробормотал Костров.— Разве можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты?

— Маловато,— вздохнул Ивашура.— Маловато мы еще узнали, больше сомнений, чем знаний.

— Знания — это сомнения, оставшиеся неопровергнутыми,—

изрек Рузаев известный афоризм, но вопреки его надеждам никто не откликнулся на шутку.

Ивашура легко вскочил с места, спрятал записную книжку в карман.

— Что ж, займемся ужином, надо накормить гостей. Я, пожалуй, пойду им навстречу, а вы тут похозяйничайте.

Рузаев с Костровым быстро приготовили немудреный ужин: консервы, малосольные огурцы, привезенные Ивашурой, сгущенное молоко. Гаспарян вскипятил чай.

Солнце зашло за щетинистый гребень леса, поляну у дороги пересекли длинные тени от высоких сосен. С запада на небосклон набегала гряда не слишком симпатичных облаков, и Рузаев со знанием дела предсказал скорое изменение погоды.

— Если пойдут дожди, завязнем в грязи,— поморщился Гаспарян, посматривая на часы.— Где же они там?

— Кто, дожди?

— Не издевайся, я о гостях. Зря ты отпустил их одних, Михаил, еще случится что-нибудь...

Костров тоже посмотрел на часы, но по другой причине. Таи все еще не было, и он уже начал беспокоиться, не случилось ли с ней чего-нибудь по дороге к лагерю.

Рузаев встал, собираясь пойти на розыски ушедших, но в это время из леса донесся знакомый жуткий вопль, всколыхнувший торжественную тишину вечера.

— Эт-то еще зачем?! — изменился в лице Гаспарян.— Засекли, в какой стороне?

Однако в их помощи никто не нуждался. Через несколько минут со стороны реки послышались голоса, и к палаткам вышли все четверо: слегка улыбающийся Ивашура, растерянный майор милиции и оживленно разговаривающие парни.

— Мы уже хотели бежать на помощь,— сказал Костров.

— Дьявольщина! — хрипловато произнес майор, снимая фуражку и обнажая под ней лысину.— Вы были правы, Игорь Васильевич. Поехали, ребята.

— А ужин? — спросил разочарованный Рузаев.

— Какой там ужин! — махнул рукой майор.— Некогда ужинать. Да, братцы, задали вы нам задачку!

— Разве мы? — весело удивился Ивашура.— Скорее уж, с вас все началось, после аварии вертолета. Так я надеюсь, вы примете меры?

— Как и договаривались.

Майор еще раз махнул рукой, попрощался и полез в «уазик». Машина уехала, эксперты снова остались вчетвером.

Поужинав, Костров отмерил по дороге несколько километров в сторону райцентра, но Таи так и не встретил.

Укладываясь спать, Рузаев посмотрел на мрачную физиономию товарища и подмигнул остальным.

— Будь оптимистом, Иван. Не пришла сегодня, придет завтра. Однако будь осторожен, история учит, что красивая женщина — это в основном голод любви, жажда самовыражения и неоправданные надежды.

— О ком вы? — сверкнул в полутьме рысьим глазом Ивашура.

— Да о той девушке, которую Иван спас от пауков,— пояснил Гаспарян.— Фотоаппарат не пожалел и нести никому не позволил. А фотоаппарат, между прочим, вещь подотчетная.

В палатке установилась тишина, нарушаемая только дыханием людей. Снаружи палатки тоже царила тишина: ветер стих, и лес перестал шуметь, замер в мертвом оцепенении.

— Нет ли тут связи? — подал через некоторое время голос Гаспарян.— Между нашими мыслями и действиями пауков?

— Поясни,— коротко отозвался Ивашура.

— Возьми случай с Иваном: он подумал, что неплохо бы поджечь лес с пауками, и... потерял сознание от инфразвукового удара. Есть даже запись в ЗЗУ. Потом эта девушка, Таисия. По ее словам, она замахнулась на паука и тоже потеряла сознание. Симптомы те же. Затем — пилоты... Все совпадает до мелочей. Сегодня утром и я попробовал...— он замолчал.

— Что ж не предупредил? — укоризненно проговорил Рузаев.

— Не хотел рисковать всеми. Сознания не терял, но почувствовал себя плохо именно в тот момент, когда подумал об уничтожении пауков. Интересно, что ЗЗУ записала вместе с инфразвуком и ультразвуковое эхо. Хочешь — не хочешь, а напрашивается вывод, что паукам не нравится наше вмешательство в их дела, даже мысленное. Каким-то образом они чуют угрозу с нашей стороны и отвечают тем же.

— Пауки-телепаты,— фыркнул Костров, вылезая из палатки.— А красиво светится,— сказал он минуту спустя.

— Что там у тебя светится? — спросил Ивашура.

— Не у него — воздух над просекой,— пробормотал Гаспарян.

6

Разбудил их дождь, хлеставший по палатке, как из двух пожарных шлангов. Костров посмотрел на часы — светящиеся цифры показывали семь утра — и выглянул из палатки. Небо было затянуто сплошной серой мутью, прочерченной кое-где космами ливня. Пелена дождя размыла лес в акварельный пейзаж, вылезать в такую мокрядь не хотелось.

Однако пришлось. Предусмотрительный Ивашура достал всем

армейские плащ-накидки из привезенного накануне запаса, и даже ворчливый Гаспарян примирился с непогодой.

После девяти часов колесо событий, несмотря на продолжающийся дождь, закрутилось с ошеломляющей скоростью.

Сначала из районного центра прибыли три грузовика со взводом солдат местного гарнизона. Солдаты в мгновение ока поставили рядом с палаткой экспертов две свои, громадные, тридцатиместные, раскочегарили кухню, поставили умывальники, навес для столовой и, выслушав инструктаж, исчезли в лесу, растягиваясь в оцепление. В лагере остались только дежурные кухонного наряда и один дневальный на обе палатки.

Потом примчался вездеход на воздушной подушке и привез Матвеева, знакомого уже начальника смены с подстанции, и с ним — почти всю его смену электриков, четыре человека. Настроены они были решительно, но, выслушав советы Гаспаряна, ушли в лес уже менее бодро. Сопровождал их Рузаев. А еще через полчаса прибыл громадный бело-синий вертолет и привез научного директора Центра Богаева и группу ученых из областного отделения Академии наук. Поляна запестрела разномастными плащами и даже зонтиками.

Во всех этих событиях чувствовалось влияние Ивашуры, его умение доказать необходимость этих мероприятий, и Костров в который раз признал в душе его превосходство над собой. Ивашура в свои неполные тридцать лет был личностью незаурядной. Все эти и другие мысли промелькнули в голове у Кострова в тот момент, когда он увидел в кабине вездехода Таю. Она издали помахала ему рукой и ушла вслед за основной группой «экскурсантов».

За день еще дважды прибывали машины из города, привозили каких-то людей, видимо, представителей местных властей. Поляна, где эксперты разбили лагерь, преобразилась и стала походить на военно-полевой штаб. Движение заметно оживилось.

Солдаты закончили растягивание трехкилометровой зоны проволочного заграждения с грозными табличками: «Стой! Запретная зона! Опасно для жизни!»

Рузаев с вертолетчиками подстанции опустился на их машине к центру просеки и сфотографировал лес сверху. Вернулся он с непривычным рассеянным видом, а на вопросы товарищей отвечал:

— Пауки строят крытый стадион...

Несколько раз в лесу слышались дикие, ни с чем не сравнимые крики, уже знакомые экспертам. Эти крики заставили гостей отнестись к странной паучьей деятельности со вниманием. К тому же двое солдат из оцепления почувствовали себя плохо, и оцепление отодвинули от проволочного забора еще на сто метров.

Вечером в одной из больших палаток состоялась короткая «пресс-конференция», подготовленная Ивашурой. На ней присут-

ствовали ученые мужи, представители райисполкома, командиры воинской части, корреспондент АПН и эксперты Центра.

— Я думаю, настало время скоординировать наши действия,— картавя, начал Богаев, низкорослый, полный, круглолицый.— Мы полагаем с завтрашнего дня начать тщательное исследование феномена с привлечением всех лабораторий Центра, имеются в виду биологические лаборатории. Но нужны специалисты в области арахнологии, экологии, палеозоологии. Надеюсь, в этом нам поможет Академия наук.

— Непременно,— быстро ответил багроволицый, тучный академик Зиновьев, то и дело вытиравший лицо платком.— Это же чудовищное, небывалое явление! Я такого не припомню за все полвека моей научной деятельности, да-с.

— Сколько же времени вы думаете исследовать пауков? — задал вопрос заместитель председателя райисполкома.

Богаев развел руками.

— Этого я вам сказать не могу. Явление очень редкое, ранее не наблюдавшееся. Нужен острожный, тщательно продуманный подход, всесторонний анализ.

— Да какой еще анализ! — вскочил представитель райсовета.— Район получает крохи электроэнергии, в домах нет света! Скоро остановятся заводы, асфальтовый и велосипедный, лесозаготовительные комплексы! Фермы без света тоже не смогут работать! Вы представляете масштаб вашего «научного явления»? Не строить же другую ЛЭП, пока вы будете изучать пауков!

— Что вы предлагаете конкретно? — спросил Ивашура.

— Что тут предлагать? Очистить линию от паутины, отогнать пауков, коль уж они у вас воду пьют и электричеством пользуются.

— Сделать это, к сожалению, непросто. К просеке сейчас не подойти, пауки отпугивают людей инфразвуком.

— Ей-богу, верится с трудом,— проговорил Зиновьев,— хотя я и сам убедился. Как пауки генерируют инфразвук, каким образом отводят электроэнергию, зачем она им нужна — сплошные загадки.

— Верно... странные паутины... прочные... вода куда-то девается... пауки величиной с собаку! — раздались голоса.

— Вот-вот, а вы обратили внимание на конструкцию паутины? Ведь ни в какую теорию не лезет! Паучий «город», да и только! Так что, извините, исследовать сие явление нужно и должно,— повернулся академик к руководителю райцентра.— Как вы помните, электрики уже пытались сбить паутину с проводов ЛЭП, и вертолет с ними потерпел аварию. Где гарантии, что с другими не произойдет то же самое?

— И все же надо что-то делать,— буркнул представитель рай-

совета.— Так это оставлять нельзя. Нешуточное же дело,— заволновался он снова.— Да с нас же народ, общественность голову снимет, если мы обесточим район!

Богаев усмехнулся, обвел сидящих на солдатских койках прищуренными глазами.

— Прошу высказываться, товарищи. Может быть, у кого-нибудь есть гипотезы, которые смогут пролить свет на вторжение пауков? Жаль, среди нас нет арахнологов...

— Арахнологов, действительно, нет,— подтвердил Ивашура,— приедут завтра, но есть зоологи.

— А что с них толку? — под общий смех сказал Зиновьев.— Я тоже зоолог, ну и что? Я даже пауков не видел, только паутины да ров с водой. Может, это сделали вовсе и не пауки?

— Пауки, пауки,— успокоил его Ивашура.— Тут недалеко наши сотрудники в походных условиях делают фотографии, снимали они много, скоро принесут.— Он нашел глазами Кострова.— Сходи, узнай, как там дела у Михаила.

Иван сходил в палатку к Рузаеву и принес пачку мокрых отпечатков — сушить их было негде. Фотографии разошлись по рукам, в палатке раздались удивленные возгласы, говор двух десятков людей.

— Насмотрелись? — спросил Ивашура у Зиновьева, разглядывающего не очень качественную фотографию паука.

— Насмотрелся,— вздохнул тот.— Это не пауки. По форме они близки к сольпугам из семейства фаланг, но и не сольпуги... Помесь какая-то...

— Знаете,— слегка заикаясь, сказал молодой ученый-зоолог, сотрудник Центра,— ведь этот паук похож на прапаука, древнейшего паука из верхнего силура.

— Силурийский паук? — с сомнением произнес Зиновьев.— Реликт, так сказать? Не знаю, не знаю...

— Похож,— вмешался кто-то из сидящих.— Недавно читал статью Барановского в «Природе». Там приводилась фотография, вернее, реконструкция предка современных паукообразных. Ваш паук как две капли воды похож на того.

— Не знаю, не знаю...— повторил Зиновьев, упрямо покачивая головой.— Ни один из пауков древности не достигал таких размеров.

В палатке наступила тишина.

— Ну хорошо, пусть прапауки, пусть силурийские пауки, вымершие, кстати, более четырехсот миллионов лет назад,— продолжал академик.— Что это нам дает? Откуда они? И почему именно здесь, в брянских лесах? Почему в зоне умеренного климата?

— Вопрос некорректен,— мягко сказал Ивашура.— Все равно,

что спросить: почему материальное тело состоит из атомов? Аксиома...

— Не так уж и некорректен,— не удержался Костров, чувствуя рядом локоть Таи.— Возможно, в силурийском периоде зона умеренного климата была зоной полупустынь и субтропиков, а наши пауки «не знали», что климат изменился, и явились на старое место обитания...

— Это скорее фантастический экзерсис,— улыбнулся Ивашура,— нежели научное предположение. А для окончательного вывода требуется мнение специалиста-арахнолога, не в укор всем будет сказано. Что касается уничтожения пауков...— он не договорил.

Совсем близко, за тонкими намокшими стенками палатки, пугающе громко раздался длинный пронзительный вой, прервавшийся на высокой ноте. В нем явственно прозвучала угроза и холодный вызов.

Все вскочили с мест. Тая вцепилась Кострову в руку.

За стенками послышалась команда и удаляющийся топот.

— Что это?! — спросил в наступившей тишине Зиновьев.— Третий раз слышу!

— Ответ пауков,— спокойно сказал Ивашура,— дружеский совет их не трогать.

7

Последующие дни были заняты суетой, связанной с размещением прибывающих специалистов всех рангов, изучением реакции пауков на действия людей и спорами ученых, предложивших несколько гипотез и отстаивающих каждый свою.

Костров как старожил нес службу проводника одного из малых исследовательских отрядов, в который входили немолодой кандидат биологических наук, один из электриков, норовивший все потрогать своими руками, старик Гришин, профессор экологии Московского университета, и эксперт Валера из отдела Ивашуры, чрезвычайно энергичный и любознательный. Из-за его рассеянности Костров все время вынужден был держаться начеку, так как олицетворял собой силы безопасности отряда и отвечал за действия и здоровье каждого целиком и полностью. А Валера — маленький, кругленький, как шарик для пинг-понга, в очередной раз выброшенный стальной рукой Кострова из скопления паутин,— только помаргивал белесыми ресницами, продолжая глазеть по сторонам и забывая о самой элементарной осторожности. Зато у него была своя «выстраданная» гипотеза, о которой он любил размышлять вслух.

— Вы знаете, у него в самом деле интересная гипотеза,— приз-

нался как-то Кострову сухопарый медлительный Гришин.— Я все чаще прихожу к выводу, что этот молодой человек в чем-то прав.

— В чем же? В том, что человечество «нарушило тонкую структуру времени» и от этого образовался канал, по которому пауки из силурийского периода «прорвались» в наше время?

Гришин уловил в голосе Ивана иронию, но остался спокойным.

Они стояли на бугре, поросшем тонкими дубками. Под ногами шуршали опавшие листья, сплошным слоем усеявшие землю. В лощине у одной из паутин, сплетенной пауками совсем недавно, возились с приборами биолог и электрик, а эксперт Валера стоял на коленях возле пустого муравейника и размышлял о чем-то вслух.

— Нет, в пришельцев из чужих времен я не верю,— ответил Гришин.— Много неувязок, идея бездоказательна, хотя небезынтересна. Понимаете, ни прапауки, ни пауки сегодняшнего дня не живут колониями, как муравьи, например. А тут налицо паучья колония! Нонсенс! Пауки — хищные насекомые! Главное, однако, не в этом. Вам не кажется символичным, что пауки появились в самом чистом — экологически чистом — уголке земной природы?

— Не знаю,— осторожно сказал Костров, не понимая, куда клонит Гришин.— Вы считаете, что центр Брянского леса — наиболее подходящее для пауков место? Или оно выбрано ими разумно?

— Разумно — не то слово, хотя стоит задуматься над тем, что заставило пауков трудиться коллективно. Я хочу сказать, что пауки — живородящие твари, они не могли вылупиться из яиц, пролежавших в земле сотни миллионов лет. Понимаете?

— Тогда Валера прав, и пауки появились здесь через «тоннель времени»...

Гришин с неопределенной гримасой покачал головой.

— Дался вам этот «тоннель»... Вы упомянули о «разумности» пауков...

— Коллектива пауков.

— Разумеется. Так вот, если бы этот коллектив был разумен, он никогда бы не выбрал для развития Брянский лес, да и вообще умеренные широты. Нет-нет, пауки появились в здешних местах случайно, будьте уверены.

— Почему вы так думаете?

— Вы замеряли температуру поближе к паутинному скоплению? Вижу, что нет. А мои коллеги замерили, и оказалось, что под паутинным пологом температура на пятнадцать-двадцать градусов выше, чем в среднем по лесу!

— Микроклимат? — хмыкнул Костров, вспоминая свой бредовый сон.

— Верно, микроклимат. Пауки строят себе дом по всем правилам строительного искусства, с отоплением от линии электропередачи и водопроводом.

— Тогда следует принять за аксиому, что они-таки разумны.— Костров пожал плечами.— Почему бы и нет? У Валеры есть еще одна гипотеза, что пауки пожаловали к нам из «соседнего измерения».

Гришин поморщился.

— Несерьезно. Валера в этой гипотезе не оригинален, о соседних измерениях, по-моему, даже фантасты перестали писать. Пауки действуют целесообразно, это верно, но называть их действия разумными я бы не стал. Их строительная деятельность — наверняка проявление какого-то сложного инстинкта, о котором мы не имеем ни малейшего представления. Не будете же вы отрицать, что в природе существуют примеры подобных явлений, которые мы, однако, не причисляем к разумным.

— Но что строят пауки? Масштаб их деятельности не так уж мал.

— Что? Убежища, например, «город», так сказать. Близится зимний период, холода, вот они и спешат. Это самое простое и, может быть, самое близкое к истине объяснение. А может быть, они ищут способ вернуться туда, откуда прибыли, ведь появились же они откуда-то, из какой-то странной экологической ниши? Видите, и я вслед за вами начал фантазировать.

— И совсем неплохо,— похвалил Костров.— Экологическая ниша, заселенная силурийскими пауками, «замороженная» в веках в Брянских лесах и открывшаяся сегодня! Совсем неплохо! Только какая причина заставила ее раскапсулироваться?

Гришин развел руками.

— Чего не знаю, того не знаю. Давайте догоним наших коллег, они уже ушли вперед. Кстати, мне послышался возглас Валеры...

Костров огляделся и бросился в лощину. Возле паутинной «башни» он нашел Валеру, замершего в странном ожидании: глаза расширены, взгляд устремлен в бесконечность, лицо бледное, лоб покрыт испариной.

Костров тронул его за плечо, и Валера безвольно упал, словно мягкая тряпичная кукла. Испугавшись, Иван позвал остальных и принялся делать парню искусственное дыхание. Втроем они с трудом привели молодого эксперта в чувство. Очнувшись, тот бессмысленным взором обвел встревоженных товарищей, кусты и, пробормотав что-то о «немыслимой жаре, древних папоротниках», пожаловался на сильную головную боль.

Пришлось возвращаться в лагерь и оставить пострадавшего под присмотром добровольной медсестры — Таи.

— Инфразвук? — спросил Ивашура, отведя их в сторону.

— Не похоже,— ответил Костров.— Мы бы тоже почувствовали.

— Тогда электрошок. Замерили электрическое поле в том месте?

Костров переглянулся с Гришиным и виновато опустил голову.

— Не догадался.

Ивашура нахмурился.

— Несерьезно, Иван.

Костров слегка покраснел под изучающим взглядом Гришина и вдруг неожиданно для себя самого рассказал им свой странный сон — «путешествие во времени» — и присоединил слова Валеры о жаре и папоротниках.

— М-да-а...— протянул Гришин.— Как, вы говорите, выглядели эти деревья?

— Высокие стройные колонны, пушистые, словно в шерсти, с пучками больших «перьев» на вершинах.

— Похожи на кордаиты или на сигиллярии, но не совсем...

— Вы что же, всерьез полагаете, что Иван побывал в девонском периоде? — прищурился Ивашура.

— Не думаю, но... чего только не приходит в голову при близком знакомстве с пауками. А «сон» Кострова, кстати, не лишен здравого смысла. Наши пауки не зря создают себе микроклимат, значит, привыкли к более жаркому климату. Там же, где, по словам Ивана... ээ, Петровича, он оказался, было очень жарко. Совпадение?

Ивашура задумался, вздохнул и отошел. Как-то само собой получилось, что он стал начальником комплексной экспедиции и взял на свои плечи всю полноту ответственности. В реальность «сна» Кострова он не поверил, как не верил и сам Иван. Слишком уж сказочным было допущение «путешествия во времени». Скорее всего, «сон» был галлюцинацией, вызванной инфразвуковым ударом или электрошоком. То же самое случилось, очевидно, и с Валерой...

Погода не менялась. Целыми днями моросил мелкий, занудливый дождь, превративший дорогу в грязевой поток. Все ходили мокрые, измазанные торфом, глиной и зеленью. Одежда не успевала просыхать за ночь, и приходилось с отвращением натягивать на себя распаренные сырые брюки, рубашку и куртку. Один Гаспарян сохранял вид «столичной штучки» и ходил сухой, словно переодевался каждый час.

Тая раздобыла где-то палатку и переносила тяготы походной жизни вместе с остальными, не обращая внимания на уговоры новых друзей «беречь здоровье в городе».

— Всем известно, что на природе здоровей,— смеялась она.

Когда в четверг, на шестой день пребывания ученых у паучьего «города», Костров вернулся с вечерней бесплодной прогулки, Таи в палатке не было. Обнаружив, что Ивашуры тоже нет, он швырнул в угол свою куртку и принялся насвистывать невеселую мелодию, прикидывая, где в это время может находиться начальник отдела.

— Паук укусил? — негромко осведомился Рузаев.

— Если бы,— вздохнул Костров, залезая в сырой спальный мешок.— Миша, извини за любопытство, ты женат?

Рузаев помолчал.

— Второй любопытный. Неужели я так плохо выгляжу?

— Да нет,— смутился Костров.— Я вообще...

— Ну, если вообще, то прощаю. Кстати, как у тебя с Таей?

— А никак... не знаю, как. Мы, по сути дела, незнакомы. Закончим расследование и разъедемся в разные стороны...

Рузаев несколько минут размышлял.

— Знаешь, парень,— сказал он наконец серьезно.— Есть одно мудрое изречение: «Научи меня, господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых».

Рузаев поворочался и затих.

— Философ! — раздался из-под одеяла глухой голос Гаспаряна: он тоже не спал.— Научил мудрости... Внемли, Иван, иной раз и философ может дать хороший совет.

Костров улегся и стал смотреть на полог палатки, освещенный прожектором. Неподалеку слышались голоса, позвякивание, фыркание мотора, шаги: жизнь военного лагеря шла своим чередом.

Не каждому дано мыслить глобально, думал Костров, вспоминая свои поступки, разговоры, решения. Не от этого ли появляется иногда смутное недовольство собой, мелкостью собственных желаний и решаемых проблем? Ну хорошо, допустим, Игорь Ивашура масштабней, умнее, сильнее и так далее, допустим. Означает ли это, что на его фоне я выгляжу бледно? Или он колдун, раз Тая все чаще обращает на него внимание? Научи меня, Господь, спокойно воспринимать события... неподвластные мне события... А какие события мне неподвластны? Разве я не могу изменить положение в свою пользу? Впрочем, изменять пока нечего, не надо спешить с выводами. Ивашура не настолько слеп, чтобы не заметить красивой девушки, а если он все-таки ее не замечает, то это не его идеал... И хватит об этом! Миша дал прекрасную идею, и единственная его ошибка в том, что на Господа Бога уповать не надо. Если я не научу себя сам, никто другой мне не поможет... Гораздо сложней решить проблему пауков! Откуда они, почему появились в здешних местах, как с ними «договориться»...

Уснул он незаметно и не видел, когда вернулся Ивашура.

Начальник отдела разделся, включил фонарь и долго разглядывал спящих в палатке, словно удивляясь чему-то. Кострову в это время снились жуткие «оскалы паучьих морд», Тая, бьющаяся в паутине, а также Игорь Ивашура с ружьем, отстреливающийся от «лавины» пауков...

8

В четвертом часу ночи шум возле палаток заставил всех проснуться. Ивашура второпях оделся и пошел узнавать, в чем дело. Вернулся он быстро.

— Вставайте.

— Что там такое? — сквозь зевоту спросил Гаспарян.

— Район полностью обесточен. Приехал первый секретарь Жуковского райкома Глазунов. В общем, подъем!

Костров оделся быстрее всех и выскочил из палатки. Дождя не было, но воздух был сырым и холодным, из-под ног брызгала вода. Над лесом в районе болота висело облако прозрачного голубоватого свечения.

На дороге в отсвете фар Иван увидел «Волгу», в пятне прожектора у военных палаток сновали какие-то люди, слышался гул множества голосов. Из «гражданских» палаток выходили ученые и шли на освещенное место, как мошки на огонь.

— Такое дело, товарищи,— говорили высокий, узкогубый и крупноносый мужчина с непокрытой седой головой.— В районе нет света, линия электропередачи замкнута. Наши специалисты прошли по всей трассе на вертолете — не верилось, что пауки забирают всю энергию,— но обрывов нигде нет, значит, дело в пауках. Нужно принимать срочные меры! Завтра из Москвы прилетит комиссия, а мне дали полномочия решать вопросы на месте любым способом. Если надо очистить ЛЭП от пауков, значит, будем очищать.

Ивашура протиснулся сквозь толпу к говорившему. Все взоры потянулись к нему.

— Потеряем людей,— сказал он тихо.

Секретарь райкома побледнел.

— Почему потеряем? Каким образом?

— Пауки не подпускают нас ближе, чем на полкилометра. Стоит подойти — генерируют инфразвук, и человек теряет сознание. Смертельных исходов не было, но мы и не брались за дело всерьез.

При этих словах Костров вдруг почувствовал нарастающую тревогу. Словно зазвенела где-то гигантская струна, грозящая вот-вот оборваться и обрушить на людей страшный удар, способный взрыть землю на километр вглубь!

По-видимому, многие в толпе почувствовали то же самое, потому что по ней прошло какое-то движение, и люди сдвинулись тесней.

Глазунов прислушался к своим ощущениям и вопросительно посмотрел на Ивашуру.

— Именно,— кивнул тот.— Это их реакция на наш разговор. Каким-то невероятным способом пауки «слышат» даже наши мысли!

— И против этого нет никакой защиты? А если подойти к ним на бронетранспортере?

— Броня не защищает от инфразвука.

— Что же тогда?

— Не знаю.

Секретарь райкома оглядел плотно сдвинувшихся людей. Над толпой всплывали облачка пара от дыхания, температура была близка к нулевой. Костров под его взглядом опустил глаза. Да и что он мог сказать? Он тоже не видел способа избавить лес от непрошеных гостей. И еще мешало ощущение нависшего «дамоклова меча» — психологическое давление чужеродного, неприятного холодного присутствия паучьего «города».

— Зажечь лес? — пробормотал кто-то из сопровождавших Глазунова.

Не успел он закончить фразу, как в лесу неподалеку от людей прозвучал короткий вопль. Все вздрогнули.

— Слышите? — сказал Ивашура.— Стоит только подумать об их физическом уничтожении, как сразу раздается вот такой крик. Предостережение это или нет — не знаю, но звучит достаточно впечатляюще.

— Что же делать? — повторил вопрос Глазунов.

— Решайте. Если у вас большие полномочия... Мы, конечно, постараемся выполнить указания, но все же пауков трогать я не стал бы. Пока не научимся защищаться от них.

Секретарь райкома вытер ладонью выступивший на лбу пот. Костров даже пожалел его, он сам испытывал чувство безысходности и злости на чудовищных «реликтов», чудом вырвавшихся из тьмы веков в современную эпоху.

— Понимаете,— вмешался в разговор тот человек, который заговорил о поджоге леса,— в районе сто сорок одна больница, госпиталь на триста коек... Без тока нельзя оперировать. Случись несчастье...

— Да, это довод! — глухо сказал Ивашура.— Об этом я не подумал.

— А что если...— начал вдруг неожиданно для себя самого Костров и остановился. Все повернулись к нему.

— Что? — коротко отозвался Ивашура.

Костров оглянулся. Начальник отдела понял.

— Товарищи, расходитесь по палаткам. Ночью мы все равно не будем ничего предпринимать, отдыхайте. Пошли.

Он взял Кострова за рукав и направился к «Волге».

В машину сели секретарь райкома, Ивашура с Костровым, командир взвода оцепления, подтянутый лейтенант, Гаспарян и еще кто-то в штатском. Ивашура посмотрел на него недовольно, однако Глазунов поспешно представил его: майор госбезопасности Левченко.

Майор скупо улыбнулся, понимая реакцию Ивашуры. Кострову он сразу понравился уверенностью, ненарочитым спокойствием, умением держаться.

— Пауки каким-то образом читают наши мысли, так? — начал Костров.

— Некоторым образом.

— Что если установить с ними контакт?

— Контакт с пауками? — усмехнулся Гаспарян.— Однако, Иван, ты явно начитался,..

— Подожди,— с досадой в голосе перебил его Ивашура.— Говори толком, Иван.

— Я и говорю — надо установить с пауками мысленный контакт. Приблизиться к просеке, насколько можно, и представить себе, что нам нужно освободить просеку от паутины... чтобы они догадались и убрались восвояси...

— Чушь! — махнул рукой Глазунов.— По-вашему выходит, что пауки — мыслящие существа?

— Не мыслящие, может быть, но мысли наши все же воспринимают. Да кто знает, пауки ли? Я хочу сказать, что руководить всем этим — деятельностью пауков, например,— может кто-то другой...

— Мысль не такая уж и вздорная,— высказал свое мнение Левченко.— Думаю, стоит попытаться. Не годится нам пренебрегать даже самым мизерным шансом мирного решения проблемы. Путь военного вмешательства проще, но грубее и необратимее. Давайте конкретно обговорим все детали вашего контакта и приступим к выполнению. Времени у нас действительно в обрез. Как вы думаете приблизиться к их центру? Пешком или на машине?

Ответить Костров не успел.

Внезапно с неба на лес, на машины и палатки обрушился тугой звонкий удар, словно ударная волна давления от сверхзвукового самолета. Раздались крики, из леса прозвучало несколько выстрелов.

Ивашура с лейтенантом одновременно выбросились из кабины, Костров выскочил за ними. От военных палаток бежал испуганный помкомвзвода с карабином наизготовку.

— С постов передают — вблизи зоны невозможно находиться, солдаты падают без сознания!

— Инфразвуковое нападение,— бросил сквозь зубы Ивашура и побежал в лес.— За мной, лейтенант! Остальным оставаться на местах.

Ошеломленные люди снова потянулись к прожектору.

Костров чувствовал какое-то томление, ему стало жарко, заломило в висках. Воздух стал ощутимо плотным, пропитался странным напряжением, словно перед грозой. Казалось, над лесом повисла чудовищная жара, готовая в любой миг сорваться и раздавить все живое...

Другие испытывали те же ощущения, что и Иван, разве что реагировали по-разному. Секретарь райкома поднес руку к голове и с силой потер лоб.

— Ну и духота тут у вас!

Костров нашел Гаспаряна.

— По площади бьют?

— Сейчас проверим.

Гаспарян умчался в темноту и скоро вернулся вдвоем с Рузаевым, тащившим тяжелый параллелепипед звукозаписывающего устройства.

— Так и есть,— сказал он через минуту, выключая прибор.— Инфразвуковое излучение, мощность невелика, всего пять децибел.

— Конечно, бьют по площади, а не векторно,— сказал Рузаев.

— Что это значит? — спросил Левченко, обращаясь к Кострову.— Я не специалист...

— Как вы себя чувствуете?

— Н-ну... голова тяжелая... и дышать трудновато, душно тут у вас в самом деле.

— Все ваши ощущения — результат действия инфразвука. Пауки «включают» свой «генератор инфразвука» — как они это делают, я не знаю,— и, будь мощность излучения на порядок выше, нам с вами не поздоровилось бы.

— Пауки излучают инфразвук во все стороны,— добавил Рузаев.— Потому и мощность мала.

— Солдаты оцепления стоят к просеке ближе, чем мы.— Гаспарян передал ЗЗУ Рузаеву.— Пройдись с ним по периметру зоны. На них, очевидно, инфразвук действует сильнее. Может, нужна наша помощь?

Никто ему не ответил. Инфразвук продолжал «струиться» из леса, действуя на людей угнетающе, подавляя волю, вызывая страх и головную боль.

Тая робко тронула Кострова за руку. В расширенных глазах ее бродили отсветы фар, и поэтому казалось, что они живут отдельно, поглощенные созерцанием внутренней боли.

— Скоро это кончится, Иван?

Костров легонько обнял ее за плечи.

Из темноты выступил полуодетый эксперт Валера. По всему было видно, что инфразвука он не чувствует, как и того, что одет он более чем странно: в сапоги на босу ногу и брезентовую куртку на голое тело.

— Хотите гипотезу?

Никто ему не ответил, но Валеру это не остановило.

— Вспышка жизни среди древних паукообразных,— продолжал он вполне квалифицированным языком, радуясь, что нашел достойную аудиторию,— это всего-навсего маленький нарыв на теле Земли как планеты. Загрязнение экологической среды перешло в новое качество. Уже не пятна нефти на воде и смог над городами определяют уровень загрязнения, а сдвиги континуума на уровне тонкой структуры. Затронута ядерная основа пространства-времени...

— Ты конкретнее, философ,— перебил его Гаспарян.— И без терминологии, дорогой, а то мы сейчас плохо соображаем.

— Пожалуйста.— Валера заметил жест Кострова и запахнул куртку.— Пауки появились здесь потому, что произошла локальная трансгрессия времени, сдвиг одного из его «гниющих» пластов, и образовался временной «фурункул». Кстати, этой гипотезой можно объяснить многие явления на Земле.

Костров и остальные эксперты и ученые уже были знакомы с «гипотезой» Валеры, поэтому никто из них не стал возражать. Глазунов же знакомился с этими мыслями впервые, поэтому и реагировал соответственно.

— Вы-то хоть сами понимаете, что говорите, молодой человек? При чем тут загрязнение среды?

— А я нахожу в его словах долю истины,— проговорил незаметно подошедший Гришин.— Дымящие трубы... сточные воды... вонь и дым, грязь и копоть!.. Термин «загрязнение среды», конечно, сильно избит, но вдруг мы ломаем природу не только на макроуровне, но и на уровне элементарных частиц? Помните у Фрэнсиса Томпсона: «Коснувшись цветка — потревожишь звезду»?

Секретарь райкома дернул плечом, было видно, что держится он с трудом — то ли из-за нервного перенапряжения, то ли его организм реагировал на инфразвук особенно сильно...

— Стоит ли говорить об этом сейчас? По-моему, у нас другие проблемы.

— Стоит,— вмешалась вдруг Тая, заставив Кострова вздрогнуть.— Еще как стоит! Об охране природы уже анекдоты ходят, не слышали?

— Общество охраны природы от окружающей среды,— тихонько подсказал Рузаев.

— Вот, пожалуйста! Вы же умные люди, оглянитесь! Биосферу Земли стремительно заполняет растущий поток химикатов, многие из них губительны для жизни: отходы промышленности, выхлопные газы автотранспорта и авиации, ядохимикаты, применяемые в сельском хозяйстве, несбалансированные химические удобрения и тому подобные «побочные явления прогресса»! Кроме того — бесконтрольная вырубка леса как за рубежом, так и у нас, выработка полезных ископаемых, заиливание рек, атоллы, превращенные в свалки мусора, льды, черные от нефти и мазута! И все это разрушает циклы, тысячелетиями сложившиеся в биосфере! Какие нужны силы, чтобы справиться с этим тихим и самым ужасным преступлением человека против самого себя?! А вы говорите — не стоит об этом сейчас! А когда стоит? А если этот юноша прав?..

— Так его! — крякнул Левченко.— Однако сильные вы приводите аргументы! По специальности, наверное, журналист?

— Да,— смутилась Тая и спряталась за спину Кострова.

— Критиковать мы все умеем,— усмехнулся, морщась, Глазунов.— А как до дела... Э-э, что говорить! Послушайте, это безобразие с инфразвуком вашим долго будет продолжаться?

— Неизвестно,— сказал Гаспарян.— Кстати, всем, кто плохо себя чувствует, самое разумное — уйти из зоны излучения на некоторое время. Мощность инфразвука с расстоянием убывает слабо, но все же...

Люди зашевелились.

— Оденьтесь и пройдите к городу по дороге. Думаю, уже через двести-триста метров всем станет лучше.

Большинство присутствующих разбрелись по палаткам и, одевшись потеплее, потянулись к дороге, подсвечивая путь фонарями. У машин остались только эксперты, приехавшее из города начальство, диспетчер подстанции Матвеев и Тая.

Шел уже пятый час утра, небо потеряло монолитную мрачную плотность, стало сероватым, мглистым, начал накрапывать мелкий дождик. Сияние над лесом поблекло, словно втянулось под землю. Поднявшийся ветер играл полами плащей и задувал брызги в лицо.

Костров с Гаспаряном решили было пойти к постам оцепления на поиски Ивашуры, но тут он сам появился.

— Плохо дело,— выдохнул он, откидывая капюшон плащ-накидки и вытирая разгоряченное лицо мокрой ладонью.— Кто-то из солдат спровоцировал нападение пауков.

— Рядовой Шинкаренок,— подтвердил лейтенант, переводя дыхание.— Он же и стрелял.

— Подробнее, пожалуйста,— попросил Глазунов.

— Рядовой Шинкаренок раздобыл где-то флягу с бензином, по договоренности с напарником ушел с поста, перелез через проволоку

заграждения и направился к просеке. Хотел, по словам напарника, поджечь лес... Оружие его мы нашли, но дальше идти невозможно, слишком велика мощность инфразвука.

— Он что, действительно пытался поджечь лес?

— Пытался, там и спички рядом с карабином... Да что в такую погоду гореть может? Ума не приложу, зачем это ему понадобилось!

— Новичок,— извиняющимся тоном сказал лейтенант.— Ну, пусть только вернется, влеплю по всей строгости!

— Надо, чтобы еще вернулся,— серьезно сказал Левченко.— Вы говорите, глубже в лес не пройти? — повернулся он к Ивашуре.

— Я пробовал,— кивнул тот,— чуть не свалился.

— Может быть, еще разок рискнуть?

— Рискнуть можно, да что это даст?

— Ну, попытка — не пытка, а человека спасать надо. Пошли, лейтенант, где там твои подчиненные?

Левченко с лейтенантом исчезли в лесу. Поколебавшись, за ними ушел Рузаев.

Костров заметил вопрошающий, умоляющий и укоряющий взгляд Таи, открыл рот, собираясь предупредить, что и он уходит на поиски пропавшего солдата, и в это время взгляд его упал на округлую тушу вертолета за дорогой. Иван сглотнул слова и подошел к девушке.

— Не хочешь со мной?

— Куда?

Костров ткнул пальцем в мокнущий под дождем вертолет. Тая непонимающе посмотрела в ту сторону.

— В вертолет, что ли?

— Понимаешь, можно попытаться вытащить солдата из зоны на вертолете. Я когда-то пилотировал...

— А не убьемся?

— Обижаешь десантника...

— Тогда давай возьмем с собой кого-нибудь еще...

— Боюсь, трое в кабину не поместятся, да и время дорого.

Они посмотрели друг на друга. В глазах Таи сквозь сомнение проглядывали интерес и удивление.

— Я первая,— наконец прошептала она.

9

Костров влез на сидение пилота, включил зажигание. Тая вдруг тронула его за локоть: через поляну к ним бежал Матвеев..

— Вы что?! — заорал он, подбегая.— Сами угробитесь и машину загубите! Слезайте, я вам говорю!

Костров резко открыл дверцу, высунулся по пояс, приблизил лицо к оторопевшему Матвееву и сказал бешено и тихо:

— Там парень погибает, отец! Ясно? Может быть, полетите вместо нее?

Иван указал на Таю.

Начальник смены подстанции отступил на шаг, оглянулся. Костров захлопнул дверцу.

Лопасти винтов нехотя сдвинулись с места, закрутились все быстрей и быстрей. Тугой поток пригнул траву, всколыхнул ветви деревьев, погнал рябь по лужам. Матвеев, пригибаясь, отбежал в сторону.

— Ну, Тайна, отступать поздно,— громко сказал Костров, перекрывая шум двигателя, и потянул штурвал на себя. Мелькнули и ушли вниз мокрые стволы сосен, поляна с палатками закружилась каруселью и скрылась из глаз.

Посветлело настолько, что лесная «шкура» стала отличима от неба, хотя видимость из-за дождя не превышала сотни метров. Вертолет, кренясь, летел к просеке в десятке метров от верхушек деревьев.

Кострову показалось, что стало трудней дышать, сердце заработало тяжело, с перебоями, на глаза набежали слезы... «Терпи! — приказал он себе, стискивая кулаки.— Поздно отступать! Да и не простишь ты себе этого никогда! Терпи, эксперт!»

Он мотнул головой, тяжелой, будто налитой ртутью. Говорить не мог, язык жег гортань, как раскаленный кусок железа. Заныл позвоночник, волна боли прошла по суставам...

— Ах, черт! — воскликнул Костров.

Вертолет подскочил вверх, как поплавок из воды. Стало чуть легче.

— Ниже не опуститься. Тайна! Придется возвращаться.

— Где мы? Я что-то потеряла ориентацию...

— Над проволокой, под нами пост оцепления, кто-то машет руками... Видишь?

Тая с трудом обнаружила провал в лесу и увидела троих волокущих что-то по траве. Четвертый махал руками: возвращайтесь!

— Левченко! — узнал Костров.— Молодец, майор, опередил нас. Они, кажется, вытащили парня без нашей помощи.

Вертолет поднялся выше, боль в голове отступила. Костров почувствовал блаженное облегчение, вздохнул всей грудью. И вспомнил свою речь о «контакте».

— Ну что, не боязно? — спросил он девушку.— Рискнем еще разок? Вдруг получится?

— Рискнем! — отчаянно кивнула Тая.— А как?

Костров засмеялся.

— Я и сам не знаю. Подлетим к их куполу и попробуем мысленно «предложить им дружбу».

Вертолет набрал полтораста метров высоты и медленно, словно крадучись, подобрался к заселенной пауками просеке.

Сквозь пелену дождя открылось странное зрелище: кипенно-белое облако в форме конуса придавило лес, возвышаясь над опорами линии электропередачи на добрый десяток метров. Диаметр облака достигал трех километров, края его постепенно редели, растворяясь в лесу, смешиваясь с кустами и деревьями. Над конусом всплывал пар, столбом поднимался струящийся от жары воздух. Было в этом зрелище что-то нереальное, чуждое восприятию; человек двадцатого века не встречал еще на земле ничего подобного. Гармония паутинного конуса потрясала, притягивала и отвращала одновременно. Присутствовал в ней нечеловеческий, чужой и холодный элемент, чужой и холодный расчет. И мороз пошел по коже, когда Костров вспомнил, что творцы конуса — пауки.

— Начали? Думай о пауках, предлагай им, фигурально выражаясь, руку дружбы, а главное — пусть очистят доступ к ЛЭП! Держись!

Вертолет плавно пошел вниз.

Навалилась душная, жаркая тишина, снова боль толчками отозвалась в позвоночнике, в грудной клетке. Костров закрыл глаза и застыл, вцепившись руками в полукольцо штурвала.

Сквозь сомкнутые веки мелькнула бесшумная белая вспышка, потом еще и еще. Проговорила что-то Тая. И вдруг перед глазами Ивана появилось видение: бесконечный лес и белое поле паутины на нем. Оно растет, растет, поглощая лес, пока не останется ничего, кроме искрящегося паутинного покрывала...

— Нет! — крикнул Костров, а может, хотел крикнуть. Он представил себе, как у паутины встречаются человек и паук, но кроме протянутой руки для дружественного «рукопожатия», выдумать ничего не смог.

В ответ в голове взорвалась бомба недоумения, словно по обнаженному нерву, управляющему приемом сигналов эмоционального состояния собеседника, ударили топором...

Обливаясь потом, Костров упрямо продолжал опускать машину к паутинному конусу, попытался представить рядом человеческий город и паутинный, расположил вблизи от них теплоэлектростанцию. Люди протянули от электростанции к паукам линию электропередачи, построили канал и пустили воду. Костров подождал, сосредоточиваясь и прислушиваясь к своим ощущениям — грозный звон недоумения и угрозы слегка утих. Тогда Иван быстро «нарисовал» человека, входящего в паутину паучьего конуса, перечеркнул его, потом то же самое проделал с пауком, подползающим к городу...

Ничего не произошло...

Костров открыл глаза, посмотрел на Таю, и в следующее мгновение накатилась волна жуткой, холодной, нечеловеческой тоски и угрозы... Все померкло перед глазами...

«Не поняли! — подумал Костров, на мгновение теряя сознание и тут же выныривая из омута тьмы.— Не поняли! Назад!»

Но назад он не успел...

Ивашура, запыхавшись, выбежал на поляну и быстро оглядел оставшихся.

— Кто полетел?!

— Костров,— тихо ответил Гаспарян.

— Один?

— С журналисткой... Я не успел на минуту...

— Ч-черт! — Ивашура стукнул кулаком о кулак.— Надо было мне с ним идти...

Из-за деревьев вертолета не было видно, но доносился то нарастающий, то удаляющийся рокот моторов.

Несколько минут прошло в молчании. Потом двигатель вертолета взревел как-то необычно и стих. И тотчас же над лесом в стороне болота встал в полной тишине столб бледного золотого сияния. Вокруг него закружились облака, заиграли сотни крохотных радуг. Потом — люди зажмурились — невероятный золотой водопад огненных стрел хлынул с небес на землю, раздалось громкое ядовитое шипение, пахнуло горячим ветром, озоном...

Сияние над лесом сдвинулось в фиолетовый диапазон. Струна, державшая всех в напряжении, зазвенела сильней, так что все перестали слышать обычные звуки: скрип стволов деревьев, хлопанье брезента палаток, шорохи и журчание воды.

— Что же это? — сказал Гаспарян.— Игорь, что это?!

— Всем — уходить! — опомнился Ивашура, оглянулся, ища кого-то глазами.— Лейтенант, командуй: всем быстро уходить отсюда к городу, солдатам тоже! Быстро, быстро! Давай команду своим. Чего стоите? — повернулся он к остальным. И было в его голосе нечто такое, от чего все безмолвно кинулись к дороге: Матвеев, Глазунов, шофер, солдаты...

Гаспарян бросился было за ними, но остановился, увидев, что Ивашура что-то ищет у палатки с аппаратурой.

— Игорь, а ты?

Ивашура вырвал из рюкзака кинокамеру, накинул ремень на шею и снова наклонился над рюкзаками.

— Погоди-ка, Сурен.

Гаспарян подскочил к начальнику отдела, тот протянул ему фонарь и ружье.

— Держи. Зови Михаила, пойдем искать Ивана. Кажется, они с Таей упали...

— Миша! — крикнул Гаспарян, и словно в ответ на его крик под ними вдруг загремело, зарычало, земля ударила в ноги, встала дыбом... Людей бросило к дороге на несколько метров. А в стороне болота показалась над лесом какая-то темная громада, окутанная сеткой молний, стала расти в высоту, пока не достигла низкой пелены туч. Земля снова содрогнулась, низкое рычание вырвалось из ее недр, звук становился громче, нестерпимее. Тон его повышался, пока не превратился в свист и не ушел в ультразвук. И тогда те, кто еще не потерял сознания от звукового шторма, услышали не то плач, не то скулящий вой, полный ужаса, тоски и безнадежности — кричали гибнущие пауки...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Сначала пришла боль: кололо в боку, болела голова, ныло правое бедро. Потом прищел звук: тоненький всхлип, повторяющийся каждые полминуты. Но свет не приходил, хотя Иван уже разлепил глаза и таращился во тьму изо всех сил. От напряжения глаза заломило, в них поплыли огненные колеса и светящиеся узоры — иллюзия света.

«Где это я? — вяло подумал он и пошевелил рукой перед глазами, пытаясь разогнать темноту.— Уж не ослеп ли, чего доброго?»

Потрогал веки — целы, но тьма не рассеивалась. Попробовал сесть, и боль сразу накинулась на все тело. Иван охнул, тихо выругался, но все же заставил себя приподняться.

«Вертолет,— пришла догадка,— вертолет разбился, но я остался жив. А Тая?!»

Чувствуя себя так, словно в теле рвались сухожилия, Иван с натугой встал.

— Тая!

Глухое эхо, словно в сыром склепе.

— Таисия! Где ты?

Всхлипы и тишина. И темнота.

«Никого... Где же я, черт возьми?! В лесу, что ли? Ночью? Не похоже...»

Иван сделал шаг. Загремело, будто по каменному полу покатились стеклянные банки.

«Нет, это не лес... фонарь бы сюда...»

Морщась, потрогал бедро и бок, но на ощупь определить что-то было невозможно, хотя на боку, кажется, вспух здоровенный синяк. Не мудрено — сверзиться на вертолете со стометровой высоты!.. Как еще жив-то остался! Но где же все-таки Тая?

— Таисия! — позвал он еще раз. Как в вату. Потоптался на месте, прислушался к хрусту под ногами и равномерному всхлипыванию: шагах в десяти, если судить по громкости звука. Похлопал себя по карманам. Спички! Достал коробок, гадая, как он к нему попал, вспомнил — разжигал костер сутки назад. Сутки ли?

Чиркнул спичку, язычок пламени раздвинул мрак на несколько шагов. «Не ослеп, слава богу! Под ногами белесые бугры, хрупкие, как высохшая молочная пенка. Это от них такой хруст. Паутина... Паутина?! Точно, вот и характерный узор...»

Спичка погасла. Иван вынул другую и остановился. Не спеши, эксперт, экономить надобно. Неизвестно, отыщется ли здесь еще коробок... Подумал, проверил карманы более тщательно. В куртке оказались расческа, ручка, носовой платок, записная книжка и конфета, в брюках — нож с выскакивающим лезвием и клок не то от газеты, не то от тетрадного листа. Годится. Свернул в трубочку и поджег.

Колодец! Вернее, что-то вроде круглого колодца диаметром около четырех метров. Стены в густой массе склеившейся и засохшей паутины, пол покрыт слоем той же паутины и сверху другим слоем — белых, как фарфор, полых трубок. Потолка не видать — высоко, выхода тоже не заметно...

Клок газеты догорел.

«Что еще зажечь? Записную книжку жалко, но выхода, кажется, нет. Выхода... Погоди жечь спички, выход можно поискать в темноте».

Он обошел колодец кругом, спотыкаясь на стеклянно звенящих трубках и пробуя стены. «Глухо! Настоящий колодец! Хорошо, что сухой. Неужели его сделали пауки в просеке, а я в него провалился?.. Но почему не видно неба? Тучи?»

Иван зажег свернутый в трубку лист из записной книжки и торопливо осмотрел бок и бедро. «Так и есть: на боку громадный кровоподтек до ребер, на бедре ссадина. Черт с ними, заживут! Выбраться бы отсюда...»

Попробовал добраться до стенки колодца сквозь шелушащийся слой паутины. «Похоже — камень... или бетон. Как же выбраться? Рубить в бетоне ступеньки? Абсурд!»

Иван отодвинул несколько «фарфоровых» трубок и сел, прислонившись к стенке колодца. Задумался, вспоминая последние минуты

полета с Таей, но как он здесь оказался, вспомнить не мог. Ясно одно: «контакта» с пауками не получилось, гипотеза об их разумности не выдержала проверки делом... Иван нащупал в кармане конфету, подумал и съел. «Теперь попить бы не мешало... Пауков попросить, что ли, чтобы воды принесли?..»

В этот миг где-то рядом раздался крик, знакомый крик паука. Он начался с жалобного завывания, поднялся на тон выше, превратился в визг и закончился хохотом гиены!.. Иван вскочил, забыв про боль в теле, приник к стене, а та почему-то вдруг поехала от него, потом с размаху ударила в лицо, затрясся пол, откуда-то из темных таинственных глубин под колодцем донесся удаляющийся гул...

«Землетрясение,— подумал Иван, вжимаясь в пол всем телом.— Задавит, как червяка, в этом склепе!»

Гул стих, еще раз дернулся пол, и в колодец вернулась тишина.

Костров полежал еще несколько минут, прислушиваясь к тишине, соленая капля сползла на губы. Он лизнул — кровь...

— Ну вот,— сказал он вслух, садясь спиной к стене и задирая голову.— Теперь и нос разбил...

Посидел в такой позе, дожидаясь, пока остановится кровотечение. Звон в голове утих, и стал слышен знакомый тихий всхлип. Теперь Иван понял, что всхлип этот идет откуда-то из-за стены, как и крик паука только что... Значит, колодец имеет выход... или вход. Но где?

Иван повертел головой, и ему показалось, что он видит какой-то серый прямоугольник на уровне головы. Свет?!

— Да будет свет, сказал кандидат наук...— пробормотал он и встал. Руки нащупали край отверстия, полускрытого пластами паутины.

Свет — если только можно так назвать едва видимое свечение — шел оттуда. Очевидно, землетрясение приоткрыло дверь или окно или разрушило кладку стены. Однако уходить не хотелось. В колодце было сухо, тепло, безопасно...

«Что это я? — сказал он сам себе.— Неужели труса праздную? Вперед, эксперт! Не хватало, чтобы этот колодец стал твоей комфортабельной могилой!..»

Превозмогая боль, Иван подтянулся на руках, лег грудью на ровный край «окна» и кое-как протиснулся в щель, образованную наклонившейся плитой. Дальше шел коридорчик, узкий, как крысиная нора, но короткий. Иван осторожно высунул голову. То ли глаза его окончательно адаптировались к темноте, то ли здесь было светлее, чем в колодце, во всяком случае, он почти разглядел большой и очень высокий — потолка не видно — зал. Определенной формы зал не имел, стены его то смыкались друг с другом под тупым углом, то шли уступами, переходили в гнутые поверхности и плоскости

с рядами ниш. Дальний конец зала терялся во мраке, а слева Иван углядел звездообразный пролом или проход, более светлый, чем остальные предметы. Именно через этот проход и сочился серовато-рассеянный свет.

По залу были раскиданы какие-то предметы, кучи мусора или песка — не разобрать, холмы все той же засохшей паутины, а в центре лежала округлая туша с четырьмя свисающими «лапами». Иван невольно схватился за нож и сплюнул.

— Тьфу, нечистая сила!

Это был вертолет, вернее, его разрубленный пополам остов с лопастями винтов.

«Ну и абракадабра! Вертолет в зале, я сам в колодце... Чушь какая-то! Где лес, где паучья зона? Где люди, Тая? Гаспарян с Ивашурой?..»

Иван прислушался: тишина. Лишь таинственный всхлип доносился из пролома-прохода. Может, выход именно там, где свет?

Костров хотел вылезти из своего коридорчика в зал и вспомнил изречение Козьмы Пруткова: «Попав в незнакомое место — осмотрись». Последуем совету мудрецов. Осмотрелся и увидел, как в одной из черных ниш зажглись на мгновение и тут же погасли круглые желтые глаза! Мороз всшершавил спину. Млея, Иван вжался в пористую неподатливость своей ниши и пожалел, что, кроме ножа, у него нет никакого оружия.

Сколько пролежал в таком положении, он не помнил. «Глаза» больше не показывались, все было тихо, вернулось чувство одиночества. Набравшись сил, он тихонько сполз на пол, сжимая в потном кулаке рукоятку ножа. Осмелев, сделал шаг к вертолету: никого... Тогда он зашагал, нарочно поднимая шум, пиная попадавшиеся под ноги предметы и гулко топая в черный пол. Ответом было только отрывистое множественное эхо. То ли хозяева глаз — пауки? — убрались отсюда, то ли вообще глаза померещились Ивану.

Он на ощупь нашел дверцу кабины вертолета, дернул на себя — безрезультатно.

— Заклинило, наверное. В таком случае, зайдем с другой стороны...

Он не заметил, как заговорил вслух.

Дверца с другой стороны была придавлена, зато отсутствовало лобовое стекло кабины. Прекрасно, теперь можно поискать, что там есть внутри...

Порезав палец, он понял, что без света найти что-нибудь полезное будет трудно. Пришлось снова жечь лист записной книжки.

Кабина оказалась покореженной и забитой осколками оргстекла и пластмассы, деревянной щепой, трубками и железными гнутыми листами. «Неужели ничего, что могло бы пригодиться? Стоп! А это что такое? Это же ящичек пилота, выпавший из-под пульта. Что

там? Ага, великолепно! Резиновые перчатки, аптечка, пассатижи с отверткой и фонарь!»

Иван жадно схватил фонарь, включил. Яркий сноп света больно резанул по глазам. «Потише, счастливчик, так и ослепнуть недолго! Надо привыкнуть к свету. Но какая удача!»

Порывшись в рассеченной надвое кабине еще полчаса и ничего больше не обнаружив, Иван рассовал «сокровище» по карманам и отошел от останков вертолета. Теперь он чувствовал себя увереннее, в нем проснулся азарт охотника за неведомым, и лишь мысль о Тае мешала радоваться тому, что он жив.

Луч света выхватил из тьмы блестящий черный пол зала, кучи какого-то тряпья, непонятные предметы, похожие на помятые жестяные бочки, железные ящики, банки, цилиндры из белого материала, штабеля блестящих, как ртуть, стержней. Иван похмыкал, пнул ногой серую «банку», тяжелую, словно налитую свинцом, потрогал один из блестящих стержней длиной в метр и толщиной в палец, взвесил в руке. Килограммов пять! Явно не из металлов, но в качестве дубинки сгодится. Заметил на торце стержня выбитые буквы МК, под ними в ряд цифры 2301... Пожал плечами: кто знает, что за штука. Еще раз огляделся.

Стены зала тоже странные, черные, с красным отливом, и все в белых пятнах паутины, а потолок... Иван поднял луч фонаря вверх и присвистнул. Потолка не было! Вместо него на высоте примерно в тридцать-сорок метров клубилась буро-сизая дымная пелена, похожая на дождевое облако.

«Итак, эксперт, соображения по данному поводу? — задал сам себе вопрос Иван.— Соображений нет. Ну, а поскольку бесплодное ломание головы только увеличивает шанс умопомешательства, то необходимо что? Правильно, переменить обстановку!»

И зашагал к рваному пролому в стене, откуда в зал просачивались непонятные звуки и слабый сумеречный свет.

Он оказался в длинном помещении с тремя рядами пультов. Как и в оставшемся позади зале, здесь тоже царили запустение и разруха. Изящные, красивые, необычных форм пульты были разбиты вдребезги, на полу валялись горы битой пластмассы и белого стекла, футляры каких-то приборов, знакомые белые и голубые цилиндры и припорошенные пылью метровые пирамиды, серые и монолитные, как бетонные блоки для строительства плотин на реках. Правда, в отличие от зала, потолок здесь был низкий, черный, словно закопченный пожаром. В одной из стен — ряд дверей, противоположная стена — целиком из мутного серого стекла.

Иван выключил фонарь, минут десять привыкал к темноте и убедился, что слабый свет сочится именно из-за этой стены. Побродив по гулкому, как подвал, помещению, он потолкался у дверей без ручек, но ни одну из них открыть не смог.

«Может, вернуться и поискать другой выход?» — подумал он. Но идти обратно в мрачный зал с останками вертолета не хотелось. Зато хотелось пить. Интересно, как давно он валялся без памяти в колодце? И что это за странное помещение? Почему он оказался внутри да еще вместе с вертолетом?..

Отвечать было некому. Иван вздохнул, присел на какой-то ящик и снова выключил фонарь. Следовало экономить ресурс батарей. Поразмышляв еще некоторое время, пока глаза привыкали к темноте, он понял: пора что-то делать. Безысходность тайны требовала какого-то активного действия, а не мысленного усилия. Отвлекшись, он забыл о странных звуках, но, сидя в неподвижности и тишине, снова услышал тихие равномерные всхлипы. Тогда он начал искать направление, по которому звуки слышались отчетливей всего, и нашел — внизу у стеклянной стены. Оказалось, что между стеной и полом есть щель, в которую он мог просунуть взятый стержень.

Иван осторожно просунул его в щель, нажал и тут же отскочил.

Что-то щелкнуло, и стена стала крениться в его сторону, пока не повернулась на невидимых осях горизонтально. За стеной открылся серый пыльный коридор, пустой и длинный, уходящий в абсолютный мрак. Иван, подивившись простоте выхода и собственному везению, перебежал в коридор, но стена так и осталась висеть параллельно полу, удерживаемая неведомой силой.

Иван поискал глазами источник света: это был прямоугольный пролом в стене коридора, на высоте полутора метров. Иван заглянул в пролом и увидел еще одну комнату, с потолка которой свисала густая бахрома паутины. По всей видимости, и эта комната не заканчивала здания, в котором очутился Иван, потому что и здесь источником света была лишь трещина в стене. Всхлипы в коридоре слышались явственней, но определить, откуда они доносятся, было невозможно. К этим звукам прибавился еще один — еле слышное «хриплое дыхание». Иван несколько минут прислушивался к звукам, склонив голову к плечу, не нашел в них ничего угрожающего, но машинально взвесил в руке «дубинку». Приключение затягивалось, и пришла уверенность, впереди еще много сюрпризов и открытий. Во всяком случае, Иван точно знал, что это не сон.

Поколебавшись, в каком направлении идти, он выбрал «путь к свету» — в коридор можно было вернуться в любой момент. Иван влез в пролом, покачал головой: стена была толщиной в метр; интересно, чем можно пробить в ней аккуратную двухметровую дырку. И в это время где-то зловеще закричал паук: длинный, с завываниями крик, закончившийся визгливым лаем! От неожиданности Иван дернулся вперед и вывалился с другой стороны стены на что-то живое и мягкое. Новый крик, человеческий!

Чьи-то кулаки ударили Ивана в грудь, забарабанили по лицу!

Он поймал эти кулаки, рявкнул:

— Отставить! С ума сошел?!

Человек перестал кричать и вдруг заплакал. Женщина?!

— Вы?.. Вы?.. Я думала... Кто вы?

Иван встал, нашел выпавший фонарь и зажег свет. Перед ним сидела, скорчившись, вжимаясь в стену... Тая! По ее перемазанному сажей и пылью лицу текли слезы, оставляя светлые дорожки.

— Тая?!

Девушка перестала плакать, подняла голову. Иван поспешно отвел луч фонаря в сторону, потом направил вверх.

— Ив... Ив-ван? — заикаясь, недоверчиво спросила она.— Ты жив? О, господи! — И бросилась к нему на шею, целуя, плача, приговаривая:

— Ванечка! Хороший мой!.. Живой!.. Ванечка...

Успокоилась она только когда поблизости снова заорал паук. После крика из неведомых глубин здания донесся гул, вздрогнули стены, задрожал пол...

Они стояли, обнявшись еще несколько минут, ожидая удара или грохота падающих стен. Потом Тая опомнилась и высвободилась, а Иван, спохватившись, выключил свет. Они сели, и девушка поведала ему свою короткую одиссею.

Очнулась она, как и Костров, в полной темноте, неподалеку от вертолета. Долго сидела неподвижно, потом решила обследовать комнату, но не закончила, потому что закричал паук...

— С тех пор и сижу здесь,— закончила она с дрожью в голосе и как бы случайно дотронулась до руки Ивана.— Как ты думаешь, где мы?

— Не знаю,— вздохнул Костров.— Я видел больше, но знаю столько же, сколько и ты. Где, ты говоришь, оставила вертолет?

— Там,— Тая взяла руку Ивана и указала направление.— У стены.

— Где?! — удивился Иван.— Вертолет здесь, в этой комнате?

— Ну да, почему ты удивляешься?

— Потому что я оставил его в большом зале.

Иван встал, включил фонарь и увидел у стены смятый корпус вертолета. Подойдя ближе, потрогал металлический корпус ротора, отдернул руку. Чепуха какая-то! Он точно помнил, где остался лежать вертолет,— в зале без потолка.

Иван молча передал фонарь подошедшей девушке и попытался открыть дверцу кабины — вертолет стоял на носу. Это удалось ему с третьей попытки и, порывшись в кабине, он вытащил еще один ящичек из НЗ пилотов. Разложив на ящике те же предметы, что и полтора часа назад, он тупо уставился на них.

— Что с тобой? — тихо спросила Тая.

Иван молча достал из кармана отвертку, пассатижи, перчатки и аптечку и положил рядом с кучей таких же вещей.

— Понимаешь?

Тая отрицательно покачала головой.

— Я тоже. Получается, что было два вертолета! Откуда взялся второй, если мы летели вместе в одном?

Помолчали. Где-то далеко кто-то «всхлипывал и хрипло дышал» — доносились звуки, уже привычные и ускользающие от сознания. Накатило и отхлынуло чувство одиночества, заброшенности в глубинах чудовищного подземного города... Рядом стояла Тая и ждала его решений.

— Ладно, пригодится,— сказал Иван.— Потом разберемся. Возьми фонарь и аптечку, остальное мне. Ну что, пошли?

— А куда? — понизила голос Тая.

— К свету,— решительно сказал Иван.— Нет беды, у которой не было бы конца. Не бесконечен же этот пещерный город.

2

Через полчаса они выбрались во второй коридор, уходящий, казалось, в бесконечность что направо, что налево. Этот коридор освещался слабым мертвенно-синим светом: светились надписи на некоторых дверях. Они ровным рядом прорезали одну из стен коридора. По толстому ковру пыли Иван подошел к ближайшей двери и с недоумением уставился на светящуюся надпись.

Шрифт был какой-то странный — легкий, стремительный и красивый, и от этого русские буквы казались чужими. Впрочем, некоторые буквы в самом деле мало напоминали буквы русского алфавита.

«Стой! — вещала надпись.— Входить без ТФЗ запрещено! Сброс координат!»

Буква «Щ» была написана как латинская «W».

Иван осмотрел другие двери. Надписи на них были такими же или еще лаконичней: «Опасно! Не входить!», «Стой! Не входить!» и просто «Не входить!».

Иван оглянулся на Таю и встретил ее недоумевающий взгляд. «Черт возьми, где мы?! — с оторопью подумал он.— Что это за здание? Старый заброшенный завод по переработке чего-нибудь радиоактивного? Чушь! Такие заводы не бросают... Тогда что же? Подземные выработки? И что делать дальше?»

— Пойдем по коридору,— сказал он хрипло и откашлялся.— Куда-нибудь да придем.

Но, прежде чем выступить в поход, они привели себя в порядок. У Ивана это заняло минуту, у Таи — пятнадцать. Одета она была по-походному: сапожки, джинсы и джемпер под зеленой штормовкой. Иван был экипирован примерно так же.

Коридор был широкий, как улица, и высокий. В стену слева рав-

номерно через каждые тридцать шагов врезались громадные черные двери с одинаковыми металлическими полосами по центру, с надписями и без них. Стена справа была серая и шершавая, вероятно, бетонная, потолок блестел, как стекло, в нем карикатурно отражались фигуры людей. Пол коридора был покрыт слоем пыли толщиной в палец, и лишь спустя час Иван обратил внимание на следы в этой пыли. Кто-то проходил здесь, большой и грузный, в ботинках пятидесятого размера с рубчатой подошвой, но с тех пор прошло уже порядочно времени — следы были припорошены пылью.

Иван невольно перехватил в руке свой «лом» и посветил вперед. Коридор равнодушно уходил вдаль, сходясь где-то в километре в точку.

— Мы отмахали уже километра четыре,— сказал Иван.— И конца этому не видно. Это, вероятно, штрек какой-то шахты. Будь мы в здании, мы бы давно вышли на волю.

— Может, нужно идти в другую сторону? — предложила Тая. Она уже обрела былую свою уверенность, и между ними снова установилось расстояние «приличного тона и благовоспитанности». Иван вспомнил объятия девушки, нежное тепло ее губ на щеке и вздохнул.

— Нет, пойдем вперед,— сказал он.— Возвратиться мы всегда успеем, а заблудиться здесь негде.

Снова потянулись минуты, скучный пыльный пол под ногами, однообразный ряд дверей. Прошел час, второй, в начале третьего Иван решил сделать привал и тут заметил, что следы, по которым они шли, повернули к одной из дверей, исчезли за ней. Тот, кто проходил по коридору задолго до них, вошел в дверь. Надписи на этой двери не было.

— Так.— Иван смахнул пыль с пола у «бетонной» стены и сел, хлопнув ладонью рядом.— Располагайся, перекурим.

Тая села, со вздохом прислонилась к стене. Улыбнулась в ответ на его понимающую улыбку.

— Устала чуть-чуть.

Он придвинулся к ней ближе, осторожно обнял за плечи и привлек к себе. Девушка положила ему голову на плечо, и они замолчали.

Иван закрыл глаза, вспоминая подробности своего пробуждения.

Обычная, «нормальная» человеческая логика во всем этом отсутствовала. Объяснений, как они с Таей оказались внутри таинственного здания или подземелья также не отыскивалось. В том, что этого здания в Брянском лесу не было и не могло быть, Иван не сомневался, а вот насчет подземелья следовало подумать. Ведь построили же пауки «шатер» высотой с полсотни метров! Может быть, и подземный город они вырыли? Вертолет упал и провалился под землю...

Иван усмехнулся. Мозг искал самые простые пути решения,

самые привычные. Но ведь вертолетов было два?! Откуда взялся второй? И эти многокилометровые коридоры... Не могли пауки проделать под землей штреки такой длины за две недели! Да еще и заполнить комнаты подземелья битым оборудованием непонятного назначения. Не могли!..

Тишина стала угнетать. Стихли тонкие «всхлипы» и «дыхание». Тишина стояла настороженная, сулящая новые каверзы. От нее звенело в ушах, и хотелось разбить ее криком.

— Двинулись? — шепнул Иван на ухо Тае.

Девушка послушно встала.

— Пошли, а то что-то не по себе... Снова в том же направлении?

Иван кивнул и подошел к двери, у которой кончались следы размером чуть ли не в полметра каждый. Попробовал толкнуть дверь — безрезультатно. Ручек не было и потянуть на себя было не за что. Иван потрогал металлическую полосу, потом снова налег на дверь изо всех сил. Внезапно что-то тоненько свистнуло, и дверь медленно втянулась в металлическую полосу, которая тут же исчезла, будто растаяла в воздухе.

Иван отступил на шаг, но ничего не случилось. За дверью стыл абсолютный мрак, такой густой, что, казалось, его можно черпать горстями. Иван включил фонарь, направил луч внутрь и изумленно прищелкнул языком. Луч света бесследно терялся в черноте за дверью, словно это черное нечто поглощало его полностью, не рассеивая и не отражая.

— Яма? — спросила Тая, подходя сзади.

— Не похоже. Ни пола не видно, ничего... Видишь, даже луч не виден! Чертовщина какая-то!

Иван постоял, поворачивая фонарь во все стороны, но луч света освещал все в коридоре и ничего — за дверью.

— На, брось.— Тая протянула Ивану ключ.— От квартиры, у меня остался запасной.

Иван взвесил ключ в руке и бросил в темноту, как в воду. Томительная секунда, другая, и вдруг — удар! Стены и пол коридора дрогнули, по потолку промчался стремительный ручей голубого света, где-то раздался знакомый паучий вопль, снова удар — за ним — тяжкий гул, потрясающий все здание...

Иван толкнул Таю на пол, упал рядом и прижал девушку к себе.

Гул стих. Еще раз по потолку коридора пронесся ручей света. Вернулась тишина и неподвижность.

— Все-таки мы, похоже, под землей,— спустя несколько минут сказал Иван, поднимая голову.— В каком-то подземном лабиринте в сейсмически активной зоне. Похоже на землетрясение...

Тая тихонько засмеялась и села, отряхивая пыль с куртки.

— А я думала, что это из-за ключа.

Иван тоже засмеялся, глянул на дверь и осекся. Дверь была

закрыта, и на ней светилась надпись: «Внешняя переходная зона хронопровала. Опасно для жизни! Не входить! Не открывать!»

Они шли уже шестой час подряд с небольшими остановками на отдых. Коридор не кончался, однообразный, как тоннель метро. Примерно раз в час раздавался гул и тряслись стены и пол, причем каждый раз все это предварялось длинным тоскливым паучьим криком, то далеким, то близким, хотя сами пауки не показывались.

Обнаружились еще следы, тоже припорошенные новым слоем пыли, скорее всего собачьи, а может, волчьи. Животное бежало во встречном направлении, потопталось у двери с надписью «Смотровой колодец» и побежало обратно. Иван пробовал открыть и эту дверь, но, как и в прошлый раз, открыть — открыл, но ничего не увидел: теперь за дверью шла белая мгла, похожая на молоко, луч света увязал в ней, как в плотном тумане.

Правая стена казалась монолитом, но все же они нашли в ней свежую трещину, не настолько широкую, чтобы протиснуться в нее, но достаточную, чтобы заглянуть. За стеной располагался треугольный зал с круглой дырой люка в потолке, сквозь которую в зал сочился тусклый желтый свет и доносились уже знакомые звуки: всхлипы, пыхтение и какой-то непрерывный шелест.

— Все! — сказал Иван и стукнул стержнем о пол.— Пойдем назад. Все-таки с той стороны подземный мир разнообразнее.

Тая молча кивнула и облизнула сухие губы. Она устала, хотела пить и есть, и призрак голода поманил Ивана из темноты костлявым пальцем. Пить и есть было нечего, а до пролома в стене, через который они проникали в этот коридор и который таил хоть какую-то надежду, было не меньше двадцати пяти километров — пять-шесть часов ходьбы.

Но они смогли продержаться на ногах лишь два часа, дальше идти у Таи не хватило сил. Иван решил хоть немного поспать, устал он тоже изрядно, да и есть хотелось просто зверски. Сон должен был немного подкрепить их.

Постелили на полу у стены куртку Ивана, легли и накрылись зеленой штормовкой Таи. Девушка уснула мгновенно, доверчиво прижавшись к Ивану и положив голову ему на грудь. Несмотря на усталость, Иван долго не мог заснуть. Так и сидел, обнимая Таю, чувствуя пьянящую близость горячего девичьего тела и какую-то восторженную нежность к этой красивой, умной девушке, сумевшей сохраниться неизбалованной в век быстрых знакомств и расставаний без сожалений. Ему нравилось, как она говорит, ходит, улыбается, нравилось, что она понимает все с полуслова, не жалуется на усталость и голод, что она доверчива, как ребенок, и при всем при том умеет вести себя в любой обстановке. Но Иван не знал, какие чувства испытывает к нему Тая. Она была ровна, дружелюбна — и только. Несколько часов в этом странном и мрачном подземелье

сблизили их больше, чем две недели у паучьего конуса в Брянском лесу, но что будет дальше. Иван гадать не хотел. Не удержавшись, он коснулся волос девушки губами и уснул, готовый защищать ее от любого врага...

Проснулся он от боли во всем теле. Тая спала в том же положении, ее волосы щекотали ему шею. Он осторожно переменил позу, посмотрел на часы: прошло всего два часа. Оглядел пустой коридор — никого, и тут же снова уснул. И даже ежечасный гул и дрожь пола не могли их разбудить. Лишь через пять с половиной часов они проснулись окончательно.

— Ты знаешь,— сказала Тая, поворачиваясь к нему лицом,— мне было так уютно и тепло! И снилось, что ты меня целовал.

— Мне тоже,— пробормотал Иван, разминая затекшую руку.

— Что тоже? — Тая засмеялась.— Что уютно или что целовал?

— Ничего не снилось,— с сожалением признался он.— Но я бы не отказался...

Она мгновение смотрела ему в глаза, потом наклонилась, быстро поцеловала и тут же вскочила.

— Вставай, соня! Проспишь с тобой все на свете! Я такая голодная, что если ты еще раз уснешь, я тебя съем.

Немного приободрившись, они снова тронулись в путь. По расчетам Ивана выходило, что они провели в залах и коридорах подземелья уже более семнадцати часов. «На воле» — где именно, Иван представлял смутно, скорее всего, в Брянском лесу, была, должно быть, ночь.

Вскоре они нашли знакомый пролом в стене, сквозь который выбрались в коридор. Иван первым полез в темноту, держа наготове свою «дубинку».

Вертолет, из которого выпала Тая, был на месте, ничего в этой комнате не изменилось. А вот вертолета Ивана в зале без потолка не оказалось. Иван обыскал весь зал до самых глухих тупиков, но не нашел следов.

— Все!— сказал он горестно.— Я больше ничему не удивлюсь! Присниться он мне не мог, потому что вот фонарь из него, а утащить его отсюда невозможно, в проломы и щели он бы не пролез. Может, пауки разрезали его на части?..

Тая молчала. Ей было не по себе, и она то и дело посматривала на подрагивающую серую пелену, нависшую над залом вместо потолка.

Снова выбрались в комнату с пультами, потом в первый коридор, более узкий, чем тот, по которому отшагали с полсотни километров в оба конца. Этот коридор пострадал гораздо больше и местами был завален обломками рухнувших стен или останками каких-то непонятных аппаратов и машин. Двери здесь шли группами то с одной, то с другой стороны, и почти все были распахнуты, открывая

взору разгромленные комнаты, залы, клетушки и боксы. В одной из комнат им впервые повстречался паук, перепугав Таю. Он выпрыгнул из угла, светя глазами, взбежал на холм белых цилиндров, скрипуче крикнул, вернее, даже не крикнул, а кашлянул и исчез в какой-то щели, прежде чем Иван успел что-нибудь предпринять.

Тая отпустила плечо Ивана, виновато посмотрела на него.

— Знаешь, я, наверное, к ним не привыкну. А глаза, ты видел его глаза?

Я проснулся в ночной тишине,
И душа испугалась молчания ночи.
Я увидел на темной стене
Чьи-то скорбные очи.

Иван продекламировал стихи и грустно посмотрел на девушку.

— Что-то скорби в них я не заметила,— фыркнула Тая.— Ты любишь Блока?

Иван улыбнулся.

— А кто его не любит?

— Я отношусь к нему спокойно. Но тебя понимаю.

— Если говорить об «очах», то мне, честно говоря, больше нравится Заболоцкий:

Ее глаза — как два тумана:
Полуулыбка, полуплач...
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач...

Тая задумчиво и удивленно посмотрела на Ивана, но ничего не сказала.

Они миновали ряд темных комнат и, не сговариваясь, одновременно приникли к длинной трещине, пересекающей стену тупика наискось. Еще один зал с грудами каменных обломков, металлических предметов, цилиндров, но главное — с двумя длинными узкими окнами, через которые в зал вонзалось золотистое, без теней, сияние. И еще: знакомые «всхлипы» в этом зале усилились до громкого и гулкого шипения, словно за стеной выпускали пар из котла, то закрывая, то открывая вентиль.

— Выход?— полуутвердительно сказал Иван.— Но как туда добраться? В щель нам, пожалуй, не протиснуться.

Он попробовал действовать стержнем, как рычагом, но с таким же успехом можно было пытаться пробить стену голой рукой.

— Черт, не везет! Отдохнем?

Тая задумчиво побродила по комнате, рассматривая разбросанные по полу непонятные предметы. В дальнем углу она остановилась и включила фонарь.

— Иван!

Костров встал с глыбы не то камня, не то керамики с вкраплениями сверкающих шариков и подошел к девушке.

Луч света выхватил из тьмы колодец глубиной в десяток метров. На дне колодца лежали чьи-то кости, зеленовато-желтые и словно отполированные.

— Что здесь происходит, Ваня?— дрожащим голосом спросила Тая.— Куда мы попали?

Иван не успел ответить. Тяжкий удар потряс здание, качнулись стены, дрожь пола вошла в позвоночник через ноги. Вскрикнула Тая, едва не свалившись в колодец: Иван успел удержать ее за полу куртки. Снова удар и новая волна вибрации, сквозь стихающий гул донеслись далекие тревожные крики.

— Я боюсь!— шепотом сказала Тая, касаясь губами уха Ивана.— Этот страшный лабиринт, коридоры, комнаты... эти взрывы... Ваня, может, нас захватили какие-то пришельцы и увезли на свою планету? Я читала в одном рассказе...

Иван заставил себя рассмеяться, хотя ему было не до смеха.

— Чудачка ты моя, мы на Земле, а, скорее всего, под землей. Пришельцы не стали бы писать на дверях по-русски.

— Русский-то он русский, но шрифт не очень русский... О, смотри!— воскликнула вдруг Тая.— Кажется, мы теперь сможем выбраться в тот зал!

Щель в светлый зал стала шире в полтора раза, сейчас даже Иван мог протиснуться в нее, не рискуя застрять.

Через минуту они были в зале, пробрались между грудами обломков и мусора и подбежали к окнам. То, что открылось их взорам, они увидеть не ожидали...

Окна выходили наружу в стене колоссального здания, крылья которого плавно заворачивались полукольцом по гигантскому радиусу вправо и влево и терялись за горизонтом, а на высоте около трех сотен метров над котловиной, заполненной золотистым маревом, постепенно становились прозрачными и исчезали! В центре котловины сияние было особенно сильным, и марево там истаивало в темном небе струями свечения, оранжевыми и малиновыми полосами. Оттуда доносился глухой рокот, равномерное «шипение пара» и густое «астматическое дыхание».

Завороженные странной картиной, Иван и Тая простояли полчаса, разглядывая котловину с золотым светящимся туманом, стены здания, уходящие вверх на громадную высоту и в стороны по кругу, с рядами окон и похожих на черные кляксы пятен.

— Да!— сказал наконец с чувством Иван.— На Землю это похоже мало! Но пришельцы — чушь!

— Что тогда? — тихо спросила Тая.— Где мы, по-твоему?

Иван промолчал, и они с новым вниманием принялись рассматривать ландшафт с высоты в двести метров.

— Под нами вроде бы лес,— неуверенно сказал Иван.— Спуститься бы... Но как?

— Если это здание, то должны быть лифты или лестницы. Поищем, а не найдем — вернемся сюда и будем думать снова.

Иван поколебался, поглядывая на шапку светящейся субстанции в котловине, и решительно направился в глубь зала.

— Не отставай и смотри под ноги, тут колодцев хватает.

Голод и жажда, мучившие их уже более полусуток, несколько притупились, уступив место волне возбуждения и надежды.

3

Им повезло — этот коридор не был бесконечным. Уже через полчаса он вывел их в круглый зал, пронизанный в центре трубой диаметром около трех метров. С одной стороны в трубе располагалось окно из толстого матового стекла. За стеклом ничего нельзя было разглядеть, хотя Ивану показалось, что он видит какую-то объемную решетчатую конструкцию.

— Лифт, наверное,— сказал он, постучав по стеклу и прислушиваясь к тонкому хрустальному звону.

Зал был совершенно пуст, весь в пятнах какой-то краски или копоти. Пыли здесь оказалось меньше, но это не могло скрыть следов, пересекающих пол в разных направлениях. Здесь были следы округлые и овальные, маленькие и большие, принадлежавшие собакам и другим животным, но были следы, заинтересовавшие Ивана,— человеческие. Проходили двое, причем босиком. Эти следы выходили из стеклянной двери «лифта», как Иван назвал трубу в центре зала, и заканчивались у двери с металлической полоской: в зале таких дверей было две. Проход из коридора, через который они проникли в зал, так и остался открытым.

Иван попробовал открыть двери, но одна из них приоткрылась на мгновение и снова захлопнулась, а вторая, свернувшись и растаяв, открыла за собой темный провал с наклонными металлическими балками, на которых кое-где сохранились ступеньки и даже целые марши лестницы. Спуститься по ней без спецснаряжения было невозможно.

— Да-а,— протянул Иван, посветив вверх и вниз.— На веревках кое-как можно спуститься...— Он замолчал. В шахте лестницы родились какие-то звуки: далекий визг, удары и уханье. Но шум остался — шелест, потрескивание, шепчущее эхо... Отзвуки жизни... Внизу кипела активная жизнь, явно отличающаяся от тишины и неуюта этого мертвого горизонта.

Иван перестал светить вниз и поставил фонарь так, чтобы свет рассеивался стеной зала.

— Что будем делать дальше?

Они посмотрели друг на друга. Тая держалась бодро, но была

бледна, под глазами легли тени, лицо осунулось. Иван невольно потрогал суточную щетину на щеках, усмехнулся. О бритве, видимо, надолго придется забыть.

— Надо спускаться на землю, на первый этаж,— сказала Тая.— Здесь все мертво.

— И не соблюдается элементарная демографическая установка,— подхватил Иван,— нет достаточного для проживания количества пищи, одежды и жилья... У меня была конфета, но я ее съел. А норма для человека таких габаритов, как я — три тысячи восемьсот килокалорий в день!

Тая красноречиво проглотила слюну, и они одновременно засмеялись. О килокалориях можно было только мечтать.

Решили поискать в ближайших комнатах хоть что-то напоминающее веревку. Пути вниз, на уцелевшие марши лестницы, не было.

— Эх, работал бы лифт!— вздохнул Иван обойдя трубу с дверями.— Раз!— и мы внизу.— Он стукнул стержнем, с которым не расставался, в поющее стекло и заорал:— Сезам, откройся! Я кому говорю!?— И застыл с открытым ртом.

Дверь вдруг покрылась световой сеткой и бесшумно рухнула на пол грудой стеклянных кристаллов.

— Вот те на!— хмыкнул Иван, глядя на представшую взору кабину.— Неужели я потомок Соловья-разбойника?

Кабина была собрана из решеток, сквозь которые виднелись стены лифтового колодца, и освещалась мигающим голубым светом из невидимых источников.

Тая заглянула внутрь кабины, но Иван, опомнившись, оттащил ее в сторону.

— А если застрянем, кто поможет?

Тая пожала плечами.

— Как-нибудь выберемся. Голова у тебя имеется?

Иван молча повернулся и первым вошел в кабину, предварительно испытав прочность ее белого чистого пола. Слева у двери он увидел ряд темных окошечек. Одно из них светилось, но высвечивало не цифру этажа, а какой-то непонятный значок в виде стрелы, пересекающей два кольца.

— Мы здесь,— ткнул он пальцем в окошечко.

— По логике у тебя была, наверное, пятерка,— с веселыми искрами в глазах предположила Тая.

Иван сделал вид, что не заметил в ее словах иронии.

— Где же у них нижний этаж? Вдруг здание уходит под землю?

— Я тоже об этом подумала.

— Но если судить по той высоте, на какой находится мертвый наш этаж, то здесь явно не хватает кнопок: их должно быть не меньше сотни, а тут всего десяток.

— Может, высота этажей не везде одинакова.

— Все равно, что-то тут не так,— Иван оглянулся.— Рискнем?

Тая не опустила взгляда. «Что нам остается?» — понял ее Иван.

— Заходи, цепляйся за меня.

Они стали в центре кабины, Тая обняла Кострова сзади, и он тронул самое нижнее окошечко. Раздался двутональный гудок, заставивший их вздрогнуть, но кабина осталась на месте.

— Так. Наверное, на нижний этаж лифт не идет. Попробуем на второй снизу.

Снова резкий сигнал и никакой реакции лифта.

— Может быть, механизм испортился?— робко предположила Тая.— Видишь, и дверь рассыпалась...

Иван хмыкнул.

— Может быть... может быть, это и не лифт вовсе.

Над рядом окошечек он увидел буквы ТФ и ряд цифр — 2301, подумал, что уже где-то видел эти цифры, причем недавно. Где именно?.. Вспомнил, поднял стержень в руке и прочитал на торце буквы и цифры: «МК-2301». М-да, если бы к этим цифрам и буквам были еще и поясняющие надписи...

Иван нажал ближайшее к светящемуся окошечко, и в тот же миг на них обрушилась тяжесть, едва не свалившая с ног. Тяжесть быстро прошла, наступила невесомость, отчего Таю затошнило, она вскрикнула, уцепилась за Ивана, напрягшегося как при падении. Но и невесомость прошла быстро, сладко ныли мышцы тела, голова казалась пустой и звонкой, потрескивало в ушах, во рту появился сладкий привкус.

Окошечко, на которое давил Иван, светилось, и на нем были нарисованы другие знаки: контур человеческой ладони, а под ней дефис и цифры «10 000».

— Приехали,— с облегчением сказал Иван.— Наверное, лифт сверхскоростной, с дикими ускорениями. Теперь поищем выход.

Они вышли из лифта в кольцевой зал и поняли, что лифт действительно перенес их на другой горизонт здания.

Запах здесь стоял, как в зверинце. Зал некогда был отделан под розовый мрамор, но пол его был усеян птичьим пометом и так истоптан, что потерял первоначальную окраску. Впрочем, помет оказался не птичьим. Как только Иван включил фонарь, под потолком зала раздался тонкий писк, захлопали крылья, и стая летучих мышей ринулась в глубь мрачного коридора, исчезнув в темноте.

— Так и поседеть недолго!— сказала Тая со смешком, не спеша отпускать локоть Кострова. Тот прижал палец к губам.

— Тише!

Где-то далеко послышался странный звук: рев трубы с плачущим отголоском, который повторился еще и еще. Затем донеслись

крики какой-то птицы, хруст ломающихся ветвей, лай, и все стихло.

«Жизнь!— подумал Иван с некоторой тревогой.— Карабин или хотя бы иващуринское ружье не помешали бы...»

— Выключи свет,— посоветовала Тая.

Постояли, привыкли к темноте. Постепенно стали различать отсвет на стене зала, но коридор, в котором исчезли летучие мыши, остался заполненным полнейшим мраком. Иван оглянулся и сжал плечо девушки. Дверь лифта была цела, и сквозь нее было видно, как в трубе проносятся сверху вниз цепочки голубых огней, словно воздушные пузыри в воде. Промчались, и лифт снова стал темен и нем.

Они осторожно обошли трубу. Свет шел из другого коридора, дверь из полупрозрачного коричневатого материала лежала на полу и была смята, как тряпка. Коридор, тоже истоптанный грязными следами, вскоре вывел путешественников в просторное помещение без окон и второго выхода, но с дырой в человеческий рост, по-хозяйски прикрытой листом полированного металла. Из щели между листом и стеной бил желтый луч света и тянуло холодом.

Иван подбежал к щели, уперся стержнем и с натугой откинул тяжеленный лист, упавший, как чугунная чушка весом в полтонны. В лицо хлынул желтый свет, морозный свежий воздух и волна незнакомых запахов и звуков. Снаружи в нескольких шагах начинался заснеженный лес, над которым пылало желтое зарево... Настороженно глядя на лес, Иван шагнул было к дыре, но остановился, заметив необычность проделанного в стене прохода.

Дыра была пробита из помещения наружу каким-то мощным энергетическим выхлопом, лазерным, плазменным или иным, и расплавленный материал стены, застыв, образовал полупрозрачную корону из острых зубцов и нитей метровой длины.

Оглянувшись на Таю и встретив ее вопрошающий взгляд, Иван попробовал ногой прочность «короны» — держит — и выбрался из помещения первым.

Они стояли на снегу у стены здания, поднимавшейся над ними на недосягаемую высоту. Вершина терялась в небе где-то на высоте не менее полутора километров, а насколько оно простиралось в длину, можно было только гадать.

Мороз был несильным, около пяти-шести градусов, но путешественники были одеты не по-зимнему, и долго выдержать даже такую температуру не смогли бы.

— Снег!— тихо проговорила Тая.— В сентябре — снег!..

— Это там был сентябрь,— так же тихо сказал Иван.— В Брянском лесу. А перед нами — не Брянский лес.

Узкая полоса свободной от деревьев земли отделяла стену здания от стены чужого, застывшего в настороженном молчании леса. Снег был разрисован звериными следами, особенно в том мес-

те, где вышли Иван с Таей. Видимо, именно через этот лаз проникли в здание животные и летучие мыши. Сквозь неумолчный далекий рокот и ритмичное шипение доносились иногда крики птиц, треск ветвей и взлаивающий рев. Земля тряслась мелкой дрожью. Тая первой обратила внимание на это — внутри здания дрожь не ощущалась.

Иван крепче сжал свою дубинку, взял за руку девушку.

— Пошли, иначе замерзнем.

— А куда идти?

— Все равно куда. Пойдем в сторону зарева, может, встретим людей, да и что-нибудь из еды поищем. Назад вернуться успеем всегда, здание видно издалека.

Тая зябко поежилась, но не возразила, хотя было видно, что идти ей никуда не хочется.

Лес был в основном лиственный: береза, ольха, верба, реже встречались осина и тополь, но попадались и сосны. Иван обратил внимание на то, что у многих берез обломаны ветви и содрана кора, а снег рядом утоптан громадными следами — круглыми, как тарелки, размером с полметра.

— Медведь?— робко спросила Тая, с опаской разглядывая следы.

Иван нагнулся, понюхал воздух.

— Непохоже, и пахнет псиной.

Неподалеку раздался рев пополам с надсадным кашлем. Тая вздрогнула, посмотрела на Кострова. Тот застыл, прислушиваясь.

— Странный крик,— сказал он медленно.— Где-то я слышал его раньше... Кажется, в зоопарке. По-моему, так кричат рассерженные слоны.

— Слоны?! Откуда они здесь?

Иван промолчал, он знал столько же, сколько и Тая. К тому же, его больше занимали мысли о еде, потому что желудок уже в который раз напоминал о себе.

Дальше пробирались молча, утопая в снегу по щиколотку, реже по колено. Набрели на рябину, сохранившую несколько кистей ярко-алых ягод. Съели по пригоршне, хотя челюсти сводило от кислоты и горечи. Тая захватила несколько гроздей с собой — все же какая-никакая, а еда. Иван заел ягоды снегом, вспомнив, что давно хочет пить.

Через полчаса заметили впереди просвет между стволами берез, ускорили шаг. Иван пролез под ветвями разлапистой ели, вышел на край поляны и замер. Посреди поляны стоял... мамонт! Гигантское буро-коричневое тело, крутой лоб с выпуклыми надбровьями, загнутые двухметровые бивни, хобот, вытянутый в их сторону... Мамонт смотрел на застывших людей, пошевеливая ушами и слов-

TFM

но размышляя, что с ними делать. Мирный вид и неподвижность нежданных гостей, видно, успокоили его. Мамонт фыркнул, повернулся к людям боком и стал рыться хоботом под снегом, извлекая пожухлую траву и закидывая ее в пасть.

Совсем близко раздался короткий визгливый рев, мамонт вздернул хобот и ответил лающим криком.

Тая потянула Ивана за рукав, и они обошли поляну порядочным крюком. Остановились отдышаться под поваленным тополем.

— Мамонты,— сказал Иван, отогревая Таины пальцы в руках.— Вымершие, насколько я знаю, около десяти тысяч лет назад. Это шерстистый мамонт, живший в верхнем плейстоцене, около тридцати тысяч лет назад.

— Что будем делать дальше, капитан?

Тая с сомнением посмотрела на стержень в руке у Ивана, и ее спутник понял этот взгляд. «Против мамонта с этой палкой не пойдешь,— говорили глаза девушки.— И кто еще встретится?»

— Пробежимся?— предложил Иван.— Хоть согреемся.

Они побежали, проваливаясь в снег.

Местность заметно понижалась, начался, очевидно, спуск в ту котловину, которую они увидели из окна сверху. Бежать было все легче, словно они теряли в весе. Заметив это, Иван замедлил бег. Деревья становились ниже, тоньше и почти все, будто под напором ветра, наклонялись вершинами в сторону центра котловины. Здесь было светло, как днем, но свет был какой-то странный — золотистый, не дающий теней.

Тая тоже заметила перемены в окружающем ландшафте и посматривала на Ивана искоса, ожидая его решения. Наконец деревья пошли в рост человека, поредели, и впереди показалась голая снежная равнина до горизонта. Иван остановился, глядя на золотую сияющую пелену в половину небосклона. Рокот исходил из этой пелены, иногда оттуда доносились более громкие басовитые удары, вызывающие заметные колебания земли. После каждого удара над золотым заревом вставал факел белого пламени и расплывался сияющим зонтиком, из которого начинал идти золотой дождь, тускнеющий до малинового свечения. Чтоб слышать друг друга, здесь приходилось повышать голос.

— Мне кажется, туда идти опасно,— сказала Тая.

Иван и сам думал о том же. Он заметил, что по снежному полю метет поземка — в безветрии! Причем она пульсирует — то усиливается, то ослабевает, и в такт этим пульсациям из золотой бездны долетает густое шипение, словно там на гигантскую раскаленную жаровню ритмично льют воду.

— Ты, безусловно, права,— сказал Иван.— Туда мы не пойдем.— И вдруг сжал руку Таи до боли.— Смотри!

В сотне метров от них катился из леса черный ручей. Он распал-

ся на струи, осмысленно обтекающие кусты и деревья, и, не сбавляя скорости, понесся по снежному полю. То были пауки!

Через несколько минут поток пауков иссяк и вскоре исчез в снежной коловерти. Иван опомнился и отпустил руку девушки. Они молча посмотрели друг на друга. У обоих мелькнула одна и та же мысль: это был мир пауков или кто там они были на самом деле, и люди попали в него случайно. «Но где этот мир?— подумал Иван.— Под землей Брянского леса или?.. Впрочем, что значит «или»? Мы же трезво мыслящие люди, надо просто найти правдоподобное объяснение всему этому безобразию! Самое простое объяснение... самое простое... Сон? Бред? Господи, насколько это тривиально! Я же уверен, что не сплю...»

— У меня замерзли ноги,— совсем тихо сказала Тая.

Иван очнулся, огляделся по сторонам и направился в глубь леса.

— Сейчас, Тая, потерпи чуток. Разведем костер и согреемся.

Костер дымил и стрелял искрами, но горел.

Сухостоя в этом лесу не было, лишь иногда встречались сухие ветки, обломанные мамонтами, поэтому Иван нарезал ножом живых ветвей с берез и тополей. Таю он усадил на лапник, благо сосны и ели росли рядом с костром.

Вскоре они согрелись, и если бы не сосущее чувство голода, настроение было бы значительно лучше.

С небес продолжал литься на землю приятный золотистый свет, почти не дающий теней. Глухо клокотал неведомый вулкан, дрожала земля. Где-то продолжали трубно перекликаться мамонты, а один раз донесся пронзительный визг дикой свиньи и утробное уханье не то зверя, не то птицы.

Они молчали. Говорить было не о чем. То, что с ними случилось и что происходило вокруг, пересекло «горизонт восприятия необычного», душевных сил на постоянное удивление не хватало, да и физические убывали с каждым часом. Иван со страхом подумал, что может свалиться без сил прежде, чем они найдут пищу. Приключение затягивалось, и надо было беспокоиться о будущем, не надеясь на скорое возвращение из необычного плена или на чью-нибудь помощь.

— Помыться бы,— сказала вдруг Тая грустно.— В бане. Я грязная, как замарашка. А у теток такая прекрасная баня!

— Не мешало бы,— согласился Иван.— Кстати, слово «баня» в переводе с тюркского означает — изгонять боль и грусть.

По лесу раскатилась частая дробь, словно кто-то стучал колотушкой по стволам деревьев. Иван повернул голову, но не двинулся с места. Снова деревянная дробь, затем вскрик, шум, возня, рычание...

Иван вскочил, настороженно прислушиваясь к шуму борьбы.

— Наших бьют, помочь, что ли?

Тая не улыбнулась шутке.

Глухие удары, топот, треск сучьев, снова рычание, и все стихло, доносилось лишь ставшее привычным далекое громыхание.

— Посиди, я сейчас.— Иван подумал, взвесил в руке стержень и отдал его Тае.— Держи на всякий случай. Пойду посмотрю, что там за возню устроили.

Тая только кивнула, сил возражать у нее не было. Лицо девушки еще больше побледнело и обострилось, губы потрескались. У Ивана сжалось сердце, он вернулся, поцеловал ее в щеку, отчего девушка виновато улыбнулась, и быстро направился в сторону источника недавнего шума.

Через несколько минут он вышел на вытоптанную мамонтами тропу и увидел необычного зверя, похожего на льва и на тигра одновременно. У него была короткая желтоватая шерсть, мощные лапы и великолепные клыки, которыми он разрывал плоть небольшой лошади. Зверь повернул к Ивану окровавленную морду, прянул ушами и низко рыкнул, как бы предупреждая: не мешай, прошу по-хорошему!

Несколько минут они смотрели друг другу в глаза, потом лев-тигр еще раз рыкнул и принялся доедать добычу. Иван отступил за ствол березы и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. У него был нож, но считать его оружием против тигра было невозможно.

Через четверть часа тигро-лев насытился, оглянулся на человека, словно приглашая к трапезе, и гордо удалился прочь, ступая тяжело, но бесшумно и мягко. Вскоре в той стороне раздался тревожный вопль мамонта. «И все же на тигра он не похож,— подумал Иван, выжидая.— Скорее лев, пещерный лев, но без гривы. Где-то я читал, что у пещерных львов не было гривы... и таких клыков... разновидность какая-то... Но откуда он здесь? Впрочем, оттуда же и мамонты. Это их мир, и пришельцы в нем мы, а не они...»

Подождав еще несколько минут, Иван подбежал к убитой лошади и торопливо вырезал несколько кусков мяса из нетронутых лодыжек и крупа.

Тая ждала его стоя, судорожно сжимая в руке стержень и напряженно прислушиваясь к новому звуку: повизгиванию и поскуливанию в десятке шагов от костра. Иван успокаивающе погладил ее по спине, шагнул в сторону звуков и рявкнул:

— Пшел вон!

Кто-то шарахнулся по кустам, потрещал ветками, и все стихло.

Иван невольно засмеялся, бросая мясо на снег.

— Выходит, мы не самые слабые в этих краях. Наверное, собака...

Они жарили ломтики конины, насаженные на прутья, и ели, обжигаясь. К этому рациону не хватало хлеба и соли, но оба понимали, что им, возможно, предстоит еще привыкать и к сырому мясу, чтобы остаться в живых. На помощь рассчитывать пока было нечего...

4

Несмотря на то, что в этом странном мире стоял вечный желтый день, их потянуло ко сну: биологические часы организма были настроены на привычный двадцатичетырехчасовой цикл. В лесу спать было холодно, да и небезопасно — костер еле грел, а у них даже не было зимней одежды.

— Придется идти спать в «крепость»,— сказал Иван, вскидывая глаза на стену здания, нависшую над ними.— Там хоть тепло, а повезет — так и уют найдем.

Тая согласилась. Она была сыта, сил заметно прибавилось, к тому же на настроение благотворно влиял небольшой запас жареного мяса, завернутый в бересту и отягощавший карманы куртки Ивана.

На пути к зданию они встретили другого мамонта, обгладывающего кору березы. Мамонт был косматый и явно ниже первого. Один бивень у него был сломан, и мамонт дрожал крупной дрожью, что было заметно даже сквозь густую бурую шерсть.

— Замерз, бедняга,— пожалела его Тая.

Иван отрицательно покачал головой.

— Они не боятся холода, тут что-то другое. Может, заболел.

Постояли, глядя на гиганта с явным сочувствием. Ветер донес издалека длинный тоскливый вой. Мамонт вздернул голову, хлопнул ушами, прислушался и молча подался в чащу, оставляя на кустах и ветвях деревьев клочья шерсти.

— Паук?— нерешительно сказала Тая.

— Непохоже, крикунов тут достаточно и без пауков. Пойдем, незачем ждать приключений.

Они пробрались сквозь кустарник к стене здания — странно пятнистой, ячеистой, с рядом слепых черных пятен. Никаких дверей видно не было, а окна начинались метрах в двадцати от земли и, насколько хватало глаз, все были целые, без трещин и пробоин. Эти проемы Иван называл окнами больше по привычке, на настоящие окна они походили мало.

— Наверное, мы уклонились от дыры,— пробормотал Иван.— Поищем? Она должна быть недалеко.

Тая первой двинулась вдоль стены. Эксперт с невольной жалостью посмотрел на ее короткие сапожки. Тая часто проваливалась

в снег до колен, и ноги, наверное, были совершенно мокрыми. Как и у него, впрочем.

Они прошли около километра. Ячеи сменялись выпуклостями, «окна» то пропадали совсем, то шли длинными рядами, а входа все не было. Пока шли, было тепло, но стоило остановиться, как холод возвращался под одежду... Посмотрели друг на друга и повернули обратно. Не успели пройти несколько десятков шагов, как впереди вдруг бесшумно отъехала в сторону часть казавшейся монолитной стены, и на снег вылился черный «ручей». Снова пауки!

Тая подалась назад. Иван поспешил закрыть ее телом, поднимая вверх руку с «дубинкой». Но паукам было не до них: ни один не свернул в сторону и не посмотрел на замерших людей. По снегу они передвигались так же быстро и плавно, как и по твердой земле, словно скользили над ним на невидимых лыжах, и лишь приглядевшись, можно было заметить, как работают их членистые ноги. Странные это были пауки. И не потому, что размеры их превышали размеры любого паука на земле: было в них нечто и от гибкости змей, и от механической равномерности и целеустремленности машины, и что-то еще — неуловимое изящество геометрических форм, «запах» мысли и опасности, что всегда отличало живое от неживого...

«Ручей» пауков исчез за деревьями, на снегу остался только странный дырчатый след, не похожий на след живого существа. «Противоречие,— подумал Иван.— В них много и от живого, и от неживого...» Он вспомнил — дверь! И потянул Таю за собой.

— Бежим!

Через несколько секунд они оказались в здании, и тут же блок стены совершенно бесшумно и без помощи каких-то видимых механизмов стал на место и закупорил проход. Наступила темнота и тишина. Иван зажег фонарь и зажмурился от брызнувших со всех сторон искр.

Они стояли в ледяном гроте — таково было первое впечатление. Слегка наклонные стены — в пластах хрустального, с белыми прожилками, льда, сводчатый потолок — сплошной искрящийся слой снега со льдом. Однако это был не лед. Материал стен грота был теплым и щипался электричеством. Лишь пол не создавал иллюзий насчет своей основы — металл, похожий на хромистую сталь.

— Тепло, но слишком жестко,— сонным голосом сказала Тая.

Было видно, что дальше идти ей смертельно не хочется, но право решения она оставляла мужчине. Иван невольно улыбнулся.

— Ты права, к тому же здесь шастают пауки. Поищем более укромное убежище, и вообще у меня идея — попробовать выйти на другую сторону здания.

У Таи загорелись глаза, но тут же погасли.

— Мы уже пробовали в коридоре, помнишь?

— Плохо пробовали. Но отложим поход на утро...

Иван не договорил. Где-то внутри здания родились шорохи и скрипы, гулко ударил невидимый гонг. Стены грота стали потрескивать, искриться, Иван выключил фонарь, но темнота не наступила, они были окружены призрачным холодным сиянием стен. Шорохи приблизились, распались на дробное постукивание сотен быстрых ног.

Иван затравленно огляделся — бежать было некуда — и отступил, насколько смог, с середины грота к стене. В ту же секунду дальний тупик грота раскололся щелью, в которую вкатился знакомый черный поток пауков. Пахнуло свежестью и эфиром.

Бесшумно отошел в сторону блок выхода наружу, передний отряд пауков выкатился на снег, а остальные равнодушно бежали следом, не обращая внимания на людей. Они бы так и проскочили мимо, но Тая вдруг пошатнулась. Иван едва подхватил ее на руки. Последний из замыкающих колонну пауков замедлил бег и остановился, обернувшись к ним блюдцами глаз и приподняв переднюю пару лап. Иван опустил Таю и угрожающе поднял свое оружие. Паук, казалось, раздумывал, что делать, потом вдруг испустил тонкий лучик света, ощупал им фигуры людей, повернулся и припустил за своими собратьями. Блок выхода встал на место, потемнело. Сияние уходило в глубь стен, запах озона исчез.

Иван снова включил фонарь, с тревогой глядя на Таю. Девушка побледнела еще больше, глаза ее лихорадочно блестели. «Не заболела бы!..» — озабоченно подумал он.

— Сможешь идти?

— Наверное, смогу, но куда?

Иван повел лучом фонаря и нащупал плечо Таи. Проход, через который пауки проникли в грот, остался открытым. Гадать, почему он открыт, было некогда, и они побежали, хотя Иван признался себе, что у него сил почти не было. Что же говорить о Тае?

Они выбежали в обширный зал, занятый какими-то громадами, словно покрытыми черным лаком. Одна из них тихо, как трансформатор, гудела, и над ней крутились фиолетовые огоньки. Запах здесь стоял странный — сладкий, с привкусом мяты и полыни. Пол в зале напоминал черное стекло и был теплым, почти горячим на ощупь, зато потолок отсутствовал, как в том зале, где Иван оставил вертолет. Вместо потолка на высоте полусотни метров колыхалась сизая дымная пелена.

Тая подумала, села на пол и сняла сапожки.

— Снимай и ты... тепло, согреемся.

Иван послушно снял свои когда-то щегольские фирменные сапоги и остался в мокрых насквозь шерстяных носках. Вскоре ноги и вправду согрелись, приятное тепло растеклось по всему телу.

У них хватило сил поискать нишу между одной из темных ма-

шин и стеной зала, постелить многострадальную куртку Ивана и лечь. Оба уснули почти мгновенно и не слышали, как гудящая громада в другом конце зала трижды со странным звуком выпускала из своего чрева потоки пауков...

Спали они семь часов по часам Ивана, а проснувшись, не сразу вспомнили, где они и почему так тверда их постель.

В зале было все так же темно, только теперь гудели и потрескивали уже четыре громады. В глубинах пола пробегали длинные голубые искры, а иногда целые дорожки непонятных символов и цифр.

Иван сделал зарядку, погладил порядком подросшую щетину на подбородке и перехватил взгляд Таи.

— Что, хорош?

Тая улыбнулась.

— А борода у тебя темная, не рыжая, как волосы. Что будем делать, капитан?

— Сначала — завтракать.— Иван вытащил ломти мяса.— Потом пойдем искать противоположную сторону здания. А что, есть другие варианты?

Тая пожала плечами и стала надевать высохшие сапожки. Иван с трудом натянул свои.

Через четверть часа они вышли в путь с новой надеждой на успех. Ивану пришло на ум изречение Бэкона: «Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин»,— но он не стал высказывать его вслух.

Выход из зала нашелся быстро. Их было несколько — многометровые арки в толще стен. Пройдя арку, путешественники вышли на узкий балкончик, опоясывающий обширную шахту, которая уходила вниз на неизвестную глубину. Верх шахты исчезал в колышущейся синеватой пелене. Иногда внизу что-то остро посверкивало, и мимо балкона пролетали снизу вверх какие-то полупрозрачные бесплотные тени неуловимых глазу очертаний.

Посмотрели минут пять-шесть и вернулись в зал. Второй выход — узкий лаз в темноту вывел их в затхлый каменный мешок, где они нашли странные светящиеся кости какого-то неизвестного животного. Если судить по скелету, у этого животного вместо головы росло нечно вроде запасной лапы с кинжаловидными когтями!

Снова вернулись в зал. Иван обошел его по периметру, высвечивая каждую впадину, и обнаружил в центре колодец с белыми скобами, уходящими в темноту. Колодец был снабжен толстой прозрачной крышкой, в глубине которой светились буквы ТФМ и непонятный значок в виде стрелы, перечеркнувшей круг. Крышка была откинута.

— Влезем в какую-нибудь канализацию!— пробормотал Костров, глядя на светящиеся буквы.— Но выхода нет. Все арки ведут

на балкон, а узкие трубы — в колодцы с костями. Смотри, снова те же буквы... Интересно, что они обозначают? Знаешь, мне пришла мысль, что здесь ходили люди.

— Через этот колодец?

— Не только. Вспомни лифт, разрушенную лестницу, двери, да и этот колодец с нормальной лестницей... Паукам все это не нужно: скобы, ступеньки, двери, широкие коридоры... Значит, строили здание люди?

— Логично. Но где же они? Почему встречаются только следы да пауки, непонятно как ворвавшиеся в Брянский лес?

Иван задумался, но мысль, которая, казалось, все объясняла, ушла, спряталась в ворохе впечатлений. Делать было нечего — следовало проверить, куда ведет этот колодец. Иван попробовал прочность первой скобы и полез в глубину. Опустившись на высоту своего роста, он неожиданно уперся ногами во что-то упругое. Посветил фонарем вниз, но увидел лишь продолжение колодца. Тем не менее нога упиралась в упругое препятствие, совершенно невидимое.

— Что там?— шепот Таи отразился от стен странной трубы звонким дребезжащим эхом.

— Не понимаю... не пускает. Ничего не видно, но под ногами словно резиновая подушка.

Иван попробовал прочность «подушки» двумя ногами — держит.

— М-мда, кажется, и здесь нам не пройти. Влипли.

— Подвинься, пожалуйста, я тоже попробую.

— Я вылезу.

— Нет-нет, одна я боюсь.

Тая забралась в колодец, и в тот же момент крышка люка бесшумно закрылась за ними, чуть не придавив Ивану пальцы. Прозрачная преграда под ногами засветилась призрачным зеленым светом, свет собрался в облачко и превратился в пылающие буквы и цифры: «ТП-22 000».

— Мембрана семь,— раздался снизу четкий мужской голос с едва заметным акцентом.— Спуск в пределах хроноперехода. Рекомендуется инкриентная ориентация и псивеллинг.

Через несколько секунд буквы погасли, а затем неизвестная упругая субстанция, на которой стоял Иван («Силовое поле»,— мимолетно подумал он), стала опускаться. Костров автоматически ухватился за скобы, но те «поехали» под руками с той же скоростью, что и невидимое «дно». И вдруг наступила невесомость!

Тая тихо вскрикнула от неожиданности и выпустила из рук фонарь. Иван чуть не выронил свой фонарь — тоже от неожиданности: показалось, что они сорвались и полетели вниз, в глубину колодца. Но скобы были под руками, ветер не свистел в ушах, ничего не изменилось, кроме ощущения потери веса.

«Падали» недолго: упругая сетка поймала их и мягко опустила на твердый пол. Иван перестал поддерживать Таю.

— Не ушиблась?

— Только испугалась и, кажется, потеряла фонарь.

— И мой что-то погас.

Иван повозился, фонарь вспыхнул, но свет его был не так ярок, как прежде.

— Батареи сели, что ли?

Они висели на скобках в том же колодце! Казалось, до крышки вверху можно было дотянуться рукой, но Иван, вытянув левую руку, встретил упругое сопротивление. Явление повторилось «со знаком минус»: сначала они не могли опуститься вниз, теперь не могли подняться наверх.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Не больше твоего. О, смотри!

Вверху над их головами беззвучно таяли в воздухе светящиеся цифры: «— 40 000».

— Здесь своя жизнь и своя техника. Одно знаю твердо: на Земле пока нет ни такой техники, ни таких зданий. Мне кажется, что мы еще не видели и тысячной доли того, что здесь есть.

— Не хочешь же ты сказать, что мы не на Земле,— жалобно проговорила Тая.

Иван попробовал нащупать ногой «подушку», но не нашел.

— Не знаю. Надо выбираться из здания, тогда все станет ясно. Кажется, теперь можно спуститься ниже. Я пойду первым.

Они снова начали спускаться, осторожно пробуя скобы, хрупкие с виду, но прочные, как будто из стали. И оказались... в решетчатой кабине лифта с распахнутой дверью! Дверь вела в знакомый круглый зал, похожий на тот, что окружал лифт, вынесший их в зимний лес с мамонтами.

Три выхода в темные коридоры, два из них — в старой пыльной паутине, третий выводил в длинный зал с непрозрачными окнами и дверью.

— Метаморфозы на грани помешательства!— пробормотал Иван.— Похоже, мы уже под землей, я потерял ориентацию. Как ты думаешь, в какой стороне «двор» со снегом?

Тая беспомощно пожала плечами.

— Я тоже запуталась.

Они осмотрели сначала левый коридор, узкий и холодный — из него несло плесенью и сыростью, потом тот, что вел в длинную комнату с окнами. Иван уже имел опыт открывания дверей, разделенных металлической полосой, но на этот раз его усилия были тщетными: дверь лишь на мгновение отогнула край и тут же встала на место. Правда, они успели заметить золотистый купол неба — «двор» с мамонтами находился за этой дверью.

Иван прекратил попытки открыть упрямую автоматическую дверь и махнул рукой.

— Нам пока там делать нечего. Зато совершенно ясно, где расположена внешняя сторона нашей тюрьмы.

Они углубились в оставшийся коридор, широкий, но сырой, с застоявшимися лужами на грязном полу. Стены коридора были серыми, с цветными разводами, и в них местами торчали концы ржавых и мокрых балок, с которых капала вода.

В коридоре было тихо, пусто и мрачно, как в могильном склепе, лишь звуки падающих капель рождали дребезжащее эхо, вязнувшее в толще казавшихся бетонными стен.

Иногда откуда-то из неведомых глубин здания волнами накатывала дрожь, сначала слабо, потом все сильней и сильней. По лужам разбегались круги, разбиваясь в интерференционной картине, с потолка падали комки и отслоившиеся пластинки бетона. Дрожь усиливалась до такой степени, что у людей начинали стучать зубы и в позвоночник, в шею, в грудь, в голову проникала жаркая боль. Потом дрожь уходила в пол, убывала, исчезала совсем, и в коридор вновь возвращалась капельная тишина

Через полчаса стало понятно, что коридор тянется бесконечно, как и тот первый, сухой и пыльный, по которому невольные разведчики протопали около полусотни километров. Иван не терял направления, пока они шли, и теперь выходило, что слева — внутренняя сторона здания с ровным золотым светом, а справа — внешняя, конечная цель их поисков. Но добраться до нее не представлялось возможным, в этом коридоре не было ни окон, ни дверей, ни трещин. Надо было возвращаться. И тут Иван поймал-таки мысль, не дающую ему покоя.

— Постой...— сказал он, останавливаясь,— мы же спустились на этаж ниже...

Тая непонимающе посмотрела на него.

— Ну и что?

— А то, что мы не могли видеть дневной свет, так как опустились «по мембране номер семь» ниже поверхности земли.

— Что же мы тогда видели?

— Проще вернуться и посмотреть еще раз.

Тая с гаснущей надеждой посмотрела вперед: коридор, непропорционально, нечеловечески длинный, подавляющий своей загадочной необходимостью тем, кто его строил, как и все в этом здании, уходил в сырую, угрюмую тьму, навевавшую уныние и страх.

Фонарь светил совсем тускло, пришлось выключить его и включать периодически, чтобы не наткнуться на стены. В зал с лестницей они вышли мокрые, как после дождя, и Тая вслух посетовала, что это не тот зал, где можно было обсушиться, просто сидя на полу.

Иван еще раз попытался открыть упрямую дверь в сыром и длин-

ном зале с рядом слепых окон. Напрасно. Тогда он обошел зал кругом и нашел проход в соседнее помещение, замаскированный свисающим покрывалом серого цвета. Покрывалом оказалась паутина, мокрая и грязная. Иван сбил ее стержнем на пол и, посвечивая под ноги, прошел в квадратную комнату с бугристым, скользким полом и сочащимися сыростью стенами.

— Б-р-р!— содрогнулась Тая, выглядывая из-за его спины.— Все-таки это, наверное, подвал. Пошли наверх, там хоть сухо и тепло.

Иван, не отвечая, подошел к серому пятну справа на стене, с минуту разглядывал его и вдруг ударил по нему ногой. Раздался отчетливый хруст, пятно распалось и осыпалось кусками, обнажая дыру в стене с «воротником» из расплавленного материала стены. В комнату хлынул водопад знакомого золотистого света. Иван сбил остатки паутины, потрогал гладкую поверхность «короны» и присвистнул.

Золотое зарево на горизонте не изменилось, как и рокот, идущий оттуда. Но вместо снега и лиственного леса перед изумленными путешественниками открылась болотистая низина, ограниченная слева опушкой дикого леса, состоящего из знакомых деревьев — лиственницы, секвойи, бука — наряду с незнакомыми, не то пальмами, не то древовидными папоротниками. Справа низина переходила в зеркало воды, отражающее огненно-желтый световой шатер на горизонте.

— Ничего не понимаю!— пробормотала Тая.— Выходит, мы не под землей?

— Выходит, что так.

Иван первый вылез на край полупрозрачного воротника, окружающего дыру, осмотрел его и хмыкнул.

— Ну и силища! Представляешь мощь удара, способного пробить метровую бетонную стену, да еще так аккуратно! Кому-то очень хотелось выйти именно здесь, да и в первый раз тоже. Лезь осторожнее, не зацепись, края очень острые.

Они ступили на густую траву, скрывающую кое-где камни и утонувшие в земле стволы и ветви деревьев. Ветер донес из близкого леса волну приятных запахов и гулкие отголоски необычного эха.

— Может, не будем заходить далеко?— нерешительно спросила Тая.— Там кто-то ходит...

— Да я и не собираюсь, но вдруг там ходят люди?

Иван поднес руки рупором ко рту и крикнул:

— Эгей! Люди! Есть кто живой?

У опушки леса колыхнулись кусты, донесся удаляющийся топот и частый треск, в высокой и жесткой траве, напоминающей осоку, зашуршало, захрустело и плюхнулось в воду. Возня в лесной чаще на минуту прекратилась, потом снова все пошло своим

чередом: этот мир жил своей сопящей, чавкающей, шуршащей жизнью и плевать ему было на пришельцев.

Они все же отважились на вылазку в глубь леса, по направлению к дымно-золотистому факелу на горизонте. Пробираться по чаще было довольно трудно, лес здесь стоял старый, полный умерших древесных исполинов, многие из которых Иван никогда не видел, ни в жизни, ни на фотографиях и рисунках. Все живое в радиусе двух десятков шагов пряталось от них, и все же они пару раз успели заметить каких-то мелких зверьков, убегающих в траву, а у расколотого надвое, почерневшего двухметрового пня увидели неторопливо уползающего в чащу питона.

Вскоре вышли на край пустыря, заросшего жесткой травой и камышом, уходящего километров на пять к светящемуся золотому столбу тумана. За полосой камыша шла совершенно свободная от растительности черная пустыня, над которой стлался странный сиреневый туман.

— Не пройти, пожалуй,— сказал Иван.— Торфяные гари...

И они побрели назад, обуреваемые противоречивыми чувствами: любопытством и жаждой определенности, желанием поскорей выбраться домой, к людям. А уже неподалеку от циклопической стены здания наткнулись на группу... первобытных охотников! Те вышли на поляну и замерли, глядя на так же опешивших Ивана и Таю.

Трое. Один волосатый, запахнутый в шкуру, с копьем — впереди, двое с палкой за плечами, на которой висела туша какого-то животного,— сзади. Одинаковые лица с широкими приплюснутыми носами, низкими челюстями. Неандертальцы? Кроманьонцы? Питекантропы?..

— Гы-у!— рявкнул вдруг вожак, опомнившись, повернулся и кинулся наутек. Двое соплеменников бросили наземь свою поклажу и сыпанули следом. Шум, скулящий вскрик и тишина.

Иван дернул Таю за руку, и они побежали было своей дорогой, но Иван тут же сообразил, что случай снова пришел к ним на помощь, и вернулся к брошенной охотниками добыче. Тая отвернулась, когда он начал вырезать мясо из рогатой туши, но «дремучие» инстинкты, напомнившие о бренности человеческого тела, помогли преодолеть брезгливость и отвращение к мясницкому ремеслу. Они оторвали от Ивановой куртки подкладку и завернули в нее мясо. Через несколько минут выбежали к стене здания, отыскали дыру, похожую издали на зрачок исполинского глаза, опушенного перламутровыми «ресницами», и залезли внутрь.

В кольцевом зале с выходом на лестничную площадку передохнули, поглядывая друг на друга. Наконец Тая сказала:

— Кто это был? Синантропы?

— Что не обезьяны,— точно,— сказал ей в тон Иван.— Может,

синантропы, может, питекантропы, не разбираюсь. Homo erectus [1]. Предки, одним словом.

— У меня голова идет кругом! Ведь это... это... Питекантропы жили по крайней мере двести тысяч лет назад! И потом — куда подевался зимний ландшафт с мамонтами?

Иван покачал головой и ничего не сказал. В памяти всплыли цифры, что высветились над ними, когда они спускались по скобкам в колодце «мембраны номер семь»: «— 40 000»... Что это за цифры? Кто их зажег и что они означают?

— Может, я сплю, Ваня?— вдруг всхлипнула Тая.

Иван погладил ее по руке, легонько прижал к себе.

— Тогда мы спим оба.

Пол под ними завибрировал, качнулись стены зала, где-то с грохотом рухнуло что-то тяжелое, и вслед за этим далеко-далеко отозвался паук: тоскливый, с переливами, переходящий в свист крик...

5

После часового отдыха решили все-таки отыскать дорогу к противоположной стороне здания, выходящей, по идее, на «Большую землю».

Для начала тщательно обследовали другой коридор и анфиладу комнат вдоль внутренней стены здания с выходами «на двор», но обнаружили только ржавые обломки каких-то машин, заросшие плесенью и паутиной колодцы и кучи белых цилиндров — все это в грязи, мокрое, сочащееся водой, зловонное и больное. Очевидно, весь этот горизонт здания был сырым и нездоровым, никого живого, даже пауков, здесь не встретилось. Проходов к внешней стене здания Иван с Таей не нашли.

— Придется, наверное, подниматься,— сказал Иван, с тревогой посматривая на фонарь — тот уже еле светил.— К тому же, мы скоро лишимся света.

Тая виновато шмыгнула носом.

— Сама не знаю, как выпустила из рук свой фонарь.

Иван задумчиво похлопал по карманам, достал отвертку, повертел в пальцах. Хмыкнул, достал из другого кармана плоскогубцы и перчатки и принялся рыться в остальных карманах. Потом озадаченно посмотрел на девушку.

— Странно... Я, кажется, посеял второй комплект пилотского инвентаря. Помню, что положил в правый карман...

Он снова начал обшаривать карманы, но Тая мягко остановила его.

---

[1] Человек прямостоящий *(лат.)*

— Ну зачем нам это, Ваня? Хватит и того, что осталось. Вот фонарь действительно жаль. У меня предложение: давай рискнем и опустимся еще ниже, в подвал.

— Мы уже опускались в подвал, а очутились... здесь.

— Ну и что, просто колодец «мембраны» попался такой — вывел нас не вниз, а в другую сторону.

— Ну, положим, я этого не заметил, но, с другой стороны, подняться мы всегда успеем. Ищи люк с крышкой.

Знакомый люк с полупрозрачной крышкой и надписью «ТФМ» удалось отыскать через час в сухом металлическом бункере с сильным запахом озона.

Они опять начали спуск по знакомым скобам, готовые к любым неожиданностям, и двумя метрами ниже произошло то же, что и два часа назад: приятный голос мягко предупредил, что это «мембрана сорок один, спуск в пределах хроноперехода, рекомендуется инкриентная ориентация и псивеллинг», потом было «падение» в черный колодец, волна тепла по телу, и в результате оказалось, что они держатся за скобы в том же положении, в каком их застала невесомость, а над ними медленно гаснут в темноте красные цифры: «— 220 000».

— Минус двести двадцать тысяч...— пробормотал Иван.— С ума можно сойти! Или я на грани сумасшествия, или...

— В прошлый раз было минус сорок тысяч...

Тая судорожно вздохнула, словно всхлипнула.

— Знаешь, Ваня...

Он подождал продолжения, но Тая молчала. Тогда он включил фонарь и увидел слезы в расширенных глазах девушки.

— Ну, что ты, маленькая,— пробормотал он, поднявшись на две скобы выше, и погладил ее по волосам.— Что ты, не надо, ведь я с тобой.

Она глубоко вздохнула несколько раз.

— Уже все, прошло... извини.— Она улыбнулась.— Я, наверное, неженка, да?

— Ты молодец! Хорошо держишься! Не думал, что ты такая сильная. Хочешь, я спою тебе хриплую песню?

Иван дребезжащим голосом запел: «Ты моя королева...»

Тая снова улыбнулась, благодарно прижала его руку к щеке и вытерла слезы.

— Спасибо, Ваня. Вдвоем с тобой мне не страшно... вернее, страшно, но не так...

Иван засмеялся.

— Вот и прекрасно. Вдвоем мы выкрутимся, вот увидишь. Не может быть, чтобы нам никто не встретился из людей. Как сказал бы Миша Рузаев: «Не может быть, чтобы Ванька помер, он нам еще должен».— Иван осекся. Где в этот момент Рузаев, он не знал.

Они спустились по скобам вниз и оказались в кабине открытого лифта, ждущего их в стандартном круглом зале, похожем на те, что они уже проходили. Иван задержался в коробке лифта, подождал, пока спустится Тая, и успел увидеть, как пространство колодца над ним сжалось в линию и исчезло. Дыра в потолке кабины подернулась «льдом» и спустя несколько секунд «заросла», будто ее и не было.

Этот зал был сух и покрыт холмиками тонкого оранжевого песка. В нем тоже было три двери: одна смята ударом в складку, две другие завалены холмами мусора.

Они обошли зал, но следов, указывающих на то, что этот зал посещали до них, не обнаружили. За изувеченной дверью открылся треугольный низкий тоннель, скорее даже лаз, потому что идти по нему можно было только согнувшись в три погибели. К тому же песка в нем было наметено гораздо больше, чем в зале. Но выбирать не приходилось — остальные двери были до половины засыпаны холмами странного разноцветного хлама, обрывками проводов и каких-то пакетов.

Около полусотни метров прошли нормально, но дальше тоннель повернул под прямым углом, песка в нем прибавилось и пришлось встать на четвереньки. В иной обстановке Иван, может быть, и повернул бы обратно, но, во-первых, впереди забрезжил слабый свет, а во-вторых, возвращаться не хотелось: какое-то внутреннее чутье подсказывало, что впереди их ждут интересные находки.

Последние метры до выхода из тоннеля пришлось ползти на животе. Иван добрался первым и высунул голову из узкой щели между потолком тоннеля и слоем наметенного песка.

Он увидел круглую комнату с широкой трубой в центре, барханы песка, из-под которых высовывались тонкие гибкие хлысты, похожие на усы экзотического рако-скорпиона. Комната освещалась хорошо знакомым желтым светом, льющимся сквозь горизонтальные щели в стене под потолком.

— Ну что там? — прошептала Тая, дергая его за ногу.

Иван наконец выбрался и встал, подавая руку спутнице.

С минуту они осматривались, прислушивались к новым звукам: вою ветра за стеной, приглушенному бормотанию, скрипам и шорохам. Обошли комнату, стараясь не притрагиваться к ярко-красным «усам»— было в них что-то пугающее, живое и неживое одновременно.

Щели в стене шли примерно на высоте двух с половиной метров. Иван попробовал допрыгнуть, но песок гасил усилие прыжка. Тогда пришла идея подставить спину Тае. Девушка кое-как взобралась на плечи эксперта и заглянула в узкую десятисантиметровую щель.

— Кажется, мы снова не попали в подвал,— сказала она через

минуту.— Там дальше, наверное, пустыня, а потом... котловина и в ней — колонна светящегося тумана. Гул идет оттуда.

Она спрыгнула на песок.

— Так,— сказал Иван.— Этот светящийся золотой туман мы видим уже в четвертый раз... Пустыню ты хорошо разглядела? Может быть, тебе показалось? Откуда ей тут быть, если «во дворе» лес и болото?

— Нет, там песок до горизонта, и больше ничего не видно.

Иван с силой потер лоб, усмехнулся.

— Свихнуться можно! Правда, я тут для себя уже все объяснил. Проверю, прав ли, и расскажу. А пока запишем этот факт в реестр загадок. Поищем-ка дверцу наружу, убедимся, что не грезим, что пустыня реальна.

Но двери в комнате не оказалось. Единственным выходом и входом служил тоннель, через который они попали сюда, да узкие и длинные щели, сквозь которые ветер продолжал сыпать песок и пыль.

Иван наткнулся на один из двухметровых хлыстов, внимательно осмотрел его и вдруг неожиданно для себя самого ударил по хлысту стержнем. И получил оплеуху, бросившую его на стену помещения. Хлыст завибрировал, изогнулся, песок под ним вспучился, и на свет показалась черная полусфера с мигающим алым глазом на боку.

— Берегись! — крикнул Иван, ворочаясь на песке и не чувствуя боли.— В тоннель!

Тая не стала мешкать и пулей влетела в полузасыпанное отверстие тоннеля. Иван с трудом доковылял туда же и вполз в отверстие ногами вперед, продолжая наблюдать за действиями неожиданно ожившего чудовища.

Черная полусфера полностью вылезла из песка, поднялась на гибких шлангообразных ногах. Ног было семь, в диаметре полусфера достигала метра. Она приподнялась над песком метра на полтора, касаясь своим хвостом песка, стен комнаты, словно ощупывала их, беззвучно обошла комнату по кругу, семеня пружинящими ногами, остановилась под одной из щелей и просунула туда хлыст. Алый огонек в единственном окошке на боку полусферы замигал, что-то тоненько прозвенело внутри корпуса неизвестной машины.

— Отойди подальше, Иван,— взмолилась Тая, дергая Ивана за ногу.— Кто знает, что у него на уме.

— Не бойся, это кибер,— отмахнулся Иван.— Ничего он нам не сделает, он и так полудохлый.

«Полудохлый» автомат неизвестного назначения отошел от стены, его «антенна» вычертила на стене идеальную окружность, уперлась в центр круга и... часть стены вывалилась наружу, впустив

в комнату каскад желтого сияния. Полусфера просеменила к проделанному проходу, занесла несколько ног на край отверстия и замерла. Потом дернулась и завалилась на бок. Алый огонек на ее боку погас. Длинные щупальца ног сократились и словно втянулись в черные выступы.

— Сдох! — прокомментировал Иван и вылез из своего убежища.

— Куда ты?! — испуганно воскликнула Тая.— А если оно снова оживет?

— Не оживет: у него, очевидно, кончился энергозапас, причем, очень давно. От удара замкнуло какие-нибудь контакты, вот он и проснулся на минуту. К нашему счастью. Тут их целое кладбище, штук двадцать.

Иван выглянул из круглого окна, вырезанного автоматом. Края отверстия были не горячими, как ожидалось, а наоборот — холодными, даже ледяными. Хмыкнув, Костров махнул рукой выглядывающей из тоннеля Тае и выпрыгнул на близкую песчаную зыбь под окном.

— Вылезай, прогуляемся. Да не бойся, трусиха.

Тая пробралась мимо зарывшейся краем в песок полусферы, опасливо поглядывая на ее «антенну», и перелезла через край отверстия.

Они стояли на песчаном валу, утопая в песок по щиколотки. Вдоль стены дул холодный, пронизывающий ветер, срывая с песчаных гребней струйки песка и пыли. Насколько хватало глаз перед ними лежала пустыня без малейшего признака растительности. Лишь в нескольких километрах слева виднелось какое-то скопление скал и камней белого цвета. И больше ничего, до самого дрожащего золотого столба на горизонте, освещающего этот угрюмый пустынный пейзаж.

Иван оглянулся на здание, ощутимо материальное, тяжелое, молчаливое, загадочное, подавляющее размерами и таинственной жизнью, снова посмотрел на песчаное море.

— Да, это не подвал... Но мы спустились по лестнице вниз, это бесспорно. Получается, что каждому этажу здания соответствует свой ландшафт «во дворе». Так, что ли?

— Может быть, здание — нечто вроде дендрария? «Двор» разделен на зоны, и в каждой свой экологический комплекс...

— Тогда уж не дендрарий, а экологарий,— рассеянно сказал Костров.— И все-таки мы спустились по скобам вниз. По моим расчетам, мы должны сейчас находиться под землей на глубине двадцати-двадцати пяти метров по отношению к земному ландшафту с мамонтами.

Тая запахнула штормовку на груди, переступила с ноги на ногу. Спорить она не хотела, ей было холодно и неуютно, давно хотелось пить и есть.

После короткого раздумья решили пройтись до белых скал и вернуться, все равно спешить было некуда.

По песку идти было трудно, поэтому они скоро согрелись. Тая первой заметила, что здесь, в пустыне, «чего-то не хватает».

Остановились, внимательно оглядели окрестности. Ни движения — кроме струек песка по склонам барханов, ни звука — кроме посвиста ветра.

— Ну, конечно,— догадался Иван.— Тишина!

В этом мире горизонт с золотой дымкой колонной был нем, не тряслась почва, не раздавались рокот и гул. Правда, Ивану все время казалось, что рокот есть, но они его странным образом не слышат.

Пошли дальше. А когда до цели оставалось около сотни метров, из-за белой, изъеденной выветриванием скалы показался сначала громадный коричневый рог, а потом и его обладатель — громадный носорог. Он был весь покрыт бурой, свалявшейся шерстью, достигал в холке трехметровой высоты, а рог животного возвышался не меньше, чем на полтора метра.

Тая тихо вскрикнула, отступая на шаг. Ивана бросило в жар... Не зная, что предпринять, он только сжал «оружие», которое таскал с собой третьи сутки. Однако носорогу было явно не до них. Он только жалобно, совсем по-коровьи, промычал и, шатаясь, повернул за скалы. Теперь стало видно, насколько он исхудал: бока запали так, что выступили ребра, ноги словно обуглились и превратились в костяные колонны.

— Хорош! — крякнул Иван, расслабляясь.— Не хочешь посмотреть, кто там прячется еще?

— Шерстистый носорог,— пробормотала Тая,— эласмотерий... Бежим, пока он не захотел познакомиться с нами поближе.

— Во-первых, у него не хватит сил, а во-вторых, носороги — травоядные животные. И мне его жалко.

Через час они вернулись к «окну» в стене, вырезанному автоматом-полусферой, и только сейчас увидели, что стенка в этом месте имеет полукруглый уступ на всю ее высоту, с рядами щелей через каждые пять-шесть метров. Постояли, глядя на безрадостный ландшафт, навевающий мрачные мысли. Чувство одиночества здесь усиливалось до боли, лишая душу уверенности в том, что когда-нибудь их путешествие закончится.

— А я знаю, почему носорог не ушел отсюда,— сказал Иван негромко.— В скалах, наверное, есть вода. Хорошо было бы пойти и принести.

— Нет! — быстро ответила Тая.— Ни в коем случае! Я тебя не отпущу, обойдемся.

Иван осмотрел ближайшие участки стены, но она оказалась слепой: не только без каких-либо дверей, но и без окон.

— Придется возвращаться.

Тая безропотно полезла в отверстие, забыв о своей недавней подозрительности к обесточенным автоматам.

Вернулись в зал с трубой, отдохнули.

— Жаль, не из чего развести костер,— сказал Иван.— Пожарили бы мясо. Ты не находишь, что нам здорово везет?

Тая, прислонясь к стене трубы с закрытыми глазами, отрицательно качнула головой.

— Ну и зря. Мы живы, это раз; есть кое-какие запасы еды, это два; одеты сносно, это три. Правда, с водой плоховато, но найти ее несложно, хотя бы в этом коридоре на «сыром» этаже.

Иван заметил, что Тая дрожит, и придвинулся ближе.

— Замерзла?

— Слегка...

— Тогда чего мы здесь сидим? Поехали вверх, на теплый горизонт. Или... рискнем спуститься ниже? У меня есть одна идея...

Тая встала.

— Как хочешь. Не обращай внимания, сейчас согреюсь. Кстати, эта труба, наверное, лифт.

Иван обошел трехметровую трубу, выходящую из пола и исчезающую в потолке, и нашел едва заметный контур двери.

— Ты не ошиблась, вероятно, тот самый лифт. Но как открыть дверь?

— А как ты открыл в первый раз?

— Крикнул...— Иван подумал и с сомнением сказал: — Откройся!

Никакой реакции.

— Ты крикни, только не забудь сказать «сезам».

— Сезам, откройся!

Звонкий щелчок! Они вздрогнули. Но дверца осталась закрытой, если, конечно, это была дверца лифта.

— Ничего,— сказал разочарованный Иван.— Не зная, как управляется здешняя техника, мы...— он не договорил.

Дверца просветлела, из серо-коричневой превратилась в прозрачно-голубую, стала утоньшаться, таять и исчезать, открыв знакомый решетчатый короб лифта с панелью окошечек. Одно из квадратных окошечек светилось зеленым светом, и на этом фоне чернели буквы ПЛ и ниже цифры: «— 1000 000».

— Ага,— бодро сказал Иван.— Мы здесь... черт знает где! Ну, едем ниже?

Тая кивнула.

— Вперед!

Палец коснулся окошечка ниже светящегося, волна теплого воздуха прошла по телу снизу вверх, странная тяжесть легла на плечи, хотя по идее должна была наступить потеря веса из-за па-

дения вниз. Проем двери потемнел, исчез, в кабине погас свет.

Движение длилось с минуту, не больше. Тяжесть схлынула, раздался металлический щелчок, и вновь загорелись невидимые светильники. Окошечко на панели высвечивало букву «М» и цифры: — 70 000 000».

— Знаешь...— Иван задумчиво разглядывал цифру.— Кажется, я и в самом деле сделал открытие. Все сходится.

Тая потянула его за рукав.

— Выходи, а то я боюсь. Что же это за открытие?

— Подожди, вот проверим, куда мы с тобой попали, и скажу.

Этот этаж оказался сухим, теплым, заполненным таинственным движением и жуткой механической и полумеханической жизнью. В первом же коридоре наткнулись на отряд пауков, затем на колонну знакомых полусфер с хлыстами-антеннами и ногами-щупальцами и наконец на жуткую черную фигуру, внушающую ужас и отвращение. Фигура напоминала грубую скульптуру человека с намеками на голову, плечи, руки и ноги и в то же время создавала впечатление чужеродности, неземной угрюмой силы и целеустремленности. В трехметровой высоты коридор она вмещалась с трудом, и при каждом ее шаге пол ощутимо вздрагивал. На людей она не обратила внимания, вперив горящий взгляд (глаз у нее был один — горизонтальная щель на лбу) куда-то вдаль.

Проводив взглядами закованную снизу до пояса в полированный металл фигуру, путешественники переглянулись и дальше шли уже с опаской.

Коридор был светлый, широкий, со множеством дверей, преимущественно закрытых, но встречались и выломанные двери. Одна из комнат с такой дверью, куда заглянули робинзоны, была на всю глубину заткана белой светящейся паутиной, в другой лежали аккуратные ряды белых цилиндров, а в третьей ворочался густой черный дым, перехлестывая иногда через порог и растекаясь по коридору медленно редеющими струями. Пол коридора возле комнаты был сплошь металлическим, пахло здесь озоном и сгоревшей изоляцией.

Иван с помощью испытанного приема открыл наугад одну из дверей с металлической полосой и увидел громадный зал, полный летающих алых огней. Пахнуло горячим воздухом и озоном, а откуда-то из глубины зала вдруг забормотал гортанный голос:

— Не входить, без ТФЗ не входить! Опасность! Не входить...

Иван отступил, и дверь закрылась.

— Там люди! — прошептала побледневшая Тая.

Иван с сомнением покачал головой, снова открыл дверь. Тот же голос опять начал бормотать на одной ноте:

— Не входить без ТФЗ! Напоминаю: опасность распада! Без ТФЗ не входить...

— Кто здесь есть? — крикнул Иван.— Выйдите, пожалуйста, сюда!

Голос поперхнулся, молчал несколько секунд, потом продолжал:

— Я сто первый РК, выйти не могу, предупреждаю: без ТФЗ не...

Иван махнул рукой, отступил назад. Дверь закрылась и отрезала бормотание неведомого «сто первого РК».

— Автомат. Людей здесь нет.

Они прошли по коридору километра два и вернулись к залу лифта. Второй коридор оказался копией первого, а в третьем произошел инцидент между Иваном и пауками.

Этот коридор был, собственно, не коридором, а отполированной до блеска металлической трубой диаметром примерно в два человеческих роста. Дверей в нем не было, но через каждые сто метров по обе стороны центральной рубчатой дорожки в стенках трубы выдавались черные цилиндры с окулярами, похожие на тубусы микроскопов. На торцах некоторых цилиндров горели крошечные зеленые огоньки.

Иван осмелился заглянуть в окуляр одного из выступающих «тубусов» и увидел далеко-далеко несколько искаженный пейзаж с «доисторическим» лесом, скалами, рекой и золотистым светящимся столбом на горизонте.

— Нечто вроде смотрового колодца,— сказал он и отодвинулся, давая спутнице возможность заглянуть в окуляр.— Или телескопа.

Тая посмотрела и разогнулась.

— Телескоп приближает предметы, а эта трубка уменьшает.

— Но все равно служит для наблюдения. Интересно, а что на другой стороне?

Они отыскали работающий «телескоп», отмеченный зеленым глазком индикатора (остальные трубы не просматривались), на правой стороне тоннеля и увидели далекий зеленый хвойный лес.

— Лес,— сказал Иван, и до него дошло, что смотрит он в направлении внешней стороны здания.— Это же снаружи, Тая! Это воля!

Они еще несколько раз по очереди заглядывали в окуляр смотрового устройства, словно не могли наглядеться на родной до слез хвойный простор, и побрели обратно в зал с лифтом: идти дальше по трубе не имело смысла, новых открытий она не сулила. И тут сзади раздался звонкий удар, тихое жужжание, метровый кусок тоннеля в потолке плавно пошел вниз, из образовавшегося проема на пол посыпались пауки. Они построились в колонну и, дробно цокая лапами по металлическому настилу, пронеслись мимо прислонившихся к стенке тоннеля людей. Но последний почему-то

вернулся, постоял невдалеке, шевеля поднятыми передними лапами и не сводя глаз с побледневшей Таи, и внезапно быстро и молча вцепился в протянутый навстречу для защиты стержень Ивана. Потянул к себе. Иван рванул свою «дубинку» назад, но паук держал крепко, хотя, как он ее держал, понять было нельзя. Так они тянули стержень в разные стороны добрую минуту, потом Иван не выдержал и заорал:

— А ну пошел вон, дурак!

Паук присел от акустического удара, выпустил стержень и умчался в тоннель. Тая вскрикнула в испуге — крик Ивана и для нее был неожиданным — засмеялась:

— Напугал ты его!..

— Будет знать, как хватать! Кстати, что-то пауки здесь очень смирные: не кричат на нас, не пугают инфразвуком...— Иван заторопился, заметив, что Тая пытается сдержать зевок.— Пойдемка, выйдем из нашей тюрьмы, зажжем костер, поедим и — спать. Бродим без отдыха уже девятый час подряд.

Они вышли в кольцевой зал с колонной лифта, нашли в его стене не замеченную ранее дверь, но она вдруг открылась сама, и навстречу, утробно урча, выползла полусфера с гибким членистым хлыстом красного цвета. Иван с Таей отскочили к стене зала, металлическая громадина, помаргивая передним голубым глазом, бесшумно просеменила к толстой колонне лифта. Ивану почудился незнакомый запах, будоражащий и гнетущий одновременно.

— Пошли,— тихо прошептала Тая, глядя на замершую «черепаху», хлыст которой ощупывал колонну лифта омерзительно «живыми» движениями.

Дверь осталась открытой, и путешественники юркнули в нее, не глядя, куда ведет новый путь. И тут лифт вдруг выбросил из чрева двух пауков. Первый из них явно не ожидал встретить препятствие и с ходу столкнулся с полусферой. Дальнейшее произошло в течение трех-четырех секунд.

Хлыст «черепахи» мгновенно выстрелил в паука, как плеть, и часть паучьего бока вместе с лапой оказалась начисто снесенной. Паук же мгновенно отскочил назад и поднял вверх передние лапы. Второй удар «плети», почти незаметный глазу — так быстро он был нанесен, и обе лапы паука упали на пол. Паук окутался белым облаком газовой продувки, он и не думал сопротивляться, и третий удар разящего хлыста развалил его надвое. Зато его спутник, смотревший на схватку из клети лифта словно в оцепенении, прыгнул прямо на полусферу, из его туловища сверкнул узкий лучик, вонзился под глаз полусферы. Паук увернулся от изогнувшегося хлыста, чиркнул по его основанию тем же лучом, и хлыст с шипением превратился в струйку вспыхнувшего газа.

Внутри «черепахи» что-то забулькало, она попятилась, неуве-

ренно переставляя гофрированные ноги-шланги. Паук, избежавший печальной участи товарища, несколько мгновений смотрел на полусферу ничего не выражающим взглядом, потом проскрипел что-то и умчался в круглый тоннель.

Черепаха вдруг осела на пол, на ее макушке вырос желвак, из которого начал вытягиваться розовый, как коровий сосок, палец.

Таю затошнило, и Ивану пришлось поспешно увести ее от этого зрелища. Они отошли от двери, и та закрылась, отрезав доступ в зал, где произошла схватка между автоматами.

Пленники оказались в пустом конусовидном помещении с гладким светящимся полом. Противоположная сторона помещения заканчивалась белым диском с тремя круглыми штурвальчиками — то ли дверь, то ли какой-то пульт. Как только люди приблизились, он тихонько клацнул и зажег уже виденные ранее букву «М» и цифры: «— 70 000 000».

— Что они не поделили? — спросила Тая, кивая назад.

— А пес их знает,— пожал плечами тот.— Вероятно, от неожиданности. Жалко паука...

— И мне... Я к ним как-то привыкла, а эти полусферы... какие-то чужие, неестественные... как и тот черный...

— Чужие — хорошо сказано. Они всему здесь чужие. Ты заметила, она там отращивает новый хлыст?

Тая поморщилась.

— Не вспоминай. Куда же теперь?

— Как куда? Только вперед.

Иван подошел к пульту.

— Откройся! — сказал он грозно.

На поверхности диска загорелась зеленая стрелка, указав на один из штурвальчиков.

— Техника что надо! — одобрительно сказал Иван.— Сплошь автоматика речевого приказа плюс системы безопасности.

Он потянул за штурвальчик, покрутил вправо, потом влево, снова потянул, и диск со всеми его приспособлениями отъехал в сторону.

— Что я говорил? — Иван чуть нагнулся и шагнул в проем.

Он оказался на каменистом взгорке с разбросанными тут и там валунами. Дальше начиналась утоптанная кем-то, может быть, и «черепахами», тропа, переходящая в просеку в великаньем лесу, состоящем из гигантских пирамидальных деревьев с красноватой корой, похожих на секвойи, и из деревьев с чешуйчатыми стволами, напоминающих сосны и араукарии одновременно. Были и еще какие-то деревья и кустарники, но уж и вовсе неведомого облика. Из-за леса вставало золотое зарево и доносился неумолчный приглушенный гул, скрадывающий все остальные звуки. Порыв ветра принес из леса терпкий запах смолы и зелени и... смрадный трупный запах.

Иван нагнулся к низкому отверстию выхода, позвал Таю, и в это время из-за ближайших древесных колоссов на просеку бесшумно шагнул чудовищный исполинский динозавр! Ростом с трехэтажный дом, двуногий — ноги похожи на птичьи, в пупырчатой броне, с подергивающимся в такт шагам хвостом, двумя передними двупалыми лапками, маленькими по сравнению с задними, и полуторараметровой пастью, полной саблевидных зубов.

— Господи! — слабо ахнула Тая и юркнула обратно.

Иван, словно в столбняке, медленно нашарил рукой край двери, не спуская глаз с чудовища. В памяти всплыло название зверя — тираннозаврус рекс. Но это был близкий родственник тираннозавра — тарбозавр, самый страшный из хищных динозавров конца мелового периода мезозойской эры.

Тарбозавр птичьим движением повернул голову к человеку, глаза его покрылись слюдяной пленкой — он мигнул. И тут Иван опомнился и прыгнул в круглый проем, откуда слышался зовущий голос Таи.

6

Они нашли эту полость спустя час после бегства от динозавра. Полость была просто глубокой нишей в стене коридора, и хотя по коридору то и дело проносились пауки, а иногда и другие странные полуживые-полумеханические твари, путешественники решили отдыхать здесь. Во-первых, пол ниши был устлан толстым слоем похожего на поролон материала, во-вторых, здесь было тепло и уютно и, в-третьих, Тая уже не могла идти дальше.

Иван выбросил из темной ниши в освещенный коридор бесполезный фонарь — лампочка уже еле тлела — и сел рядом с молчавшей девушкой, ощущая, как сладко ноет поясница и гудят натруженные ноги.

— Есть хочешь? — спросил Иван спустя минуту, чувствуя, что еще немного, и он уснет.

— Больше пить, чем есть,— призналась Тая.— Как ты думаешь, нас найдут?

Иван честно попытался представить, как их ищут, но у него ничего не получилось. Все же он успокоил Таю:

— Конечно, нас уже ищут. Ивашура, небось, поднял на ноги всю округу...— Иван замолчал. Ивашура остался в Брянском лесу вместе с Рузаевым, Гаспаряном и другими. Здание же, внутри которого они путешествовали вдвоем, не могло находиться в том же лесу. Таких циклопических сооружений, превосходящих по размерам все созданное людьми, не было на всей Земле. И все же оно стояло на Земле, в этом Иван не сомневался.

— Как ты думаешь, где мы? — тем же ровным голосом спросила Тая, словно не заметила оговорки эксперта.

Иван подумал, потом с трудом встал.

— Я сейчас, посиди.

Уже из коридора он пробормотал:

— Я знаю, что мы на Земле и в то же время внутри какой-то громадной башни... Подожди, я сейчас приду и расскажу свою идею.

Он вернулся в зал с лифтом, где сражались паук и «черепаха» (следы их борьбы уже исчезли), набрал разноцветных «досок» в куче мусора у запертой двери и приволок к нише. Тая ждала его, высунув голову и напряженно всматриваясь в глубь уходящего в неведомое коридора.

— Не оставляй меня одну,— попросила она, облегченно вздыхая.

Иван кивнул и стал разводить огонь.

Вскоре костер с некоторой неуверенностью стал поедать «доски», которые принес эксперт. Теперь стало видно, что это вовсе не дерево, хотя рисунок на «досках» был древесный: «доски» горели чистым зеленым пламенем и почти без дыма. От огня попахивало жареными орехами и чем-то «больничным», вроде йода или камфары. Иван поколебался, потом изжарил на пробу кусок мяса и осторожно отведал. Мясо было вполне съедобным. Тогда он зажарил весь оставшийся запас козлятины и разделил на две порции.

— Хлебушка бы...— вздохнула Тая.

— Негоже, Таисия свет Васильевна,— проговорил Иван с набитым ртом,— перебирать харчами в нашем положении. Ешь, что бог послал, то есть питекантропы-охотники.

Тая немного пожевала мяса и покачала головой.

— Не могу... не лезет...

— Да, водицы испить бы не мешало.— Иван спрятал остатки трапезы в карман.— Только где ее искать? Эй! — крикнул он, заметив бегущего по коридору паука: страха перед ним у Ивана никакого не было, пауки стали для него просто частью обстановки.

Паук резко затормозил у ниши, уставился глазищами, словно в недоумении перебирая лапами.

— Будь другом, принеси воды,— проникновенно попросил Иван.— А то умрем от жажды.

Паук постоял немного в позе растерянности и умчался в недра здания. Тая тихонька засмеялась, следом за ней засмеялся Иван.

— У него был такой вид, будто он знает, что делать,— произнес он сквозь спазмы смеха.

— Словно он думал, что ответить...

Отсмеявшись, они вытерли слезы.

— Теперь я поделюсь своей идеей,— сказал Иван. Оглядев-

шись — глаза уже привыкли к полумраку, он растянулся у теплой черной стенки ниши.— Тот лифт, на котором мы катались, вовсе не лифт, а машина времени.

Тая легла у другой стенки лицом вверх, глаза ее были открыты.

— Что молчишь? Разве я не прав?

— Я думаю... Наверное, прав.

— Помнишь цифры в лифте на кнопках-окошках? Последняя была — минус семьдесят миллионов, так? А тираннозавры, кстати, жили именно в это время: шестьдесять пять—сто миллионов лет назад, в меловом периоде.

— Может быть.

— Почему «может быть»? Все сходится. Я теперь думаю, что Валера был прав. Помнишь Валеру? Наш самый молодой эксперт. Что-то произошло со временем, он говорил — фурункул времени. Вот и прорвались к нам мамонты, динозавры... питекантропы.

Тая не отвечала.

— Спишь? — вполголоса спросил Иван, подождал, потом встал и подошел к девушке. Тая спала. Он поколебался немного и вернулся обратно. Сон упал могильной плитой...

Проснулся он от крика и машинально схватился за стержень.

Кричала Тая. У ее ног сидел паук и держал в трех лапах что-то круглое.

Тая прижалась спиной к стене и выставила вперед руку.

— Пошел прочь! — Иван вскочил и замахнулся стержнем.

Паук отпрянул, секунду глядел на человека без всякого выражения, выронил на пол круглый предмет и выскочил из ниши. Дробным удаляющимся стуком отозвался пол коридора.

— Вот гад, подкрался! — Иван опустился на корточки возле Таи и погладил ее по волосам.— Испугалась?

Тая кивнула, лицо ее было мокрым.

— Ты плачешь?!

— Нет. Я спала, и вдруг что-то мокрое проползло по лицу...

— Мокрое?

Иван хмыкнул, огляделся, нашел глазами круглый предмет, оставленный пауком, взял в руки.

Это был довольно тяжелый плоский диск с небольшим ребристым выступом на боку. Иван повертел его в руках, нечаянно надавил на выступ, и в лицо брызнула струйка воды. От неожиданности Иван выронил диск и вытер лицо ладонью.

— Черт побери! Вода!

Тая на коленях подползла к нему.

— Вода? Где?

— Да вот в этой... фляге...

Он снова поднял диск, прижал пальцем выступ, и из центра диска ударила тонкая струя воды.

— Вода! Это действительно фляга! Паук принес воду, понимаешь?

Они долго и с наслаждением пили.

— Вот это сюрприз! — Иван, отдуваясь, положил флягу на пол и откинулся к стене.— Паук понял! Но тогда никакой он не паук, а самый настоящий кибер, как я и догадывался. Конечно, кибер, автомат... А раз он понял, то это еще раз доказывает, что мы на Земле.

Тая слабо кивнула, легла, глаза ее закрылись, но она тут же встрепенулась.

— Ложись рядом! Пусть паук будит тебя.

Иван улыбнулся, глотнул еще раз воды, удивляясь, что фляга не иссякает, и лег. Тая повернулась к нему лицом, обняла, провела пальцем по подбородку.

— Знаешь, без бороды я тебя уже не помню.

Последней мыслью Ивана было: надо сказать пауку, чтобы вывел к людям...

Проснулись они от толчка: пол под ними дернулся и задрожал.

Издалека донесся гул, серия свистов различной тональности. Снова толчок и вибрация пола, заметная даже сквозь «поролон», и вслед за этим снова гул и свист.

— Что это? — приподнялась Тая, протирая глаза.

Иван несколько секунд прислушивался к затихающему гулу, потом встал и выглянул в темный коридор, освещаемый кое-где мигающим красным светом. По потолку коридора промчалась алая световая стрела, снова дернулся пол, толчок едва не выбросил Ивана в коридор. Где-то близко прозвенел звонок, раздался топот, непонятное бормотание, шорохи и металлические лязги. Мимо ниши вихрем промчался паук, за ним еще несколько.

— Что-то случилось,— пробормотал Иван, возвращаясь к Тае. Пол теперь трясся непрерывно, из глубины здания волнами накатывал тяжелый гул, прерываемый ударами гонга.

— Что будем делать?

Свет в коридоре продолжал мигать, иногда по стенам или потолку проносились огненные змеи, какие-то символы и слова. Звонок доносился не переставая, где-то хлопали двери — было похоже на это, что-то осыпалось со стеклянным хрустом и звоном. Кто-то скребся в стену ниши, изредка стуча в нее чем-то тупым и тяжелым.

Тая подхватилась с пола и попятилась к выходу из ниши, оглядываясь на Ивана.

— Там кто-то есть!

Костров не успел ответить. Совсем рядом пугающе громко закричал паук, ему ответили такие же крики в разных концах коридора.

В потолке ниши загорелась пульсирующая алая звезда, и раздался голос:

— Внимание, хроносдвиг! Длительность сто семь лет, коррекция сверху невозможна. Горизонт в провале, горизонт в провале. Покинуть горизонт! Всем ТФА покинуть горизонт! Даю отсчет времени: три минуты, две минуты пятьдесять девять, две минуты пятьдесять восемь, две минуты...

Иван сориентировался первым.

— Бежим! Иначе тоже окажемся «в провале».

Он схватил флягу с водой, стержень, помог Тае подняться, и они побежали, не обращая внимания на спасающихся бегством пауков.

До зала с лифтом, к счастью, было недалеко, но бежать по дрожащему полу оказалось не просто — хуже, чем по песку. Иван считал в уме секунды, и когда они выскочили из коридора в кольцевой зал, по его подсчетам выходило, что до истечения трех минут оставалось секунд сорок, не больше.

Дверца лифта была открыта, и кабина до половины оказалась забитой пауками, а они все прибывали и прибывали. Один из них транслировал отсчет неведомого автомата: сорок один, сорок, тридцать девять, тридцать восемь...

— Кыш отсюда! — рявкнул Иван, тыкая стержнем в массу пауков и ожидая сопротивления. Те замерли, разглядывая непрошеных гостей, потом мгновенно расчистили угол кабины.

Тая было уперлась, с ужасом глядя на скопище неприятных созданий, но Иван потянул ее за собой. Гул в зале слышался все отчетливей, да и пол здесь трясся сильней.

— Восемнадцать, семнадцать, шестнадцать...— размеренно считал равнодушный металлический баритон.

Иван поискал глазами панель управления лифтом, протянул было руку к ряду окошечек-кнопок, но его опередил один из пауков, ткнув суставчатой лапой в середину панели.

Дверь лифта проявилась из ниоткуда, словно загустел сам воздух, ударило в ноги, еще и еще раз. Кабину стало раскачивать и трясти, она то падала свободно вниз, то тормозила, то начинала вибрировать так, что в голове и позвоночнике отдавало болью.

Тая села на пол. Иван тоже был вынужден опуститься рядом.

Сколько времени они так мчались — не мог потом вспомнить никто. Кабина внезапно остановилась, будто наткнулась на препятствие. Дверь растаяла, и пауки посыпались вон, сразу исчезнув в темноте: в помещении, куда их доставил лифт, было темно, хоть глаз выколи.

Иван посмотрел на панель с окошечками, в одном из них светились буквы ВЮ и рубиновые цифры: «—150 000 000».

— Прибыли,— сказал эксперт.— Если не ошибаюсь, мы по-

пали куда-то в юрский период — как раз сто пятьдесят миллионов лет назад. Или около того.

Он взял Таю за руку и вывел из освещенной кабины. Дверь лифта тотчас же закрылась — стала плотной и непроницаемой, свет померк. Люди остались в полной темноте.

В помещении стоял запах плесени, сырости, где-то звонко цвинькали в пол капли воды. Издалека доносился приглушенный рокот и буханье, от которых еле заметно вздрагивал пол.

Иван подумал, достал резиновую перчатку, насадил на стержень и поджег. Чадящее пламя выхватило из тьмы мохнатые от белесого слоя плесени стены и мокрый, серый, в зеленых и синих пятнах пол зала.

Тая передернула плечами.

— Как в погребе... Мне кажется, мы уже здесь были.

— Нет,— отрицательно качнул головой Иван.— Похоже, но не то. Грязи меньше и следов нет.

Он прошелся по залу, вспугивая дребезжащее эхо.

В зал выходили три коридора, как и на других этажах. Один из них вел на лестничную клетку, лестница была цела и уходила в неведомые глубины и высоты. Второй коридор был залит водой и походил на трубу канализации. В третьем слабо фосфоресцировал потолок, вернее — пятна какой-то нитевидной плесени, и вдоль стен были проложены пучки труб разной толщины.

— А все-таки странно, что нет людей! — сказала Тая.— Одни пауки, «черепахи»... и черные нелюди...

Иван не ответил. Он не верил, что в здании больше никого нет. Но сомнение уже начало свою работу, и бороться с ним было все трудней. Более четырех суток прошло со времени падения вертолета, и за все это время они ни разу не встретили людей. Куда подевались хозяева этого неимоверного, ужасающего размерами здания?! Ради чего оно построено? И главное — где?

Нет ответа!

А лифт? Что это за лифт, который никуда не везет, то есть остается на поверхности земли, но зато меняет эпохи? Пресловутая «машина времени»? Или нечто вроде кабины пневмотранспорта, доставляющей пассажиров в разные сектора какого-то гигантского «заповедника истории Земли»?..

Нет ответа!

А золотистое марево «во дворе» здания, вечно грохочущее и тревожащее? Что это такое? Почему к нему бегут отряды пауков?

Нет ответа!

Что же делать? Куда идти? Вверх? Вниз? Сколько они продержатся? Как велики у них запасы терпения, позволяющие поддерживать в себе уверенность в благополучном исходе путешествия и не опускаться до тезиса: выжить любой ценой?..

— Охотно бы сейчас проснулся,— сказал Иван, поднимая повыше свой «факел».— А ты?

Тая улыбнулась в ответ бледной улыбкой.

— И я! Твержу, как заклинание: пусть это будет сон!

Они взялись за руки и вошли в коридор, не зная, куда он выведет их на этот раз.

Выбрались из здания через громадный пролом: здесь обрушилась часть стены высотой примерно до восьмого этажа.

Тот же «двор»: золотое сияние за лесом, зеленоватое небо, бесконечная стена здания, плотная и осязаемая до высоты в двести метров и зыбкая, расплывающаяся в туманно-серую пелену выше двухсот. Но лес был другой и ландшафт тоже.

Справа и слева от пролома в стене вставали заросли высоких папоротников и хвощей, каких-то чешуйчатых деревьев, похожих на пальмы, и длинноствольных, с нежной розовой корой сосен. В просвет между зелеными купами виднелось озерцо с голубой водой. Ближний берег озерца был пологим и песчаным, а дальний, каменистый и крутой, порос теми же «пальмами» и древовидными папоротниками. За лесом из пальм вырастал переливающийся желтым сиянием туманный столб, истаивающий где-то на десятикилометровой высоте багровыми струйками и плоскими облаками.

В кустах слева что-то зашуршало, и на прогалину с шумом выпрыгнула странная птица с отливающим металлической синевой оперением, с длинным хвостом и зубастой пастью вместо клюва. Размером птица была с крупного орла. Она заметила людей, растопырила крылья, зашипела, показав длинный красный язык, и поскакала прочь.

— Археоптерикс? — ахнула Тая, прятавшаяся за спиной Ивана. Тот поднял палец к губам.

— Тише.

Сквозь шорохи леса донеслись далекие визгливые крики, шлепанье и тупые удары, от которых вздрагивала почва.

Иван жестом показал Тае, чтобы она осталась на месте, не замечая мольбы в ее глазах, и быстро перебежал на берег озерца. Он увидел, что озерцо — на самом деле язык залива, уходящего вправо до горизонта. Слева залив переходил в цепочку мелких, но широких луж, по которым бродили туши на слоновых ногах, с длинными хвостами, с осклизлой серо-фиолетовой кожей, длинными и тонкими шеями, напоминавшими змеиные тела, которые венчали крохотные головки. Длина этих громадин достигала метров тридцати. При каждом шаге раздавалось гулкое «тумм», от которого вздрагивала земля.

— Бронтозавры! — прошептала над ухом Тая.

Иван оглянулся. Девушка стояла рядом и смотрела на тяжеловесных созданий круглыми глазами.

— Это диплодоки,— поправил Иван.— Бронтозавры короче, да и шея у них была потолще.

Диплодоки окунали головы в лужи, потом по-куриному вздергивали их вверх, жуя зеленые плети водорослей. На людей они не обращали внимания, постепенно удаляясь по низине в редколесье папоротников.

— Они нам не опасны,— пробормотал Иван.— Диплодоки были растительноядными.

Издалека снова донесся визг — очевидно, крик диплодока. Тая невольно вздрогнула.

— Давай вернемся, Ваня.

— Ты боишься?

— Не боюсь, но эти диплодоки — танки, а не животные! Задавит и не заметит!

— Они ушли. Предлагаю пройтись к золотому костру на горизонте. Все же интересно, что это такое. Да и пищу какую-нибудь раздобудем, коренья там, плоды... Будь с нами Рузаев, мы были бы обеспечены квалифицированными советами по части съедобных растений. Я, к сожалению, в ботанике и биологии разбираюсь слабо.

Они напились из чудесной фляги, принесенной пауком. Напор воды не падал, несмотря на то, что они пили уже несколько раз, а объем фляги не превышал литра. Иван повертел флягу и у края диска нашел выпуклые цифры: «2301». Это число встречалось им уже несколько раз, но что оно означает, догадаться пока было невозможно, хотя у Ивана и мелькала догадка, что цифры эти означают год изготовления.

Часа два они пробирались по первобытному лесу. Вокруг стояли стройные, похожие на пальмы деревья с расходящейся веером кроной, полуторараметровые и выше папоротники, похожие на пирамидальные тополя, но с хвоей — предки секвойи, а также громадные великаны с тысячами ветвей, похожие на гинкго. Листья этих древесных исполинов были глубоко рассечены на две узкие доли.

Травы в лесу почти не встречалось, ее заменяли побеги папоротников, плети какого-то ползучего растения и мелкие злаки в виде метелок и гребней. Диплодоки больше не попадались, но бродили где-то недалеко: изредка ветер приносил их визгливые крики. Зато дважды показывались другие животные. Сначала Иван вспугнул странное двуногое существо, похожее на тираннозавра, но величиной... с курицу! У существа была вытянута голова с зубастой пастью, короткие «ручки» с тремя пальчиками и куриные ноги. «Динозавр» выскочил из-под листьев папоротников, зашипел в сторону людей и бросился наутек.

Вторая встреча произошла на каменистом откосе заросшего хвойными пирамидами холма. Иван почти сразу узнал стегозавров

в двух массивных животных, ползущих мимо. Спины этих панцирных динозавров украшали два ряда крупных костных пластин, хвост, напоминающий булаву с шипами, волочился по земле. Один из стегозавров в два удара хвостом повалил небольшую «пальму» и принялся меланхолично жевать молодые верхние листья, второй протопал мимо и скрылся за деревьями.

Иван встретился взглядом с Таей и ободряюще подмигнул.

— Не дрейфь, Таисия, стегозавры, по-моему, тоже питались только растительностью. Это тебе не тираннозавр — la bestia senza pase [1].

Тая слабо улыбнулась.

— Эксперты говорят по-итальянски?

— А журналистам это в диковинку?

— Ну, все же в наше время стандартный тест на интеллигентность — знание английского. Но итальянский...

— Просто моя мама — преподаватель итальянского в университете. But I speak English too [2].

Тая засмеялась.

— Ты самородок. Не предполагала, что рыжий...

— ...рыжий Костров способен выучить иностранный,— подхватил Иван, рассмеявшись в свою очередь. Он был рад, что девушка не пала духом в этом диком путешествии. С нею было легко и просто, и Костров благодарил судьбу за то, что именно он оказался рядом с Таей в момент испытания. Он был убежден, что основной их экзамен на терпение, выдержку и выносливость — еще впереди.

Лес вскоре кончился, дальше насколько хватало глаз расстилалась каменистая пустыня, поросшая кое-где куртинами зеленовато-бурой травы или мха. Золотистая колонна светящегося тумана возвышалась над горизонтом, как след упавшего болида. Длинные струи и волокна, шарфы и шлейфы дыма текли по ней снизу вверх, теряя яркость, и гасли, превращаясь в малиновые и багровые перья. Непрерывный гул, исторгаемый колонной, был здесь слышен лучше, чем у стены здания, а может, люди уже привыкли к нему и перестали замечать, и лишь там, где ничто не отвлекало внимания, он напомнил о себе.

Иван несколько раз подпрыгнул на месте, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Знакомое явление. Они уже испытали на себе уменьшение силы тяжести, когда пробирались к источнику света по заснеженному лесу. Идти дальше не хотелось, интуиция подсказывала, что впереди опасность. Однако стоило все-таки проверить, в чем она заключается, почему в этом странном мире меняются ландшафты, эпохи, но не меняется таинственный грохочу-

---

[1] Зверь, не знающий мира *(ит.)*.

[2] Но я говорю и по-английски *(англ.)*.

щий туманный столб, служащий единственным источником света.

И они рискнули пойти дальше.

Вскоре шапки мха перестали попадаться не только на вершинах увалов, но и в низинах, в ямах и рытвинах бугристого плато. Идти становилось все легче. Словно какая-то сила постепенно нейтрализовала силу тяжести, притягивая людей к световому столбу, заставляя их сдерживать шаг и пристальнее вглядываться вперед. Еще через два километра на горизонте показалась стена. Тяготение здесь уменьшилось настолько, что каждый шаг уносил людей на два-три метра. Иван замедлил движение, и дальше они передвигались чуть ли не ползком.

Стена оказалась выстроенной из частокола металлических труб диаметром с туловище человека и высотой с пятиэтажный дом. Над ней знойным маревом дрожал воздух — трубы были раскалены чуть ли не до красного свечения.

— Приехали,— сказал Иван, подавляя слабый протест желудка. У стены царила почти невесомость, и тело казалось воздушным шаром, готовым улететь в небеса.

Из-за стены доносился гул, шипение и бульканье, будто кто-то огромный парился в бане, выливая на раскаленные камни ушаты воды. Каменистая, покрытая коркой почва часто вздрагивала и колебалась, как верхний слой торфа и земли на болоте.

— Хоть бы одним глазком поглядеть, что там,— сказала Тая, пряча в глубине глаз страх перед неведомым явлением.

Иван прикинул высоту стены и покачал головой.

— Не влезем, она гладкая и горячая. Может, стена не везде одной высоты?

Они поползли вдоль частокола труб, обливаясь потом; даже в десятке метров от стены несло невыносимым жаром.

Им повезло. Через полкилометра наткнулись на гигантский механизм, который приняли сначала за странной формы скалу. Но это была не скала, а нечто вроде колоссального кентавра, преодолевшего в прыжке препятствие, но упавшего на передние ноги и умершего в таком положении. Конечно, механизм имел еще множество деталей, выступов и отверстий, но обводы корпуса все же превращали его в «кентавра». Правда, вместо головы на «человеческом торсе» вырастал членистый рог длиной около пяти метров. Он был сизо-серым, а весь корпус механизма лоснился чернотой полированного металла.

— Вот это паровоз! — опомнилась Тая.— Такого мы еще не видели! Он не оживет, как та «черепаха»?

Вместо ответа Иван полез на колоссальную машину, цепляясь за штыри и выступы.

— Лезь за мной, только держись крепче, не то улетишь. Некоторые штыри скользкие.

Они взобрались на «ногу» механизма, перелезли на «грудь», потом на «спину кентавра». Если бы не потеря веса, вряд ли бы им удалось взобраться на колосса без веревок и страховочных приспособлений.

С «крупа кентавра» им открылась удивительная картина.

За стеной шла узкая, с километр, полоска черной выжженной земли, дальше над ней появлялись плоские фиолетово-сиреневые слои тумана, сливающиеся в двух-трех километрах в плотную пелену. Эта пелена начинала вспухать, расти и образовывала светящееся оранжевым светом кольцо. За ним еще одно кольцо — желтое, а уже из него вырастал ослепительно желтый столб, состоящий из туманных струй, непрерывно текущих ввысь и расплывающихся чудовищным грибом на большой высоте.

— Ой, смотри, пауки! — Тая тронула Ивана за ногу.

По черной земле неслась колонна пауков, но размерами они превосходили тех, что встречались в здании и еще раньше, в Брянском лесу.

Иван тихонько присвистнул.

— Вот это да! Они же ростом с меня!

Пауки исчезли в пелене тумана.

В толще многокилометрового текучего столба разгорелась яркая звезда, раздался гулкий удар, вздрогнула «спина кентавра».

Если бы Иван не держал Таю за руку для страховки, она свалилась бы вниз.

— Держись! На этом «скакуне» далеко не ускачешь. О, глядика!

Из светящегося дыма вынырнула какая-то черная тень, за ней другая, третья... десятая. Ивану почудилось нечто знакомое в их очертаниях, но они были далеко, и лишь когда приблизились, возвышаясь над сиреневым полем тумана, Иван понял, что видит таких же «кентавров», как и под ними, но живых! А на спинах «животных» сидели черные фигуры наподобие той, что путешественники встретили в коридоре здания.

Колонна неведомых созданий надвигалась, от их тяжелого бега дрожала земля, хотя, казалось, в невесомости за стеной они тоже не должны весить. Дрожь земли передалась мертвому «кентавру» и людям, вцепившимся в основание «хвоста».

Иван представил, как живые колоссы поворачивают к ним, останавливаются у стены, поднимают «копыта» и... Он перевел дух. «Кентавры» перепрыгнули стену далеко от того места, где стоял их мертвый собрат, и удалились тяжелой равномерной рысью. Их рога «на человеческих торсах» блестели мрачным фиолетовым огнем. Черные фигуры на спинах «кентавров» не пошевелились.

Еще с четверть часа путешественники приходили в себя, рассматривали загадочный столб, кольца и поля тумана, стену из

трех слоев труб, внутренний из которых был раскален до вишневого свечения, и слезли с «кентавра».

— Я боялась, что они повернут к нам,— призналась Тая.— Ну и жуть, правда?

— Темна вода во облацех,— вздохнул Иван.— Я думал, что это автоматы, очень необычные, чужие какие-то, но автоматы. Я имею в виду не только «кентавров», но и всадников. А теперь сомневаюсь... Что же творится за стеной? Конечно, это вовсе не туман, температура там гораздо выше точки кипения воды. Пары каких-нибудь металлов?

Тая промолчала.

Назад идти было гораздо трудней, мешали тянущая к стене сила и ровный ветер в лицо. Но они все же добрались до леса. Отдохнули. Затем с огромным наслаждением искупались в лагуне, стесняясь друг друга, не спуская глаз с ближайших зарослей на случай появления нежелательных гостей. Вода была прозрачная, холодная, пресная, вполне питьевая. Потом Ивану пришла в голову мысль порыбачить — он заметил у берега мелькнувшую серебристую полоску.

Удочку сделали из побега папоротника, леску — из нитки, которую Тая выдернула из своей куртки, крючок — из булавки, нашедшейся, как ни странно, у Ивана. Ни червей, ни мошек на берегу не обнаружилось, и Тая вспомнила про остатки мяса. Насадили мясную крошку, закинули удочку, посмеиваясь друг над другом, и первый же заброс оказался удачным — клюнула толстобокая рыбина величиной с ладонь. Вида ее Иван определить не смог, на языке вертелось название «латимерия»— все, что он знал о древних предках рыб, но это была не она.

Тая вполне освоилась, и пока эксперт удил рыбу, набрала полусгнивших, полузасыпанных песком обломков древесных стволов. Диплодоки ушли, и кругом стояла мирная первобытная тишина.

Развели костер и нажарили рыбы, глотая слюнки. Иван припомнил рассказ О'Генри, где герой и героиня оказались на холме, отрезанном от мира водой, проголодались и начали вспоминать гастрономические блюда.

— Я тоже читала,— кивнула Тая.— Гурман я плохой, мне бы хлебушка к этой рыбке и больше ничего не надо.

— Соли и пива,— добавил Иван, обгладывая рыбьи кости.

Насытившись, прилегли у костра. Смены дня и ночи в этой стране не было, но организм сам давал знать, что нуждается в отдыхе.

— Вообще-то спать лучше в помещении,— проговорил Иван.

— Да-да, я сейчас...— сонно пробормотала Тая.

Иван собрался было по ее примеру подремать — идиллическая картина древней природы была настолько мирной и спокой-

ной, что все тревоги и страхи отошли на второй план,— как вдруг из-за пальмовидных деревьев к ним метнулась громадная птица с голым, почти полуметровым черепом. Птица имела короткое туловище, когтистые лапы, двухметровые кожистые крылья и длинный гибкий хвост.

Иван вскочил и замахал стержнем, отгоняя невиданную птицу. Она, шипя и шумно хлопая крыльями, сделала над ними круг, открывая и закрывая страшный, усаженный крючкообразными зубами клюв, хрипло проклекотала и полетела обратно, выделывая резкие виражи.

— Для полноты впечатлений нам только птеродактилей не хватало,— сказала побледневшая Тая, с которой разом слетел весь сон.

— Это не птеродактиль,— сказал Иван.— Птерозавр, но какой — не помню точно. По-моему, диморфодон.

— А говорил — дилетант в биологии.

— Просто интересовался когда-то историей возникновения жизни. Вот тебе и еще одно доказательство, что мы на Земле. Ну что, потопали в наш большой дом? Здесь оставаться рискованно.

Пошли пятые сутки их блуждания в неизвестном мире.

Этаж здания, примыкающий к «юрскому периоду мезозоя», был слишком неуютен и сыр, чтобы искать в нем пристанище для ночлега. Но и на свежем воздухе устраиваться спать было опасно: хищников в мезозое хватало.

Иван вспомнил «кентавров», их всадников, летающую махину диморфодона и с сомнением взвесил в руке свое оружие. Увы, гарантии безопасности этот стержень дать не мог.

— Остается лифт,— сказал эксперт, не видя в темноте выражения лица Таи.— Или не будем больше рисковать опускаться?

— А чем мы рискуем? — тихо спросила девушка.

«Действительно, чем?— подумал Иван.— Ну вылезем где-нибудь в палеозое, и что? Что здесь, что там — одинаково опасно, зато, может, попадется сухой этаж...»

— Решено! Попробуем подняться вверх, может, и встретим по дороге кого-нибудь.

Лифт услужливо открыл им дверь в решетчатый куб кабины. Пахнуло незнакомым ароматом, в котором смешались запахи цветов, плодов и нагретого металла. На панели управления горело окошечко с цифрами: «— 150 000 000».

Иван поразмышлял и нажал самое верхнее окошко. Дверь закрылась, но кабина осталась на месте.

Так. На самый верх везти не хочет. Попробуем чуть ниже. Но и вторая сверху пластина не оживила лифт, лишь где-то за стенками кабины прозвенел звонок. Иван перепробовал все десять пластин-окошек до их этажа — безрезультатно.

— Придется ехать вниз,— упавшим голосом сказал он Тае. Девушка кивнула, пытаясь ободряюще улыбнуться.

Иван тронул пластину ниже светящейся, и повторились те же ощущения, как и всегда при «спуске» в этом странном лифте: толчок в ноги, волна тепла, давление на уши, тяжесть в теле, потом невесомость, покалывание внутри глазных яблок, слабость...

Они вышли на ярко освещенную площадку. Светились зеленые стены, светился потолок, светился пол и даже труба лифта. Белое сияние заливало коридоры, уходящие в белесый туман свечения. Тихо, ни звука. Не тепло, но и не холодно.

— Годится? — полуутвердительно сказал Иван и первым шагнул в один из совершенно пустых и стерильно чистых коридоров. О том, что свечение может оказаться побочным спутником радиации, он старался не думать, да и обострившаяся интуиция не поднимала тревоги.

Тая шла, спотыкаясь, но не ропща, однако было видно, что идет она через силу. Тогда Иван посадил ее у стены, дал в руки нож, а сам пошел вперед в надежде отыскать какую-нибудь нишу или комнату. Но этот коридор не имел дверей, зато имел дыру в полу, сквозь которую слышался плеск воды. Через несколько десятков шагов появилась еще одна дыра. Чем дальше Иван шел по коридору, тем труднее становилось идти, пока путь не оказался совсем перекрыт длинным провалом: пол здесь на протяжении десятка метров просто отсутствовал.

Иван с опаской приблизился к краю провала, но мрак внизу был слишком густым, чтобы хоть что-нибудь разглядеть. Тогда эксперт вернулся к спутнице. Девушка спала в том же положении, в каком он ее оставил. Иван покачал головой, стянул куртку, свернул и сделал подушку. Потом осторожно уложил Таю у стены и лег сам. Тишина не нарушалась ни единым звуком, вскоре сон сморил и его.

7

Второй коридор заканчивался чем-то вроде тамбура: кубическим помещением с двумя дверями. Стены его не светились, воздух был теплым и влажным, в нос бил неприятный запах гнили, хотя вокруг было чисто.

Иван помешкал, прежде чем открыть вторую дверь, первая уже закрылась за ними, отрезав доступ в сухой и светлый коридор. Видимо, выходом недавно пользовались, и запах гнили был запахом той местности, которая ожидала за дверью. Тая уловила его колебания, но молчала, и Костров почувствовал прилив благодарности и нежности к попутчице, тонко понимавшей его состояние. Она была уверена в нем до конца и поэтому спокойна, ведь недаром же

она полностью доверилась ему во всем, признав за ним право защиты. Как поется в песне: но дело мужчин — пересилить тревоги... А может быть, это шанта — низшая форма любви, выражающаяся в спокойной уверенности, как говорит йога?

Иван уловил слабое пожатие пальцев Таи и ударил кулаком в металлическую полосу, разделявшую дверь на две половины. Дверь втянулась в полосу, исчезла.

Волна жаркого, душного и сырого воздуха окатила их. Воздух был наполнен тяжелым смрадом болота, сырой земли и зелени, дурманящим запахом гниющих трав и грибов, удушливой вонью сернистых газов. Тая закашлялась, зажимая рот рукой. Дышать было тяжело. Теплая липкая сырость невидимой пленкой легла на лица и руки, сдавила тело.

Прямо напротив двери рос из земли буро-зеленый ствол какого-то растительного великана, покрытый жесткими выпуклыми ромбами коры. За ним в зелено-желтом полумраке выступали силуэты других величественных колонн, полностью загораживая небосклон. У подножий великанов виднелись их ветвящиеся корни, похожие на кровеносные сосуды человеческой руки.

Лавина звуков, тихих, но отчетливых, влилась в уши: сопение, чавканье, вздохи, шипение, хруст... Жизнь какой эпохи воскресла перед ними? С помощью каких чудес?..

Совсем близко раздался квакающий рев, будто взревел гиппопотам, захлебываясь и пуская пузыри в болотной жиже. Ему ответил второй «гиппопотам», чуть подальше, и еще один — совсем далеко.

Иван ободряюще улыбнулся потерявшей уверенность Тае и, шагнув из тамбура, оказался по колено в воде. Тыкая вперед стержнем, он двинулся в глубь заболоченного леса от ствола к стволу, то выбираясь на сушу, то снова попадая в мелкие зеленые или ржавые лужи стоячей воды.

В этом лесу встречались деревья, прямые, как столбы, без ветвей, похожие вверху на ершик с густой щетиной листьев, деревья с рубчатыми стволами и редкими, как растопыренные пальцы, ветвями, деревья чешуйчатые, с десятками ярусов звездчатых ветвей, кругами опоясывающих ствол, деревья, усыпанные иглами от комля до вершины...

Над головой плыла крыша из перистых карделябров, громадных пушистых хвостов, чудовищных шишек, листьев на концах развилин и ажурных кружев ветвей, похожих на пальмовый веер.

Под ногами цвел ад пропитанных влагой мхов, хвощей, папоротников и грибов, пробираться сквозь который было трудно и противно.

Иван обливался потом, но упорно шагал вперед, чтобы убедиться в том, что попал в тот же «двор» с золотым столбом, окру-

женный кольцом здания. Вскоре впереди наметился просвет, и они вышли к небольшому вывалу в лесу: с десяток стволов валялись в болотной жиже, придавив друг друга. Нижние из них уже наполовину сгнили, верхние только покрылись синеватой плесенью и семьями грибов, похожих на ярко-розовые уши.

Желтое сияние в просвете зеленых крон подтвердило принадлежность леса к территории «двора».

— Палеозой,— сказал Иван, дыша открытым ртом.— Здесь нам делать нечего.

Издалека прилетел знакомый булькающий рев. Где-то рядом кто-то пробежал, шлепая по воде и ломая папоротники. С дерева в двух шагах от людей упало в лужу гигантское насекомое, похожее на клопа, и тут же зарылось в грязь.

Таю передернуло. Иван ударил по грязи стержнем и махнул рукой, подзывая девушку:

— Держись ближе.

Они вернулись к стене здания и с трудом отыскали дверь в тамбур: стена была вся обвешана плетями каких-то ползучих лиановидных растений, пятнами плесени и мха. В тамбуре их ждал сюрприз: как только дверь закрылась, в стенах и потолке загорелись красные квадраты, волны пурпурного сияния залили помещение, повеяло озоном. Путешественники почувствовали жжение на коже лица и рук, стало невыносимо жарко, но длилось это недолго. Квадраты погасли, жара спала, и открылась дверь в знакомый коридор со светящимися стенами.

— Уфф! — сказал Иван с облегчением, когда они выскочили в коридор.— Чистилище! Здесь хоть дышится нормально. Искупаться бы, как в прошлый раз.

Тая согласно кивнула. Одежда их так пропиталась грязью, что, высохнув, стала походить на жестяные доспехи.

Отдохнули в зале с трубой лифта. Этот горизонт здания был пустынен и тих, как покинутый пакгауз. Видимо, даже пауки посещали его редко. Можно было попробовать подняться по лестнице вверх, но лестничная клетка не светилась, а спичек в коробке осталось совсем мало, поэтому Иван решил еще раз попытать счастья с лифтом.

Они вызвали кабину и помчались «вниз»: кнопки-окошки верхних этажей здания не включали механизм лифта.

Сначала они вышли в силуре.

Взору предстала плоская равнина, усеянная бесчисленными лужами, озерами и лагунами солоноватой воды, отгороженными друг от друга полосами серо-зеленой тины, песчаными валами и цепочкой ржавых плоских камней. Растения здесь напоминали невысокие, ветвящиеся трубки без листвы с закрученными спиралью верхушками.

Иван решил проверить глубину работы лифта, и во второй раз они вышли уже в царстве кембрия: та же равнина, но покрытая темной коркой такыра, широкие и мелкие водоемы, по берегам — приземистые растения. Животных видно не было, воды лагун были прозрачны и мертвы, отражая текучий желтый пламень горящего столба на горизонте. Низкий гул растекался по равнине, дрожала земля, по лужам бежала рябь. Дышалось в этом краю тяжело, хотя жары не ощущалось.

Путешественники побродили по берегу одной из лагун, по молчаливому согласию искупались по очереди в теплой и прозрачной до самого дна воде. Пока Тая занималась стиркой, Иван искал хоть что-нибудь съедобное. На пробу он выдернул одно из хилых растеньиц и обнаружил нежную белую луковицу. Попробовал на зуб: водянисто, кисловато. Съел, прислушался к ощущениям. Когда Тая позвала его, Иван притащил целую связку луковиц, и они наелись первым из растений, почти безвкусным, но зато и безвредным.

К «концу дня», отмеренного часами Ивана, решили еще раз поискать выход из здания или хотя бы встретиться с пауками. В голове эксперта засела мысль попросить паука отвести их к людям или вывести из здания на другую сторону. На худой случай, можно было просто попросить еды — принес же паук флягу с водой.

Горизонт здания, выходящий на сушу кембрийского периода палеозойской эры, был чист, светел и полон механической жизни. Коридоры в нем были не коридорами, а металлическими тоннелями разного сечения. Стены в них представляли собой то гладкие плоскости с рядами круглых вмятин, то невообразимые решетки, озаренные всполохами цветных огней из глубин здания. Воздух был напоен ароматами нагретого металла и пластика, озона и смолы, краски и каких-то неизвестных горьковатых или, наоборот, кислых и сладких испарений. Отовсюду гудело, позванивало и посвистывало, хрипело и дышало, пело на разные голоса и шелестело, словно кто-то невидимый перелистывал страницы сразу двух десятков книг.

Иван и Тая неторопливо шли тоннелем, поминутно ожидая сюрпризов, но кроме обильного звукоизвержения, невидимая жизнь здания ничем себя не выдавала. Только однажды по стене мимо них пронесся паук, и снова лишь звуковая каша выливалась из-за стен, то сплошных, то дырявых, то прозрачных, то непрозрачных...

— Шумновато, но безопасно,— решил Иван, весь травянисто-зеленый от спрятанных в толще стен светильников.— Автоматика у них полностью самостоятельная и не должна причинять вреда живым существам, в том числе и нам. Помнишь три азимовских закона робототехники?

— Помню. Но все же здесь мрачновато. У меня такое впечатление, будто эти тоннели не предназначены для людей. Давай вернемся.

Иван задумчиво замедлил шаги.

— Наверное, ты права. Но и я тоже прав: если уж пауки не причинили нам никакого вреда, то и остальные киберы не причинят. Я все-таки хочу попытаться выйти на другую сторону здания. Странно, что мы все время выходим только во «двор».

Через несколько сот шагов тоннель разделился на два, вернее, от него ответвился узкий ход. Иван, не задумываясь, свернул в этот ход, так как вел он, по расчетам, именно к внешней стороне здания.

В коридорчике, настолько узком, что два человека с трудом могли разойтись в нем, было довольно жарко, стены тряслись мелкой горячечной дрожью. Коридорчик оказался коротким, около полусотни метров, и вывел в самый широкий из всех коридоров, которыми когда-либо проходили путники. Ширина его достигала двадцати метров — Иван специально измерил шагами,— высота — около семи-восьми, и стены его от пола до потолка были забраны шестигранными выпуклыми щитами, похожими на панцири черепах. Пол коридора был коричневым и упругим, словно покрытый толстой каучуковой дорожкой, потолок казался стеклянным.

Иван вышел на середину коридора, осмотрелся: источниками желтоватого неяркого света служили некоторые из щитов на стенах у потолка.

— Больше метро,— прошептала Тая и вдруг зажала рот ладонью, показывая вперед.

Иван машинально заслонил девушку, вглядываясь в сумеречную даль коридора, и увидел вдалеке... человека! Незнакомец сидел на полу, прислонясь к стене, и не двигался.

Иван встретил взгляд Таи, полный тревоги и надежды. Неужели это он — один из строителей или хозяев здания?! — говорил этот взгляд.

— Эй! — шепотом позвал Иван.

Никакой реакции.

— Эй! — позвал он громче.

Человек не двигался, издали было невозможно рассмотреть его лицо, определить, жив он или нет.

Не сговариваясь, они бросились к незнакомцу.

Иван подбежал первым и тронул его за плечо. Человек пошевелился и открыл глаза. Он был бледен до прозрачности, но могуч телом, широк в плечах. Лицо вытянутое, сдавленный у висков лоб, волосы курчавые, черные, глаза тоже бледные — не голубые и не серые, рот безвольный и даже капризный — довольно странное явление для мужчины с такой внешностью. На вид ему было около сорока лет. Одет в синюю куртку необычного покроя и ярко-желтые брюки, на вид блестящие, словно из цветной металлической фольги.

— Что с вами? — спросил Иван.— Вам плохо?

Человек оглядел их равнодушно, задержавшись взглядом на Тае, и снова откинул голову к стене, закрыл глаза.

Иван и Тая переглянулись недоумевающе.

— Вам плохо? — повторил вопрос Иван.— Вы меня слышите? Кто вы?

— Мне хорошо,— неожиданно проговорил незнакомец звучным голосом с каким-то неуловимым акцентом.— Я Лаэнтир Валетов, двадцать первый. А вы — девятнадцатый? — он приоткрыл глаза и снова посмотрел на Таю.

— Почему девятнадцатый? — не понял Иван.

Незнакомец продолжал смотреть на Таю, и она невольно спряталась за спину товарища, краснея и поправляя одежду.

— Девятнадцатый век,— без всякого выражения сказал Валетов.— Я из двадцать первого, вы...

— Из двадцатого, девяностый год. Значит, вы тоже не отсюда?

— Вопрос некорректен логически. Я спал в лесу, проснулся здесь...— Речь незнакомца была медленной, словно он говорил нехотя, через силу, акцент в ней ощущался отчетливо, но какой-то необычный акцент — не грузинский или англоязычный, а другой.

— И долго вы здесь бродите? — вырвалось у Таи.

— Не знаю... месяц... может, два...— Лаэнтир Валетов потерял интерес к разговору и замолчал, глядя в стену перед собой ничего не выражающим взглядом.

Иван снова переглянулся с Таей.

— Значит, вы не знаете, как выйти из здания?

— Здания? Это не здание... и выйти отсюда невозможно, я пытался...

— Так давайте попробуем еще раз, вместе!

Глаза Валетова открылись, тусклые, равнодушные и отрешенные.

— Бессмысленно. Я сделал много попыток, убедился... Идите одни, обреченные.

Иван разочарованно разогнулся.

— Но, может, вы больны? — спросила Тая робко.— Мы вам поможем...

— Чем? — глаза Валетова остановились на рваной штормовке Таи.— Я в вашей помощи не нуждаюсь.— Гость из двадцать первого века расслабленно двинул рукой и сделал вид, что уснул.

Иван с Таей потоптались рядом, отошли в сторону.

— Что делать? — шепотом спросил Иван.

— Странный какой-то... Его нельзя оставлять в таком депрессивном состоянии. По-моему, он болен.

— Так что же, тащить его силой? Куда? Он же сказал, что не знает выхода. Вот не думал, что наши потомки будут такими... такими,— Иван поискал слово,— рыхлыми, вялыми.

— Ну, не все же они такие. А ты веришь, что он из двадцать первого?

— А ты?

— Не знаю. Я уже настолько привыкла ко всему, что не удивлюсь, если он действительно оттуда. И все же оставлять его нельзя, ты только посмотри на него — он явно подавлен и пропадет один.

Иван подумал, кивнул, сделал шаг к сидящему, но тот вдруг молча вскочил и быстро пошел прочь, в глубину коридора.

— Ален... Лаэнтир! — окликнула Тая.

Незнакомец уходил, не отвечая, и вскоре пропал вдали, так и не обернувшись ни разу.

— Черт с ним! — хмуро сказал Иван.— Не драться же с ним.

Они прошлись в молчании по коридору в обратном направлении, переваривая необычную и не очень приятную встречу. У Ивана зрела мысль, что в здании могут бродить и другие люди, причем из разных веков — если верить словам Лаэнтира. Выходит, есть надежда рано или поздно повстречаться с ними...

В левой стене коридора открылось круглое черное оконце.

Иван подошел, заглянул в него, и ему показалось, что сквозь длинную трубу он увидел далеко-далеко синее небо.

— Там! — прошептал он, тыкая стержнем в окно.— Там выход! Видишь?

Они долго смотрели в трубу, потом Костров спохватился.

— Что мы стоим? Надо лезть туда...

— Подожди.— Тая схватила его за полу куртки.— Мне почему-то страшно! Там... как пропасть!

Иван пожал плечами, перехватил удобней свою палку.

— Сейчас проверим.

Он ткнул в оконце, пытаясь нащупать стенки «трубы», и в тот же момент за «окном» грохнуло, вспыхнуло, длинные голубые искры выплеснулись оттуда, одна обожгла Ивану щеку.

Вздрогнули стены, пол. Снова грохнуло, новый толчок отбросил людей от «окна» и вовремя: толстая струя черного дыма ударила из «трубы» в противоположную стену коридора, и тотчас же выпуклые щиты с шипением принялись метать в эту струю электрические молнии. Запахло озоном и паленой резиной. Черный туман распался на струйки и растаял, наступила тишина, в которой где-то далеко раздался вопль паука.

Стены качнуло в последний раз, дернулся пол, из «окна» вылетел какой-то бесформенный сгусток, упал на пол и заскреб тонкими паучьими ногами. Паук! Вернее, полпаука, остальное отсутствовало.

Тая зажала рот руками. Иван встал, помог встать спутнице и повел ее прочь, чувствуя жжение на щеке и что-то липкое, стекающее за воротник. Потрогал рукой — кровь.

— Вот тебе и выход! — пробормотал он.

Тая заметила кровь.

— Ой! Ты ранен! — она достала носовой платок и осторожно промакнула кровь на щеке Кострова.— Царапина, да еще обожженная. Останется теперь на всю жизнь.

— Пустяки,— махнул рукой Иван и подумал: «Сколько той жизни осталось!.. А ну как придется тут жить? Сколько можно будет выдержать? Месяц? Год?.. Конечно, если основать колонию, нарожать детей, вырастить племя, то предаваться унынию будет некогда... С другой стороны, как на это посмотрит Тая?.. Безумие!»

По знакомому узкому коридорчику они вернулись в металлический вибрирующий тоннель и наткнулись на целое стадо пауков, тащивших здоровенный рулон рубчатой коричневой ленты. Один из пауков бросил свой край (на его место тут же встал другой) и подбежал к людям.

— Привет! — пробормотал Иван, выставляя вперед стержень.— Чего надо? Уставился, будто я у тебя что-то взял... Лучше бы поесть принес. Ферштейн? Ду ю спик инглиш? Еда, пища, жратва, шамовка — понял? Принеси поесть!

Паук в замешательстве закатил глаза, пошевелил передними ногами, рванул с места и пропал в ближайшей нише.

— Было бы здорово, да? — сказала Тая, проглотив слюну.

Иван кивнул, достал флягу, напился и протянул девушке.

— Пей. Пусть вода и не заменит сметаны, как утверждают оптимисты, но желудок все же не пустует.

Они вышли из тоннеля в зал с лифтом и нажали на следующую кнопку: Иван не замечал, что нажимает одну и ту же, под светящимся окошечком, но ему казалось, что количество кнопок постепенно уменьшается по мере движения «лифта». Уже включив механизм лифта, Иван горестно воскликнул:

— Эх, надо было подождать! Вдруг паук принес бы поесть?..

Когда лифт «остановился», в окошечке светилось: «А—2,5 млрд.»

— Ага,— сказал Иван.— А это, очевидно, архей.

— «А минус 2,5 млрд.»— два с половиной миллиарда лет назад,— подхватила Тая.— Ну и занесло же нас!

Дверь растаяла белесым облачком, и они вышли в низкий зал, потрясаемый крупной дрожью. Стены зала были сложены из шершавых плит, на вид свинцовых или чугунных. Потолок багрово светился, как раскаленный лист металла, но особой жары не ощущалось. Дышать было трудновато из-за массы незнакомых запахов, хотя иной раз обоняние улавливало знакомую вонь сернистых газов, гнили и горечь ацетилена.

— Мне здесь не нравится,— Тая зажала рот и нос платком и говорила невнятно.— Поедем еще ниже.

Иван отрицательно качнул головой.

— Посмотрим, куда заехали.

С полчаса они плутали в лабиринтах тоннелей и коридоров, похожих на те, что были ими обследованы ранее на других горизонтах, а затем встретили знакомого «черного всадника» — странное и страшное существо в черных «доспехах» с одним горизонтальным глазом, налитым алым свечением, которое уже встречалось им в здании.

«Всадник», топая так, что тряслись стены и пол, вышел откуда-то из-за угла, подошел к тупику коридора, выпростал «из-под доспехов» нечто похожее на обрубок руки, и в стене образовалась круглая дыра, края которой, вскипев белой пеной, остыли молочно-прозрачным «воротником». Не обращая внимания на людей, «черный всадник» втиснулся в дыру, а через минуту раздался равномерный удаляющийся стук — это мчался «кентавр».

Подождав немного и придя в себя, путешественники подобрались к проделанному отверстию, сделав предварительно повязки на нос и рот, чтобы хоть чуть-чуть очищать вдыхаемый воздух от пыли и удушливых газов, проникавших в коридор снаружи.

«Черный всадник» исчез.

За стеной здания расстилалась угрюмая, коричнево-желтая, с красными и бурыми холмами равнина. На вершинах холмов стояли глыбы иссеченных трещинами скал, в долинах между холмами скопились груды камней. На ближайших из них виднелись зеленоватые и черные наросты, словно корки накипи. К небу поднимались столбы испарений, что-то шипело, доносился плеск воды. По небу неслась бурая пелена туч, сквозь которую иногда проглядывал алый светящийся столб на горизонте, откуда растекался по равнине гул, перебиваемый иногда басовитыми ударами.

Иван смотрел бы на древний ландшафт еще долго, но Тая зашлась в кашле, пришлось возвращаться.

Искушать судьбу еще раз не хотелось, впору было плакать от отчаяния: лифт не работал на подъем, а нижние этажи наверняка соседствовали с более древними периодами истории Земли. Тая первой вспомнила о лестнице, и они тут же полезли по темной спирали со ступеньками — лишь бы выбраться к чистому воздуху; в этом горячем киселе из разнообразных газов дышать было почти невозможно.

Следующий этаж ничем не отличался от первого, и они двинулись дальше, миновали третий, четвертый, пятый, пока на шестом Тая не села на ступеньку.

— Устала, отдышусь...

Иван оставил ее сидеть и выглянул с лестничной клетки в зал.

Полумрак, зал круглый, без трубы лифта в центре. Еще жарко, но дышать уже легче.

— Пожалуй, пару этажей пропустим, и порядок.

Поднялись еще на три этажа. На лестнице было темно, но выходы из лестничного проема на этаж были видны серыми или голубоватыми прямоугольниками.

Этот зал тоже был круглый, без лифта. Иван вяло удивился — трубе лифта вроде бы некуда деваться, но тут же забыл об этом. Как и везде — три коридора, два темных, третий освещен голубым светом. Он был необычен — треугольный в сечении, причем «полом» служил один из углов.

Тая попросила пить, потом со вздохом села прямо на пол.

— Все, хочу спать!

Иван посмотрел на часы: семь с минутами. Утро ли, вечер, разве разберешь? Он начал стаскивать свою повидавшую виды куртку, которая потеряла былой лоск и цвет.

— Что ж, я не против, давай спать. Спешить нам некуда.

С лестничной площадки просачивались в зал тихие скрипы, шелест и бормотание, изредка подрагивал пол — дыхание неизвестного катаклизма, зажегшего во «дворе» чудо-здания колоссальный золотой костер.

8

Несколько часов они бродили с этажа на этаж, усталые и голодные, невольно вспоминая встречу с Лаэнтиром из двадцать первого столетия. Везде было одно и то же: пустые коридоры, то светлые, то темные, с дверями и без них, пыльные или абсолютно чистые, с надписями на дверях: «Осторожно! Не входить!» или «Опасность! Хронорадиация!» и другими предупреждающими и запрещающими.

Тая заметно пала духом и больше молчала. Иван мучился, не зная, как ее подбодрить, хотя и сам не ощущал ни бодрости, ни решительности, только желание, чтобы их долгое путешествие побыстрее закончилось.

На сорок втором этаже, считая от «архейского», они отыскали комнату с окнами «во двор» и с высоты в сто с лишним метров увидели ту же холмистую равнину с каменными россыпями, редкими озерцами, столбами испарений и малиновым свечением вечного дымного столба в центре котловины.

Молчали. Иван машинально отпил воды, предложил Тае, но та отказалась. Снова пошли бесконечными коридорами, уже не обращая внимания на перемены в их обстановке. Ивана долго мучил вопрос, почему в круглых залах, соседствующих с лестничной клеткой, нет трубы лифта. Судя по расположению залов, труба должна была пронизывать их насквозь, но этого не было, залы пустовали. Но ведь лифт-то существовал? И исправно доставлял пас-

сажиров с этажа на этаж... С этажа на этаж... вниз... как же это получается? Прошли уже сорок второй этаж, а в залах — ни следа лифта! Выходит, лифт перебрасывает не с этажа на этаж, а сразу через десятки этажей? Какой же шаг этой дискретности? Отделяющий, кстати, эпоху от эпохи... Сто этажей? Пятьсот? Судя по высоте здания со «двора», в нем по крайней мере сто пятьдесят этажей, выше верх здания начинает расплываться и таять...

Иван остановился, повернулся к спутнице.

— Я догадался, в чем тут дело.

Тая беззвучно кивнула, потом под его взглядом попыталась приободриться.

— В чем же?

— По-моему, лифт работает избирательно, не с каждого этажа, а через какое-то количество этажей, может быть, через сто. Ты видишь, в тех залах, где он должен проходить, нет трубы.

— А ты как себе это объясняешь? Как кабина может двигаться без колодца? Или, по-твоему, она обладает свойством пронизывать межэтажные перекрытия?

— Вот именно. И не лифт это вовсе, а «машина времени», вернее, машина «времени и пространства».

— Ты не оригинален.

— Я и не претендую на оригинальность, я размышляю. Все же попробуем определить «шаг» нашего «лифта», не возражаешь?

Они снова вернулись в круглый зал и полезли по нескончаемой лестнице вверх, радуясь, что не пришлось пока преодолевать разрушенные пролеты. Однако много пройти не успели. На пятидесятом этаже их настиг грозный гул, грохот рушащихся стен, дрожь ступеней. Где-то близко послышался звон бьющегося стекла, длинные тревожные звонки, удары в гонг и вопли пауков. Толчок в ноги едва не сбросил путешественников вниз.

Иван помог удержаться Тае, и они замерли, прислушиваясь к внезапно ожившей тишине.

Звонки, свисты, топот, далекий грохот, вибрация стен... И вот сквозь этот гвалт и шум донесся размеренный человеческий голос:

— Хронопробой! Глубина тысяча двести сорок три года, коррекция сверху не проходит. Горизонт в провале, горизонт в провале! Произвожу хроносброс во внешний мир. Прошу покинуть горизонт. Всем ТФА покинуть горизонт! Даю отсчет: пять минут, четыре минуты пятьдесят девять, четыре пятьдесят восемь.

— К лифту! — выдохнул Иван, спрыгивая на площадку.— Вниз! У нас в запасе всего пять минут!

И они помчались по ступенькам вниз, спотыкаясь в темноте, оступаясь, падая, не замечая боли, не обращая внимания на спасающихся бегством пауков. Они бы не успели: Иван отсчитал всего двадцать этажей, когда пошла пятая минута. Но вмешались силы,

которые раньше считались если не враждебными, то индифферентными к людям,— пауки. Они вдруг подхватили Ивана и Таю, несмотря на их сопротивление, и потащили на себе с головокружительной быстротой. Иван догадался, что им хотят помочь, и перестал сопротивляться. Секундой позже прекратила сопротивление Тая.

Через полминуты их выгрузили у открытой двери лифта и оставили в покое. Кабина лифта оказалась забитой пауками, так же, как и в прошлый раз, когда они спасались от неведомого «провала».

Иван подхватил покачнувшуюся девушку и втиснулся в кабину. Тотчас же дверь за ним закрылась, знакомое ощущение падения, жаркого ветра и навалившейся тяжести охватило людей. Лифт двигался недолго, несколько минут. Остановился. На индикаторе этажа горела волнистая зеленая линия, упиравшаяся в пульсирующий голубой огонек, и больше ничего. Дверь открылась, пауки торопливо разбежались по своим делам.

Иван взял Таю под локоть и вывел из кабины в фиолетовый сумрак нового зала.

Этот зал не был похож на прежние, где останавливались лифты. Он был не круглым, а квадратным и «зарос» лесом колонн, подпиравших низкий потолок. Материал потолка напоминал пористую губку и местами светился угрюмым фиолетовым светом. Пол был металлический, блестящий, колонны — черные, матовые, теплые и шелковистые — мелко вибрировали. В зале было холодно, гулял сквозняк, принося знакомые запахи, чаще — запахи плавленого камня и асфальта.

Пол зала часто вздрагивал, из недр здания прилетал хриплый низкий рык.

Иван обошел зал по периметру и нашел только два выхода: один на лестничную клетку, другой в треугольный коридор с рядом узких окон, забранных решетками и черным стеклом. В иных «стеклах» мерцали отблески огня, словно за ними горели костры, на других высвечивались разные цифры или непонятные знаки. И везде было полно пауков, блестящих «усатых» полусфер, «черных всадников» и летающих «морских ежей», иглы которых то удлинялись, то укорачивались, от чего казалось, будто «ежи» дышат.

Коридор закончился тупиком с круглым черным окном. Под окном на отогнутой панели торчал штурвальчик и несколько тонких стерженьков. Когда люди приблизились, на панели загорелся красный глаз, словно предупреждая об опасности.

— Это нам знакомо,— пробормотал Иван, пробегая глазами значки над стерженьками.— Откройте дверь!

На панели вспыхнула зеленая стрелка, указав на один из стерженьков.

Иван победно взглянул на Таю и пошевелил стерженек. Красный глаз запылал ярче, из стены раздался голос:

— Прошу надеть ТФЗ. Наденьте ТФЗ. Выход без ТФЗ запрещен!

Тая улыбнулась.

— Ну что же ты? Где твой ТФЗ? Надевай и иди.

Иван смущенно почесал затылок, потом с усиленным вниманием начал изучать знаки над сенсорной клавиатурой панели.

— Ага,— сказал он наконец.— Вот этот рычажок должен, по-моему, включать телеобзор.

Черное окно перед ними вдруг побледнело и исчезло, открыв невиданный пейзаж. За окном вырастала горная страна, хаос скал, ущелий, каменных стен и полок, гребней и провалов. Склоны гор были черного, коричневого или фиолетового цвета, курились сизыми дымками. А над ними дрожал колоссальный бело-золотой столб, вспухающий фонтанами, факелами и облаками оранжевого огня. При каждом появлении фонтанов дергался пол коридора и доносился низкий торжественный гул...

Автомат продолжал настойчиво бубнить свое: «Без ТФЗ выход запрещен»,— но люди не слушали. Перед ними простирался ландшафт криптозоя Земли, жизнь еще только-только начинала свое шествие по океанам — в виде эобионтов, белковых капель. Впереди простирался океан времени глубиной в три с половиной миллиарда лет — именно столько отделяло узников «здания бога Хроноса» от родного двадцатого столетия...

Коридор заметно «поехал» влево, потом вправо, словно закачался на волнах. Иван еле устоял, помог подняться упавшей Тае.

— У нас нет иного выхода,— глухо сказал он, глядя ей в глаза,— надо попытаться идти по лестнице вверх. Когда-нибудь да выберемся. «Ниже»— предыстория Земли, если судить по тому, куда нас забрасывал «лифт».

Тая молча обняла его, по ее щеке скатилась слеза, отзываясь в груди Ивана щемящей болью нежности и сострадания.

Они поднимались по лестнице третьи сутки, совершенно обессилев от голода и усталости. Иван насчитал сто тридцать этажей, сбился со счета и перестал считать. Вода во фляге не иссякала, и лишь одно это поддерживало силы путешественников.

Время от времени они бродили по этажам, пугая единственных их обитателей — пауков, но следов людей не встречали. Видимо, «обитаемые» этажи шли гораздо выше, а может быть, наоборот, ниже.

Маятник чувств кидал Ивана из одной крайности в другую: то он верил, что все обойдется, что их найдут в самое ближайшее время, то, не видя выхода из положения, проклинал все на свете в отчаянии, царапавшем горло осколками невыговоренных слов. Однако

свои переживания он держал в себе, зная, что Тае будет гораздо тяжелее делить еще и его сомнения.

Приступы голода, сначала злые и длительные, становились глуше и преследовали их все реже — верный признак попытки организма бороться за жизнь. Тая похудела так, что на лице выделялись только глаза и губы, у Ивана это было менее заметно из-за бороды и усов.

Иван иногда пытался завести разговор. Тая не отвечала, но однажды Ивану послышался шепот. Он прислушался и услышал:

Вы говорите, что время идет...
Ах, к сожалению, нет!
Время стоит, мы же идем
Через пространство лет...

Тая, не замечая, что говорит вслух, читала Добсона. К концу третьих суток, когда робинзоны устроились «на ночь» в одном из пустынных коридоров и Тая забылась тяжелым прерывистым сном, их посетили два паука. Иван безучастно смотрел на них, теряя из виду — от голода и слабости что-то творилось со зрением, потом все же решил прогнать — не из страха, скорее по привычке. Он поднял потяжелевшую свою «дубинку тонкой работы» — белый стержень и помахал им в воздухе. Пауки дружно кинулись наутек. Иван невольно усмехнулся и тут заметил, что пауки что-то оставили на полу. Он поморгал, напряг зрение и увидел небольшую плоскую коробку величиной с книгу. Подполз поближе.

Коробка была желтая, с зеленой полосой, на которой были выдавлены красные буквы НЗ. С минуту Костров тупо смотрел на нее, потом его осенило: «НЗ! Неприкосновенный запас! Неужели киберы принесли еду?!»

Он дрожащими руками поднял коробку с пола, удивляясь, что она намного тяжелее, чем можно судить по объему, повертел с бока на бок. Коробка была совершенно гладкая, без деталей, выступов и впадин, лишь на ее торце виднелись едва заметные штрихи и черная линия. Иван погладил линию пальцем, колупнул, и коробка распалась на две половины. В ней оказались разноцветные тубы наподобие тех, в которых продается зубная паста. Иван насчитал шесть туб: красную, желтую, белую, коричневую, розовую и зеленую. От возбуждения он даже почувствовал прилив сил и приступ беспричинного, почти детского смеха. Подавив смех, взял красную тубу, отвинтил колпачок и сжал бока тубы. В ладонь ему свалилась красноватая колбаска, с шипением вскипела, так что эксперт от неожиданности отдернул руку. Источая дикий аромат жареного мяса, на пол упал розово-коричневый пласт.

Иван понюхал руку и уставился на этот пласт величиной с ладонь. Потом поднял его с пола. Это был кусок мяса, еще горячий, словно только что обжаренный в масле!

Зашевелилась Тая, принюхиваясь, не открывая глаз.

— Знаешь, мне приснилась отбивная...

— Мне тоже,— ровным голосом сообщил Иван.

Тая открыла глаза, села, упираясь рукой в пол.

— Что это?

— Пауки принесли.— Он колебался некоторое время, откусил и добавил, жуя: — По-моему, натуральное жареное мясо.

Тая во все глаза смотрела на него, потом сильно зажмурилась, потерла виски.

— Ущипни меня! Оно пахнет, как... как шашлык!

— Не только пахнет. Вкус — не передашь!

Тая потянулась к мясу, но Иван отвел руку.

— Подожди, нам вредно начинать с мяса. Тут есть еще тубы, посмотрим, что в них.

Он достал желтую тубу, отвинтил колпачок, подставил ладонь и выдавил желтую массу. Мгновение масса лежала неподвижно, потом зашипела, задымилась и... превратилась в кусок сыра, ноздреватого, знакомо и влекомо пахнущего, свежего и аппетитного.

Тая красноречиво проглотила слюну, расширенными глазами глядя на чудо в руках Ивана. Тот осторожно положил рядом с мясом сыр и вытащил из коробки остальные тубы.

В белой оказался творог, в коричневой — хлеб, в розовой — сладкое малиновое желе, в зеленой — что-то «стеклянное», пористое, чрезвычайно аппетитное, вкусное, тающее во рту и бодрящее. Решили, что это какой-то стимулятор или тонизирующее средство.

Для начала пожевали немного творога с хлебом и сыром, заели малиновым желе и запили водой. Уснули. Но через час проснулись и снова поели. Иван сделал бутерброды: пластик мяса, потом сыр и хлеб, снова закончили трапезу малиной. Наевшись, проспали несколько часов с ощущением тяжелой сытости. Окончательно проснувшись, позавтракали мясом и творогом, попробовали «стимулятора», нашли вкус его превосходным, хотя сравнить его было не с чем: ни Тая, ни Иван в жизни не пробовали ничего подобного.

Впервые за многие сутки странствий они почувствовали прилив сил не только физических, но и моральных. Судя по объему и весу коробки НЗ, еды должно было хватить месяца на два, так что голод им уже не грозил, как и жажда. А во-вторых, кто-то все же заботился о них, не выпуская из поля зрения, хотя Иван не понимал, почему этот неизвестный радетель не выведет их из чудовищного здания. И все-таки появилась надежда на благополучный исход скитаний, начавшихся полетом к шатру пауков в Брянском лесу. Целый час они еще оставались на месте: чинили, как могли, обмундирование, жевали и пили.

Иван выбросил пришедшие в полнейшую негодность носки, задумался, чем их заменить, но Тая протянула ему свой платок.

— Рви, мне он не нужен.

Иван запротестовал было, потом сдался.

— Обувь странствий,— сказал он, натягивая сапоги,— сколько им предстоит еще пройти?..

Тая встала, подошла к нему, наклонилась и поцеловала. Они постояли, обнявшись, не говоря друг другу ни слова, потом Иван подхватил свою «дубинку», взял коробку НЗ, и они направились к лестнице...

* * *

Вверх, этаж за этажом, только вверх!

Сто этажей, две тысячи ступенек — те же коридоры, пустые и мертвые, гудящие и звенящие, металлические, полные пауков и странной полуживой техники. На двухсотом этаже они вышли к лифту!

— Наконец-то! — сказал Иван с интересом.— Вот, значит, какой интервал между остановками лифта — двести этажей. Странно! Помнишь, мы спускались вниз по ступенькам колодца, и там лифт был на каждом этаже. Найти бы тот колодец...

Они проверили, с каким ландшафтом соседствует лифт, и увидели знакомый мир архея. Иван прикинул, сколько им осталось идти «до двадцатого века», выходило — около четырех тысяч этажей, или восемьдесят тысяч ступеней! О том, что их ждет там, в «родном времени», думать не хотелось. Там видно будет, решил эксперт. Прежде надо дойти.

И они снова стали подниматься по лестнице, останавливаясь на отдых каждые полчаса, считая ступеньки, этажи, эры... Им еще предстояло преодолеть три тысячи этажей без надежды на помощь, три тысячи этажей и разрушенные землетрясением пролеты лестниц, и новые «провалы времени», и голод и жажду, и другие сюрпризы, и ужас неопределенности, и приступы одиночества...

Спустя двое суток их настиг очередной «провал горизонта». Они прошли около ста двадцати этажей и за те пять минут, что оставались до неизвестно чем грозящей катастрофы, от которой спасались даже пауки, добежать к лифту не успевали ни вверх, ни вниз.

— Вот и все,— очень спокойно сказала Тая, опускаясь на ступеньку лестницы.

Иван стоял рядом, удивляясь ее спокойствию и собственной заторможенности, и считал секунды.

Где-то рядом в недрах очередного коридора нарастал струнный

звенящий гул, постепенно повышаясь в тоне до воя, рвущего ушные перепонки. «Струны» лопались одна за другой, ощутимо вздрагивали стены, издалека доносились вопли пауков, но на лестнице никто не появлялся.

— Пойдем в зал,— Иван взял Таю за руку, удивляясь, что ему что-то мешает: в руке была коробка НЗ. Он аккуратно засунул ее во внутренний карман куртки и повел девушку за собой, в приближающийся гул и грохот.

И в тот момент, когда они сошли с лестницы в круглый зал с выходами коридоров, клин золотого пламени пронзил потолок зала, тугой удар бросил людей на пол, и наступила тишина: смолкли звонки, далекие крики, гул и вой.

Иван первым поднял гудящую голову.

В центре зала лежал на полу толстоногий и толсторукий светящийся урод с конусовидным бугром вместо головы. Его тело на глазах прошло гамму цвета от золотистого до багрового и бурого и погасло. В потолке над ним продолжало светиться круглое пятно — дыра не дыра, окно не окно...

— Пять минут,— хрипло пробормотал Иван.— Пять минут истекло.

— Тише,— прошептала Тая.

Издалека доносился размеренный баритон:

— Прошла коррекция сверху, но горизонт неустойчив. Всем ТФА заблокировать пространственные связи горизонта. Даю двадцатиминутный отсчет...

Тая тихонько тронула Ивана за руку.

— Кто это?

— Не знаю,— так же тихо ответил Костров.— На человека не похож. Робот? Сейчас посмотрим.

Эксперт привстал, глядя на остывшую фигуру, потом поднялся и осторожно подошел. Урод не двигался, неловко подогнув одну руку под себя. На спине, а может быть, и спереди отчетливо выделялся горб с металлическими кольцами, вложенными одно в другое. Иван пригляделся и увидел на теле пришельца множество карманов, выпуклых ромбов, молний, дисков и прочих деталей, говоривших, что это комбинезон или скафандр.

Отверстие в потолке — или нечто похожее на поверхность льда уже затягивалось серебристым металлом, заплывало с каждой секундой. Волны свечения охватили теперь весь потолок и были похожи на волны, бегущие по воде.

— Ну что? — подошла Тая.

Иван высвободил руку лежащего из-под невероятно тяжелого тела, и тут вдруг поверхность урода покрылась черной сеткой и верхний слой его осыпался пеплом. Под этим слоем оказалась нормальная человеческая фигура в комбинезоне: голова с массой

вьющихся волос, бледное лицо с закрытыми глазами и сжатыми губами.

— Господи, человек! — прошептала Тая.

Глаза незнакомца открылись, лицо напряглось, дрогнули губы. Шепот был едва слышен, и Тае с Иваном пришлось нагнуться, чтобы разобрать слова:

— Возьмите... скорее! В кармане... на груди...

Иван осторожно потянул молнию кармана, вытащил плоскую белую коробочку с тремя черными глазками. Глазки загорелись зеленым светом, как только Иван притронулся к коробочке трепетными пальцами.

— Еще...— прошептал незнакомец, пытаясь поднять руку, царапая комбинезон на груди.

Иван вытащил еще одну такую же коробочку.

— Это... ей.— Чужак перевел взгляд на Таю. Было видно, что держится он из последних сил, то уходя в беспамятство, то выплывая из него. И, понимая, что жизнь уходит, он торопился рассказать первым встречным, где они находятся. Продержался он три минуты, но за это время прежде, чем потерял сознание, успел сообщить все, что надо.

Иван и Тая смотрели друг на друга. Теперь они знали, в какую невероятную ситуацию попали.

В двадцать третьем веке человечество доросло до экспериментов по «бурению времени».

С одной из установок произошла авария — «хронобур» «провалился» на миллиарды лет в прошлое, соединив пунктиром выходы в разные эпохи. Иван и Тая попали в башню «хронобура» случайно в момент его прорыва и материального «вытаивания» в двадцатом веке и, сами того не зная, опустились по цепи «следов» бура чуть ли не к началу времени. Иван правильно все оценил, и теперь вернуться назад можно было, только отсчитав вверх десятки тысяч этажей здания «хронобура», воплощенного в каждом своем выходе в реальность одним и тем же кольцевым стволом, но с разными временными эффектами.

Этот молодой парень был послан вниз, чтобы выключить аппаратуру «хронобура», грозившего никогда не выйти из резонанса, и посланец будущего з н а л, что встретит Ивана и Таю. Он был очень сильным человеком, потому что еще жил, несмотря на полученную дозу всевозможных излучений, и держался только на несгибаемой воле и чувстве долга.

— Ваш стержень,— шепнул он, снова выныривая из омута беспамятства,— на самом деле энергоаккумулятор, он излучает в длинноволновом радиодиапазоне, автоматы... они похожи на пауков — лоцируют вас и сообщают о ваших передвижениях наверх... в свое время. Поэтому мы знаем о вас... все...

— Так пауки — это все-таки роботы? — пробормотал Иван.

— Киберприслуга «хронобура», и они же — аварийные роботы. Если бы не они — реакция хронораспада в стволе бура давно бы стала неуправляемой.

Путешественники переглянулись, ничего не поняв. Пришелец пояснил:

— Зона свечения во «дворе» здания — зона хронораспада, то есть зона прямого преобразования времени в энергию. Она опасна,— добавил незнакомец,— ни в коем случае не ходите туда. В коробочках — инструкция по выключению бура и защитные ТФЗ... я, по-видимому, не смогу вам помочь, попробуйте сами... если, конечно, согласитесь. Дорога трудна и опасна... Вам придется очень...

— Что нам нужно сделать?

— Дойти до конечной «шахты провала» и выключить генератор распада... в ТФЗ это будет несложно... если дойдете...

— Но кроме пауков в здании полно других автоматов... «черепахи» с хлыстами,.. «кентавры» ростом с дом...

— Не удивляйтесь, это неземные автоматы, их послали не люди...

— Мы видели только человеческие следы.

— Просто в ствол «хронобура» попали не только вы.

Из коридора прилетел гулкий удар, качнулись стены зала, из других коридоров вынесло облака пыли.

— Семнадцать минут до хроносдвига! — сообщил размеренный голос автомата.— Всем ТФА покинуть горизонт! Вынужден произвести хроносброс во внешний мир!

Глаза незнакомца раскрылись шире.

— Кажется, у вас появилась альтернатива. Хроносброс — это выброс энергии во внешний мир. Если вы хотите, ищите кабину «мембраны ноль», залезайте и ждите — вас выбросит из здания наружу. Только не забудьте надеть ТФЗ.

— Но как же вы? — неуверенно сказала Тая.

— Я не жилец.— Незнакомец попытался улыбнуться, но не смог.— Бегите, вы еще успеете. Включите ТФЗ... эти коробочки — защита... крайняя кнопка... включите...

Глаза его закрылись.

Иван посмотрел на Таю — та плакала.

— Что будем делать? Если хотим уцелеть — надо бежать.

— Но разве мы бросим его одного?

— С ним не успеем...

— Тогда останемся.

— Нет! Прячь свой ТФЗ, потом разберемся. Бери его за ноги. Удержишь? Спасаться одному — тоже не по мне. Надо помочь им выключить это безобразие. Если не мы, то кто же?

Они подхватили незнакомца и где волоком, где приподняв, понесли к лестнице громоздкое, неподвижное, необычайно тяжелое тело.

Гул теперь доносился из недр здания непрерывно, оно тряслось и раскачивалось, лестница вздрагивала и вибрировала, толчки сбрасывали людей со ступенек, выбивали из рук не приходящего в сознание незнакомца, а они с ожесточением, яростно, борясь за жизнь — свою и чужую, ломая ногти, не замечая боли, подхватывали тело на руки и тащили, тащили вниз с одной только мыслью: «Успеть!..»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Снегопад кончился, и притихший лес медленно обрел глубину и четкость, словно фотография в растворе проявителя. Тишина, завладевшая лесом, перестала быть глухой, неприветливой и настороженной, вернулось первозданное торжественное, выразительное и чарующее безмолвие заснеженной тайги, не нарушаемое ни одним звуком. Белое и серо-коричневое с редкими пятнами седой зелени... Белое — снег и небо, серо-коричневое — сбросившие листву деревья, зеленое — сосны и ели. И еще — машины передвижной радиостанции и домики оперативного поста управления комплексной научно-исследовательской экспедиции. И все же главным цветом был белый...

Иващура оглянулся. Километрах в пятнадцати над лесом вставала черно-голубая громада Башни диаметром около двенадцати километров, вершина которой тонула в облаках. Стены Башни были голубыми, а черными — ряды окон и пятен, ниш и разломов, провалов и трещин. Дикое, непонятное, неизвестно как возникшее на месте паучьего шатра колоссальное строение, непрерывно растущее вширь и не разрушающееся при этом...

В одной из темных брешей в стене Башни разгорелся вдруг пронзительный зеленый огонек, и тотчас же где-то взвыла сирена

тревоги, разбив тишину на тысячи отголосков: огонек означал появление блуждающего источника радиации.

Ивашура вздохнул и зашагал по глубокому снегу мимо остывающего вездехода к одному из домиков-вагончиков, из трубы которого тянулась струйка дыма.

Раздевшись в крохотной прихожей, он вошел в центральную комнату домика. В комнате было тепло, пахло сосновыми поленьями, дымом и сбежавшим молоком. У стола, застеленного коричневой клеенкой, сидело несколько человек, среди них — Михаил Рузаев, Сурен Гаспарян, директор Центра Богаев и только что прибывшие на вездеходе полковник государственной безопасности Одинцов Мартын Сергеевич, молодой, поджарый, с пристальным взглядом внимательных карих глаз, и заместитель Председателя Верховного Совета Старостин Николай Николаевич, большой, рыхлый, страдающий одышкой.

В углу на столике стояла переносная радиостанция, радист с наушниками на голове что-то записывал в журнал, подкручивая верньер. Возле аппаратной стойки сидел телеграфист, отдельно стояли телефоны и плоский переносной телевизор.

— Что там? — спросил хрипло Богаев.

— «Глаз дьявола»,— сказал Ивашура.— Высоко, метров четыреста, под облаками.

— Это и есть Игорь Васильевич Ивашура,— представил его Богаев.— Начальник экспертного отдела Центра и в данном случае руководитель экспедиции. Поскольку ситуация необычна, ему даны особые полномочия.

— Мы осведомлены,— кивнул Старостин.— Извините, что перебил.

Ивашура глянул на Гаспаряна, щелкнул ногтем по футляру проектора, стоящего на полке. Сурен понял и выскочил за слайдами в соседний домик, где устроили фотолабораторию. Рузаев молча принялся разворачивать проектор.

— Что вас интересует прежде всего? — Ивашура вопросительно посмотрел на Одинцова и Старостина.— Принимаемые меры, факты минувшей недели, научные гипотезы?

Старостин кашлянул, посмотрел на полковника и пророкотал:

— Через два дня мы с Мартыном Сергеевичем должны доложить правительству о фактическом положении дел, поэтому хотелось бы разобраться в обстановке с минимальной предубежденностью. О мерах мы наслышаны, научных гипотез, насколько я осведомлен, накопилось много, но все они субъективны и больше эмоциональны, чем научно обоснованы. Так?

Ивашура улыбнулся.

— Примерно так. Что ж, я вас понял. Давайте сначала восстановим хронологию, а потом перейдем к последним данным.

В комнату вошел Гаспарян и стал заряжать кассеты проектора слайдами. Рузаев задернул занавеску окна, выключил свет.

— Пауки появились в Брянском лесу предположительно двадцать третьего сентября. Двадцать шестого над просекой с линией электропередачи потерпел аварию вертолет энергохозяйства района, и уже тогда просека была заткана паутиной. То есть пауки появились раньше, по нашим расчетам — именно двадцать третьего. Откуда они взялись — неизвестно, гипотез несколько, но все они пока бездоказательны. Появившись, пауки начали строить нечто вроде паутинного шатра, достигшего к третьему октября высоты сорока двух метров. Кстати, материал паутины — сложное кремнийорганическое соединение — по прочности не уступает легированной стали, а по упругости превосходит каучук. Толщина нитей около шести микрон.

Гаспарян включил проектор, и на развернутом полимерном экране у дальней стены комнаты возник пейзаж: хвойный лес, из которого вырос снежно-белый конус.

— Четвертого октября, ночью, произошел взрыв,— продолжал Ивашура,— уничтоживший паутинный шатер, и на его месте поднялась странная колышущаяся, как студень, «опухоль», которая потом выросла в Башню. Диаметр последней к сегодняшнему дню достиг двенадцати с половиной километров. При взрыве...— Ивашура нахмурился, помолчал,— пропали без вести двое: сотрудник Центра Иван Костров и журналистка Таисия Калашникова. Они вылетели к паутинному шатру на вертолете и... не вернулись. Найти их не удалось.

— А вертолет?— спросил Старостин.— Тоже пропал?

— И вертолет.

— Странно.

— Да, странно, хотя и без этого случая странностей хватает.

Гаспарян сменил кадр, и на месте паутинного конуса возникло изображение паука.

Помолчали, рассматривая.

— Хорош!— нарушил молчание Старостин.— Слабонервного вполне способен довести до инфаркта.

Изображение паука сменилось изображением Башни.

— Эпицентр тайны,— сказал Богаев.— К сожалению, проникнуть внутрь практически невозможно. Она растет, и находиться возле ее стен опасно.

— И что же, так никто и не пытался проникнуть?— спросил Одинцов.

— Для этого нужна отчаянная храбрость или...— Ивашура усмехнулся,— или не менее отчаянная глупость. А вообще-то попытки попасть внутрь Башни были, но не увенчались успехом. Главная ее особенность в том, что растет она скачками. Каждый скачок

прибавляет диаметр на один-полтора километра и порождает при этом колебания почвы силой четыре-пять баллов. По данным исследований, высота плотного ядра Башни достигает двух километров, выше она становится зыбкой, дымчатой, полупрозрачной и на высоте трех километров исчезает совсем. То же касается и ее фундамента: до глубины в четыреста метров он виден на экранах эхорадаров и магнитных сканеров отчетливо, а потом как бы растворяется в породах континентального щита.

Гаспарян показал виды Башни со всех сторон, в том числе и сверху, потом стал демонстрировать отдельные участки башенных стен. На одном из снимков была запечатлена длинная струя черного дыма, исторгнутая из провала в стене.

— «Мертвый выброс»,— сказал Ивашура.— Этот «дым» превращает все, чего ни коснется, в сверхстранный полиметаллический сплав, в котором соединены почти все металлы от железа до свинца.

На стене появилось изображение сверкавшей металлическим блеском полосы на земле. Кое-где на полосе стояли такие же серо-свинцовые пни и поваленные деревья с отливающей металлом корой. На следующем снимке была запечатлена еще одна полоса, в конце которой стоял гусеничный вездеход «Малыш» — глыба серого металла.

Старостин переглянулся с Одинцовым, и Богаев поспешил встать:

— Жертв не было, люди успели выскочить. С тех пор никто не подходит так близко к Башне.

— Рискуете,— пробормотал Старостин неодобрительно.

— К сожалению, риск необходим,— сказал Ивашура.— Мы стараемся свести его к минимуму, но избавиться полностью не в состоянии. Да и обойтись без риска нельзя, ведь никто не может сказать, что это за Башня и чего от нее ожидать?

Гаспарян сменил кассету. На экране появился участок серо-голубой стены со зловещим светящимся глазом.

— Мы так и назвали это явление — «глаз дьявола». По сути, это источник жесткого гамма-излучения, пожалуй, наиболее опасное «чудо» из всего арсенала чудес Башни. И, наконец, «призраки».

Последние слайды запечатлели на фоне угрюмых фиолетово-синих стен и лесных зарослей светящиеся зеленые и желтые полосы, языки, жилы и ленты.

Рузаев выключил проектор, отдернул занавеску, впуская в дом сероватый свет пасмурного декабрьского дня.

Старостин покашлял, побарабанил пальцами по столу.

— Хорошо бы познакомиться с этой Башней поближе. Или нельзя?

Ивашура посмотрел на Богаева.

— Отчего же, можно. Перед вашим приездом мы планировали вылазку к подножию Башни, можем проводить.

— Километра на три, не ближе,— ворчливо добавил Богаев.— Все-таки опасно, ратуете за уменьшение риска и тут же сами подаете отрицательный пример.

— Как вы считаете, Мартын Сергеевич?— повернулся к полковнику Старостин.— Имеем мы право рисковать?

— Тут я — пас,— развел руками Одинцов, голос у него был низкий, приятный.— Боюсь, на товарища Ивашуру мои погоны не произведут впечатления.

— Правильно,— засмеялся Ивашура.— Ответственность за безопасность исследований лежит на мне, следовательно, я пока выше по званию. Но к Башне мы вас проведем, я сам пойду с отрядом.— Старостин встал.

— Ну и хорошо. Нас послали выяснить, чем грозит ваша Башня району, области, может быть, и всей стране. Вопрос серьезный, и подойти к нему надо со всей ответственностью.

Пока готовилась экспедиция к Башне, Ивашура рассказал Одинцову о мерах по предотвращению утечки информации, мерах безопасности и о координации научных исследований.

В исследовании феномена Башни участвовали почти все отделы Академии наук, Физический институт, Объединенный институт ядерных исследований и другие научно-исследовательские институты страны. Все группы и лаборатории этих научных организаций были подчинены Центру, а координатором комплексной экспедиции был назначен Игорь Ивашура. Его заместителями стали Богаев и академик Гришин.

Вокруг Башни в радиусе десяти километров располагались два кольца оцепления, к селу Ивановскому, в пятнадцати километрах от Башни, были стянуты войска, в которые входили подразделения противохимической и противоатомной защиты, отделения дозиметристов и локаторщиков, и вертолетно-десантный полк округа. Все эти воинские части подчинялись командиру Брянского гарнизона полковнику Михайлову, входящему в руководство экспедицией.

— С полковником я знаком,— сказал Одинцов, когда Ивашура закончил.— Как вы с ним взаимодействуете?

— В основном — через связь. Иногда требуется техническая помощь, привлекали к работе радиолокационные станции, бывает нужна грубая физическая сила, а иногда приходится отыскивать увлекшихся работой ученых, забывающих о режиме безопасности.

Подошел Богаев, одетый в шубу.

— Тут у нас возник спор: не спешим ли мы с допуском в зону зарубежных ученых? Башня явно создана искусственно, но кем и с какой целью? Конечно, американцы здесь ни при чем, но тогда мы выходим на контакт с другой цивилизацией, как бы сказочно ни

звучали эти слова. Не слишком ли серьезна проблема, чтобы решить ее на...— Богаев замялся.

— На уровне полковника,— докончил Одинцов с тонкой иронией.— Вы правы, дело серьезное, но вопрос о допуске зарубежных ученых уже решили в Москве. Через день-два сюда прибудут делегации ученых западных стран, в том числе и американцы.

— Это усложнит работу экспедиции.

— Знаю, но работать придется. Феномен Башни перерос рамки национальных интересов, а если перед нами встала задача контакта с иным разумом, тем более понадобятся усилия ученых и государственных деятелей многих стран. Позиция правительства по этому вопросу диалектически и политически верна.

— Я не спорю.— Богаев нахлобучил шапку.— Однако у меня есть право и на свое мнение. Готовы? Пошли.

Отряд выступил в путь.

Впереди шагали Ивашура и Гаспарян, одетый в черный замшевый полушубок, потом Богаев, Старостин и Одинцов с биноклями, а замыкал отряд Рузаев с рацией на ремне, имевшей поэтическое название «Тюльпан». Гаспарян и Рузаев захватили с собой также различные анализаторы и датчики, Ивашура нес универсальный дозиметр и поддерживал перекинутый через плечо ремень сумки с инструментом.

Снег был глубокий, и идти было трудно, несмотря на протоптанную тропу, но Ивашура уверенно лавировал между деревьями — он ходил здесь не раз. Миновали просеку с поваленными опорами ЛЭП, вышли на край замерзшего и заснеженного болота с островками травы и камыша, виднеющимися из-под снега. Стена Башни придвинулась вплотную, нависла над головой ощутимой тысячетонной громадой, хотя до нее оставалось еще километров шесть.

Остановились, с немым восхищением озирая в бинокли чудовищное здание, испещренное узором непрозрачных окон и дыр.

— Колоссально!— сказал Старостин, выдыхая облачка пара.— Фотографии и телепередачи не передают впечатления.

Пошли дальше и через километр встретили патруль оцепления первой линии, протоптавший дорожку в снегу вдоль проволочной ограды. У солдат на ремнях висели рации и дозиметры. Старший наряда козырнул Одинцову, попросил разрешения обратиться к Ивашуре и доложил:

— За время дежурства происшествий не случилось. Старший наряда сержант Гогиев. А вы снова туда, Игорь Васильевич?— не удержался он от вопроса.— Хоть бы раз взяли с собой.

— Еще доведется, Вахтанг,— ответил Ивашура.— Докладывайте обо всем, что покажется непонятным. Мы вернемся через два часа.

Через несколько минут Ивашура остановился и поднял руку.

— Извините, дальше мы пойдем одни.

Старостин, отдуваясь, вытер вспотевшее лицо платком и долго рассматривал Башню в бинокль. Наконец опустил бинокль и ворчливо заметил:

— Я дальше и сам не хочу идти, отсюда и так все отлично видно.

Одинцов улыбнулся, но возражать не стал.

— Что ж, будем возвращаться. Однако, действительно, впечатляет! Чувствуешь себя если не блохой, то уж, во всяком случае, не венцом природы.

— Идемте, идемте,— заторопился Богаев.— Экипированы мы не для рискованных походов, а неприятные сюрпризы могут быть и здесь.

Делегация отправилась назад, часто оглядываясь то на стену Башни, то на оставшихся экспертов.

— Вперед!— бросил остальным Ивашура.— Надо успеть вернуться засветло, не хочу я связываться с «зоной ужасов».

— Может быть, попробуем проникнуть в Башню?— предложил Гаспарян.— На стыке двух точек выхода «призраков»?

— Не сегодня. Придем — обсудим. Неудача может плохо повлиять на приехавшее начальство.

Дальше шагали молча, настороженно всматриваясь в растущую стену Башни и прислушиваясь к нарастающему подземному гулу и клокотанию — звуки эти обычно становились слышны только у самой стены, в пределах одного километра. Подрагивание почвы заметно усилилось, тем более что болото в непосредственной близости от Башни оттаяло и слой торфа начал пружинить и прогибаться под ногами. Из часто встречающихся ям поднимались струйки испарений.

— Граница,— сказал Гаспарян. На лбу его выступили бисеринки пота. Он оглянулся на Рузаева и растянул губы в неопределенной усмешке.

— Что-то сегодня не чувствуется влияния «зоны». Не боишься, Михаил?

— Иногда то, чего мы боимся, менее опасно, чем то, чего мы желаем,— ответил Рузаев изречением Коллинза.— Не стучи зубами, Сурен, за версту слышно.

— Конечно, тебе нечего бояться, ты сам как леший. А я человек интеллигентный, нервный, легко поддающийся соблазну...

— Тише ты, нервный!— негромко сказал Ивашура, останавливаясь.— Ох, и надоела мне ваша фасон дэ парле [1]. Вот только теперь мы подошли к границе, чувствуете? Просто сегодня «зона ужасов» чуть уже, чем обычно.

---

[1] Манера выражаться *(франц.)*

То, что они называли «зоной ужасов», было всего-навсего ощущением нависшей опасности, появлявшимся у человека вблизи Башни. У каждого это ощущение сопровождалось комплексом других негативных эмоций — сообразно типу нервной системы, характеру и восприимчивости. Рузаеву, например, казалось, что из-за слепых окон Башни за ними следят недобрые глаза. Гаспарян переставал узнавать товарищей, становился подозрительным и возбужденным. Ивашура «слышал» чьи-то голоса, и ему очень хотелось проснуться, хотя и сознавал, что все это с ним творится наяву.

— Да!— с чувством сказал Гаспарян и облизнул губы.— До сих пор не могу привыкнуть! Пошли, а то сбегу.

Они двинулись дальше.

Снега здесь, вблизи стены, не оказалось совсем, земля была голой, растрескавшейся, в жесткой шкуре высохшей осоки. Чем ближе они подходили к Башне, тем труднее становилось идти: земля была взломана, разорвана на глыбы, скручена пластами. И наконец перед людьми встал громадный стометровый вал полурасплавленной, спекшейся земли вперемешку с торфом и глиной, исполосованный многометровыми трещинами. Воняло здесь серой, дымом, угольной пылью и порохом. Ощущение опасности усилилось настолько, что каждый шорох отзывался болезненным ударом по нервам.

Они с трудом удерживались, чтобы не побежать назад сломя голову и не позвать на помощь.

— Я пошел вперед, а то закричу «караул»!— быстро проговорил Гаспарян и полез на склон черного вала. Ивашура молча махнул рукой более сдержанному Михаилу и полез следом. Эффект «зоны ужасов» кончался где-то в полусотне метров от подножия стены.

— Ф-фу!— сказал на вершине вала Гаспарян и вытер лоб.— Легче с рогаткой на тигра идти!

На изуродованном ямами и буграми гребне вспученной чудовищной силой земли было жарко, воздух дрожал знойным маревом, источая ароматы паровозной топки и котельной. Стена Башни была рядом, голубая, пористая, как губка, вернее, как вспененный бетон, но Ивашура знал, что материал стены бетоном никогда не был — то же кремнийорганическое соединение, входившее в состав псевдопаутины. Здесь влияние «зоны ужасов» почти не сказывалось, что тоже было одной из нерешенных загадок. Ученые предполагали, что ощущение ужаса возникает у людей в зоне под воздействием какого-то излучения, но какого — было трудно разобраться, потому что все параметры среды у стены намного отличались от естественных в любом другом уголке Земли. Башня была чудовищной аномалией сама по себе, и вторичные эффекты, рожденные ею, еще не все были отмечены и зарегистрированы, не говоря уже об изучении и истолковании.

— Расставляйте датчики полей цепочкой,— сказал Ивашура.— Анализаторы поставим прямо под стеной, им все равно, где стоять.

Они быстро установили приборы, включили, проверили настройку и собрались у трещины, расколовшей вал почти на всю глубину. Стенки трещины отблескивали металлом. Ивашура проследил направление трещины и увидел цепочку тусклых стальных пятен на поверхности парившего кое-где торфяного слоя.

— Вот это удача!— сказал он.— Здесь недавно произошел «капельный мертвый выброс»! А ну-ка поищем выход.

«Мертвые выбросы» — струи черной субстанции, превращавшей любые вещества и материалы в полиметаллический сплав, обычно извергались струями длиной в сто-двести метров, реже — в километр, и точки извержения в стене Башни тут же затягивались, исчезали. Точки выхода «капельных выбросов», когда на землю ложилась очередь черных капель, зарастали медленно, в течение нескольких часов, но и встречались они несравненно реже.

Рузаев первым отыскал на стене неровное темно-серое пятно, края которого заметно отливали металлом. Пятно диаметром в пять метров располагалось на высоте человеческого роста почти у истока трещины, и веяло от него жаром, как от сталеразливочного ковша.

Михаил быстро измерил температуру пятна.

— Триста девять градусов!

— Регистраторы РФВ сюда,— приказал Ивашура.— Пару штук. Для граничных передач останутся еще два, этого достаточно. Что еще мы забыли?

— Вроде бы все сделали.

— Образцы.— подсказал Рузаев, устанавливая у стены под пятном регистраторы физических величин.

— Правильно, собираем образцы и мотаем отсюда, у меня предчувствие дурацкое...

Не мешкая, взяли образцы почвы в разных местах. Рузаев с большим трудом отколупнул пробоотборником крошку металлизированной трещины, попытался взять соскоб темно-серого пятна, но инструмент соскальзывал, а стоять долго у пятна было невозможно — начинали тлеть воротник полушубка и рукавицы.

— Назад!— приказал Ивашура, засняв всю панораму на пленку.— Бегом! Попрошу только не ломать ноги и головы.

— Ну меня подгонять не надо,— пробормотал Гаспарян.— Я и так побью все рекорды по бегу.

Они спустились с вала вывернутого пласта болотной почвы и припустили к лесу и белой снежной полосе в двух километрах.

Пробежав «зону ужасов», остановились отдышаться, запаренные, хватая чистый и холодный зимний воздух открытыми ртами, глядя на отодвинувшуюся гору Башни.

— Ничего,— сказал Гаспарян.— Зря напугал.

— Не зря,— возразил Рузаев, доставая бинокль.— По-моему, начинается «флаттер».

Ивашура вскинул к глазам свой бинокль и увидел, как поверхность стены зарябила, как по ней побежали волны — сначала редко и слабо, затем все чаще и сильнее. Потом и невооруженным глазом стала заметна вибрация стены: словно мертвое озеро, потрясаемое крупной зыбью, поднялось вертикально. Донесся низкий стонущий гул, задрожала земля.

Они стояли с полчаса, смотрели на непонятное, противоречащее здравому смыслу явление и молчали. Ивашура закончил киносъемку Башни и опустил бинокль.

— Пошли, Миша, дай отбой границе, чтобы не беспокоились. Кстати, мои часы остановились. Сколько на твоих электронных?

Рузаев поднес руку к глазам и хмыкнул.

— Невероятно, но факт! Не видно цифр!

— Сдохли батарейки,— прокомментировал Гаспарян и лизнул с ладони снег.

— Да ведь я только полтора месяца назад их поменял!

Ивашура спохватился и махнул рукой вперед:

— Дома разберемся.

Они побрели по снегу назад, к лесу, где располагался координационный центр экспедиции, или, как говорили все, штаб.

2

Ивашура не любил частых и длинных совещаний, на которых выступающие долго и нудно переливали из пустого в порожнее, поэтому старался как можно реже их созывать, зная, что время выявления истины путем мозгового штурма еще не пришло, до объяснения феномена Башни было не близко... Но Старостин попросил собрать «пятиминутку», чтобы, как он выразился, ученые обменялись мнениями, высказали свои гипотезы и отношение к происходящему.

— Я многое увидел и узнал,— сказал он в качестве пролога к совещанию,— но не понял почти ничего. Поэтому прошу всех изъясняться предельно просто, чтобы я потом мог повторить ваши доводы правительству. Думаю, главной в ближайшие дни станет проблема — как остановить рост Башни, потому что через десять-двенадцать расширений, пульсаций, как вы называете, Башня вторгнется на окраины райцентра Жуковка с населением в сорок тысяч человек! Кроме того, будет сметено с лица земли несколько поселков и деревень, леспромхоз и много мелких объектов и предприятий. Вы задумывались над этим?

— Задумывались,— сказал Богаев.— И уже обращались к властям района и области с докладом о сложившейся ситуации. Пока что самое реальное на сегодняшний день — эвакуация населения близлежащих деревень, в том числе и райцентра.

— Легче сказать, чем сделать,— подал голос представитель Жуковского райисполкома.— Район и так уже потерпел миллионные убытки.

— А вы можете предложить иной выход?

— Конечно, могу. Разбомбить эту Башню ко всем чертям! Дешево и сердито! И нам спокойней, и людям не придется покидать обжитые места, и ученым останется, что изучать.

Поднялся шум. Комната «штаба» с трудом вместила всех начальников исследовательских групп и лабораторий, большинство присутствующих располагались стоя, сидели всего десять-двенадцать человек.

— Тише, товарищи!— председательствующий, сухопарый Гришин, постучал по столу карандашом.— Прошу высказываться по очереди.

— К чему лукавить,— наклонился к уху Ивашуры Одинцов, кивая на представителя райисполкома.— В его предложении не только желание жить спокойно, но и доля истины. Уничтожение Башни — самый простой и дешевый способ избавления всех нас, да и десятков тысяч других людей, от тревог и забот. К сожалению, этот способ не гарантирует успеха.

— И другое,— добавил Ивашура,— тут вступают в силу принципы морали и этики, обойти или нарушить которые мы не вправе. Но я согласен с вами: вопрос уничтожения или разрушения Башни еще встанет перед нами в полный рост, если она не остановит расширение.

— Предлагаю не обсуждать сегодня организационные вопросы,— сказал Богаев,— что делать руководству района, что нам и как остановить рост Башни. Об этом пусть думают соответствующие органы. Наше дело — изучение феномена, взаимодействие отрядов и их снабжение необходимым оборудованием и техникой. Дискутировать некогда, пусть начальники отрядов доложат свои мнения о тех объектах, которые они исследуют.

Он сел. Все смотрели на Старостина, но тот молчал. Ивашура дал кому-то знак, встал бородатый, крупноголовый, похожий на писателя Юлиана Семенова начальник группы физиков-ядерщиков из ОИЯИ.

— Наша группа изучает все электрофизические феномены, в частности — «мертвые выбросы»,— начал он густым «протодьяконовским» басом.— Внешне это выглядит довольно безобидно: черная струя, похожая на струю дыма, длиной от двухсот метров до одного километра. Но все предметы, попадающие в эту струю,

сохраняя форму, «вырождаются» в полиметаллические болванки! Цепочка ядерных превращений происходит почти мгновенно и абсолютно бесшумно, без видимых вторичных эффектов! Значение этого открытия трудно переоценить. Ведь перед нами технология будущего, причем очень далекого будущего: синтез любых тяжелых элементов из любых простых — водорода, кислорода, углерода, кремния!

— Пока что «мертвые выбросы» — стихийное бедствие похлеще утечки радиоактивных веществ, типа чернобыльской,— подал реплику кто-то из стоящих у двери.

— Утечка радиоактивных веществ из реактора — не стихийное бедствие,— возразил чернобородый физик.— А «мертвые выбросы» в действительности гораздо менее опасны, чем утечки. Пользуясь случаем, прошу выделить дополнительные средства нашей группе, а именно...

Аудитория зашумела, послышался смех, восклицания, одобрительные и негодующие реплики, ворчливые замечания ученых старшего поколения.

— Но вы не объяснили, что такое эти ваши «выбросы»,— сказал Старостин, переждав шум.

— А я не знаю,— ответил физик под дружный смех собравшихся.— Может быть, это праматерия, легендарный апейрон древних греков, первооснова всего сущего, а может, облако кварковой субстанции с дефицитом глюонов...— физик осекся.— Извините, проще объяснить гипотезу, пожалуй, не смогу.

Одинцов снова придвинулся к Ивашуре.

— Кто этот бородатый? Личность вроде знакома...

— Доктор физико-математических наук Меньшов. Ваше ведомство должно опекать таких крупных специалистов.

— Наше — нет, за других не ответчик. Просто почитываем научно-популярную литературу для общего развития. По-моему, я читал статьи этого Меньшова в физических журналах и в журнале «Природа», там даются портреты авторов.

Сквозь толпу пробрался к Ивашуре лейтенант Куща, нагнулся к уху:

— У Башни полчаса назад потерпел аварию вертолет авиаконтроля.

— Пострадавшие?

— Неизвестно. Экипаж вертолета — четыре человека: пилот и трое исследователей. На вызовы не отвечают.

— Где это?

— Северо-восток, со стороны Спасово, примерно в километре от Башни. Их локаторщики вели, я узнавал, они же и сообщили.

Ивашура оглянулся на Богаева, сделал знак продолжать и выбрался из комнаты. Одинцов последовал за ним.

— Что будем делать?— Он слышал разговор.

— Тревогу, во всяком случае, поднимать рано. Вот что, Толя,— обратился Ивашура к лейтенанту.— Дай предупреждение по линии и пошли в точку падения ближайший наряд, предупреди «скорую». А мы подскочим во воздуху.

Лейтенант козырнул и скрылся в домике военного поста связи.

Возле штаба стояли два вездехода и вертолет, приданный штабу в оперативное пользование. Ивашура направился к нему, на ходу вытягивая антенну из плоской коробки рации.

— Диспетчера мне,— бросил он в решетчатое окошечко микрофона.

— Максимов слушает,— отозвался тенорком динамик «Тюльпана».

— Коля, разыщи Гаспаряна и Рузаева срочно и пришли их к штабу.

— Михаил только что направился к вам, а Сурен пошел в вычислительный. Если нужно, я туда позвоню.

— Не надо, долго ждать. Отбой.

Ивашура щелкнул выключателем, задержал шаг.

— Вы пока садитесь в кабину, я сейчас.

Он забежал в один из домиков экспедиции, на дверце которого был намалеван красный крест в белом круге, и вернулся с миловидной девушкой, врачом отряда, накидывающей на ходу пальто на белый халат. Ивашура держал в руке медицинский саквояж.

Из-за деревьев показался Рузаев. Заметив подзывающие знаки Ивашуры, он рысцой направился к ним.

— Заводи,— кивнул Ивашура пилоту и пропустил врача вперед.

Рузаев, не задавая вопросов, поднялся следом. Одинцов подвинулся, пропуская их в тесную кабину.

Пилот запустил двигатель, и через несколько минут они взлетели. Ушла вниз поляна с домиками экспедиции, машинами и радиостанцией. Горизонт раздвинулся, распахнулась палево-серая даль зимнего леса, у отодвинувшейся Башни стала заметна окружавшая ее черно-бурая полоса растаявшего грунта.

Ивашура снова включил «Тюльпан», перещелкнул диапазоны.

— Связь-два, лейтенант у вас?

— Я здесь, Игорь Васильевич.

— Молчат?

— Наряд только что пошел, пока никаких сведений.

— Я имею в виду вертолет.

— Молчат.

Ивашура наклонился к пилоту.

— Давай вокруг Башни, на румбе северо-востока снизишься, будем искать.

Пилот шевельнул каменными скулами:

— Найдем,— и снова застыл, положив сильные руки на полукольцо штурвала.

В километре от Башни, закрывшей половину небосвода колоссальной геометрически правильной горой, вертолет стало болтать в воздухе.

— Восходящие потоки,— пояснил пилот бесстрастно.

Ивашура не ответил, водя биноклем по курсу вертолета. Остальные тоже взялись за бинокли, даже врач. Смотреть было неудобно, сильно мешала болтанка, но терпели, вглядываясь до слез в бурое месиво внизу. С четверть часа длилось молчание, лишь Ивашура однажды запросил по рации лейтенанта. Наряд солдат застрял где-то у непроходимой топи и сообщить ничего нового не мог.

— Топь,— пробормотал Одинцов.— Вертолет не мог затонуть в трясине?

Ивашура подумал о том же, но промолчал, продолжая осматривать местность под вертолетом. За него ответил Рузаев:

— Болото оттаяло только сверху, максимум на полметра—метр, так что провалиться глубже они не могли.

— Вижу!— воскликнула вдруг врач и вытянула руку вперед.— Смотрите, вот он!

Пилот тоже увидел упавший вертолет и направил машину к Башне, потому что вертолет авиаконтроля лежал на полкилометра ближе, чем говорил лейтенант.

— Оранжевый?— удивился Одинцов.

— Чтобы виден был издалека,— пояснил Рузаев.

Башня приблизилась, угрюмая, голубовато-серая, в узорах черных пятен и ниш. Казалось, она кренится в их сторону и сейчас упадет, чудовищное творение неизвестных сил, нечто небывалое по земным масштабам и человеческим меркам, и поэтому противоестественное и таинственно-зловещее.

Одинцов покачал головой.

— И не боитесь же вы здесь летать! А если появится... этот «глаз дьявола» или «мертвый выброс»? Как у вас соблюдается режим безопасности?

— Соблюдается,— отрывисто бросил Ивашура, готовясь открыть дверцу кабины и выпрыгнуть наружу.— Во-первых, сейчас «межсезонье»— середина между пульсациями, подвижками Башни, и активность ее низкая. То есть «мертвые выбросы», «глаза дьявола» и прочие эксцессы учащаются по мере приближения пульсации, и за день до нее мы прекращаем выходы к Башне. А во-вторых, нас предупреждают пауки.

Одинцов изумленно посмотрел на начальника экспедиции.

— Пауки?! Пауки предупреждают вас о появлении «глаз дьявола»?

— Мы это сами поняли недавно,— проговорил Рузаев.— Но еще ни разу пауки не ошиблись. Как только раздается крик — где-то что-то обязательно вылезет.

В это время вертолет коснулся колесами грунта, слегка накренился. Ивашура открыл дверцу, спрыгнул на желто-бурую плешь сухой травы и, пригибаясь, отбежал в сторону. Рузаев спрыгнул за ним, и Одинцову пришлось помогать врачу сойти на землю, вздрагивающую под ногами, как живая.

Вертолет авиаконтроля лежал на боку с поломанными винтами, наполовину погрузившись в черную жижу, выступившую из-под прорванного верхнего слоя торфа, перегноя и корневой системы трав. Возле него никого не было видно.

Ивашура первым подбежал к вертолету, рванул дверцу на его пузатом, забрызганном грязью боку, заглянул в кабину.

— Что там?— подбежал Рузаев.

— Похоже, они ушли, никого нет.

Ивашура влез в кабину, пошарил там и высунул голову.

— Аппаратура вдребезги, а на пульте, по-моему, кровь...

И в это время совсем близко у подножия Башни, до которой было рукой подать, закричал паук.

Одинцов уже слышал крик паука, но издали, с большого расстояния, поэтому он вздрогнул и схватился за диктофон, который всегда носил с собой. Женщина-врач переступила с ноги на ногу, зажав уши.

— Пять секунд,— сказал Рузаев, когда леденящий душу крик стих.

— Шесть, я засек сразу,— быстро проговорил Ивашура.— О, черт, только этого нам не хватало! «Глаз» или «выброс», одно из двух. Надо же напороться!

— Это я сглазил своими разговорами,— сказал Одинцов.— Что же мы стоим? Бегом в вертолет и...

— Больше шансов отправиться в рай без билетов. Нет, придется остаться. Никакая защита не спасет, если нас зацепит гамма-луч или язык «мертвого выброса». Будем уповать только на авось.

Одинцов еще раз хотел напомнить свои недавние высказывания о режиме безопасности, но посмотрел на врача и передумал. К тому же он понимал, что они были вынуждены рисковать, идя на помощь пострадавшим.

— Странно, что мы их не заметили,— сказал Ивашура, вспомнил о рации и вдавил пуговку включения.— Связь-два, что нового? Мы, кажется, влипли: только что пауки пропели серенаду предупреждения.

— Мы слышали, Игорь Васильевич. Поднимаю в воздух тревожную группу.

— Ни в коем случае! Осталось минуты две, они не успеют. Вер-

толет мы нашли, но в нем никого нет. Очевидно, экипаж почти не пострадал и скоро выйдет к оцеплению сам. Пошли навстречу на всякий случай второго врача.

— Понял. Но, Игорь, позволь хотя бы...

— Все!— Ивашура выключил рацию и посмотрел на врача. Девушка казалась внешне спокойной, хотя и мяла в руке снятую перчатку.— Попали мы в переплет, Ирина. Будет о чем рассказать?

Врач благодарно улыбнулась, краска вернулась на ее щеки.

— Это когда еще будут дети...

Рузаев сбегал к своему вертолету, пилот которого остался абсолютно равнодушным ко всему происходящему, и принес кинокамеру.

— Началось,— сказал он.— Нам повезло, редко кто наблюдал мини-извержение Башни в такой близости.

Одинцов присмотрелся и увидел, что на голубой с черным стене проступили светлые полосы, засеребрились, засияли, и на землю хлынул водопад искр. Сильно зашипело, к людям принесло волну свежести, мех на шапках встал дыбом, при каждом движении одежда стала потрескивать.

— И вовсе это не «глаз»,— пробормотал Рузаев, вскидывая кинокамеру.

— Электрический «дождь»,— кивнул Ивашура, напряженно вглядываясь в Башню.— Чувствуете, какая электризация воздуха?

Со стены Башни с высоты метров сто пятьдесят сорвалась синяя молния и вонзилась в вал у подножия. Резкий щелчок, словно удар колоссального кнута. Еще и еще раз. Снопы электрических искр стали гуще, шипение усилилось, словно из серпентария выползло полчище рассерженных гадюк, сияние постепенно охватывало весь исполинский ствол Башни, поднимаясь снизу вверх.

Кожу на лице стало пощипывать, начали подергиваться мышцы на руках, ногах и спине.

— Первый раз наблюдаю «дождь» такой силы!— сказал Ивашура и скомандовал:— Быстро в вертолет!— Зубы его замерцали призрачным зеленоватым светом.— Металлический корпус послужит экраном.

Они побежали к вертолету, при каждом прыжке ощущая болезненные покалывания в нервных узлах. В кабине буйство электричества прекратилось, перестали светиться зубы, нос, пальцы. Пилот только головой покачал, глядя на вакханалию света за стеклом кабины. Видимо, напряженность электрического поля продолжала нарастать, потому что начали светиться трава, почва, камни, упавший вертолет. Красивые изменчивые голубые и зеленые волны сияния накрыли болото метровым пушистым ковром.

— А где Михаил?— спросил вдруг Ивашура, бросив возиться в углу с каким-то прибором.

— Снимает,— сказал пилот.

Рузаев стоял на упавшем вертолете, окруженный электрическими сполохами, не отрываясь от видоискателя кинокамеры.

Ивашура ударил ногой в дверцу, высунулся по пояс и закричал:

— Михаил, в кабину! Живо!

Рузаев оглянулся, опустил кинокамеру, и в ту же секунду словно судорога передернула Башню: она искривилась, заколебалась, как мираж, готовый растаять, исказился горизонт. «Судорога» пробежала от Башни по земле, перечеркнув оранжевый бок вертолета с человеком на нем, какие-то странные светящиеся фигуры встали над болотом, полетели световые стрелы и копья...

Вертолет с людьми качнулся, Ивашура едва не вывалился наружу, но пилот успел удержать его за полушубок. Один из светящихся лоскутов воткнулся в лобовое стекло кабины. Жгучий свет залил все вокруг, ослепленные люди попадали на пол, закричала Ирина, и вслед за световым ударом в кабину ворвалась тьма...

Ивашура пришел в сознание первым. Ломило в висках, все тело казалось водянистым и рыхлым, отказывалось повиноваться. Пилот полулежал на своем сиденье с равнодушным лицом, продолжая сжимать в окаменевших руках штурвал.

Зашевелился Одинцов, молча сел, ощупывая лицо. Ивашура нагнулся к врачу, легонько похлопал ее по щеке. Девушка вздохнула и открыла глаза.

— Будто из мясорубки вынули,— пробормотал Одинцов и с трудом встал. Его повело в сторону, и он вцепился в спинку пилотского сиденья.

Ивашура открыл дверцу и выглянул из кабины.

Почва, вывороченные пласты торфа, кочки, трава были покрыты странным серебристым налетом, словно инеем. В воздухе витали запахи металла и жженого волоса, отчего у всех запершило в горле.

Башня стояла на том же месте, такая же мрачная, темная и ощутимо массивная, вершиной уходящая в пелену облаков.

Ивашура тяжело спрыгнул на землю и дико оглянулся вокруг.

— Ничего не понимаю! Куда он делся? Михаил!

Потерпевший аварию оранжевый вертолет исчез, и вместе с ним исчез Рузаев.

— Не может быть! Куда они подевались? Михаи-ил!..

Издалека послышался нарастающий рокот, и над лесом показались вертолеты. Лейтенант вызвал-таки подмогу.

— Что это было с нами?— тихо спросил Одинцов.

— Мы попали в зону «призраков»,— отозвался пришедший в себя пилот, словно одним словом мог объяснить все происходящее.

3

В поисках таинственным образом исчезнувшего Рузаева участвовало пять военных вертолетов и отделение солдат под командованием лейтенанта Кущи, но найти эксперта не удалось. Не удалось отыскать и разбитый вертолет авиаконтроля, и это обстоятельство заставляло искать нетривиальные объяснения их исчезновения.

В домике штаба попискивал пульт селектора, доносились переговоры исследовательских групп — рации всех групп работали на одной частоте. У пульта селектора сидел хмурый Ивашура и слушал Богаева. У перегородки возле рации спецсвязи устроился радист с наушниками на голове, второй что-то тихо ему втолковывал, иногда оглядываясь на Ивашуру.

Одинцов стоял у окна, сложив руки на груди. Старостин ходил от перегородки до ряда стульев, иногда шумно вздыхая.

— Надо прекратить походы к Башне,— сказал он наконец, останавливаясь у окна.— Иначе будут новые жертвы.

— До сегодняшнего дня жертв не было,— проворчал Богаев.— А исчезновение Рузаева, возможно, вполне объяснимо...

— Конечно, объяснимо: распался на атомы! Подходит такое объяснение?

— Нет, здесь все не так просто,— возразил Ивашура.— Эксперты сделали анализ образцов грунта на том месте, и оказалось, что состав верхнего слоя почвы в зоне появления «призраков» не соответствует составу окружающих зону почв.

— Ну и что?

Ивашура помолчал.

— Есть идея, но высказывать ее преждевременно. Извините.

В домик вошел Гаспарян, отряхнул снег с шапки, разделся, прошел во вторую комнату, причесываясь на ходу.

— Снимай поиск,— сказал он Ивашуре.— Местность открытая, искать больше негде. Провалиться в болото вертолет с Мишей не мог, мы проверили — там выход глины, толщина верхнего слоя с торфом всего около двух метров.

Ивашура посмотрел на Одинцова, одетого в полковничью форму, тот еле заметно кивнул.

— Хорошо, ты прав. Виктор, передай поисковикам отбой.

Радист встрепенулся и потянулся к панели рации. Гаспарян сел, аккуратно поддернул брюки, все молча смотрели на него, будто на вестника беды. Старостин снова зашагал из угла в угол, радист передал в эфир приказ Ивашуры, и в домик вернулась прежняя тишина.

— А что с экипажем упавшего вертолета?— поинтересовался Одинцов.— Причину аварии установили?

— Причина довольно необычка.— Гаспарян хмыкнул.— Они ле-

тели на высоте трехсот метров и работали с регистраторами полей и частиц, настраивали лазерный спектроскоп. А потом вдруг, по словам пилота, вертолет «дернуло» к Башне с такой силой, что двигатель заглох. Ну и грохнулись, естественно.

— Что значит «дернуло»?

— То, что вертолет попал в какой-то «притягивающий конус». Толчок был так силен, что они пролетели по направлению к Башне больше четырехсот метров! Побились, конечно, здорово. У пилота сломаны два ребра и разбита голова, у остальных то поломана рука, то выбиты зубы, вывихи, ушибы, содрана кожа...

— Хорошо хоть живы остались! Неужели открыли новое явление? Никто не сообщал раньше ни о чем подобном.

— Вот поэтому я и говорю — следует прекратить вылазки и полеты к Башне,— сказал Старостин.— Мартын Сергеевич, надо пересмотреть режим безопасности исследований, и немедленно. Игорь Васильевич,— заместитель Председателя Верховного Совета повернулся к Ивашуре,— вы же понимаете, что первым делом с нас спросят за людей, за соблюдение норм безопасности, а уж потом за ход исследований. Подходить к Башне опасно, а если до сих пор обходились без жертв, так это чисто случайно, а не из-за мер предосторожности. То, что вас «предупреждают» пауки,— не довод.

Старостин вытер платком лоб, сел, снова встал. Он был взволнован, раздражен и не скрывал этого.

— Что мне докладывать в Москву? Что такое Башня — вы не знаете, чего от нее ожидать дальше — тоже не знаете. А знать необходимо, иначе проглядим катастрофу.

— Доложите, что есть,— пожал плечами Богаев.— К сожалению, рост Башни вывел ее за пределы чисто научных проблем, добавил социальное и политическое звучание, отмахиваться от этого нельзя. Вопрос эвакуации района из опасной зоны — вопрос социальный, бытовой, психологический, экономический, финансовый и так далее. Его надо решать в первую очередь, время не ждет.

На панели рации загорелся глазок индикатора, радист поправил наушники, выслушал и сказал подошедшему Ивашуре:

— Посты наблюдают «глаз дьявола», аппаратура сейсмологов регистрирует подземные шорохи.

Ивашура кивнул, повернулся к остальным.

— Извините, товарищи, я вас покину. Владлен Денисович, ты тут без меня...

Богаев исподлобья посмотрел на Старостина.

— Хорошо, Игорь Васильевич.

Ивашура кивнул Гаспаряну, они оделись и вышли.

— Похоже, приближается очередная «пульсация»,— сказал Ивашура уже в кабине вертолета.— Башня активизируется. Больше ничего не нашли?

Гаспарян выразительно посмотрел на товарища.

— Ты имеешь в виду Мишины вещи? Ничего.— Он помолчал. Пилот поднял легкую машину в воздух.— Правда, ближе к стене ребята нашли останки двух пауков. Такое впечатление, будто ими выстрелили из пушки. А в стене напротив того места, где упал вертолет авиаконтроля, на высоте трехсот метров обнаружился глубокий провал, словно часть стены рухнула внутрь.

— Вот как? На высоте трехсот, говоришь? И вертолетчики шли на той же высоте... Совпадение?

— Не знаю, но меня это насторожило. Надо бы дать задание экспертам специально понаблюдать за стеной.

Внизу проплыла дорога с идущей по ней грузовой автомашиной. Лес кончился, началось заснеженное поле колхоза «Жуковский». Башня угрюмо нависла слева, придавая пейзажу гротескную нереальность декорации.

У опушки леса стояли военные палатки, а чуть поодаль, на холме, неторопливо вращала антеннами радиолокационная станция.

Вскоре вертолет пошел на снижение и опустился у кромки леса на другой стороне поля возле штабелей бревен и куч хвороста. В поле уходила цепочка бревенчатых вышек разнокалиберной высоты — от восьми до двенадцати метров. Из окон вышек, обращенных к Башне, торчали стволы стереотруб, кино- и фотоаппаратуры, рога и решетки звуковых антенн, окуляры лазерных дальномеров и спектроскопов.

Ивашура зашел в один из двух передвижных домиков и вскоре вернулся с бородатым физиком по фамилии Меньшов, которого звали Виталием Борисовичем. Физик подал руку Гаспаряну, и они направились к ближайшей вышке.

Верхняя площадка вышки была огорожена и походила издали на скворечник. К ней вели десять пролетов крутой лестницы с заледеневшими ступеньками. Чем выше поднимались люди, тем сильнее становился ветер. У самой площадки он, в сочетании с морозом, пронизывал одежду насквозь.

На площадке было чуть теплее. В сторону Башни смотрела подзорная труба на треноге, кинокамера и крупнокалиберный пулемет, у которого возились двое парней в танковых шлемах. Третьим оказался профессор Гришин, поглядывающий в окуляр трубы и записывающий что-то в блокнот.

— Константин Семенович?— хмуро удивился Ивашура.— Вы-то здесь как оказались?

— У них аппаратура лучше,— сказал Гришин.— Вот и забрел.

Бородатый Меньшов блеснул зубами.

— Аппаратура у нас действительно неплохая, но Константин Семенович явился к нам по другому поводу. Предлагает провести один совместный эксперимент.

Ивашура хмыкнул.

— Интересно. Что же это́ за эксперимент, который может заинтересовать физика и эколога одновременно?

— Ничего противозаконного,— усмехнулся тонкими губами Гришин, пряча блокнот.— Моя специальность — экология человека. Позволю напомнить, что это направление экологии изучает общие закономерности взаимоотношений природы и общества. Подчеркиваю: природы и человека, а не растительного и животного мира.

Ивашура прильнул глазом к окуляру трубы.

— Вы хотите сказать, что объектом экологии может быть не только популяция или экосистема, но и техносфера?

— Совершенно верно. Техносфера как часть экосферы Земли.

— А в качестве конкретного локального объекта вы избрали Башню, предполагая ее искусственное происхождение...

— С вами страшно разговаривать, вы все знаете наперед!

— Положим, не все, но по имеющимся данным человек эту Башню на Земле не строил, выдвигались гипотезы, что она сделана пришельцами, иными разумными существами.

— Вполне допустимо, однако это мало что меняет. Башня — искусственное сооружение, значит — часть техносферы, пусть и не земной.

Ивашура вдруг насторожился, поднял руку, призывая к молчанию. От Башни докатился крик паука, ослабленный расстоянием.

— «Глаз дьявола»,— сообщил один из наблюдателей.

На стене Башни почти под самыми облаками разгорелся мигающий желтый зрачок, продержался с полминуты и погас. Зазвонил телефон. Меньшов снял трубку, выслушал, буркнул что-то и положил трубку.

— Две тысячи рентген в импульсе, дальность затухания около пятнадцати километров. Это уже пятый «глаз» за сегодняшний вечер. Активность Башни растет не по дням, а по часам.

— Завтра вечером или ночью будет пульсация,— кивнул Ивашура.— Готовьтесь.— Повернулся к Гришину:— Итак, Константин Семенович, что за эксперимент вы предлагаете провести?

— Не один, а целых два. Первый: попробовать опустить зонд с телеаппаратурой на Башню сверху, на ее размытую вершину. А еще меня интересует «зона ужасов». Никакого излучения — ни частиц, ни полей — аппаратура, установленная в самой «зоне», не регистрирует, тем не менее, какое-то поле, вызывающее у людей ощущение страха и другие негативные эмоции, существует. Есть датчики, которые могут замерить биотоки, «электрические наводки» в нервных окончаниях и узлах. Надо просто нацепить эти датчики и побродить по «зоне».

— Ну вы и садист, Константин Семенович!— пробормотал Гаспарян.

Физики засмеялись. Гришин тоже улыбнулся.

— Я предлагал в качестве «кролика» себя.

— Суть ясна,— произнес Ивашура.— Но в последнем случае я не вижу связи с физиками. Скорее, это должно интересовать биологов и медиков. Ах нет, простите, понял. Излучение?

Бородач кивнул.

— Нас тоже интересует излучение. До сих пор человечество знало только три вида излучений: электромагнитное, гравитационное и излучение частиц от адронов — протонов, нейтронов, мезонов — до лептонов и разного рода пси, кси и других странных частиц. Если мы не обнаружим в «зоне ужасов» какого-нибудь из перечисленных видов излучений, значит, либо наши теории неверны, либо существует излучение, о котором мы ничего не знаем.

— Может быть, инфразвук или ультразвук?

— Звукорегистраторы молчат, по сообщениям соседей.

Соседями физиков-ядерщиков были физики лаборатории звука.

— Ну у них еще есть неиспользованные возможности,— заметил Гришин.— Я был у них, они готовят к запуску в «зону ужасов» какой-то сверхчувствительный звукозаписывающий агрегат.

Ивашура задумался, нахохлившись, спрятав руки в карманы полушубка. Зазвонил телефон. Меньшов снова снял трубку, выслушал и передал трубку начальнику экспедиции. Звонил Богаев.

— Старостин говорил с Москвой,— сказал он с сопением.— Приедет кто-то из ЦК.

Ивашура молчал.

— Ты слушаешь?

— Да.

— Пульсация скоро?

— Вероятно, ночью. Слушай, Владлен Денисович, что ты за душу тянешь? Выкладывай, что произошло.

Богаев помолчал, прочистил нос и сказал:

— Звонили из метеоцентра. Башня изменила метеобстановку. Мы-то в спокойной зоне, аналогичной «глазу тайфуна», а в радиусе ста километров начались ураганные ветры, снегопады с градом.

— Разберемся.— Ивашура положил трубку, постоял с минуту, кивнул на пулемет.— А это чудо у вас откуда? И зачем?

— Хотим пострелять по Башне.— Меньшов подождал реакции гостей, но оба умели сдерживаться.— С этой стороны «мертвые выбросы» появляются чаще, вот мы и решили в момент фонтанирования черной струи выпустить в нее очередь пуль из разного материала. А потом проверим, в какое вещество превратились пули.

Ивашура поманил пальцем Гаспаряна, шагнул к лестнице.

— Так что, Васильич,— сказал ему в спину Меньшов.— Насчет «зоны ужасов» договорились?

— Я подумаю,— не оборачиваясь, ответил Ивашура.

У подножия вышки он остановился, посмотрел на свинцовое небо, подождал Сурена.

— Давай-ка еще раз поищем Михаила. Не верю я, что он погиб.

— Да и я тоже,— оживился Гаспарян.— Миша не такой человек, чтобы пропасть за здорово живешь...— Он осекся, вспомнив странное исчезновение Ивана Кострова.

Ивашура косо посмотрел на него, понял и вздохнул.

— Вот-вот, с пропажей Ивана тоже не все ясно. Есть шанс на возвращение. Не идет у меня из головы тот случай с ним, помнишь? «Сон», когда он попал куда-то в «мезозой»...

— Как не помнить. Галлюцинации от воздействия инфразвука...

— А если нет?

Гаспарян в замешательстве поскреб подбородок.

— Черт его знает! Ты всерьез думаешь, что он путешествовал во времени?

— С одной стороны, вроде бы чистейшей воды фантастика. Ну а с другой... чем не фантастика эта Башня? Да и вспомни наши странные находки вокруг Башни: часть скелета диметродона, череп зауропода, кости диатримы... Откуда они в Брянском лесу?

Гаспарян глубже нахлобучил шапку и поправил шарф.

— Не задумывался, честно говоря. Пошли, а то дуба врежу от холода. Все же человек я южный, теплолюбивый.

Они облетели Башню кругом, побывали у биологов, геофизиков и медиков, на вычислительном центре. До того, как стемнело, успели еще раз обыскать то место, где пропал Рузаев и разбитый вертолет авиаконтроля, но ничего и никого не нашли. К Башне подходить близко не рискнули: стена ее с этой стороны все еще светилась пятнами, хотя и слабо. К тому же, близилась очередная пульсация, и вероятность всякого рода сюрпризов увеличивалась с каждой минутой.

Шел десятый час вечера, когда Ивашура закончил перекличку постов вокруг Башни, оставил в штабе вместо себя Богаева и вышел из теплушки в морозную темь. За ним увязался Одинцов, накидывая на ходу ватник.

Лес вокруг шумел — темный, мрачный, враждебный, замерзший. Призрачное сияние Башни не могло рассеять мрак ночи, и Башня вырастала из тьмы чудовищной стеклянной колонной, заполненной жидким светом, чуждой всему лесу, простору, земле. Облака вились вокруг нее живыми змеями, зажигались фосфорно и дымно, исчезали в мутной пелене. Иногда в стенах Башни рождались злые зеленые звезды, вспухали сияющими облачками, расплывались и осыпались вниз золотым дождем. Ветер приносил гулкие громовые раскаты и пронзительный клекочущий свист.

— Светопреставление!— пробормотал Одинцов.

Ивашура оглянулся, но не ответил. Он думал о Рузаеве, Кострове и девушке-журналистке, пропавших без вести. Думал, что мощь и масштабы небывалого явления превосходят все известное в истории человечества, что пауки не зря отпугивали людей от паутинного шатра, что Башня скорее всего свидетельство какой-то аварии в «паучьем измерении», а не инструмент для контакта иного разума, но разобраться в этом будет не очень просто, если не совсем невозможно. Как говорил Экзюпери: «Истина — это вовсе не то, что можно убедительно доказать». А главное, судя по всему, скоро наступит такой момент, когда вопрос контакта обернется вопросом небывалого конфликта.

Золотое сияние Башни заколебалось волнами. Впечатление было такое, будто Башня занавешена развевающимися под ветром ажурными занавесками. «Куски» сияния отрывались от общего «полотна» и медленно плыли к земле, постепенно истаивая снопами искр. Слева на боку Башни загорелся громадный синий проем «телеэкрана», но из-за сияния невозможно было разглядеть, что он показывает.

И вот началось.

Сначала где-то далеко зародился низкий, едва слышимый звук. Ивашуре показалось, что воздух загустел, завибрировал, и эта дрожь вошла в кончики пальцев, в спинной хребет, в череп и еще глубже — в мозг. Появилось ощущение постороннего взгляда, готовящегося нападения, какой-то близкой беды...

От Башни донеслись знакомые крики пауков, ослабленные расстоянием.

— Инфразвук?— коротко спросил Одинцов, склонив голову набок.

— Похоже. Предупреждение и отпугивание одновременно. Держитесь, сейчас начнется пульсация.

Одинцов послушно расставил ноги пошире, в ту же секунду земля дернулась раз, другой, третий... Ивашура устоял, но для полковника серия толчков оказалась неожиданной. Лежа на боку, он увидел, как Башня вспыхнула алым сиянием сверху донизу, скачком увеличила диаметр. Земные недра отозвались грохочущим гулом, заглушившим все звуки. Гул оборвался каменным стоном, лавиной тресков и ударов, и все стихло. Земля перестала дергаться и дрожать. В лес вернулся свист ветра, стали слышны шорохи и скрипы деревьев.

Башня еще некоторое время багрово светилась, потом свечение потускнело, ушло в темноту инфракрасного диапазона. Исчезло и электрическое сияние стен. Башня перестала быть невидимой. Лишь в тучах вокруг ее ствола иногда вспыхивали зарницы, словно напоминая людям, что она не исчезла.

Хлопнула дверь.

— Игорь?— раздался голос Гаспаряна.

— Здесь я,— отозвался Ивашура.

— Диаметр Башни увеличился на полтора километра.

— В прошлую пульсацию на два. Что говорят сейсмологи?

— Пять баллов. В Жуковке около четырех. Как обычно. Радиофон тот же, разве что затухание у атмосферников на ультракоротких увеличилось.

— Готовь вертолет.

Гаспарян, спотыкаясь в темноте, удалился к дежурке.

— Зачем вертолет?— спросил Одинцов.

Ивашура долго молчал.

— Посмотрим, не обнаружился ли Михаил.

Одинцов хмыкнул, потер уши — мороз стоял нешуточный, градусов двадцать — и ушел в теплушку штаба. Через минуту вернулся уже в шапке.

— Я с вами, если не возражаете.

Ивашура молча повернулся и зашагал к стоянке машин в сотне метров от домиков экспедиции.

Облет Башни не дал никаких результатов.

Вал дымящейся земли у ее подножия вырос еще на несколько десятков метров в высоту и метров на пятьдесят в ширину. Примерно на полкилометра от него шла полоса изломанного, исполосованного трещинами, рытвинами и буграми верхнего почвенного слоя замерзшего болота и земли полей. Кое-где со стороны западных стен Башни, где располагались топи, проступила сквозь слой торфа вода и разлилась коричневыми лужами, заметными издалека по струям пара.

Зона разрушений и изменений рельефа заканчивалась в трех-четырех километрах от стен Башни, и это озадачило Одинцова.

— Я ожидал большего,— сказал он, не отрываясь от окуляров бинокля.— Во всяком случае, землетрясение силой в пять баллов в эпицентре создает гораздо больше разрушений рельефа. Видел собственными глазами.

Вертолет летел на высоте полутораста метров над заснеженной целиной болота — там, где оно не было затронуто расширением Башни. Эллипсы прожекторного света то вспыхивали и искрились на снегу, то темнели на островках травы, черных ледяных зеркалах и пластах торфа.

Сделали один круг, потом второй. На третьем Ивашура опустил бинокль и буркнул в спину пилоту:

— Поворачивай домой, Витя.

И они полетели к лагерю, не глядя друг на друга, думая каждый о своем.

После ужина Ивашура, почти не притронувшийся к еде, пожелал всем спокойной ночи и ушел в свой вагончик. Когда он разделся и лег на топчан, в вагончик без стука вошел Михаил Рузаев...

4

Весть о том, что вернулся пропавший без вести при странных обстоятельствах эксперт Рузаев, облетела лагерь за минуту, и в вагончик, где спали эксперты Центра, набилось много народу. Ивашура, терпевший «нашествие» до поры до времени, наконец почувствовал холод (дверь почти не закрывалась), перекричал шум и, как был — в трусах, вытолкал всех за порог. В комнате остались Богаев, Одинцов, Гаспарян, эксперт Валера, так и не проснувшийся в общем гаме, и Рузаев.

Выглядел виновник торжества как после драки с дикими котами: одежда располосована на ленты и клочья, на лбу и под глазом синяки, на щеке глубокие царапины, такие же царапины — на шее и на руках. Невозмутимый, как и всегда, Рузаев напился из чайника, отдышался и начал переодеваться, словно не замечая взглядов товарищей и затянувшегося молчания.

Ивашура поймал взгляд Богаева и натянул брюки. Гаспарян, бурча, что, мол, выхолодили весь дом, подкинул в печурку сосновых поленьев. На лицо его лег желтый отсвет огня.

Наконец Рузаев переоделся, умылся, залепил царапины пластырем, еще раз глотнул воды и сел у длинного, во весь вагончик, деревянного стола.

— Дайте закурить,— попросил он в пространство.

— Ты же бросил!— удивился Гаспарян.

Рузаев молча взял из рук Одинцова сигарету и закурил.

— К сожалению, кинокамеру я потерял,— сказал он.— А рассказывать не умею.

— Где ты был?— хрипло спросил обретший голос Ивашура.

— Не знаю. Когда появились «призраки», я снимал «телеэкран».

— Мы же кричали! Не мог снимать из вертолета?

— Дело в том, что мне показалось, будто «телеэкран» показывает лицо человека... точнее, лицо Вани Кострова.

В комнате наступила тишина. Потом Ивашура, пряча плескавшуюся в душе радость, сел на свою полку-кровать и посмотрел на Одинцова...

— Только лицо? Какое?

Рузаев поднял недоумевающий взгляд.

— Ну я имею в виду, живое или...

— Вроде бы живое. Один глаз у него был прищурен, словно

он целился. Потом меня что-то ударило по затылку.— Рузаев пощупал затылок, в глазах его снова отразилось недоумение.— Ничего не болит. Вот лоб болит...

— Ты, наверное, перепутал, куда тебя шарахнуло,— вставил Гаспарян.— А то получается — били в затылок, а шишка вскочила на лбу. Кстати, кто бил-то?

— А пес его знает! Говорю же — сзади ударило. Очнулся — кругом светящийся туман и земля под ногами, и ничего больше не видно. Где Башня, где вы, где вертолет — не понять. Ну я встал и пошел. Жарко, душно, сыро... Горизонт — вот он, под носом, а дойти невозможно. Шел я, наверное, часа два. Земля твердая, в трещинах, идти легко, тишина — аж в ушах звенит! Ну потом стал замечать, вроде тени движутся, то впереди, то сзади, а разобрать опять-таки не могу. Побежал за одной и... вот,— Рузаев кивнул на кучу своего рваного обмундирования.— Так и не понял, что за нечистая сила меня крутила. Зацепила, попинала, исцарапала и бросила, причем, бесшумно, отчего мне самому взвыть захотелось.

Рузаев передохнул, прополоскал рот глотком воды. Все молча смотрели, как он это делает.

— Ну вот. Потом увидел: вроде как просветление впереди обозначается. Поднялся, побежал и... вывалился прямо на снег! Рядом Башня, все гудит, грохочет! Понял — пульсация. Ну я бегом в лес, пока не нашел лагерь.

— Скажи, пожалуйста! — Богаев помолчал, откашлялся.— М-да! Только нечистой силы нам не хватало. Может быть, Михаил, тебе все это померещилось?

Рузаев пожал плечами.

— Не хотите верить на слово — проверьте. Как говорил философ Берджес: «Существует только один заменитель воображения — опыт».

Гаспарян иронически приподнял бровь, хотел вставить какое-то едкое замечание в адрес эрудиции Рузаева, но посмотрел на Ивашуру и передумал.

— Ладно, утро вечера мудренее,— сказал Ивашура.— Предлагаю отложить анализ сообщения Михаила на утро.

Одинцов пожелал всем хорошо отдохнуть и ушел. Гаспарян разделся, нырнул в свой спальник с головой. Богаев посидел еще несколько минут, растерянно поглядывая на Рузаева. Ему хотелось поговорить, но он боялся показаться смешным.

— Поешь,— спохватился Ивашура.— У нас есть банка сгущенки и хлеб. Сурен, куда ты дел сгущенку?

— В шкафу с обувью,— ответил Гаспарян из спальника.

Рузаев подумал и согласился.

— Можно и подкрепиться, оголодал маленько.

— Звонили из райкома,— проговорил Богаев, не глядя на Ива-

шуру.— Толчки от пульсаций разрушают здания города, жертв пока нет, но...

Ивашура молча залез в спальный мешок.

Богаев посмотрел на него с некоторой растерянностью, покашлял в кулак.

— У них тут в десяти километрах газопровод. Боятся, что трубы не выдержат...

Молчание.

— Надо что-то делать, Игорь.

— Надо,— отозвался наконец Ивашура.— В первую очередь надо создать правительственную комиссию, которая была бы правомочна решать все организационные вопросы.

Богаев оживился.

— Я тоже так думаю. Зачем нам одним брать на себя ответственность такого масштаба? Нужна компетентная...— Он замолчал, заметив взгляд Ивашуры, заторопился.— Ну я тоже пойду. Желаю приятных снов.

Он ушел.

Рузаев ел сгущенное молоко и прихлебывал из чайника.

— Не думал, что старик так боится ответственности,— глухо проговорил Гаспарян из спального мешка.— Дома, в Центре, он казался мне более решительным. Возраст, что ли, подошел?.. Да минует нас чаша сия!

— Тебе это не грозит,— буркнул Ивашура.— Ты помрешь раньше, причем из-за длинного языка. Нигде от вас покоя нет. Михаил, сможешь показать место, где выбрался из «тумана»?

— Вообще-то не уверен, но попробую.

Ивашура больше ничего не спросил. Рузаев погасил свет в вагончине и лег сам. В наступившей тишине отчетливо похрапывал эксперт Валера, умевший ночью отключаться до состояния полной нечувствительности к внешним раздражителям, потрескивали горящие поленья в печурке да сквозь тонкие стенки просачивался в теплушку равномерный шум леса.

Наутро, после завтрака, Старостин собрался уезжать и перед отъездом собрал в штабе руководителей экспедиции и командиров приданных ей войсковых частей.

— Я убедился, что явление Башни не только уникально с научной точки зрения,— сказал он,— но и представляет огромную опасность для людей и несет колоссальные убытки хозяйству района. Поэтому следует принимать какие-то решительные меры. Первое и самое важное — остановить рост Башни, второе — установить контакт с пауками, потому что именно они, с моей точки зрения, главные действующие лица во всей этой кутерьме. Мнения ученых

о том, что такое Башня, я выслушал и понял, что оригиналов среди вас много, а истину вы видите только во сне, да и то не каждый. Примите это не как упрек вашей компетентности. Задуматься и даже просто восхищаться есть чем. Я сейчас уезжаю, а дня через три ждите правительственную комиссию. Она и будет решать, что делать дальше. А пока выслушайте... ну, если не приказ, то указание: к Башне ближе, чем на три километра, не подходить! Все намечающиеся эксперименты согласовывать прежде с начальником экспедиции Ивашурой. Риск свести к минимуму! Ясно? Но, с другой стороны, ускорьте исследования, сведите накопленные сведения в единую систему. Необходимо знать точно, что такое Башня, прежде чем принимать кардинальные меры. Вопросы ко мне есть?

Ученые и командиры молчали.

Старостин уехал. Одинцов улетел ночью, никого не предупредив. Ивашура передал бразды правления штабом Гришину (Богаев уехал в райцентр), забрал Рузаева с Гаспаряном, и они отправились искать точку выхода Михаила из «тумана».

Вертолетная стоянка по совету Старостина была перенесена на триста метров южнее, на лед замерзшего озерца, окруженного редким сосняком: отсюда было удобнее загружать машины аппаратурой, топливом, держать связь со всеми подразделениями экспедиции и с городом, благо дорога в город пролегала рядом. Сосны здесь росли какие-то жалкие, искривленные, будто пораженные болезнью. Дорога в райцентр огибала озерцо и исчезала в стене мрачного бора, за которым до самого города шло поле озимой пшеницы.

Вертолет поднялся выше сосен, и Башня выросла над лесом геометрически правильной голубовато-серой горой, неправдоподобная и неестественная этой своей геометричностью, расцветкой и размерами. Не труба, не башня, не колонна — конец «земной оси»!

Ивашура включил рацию.

— Пятый, ответьте первому.

— Я вас слушаю,— отозвался командир роты оцепления.

— Отодвиньте посты на четыре километра от Башни. Ближе никого не пускать до особого распоряжения.

— Принял, выполняю.

— Связь-два, ответьте первому.

— Слушаю, Игорь Васильевич.— Характерный говор Гришина.

— Переключите сеть оповещения на мой канал. Как только наблюдатели заметят что-нибудь подозрительное, пусть дадут знать.

— Хорошо, сейчас предупрежу.

Вертолет приблизился к Башне и пошел вокруг нее на высоте ста метров. Внизу медленно проплывали снежная целина, рощицы хилых осин, желтые и коричневые пятна высохшей болотной растительности, распаханное поле.

— Нет, надо подойти ближе,— сказал Рузаев.— Помню, что бежал по взломанным пластам земли.

Пилот искоса посмотрел на Ивашуру, и вертолет повернул к Башне. Под ним показалась перепаханная катаклизмами почва: валы, ложбины, трещины, холмы и провалы с зеркалами черной воды, курившиеся белесыми дымками. Дальше, до подножия Башни, снега уже не было совсем, разрушения ландшафта все больше увеличивались, а потом шел дымящийся почти двухсотметровый вал почвы, смятой давлением стен Башни.

— Похоже, здесь,— неуверенно проговорил Рузаев.

Пилот остановил машину в воздухе.

Рузаев несколько минут рассматривал местность под вертолетом, никто ему не мешал. Наконец указал рукой чуть в сторону.

— Кажется, у этой глыбы.

Ивашура кивнул, пилот повел вертолет на посадку. Рузаев первым выбрался из кабины, прошелся возле вздыбленной каменной плиты до трещины в земле, постоял, задумавшись. Гаспарян подошел к нему, заглянул в трещину, хмыкнул, потом отошел к каменной глыбе.

— Гранит,— сказал он,— всматриваясь в зернистую поверхность глыбы.— Откуда он здесь, в болоте? Кругом не то что гор — холмов порядочных нет.

Ивашура, оглядываясь по сторонам, приблизился к нему.

— Дропстон. След ледника. В здешних местах таких камней много. Ну что, Михаил? Здесь?

Рузаев, очнувшись, почесал за ухом.

— Не уверен, шибко темно было... Да что нам даст место моего «воскрешения»? Объяснить, где я пробыл более двенадцати часов, оно не поможет.

— Как знать. Дело в том, что исчез ты тоже в этом месте. Упавший вертолет лежал чуть подальше, вернее, ближе к Башне. А эта глыба была едва видна, одна макушка торчала.

Рузаев снова начал разглядывать местность. Потом кивнул.

— Ты прав. Вертолет лежал левее и ближе к...— Он вдруг замолчал.— Посмотри-ка на бугор. Ничего не замечаешь?

— Где?— быстро спросил Ивашура.

Рузаев вместо ответа бегом направился к незамерзшей полынье в слое буро-коричневой жижи, из которой выглядывал коричневый гладкий пузырь. Гаспарян с Ивашурой подбежали следом. Из жижи рядом с округлым бугром торчал кончик лопасти винта.

— Вертолет!— сказал Гаспарян.— Вот это называется везением! С воздуха черта с два заметили бы! Нарекаю это место Болотом Нечистой силы... имени Рузаева!

Ивашура попробовал дотянуться ногой до бока вертолета, но едва не сорвался в яму с жижей.

— Сурен,— сказал он.— Принеси-ка щуп из кабины.— Потом вызвал по рации штаб:— Константин Семенович, мы нашли пропавший вертолет, вызови моих экспертов с аппаратурой, срочно.

— Слушаюсь,— бодро отрапортовал Гришин.— Где вас искать?

— Юго-запад от Башни, увидят. Пусть берут вертолет авиаконтроля, я позвоню в полк.

Ивашура созвонился с авиаполком и попросил доставить группу ученых на вертолете к Башне.

— Подождем,— сказал он, закончив переговоры.

Через полчаса прибыли эксперты с приборами и оборудованием. Найденный вертолет зацепили тросами, и военная машина вытащила его на сухое и ровное место.

Ивашура сначала помогал экспертам, потом оставил с ними Гаспаряна, а сам с военными летчиками обыскал сверху всю прилегавшую местность. Им удалось найти часть опоры электролинии с гроздью изоляторов и половину туши странного зверя, закованного в пластинчатую броню. И то и другое погрузили в вертолет и отправили в лагеря соответствующих лабораторий: биологического и физического анализа.

До вечера возились с разбитым вертолетом, потом и его утащили в безопасное место, подальше от Башни.

Поздно вечером усталый Ивашура провел обычную перекличку и поплелся в свой вагончик, мечтая о горячем чае и отдыхе.

В вагончике его ждала целая компания: комментатор радио и телевидения Гибелев, ведущая программы «Время» Вероника Ткаченко, журналисты из Москвы, корреспонденты ТАСС и АПН — две девушки и худенький парень в очках, одетый в костюм из коричневого вельвета.

— Здравствуйте,— поклонился Ивашура.— Чем обязан?

— Мы по поводу вчерашних событий,— поднялся навстречу Гибелев, худой, с короткой стрижкой, в мешковатом пуловере. Видимо, он был главным визитером.— Несколько организационных и технических вопросов. Разрешите? Днем найти вас практически невозможно.

— Что с вами поделаешь.— Ивашура усмехнулся и прошел к столу.— Задавайте свои вопросы.

— Первый: разрешат ли завтра вести прямую телепередачу с близкого расстояния? Если да, то мы хотели бы, чтобы вы в ней участвовали.

— Не ближе двух километров. Но предупреждаю: помощи от нас не ждите.

— О, конечно, мы сами справимся, не беспокойтесь. Вести передачу будет Вероника, она у нас главный специалист по интервью с учеными.

Вероника Ткаченко, красивая брюнетка, одетая ярко и броско,

оценивающе посмотрела на Ивашуру, улыбнулась крупными, умело подкрашенными губами и проговорила, как говорят все москвичи, растягивая слова:

— Вячеслав, как всегда, преувеличивает. Просто мне везет на технических специалистов и ученых.

Голос у нее был хрипловатый, мягкий, выразительный.

— Простите, я не представился.— Ивашура встретил взгляд женщины и подумал, что она умеет держаться, что у нее красивый голос и красивые глаза.— Игорь Васильевич, начальник экспедиции. В неофициозе просто Игорь. Итак, следующий вопрос.

— Что случилось с экспертом вашего Центра Рузаевым?— спросил «вельветовый» корреспондент агентства печати «Новости».— Он пропал и снова появился...

— На этот вопрос я вам не отвечу,— спокойно сказал Ивашура.— Рузаев действительно исчез неизвестно куда во время выхода «призраков» из Башни, а потом так же неожиданно объявился на том же месте четырнадцать часов спустя. Где он был, в каком «измерении», сказать не могу. Не может объяснить этого и сам Рузаев.

— Расскажите, пожалуйста, что такое «призраки»,— попросила соседка парня, пухлая блондинка в желтом свитере и джинсах.

— А заодно и об остальных ваших чудесах,— добавил парень, державшийся с подчеркнутой серьезностью.

Ивашура, прищурясь, оглядел компанию.

— Неужели вам еще никто ничего не рассказывал? Ну хорошо. А ваш вопрос?— обратился он к последнему члену компании, женщине среднего возраста с лицом строгим, почти мужским, обладающей тяжелым властным взглядом.

— Курить можно?— спросила та.

Все засмеялись. Улыбнулся и Ивашура, хотя женщина ему не понравилась.

— Конечно, можно. Что же, отвечаю на вопрос о «чудесах»...

Он сжато рассказал обо всех эффектах, связанных с Башней, показал несколько фотографий, которые оказались под рукой, и в это время пришли Рузаев, Гаспарян и эксперт Валера, возбужденные спором с молодыми представителями Госкомгидромета.

В вагончике сразу стало шумно, журналисты «насели» на экспертов, разговор стал общим. Ивашура, махнув рукой на отдых, приказал готовить стол.

Поставили чай, достали консервы, Валера сбегал на кухню за стаканами и хлебом, у Гибелева «случайно» оказалась бутылка «Киндзмараули» («Вез товарищу в качестве сувенира»,— как он объяснил), и первоначальный официальный тон разговора уступил место легкому застольному, дружескому, с шутками и анекдотами, которыми отличался Гаспарян.

Ивашура больше молчал, говорил скупо, постоянно чувствуя оце-

нивающий взгляд Вероники. Ведущая программ Центрального телевидения тоже говорила мало, но за ее словами незримо присутствовала тактичная сдержанность умной женщины. Ивашура оценил это очень скоро.

Гибелев сначала разговаривал с Рузаевым, потом снова обратился к начальнику экспедиции.

— Ну а по-вашему, что здесь происходит? Что такое Башня? Вот мы все говорим, говорим, а никто прямо не скажет. Мы встречались с учеными разных направлений науки, у каждого есть своя точка зрения, и только эксперты вашего Центра уходят от прямого ответа.

— Наверное, потому, что мы привыкли опираться на здравый смысл и логику.— Ивашура иронически прищурился.— Мы скованы цепью фактов, не соединенных между собой. Но и у нас есть кое-какие предположения. Я знаю, в стане ученых преобладает мнение, что с нами начинает контакт иная цивилизация, и многие факты как будто подтверждают это мнение. Вы их тоже знаете: пауки, не похожие на пауков и живых существ вообще, «мертвые выбросы», «призраки», сама Башня, наконец! Башня в этой гипотезе представляется космическим кораблем-автоматом, опустившимся на Землю и пробуждающимся от долговременного «анабиоза». Есть и другие мнения, что Башня — станция передачи информации из «соседнего измерения», или антимира, вложенного в наш материальный континуум.

Журналисты заговорили все разом, но Гибелев погрозил пальцем, и они умолкли.

Ивашура задумался на несколько секунд, решая, выносить ли на суд гостей то, в чем сам сомневался.

— Я не отношусь к числу оригиналов, отстаивающих заведомо обреченные на успех мысли. По-моему, Башня не связана с пришельцами из космоса или иных измерений, несмотря на нечеловеческие масштабы и всякого рода чудеса. Но вот со временем она каким-то образом связана. Начну с того, что мы уже не раз обнаруживали вокруг Башни скелеты и даже свежие останки доисторических животных, двое из наших специалистов «видели» пейзажи палеозоя, трижды отмечены случаи с несовпадением отсчета времени механическими и электронными часами вблизи Башни, физики зафиксировали на микроуровне нарушение причинно-следственных связей и главное — случай с Михаилом. По его мнению, он пробыл в «тумане» около двух часов, а на самом деле отсутствовал четырнадцать часов с минутами и вышел в том же месте, где исчез.

— Что же, по-вашему, Башня — машина времени?— спросила блондинка, не сводящая круглых глаз с начальника экспедиции.

— Определять не рискую,— покачал головой Ивашура.— Машина не машина, однако время вблизи нее течет не так плавно, как

в других районах Земли. Наш молодой коллега Валера назвал Башню «преобразователем времени». Якобы Земля вмещает огромное количество цивилизаций, неощутимых друг для друга потому, что каждая из них существует во времени, «повернутом» относительно другого времени на какой-то «угол». Вот с нами и хочет познакомиться одна из соседних цивилизаций, создавшая нечто вроде хрономоста из своего «угла времени» в наш.

Журналисты снова попытались задавать вопросы, но Гибелев решительно встал и поднял руку.

— Коллеги, пора и честь знать. Уже второй час ночи. Все вопросы завтра, хозяева устали за день больше, чем мы.

— Да я, вообще-то, готов хоть сейчас...— пробормотал Валера, косивший на Веронику голубые бесхитростные глаза.

Все засмеялись, даже мужеподобная журналистка, курившая одну сигарету за другой. Журналисты и телекомментаторы стали прощаться, Ивашура подал Веронике ее белую шубу, накинул на плечи свой видавший виды кожаный полушубок и вышел следом.

Шел второй час ночи, и небо вызвездило. Башня на этом искристом фоне выглядела колонной тьмы, перечеркнувшей звездный узор, нематериальной колонной, полной той неестественной черноты, которая бывает только глубоко в подземелье.

Что-то вспыхнуло там, в вышине, у вершины черной полосы, посыпались искры, словно окалина с проводов от токосъемов троллейбуса. Издалека сквозь тишину — ветер тоже утих, впервые за много дней — докатился тонкий вой. В вагончике зазвонил телефон. Гаспарян, провожавший гостей, нырнул в дверь и через минуту появился снова.

— «Глаз дьявола», первый после пульсации.

— Да, это грандиозное явление!— тихо проговорила Вероника, спрятав руки в рукавах шубки.— В нем есть нечто инфернальное, внушающее слепой ужас. Помните, у Пушкина:

А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?..

Глаза Вероники отразили иглы звезд.

— Вы не откажетесь завтра повторить свою гипотезу для телезрителей? Или вы смелы только в маленькой компании дилетантов?

Ивашура засмеялся.

— Не откажусь, хотя предчувствую, что меня будут бить коллеги. Заходите к нам в свободное время, тема Башни неисчерпаема. Кроме того, есть и другие темы.

Вероника молча подала руку и пошла по скрипящему снегу к «гостинице» — вагончику для гостей. Остальные, переговариваясь, гурьбой повалили следом. Гибелев пообещал навестить экспертов

в ближайшем будущем и догнал журналистов. Они скрылись в «гостинице», и только тут Ивашура почувствовал, что вышел без шапки.

— Морозит,— сказал он, потер уши, бросил взгляд на Башню и поспешил в вагончик, где Рузаев успокаивал Валеру, взволнованного тем, что его будут показывать в телепередаче.

Наутро приехал Богаев, а вместе с ним Глазунов, председатель Жуковского райисполкома. Ивашура сводил их к Башне, ответил на вопросы, а потом сбежал под предлогом важного эксперимента, оставив новых гостей на попечение директора Центра.

Ивашура и в самом деле решил провести эксперимент, подсказанный академиком Гришиным, тем более что подготовка к эксперименту требовалась минимальная: медицинский контроль, установка биодатчиков на теле, проверка их работы и — вперед, к Башне, гулять по «зоне ужасов».

Своим заместителям Ивашура ничего сообщать не стал, им было не до того: Богаев возился с районным начальством, а Гришин координировал работу всех исследовательских групп, снабжая их перекрестной информацией и материальными ресурсами. Рузаев тоже предложил свои услуги, но Ивашура рисковать не стал.

— Достаточно с тебя одного исчезновения,— сказал он.— Теперь моя очередь. Будешь меня подстраховывать.

Гаспаряна начальник экспедиции отрядил в подчинение руководителю группы радиофизиков для обеспечения трехсторонней связи Ивашуры, медиков и физиков. Перед выходом к Башне Ивашура вызвал по рации Меньшова:

— Привет, Виталий. Нового ничего?

— Башня начинает тихо раскачиваться для очередной пульсации: усиливается радиосвечение, появляются «призраки», «глаза», «дожди». Все, как обычно. Правда...

— Ну-ну, договаривай.

— Наблюдатели засекли новый провал в стене. Впечатление такое, будто кусок стены «всасывается» внутрь Башни, причем скачок давления получается такой, что в радиусе километра мелкие камни и щепки тоже всасывает в провал.

— Интересно! Вертолетчики упали именно по этой причине: их чуть не засосало в провал стены. Как вы это объясняете?

— Никак. Гипотез пока нет никаких.

Ивашура помолчал.

— Ну бывай.

— Выходит, гулять у Башни теперь зело опасно,— проговорил бесстрастный Рузаев, щуря глаза на показавшееся солнце.— Кстати, ветер переменился. Вчера он дул от Башни, а теперь дует к ней.

— Не хитри, дипломат,— буркнул Ивашура.— Все равно пойду

один. А в дальнейшем действительно прекратим все походы к Башне перед пульсациями.

Они стояли на вышке, торчавшей над березовой рощицей, которая не сбросила почему-то своего ржавого осеннего наряда. Рядом с вышкой располагались вагончики радиофизиков, а чуть поодаль бригада монтажников устанавливала конструкцию из зеркальных многогранников и ажурных полос.

— Антенна СВЧ,— пояснил руководитель группы радиофизиков, заметив взгляд Ивашуры.— Вчера получили разрешение на монтаж. Когда начнем?

— Через полчаса,— сказал Ивашура.— Сергей Иваныч, как далеко распространяется электромагнитное поле Башни?

— Километров на сто двадцать. Это по данным недельной давности. В последнее время распределением плотности полей занимались студенты-дипломники, составили карты изолиний. Зайдите, поинтересуйтесь в вычислительном.

— Спасибо, зайду. Меня настораживает, что погода начинает портиться в районах, удаленных от Башни именно на сто-сто двадцать километров. Используйте для записи вертолеты авиаконтроля.

К определенной Ивашурой точке выхода к Башне его доставили на вертолете военные летчики. Один из пилотов, с уважением посмотрев на Ивашуру, обвешанного металлическими коробками и обкрученного ремнями и спиралями антенн, сказал:

— А правда, что Башня — машина времени?

— Кто вам сказал?— осведомился Ивашура, выпрыгивая из кабины на мерзлую землю.

— Да все говорят.

— Когда говорят все, трудно выделить истину из словесного сора. Вы знаете определение чуда?

Пилот смешался, оглянулся на товарища.

— Чуда?.. Вы знаете, как-то не...

— Так вот, чудо — событие, описанное людьми, услышавшими о нем от тех, кто его не видел. Так говорил Элберт Хаббард.

— Ага, понял,— кивнул пилот.— Испорченный телеграф?

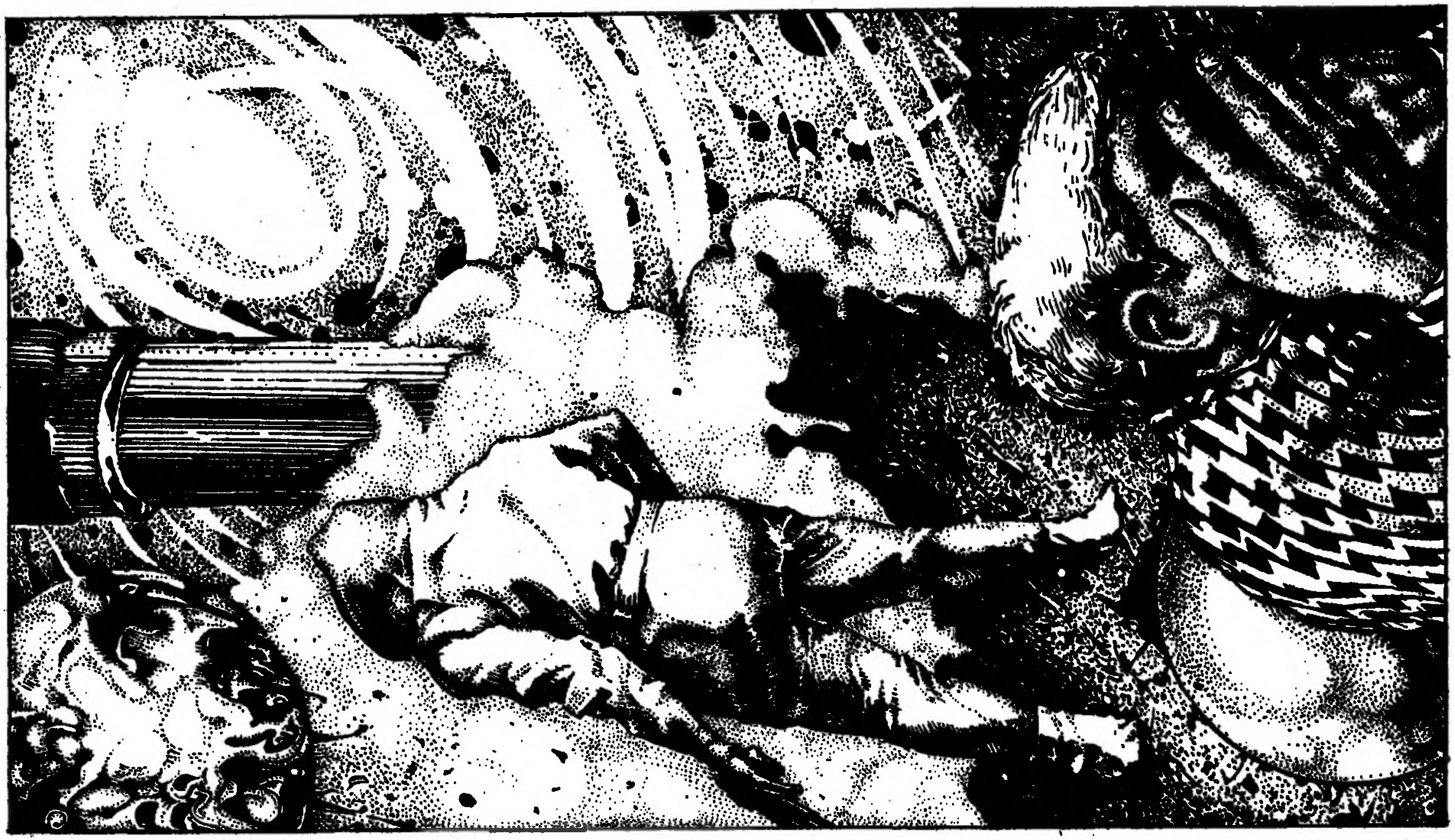
— Не телеграф, а телефон. Башня может быть связана со временем, но наверняка это неизвестно.

— Ясно. Простите, еще вопрос: Башню построили пришельцы...

Ивашура фыркнул. Пилот, молодой парень, покраснел.

— Но так говорят...

— Не верьте,— серьезно сказал Ивашура.— Такие Башни строят только пауки.



Он помахал пилотам рукой и направился к Башне, лавируя между кочками и редкими деревцами.

Идти сначала было легко, но через несколько сот метров пошел бурелом, потом появились трещины, промоины, снег исчез, почва раскисла. Проверив по рации готовность лаборатории к приему информации, Ивашура передохнул и упрямо полез дальше, через землю, потревоженную недавней пульсацией Башни.

«Зона ужасов» дала о себе знать почти у самой стены Башни, примерно в полукилометре.

Сначала появилось ощущение, будто позади из-под земли вылез кто-то скользкий и недобрый. Ивашура знал, что кругом никого нет, но все же оглянулся. Ветер дул в спину, равномерный и сильный: по данным измерений он дул к Башне со всех сторон! Выходило, что Башня засасывает воздух всей поверхностью стены, а иногда захватывает песок и более крупные предметы: камешки, ветки, машины, вертолеты...

Ивашура сказал в микрофон рации, что вышел к «зоне», и зашагал дальше, постепенно углубляясь в невидимую «зону ужасов».

Здесь, в непосредственной близости от стены, было тепло, верхний торфяной слой болота вздрагивал и пружинил под ногами, сквозь него во многих местах проступила черная дымящаяся вода, вызывая в памяти жуткие ассоциации с бездонной топью.

К ощущению постороннего взгляда стали примешиваться головная боль, болезненные ощущения в кончиках пальцев, заныли зубы. Ивашуре стало страшно, но страх был не его, не внутренний, а навеянный извне, и потому особенно неприятный, не подвластный воле.

Потом появились «фантомы» — зрительные галлюцинации, избавиться от которых было невозможно, даже закрыв глаза. Вокруг поползли извивающиеся тени. Некоторые из них напоминали диковинных зверей, другие — странные машины, третьи светились бледным дрожащим светом, превращаясь в удивительные светильники с абажурами в форме человеческих черепов.

Ивашура выбрался на широкую и твердую металлическую полосу — след «мертвого выброса». Страх перерос в беспричинный ужас, стали мерещиться зубастые пасти акул и неведомых зверей. Башня превратилась в чудовищного чешуйчатого дракона, готового пасть сверху и проглотить человека целиком... Ивашура не выдержал и побежал к «дракону», стараясь не подвернуть ногу и не упасть.

Металлическая дорожка вывела его к земляной складке, помогла вскарабкаться на крутой горб вспученной земли, и почти сразу же страх исчез, галлюцинации рассеялись, боль в голове притупилась. Ивашура постоял с минуту на дрожащих ногах, упиваясь блаженным состоянием покоя и уходящего страха, присел на комель сосны, торчавший из земляной массы. Стена Башни излучала ощутимое тепло, пришлось снять шапку и расстегнуть полушубок.

Пискнула рация, вызывал Гришин.

— Игорь Васильевич, не пора ли заканчивать этот рискованный опыт? Не хватало, чтобы руководители экспедиции подавали пример недисциплинированности. Кто санкционировал опасный для жизни эксперимент?

— Не шуми, Константин Семенович,— примирительно сказал Ивашура.— Приду — тогда поговорим. Кстати, сам же меня и подбил, вспомни разговор у Меньшова.

— Я себя уже исказнил за тот разговор, старый дурак... Возвращайся, Игорь, христом-богом прошу...

— Все нормально, минут через десять пойду обратно. Жалко, что не взял с собой аппаратуру, сижу у самой стены. Жарко, спасу нет, и воняет, как в кратере вулкана. Знаешь, только тут, у Башни, можно оценить ее грандиозность и величие в полной мере. Не хочешь испытать?

— Благодарю.— Гришин помолчал, видимо, искал достойный ответ.— Выбирайся быстрей. Может, послать за тобой вертолет?

— Э-э, нет, рисковать все же надо умеючи, вертолетчики подождут меня на прежнем месте. Кстати, непонятно, почему нет ветра. Внизу он был, а на валу нет. Прекратился или просто дует по касательной, а я в застойной зоне?

Гришин не ответил.

Ивашура переключил диапазон рации.

— Сурен?

— Слушаю,— отозвался Гаспарян.

— Что физики?

— Ругаются, но не по-русски, ничего понять нельзя, кроме слова «биополе».

Ивашура невольно засмеялся.

— Пусть ругаются, значит, что-то записали, не зря я тут бегаю по буеракам. Ничего не надо включить-переключить в моем снаряжении? Спроси-ка у старшего...

Молчание, через минуту:

— Все в порядке, твое снаряжение работает нормально.

— Чувствую себя, как конь в упряжке, если не хуже: все тело чешется. Ладно, ждите.

Щелчок смены канала.

— Михаил, как вы там?

— Нормально,— отозвался Рузаев.— Я тут заснял на пленку, как ты бежал — зигзагами, словно под обстрелом. Впечатляющие кадры!

— Точно зигзагами? — удивился Ивашура.— А мне казалось, что бегу прямо.

— Абсолютно. Я видел, как бегает верблюд по пустыне,— очень похоже.

— На тебя бы навесить двадцать килограммов железа, посмотрел бы я, как... Ну, хорошо, продолжай съемку, иду обратно.

Он встал, отломил металлическую веточку металлической сосны, сунул в карман. К стене Башни приблизиться вплотную было почти невозможно из-за плотного потока теплового излучения, но Ивашура все же сумел подобраться, завязав лицо шарфом по самые глаза. Материл стены был крупнозернистым, очень твердым и отливал перламутром. Взять пробу даже с помощью пробоотборника не удалось. Отверстие, извергнувшее недавно удивительную субстанцию «мертвого выброса», было затянуто синеватой пленкой и располагалось на высоте трех метров. Чувствуя, как жар проникает под одежду, обливаясь потом, Ивашура подпрыгнул и ткнул щупом в синее пятно. И не успел опуститься, как совсем близко неожиданно жутко, тоскливо закричал паук.

Ивашура оступился, больно ударился коленом о металлический выступ, с трудом поднялся и бросился, не оглядываясь, по крутому спуску вниз. «Лишь бы не «глаз дьявола»! — взмолился он на ходу.— И не «мертвый выброс»! Впрочем, выбросы не повторяются в одном и том же месте... Что же это? О чем предупредил паук?»

Ивашура упал, оглянулся назад. Участок стены длиной около сотни метров накалился до золотого свечения, волны этого свечения отделились от стены и медленно поплыли к земле, шипя и потрескивая, вспыхивая искрами.

Заговорила рация, сквозь хрипы и шум едва можно было расслышать голос Гришина:

— Игорь, в твоем районе начался электрический «дождь». Слышишь меня, Игорь? Я дал тревогу.

— Слышу,— повысил голос Ивашура.— Не паникуйте, если связь прервется,— сильные помехи. «Дождь» наблюдаю, нахожусь в безопасности.

В безопасности он не находился, но не хотел волновать заместителя и радистов штаба.

Электрический «дождь» продолжался. Со стены срывались целые полотнища электрического сияния, плыли наискосок к земле и распадались на десятки ручьев холодного бело-голубого пламени. Сильно запахло озоном. Над камнями, ветками, кочками, изломами пластов торфа и земли засияли светлые ореолы. Мех на воротнике полушубка встал дыбом. Отовсюду доносилось ядовитое шипение и треск, мышцы рук и ног стали непроизвольно подергиваться, по нервам прошла волна странного щекочущего покалывания.

Ивашура снова полез вниз, оскальзываясь на глыбах глины, падая, проезжая на животе или на спине сразу десятки метров. А уже у подножия вала его настиг один из «тихих» электрических разрядов: удар, всплеск боли в голове, цветное пламя в глазах, сменившееся серой мутью...

Очнулся он от холода. Вокруг было темно, лишь кое-где в этой темноте вспыхивали ненадолго зеленые и желтые звездочки, гасли и тут же появлялись в другом месте. Ивашура вслепую пошарил руками вокруг себя, привстал. Он лежал на чем-то очень холодном и упругом, ассоциирующимся с телом мертвого кита. «Звезды» продолжали вспыхивать и гаснуть, но понять, далеко они или близко, было невозможно.

Ивашура сел на своем упругом ложе, чувствуя легкое головокружение. В затылке застряла тонкая заноза пульсирующей боли, тело плохо слушалось, хотелось снова лечь и поспать.

— Подвал, что ли? — вслух сказал он, пытаясь взбодриться с помощью аутотренинга.

Стиснул зубы, встал, огляделся. «Куда идти? Везде темно, как в пещере. Куда я попал? Может, провалился в трещину? Не похоже...»

Ивашура вытянул руки вперед и стал продвигаться на ощупь, чтобы не встретиться ненароком с каким-нибудь препятствием. Темнота, тишина, бесшумные звезды в бесконечной дали, странные запахи, оставляющие горьковатый привкус во рту, пружинящее под ногами невидимое покрывало, холод...

Где-то близко (а может быть, далеко) раздалось вдруг отчетливое хрипловатое рычание.

Ивашура остановился, прислушался, нашарил на поясе нож. Что-то мешало ему, стесняло движения... Ну, конечно, датчики, упряжь антенны, фиксаторы, ремни и прочие побрякушки. К черту!

Стараясь не шуметь, он содрал с себя электронную технику радиофизиков и медиков, с удовольствием расчесал места установки датчиков и плотнее запахнул полушубок. Интересно, кто рычал? Похоже на льва, но откуда львы в Брянском лесу?

Ивашура снова двинулся в темноту, вслушиваясь в шорохи, забыв об ушибах и ссадинах, готовый к борьбе с любой опасностью. Прошла минута, десять, полчаса — все та же упругая плоскость пола, мрак и звезды. Что за чертовщина! Куда он попал?! Нет, таких подземелий — со звездами и ровным полом, не существует! Неужели «область Рузаева»? Но Михаил ходил по светящемуся туману, а тут темь, хоть глаз выколи!..

Он клацнул тумблером рации, вызвал Гришина; в ответ — слабое шуршание фона. На других диапазонах то же самое: радиоволны «застревали» во мраке, ни его не слышали, ни он никого не слышал. Хотя вполне могло быть, что его слышали, а он — нет. Проверить Игорь не мог.

Сколько он так шел — неизвестно, но шел долго. Потом почувствовал, словно продавил телом какую-то прозрачную и упругую пленку, и вокруг все внезапно изменилось. Из тьмы проступили предметы: редкие кусты ольхи, кочки, пласты перепаханной почвы,

зубчатый профиль леса в сотне метров, стена Башни в противоположной стороне, перекрывающая половину видимого мира, но все это — интенсивно фиолетового цвета, окруженное удивительным алым ореолом. В сером небе плавало странное тускло-багровое солнце.

Ивашура висел в полуметре над землей, ни на что видимое не опираясь, но одновременно чувствовал под ногами все то же упругое нечто, по которому отшагал не один километр. Осмотревшись, он решил продолжить путь к лесу. Попробовал снова связаться со штабом, но рация лишь глухо шипела и потрескивала. Отмерив несколько десятков шагов, Ивашура вдруг заметил, что на самом деле продвинулся вперед всего метра на полтора. Остановился, снова пошел, потом побежал. Впечатление было такое, будто невидимая дорожка под ногами бежала навстречу с тем большей скоростью, чем быстрее он двигался сам. Пробежав метров сто (по внутреннему счету шагов), он измерил на глаз расстояние, на которое переместился на самом деле,— метров пять-шесть! Заколдованное место! Эдак и до леса не доберешься.

Ивашура упрямо продолжал путь, но продвигался к лесу все медленней и медленней, потом и вовсе перестал приближаться, и это несмотря на то, что он шел с прежней скоростью, каждым шагом отмеряя почти метр! Через полчаса он сдался, вытер вспотевший лоб и сел на упругий слой отдохнуть. Его не хотели выпускать из странного пространственного мешка с удивительными свойствами. «Что ж, отдохнем и попробуем двинуться в обратном направлении. Чем еще нас удивят хозяева Башни? Кстати, кто они? Неужели пауки? Как говорил Валера: «Башня — мост между Землей нашего времени и Землей, где время течет «под углом», а пауки — строители этого моста». Все же мыслит Валера оригинально, этого у него не отнять, как и его рассеянности. Интересно, квантуется ли «угол времени»? Должен квантоваться, иначе получится дурная бесконечность Земель и цивилизаций. Но чему равен этот «квант угла поворота»? Градусу? Половине градуса? Минуте? Часу? Надо привлечь математиков, пусть попробуют построить непротиворечивую модель».

Ивашура глянул на часы: шел третий час дня, а он вылетел в десять утра, значит, его прогулка у Башни длится уже больше четырех часов. В штабе, пожалуй, всполошатся, если уже не всполошились, бросятся искать... Правда, вертолетов пока не слышно, может, обойдется «легким испугом»?

Он встал и побрел к Башне, создающей из-за колоссальных размеров впечатление наклонившейся и вот-вот готовой рухнуть стены. В эту сторону шаги получались нормальными, соответствовали тем усилиям, которые он прилагал. Он шел и смотрел на Башню, и чем ближе подходил, тем светлее она становилась: от фиоле-

товой, почти черной, до синей и голубой, и наконец в двухстах шагах от ее стен она стала... голубовато-прозрачной, как глыба стекла! В этой глыбе тенями обозначились лестницы, стены, коридоры, какие-то машины, светящиеся фигуры... Ивашура сделал шаг еще и оказался в темноте с мигающими звездами. Пахнуло ледяным холодом, как из морозильника. Невидимые сети упали сверху, сжали руки, ноги, сдавили бока. Ивашура рванулся и... вывалился на холм желтой глины на вершине земляной складки у стены Башни. Рация зашумела, захрипела, чей-то голос пробился сквозь этот шум:

— ...молчите?.. передают, что датчики... где?

— Не поднимайте паники! — буркнул Ивашура, приблизив губы к микрофону рации.— Все нормально, возвращаюсь. Который час?

— Без пяти одиннадцать,— ответил далекий Рузаев.— Что там у тебя стряслось с датчиками? Гаспарян звонил мне, мол, ты не отвечаешь.

Ивашура некоторое время соображал.

— И сколько я молчал?

— Минуты три. Физики передают, что их приборы перестали регистрировать сигналы датчиков.

— Успокой их, датчики я снял, потом все объясню.

«Три минуты...— пробормотал он про себя.— А по моему хронометру прошло почти четыре часа! Нет, хватит шутить с господином Случаем! Хорошо, что путешествие закончилось благополучно. А ну как остался бы внутри этого «мыльного пузыря» с чужим временем?!»

Ивашура посмотрел вверх: электрический «дождь» постепенно терял силу, затухал. Стал спускаться с вала. У подножия земляной складки наткнулся на труп животного, не то тигра, не то льва, вернее — на переднюю половину трупа, задняя часть туловища отсутствовала...

— Через «зону ужасов» я промчался, не успев даже понять, что это «зона».— Ивашура хмуро усмехнулся и замолчал, вертя в пальцах блестящий камешек.

В штабе, наполненном пульсирующим гулом, зуммерами и свистами радиотелеграфной станции, сидели руководители экспедиции, начальники лабораторий радиофизики и биологии, Меньшов, Гаспарян и лейтенант Куща. По лицу Богаева ходили тени озабоченности и досады. Гришин о чем-то думал, взявшись пальцами за подбородок, радиофизик вздыхал, поглядывая на биолога.

— Наша физика мало применима для объяснения феномена Башни,— проговорил Меньшов, оглаживая бороду.— Взять тот же «мыльный пузырь» с иным ходом времени: до сих пор наука не сталкивалась ни с чем подобным, нет даже серьезных теоретических

работ на эту тему, только дикая гипотеза нашего уважаемого коллеги Валеры о квантовых эффектах и дискретности углового поворота времени. Кстати, я готов принять ее после того, что услышал от Игоря и Миши Рузаева.

Богаев поморщился.

— Товарищи, не о том говорим. Игорь Васильевич сегодня преподнес нам сюрприз, какого от него не ожидали. Можно ли так рисковать начальнику экспедиции? Мне кажется, нельзя.

— Владлен Денисович, давайте поговорим об этом отдельно,— сказал Ивашура.— Каюсь, виноват, больше не повторится. С этого часа вступает в силу приказ: не приближаться к Башне ближе, чем на три километра. Касается всех! Этого достаточно.

Богаев что-то пробормотал, отворачиваясь.

— Меня интересует,— продолжал Ивашура,— что дал науке мой «бег по пересеченной местности». Что вы записали и расшифровали.

Радиофизик посмотрел на биолога, тот пожал плечами.

— Результаты обрабатываются, ничего конкретного сказать не могу. Аппаратура записала поступившие с датчиков сигналы, но чем они вызваны — пока загадка.

— То же самое могу сказать и я,— признался радиофизик.— Приборы отметили повышенную ионизацию воздуха в тот момент, когда начался «электродождь», но это как раз нормальное явление. Остальные записи — темный лес! Похоже, мы открыли в «зоне ужасов» тип излучений, действующий непосредственно на нервную систему.

Сквозь шумы эфира в комнату пробился чей-то голос.

— Где-то? — переспросил радист.

Голос пробормотал что-то неразборчивое, но радист понял.

— Хорошо, сообщу.

— Что там еще? — повернулся к нему Богаев.

— На южном участке стены замечены «телеэкраны», сразу пять штук на разных высотах.

— Ну и что?

— В одном из них был виден человек. Ребята засняли все на кинопленку.

— Что за человек? — быстро спросил Ивашура.— Не напомнил ли он кого-нибудь из знакомых?

— Сейчас спрошу.— Радист потянулся к панели РТС.

— Не надо, проявят пленку — посмотрим сами.

— А кого ты имел в виду? — наклонился к Ивашуре Гаспарян.— На кого должен быть похож человек в «телеэкране»?

— Помнишь рассказ Миши? Ему показалось, что он видел Ивана Кострова.

— Думаешь, Иван в Башне?

— Хочу верить, что он жив.

— А если «телеэкран» — средство наглядной передачи информации, применяемый хозяевами Башни? Для контакта со своей стороны?

— Что вы там шепчетесь? — недовольно спросил Богаев.— Есть что сказать, так говорите всем.

— Чтобы вы потом обвинили нас в ненаучном подходе? — сказал Ивашура со вздохом.— Сурен предлагает создать специальную комиссию по контактам с пауками или с тем, кто воздвиг Башню.

— Кто, я? — удивился Гаспарян, потом небрежно кивнул.— А-а... Да, было.

Богаев отнесся к этой идее с неожиданной серьезностью.

— А что, надо подумать. Может быть, привлечь специалистов Крымской лаборатории связи с иными цивилизациями? У них составлены какие-то программы...

— Обязательно,— кивнул Ивашура твердо.— Сурен и начнет переговоры. Завтра.

На этом «малый штабной совет» и закончился.

Богаев с лейтенантом взялись за устройство лагеря для прибывающих иностранцев. Директор Центра, сняв с себя ответственность в вопросе общего руководства экспедицией, компенсировал это кипучей бытовой деятельностью, где нужна была только голова администратора-хозяйственника. Гришин поехал с представителями райкома по ближайшим к Башне поселкам и деревням проверить, как идет эвакуация. Ивашура занялся организацией телепередачи «с места события». Телевизионщики долго искали место съемки, зато разворачивали и проверяли телекамеры и аппаратуру связи всего четверть часа. Ивашура дважды разговаривал с Вероникой. Ведущая телепрограммы «Время» интересовала его все больше: прямотой, сдержанностью, живым умом, да и красотой природа Веронику не обделила. К тому же он чувствовал, что интерес этот взаимен.

Наконец в четвертом часу дня интервью с «начальником комплексной научной экспедиции Игорем Васильевичем Ивашурой» было записано на видеомагнитофон, и Гибелев отбыл на вертолете в Брянск, чтобы в шесть передать запись в эфир через областной центр. Уже была передана прямая телепередача с комментариями Ивашуры, Гаспаряна, Меньшова и других участников экспедиции.

После телесъемки Ивашура побывал в фотолаборатории и просмотрел кадры киноленты с «телеэкрана». Человек, отраженный «экраном», не был похож на Ивана Кострова. Кроме незнакомца, голубой квадрат показывал еще паука и жуткую черную фигуру, напоминающую кентавра, а также целые вереницы светящихся пятен.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил Ивашура Рузаева,

который сам проявлял свою кинопленку в лаборатории.— Что такое «телеэкран»? Попытки хозяев Башни вступить в контакт с нами?

— Не думаю,— помолчав по обыкновению, ответил Михаил. Промыв пленку, развесил мокрые ленты на проволоке для просушки, и они вышли из домика лаборатории.

— Мы привыкли, что экраны всегда каким-то образом связаны с передачей информации,— продолжал Рузаев, пока они шли к жилому кварталу экспедиции.— Но давай порассуждаем. Если бы хозяева Башни в самом деле хотели установить контакт с нами, то действовали бы с гораздо большей последовательностью и целенаправленностью. В действительности же все явления, так или иначе связанные с Башней, больше напоминают аварийные утечки опасных веществ, о чем нас и пытаются предупредить пауки. А «телеэкраны» возникают не на одном месте, что диктуется логикой налаживания информационного обмена, а в разных местах и на разных высотах. Многие из экранов мы вообще не успеваем заснять на пленку. Где же тут установление контакта?

— Логично,— согласился Ивашура.

Они, не сговариваясь, остановились на дороге, уезженной вездеходами, и Башня все больше выступала из мглы багрово-коричневой колонной, в глубине которой иногда загорались острые лучики света или шарфы белых искр.

— Светится со вчерашнего дня,— пробормотал Рузаев.— Скоро очередная пульсация.

Помолчали и снова зашагали к вагончикам, от окон которых протянулись по снегу полосы желтого света. Где-то за деревьями тарахтел движок, дающий электричество лагерю экспедиции.

— Аварийные утечки,— задумчиво повторил Ивашура.— Интересная мысль. Михаил, а что если нам попытаться осуществить идею Вани Кострова?

— Какую именно? — поинтересовался Рузаев.— У него было много идей.

— О контакте с пауками.

Рузаев искоса взглянул на товарища.

— Очевидно, у тебя уже есть соображения, как это сделать практически? Если ты помнишь, мы не смогли поймать ни одного экземпляра. И вообще, не представляю, какой контакт можно установить с пауками, если уже понятно, что это обыкновенные киберы?

— Именно потому, что они автоматы с определенной программой, и не просто киберы, а биокиберы, судя по их повадкам, и можно сделать попытку контакта.

— Био не био, но попробовать, однако, можно. Буду соображать.

— Посоображай, пожалуйста, я тоже поразмышляю, но времени у нас мало... Ты в самом деле видел в «телеэкране» Ивана? — вне-

запно спросил Ивашура, останавливаясь на пороге штабного вагончика.

Рузаев полизал царапину на пальце, помолчал, потом пожал плечами.

— Не берусь утверждать, однако, по-моему, это был он. Не знаю только, как он мог оказаться внутри Башни.

— И я не знаю. Может быть, их втянуло с вертолетом, может, в момент появления Башни она была открыта сверху, а может быть, их захватили хозяева Башни после падения... Первый вопрос, который я хочу задать паукам: живы ли Иван с Таей?

Ивашура толкнул дверь, и они вошли в освещенное тремя «люксами» помещение штаба.

У стола Богаев разговаривал с Вероникой, одетой в брючный костюм серебристого цвета. Помещение, как всегда, было заполнено голосами переговаривающихся начальников лабораторий, групп, исследовательских отрядов, перекличкой водителей вездеходов и спецмашин, патрулей оцепления и постов воинских подразделений.

Два радиста с наушниками работали на пультах РТС: на них, кроме приема и передачи оперативной информации, лежала забота о связи с руководством района и области, с органами МВД и Комитета государственной безопасности, со всеми научными центрами и организациями Москвы и других городов страны.

Ивашура улыбнулся в ответ на вопросительный взгляд Вероники, прошел к радистам в аппаратную, выслушал несколько сообщений личного характера и вернулся к столу посередине комнаты.

— Через сорок минут перекличка,— сказал он.— Проведу сам. Что у вас нового, Владлен Денисович?

— А что у меня может быть нового? — пробурчал Богаев, вытирая лысину и лоб платком. В комнате было жарко, но директор Центра не раздевался только распахнул свою знаменитую шубу из шкуры неизвестного науке зверя.— Я теперь не ученый, а простой администратор, так сказать, завхоз экспедиции. Отправил Глазунова и всю его компанию домой, в Жуковку, успокоил, как мог.— Богаев через силу усмехнулся.— Не знал до этого за собой таких способностей. Константин Семенович вернется завтра, звонил откуда-то из Фокина. Иностранцы разместились в полукилометре от штаба, но они полностью находятся на попечении какого-то деятеля из Москвы, так что нам забот поменьше. С продуктами Глазунов обещал помочь, рацион-то у нас не больно разнообразный. Что еще? Телевидение вот интересуется работой Центра и некоторыми его специалистами.

Богаев хитро покосился на Веронику, но та не смутилась, прямо смотрела на Ивашуру, как бы давая понять, что ничего особенного в ее интересе к отдельным специалистам нет.

— Вы становитесь ворчуном,— сказал Ивашура.— Сами пред-

ложили мою кандидатуру в начальники экспедиции, а теперь каетесь? С удовольствием уступлю кресло, тем паче, что оно и мне не дает возможности заниматься наукой.

— Ну конечно. А кто ходил к Башне, рискуя...— Богаев посмотрел на Веронику и понял, что сказал лишнее.

— Вот-вот,— оживилась та.— Расскажите, Игорь, пожалуйста.

Ивашура посмотрел на часы.

— Это вам расскажет и Миша Рузаев, а я сейчас буду проводить перекличку, сверять планы на завтра. Подождете?

— Непременно.

— Михаил,— позвал Ивашура.— Подойди на минуту.

— А я пошел спать.— Богаев вздохнул, сунул платок в карман.— Старик я еще молодой, но разве за ним угонишься? — Кивок в сторону отошедшего Ивашуры.— Вырос парень, далеко пойдет, вот помянете мое слово.

Через час Ивашура закончил вечернюю перекличку с руководителями научных отрядов и оставил Рузаева в штабе дежурить вместе со сменой радистов. Сам же оделся, помог одеться Веронике, и они вышли из комнаты в ночь.

Лес со стороны дороги глухо шумел под усилившимся ветром. Звезд не было видно, небо казалось закрытым облаками. Башня почти не выделялась в темноте, но, приглядевшись, можно было рассмотреть странную темно-вишневую стену, нереальную своими размерами, однотонностью и цветом. Аналогий этой стене подобрать было невозможно — ничто на Земле не соответствовало ей, не походило на нее даже отдаленно. До Башни было около двенадцати километров, и все же она загораживала треть небосклона, исчезая в низких, быстро несущихся облаках.

Мороз был нешуточный, с ветром, Ивашура заботливо поправил воротник шубки спутницы, и они медленно побрели по скрипящему утоптанному снегу к «жилому кварталу» экспедиции. Сквозь шум леса доносился равномерный стук дизеля, дающего свет и жизнь всему лагерю, взревывал вездеход, по дороге прошел трактор с волокушей.

На стене Башни под самыми облаками вспыхнул круглый желтый зрачок, помигал, светлея, и погас.

— Красиво,— сказала Вероника, не сводя глаз с темно-вишневой полосы.— Что это было? «Глаз дьявола»?

— Вы уже неплохо ориентируетесь в нашей терминологии.

— Просто все настолько неординарно, что запоминается сразу. Кстати, вас снова ждут журналисты, им не все ясно.

— Вот как? Старые знакомые?

— И старые и новые. Приехали корреспонденты центральных газет и журналов. Многих я знаю по работе.

Ивашура замедлил шаг, задумался на несколько секунд.

— Знаете что, давайте посмотрим на Башню сверху. Вы ведь, наверное, еще не видели ее в таком ракурсе?

Вероника посмотрела на него удивленно, в глазах отразился свет окон ближайшего домика.

— А можно?

— Разве я не начальник экспедиции?

Вероника засмеялась.

— Богаев назвал вас «волюнтаристом с докторским дипломом», и он прав, по-моему.

— Конечно, прав, я волюнтарист, даже анархист, если хотите, но, к счастью, обладаю обостренным чувством риска: знаю, когда можно рисковать, а когда нет. Как видите, пока я не ошибался.

— Потому и в «зону ужасов» пошли, что предполагали благополучный исход «разведки боем».

— Не предполагал — знал. Не верите? Ей-богу, не вру! Со мной ничего не может случиться, пока я держу свое бытие в прогнозируемом русле.

— А вы не хвастаетесь часом, «волюнтарист»?

Ивашура улыбнулся.

— Есть немного, из желания понравиться. Итак, летим?

— Летим! — без колебаний ответила девушка.— Только сообщите все же о своем решении Богаеву, я его почему-то побаиваюсь. И вообще как-то странно: директор Центра и вдруг — заместитель своего подчиненного... Вы не находите?

— Нет, все закономерно. Богаев стар, через год уходит на пенсию, да и сердце у него слабое, а тут забот невпроворот.

— А как вы с ним в Центре уживаетесь?

— Нормально. Я его уважаю, он меня, надеюсь, тоже.

— Я слышала обратное...

— Чепуха! — Ивашура начал сердиться.— Просто был случай, когда я оказался прав, а он нет. Но я сказал правду: мы уважаем друг друга. Еще раз спрашиваю...

—Да лечу, лечу, не сердитесь, Игорь.— Вероника взяла Ивашуру под руку.— Не хотелось бы пилотов беспокоить.

— Пилотом пойду я. Постойте минуту, я предупрежу Михаила.— Ивашура бегом отправился назад к штабному домику и вскоре вернулся.

— Все, идемте.

Они пошли к стоянке вертолетов, перебрасываясь на ходу ничего не значащими фразами.

Ивашура первым залез в кабину, включил свет, прогревание и помог девушке подняться.

Двигатель, застывший на морозе, долго не хотел просыпаться, фыркал, бурчал, тряс кабину, но все же завелся. Медленно закружились лопасти винтов, побежали веселей, и вертолет взлетел.

— Я гляжу, все, что мне о вас говорили, сбывается,— сказала Вероника.

— А что говорили? — Ивашура натянул на голову дугу с наушниками, поправил на горле ларингофон и выключил в кабине свет.

— Ну, например, что вы все умеете и все знаете.

— Снова преувеличение. Почему вы избрали профессию телекомментатора? Вам надо работать журналистом.

— А я и так журналист, во всяком случае, три года назад окончила факультет журналистики МГУ.

— Я так и знал,— с сарказмом сказал Ивашура.— Чего еще от вас можно было ожидать!

Вероника рассмеялась.

— С вами интересно, Игорь. Позвольте вопрос...

— Женат ли я? Нет, пока не женат.

— Ну вот.— Девушка с сожалением покачала головой.— Я думала, у вас есть чувство меры.

— Простите,— быстро сказал Ивашура и коснулся руки соседки.— Это со мной бывает очень редко. Простили?

— Я подумаю.

Вертолет облетел Башню кругом, порывы ветра то и дело заставляли его крениться с боку на бок, и приходилось не столько смотреть вперед, сколько прилагать усилия, чтобы удержаться на сиденье.

— Держитесь за меня,— предложил Ивашура, сам он словно врос в пилотское кресло. Вероника подумала и приняла его предложение.

Вертолет вошел в облака, кабину затрясло.

— Выйдем вверх, тряска прекратится,— пообещал Ивашура.

— Игорь, что будет...— Вероника помолчала.— Что, если Башня не остановит свой рост?

Ивашура, казалось, увлекся управлением машиной и не слышал вопроса. Вертолет наконец пронзил облачный слой и оказался под темно-фиолетовым куполом с великолепным звездным узором. В пяти километрах от него парила угрюмая, светившаяся багровым накалом округлая гора Башни.

— Не знаю,— ответил Ивашура вдруг, словно вспомнив вопрос.— Этим делом займется специальная комиссия.

— Ну, а ваше мнение?

— Мое? — Начальник экспедиции снова замолчал.

— Ну да, твое.— Вероника не заметила, что перешла на «ты».— Не верю, чтобы у знаменитого доктора наук Ивашуры не было своего мнения по любому вопросу.

— Мое мнение — придется пригрозить тем, кто в Башне. Как — пока не знаю,— предупредил он следующий вопрос Вероники.— Что-что, а способ пригрозить у нас найдется.

Вертолет поднялся еще выше, и стало заметно, что колонна Башни с высотой как бы теряет плотность, становится зыбкой, прозрачной и постепенно исчезает, теряется в небе, и от этого не только сама Башня, но и мир вокруг становится нереальным, наделенным неведомыми свойствами, пугающим и неземным...

— Хочется закрыть глаза и проснуться...— прошептала Вероника.

Ивашура вместо ответа повел вертолет еще выше и повернул к Башне. Над Башней на высоте пяти километров он остановил движение, вертолет завис.

Только здесь становилось отчетливо видно, что Башня круглая. А в ее глубине, как в стакане рубинового стекла, плескалась и мерцала перламутровая жидкость-сияние.

Они завороженно смотрели минут десять, потом на крошечной панели управления вертолета мигнул зеленый огонек, и в наушниках проскрипел голос Рузаева:

— Игорь, как дела?

— Все отлично,— ответил Ивашура, поглядев на спутницу.— Возвращаюсь.

И они полетели обратно.

Перед тем, как лечь спать, Ивашура побродил вокруг лагеря по утоптанным тропинкам, сожалея, что отпустил Веронику, подавил желание вызвать ее снова и, вспомнив разговор с Меньшовым, направился к вагончику ВЦ.

Экспедиции была придана экспериментальная ЭВМ среднего класса ЕС-2289, способная работать в режиме разделения времени и транспортируемая в закрытом фургоне.

Вычислительным центром вагончик с ЕС-2289 назвать было трудно, однако функции он выполнял аналогичные кустовому ВЦ. Работало на ЭВМ двадцать специалистов, нередко в три смены. В этот вечер в фургоне дежурила смена Кобцева, укомплектованная молодыми программистами и математиками, вчерашними выпускниками вузов страны.

— Привет служителям культа интеллектроники,— поздоровался Ивашура с начальником смены, с лица которого никогда не исчезала скептическая усмешка, будто он сомневался в способностях машины решать сложные задачи.

— Привет начальству,— прохрипел Кобцев, не отрываясь от клавиатуры дисплея.— По делу или без?

Ивашура покачал головой.

— Ты, Борис, никогда не станешь дипломатом.

— Это почему же?

— Ты прямой, как полет стрелы. Я на секунду. Тут у тебя работали физики, стажеры Меньшова, где результаты их работы?

Кобцев, не оглядываясь, позвал:

— Константин, выведи ему на контрольный дисплей данные по изолиниям.

Молодой программист, розовощекий, с открытым лицом, подозвал Ивашуру, пощелкал клавишами задатчика программ, и дисплей послушно высветил на экране результаты работы физиков.

По данным, поступающим с датчиков и зондов вокруг Башни, ученые рассчитали линии, соединяющие точки с равными потенциалами: изотермы — с одинаковой температурой, изодинамы — с одинаковой напряженностью магнитного поля, изограви — с одинаковой силой тяжести, изопикны, изоклины, изохроны и так далее, и тому подобное. Картина вырисовывалась интересная, хотя и ожидаемая: вокруг Башни природа «сошла с ума», реализуя чудеса, которые нигде на Земле не повторялись с такой частотой и силой. И средоточием этих чудес была сама Башня, порождение жутких по мощи и психологической значимости таинственных и непонятных сил.

— Вот их последние расчеты.— Константин прошелся пальцами по клавиатуре терминала ввода-вывода.— Сейсмопрофилограммы от подвижек Башни.

Ивашура кивком поблагодарил и долго разглядывал зубчатые профили сейсмогейстов. Башня стала центром сейсмической активности в той местности, где никогда не бывало землетрясений.

— Ясно,— очнулся наконец Ивашура.— Голова кругом... А чем вы сейчас занимаетесь?

Кобцев не ответил, а Константин с виноватой улыбкой, извиняясь за начальника, проговорил:

— Работы много, не хватает времени, захлебываемся. Сейчас машина считает конфигурацию электромагнитных полей и строит график в реальном времени — для прогноза активности Башни. Потом надо будет сделать расчеты закономерности появления «глаз дьявола» и «мертвых выбросов», рассчитать безопасные подходы к Башне, точки воздействия, вероятные разрушения...— Константин пожал плечами.— Ну и все такое прочее.

Ивашура кивнул, постоял еще минуту и вышел. Дверь отрезала шум работы ВЦ: писки, шорохи, стрекот печатающих устройств, гудение кондиционеров.

Из-за туч выглянул краешек Луны, и на пушистое заснеженное поле упал призрачный зеленоватый отсвет...

6

Утром Башня вздрогнула, этот непредвиденный толчок вызвал сдвиги и разрывы почвы в радиусе десяти километров от Башни, и в результате лопнул газопровод на трассе Брянск—Смоленск и

оказалась поврежденной железная дорога Жуковка—Брянск. Ивашура все утро занимался ликвидацией аварий. Железнодорожный путь починили быстро, справиться с газопроводом оказалось трудней: газ вспыхнул, и образовался огненный факел высотой несколько десятков метров. Вызванные аварийные бригады района не смогли утихомирить огненную стихию, пришлось вызывать спецкоманды газового хозяйства области. Лишь к полудню факел потушили, и газовые трубы в местах разрыва заключили в надежные бандажи.

Ивашура вернулся в штаб и узнал, что вечером прибывает обещанная Старостиным правительственная комиссия. Богаев, вздыхая, рассказал, какие разрушения вызвал в городе толчок, и передал просьбу Глазунова предупреждать население о толчках заранее.

— Этот толчок никто предвидеть не мог,— огрызнулся Ивашура.— С пульсацией он не связан. Передайте Глазунову: все, что можем, сделаем.

Пока Ивашура знакомился с информацией, поступающей от начальников групп, в штаб позвонили геофизики и сообщили, что у них двойное ЧП: один вездеход втянуло в Башню, а второй попал под струю «мертвого выброса».

Ивашура немедленно вылетел к геофизикам, молясь в душе, чтобы несчастные случаи оказались без жертв, но мольбы не помогли, на этот раз ЧП было серьезным.

Начальник группы геофизиков на свой страх и риск снарядил два вездехода для того, чтобы в непосредственной близости от Башни произвести наклонное бурение и взять образцы грунта до глубин в триста метров. Буровики — молодые сильные ребята, бывшие в составе группы,— согласились на рискованную работу, требующую сноровки, быстроты и ювелирной точности, и взялись пробурить наклонную скважину к подземному цоколю Башни за двое суток до начала очередной пульсации.

Они успели установить универсальную буровую вышку и смонтировать оборудование в километре от стены Башни, на границе «зоны ужасов», как вдруг заорал паук, потом другой. Начальник группы имел достаточный опыт работы вблизи Башни, поэтому дал команду покинуть вездеход, отойти от вышки и лечь на землю. Ослушаться его не посмели, и это предотвратило трагедию. Участок стены Башни беззвучно провалился внутрь на площади не менее чем в пять тысяч квадратных метров, раздался свистящий, режущий слух всхлип, и все, что стояло и лежало на полосе от этого места на протяжении километра, в том числе вышка и вездеход, оказалось втянутым в Башню.

Не успели люди прийти в себя, как снова закричали пауки. Тревогу вызвал «мертвый выброс»: черная струя накрыла оставшийся вездеход и коснулась начальника, чудом миновав остальных.

Начальник умер, не приходя в сознание, по дороге в лагерь. Ноги у него до колен стали металлическими, сохранив форму, данную им природой...

У тела начальника группы суетились растерянные врачи и биологи, двое из них были академиками с мировыми именами. Ивашура постоял, посмотрел, стиснув зубы, послушал реплики врачей и вышел из вагончика на свежий воздух, в толпу молчавших людей, среди которых были и иностранные корреспонденты. Слова были лишними в этой ситуации, начальник группы знал, на что шел, но это не снимало ответственности за его жизнь с начальника экспедиции.

— Покажите, где это произошло,— попросил Ивашура в толпу.

Переглянулись, вперед вышли двое парней в стеганках.

— Мы покажем.

— Садитесь в вертолет, пойдем сверху.

Через четверть часа вертолет завис над местом неудачного эксперимента. С двухсот метров была хорошо видна серая, гладкая, отблескивающая металлом полоса, уходящая к Башне,— там, где легла на землю трасса «мертвого выброса». Гусеничный вездеход располагался у края той полосы и казался неповрежденным, но когда вертолет приземлился, все поняли, что он целиком металлический. Все, даже стекла кабины и прожекторов, пластмассовые гусеницы, резиновые когда-то клапаны карманов с инструментом; брезентовый верх — все превратилось в металл!

Ивашура взял пробы металла, предварительно включив дозиметр: радиационный фон был выше, чем обычно, но в пределах допустимых норм.

Потом они покружили над местом установки буровой, но ничего не нашли. Полоса земли до самой Башни была абсолютно голой — ни камня, ни кочки, ни деревца, ни кустика...

Ивашура понаблюдал в бинокль за черной брешью в стене Башни и дал команду возвращаться. Он понимал, что полоса спокойного, если можно так выразиться, изучения Башни закончилась и началась другая полоса — постановки важных проблем, нервного напряжения, спешки и в финале — схватка с Башней, сила на силу, если не хватит ума на интеллектуальный контакт. Но здесь не все решали люди...

7

Ивашура сам отвел правительственную комиссию — одиннадцать человек, в том числе полковника Одинцова и Старостина, к ограждению, которое солдаты отнесли на четыре километра от Башни. Вопросов было мало, все знали о Башне, видели ее на фотогра-

фиях и по телевидению. Все одиннадцать человек были сдержанными, немногословными, даже суровыми на первый взгляд людьми, не походили на «кабинетных теоретиков», и было видно, что приехали они в лагерь надолго.

Многих Ивашура знал раньше, с остальными знакомился впервые, тем не менее он понял, что все это люди опытные, целеустремленные, знающие жизнь, короче — профессионалы в лучшем смысле слова. Что же, чем шире кругозор ученого, специалиста, тем весомее его точка зрения, тем объективнее подход к любой проблеме.

Биноклей не хватало, их передавали из рук в руки. Пока члены комиссии, ежась под ветром, разглядывали Башню, Ивашура расспросил солдат поста, видели они пауков или нет.

— А как же, видели,— ответил старший наряда, белобрысый флегматичный прапорщик.— Утром двоих и перед вашим приходом целую вереницу.

Ивашура оживился.

— Что же они делали?

— Первые два выходили к ограждению, побегали вдоль него и умчались к Башне, а потом прибежала целая цепочка, след в след, штук десять.

— Девять,— поправил один из солдат наряда.— Я считал.

— Ну девять. Так эти тоже ткнулись в проволоку, остановились и тут же, не поворачиваясь, побежали такой же цепочкой обратно. Будто и не задом наперед бежали.

— Весьма интересно! А вас они заметили?

— Так мы с вышки смотрели, до них метров двести было.

— Триста,— снова поправил любивший точность ефрейтор.

— Покажите место, где они уткнулись в заграждение.

Прапорщик оглянулся на солдата, сосчитавшего пауков.

— Казанцев, покажи.

Тот махнул рукой.

— Тут недалече.

Ивашура сказал: «Сейчас»,— подошел к Старостину предупредить, что на минуту отлучится, и зашагал за солдатом.

Ограждение было сделано из мелкоячеистой стальной сетки с вбитым в землю деревянным столбиком, а кое-где и прямо к стволам деревьев. Поле в этом месте вдавалось клином в лес метров на четыреста, и ограждение было видно издалека. Возле невысокой сосны в нескольких метрах от проволоки стояла вышка, на которой дежурили солдаты поста.

— Часто меняетесь? — спросил Ивашура, кивнув на вышку.

— Через три часа: двое на вышке, трое ходят вдоль ограждения. Смена — через двенадцать часов.

— Участок большой?

— Три километра, дальше в лесу уже другой пост... Вот мы и

пришли, здесь они стояли...— Солдат недоуменно нагнулся.— А это откуда?

В сетке ограждения на уровне человеческого бедра светилось аккуратное квадратное отверстие размером в полметра. Края отверстия едва заметно серебрились.

— Что за черт?! Неужели пауки вырезали?! Тогда куда делся вырезанный кусок?

Ефрейтор поискал квадрат сетки, не нашел и пожал плечами.

— Чудеса да и только. Пойду доложу.

Ивашура постоял еще немного, потрогал край вырезанного отверстия и задумчиво направился к ожидавшим его Старостину и Одинцову.

Полковник был одет в кожаное пальто на меху, шапку, меховые сапоги. Старостин в своей драконовидной шубе и такой же косматой шапке походил издали на гризли.

— На первый раз достаточно,— сказал Старостин глуховатым голосом, пряча подбородок под шарфом.— Тем более что Башня по заказам чудеса не показывает...— он не договорил. Издалека прилетел долгий звенящий тоскливый крик и замолк на высокой ноте.

Ивашура усмехнулся.

— Видимо, специально для вас спектакль все-таки покажут. Не удивляйтесь. Башня активизировалась перед очередной пульсацией, «чудеса» случаются все чаще.

— Это не опасно? Паук кричал...

— На таком расстоянии не опасно.

— Не беспокойтесь, товарищи,— махнул рукой оглядывающимся на них членам комиссии Старостин.— Здесь безопасно.— Повернулся к Ивашуре: — Похоже, крики пауков в самом деле — предупреждение.

— Сомнений нет, накоплен большой статистический материал. Пауки кричат перед каждым извержением Башни за минуту-две.

Ивашура поднял к глазам свой бинокль, посмотрел и передал полковнику. — «Флаттер» — так мы это называем. Стена Башни начинает вибрировать. Иногда следом начинается электрический «дождь».

Рация, с которой Ивашура не расставался, прочирикала вызов.

— Что случилось? — спросил далекий Гришин.

— «Флаттер»,— коротко отозвался Ивашура.— Не волнуйтесь, Константин Семенович, мы далеко от стены.

— Ну, слава богу! Вертолет за вами посылать?

— В один все не влезем, не надо, доберемся на вездеходе.

В бинокль было видно, как громадный участок стены Башни длиной с километр стал вздрагивать, гнуться, пошел волнами и превратился в гофрированную «стиральную доску». Длилось это около пяти минут. Потом амплитуда волн стала уменьшаться, вибрация

стены пошла на убыль и исчезла. Башня стояла все такая же угрюмая, придавившая ландшафт миллиарднотонной тяжестью, голубая и чистая, без обычных пятен в том месте, где только что разыгрался «флаттер».

Ивашура задумчиво опустил бинокль, потом снова поднес к глазам.

— Кажется, я сделал маленькое открытие,— пробормотал он.— Вы не помните, как выглядел участок стены до «флаттера»?

Одинцов задумался.

— По-моему, там были черные окна...

— А сейчас вся стена чистая! Понимаете!

— Вы хотите сказать, что «флаттер» очистил стену?

— Не просто очистил. Черные «окна» в стене — это дыры, проломы, разрушенные места, «флаттер» п о ч и н и л стену! Я вспомнил, так было и раньше, только почему-то никто не анализировал состояние стены до и после явления.

— Все это хорошо,— проворчал Старостин.— Но я и мои коллеги замерзли. Не пора ли возвращаться?

— Извините,— заторопился Ивашура.— Вездеход недалеко, за деревьями, на дороге.

Привезя гостей в штаб, он оставил их на попечение Богаева и Гришина — знакомиться с обстановкой, имеющейся информацией и документами, а сам нашел Рузаева и слетал в лагерь физиков, к Меньшову, передать образцы металла и почвы — следы «мертвого выброса» — для массанализа и заодно узнать, какими идеями богаты бравые ядерщики. По пути спросил Рузаева:

— Ты уже подумал? Времени как будто было достаточно.

— Подумал,— невозмутимо ответил Михаил.— Идем на контакт. Сурена возьмем в компанию?

— Если он изъявит желание. С чего начнем? Теории не помогут, нужны свежие идеи, тем более что сами пауки на контакт идти не хотят. Удивляюсь, как они пошли на роль сигнальщиков.

— А я не удивляюсь. По-моему, пауки — биомашины и только, киберы, автоматы с целевой программой, в которой нет места переговорам с людьми. В контакт мы если и вступим, то не с ними, а через них.

Ивашура в сомнении пошевелил бровями.

— Может, ты и прав. Но тогда вопрос: чьи они биокиберы? От этого, кстати, зависит и тактика предполагаемого контакта. Не понял?

— Почему не понял? Одно из двух: или пауки — пришельцы, и тогда контакт может не получиться, или они киберы землян, людей.

— Не обязательно людей. Гипотеза у Валеры сумасшедшая — насчет множества цивилизаций на Земле, живущих каждая в своем

«угловом» времени, но опровергнуть ее никто не в силах, даже физики-теоретики, вплоть до академиков, законодателей философских построений. Понимаешь, то, что пауки начали нас сначала отпугивать от Башни, а потом предупреждать об опасности, навело меня на довольно жуткую мысль. Что, если Башня — следствие какой-то колоссальной аварии? Либо в будущем, либо в прошлом, а может, и в «угловом» времени. Что она связана со временем, можно считать доказанным, взять хоть наши с тобой путешествия внутри «мыльных пузырей иного пространства-времени», где время течет не так, как в обычном мире.

Рузаев неопределенно хмыкнул.

— Хочешь стать автором еще одной «безумной» гипотезы?

Ивашура без улыбки качнул головой.

— Нет, с коллегами из Академии наук я делиться этой гипотезой не буду, она — детище моих эмоций, а не знаний. Гипотез и без нее хватает. Надо думать, как сообщить хозяевам Башни, что они у нас и так уже порядком натворили дел, и чем дальше, тем положение хуже.

Вертолет сел у палаток лагеря физиков, подняв снежную пыль.

Ивашура оставил Рузаева у машины и вскоре вернулся с Меньшовым, у которого борода и усы заиндевели и покрылись сосульками.

— Сидел на вышке,— прогудел Меньшов, дыша на красные распухшие руки.— Горячая пора, скоро пульсация.

— Хоть отогрейся сходи,— посоветовал Ивашура.— Что нового?

— Колдуем над разгадкой «мертвых выбросов», голова кругом идет, столько возможностей заложено в этом явлении!

— Не вздумай подходить к Башне и устраивать незапланированные эксперименты! Знаешь, чем это кончается.

Меньшов помрачнел.

— Слышал и видел. Хороший был мужик Серега, я с ним еще в Москве встречался, приезжали они к нам на консультацию... Не волнуйся, ничего противозаконного не делаем. Постреливаем изредка по «мертвым выбросам». Запустили два беспилотных планера с приборами к стене Башни, собираемся поднять серию воздушных шаров с аппаратурой и осуществить идею Гришина — пустить в Башню сверху зонд с кучей датчиков и телекамер. Ветер сейчас удобный, дует все время к Башне. Нового ничего, записали два выброса, «флаттер» и «телеэкран».— Меньшов несколько оживился.— Любопытно, что «телеэкран» показал нам сначала паука, а потом шар, предполагаем — планету пауков.

Эксперты переглянулись.

— Действительно, любопытно,— протянул Ивашура.— Ты считаешь пауков пришельцами?

— А вы разве нет?

— Эксперт отличается от нормального специалиста тем, что делает вывод лишь при наличии системы фактов,— ровным голосом сказал Рузаев.

— Так я вам и поверил,— ухмыльнулся в усы Меньшов.— Как будто вы не живые люди. Каждый из нас при отсутствии информации начинает пользоваться эмоциями, интуицией и фантазией. Спасибо хоть за «нормального» специалиста. Это все, что вы хотели узнать, джентльмены?

Ивашура отрицательно покачал головой.

— У тебя не найдется переносной лазер, хотя бы типа ЛКТ-100?

— Поищем. Сами не пользовались, но на всякий случай запросили в отделе снабжения. Зачем он вам?

— А СВЧ-передатчик? — продолжал Ивашура, не отвечая на вопрос.

— Это вы спросите у радиофизиков, у них должен быть.

— Еще нам нужны электромагнитные искатели, пара цериевых батареек, ультразвуковые свистки и щупы.

Меньшов присвистнул.

— Понятно, задумали проникнуть в Башню, психи! Нет? Тогда не понимаю. А что же ваша контора? Неужели Центр настолько обеднел, что даже щупов не выделяет своим работникам?

— Не гадай, Виталий, у тебя плохо получается, на цыгана ты похож только в профиль.

Рузаев неожиданно хихикнул.

— Игорь вышел из доверия у директора Центра товарища Богаева.

Ивашура нехотя улыбнулся.

— Это точно. Дернула меня нелегкая провести тот эксперимент.

— Тебе не позавидуешь,— Меньшов снял шапку и почесал затылок.— Ты начальник экспедиции и ты же — сотрудник Центра, начальник которого Богаев. На твоем месте я бы...

— Дашь ты нам, что просили, или не дашь? — перебил его Ивашура, потеряв терпение.

— Что с вами поделаешь, дам. Только, чур, меня потом не впутывать, буду говорить — сами взяли. Разрешите идти, господин генерал?

— Идите, поручик. Стойте! Когда наметили полет к Башне сверху?

— Сегодня в шесть вечера, приходите.

— Свободны!

Меньшов неуклюже козырнул, еще более неуклюже повернулся кругом, широкий в своем черном зипуне, пахнущем костром, и потопал к одной из вышек, возле которой собрались его подчиненные и коллеги.

— Поехали,— Ивашура полез в кабину.— Сейчас к радиофизикам, потом в воинскую часть, хочу попросить у них пневмопистолет для метания сетки-ловушки, а потом к медикам.

Рузаев сделал вид, что ему все равно.

Первую вылазку к Башне отложили на поздний вечер, чтобы не возбуждать излишнего любопытства у прибывшей комиссии вкупе с журналистами, операторами телезаписи и другими неофициальными лицами, переполнившими лагерь экспедиции.

Ивашура свободно владел английским, сносно французским, и в разговоре с приехавшими иностранными учеными и журналистами переводчиков не требовалось. «Пресс-конференции» как таковой не было. Ивашура довел до сведения иностранцев порядок работы экспедиции, распорядок дня, рассказал об основных направлениях исследования Башни и с помощью Богаева, который тоже говорил по-английски, распределил приехавших по лабораториям и отрядам экспедиции. Вновь прибывшим журналистам он пообещал рассказать все подробности на следующий день, дав им сутки на акклиматизацию и предоставив возможность самостоятельной добычи информации у остальных жителей лагеря, прибывших ранее.

Освободившись на полчаса, Ивашура поговорил с Вероникой, определив объем очередной телепередачи, и был неприятно поражен тем, что девушка вдруг попросилась пойти с ним «к паукам на встречу».

— Кто вам сказал, что мы собираемся к паукам? — спросил он, хмуря брови и внимательно разглядывая лицо девушки.

— Никто,— пожала плечами Вероника.— Интуиция, если хотите. Я же вижу, что вы озабочены, а в вашем вагончике — я заходила — Миша Рузаев готовит какие-то снасти и приборы. Я не права?

Ивашура задумчиво посмотрел на носки своих сапог.

— Да, мы идем в пробную вылазку для установления контакта с пауками. Это опасно, и поэтому в другой раз я бы, не задумываясь, ответил вам «нет», но вдруг подумал, что профессиональное умение формулировать вопросы и ответы может нам пригодиться. Я согласен, но ни одна душа...

— Не продолжайте,— улыбнулась Вероника, глаза ее просияли.— А ты, однако, смел, Игорь Васильевич.

— Одним словом, анархист,— без улыбки пробурчал Ивашура.— Будь готова часам к десяти вечера.— Он тоже перешел на «ты», не заметив этого.— И оденься соответственно.

— Слушаю и повинуюсь!

Вероника легонько сжала пальцы начальника экспедиции и убежала, унося в глазах свет признательности, радости и чего-то еще, поднявшего в душе ответную волну радости и желания снова и снова встречаться с этой девушкой.

Он так глубоко задумался, что не заметил подошедшего вплотную Одинцова. Полковник был, как всегда, подтянут, деловит, сдержан и сосредоточен.

— Простите,— сказал он, привычно касаясь пальцами клапана своей шапки.— Не помешал?

— Нисколько,— вздохнул Ивашура, закрывая «дверь в мир своих чувств и желаний».— Слушаю вас, Мартын Сергеевич.

Разговор с Вероникой происходил возле столовой, вагончик которой ничем не отличался от остальных домиков экспедиции, но располагался отдельно и был пристыкован к крытой кухне. У столовой всегда стояли одна или две машины, привозящие продукты из города, сновали люди. Откуда-то тянуло дымом и чем-то сладким, как из кондитерской.

Ивашура посмотрел на часы и увлек Одинцова к штабу. Смеркалось, а он не сделал еще и половины того, что намеревался успеть до десяти вечера.

— Я тут расспросил...— заговорил на ходу Одинцов.— Мнения расходятся. Как вы считаете, Игорь Васильевич, чем может закончиться экспансия Башни? Не может же она расти вечно, должен быть какой-то предел.

— Должен,— согласился Ивашура.— Но мы его не знаем. Как сказал мой знакомый физик: «Наша физика мало применима к Башне». По известным законам физики ни один из земных материалов не способен выдержать таких нагрузок, которые должно выдерживать сооружение выше одного километра и массой больше одного миллиона тонн. Оно просто рухнет под собственной тяжестью... если только не представляет собой колонну, целиком вылитую из этого материала. А Башня если не полая внутри, то хотя бы имеет пустоты, могу привести расчеты специалистов и наблюдателей. При массе в девяносто миллиардов тонн и высоте в два с половиной километра материал Башни имеет плотность бериллия, и тем не менее Башня не разрушается! Может, стены Башни и не стены вовсе, а одна видимость? Скажем, голографический мираж или в крайнем случае неизвестное силовое поле. В одном я уверен почти на сто процентов: Башня каким-то образом изменяет ход времени.

— Почему «почти»?

— Потому что наши с Михаилом путешествия в «пузырях времени» вполне могут оказаться галлюцинациями, продуктом собственного мозга, отреагировавшего на всплеск какого-то излучения. Обратного, к сожалению, никто не доказал.

— Но вы-то сами уверены в путешествии, не так ли? Хотел бы я побывать на вашем месте, честное слово! Испытать на себе хотя бы «зону ужасов».

Ивашура посмотрел на собеседника.

— Ай да полковник! Я думал, что из всех начальников экспедиции только я один не в ладах с дисциплиной.

В глазах Одинцова зажглись иронические огоньки.

— Не обольщайтесь, Игорь Васильевич. Мне это тоже нужно по долгу службы. Впрочем, вас я тоже понимаю. Рисковать вы умеете, надо признаться.

— Стараемся,— в тон полковнику сказал Ивашура.— В «зону» я вас, пожалуй, свожу, но позже, после пульсации. Не возражаете?

Они остановились у домика штаба, дверь которого то и дело впускала и выпускала людей.

— Еще вопрос,— спокойно проговорил Одинцов.— Как вы думаете контактировать с пауками?

Ивашура внимательно посмотрел в проницательные глаза гостя.

— Однако информация у вас здорово поставлена!

— Стараемся,— прищурился Одинцов.

— Боюсь, я вас не обрадую. Я не знаю, каким способом следует устанавливать контакт с пауками. Сегодня я намерен совершить первую попытку, а в дальнейшем образую инициативную группу контакта. По-моему, нет смысла доказывать его необходимость?

— Конечно,— ответил Одинцов.— Если вам что-нибудь понадобится из спецснаряжения, обращайтесь ко мне, поможем.

Полковник кивнул и удалился к домику связистов. Ивашура молча смотрел ему вслед, пока кто-то не тронул его за рукав. Гаспарян.

— А если он узнает? — спросил эксперт, кивнув на удалявшегося Одинцова. Видимо, его мучили те же мысли, что и Ивашуру.

— Он знает,— сказал начальник экспедиции.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль Ивашура занял место в кабине вертолета вместе с Меньшовым, Гришиным и двумя физиками, бережно обхаживающими два зонда с аппаратурой контроля среды и телекамерами. Было решено зависнуть над Башней на безопасной высоте и опустить на тросах на ее размытую вершину два зонда. Запись передачи с телекамер должна была вести по кабелю переносная видеомагнитофонная система в кабине вертолета.

— Чуть что — рви когти! — инструктировал Меньшов пилота.— Не жди, пока свалимся в пикирование. Увидишь, что вертолет ведет себя необычно,— сразу дай знать.

Пилот, спокойный молодой человек со шрамом на щеке, молча кивнул головой.

Вылетели по расписанию, ответив службе авиаконтроля. Через десять минут вертолет завис над Башней в сотне метров от ее дрожащей вершины, постепенно теряющей плотность до полной прозрачности.

— Если бы самому туда слазить,— вздохнул молчавший всю дорогу Гришин.

Меньшов, занятый настройкой, фыркнул в бороду:

— Что это с вами, Константин Семенович? С каждым днем ваши желания все рискованнее и оригинальнее.

— Легче подавить первое желание, говорил Франклин, чем утолить все, что следует за ним,— улыбнулся Ивашура.

— Знаю,— снова вздохнул Гришин.— Но уж очень хочется сбросить покров тайны с апокалиптической Башни.

— Трос не достанет,— сказал один из физиков,— надо опуститься ниже.

— Вываливайте зонд.— Меньшов открыл люк в дне кабины.— Саша, берись за лебедку. Опустим и посмотрим, сколько останется до мерцающегося слоя.

Зонд, представляющий собой металлический цилиндр с решеткой антенны и глазками приборов по корпусу и в дне, пошел вниз. Трос кончился на шестьдесят шестом метре.

— Все, дальше придется маневрировать вертолетом.

— Что показывают приборы?

— Небольшое повышение радиационного фона,— сказал Гришин, склонившийся над панелью переносного пульта управления.— Ничего особенного.

— Хорошо, что ни «глаз дьявола», ни «мертвые выбросы» не разряжаются вверх,— пробасил Меньшов.— Ну, что, Васильич, пошли помалу вниз?

Ивашура, поколебавшись, кивнул пилоту:

— Легонько, не торопясь.

Вертолет плавно пошел вниз. Зонд приблизился к границе переходной зоны, где воздух струился маревом, будто нагретый до высоких температур, и вдруг превратился в тонкий стержень, ушедший глубоко в недра Башни. Громыхнуло. Из глубины размытого конца Башни всплыл рой пронзительно-голубых искр, вертолет вздрогнул.

— Назад! — отреагировал Ивашура, но пилот уже сам сделал надлежащие выводы: вертолет с натугой рванулся вверх.

Зонд выскочил из зоны завихрений, странно белый, как будто вымазанный в сметане, из тонкой бесконечной иглы превратился в прежний цилиндр.

— Ничего не понимаю,— проговорил озадаченно Гришин.— У меня все зашкалило! Что там случилось с зондом?

— Подтяни-ка,— приказал Меньшов.

Физик у лебедки послушно заработал рукоятью барабана, заиндевевший трос пополз мохнатой длинной гусеницей. Зонд приблизился. Ивашура тихонько присвистнул.

— Ну и ну!

Зонд изменил форму и цвет, превратившись в гроздь белых «ежей» размером с полметра каждый.

— Что это?! — изумленно воскликнул молодой физик.

Ответом ему было молчание. Более опытные и сдержанные ученые не спешили давать объяснения новому феномену.

— Надо было снимать спуск со стороны,— сказал Гришин.— Не догадались.

— К сожалению,— кивнул Ивашура.— Проверьте радиацию, может, эти «ежи» излучают.

Меньшов высунул из люка дозиметр, покачал головой.

— Почти норма. Но ты прав, эта штука опасна, неизвестно, что от нее ждать. Предлагаю отнести ее в поле, подальше от лагеря. Потом вернемся с оборудованием и посмотрим, чем оброс зонд.

Ивашура хотел сказать, что зонд вовсе не оброс, а изменил форму, превратился в гроздь колючих ядер, но промолчал.

Они опустили сверкающую белую конструкцию на снег недалеко от дороги, чтобы можно было подъехать на вездеходе, оставили вместе с ней трос, и вертолет понесся к лагерю, словно с облегчением освободившись от непрогнозируемо опасного груза.

— Выясните, в чем дело, и позовите,— отрывисто сказал Ивашура.— И готовьтесь ко второму походу, на двух вертолетах и с киносъемкой.

— Сделаем,— прогудел в бороду Меньшов и признался: — Знаете, братцы, а я струсил! Думал, как рванет — костей не соберем! А еще хуже — провалимся в Башню!

Ивашура молча похлопал его по плечу.

В десять вечера начальник экспедиции позвонил Меньшову, и физик сообщил ему о результатах исследования зонда, изменившего структуру.

Зонд перестал быть таковым, он теперь вообще ни на что знакомое не походил. Он жил, если можно так сказать, то есть работал: что-то в нем стучало, позванивало, изредка иголки «ежей» начинали светиться призрачным зеленым светом. Материал его корпуса установить не удалось, как и разобраться или проникнуть внутрь.

— Понимаешь, он растопил снег вокруг,— орал в трубку Меньшов,— но сам холодный! А самое интересное — иногда шары становятся прозрачными, и оттуда кто-то на нас смотрит! Не видно, кто, но чувствуется. Потрясающий эффект! Кстати, уже прибегали пауки, посмотрели, побегали вокруг и умчались.

— Осторожнее там,— проворчал Ивашура, не зная, что сказать.— Старайтесь изучать его дистанционно, близко не подходите.

— Почему не подходить? Он безопасен, как огурец! Ну и выловили! — Меньшов хохотнул.— Бросил наживку и вытащил чудо-юдо! Не знаем, что и делать. Зато интересно.

— Поумерь восторги,— сказал Ивашура, невольно заражаясь оптимизмом физика.— Я к вам загляну утром.

Переварив сообщение, он провел обычное селекторное сове-

щание, пожелал спокойной ночи Богаеву, утомленному организационно-хозяйственной деятельностью, и покинул штаб, почти полностью опустевший к вечеру.

В вагончике экспертов его уже ждали готовые к походу Рузаев, Гаспарян и Вероника. Эксперт Валера находился на дежурстве у связистов.

Вероника была одета в альпинистскую тройку: штормовку, непромокаемые брюки, горные ботинки, правда, без триконей. Гаспарян косился на нее с некоторой завистью и удивлением, разбавленным изрядной долей заинтересованности: девушка ему нравилась. Рузаев посматривал на Веронику с неодобрением, но молчал, зная, что Ивашура решений своих не меняет.

Разобрали снаряжение.

Ивашура взял фонарь, рацию, лазер — длинный прямоугольный брусок в дырчатом кожухе с рукоятью и «консервной банкой» аккумулятора на торце — и метатель сетки-ловушки, похожий на сверхсовременный арбалет.

Гаспарян перекинул через плечо ремень СВЧ-передатчика, через другое — ремень ружья и взял в руки электромагнитный искатель, квадратную рамку на длинной ручке. Рузаеву достались еще один искатель, дозиметр, ультразвуковой свисток и второй фонарь. Веронике доверили нести приборы ночного видения, добытые Ивашурой у вертолетчиков, портативный магнитофон и аптечку.

— Кажется, все,— проговорил Ивашура, осмотрев группу.— Начнем первый этап «разведки боем». Вторым этапом будет проникновение в Башню. Выходить по одному.

Они вышли из вагончика во тьму ночного леса, рассеиваемую лишь фонарем у штаба. Ивашура не стал брать вертолет, не желая втягивать в свой рискованный поход лишних, и пять километров до ограждения им предстояло пройти пешком.

Небосвод был скрыт тучами, ветер нес их к излучающей багровый свет Башне. До пульсации оставалось несколько часов, и крики пауков доносились почти каждые пятнадцать-двадцать минут: активность Башни росла. Но именно поэтому Ивашура и решил пойти в разведку, шансы встретиться с пауками увеличивались.

Двигались молча. Ивашура шел впереди, прокладывая дорогу, проваливаясь в снег. Госпарян шагал следом, помогая Веронике, Рузаев замыкал цепочку.

Через полчаса вышли из леса на поле, по спрессованному ветром насту идти стало легче. Башня показалась вся. Вокруг ее вершины крутилась спираль вспыхивающих зеленоватым светом облаков.

— Такой Башня никогда не была,— заметил Гаспарян.— Да, Миша? То ли пульсация будет мощной, то ли готовится что-то новенькое.

— Увидим,— пробурчал Рузаев.

К ограждению вышли в двенадцатом часу ночи. Ивашура оставил их на короткое время — предупредить патруль — и вернулся.

— Сделаем так,— сказал он, посмотрев на часы.— Растянемся в цепочку и подойдем к Башне километра на два-полтора. Фонари зажигать не стоит, надевать инфраоптику тоже — на фоне Башни и так все видно. Кто заметит паука первым — подает сигнал. При малейшей опасности тоже подавать сигнал, мало ли что встретится. Уяснили?

Где-то в темном небе послышался нарастающий рокот, показались белые и красные огни — вертолет авиаконтроля. Он прошел чуть в стороне, над лесом, звук постепенно затерялся в шуме ветра. Эксперты проводили его взглядами.

— Может, Веронику оставим здесь? — предложил Рузаев.

— Нет-нет,— поспешно откликнулась девушка.— Я пойду с вами.

Ивашура встретил ее умоляющий взгляд и повернулся к Гаспаряну.

— Подстрахуешь ее, Сурен. Почему вы не спрашиваете, что мы будем делать дальше?

— А что тут спрашивать? — рассудительно произнес Рузаев.— Будем ловить паука, а потом спросим, разговаривает ли он по-русски и по-английски.

Вероника засмеялась.

— А что — нет? — оставаясь бесстрастным, спросил Рузаев.— Зачем бы мы тогда брали сетку-ловушку и СВЧ-передатчик?

— В логике тебе не откажешь,— сказал Гаспарян ядовито.

— Ну ни пуха ни пера, эксперты,— сказал Ивашура.

— К черту! — дружным шепотом ответили все.

8

Чем ближе они подходили к Башне, тем больше убеждались, что активность ее превысила обычную перед пульсацией. Блуждающие источники радиации — «глаза дьявола» вспыхивали почти каждые пять минут, правда, все на значительной высоте. Дважды начинались электрические «дожди», прижимаемые ветром к стенам Башни. Багровое свечение ее стен пульсировало — то отступало вглубь, то усиливалось, и от этого казалось, что Башня то съеживается, то растет в объеме.

Идти стало трудней. Снежный наст утратил твердость, стал рыхлым, влажным, тепловое дыхание Башни уже достигало этих мест. Вскоре в снежном покрове появились прогалины раскисшего грунта, в которых легко можно было завязнуть по пояс и глубже.

В какой-то момент Ивашура вдруг остановился, жестом приказал замереть и прислушался.

— Кажется, начались сюрпризы, чувствуете?

— «Зона»,— сказал Гаспарян.— Мы дошли до «зоны», вот и все.

— Какая зона? — спросила Вероника, тщетно стараясь уловить хотя бы один посторонний звук, кроме завывания ветра. Ей показалось, что над ними нависла странная призрачная и одновременно тяжелая тень, но это прошло. Осталось ощущение какого-то давления на голову и чувство неловкости во всем теле.

— «Зона ужасов»,— пояснил Рузаев терпеливо.— Но это не она. «Зона» обычно начинается в километре от стены, а мы стоим по крайней мере в двух.

— Подождите здесь.— Ивашура прошел вперед с десяток шагов, постоял и вернулся.— Это не «зона» — инфразвук.

— Знакомые штучки.

— Да, это уже серьезно, дальше мы, наверное, не пройдем.

— Что это значит — инфразвук? Извините, что вмешиваюсь...

— Пауки поставили инфразвуковую завесу,— внес ясность вежливый Гаспарян.— Инфразвук, то есть звук низкой частоты, очень нехорошо влияет на организм, поэтому ближе к стене Башни идти рискованно.

— А зачем пауки поставили завесу?

— Не хотят, чтобы кто-нибудь мог приблизиться к Башне. Существует гипотеза, что пауки предупреждают людей об опасности: криками — когда источник опасности локален, инфразвуком — когда опасность... э-э...

— Неизвестно где,— подсказал Рузаев.— Инфразвуком пауки отпугивали нас лишь однажды, когда на месте Башни был еще построенный из паутины конус.

Почва под разведчиками внезапно вздрогнула, по полям прокатился низкий подземный гул.

Эксперты переглянулись.

— Отложим? — с полувопросительной интонацией сказал Гаспарян.

Ивашура на минуту задумался, взглянул на часы и тронул кнопку рации.

— Связь-два, что там у вас?

— Был толчок,— донесся сквозь хрипы и трески эфира тонкий голос диспетчера,— силой три балла. Причины неизвестны. Кто говорит?

— Ивашура.

— Игорь Васильевич, вас искали радиофизики, велели специально передать: плотность полей вокруг Башни растет по экспоненте. Как поняли?

— Спасибо, понял.

Ивашура выключил рацию, щелкнул крышкой дозиметра.

— Хорошо хоть радиационный фон остался прежним,— пробормотал Гаспарян.— Предлагаю вернуться за вездеходом.

— Потеряем время,— сказал Ивашура.— Попробуем подползти еще на пару сотен метров, насколько хватит сил терпеть инфразвук. Вероника, тебе придется остаться.

Девушка хотела было возразить, но уловила холодный блик в глазах Ивашуры и сдержалась.

— Хорошо. Что я должна делать?

— Ждать нас. Вот тебе вторая рация, настроена на общую волну. В случае нашей... впрочем, мы вернемся, жди...— Он повернулся к экспертам.— Надевайте инфраоптику, попробуем пойти с ней.

Они надели приборы для ночного видения, похожие на очки-консервы с резиновыми окулярами и гибкими дугами.

— Ух, здорово! — не выдержал Гаспарян и прищелкнул языком.

— А мне можно? — робко спросила Вероника.

Ивашура без слов помог ей надеть очки. Взору девушки открылась волшебная картина, расцвеченная всеми оттенками коричневого, алого и вишневого цвета.

Башня сияла белым накалом, так что на нее было больно смотреть. Почва и лес вдалеке были черными или темно-коричневыми, и в этой черноте проглядывали багровые дорожки, прожилки, ручейки, нити, бесформенные пятна...

Ивашура первым разобрался в цветах: пятнами были нагретые участки почвы, дорожками и ручьями — насыпи и гребни пластов вспаханного поля, а вот прожилки и нити... Он шагнул к ближайшей нити, нагнулся, сорвал инфраочки и хмыкнул:

— Паутина!

Гаспарян проследил за нитью паутины и пробормотал что-то по-армянски.

— Пошли,— спохватился Ивашура, снова натягивая дугу очков.— Потом разберемся, что начали строить...— он не договорил.

По полю плавно мчался багровый шарик, а за ним оставалась тонкая красная нить.

— Паук! — ахнула Вероника. Ивашура сжал ей пальцы, призывая к молчанию, передал Гаспаряну лазер. Потом, не отрывая взгляда от бегущего пятна, достал на ощупь метатель сетки-ловушки, прикинул, куда выкатился шар, и побежал наперерез.

Вероника хотела было крикнуть: «Игорь!»— но вовремя зажала рот ладонью. Гаспарян зачем-то снял с плеча двустволку и взвел курки. Рузаев быстро достал из-под полы кинокамеру и припал к видоискателю. Гаспарян одобрительно похлопал его по плечу.

Чтобы приблизиться к пауку, не сбавляющему скорости, надо было углубиться в зону, где мощность инфразвука возрастала, но Ивашура не замечал влияния инфразвукового излучения. Когда до паука оставалось около десяти метров, он в два приема вскинул метатель и нажал на спуск. Со щелчком пружина метателя выбросила сетку, и та в падении, разворачиваясь в плоскость, накрыла круглое светящееся в инфракрасном диапазоне тело паука. И... ничего не произошло! Паук резко затормозил и замер.

Ивашура тоже остановился, ожидая чуть ли не «разряда бластера», потом сорвал инфраочки. Он не сразу привык к темноте, но понял, что действительно поймал паука. На гладком черном теле с невидимыми сейчас ногами выделялись белесые, громадные, без зрачков глаза, внимательно и с недоумением, как показалось Ивашуре, разглядывающие человека.

Эксперт колебался всего мгновение. Он относился к тем людям, действия которых тем эффективнее, чем труднее ситуация, которые умеют из хаоса мыслей выуживать наиболее оптимальную, мгновенно собираться и принимать решение, основываясь иногда только на «показаниях» интуиции. В данный момент Игорь вдруг отчетливо понял, что паук не опасен.

Ивашура медленно сделал шаг к пауку, второй, остановился в нескольких шагах. Теперь он видел его полностью. Паук упирался в пашню длинными суставчатыми ногами, перебирая приподнятыми передними лапами-педипальпами. Ивашура обнаружил, что сетка, сплетенная из капроновых канатиков толщиной в полсантиметра, разрезана на две части, но это эксперта не остановило: паук ждал его дальнейших действий.

— Выслушайте нас,— сказал он негромко, но твердо.— Запишите и передайте своим хозяевам. Мы хотим знать, что такое Башня, это первое. Второе: как долго и до каких пределов она будет расти? Ее рост — реальная угроза нашему миру, и если Башня не остановится, нам придется применить силу. И третье: известно ли вам что-нибудь о судьбе наших товарищей Ивана Кострова и Таисии Калашниковой? Пока все. Когда ждать ответа?

Паук продолжал все так же задумчиво перебирать лапами.

— Не слышу.

Молчание. Потом какой-то тихий прерывистый писк. Ивашура от неожиданности вздрогнул: паук ответил!

— Повторите,— громче сказал он.

Снова тихий писк. Голос паука!

Эксперт махнул рукой напряженно ожидающим его друзьям. Все трое сорвались с места, но Ивашура остановил их жестом.

— Вероника — магнитофон!

Девушка подбежала через минуту (паук на это не реагировал)

и передала магнитофон. Ивашура включил запись и осторожно приблизил микрофон к пауку.

— Прошу вас, повторите еще раз.

Паук пискнул, еще и еще раз, присвистнул и вдруг помчался задом наперед по той же дороге, что и бежал сюда, не сводя своих круглых глаз с людей. Исчез, растворился во мраке.

— Уфф! — выдохнул Ивашура и смахнул со лба пот. Тут только он почувствовал неприятное раздражающее тепло в голове, духоту, желание оглянуться, подкатывающую к горлу тошноту: инфразвуковая завеса пауков продолжала действовать.

— Уходим,— коротко бросил Ивашура. Выключил магнитофон, оглянулся на Башню и поспешил за Вероникой. Он понимал, что поведение паука еще ни о чем не говорит, но верил, что начало положено. Машина это или существо — не суть важно, в любом случае паук должен был записать или запомнить его речь и передать по назначению, и если писк не ответ, то, возможно, хозяева Башни все же ответят на вопросы людей рано или поздно. Главное достоинство метода, который избрал Ивашура для контакта, заключалось в его простоте. Никто еще до сих пор не пытался просто з а д а в а́ т ь вопросы паукам. Он их задал...

До двух часов ночи они пытались поймать хотя бы еще одного стража Башни, но тщетно: видеть — видели, пауков объявилось необычайно много, но ни один из них не подбирался ближе, чем на сто-двести метров, и ни один не отреагировал на облучение лазерным лучом. Пауки лихорадочно плели паутину.

Наконец, когда рация заговорила голосом Одинцова, Ивашура повел свою уставшую и продрогшую «комиссию» по контактам» домой.

У заграждения их ждал высланный полковником вездеход, и уже через двадцать минут они оказались дома. В вагончике было тепло, уютно потрескивали поленья в печурке, ароматно пахло кофе. У стола сидел сосредоточенный, как всегда, Одинцов и читал газету. Когда эксперты ввалились в комнату, он только поднял от газеты голову.

— Ничего,— отвечая на его немой вопрос, сказал Ивашура.— Вернее, почти ничего. Один из пауков выслушал меня, но я не уверен, что он понял и ответил. Пропищал что-то, но что...— Ивашура развел руками и передал магнитофон Гаспаряну.— Завтра утром на анализ, пусть звуковики повозятся вместе с лингвистами.

— Я бы удивился, если бы с первого раза удалось установить контакт,— негромко проговорил Одинцов.— Следующую экспедицию надо подготовить более серьезно и тщательно.

— Вы правы, надо привлечь все научные силы и технику, выигрыш превышает любые материальные затраты.

Они сели за стол, разлили по кружкам кофе. Внезапно пол

вагончика заметно дрогнул, издалека прилетел короткий глухой гул, задрожали стекла в окнах.

— Спать не придется,— сказал Ивашура, глянув на часы.— Пульсацию следует ждать часа через полтора-два. Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что нам повезло с «контактом». Пауки плетут вокруг Башни паутину, значит, ожидается что-то более серьезное, чем было до сих пор. Именно поэтому пауков так много.

Он принялся убирать со стола, но вспомнил о Веронике, жестом указал Рузаеву на стаканы и кружки и оделся.

— Я буду в штабе.

— Я с вами,— поднялся Одинцов.

— А я, с вашего позволения, вздремну часок,— сказал задумчиво Гаспарян.— Мой организм не выдерживает более двадцати часов бодрствования, да еще в стрессовой обстановке.

— Вот вам фазовый портрет личности по имени Сурен Гаспарян,— проворчал Рузаев, звеня стаканами.

Закрывшаяся дверь отрезала ответ Гаспаряна.

— Друзья? — спросил Одинцов, кивая на дверь.

Ивашура сошел по ступенькам, оглянулся.

— Вы психолог.

— А нам нельзя иначе,— улыбнулся Одинцов.

Дальше шли молча.

Над миром довлел горбатый хребет Башни, заставляя людей держаться в постоянном напряжении, смешанном с восхищением и недоумением. Никто не мог остаться равнодушным, глядя на эту чудовищную геометрически правильную глыбу непонятного назначения и происхождения, попирающую известные законы бытия...

Пульсацию Башни — очередной скачок роста ее диаметра — наблюдали все двести с лишним человек экспедиции: ученые, журналисты, инженеры связи, работники телевидения, обслуживающий персонал лагерей и солдаты воинских подразделений, поднятых по совету Ивашуры. Сам начальник экспедиции ожидал пульсацию в кабине вертолета авиаконтроля, кружившего вокруг Башни на высоте километра. Вместе с Ивашурой в кабине находились Рузаев и Вероника, упросившая взять ее с собой.

Непосредственно перед пульсацией ветер, дувший к Башне, стих, тяжелые облака сразу опустились ниже, придавили землю. Даже в километре от Башни в них вспыхивали электрические разряды, в основном горизонтальные, в виде причудливых лент и полос... Башня продолжала светиться угрюмым багровым накалом, по ней, как по угасающей звезде, ползли темные пятна, вспыхивали и тут же гасли злые зеленые звезды и ветвящиеся росчерки молний. Ино-

гда откуда-то из таинственных ее недр выметало наружу целые поля долго не тускнеющих искр, среди которых формировались диковинные электрические «призраки». Из-под земли то и дело доносились бухающие удары, гул и стоны: казалось, Башня раздирает тело Земли, раздвигает его, мнет, сверлит исполинским буром, уходя все ниже и ниже, к мантии, к ядру...

Вероника, округлив глаза и замерев, в каком-то суеверном восторге глядела на красочную феерию, окружившую Башню. На вопросы Ивашуры отвечала односложно и невпопад, и тот, оценив ее состояние, перестал ей мешать.

Рузаев работал с бортовыми кинокамерами вертолета, быстро найдя общий язык с наблюдателями — неразговорчивыми офицерами одной из воинских частей. Кроме того, у него была наготове своя кинокамера, с которой он не расставался. Дважды засняв Башню и плывущие над лесом «призраки», Михаил вдруг потянул Ивашуру за рукав:

— Посмотри-ка, пауки? Слева по курсу, рядом с насыпью у стены...

Ивашура поднял бинокль.

Черный в призрачном свете вал сдвинутой земли у стены Башни вдруг зашевелился, стал расползаться! В бинокль было видно, что это несется от стены лавина пауков, спасаясь от неведомой опасности. Даже сквозь рокот двигателя донесся долгий заунывный крик, от которого тревожно сжалось сердце.

— Проклятье! — бледнея, проговорил сквозь зубы Ивашура.— Уж если бегут пауки!..

Башня вдруг засияла сверху донизу ярким желтым светом, на миг превратилась в нечеткий смазанный силуэт и тут же снова приняла облик плотной и твердой на вид колонны чуть толще прежней. Тугой удар, словно от сверхзвукового самолета, хлестнул по воздуху, вертолет шатнулся, так что всех прижало к стеклам кабины, но Ивашура успел заметить, как вал земли у выпуклой стены Башни взметнулся гребнем ввысь, сдирая шкуру почвы со щеткой леса, и рухнул на лес, породив новую насыпь...

— Ужас! — беззвучно проговорила Вероника, сжав подбородок пальцами обеих рук.

Вслед за ударом последовал грохот и грозный, вибрирующий гул, от которого задрожали стенки кабины вертолета. Машина заскрипела, закачалась с боку на бок. Пилоты озадаченно наклонились над панелью управления.

Вертолет продолжал вздрагивать и качаться.

— Что случилось? — прокричал Ивашура.

— Боюсь, как бы винты не пошли вразнос,— ответил старший пилот.— Идем на базу.

И вертолет, вздрагивая при каждом обороте винтов, словно хро-

мой, отвалил в сторону, оставив за собой тускнеющую колонну Башни, пелену дыма вокруг нее и круговорот переставших светиться облаков.

Ивашура встал поздно, в одиннадцатом часу. Недоверчиво повертев часы перед глазами, он откинул полу спального мешка, сел на кровати. В вагончике никого не было, сквозь оконца просачивался свет хмурого зимнего дня. На столе стояла банка тушенки, в пакете аккуратно были завернуты хлеб, сыр и пачка масла, рядом — накрытый полотенцем чайник.

«Гаспарян,— мелькнула мысль,— аккуратист... Странно, что меня не разбудили. И я хорош, разлегся барином! Как в отпуске. Устал, начальник? Не великовата ли нагрузка?»

Он осуждающе посмотрел на свое отражение в зеркальце на стене, потрогал щетину на щеках.

«Хорош! Таким Вероника тебя еще не видела, и хорошо, что не видела. Вот Сурен постоянно держит себя в форме, любо-дорого посмотреть! Когда он бреется? Вроде никогда его не видели с бритвой в руках...»

Ивашура сделал зарядку, умылся, поел, продолжая недоумевать по поводу своего позднего пробуждения, и помчался в штаб. Там стало известно, что будить его запретил Одинцов.

В штабе было шумно, как и всегда: исследователи продолжали работу, переговариваясь между собой, у двух столов стояли и сидели люди, кто-то входил и выходил, хлопали двери, звонили телефоны.

Дежурил Богаев. Он поздоровался с Ивашурой и снова поднес к губам микрофон, вызывая какого-то «двенадцатого». Рядом разговаривали Старостин и Одинцов, развернув на столе карту района.

— Проспал,— виновато сказал Ивашура.— Со мной раньше такого не случалось.

— Это я не велел вас будить,— сказал Одинцов.— По моим данным, вы недосыпаете уже третий месяц.

— Не жалуюсь,— махнул рукой Ивашура.— Но, видимо, вы правы, отдых необходим.

— Я слышал, вы контактировали с пауками,— проговорил Старостин.— Есть результаты?

Ивашура поискал глазами Гаспаряна и Рузаева, но в штабе их не было.

— Я отдал магнитофонную кассету в лабораторию на анализ, но ответа пока нет. Но если даже пленка пуста, считаю, что эксперимент проведен не зря, паук выслушал меня. Причем, у меня сложилось впечатление, что он не случайно остановился, разрезав сетку, он меня ждал. Когдя я подошел, сетка была разрезана на две части и он в любую секунду мог убежать.

— Я не одобряю этого «контакта».— Старостин мельком посмотрел на Ивашуру.— Как и Владлен Денисович Богаев. В основном, из-за риска. Только что, сутки назад, у Башни погиб человек, и вы снова идете туда, без надежды на удачу, без надлежащей защиты.

— Мы уже говорили с Игорем Васильевичем на эту тему,— вмешался Одинцов.— Просто такие эксперименты нужно готовить тщательнее.

— К сожалению, времени у нас не остается, в том числе и на «контактерские» экспедиции. Башня начинает реально угрожать городу, последняя пульсация добавила к ее толщине почти два километра. До Жуковки осталось семь, до ближайшей деревни — два, до железной дороги — восемь километров. До газопровода — пять. Понимаете?

— Понимаю,— тихо ответил Ивашура.— Что вы предлагаете?

— Пока ничего. Решать надо, к сожалению, в такой момент, когда мы совершенно не имеем свободы выбора. Я понимаю, к чему вы клоните. Да, в сложившейся ситуации мы ничего не можем ответить Башне, кроме ракетного удара по ней. Предлагайте свои способы ее укрощения, причем как можно быстрей.

— А если оттуда ответят?

— Вы можете предложить другой способ? Мирный? Я проголосую за него двумя руками!

— Мирный — это контакт, попытку которого я сделал сегодня ночью! Но угроза городу действительно велика...

— Газопровод снова разорван,— вставил Одинцов.— В городах области имеются разрушения, а в Жуковке — жертвы среди неэвакуированного населения. По-моему, Игоря Васильевича не надо убеждать. Конечно, до нанесения удара еще далеко, и не исключено, что мы успеем к тому времени установить настоящий контакт с хозяевами Башни. По моим сведениям, некоторые ученые разработали — пока в теории — способы остановки роста Башни. Почему бы не применить их на практике?

— Я знаком с этими теориями,— поморщился Ивашура.— Но любое воздействие на Башню непредсказуемо, неизвестно, чем она ответит, особенно... на ракетный удар.

— Но ведь что-то делать надо! — рассердился Старостин.— Простите.

— А где остальные члены комиссии? — спросил Ивашура.

— Работают,— поднял спокойные глаза Одинцов.— Знакомятся с обстановкой в лабораториях, с имеющимися данными, с людьми. Завтра, наверное, соберем научный совет экспедиции с тем, чтобы выслушать предложения ученых. А пока что комиссия в шоке, если можно так выразиться. Более грандиозного явления никто из ее членов не видел, даже атомный взрыв не сравнит-

ся с Башней по масштабам и мощи, я не говорю уже — таинственности.

— Игорь,— позвал Богаев.

Ивашура извинился, подошел к переговорной панели.

— Михаил передает, что пауки снова начали ткать свою паутину, уже заткали всю насыпь у стены Башни. А ведь до пульсации еще далеко.— Богаев снял наушники и посмотрел на Ивашуру. Глаза у него были красные, под глазами набрякли мешки, лицо осунулось, пошло складками.

«Здорово сдал Владлен,— подумал Ивашура с состраданием.— Человеку под шестьдесят, давление, сердце — сколько можно держаться? А скажешь об этом прямо — обидится...»

Вслух же он сказал:

— Очевидно, пауки начинают строить защитный барьер, другого смысла в их строительстве нет.

— На, поговори с ним.— Богаев передал наушники Ивашуре, уступил место у панели.— Я пока разомнусь.

Ивашура сел и вдруг почувствовал, что стул вздрагивает под ним, как живой. Разговоры в комнате утихли, все повернулись к радистам.

— Что там, Миша? — спросил Ивашура, прижав к уху дугу с наушниками.— У нас пол трясется...

Через несколько секунд донесся голос Рузаева:

— Такого я еще не видел, Игорь! Башня пульсирует! А пауки...— Голос потонул в волне помех.

— Что пауки?

— Они... взрываются! — донеслось сквозь гул и шипение.— Пауки взрываются, Игорь!

Ивашура вскочил, бросил наушники на стол и устремился к двери. Одинцов догнал его уже на тропинке, ведущей к Башне.

Даже сквозь снежное одеяло, укутавшее землю, чувствовались вибрация и толчки, проникающие в тело. Башня высилась над лесом слепой выпуклой стеной, и даже отсюда, с расстояния в семь километров, было видно, как эту стену волнами бьет дрожь, всю стену — снизу доверху!

Выбежали на край поля, простиравшегося до самой Башни пятнистым покрывалом, и не сразу сообразили, что громадные черные предметы, вытянувшиеся цепочкой по полю, которые они приняли за причудливые скалы, на самом деле... чудовищные существа или механизмы! Больше всего они напоминали уродливых безголовых — только чешуйчатые торсы — кентавров, на спинах которых сидели такие же уродливые всадники.

— Господи! — сдавленно ахнул кто-то сзади.

Ивашура оглянулся: Вероника.

Отряд «всадников» попятился, под ударами «копыт» задрожала

земля. Башня в это время превратилась в глыбу раскаленного стекла, из которой во все стороны ударили пучки света всех цветов радуги. Зрелище было феерическое, волшебное и страшное одновременно.

Гул, грохот, взрывы и крики пауков вдруг прекратились, наступила глубокая пульсирующая тишина. Оцепеневшие люди смотрели то на Башню, то на «кентавров», понимая, что сейчас произойдет что-то ужасное и непоправимое и что бежать уже поздно.

Один из «всадников» оглянулся, сверкнул единственным рубиново светящим щелевидным глазом, и тотчас же цепь «кентавров» тяжелой рысью устремилась к Башне, словно в атаку или, скорее, на штурм крепости, оставляя в снегу огромные круглые черные следы. Взвихрившаяся снежная пыль на мгновение скрыла Башню, дробный топот удалился, и снова наступила тишина...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Автоматические видеокамеры высотной капсулы метеопатруля, обозревающие просторы европейской тайги, включились именно в тот момент, когда двухкилометровая башня хроноквантового ускорителя внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская голубая молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев. На крыше башни набухала опухоль голубого сияния, пролилась по стенам на землю, как вода через край стакана, и покатился по лесу кольцевой вал голубого пламени, оставляя за собой спекшуюся от жара лесную почву...

Булькающий гул, грохот и невероятный свистящий вой раскатились по холмам и равнинам на многие десятки километров, будя спящих, вызывая у бодрствующих недоумение и тревогу...

Здание лаборатории времени возле башни ускорителя уцелело, но выглядело странно — будто стены покрыли белой светящейся краской, зато провалы окон в них были черными. Башня перестала светиться, потемнела, вершина ее потеряла плотность, превратилась в зыбкий дрожащий столб, исчезающий на высоте двух с половиной километров. Гул стих, и на ночную землю, в уцелевшие леса пришла пощелкивающая кастаньетами неестественная тишина...

2

Запись кончилась.

Ромашин посмотрел на собеседника.

Павел Жданов сидел совершенно неподвижно и смотрел на выключенный прожектор желтыми глазами, в которых можно было прочесть лишь непробиваемое спокойствие и порой иронию — если нюансы разговора становились понятны обоим до словесного объяснения.

Он был высок, но из-за развитой мускулатуры казался массивным; форму инспектора носил с подчеркнутым щегольством, что говорило о собранности, аккуратности и чувстве собственного достоинства. Лицо у инспектора было несколько замкнутым, лишенным мимики — печать долгой работы в пространстве, при отсутствии больших человеческих коллективов, но умный, проницательный взгляд выдавал в нем характер незаурядный.

— Управление [1] из-за этого переведено на режим бедствия? — Павел кивнул на проектор.

— Да,— подтвердил Ромашин.— Внешне масштабы катастрофы не впечатляют.

— Прошу прощения, но мне не очень ясно, почему вызвали именно меня. Разве у земного сектора мало специалистов нужного профиля?

Павел удивлялся не зря. Он был инспектором безопасности дальних космических экспедиций, а Игнат Ромашин возглавлял отдел безопасности научных исследований УАСС Земли. Служба одна, но разные направления, объекты, задачи. И вдруг его вызывают в Центр, отстраняют от прежней работы и приглашают в наземный сектор...

— Объясню.— Ромашин изменил позу, задумался, не отводя глаз.

«Интересный тип,— в свою очередь подумал Павел.— Молод, но виски седые, скуп на эмоции, а лицо простое, разве что менее открытое и более твердое, но это уже характер. Выдержка у него, надо полагать, не уступает моей. А кожа подбородка и шеи, похоже, регенерирована — заметны глянцевитость и слегка розовый цвет...»

— Во-первых, у вас за плечами десятилетний стаж работы в космосе,— продолжил Ромашин,— а космос воспитывает в человеке умение мыслить раскованно, не стандартно, не стереотипно. Во-вторых, по образованию вы физик, что немаловажно, в-третьих, незаурядный спортсмен. Есть и в-четвертых, но об этом поговорим отдельно.

— Звучит интригующе.

---

[1] Управление аварийно-спасательной службы (УАСС).

— Увы, я вынужден говорить туманно, особенно что касается выбора вашей кандидатуры. Вернемся к главному. Я введу вас в курс дела, дам связь, код выдачи информации. Будете работать по своим планам и своим методам. Сразу отмечу: параллельно с вами будут работать и уже работают другие группы нашего отдела, но пусть это вас не смущает, дублирование необходимо, потому что положение дел требует исключительных мер, каких — не знает пока никто.

Главными консультантами для вас будут Атанас Златков, бывший заведующий лабораторией времени, и хронофизик, вернее, инженер-хрономеханик Игорь Марич, непосредственный участник эксперимента. Он единственный...— Ромашин снова изучающе взглянул в глаза Павлу,— кто остался жив из всего персонала лаборатории. Итак, вы видели, как э т о произошло. Последствия катастрофы плачевны. Повреждена орбитальная станция дальнего обнаружения, она в момент эксперимента проходила над лабораторией. Вокруг башни хроноквантового ускорителя, которую мы называем проще — Ствол, лес и... все остальное уничтожено в радиусе десяти километров. Нарушен тепловой баланс региона. К Стволу подойти невозможно из-за «хронопены»— темпоральных эффектов, здание лаборатории уцелело, но проникнуть внутрь никому не удалось.

Ромашин помолчал. Павел тоже молчал, потом проговорил:

— Извините, но я все же не понимаю, чем вызван режим бедствия. Эксперимент не удался, произошла катастрофа, нужно провести расследование причин, устранить последствия... так? Обычная формула работы линейных отделов Управления. Где здесь работа для безопасников?

— Эксперимент не просто не удался, он вышел из-под контроля и... продолжается до сих пор! Хроноген — генератор-инициатор реакции хронораспада «провалился» в прошлое на сотни миллионов, а может быть, и на миллиарды лет. Но главная беда в том, что Ствол неустойчив, колеблется во времени, возможно, генератор продолжает работать и уходит все глубже в прошлое. К чему это может привести, неизвестно. Ваша задача — выяснить степень вины человеческого фактора.

Павел безмолвно переваривал сказанное. У него уже скопилось немало попутных вопросов по мере того, как собеседник продолжал рассказ, но высказывать их вслух было преждевременно. В отделе хранится полный отчет о происшествии, и знакомство с ним наверняка отсечет большинство вопросов.

— Запишите код информационного канала нашего отдела.— Ромашин продиктовал семизначное число.— Вопросы ко мне есть?

— Есть, но задам я их позже, если не возражаете. Могу я начать работу сегодня?

— Можете, я только что хотел просить вас об этом. Ваш кабинет рядом, комната двести семь.

Сначала Павел осмотрел свой оперативный служебный модуль, называемый по старинке кабинетом, и сделал вывод, что кабинеты любой организации стандартны до тех пор, пока не носят отпечаток личности владельца. В этом работал, очевидно, кто-то назидательно-нудный, угрюмый, пожилой, любящий порядок и дисциплину. Этакий педантичный зануда с лысиной в полчерепа.

На стене висели два листка пласт-папира. На первом красовалась надпись: «Прежде. чем сделать — подумай!», на втором — пункт номер тринадцать Инструкции УАСС, именуемый в просторечии пунктом «срам», который расшифровывался как «сведение риска к абсолютному минимуму». Интересно было бы взглянуть на прежнего хозяина кабинета. Неужели в отделе есть такие личности? Впрочем, хозяином кабинета мог быть и новичок, стажер, заучивавший инструкцию наизусть.

Павел заглянул в кабину метро [1]: пусто, чисто, на стенке карта станций выхода, на другой — крохотная панель с одним-единственным индикатором и сенсором включения, игла задатчика перемещения. Вставляешь иглу в гнездо на карте, дуешь на сенсор, и ты — за тысячу километров отсюда или за миллион, а то и за сто световых лет...

Павел сел за пульт координатора, посмотрел на часы и повернул ключ подачи питания.

3

С высоты в пять километров колонна хроноускорителя выглядела блестящей белой трубой, из которой струилось марево нагретого воздуха. Труба торчала посреди черной холмистой равнины, рассеченной надвое голубоватым лезвием реки. На равнине кое-где в низинках сохранились останки деревьев, обугленные пни, угрюмо отблескивали перламутровой глазурью оплавленные остовы зданий. Пятиэтажный куб здания лаборатории у стены Ствола выделялся на черно-сером фоне неестественной фосфорно-снежной белизной.

— Эра Больших и Могучих дел...— пробормотал сосед Павла, щуря глаза с ироничными огоньками в глубине.

Павел покосился на него. Среднего роста, жилист, малоразговорчив, лицо жесткое, волевое, в оспинах мелких шрамов, глаза темно-карие, почти черные. Инженер-хрономеханик Игорь Марич. Впечатление такое, будто его неотступно гложет какая-то мысль.

Их познакомил в кабинете Павла Ромашин, и оба сразу направились к месту происшествия: до Брянска на метро, оттуда в район катастрофы на патрульном куттере.

---

[1] Метро — система мгновенного транспорта (возврат старого термина самого удобного и массового вида транспорта XX в.).

На небольшой панели управления аппаратом мигнул желтый огонек, звякнул сигнал вызова. Марич, сидевший на месте пилота, тронул сенсор связи.

— Контроль-два,— раздался в кабине грассирующий баритон.— Борт-икс, вы находитесь в зоне работы аварийно-спасательной службы. Ответьте на волне «триста».

— Все в порядке, второй,— ответил Марич в желудь микрофона над плечом куртки.— Машина инспектора Жданова, отдел «Б». Вам должны были сообщить.

— Включите автоответчик, иначе вас будут запрашивать каждую минуту. Спокойной работы.

Марич выжидательно посмотрел на Павла. Пора действовать, понял он. Вспомнил строки отчета предварительного расследования катастрофы в лаборатории времени.

Расследование, проведенное экспертами УАСС и учеными Академии наук, специалистами хронофизики и физики единого поля, мало что разъяснило. Ни в здание лаборатории, ни в башню хроноускорителя проникнуть не удалось, и отчет изобиловал словечками «предположительно», «возможно», «вероятно». Со времени катастрофы прошло полторы недели, но до сих пор известно о ней немного, в сущности, только то, что рассказал Ромашин.

— Давайте сядем поближе к зданию лаборатории,— предложил Павел.

— Ближе, чем на два километра, не подойти. Вокруг Ствола установлен защитный барьер «во избежание»...

— Тогда сядем у барьера.

Куттер плавно заскользил вниз.

— Лаборатория снабжалась энергией централизованно, через земную энергосеть или имела собственный реактор?

— И то и другое.— Марич говорил отрывисто, хрипловато и тихо.— Реактор вмонтирован в Ствол на двадцатом горизонте — стандартный кварк-кессон. Мощности его хватало только на поддержание резонанса в ускорителе, но в настоящее время Ствол излучает в инфра- и радиодиапазонах в два раза больше энергии, чем может дать реактор. Внутренних источников ускоритель больше не имеет, внешние отключены, значит, откуда-то идет подкачка.

Куттер бесшумно спланировал на вершину невысокого холма, покрытого коричневой губчатой массой, похожей на пемзу.

— Вы хотите сказать, что Ствол откуда-то выкачивает энергию скрытно?

— Выкачивает, но не в нашем времени! Если эксперимент удался, то Ствол в настоящее время является каналом, соединившим наше время с прошедшими эпохами. Выходить будем?

— Пожалуй, на минуту. Потом познакомите с Центром.

Из отчета Павел узнал, что Управлением аварийно-спасательной

службы создан специальный пояс защиты вокруг лаборатории. Пояс включал в себя посты наблюдения и контроля за пространством, передвижные генераторы силовых полей, излучатели антиматерии, сейсмостанции, установки зондирования горных пород, локаторы и другую технику. Управлял всем сложным комплексом защиты Центр, начальником которого был назначен Атанас Златков, доктор хронофизики, бывший заведующий лабораторией времени.

Марич вылез из кабины и прошелся по голой поверхности холма, разминаясь. Из-под его ног при каждом шаге всплывали облачка желто-коричневой пыли. Павел вылез следом.

— Расскажите о цели эксперимента. В отчете описаны только его последствия. Вы ведь во время эксперимента находились в здании лаборатории?

Марич отрицательно качнул головой, изучающе посмотрел на Павла. Оспины на его лице потемнели.

— Я был в бункере независимой аппаратуры под зданием лаборатории. Бункер имеет отдельный выход, но сейчас он разрушен. Вы по образованию, простите, кто?

— Физик, специальность — нелинейные эффекты единого поля.

— Тогда упрощать не буду. Вам как специалисту должно быть известно, что путешествие во времени невозможно без перемещения в пространстве. Земля вращается и движется вокруг Солнца со скоростью тридцать километров в секунду. Солнечная система перемещается в пространстве со скоростью двухсот километров в секунду. Движется Галактика в межгалактическом вакууме, не стоит «на месте» скопление галактик... Короче, чтобы попасть хотя бы в прошлый миг и в ту же выбранную точку на Земле, необходимо с небывалой точностью рассчитать, где была Земля мгновение назад, и лишь тогда пробивать хроноскважину. Вы знакомы с расчетами Геделя частных эффектов теории относительности?

— В общих чертах.

— Его расчеты используются и в хронофизике. Мы рассчитали и осуществили геделиану [1] на практике. Посылали зонды в прошлое на сотни лет и возвращали обратно.

— Неужели расчеты так точны?

— Для проникновения в прошлое даже на тысячу лет точности расчетов, конечно, не хватало, но мы обошли это препятствие тем, что ввели самофокусировку хроноскважины.

— И на время эксперимента канал хроноскважины сохраняется?

— Вы хорошо схватываете суть. В ходе эксперимента «стволом дискретного временного пробоя» связываются все «миллионы» Земель в различные эпохи.

---

[1] Гедель Курт, австрийский логик и математик: геделиана — петля времени.

— Что же произошло в последнем эксперименте?

— Мы решили уйти в прошлое на «глубину» в пять миллиардов лет, к моменту образования Земли,— Марич нахмурился.— Но хроноген почему-то глубже одного миллиарда лет не шел, несмотря на увеличение мощности пробоя, словно напоролся на «слой времени повышенной твердости». И тогда возникла идея применить направленную реакцию хронораспада.

— После чего и произошла катастрофа?

— Не знаю. Раз двадцать мы запускали хроноускоритель без ощутимых результатов. На двадцать первый...

— Понятно. Ну а что послужило причиной катастрофы?

— Не люблю гипотез,— хмуро отрезал Марич.— Я не хронофизик-теоретик, а инженер-механик, практик, время для меня осязаемо в металле аппаратуры. Вам лучше поговорить со Златковым, заведующим лабораторией, у него идей много.

— А все же? Разве у вас нет своего мнения?

— Считаю, что хроноген ни при чем,— тон речи Марича остался прежним.— Башня хроноускорителя снизу доверху напичкана системами безопасности и контроля, автоматически прекращающими эксперимент при малейшей опасности. Нет, я не знаю, что случилось.

— Что ж,— вздохнул Павел,— и на том спасибо.

Он достал бинокль и принялся внимательно рассматривать белоснежное здание лаборатории с черными провалами окон. Казалось, все помещения заполнены странным черным дымом, не рассеивающимся со временем и не вытекающим наружу.

Вдруг из-за здания выпрыгнуло круглое черное пятно и стремительно помчалось к близкой белой стене Ствола. Павел разглядел паукообразное существо с длинными суставчатыми ногами, двумя парами глаз, глянцевитым эллипсоидом тела. Поглядывающий на инспектора Марич вскинул к глазам свой бинокль.

— Конкистадор,— пробормотал он через минуту.— Автомат обслуживания ускорителя и оборудования лаборатории. Вполне самостоятелен, дитя второго поколения «мыслящих» автоматов.

Павел повел биноклем в сторону и в километре обнаружил ряд черных труб, направленных на белую башню хроноускорителя. Трубы иногда неторопливо ворочались из стороны в сторону и становились похожими на стволы орудий древних линкоров.

Павел повернулся к ним спиной.

— Поехали. Центр далеко отсюда?

— Почти под нами.

Центр пояса защиты представлял собой подземный бункер с энергохозяйством и собственным киб-интеллектом высокого класса. Зал управления и контроля площадью в триста квадратных метров был занят низкими, зализанными пультами автоматического мони-

тора защиты, аппаратуры наблюдения, контроля параметров среды, связи и передачи информации. Стены зала служили экранами комбайнов оперативной связи и наблюдения, на один из них был выведен геологический «разрез» земли до глубины в километр в том месте, где стоял Ствол: на фоне коричнево-черных пластов с вкраплениями красных, оранжевых, желтых полос и трещин — голубоватая круглая колонна, постепенно растворяющаяся в породах равнины на глубине в двести метров.

Людей в зале работало мало, всего пять операторов. Атанас Златков сидел в кресле возле одного из пультов, на рукаве его плотной рубашки выделялся алый ромб с маленьким серебряным сфинксом.

Это был крупный, смуглый мужчина с шапкой блестящих черных волос, медлительный и, как показалось Павлу, несколько апатичный. В дальнейшем оказалось, что Златков склонен к быстрым сменам настроения, умеет переходить от конкретной ситуации к сжатой формулировке и абстрактным размышлениям.

— Вы далеко не первый, кто является ко мне с просьбой объяснить причины катастрофы,— сказал он в ответ на вопрос Павла.— Но специалисты вашего ведомства не любят иметь дело с домыслами, им подавай факты, не так ли?

— В общем верно,— согласился Павел, решая, как вести себя с этим известным всей планете ученым.— Вы хотите сказать, что факты, известные вам, в равной мере известны всем остальным и что новых фактов не прибавилось. Угадал?

Златков с проснувшимся на мгновение любопытством окинул Павла взглядом.

— Профессиональная интуиция? Впрочем, неважно, новых фактов у меня в самом деле нет.— Он нахмурился, помолчал.— Самый страшный из фактов — гибель коллег! А я вот уцелел... и Маричу повезло,— кивок в сторону инженера, устроившегося в кресле перед экраном.— Двое из всего персонала!

Павел промолчал. Трагедия была настолько свежа в памяти этого человека, что любой вопрос о лаборатории воскрешал события и бередил душу. Но не спрашивать инспектор не мог.

— Хорошо, если вам это необходимо, я расскажу о своих предположениях.— Златков заговорил быстро и с солидной долей злости.— Связи с лабораторией нет, внутрь до сих пор пробиться не удается. Обычные жестко запрограммированные киберы просто не возвращаются, а конкистадоры не хотят подходить к зданию даже на сто метров. Знаете, что такое конкистадор?

Павел вспомнил биохимического паука и кивнул.

— Странное название для кибера.

— Так их назвал сам создатель Фелипе Мендоса, вероятно, из-за того, что предназначались они специально для нашей лаборатории и первыми должны были «завоевать» время.— Златков заду-

мался, хмуря густые широкие брови, нервно побарабанил пальцами по панели пульта.— В результате эксперимента оказались связанными стволом хроноскважины «сотни Земель» в различные временные эпохи и в разных точках пространства. На основе тех данных, которыми располагает Центр, я высчитал, что Ствол соединил не менее трех сотен эпох с промежутками в десятки, сотни тысяч и сотни миллионов лет. Сам хроноген, вероятнее всего, «провалился» глубже пяти миллиардов лет в историю Земли и не вышел из резонанса. С большим трудом мы получаем крохи информации о точках выхода Ствола на поверхности Земли, но помочь конкистадорам не в силах, им приходится самим удерживать Ствол на грани полного распада. Если бы не они...

— Мне говорили,— кивнул Павел.— Произошла бы цепная реакция хронораспада.

— Мы посылаем конкистадоров в Ствол сотнями, возвращаются единицы, да и те почти без памяти. Вероятно, выход из Ствола в реальное время чреват перепадами темпоральных ускорений, стирающими информацию на молекулярном и атомарном уровнях. Мы, конечно, ищем способы проникновения в Ствол человека, но задача исключительно сложна, необходимы опыты на животных, и нужен доброволец, который спустился бы «вниз» по Стволу и отключил генератор...— Златков покачал головой, чуть поморщился и снова надолго задумался, уйдя мыслями в себя. Павел терпеливо ждал, посматривая на экраны, показывающие пейзажи вокруг Ствола.

— Собственно, это все, что я могу сообщить,— с неохотой проговорил заведующий лабораторией, очнувшись от своих размышлений, скорее всего, невеселых.— Наука о времени, к сожалению, недетерминистская наука. Она не дает однозначных ответов, а предлагает несколько вариантов с разной вероятностью. Коллеги-хронофизики более осторожны в выводах, но они не знают того, что знаю я о работе ускорителя. А я... я боюсь, что генератор хронораспада «провалился» так глубоко, что нам его уже не достать. Понимаете, на чем висит человечество?

Павел вдруг почувствовал мимолетную неприязнь к этому человеку, наделенному властью и ответственному за безопасность не только отдельного коллектива, но и, может быть, всего рода людского на Земле.

— Если ваши эксперименты со временем так опасны,— тихо произнес он,— то почему вы не объявили мораторий на их проведение?

Начальник Центра откинулся в кресле, побледнел, но глаза сохранили прежнее равнодушное выражение.

— Прежде чем экспериментировать, ученые создали теорию хронопрокола, или, если хотите, «бурения времени». И до последнего опыта теория и практика сходились даже в деталях, так что

ни о каком моратории речь не шла. Кстати, за нашей работой пристально следил СЭКОН [1], а эта организация, как известно, применяет свои особые полномочия весьма успешно.

— Простите, я поторопился с выводами. И все же, несмотря на расчеты, контроль и прогнозы, катастрофа произошла. Подвела техника, наука, теория? Халатность конкретного человека?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я занимаюсь хронофизикой уже сорок лет, хроноускоритель — мое детище...— Златков махнул рукой, успокаиваясь.— Вам это не нужно. Моя уверенность зиждется не только на интуиции, но и на фундаменте фактов, пусть и недостаточно мощном. Катастрофа не должна была случиться. Некоторые странные факты, которыми мы обладаем, натолкнули меня на мысль, что в эксперимент вмешался кто-то чужой. Ствол при «движении» в прошлое наткнулся на нечто искусственное, созданное не людьми сотни миллионов лет назад. Но об этом мы поговорим в другой раз. Извините, меня ждут. Марич в курсе всех событий в лаборатории, в качестве гида он будет незаменим.

Павел кивнул и отошел.

— Неужели вы заставили шефа задуматься о чем-то еще, кроме науки? — с уважением спросил поджидавший его Марич.— Мало кому это удается.

— Вы с ним не дружили? — спросил Павел.

— А что, заметно?

— Есть немного. За что вы его не любите?

— «Не любите» — слишком громко сказано, скорее, мне его жаль. Он теоретик в кубе, для него существует прежде всего наука, его драгоценные, сверхоригинальные идеи, а потом все остальное.

Павел промолчал. По его мнению, Златков искренне скорбел о гибели сотрудников, что же касалось его личных качеств — спешить с выводами не стоило.

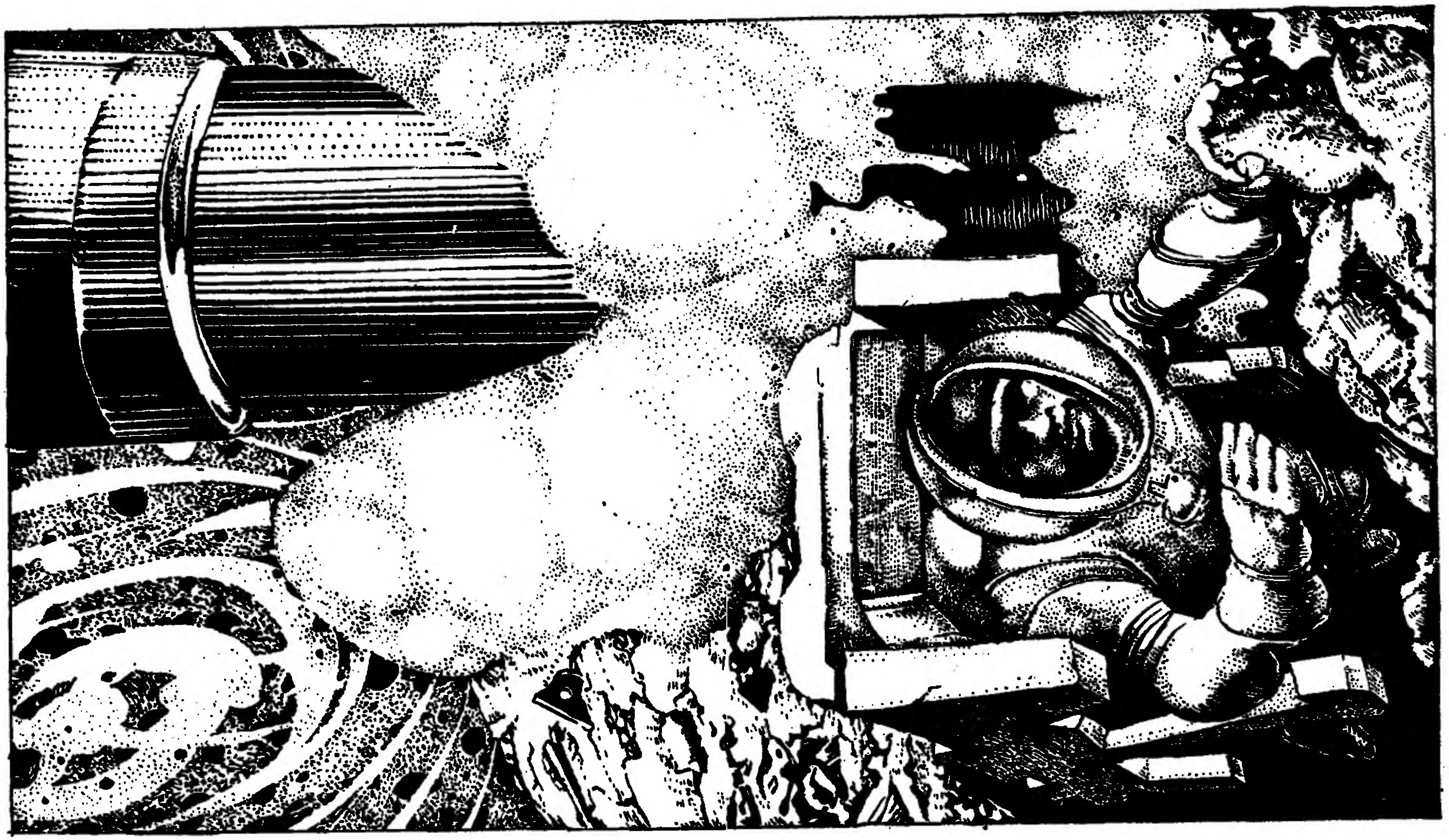
Инспектор «прокрутил» в памяти разговор с начальником Центра защиты. Больше всего его насторожила брошенная вскользь фраза о вмешательстве в эксперимент «кого-то чужого». Неужели такое возможно? Но кто мог вмешаться? По данным косморазведки, в звездном рукаве Галактики — рукаве Ориона, к которому относится и Солнце, нет цивилизаций, достигших уровня земной. Но, может, такие цивилизации были в прошлом?..

— Спасибо за информацию,— сказал Павел Маричу, выжидательно смотревшему на него.— Сегодня я вас больше пытать не буду.

Инженер кивнул, пожал протянутую руку и, повернувшись, сказал через плечо:

---

[1] СЭКОН — комиссия социального и этического контроля за опасными исследованиями (отдел Высшего Координационного Совета).



— Буду нужен — найдите меня у прибористов Полуянова.

Павел присел на свободный стул у стены зала, соображая, чем заняться в первую очередь. Ему надо было ознакомиться с отчетом об экспериментах лаборатории, начиная с момента пуска хроноускорителя, проанализировать рост энергозатрат, запросить информацию о сотрудниках и конструкторах, а также собрать данные наблюдений за Стволом, параметры среды вокруг него. Кроме того, следовало составить сводку странных фактов о работе ускорителя до катастрофы и после. И все это за один день.

4

Паук не убегал, смотрел на Павла выпуклыми прозрачно-желтыми линзами глаз размером с детскую ладонь, шевелил двумя парами передних лап и словно прислушивался к словам человека.

— Иди сюда, дурачок,— ласково повторил Павел.— Не бойся, ничего плохого тебе не сделают.

Стоявший рядом инженер Центра Полуянов усмехнулся в усы.

— Не пойдет. Эвристограммы и память у него, очевидно, стерты, работают только узлы механоинстинктов. Он не убежит, но и не пойдет. Придется оглушать радиошумом.

Они стояли в трех километрах от белой колонны Ствола в низинке между двумя пологими холмами. По дну низинки стлался ручей с рыжей водой, кое-где на склонах сквозь корку такыра проклюнулись зеленые стрелки травы: жизнь понемногу возвращалась на черно-коричневый полигон смерти. Оба — инженер и Павел — были в прозрачных пленочных скафандрах, перепоясанные ремнями антигравов.

— Команда «ноль»! — отрывисто произнес инженер, усилив мощность звукопередатчика.— «НОЛЬ»!

Паук вздрогнул, в нерешительности переступил на месте всеми шестью лапами, но выполнять приказ не спешил.

— Я же говорил.— Полуянов снял с пояса сетчатый карандаш радиомаяка.— Хорошо, что сумел вырваться оттуда. За сей подвиг мы попробуем тебя вылечить, дружище.

Всплеск радиоизлучения на определенной частоте заставил конкистадора подскочить вверх на добрых полтора метра, откуда он упал недвижимой массой.

— Забираем.

Они подхватили сорокакилограммового паука, запеленали в пластиковый мешок и упрятали в багажник поджидавшего их неподалеку куттера.

— Вези в лабораторию, Боря,— сказал инженер пилоту.— Мы скоро вернемся на своей малой тяге.

Павел посмотрел на часы: с момента сигнала наблюдателя о выходе конкистадора из Ствола прошло чуть более сорока минут.

Они достали бинокли и принялись рассматривать Ствол.

— Почему он белый? — спросил Павел спустя минуту.— Разве это его естественный цвет?

— Нет, он был голубовато-серым, каркас Ствола — силовое поле сложной конфигурации, а наполнитель — порошкообразная высокомолекулярная кремнийорганика. Никто не знает, почему цвет стен изменился, химики до сих пор заняты анализами.

— Вы пробовали подойти к стене, взять пробы?

— Анализы можно сделать и на расстоянии, но человеку к стене Ствола в обычных скафандрах не подойти — сработала базисная система безопасности ускорителя.

— Что это значит?

— При автоматических запусках ускоритель уходит в прошлое без людей, и, чтобы не допустить к нему наших хвостатых и бесхвостых предков, а также другую любопытную фауну, дабы сохранить им жизнь, в Ствол вмонтирован контур гипноиндуктора. При приближении к ускорителю всему живому внушается одна из самых простых деадаптирующих реакций: страх.

— И много таких систем безопасности?

— Три. Первая — сигнальная, это обычные предупреждающие световые и радиосигналы, вторая — гипноиндукция, третья — инфразвуковая, отпугивающая.

— И все три линии рассчитаны не на современную эпоху. В наше время от каждого способа есть своя защита.

— Я уже говорил, линии рассчитаны на социальный потенциал наших далеких предков. Разработка защитных барьеров уже оправдала себя как в прошлые запуски, так и в последнем эксперименте.

— Откуда это известно?

— По сведениям конкистадоров.

— Но у них же, сами говорили, при переходе из Ствола в наш мир стирается память.

— Стирается, но кое-что все же удается восстановить. Поэтому мы знаем почти обо всех точках выхода Ствола в других временах. Первая из них — двадцать первый век, вторая — двадцатый, третья — десять тысяч лет назад и так далее. Более того, есть подозрения, что в Стволе находятся случайно попавшие в момент хронопрорыва люди. Во всяком случае, о двоих из них мы знаем точно: мужчина и женщина. О других сведения скудны.

— Почему же об этих двоих известны такие подробности?

— Не поверите.— Полуянов опустил бинокль.— Они, вероятно, наткнулись на штабель МК-батарей и прихватили с собой одну обойму. А вы, наверное, знаете, что МК-батарея излучает в радиодиапазоне на сверхнизких частотах. Конкистадоры по пеленгу

всегда могут определить точно, где находится МК-батарея. Знали ли бедняги-пленники, что в их руках океан энергии, которой им с лихвой хватило бы на всю жизнь?

— И где эти двое сейчас?

— По самым последним донесениям — в мезозое и уходят все глубже и глубже. Пошли отсюда, сейчас будет коррекция.

Не успели они пролететь и сотни метров, как Ствол вдруг приобрел голубоватую окраску, потерял монолитную плотность скалы, стал водянистым, полупрозрачным. Гулкий удар прокатился над холмами, и тотчас же со всех сторон в Ствол вонзились огненно-зеленые стрелы, оставив после себя шлейфы изумрудных искр. Раздалось ядовитое шипение, перекрывшее все остальные звуки. Вторая волна зеленых молний с шипением и свистом накрыла Ствол. С холмов смело пыль, словно ударами исполинской плети.

Павел заметил, что огненные стрелы вылетали из черных труб, с угрозой глядевших на колоссальную трубу Ствола.

Шипение и свист стихли, на землю легла удивительная, неестественная тишина. Она угнетала, внушала тревогу, противоречила здравому смыслу, потому что такая тишина могла существовать только в вакууме, где отсутствует среда, передающая звук.

Павел оглянулся на спутника, терпеливо ждущего неподалеку. Инженер что-то сказал, но звука не было слышно, словно у Павла заложило уши или отказала рация. Тогда Полуянов махнул рукой вперед и включил антиграв. Павел устремился следом.

Через минуту они выскочили из «мешка» тишины: в ушах словно лопнула пленка, не пропускавшая звуки, и стали слышны шорохи, посвисты ветра, далекие удары, гонг, бормотание громкоговорителей и шумы каких-то машин.

— После разряда хроноптимизаторов — тех черных труб — в зоне разряда вокруг Ствола на полчаса образуется область белого шума,— пояснил инженер.— Молекулы воздуха «вибрируют» по закону фрактали, звуки в этой области гаснут мгновенно.

Они опустились у холма, в склон которого были врезаны двери Центра защиты.

— Последний вопрос,— заторопился Павел, видя, что Полуянов собирается идти по своим делам.— Для чего нужны эти коррекции?

— Ствол все время «плывет» то в прошлое, то в будущее,— на ходу принялся объяснять инженер, пока они шли по коридору.— Все это из-за несовмещения масштабов Земли сегодняшнего дня и Земли прошлых веков. Вселенная эволюционирует, изменяются все ее параметры, в том числе и физические константы: времени, гравитационная, солнечная, постоянная Хаббла и другие, поэтому и масштабы предметов и явлений в различные моменты истории неодинаковы. По мере развития хроноскважины, «ствола абсолютно свободного времени» в прошлое, происходит накопление временных

потенциалов, так называемых «производных энтропии», и «сброс» масштабов — хроносдвиг. Чтобы «сбросы» были минимальными, мы и прибегаем к коррекции, в нашем времени — внешней, достаточно эффективной: Ствол, как видите, остается неизменным. В других эпохах коррекцией занимаются конкистадоры, там дела, вероятно, обстоят много хуже. Ну вот пришли. Заходите, если понадоблюсь.

Павел снял скафандр в специальном боксе и направился в зал контроля, где его должен был ждать Марич.

В зале едва слышно играла музыка, раздавались негромкие голоса операторов связи, наблюдателей, специалистов разных отделов Академии наук. Златкова в зале не оказалось.

Павел пожал холодную и сухую руку хроноинженера. Марич выглядел уравновешенно-угрюмым, у него были красные глаза, словно он всю ночь читал.

— Ну что? — спросил он рассеянно.— Есть новости?

Инспектор не ответил. В обычной для него обстановке, в космосе, он действовал методом отождествления себя с виновником аварии или катастрофы, проходя этап предварительных размышлений в темпе погони, основываясь больше на интуиции, точно угадывая доминантные стороны характеров людей. Но в тех случаях были живы свидетели катастрофы, а то и сам виновник. Случай с лабораторией времени отличался от остальных тем, что из сотрудников лабораторий уцелел только Игорь Марич, не сохранилось ни записи эксперимента, ни упоминаний о его задачах и масштабах, ни каких-либо документов, могущих пролить свет на тайну катастрофы.

Проанализировав полученные сведения, Павел отметил два необычных факта: первый — трижды за историю существования лаборатории во время «бурения хроноскважины» энергопотребление ускорителя резко увеличивалось и тут же исчезало совсем, второй — полгода назад, в самый разгар штурма миллиардного рубежа, хроноускоритель вдруг заработал сам, ночью. Виновников «спонтанного» включения не нашли.

— Хотелось бы уточнить следующее,— произнес Павел.— У погибших сотрудников лаборатории остались друзья, которые, возможно, что-то могут рассказать об их поведении, настроении, передать последние разговоры перед катастрофой. Кроме того, интересны их высказывания о новых явлениях, друг о друге. А еще меня интересует техника защиты от «хронопены». Можете дать консультацию?

Марич оценивающе посмотрел на Павла.

— Зачем это вам?

Павел вежливо улыбнулся, ему казалось, что все понятно и без слов. Инженер отвел глаза.

— Приходите сюда завтра к десяти, я вас проконсультирую.

В тоне его проскользнули насмешливые нотки, но Павел не придал этому значения.

«Итак, в экспериментах лаборатории много странного,— подумал он, глядя на белую колонну Ствола в центральном виоме.— Пока что я имею два таких факта, не оцененных по достоинству предшественниками. Надо будет изучить их подробнее и поискать факты в архивах Академии, где хранятся копии всех научных отчетов лаборатории. Куда же запропастился Златков? Он тоже мог бы сообщить мне обо всех необычных событиях в лаборатории. Прячется он от меня, что ли?»

До конца дня Павел побывал в архиве Академии наук, но больше ничего странного в отчетах лаборатории времени не обнаружил.

— Самое странное из всего, что только можно было представить,— сказал ему, посмеиваясь, работник архива,— то, что время обратимо, что мы можем путешествовать в прошлое, если «бурение хроноскважины» можно назвать путешествием. Вы согласны?

Павел был согласен, хотя думал о другом. В Управлении он встретился с Ромашиным.

— Наши специалисты в техсекторе уже занимаются скафандрами,— сказал начальник отдела.— Зайдите, поинтересуйтесь. Решение, кстати, уже найдено.

— Комплекты противоядерной защиты?

— Противоядерные коконы в условиях «вспененного времени» не годятся, а капсулы высшей биологической защиты слишком громоздки, в здание лаборатории в них не пройти. По заданиям пятидневной давности техсектор создает спецкостюм, через пару дней он будет готов, я узнавал.

— Прекрасно, зайду обязательно.

В кабинете с номером двести семь Павел переоделся в вечерний костюм, а когда собрался уходить, позвонил Марич:

— Какие у вас виды на вечер?

— Никаких,— честно признался Павел.

— Тогда жду в Центре у прибористов... Хочу предложить небольшую прогулку к Стволу. Не возражаете?

Павел поразмышлял немного, со вздохом в душе прощаясь с отдыхом — на лице ничего не отразилось, привычка скрывать настроение и негативные чувства взяла свое — и отверг слабый протест расслабленного тела.

— Ждите.

Спустя полчаса он отыскал в недрах лаборатории Полуянова Марича, одетого в обычный пленочный скафандр, но с какой-то ажурной антенной, обнимавшей шлем. Инженер-хрономеханик протянул увесистый пакет второго скафандра.

— Надевайте на всякий случай, от линии защиты ускорителя

он защищает неплохо, особенно если надеть еще эту штуку.— Марич коснулся антенны над своей головой.

В двенадцатом часу ночи вылезли из-под земли на склон холма. Ствол был освещен со всех сторон прожекторами и сиял так, что долго смотреть на него было невозможно.

Спустившись в низину с ручьем, перешли его вброд, с полкилометра шли ровным полем. Павел посматривал на шагавшего молча инженера, но вопросов не задавал. В голову лезли разные вздорные мысли, мозг лениво сопротивлялся им, пока Павел наконец не заставил себя сосредоточиться на цели ночной прогулки.

Их трижды окликали по радио дежурные наблюдатели, пока не вмешался сам Павел. Тогда их оставили в покое.

До куба лаборатории оставалось около полукилометра, когда они подошли к яме с уходящими вглубь ступеньками.

— Здесь я вышел... когда очнулся после... того, что произошло.— Марич говорил глухо, сквозь зубы. В голосе его отчетливо прозвучали рыдание и ненависть.

— Это выход в ..? — осторожно начал Павел.

— В бункер независимой аппаратуры. И не вход, а запасной аварийный выход. Я уже пробовал войти туда с конкистадором, да и не я один, но мы кое-что не учитывали. Попробуем еще раз вместе?

Павел на мгновение растерялся, он не был готов к несанкционированному штурму лаборатории, но колебался недолго, чутко ощущая напряжение партнера.

— Идем. Что у вас есть, кроме фонаря?

— «Универсал» и батарея спецснаряжения, как и положено разведчику. У вас в поясе такая же. Я пойду первым, прикрывайте тылы и следите за каждым моим жестом. Вполне возможно, что придется драпать без оглядки. «Хронопена» — очень скверная штука, и если она прорвется в тоннель...

Марич, не обращая внимания на высветившуюся в воздухе очередь алых букв: «Вход запрещен! Опасно для жизни!», включил фонарь и полез вниз.

Павел кинул взгляд на сияющую гору Ствола, скрепя сердце шагнул на ступеньку из черного базилита и услышал чей-то шепот:

— Вам что, жить надоело?

— Кто это сказал? — негромко, но резко спросил Павел.— Что за шутки?

Эфир притих, потом из шелестящего фона выплыл дежурный по зоне:

— Что вы имеете в виду, инспектор?

Павел хмыкнул, представляя, как ухмыляется сейчас неведомый шутник.

— Все в порядке, проверка связи.

Шепот больше не возобновлялся.

Метров сорок они преодолели без труда: здесь уже поработали роботы, подрасчистили завалы и выровняли пол, но потом ход сузился из-за вспучившихся стен, потолок прогнулся так, что местами приходилось чуть ли не вставать на четвереньки. И наконец дорогу преградила металлическая на вид стенка с листком обычного пластпапира: «Впереди опасная зона! Кто пойдет дальше — тот кретин!»

Марич рассмеялся, сорвал листок, скомкал и выбросил. Оглянулся. Лицо у него было какое-то обостренное, веселое и злое одновременно.

— Дальше действительно опасная зона, опасная прежде всего неизвестными хроноэффектами. До сих пор удивляюсь, как я ее преодолел, когда выбирался из бункера. Кстати, до него всего метров триста. Но я недаром взял «универсал».— Марич снял с пояса пистолет.— Я выяснил у знакомых физиков, что «хронопена» боится энергоразряда. Сейчас проверим их гипотезы практически.

Павел молчал. Он не был трусом, но рисковать любил с открытыми глазами, рассчитав последствия рискованного шага и собрав максимальную информацию о препятствии. В данном случае он оказался в глупом положении, с самого начала поддавшись энергичной уверенности инженера в правильности своих действий.

Марич посчитал молчание соучастника за согласие и разблокировал дверь. Казавшаяся металлической перегородка исчезла, оставив вместо себя пылающую алую надпись: «Стой! Опасно для жизни! Проход запрещен!» За перегородкой шел узкий тоннель, одетый в броневой каркас, весь оплетенный паутиной, так что уже в десятке метров все тонуло в белесом туманном мерцании.

Инженер поднял пистолет, проговорил: «Оплели тут все, паршивцы, пройти невозможно!» — и выстрелил. Сверкнуло фиолетово-голубое пламя разряда, и в то же мгновение тоннель изогнулся, как живой, в грудь шибануло раскаленным ветром. Павла подхватила неведомая сила и с размаху шмякнула обо что-то упруго- неподатливое...

Когда он очнулся, то увидел, что сидит на холме, прислоненный к глыбе гранита, а рядом — Марич с искаженным лицом. Инженер заметил движение инспектора и улыбнулся криво, словно извиняясь.

— Что случилось? — спросил Павел, сглатывая горькую слюну.— Как я здесь оказался?

— Вышел сам. Разве не помнишь?

— Абсолютно!

Павел с некоторым трудом встал, ожидая болезненных ощущений, но их не было, только ноги казались ватными. Сзади, за глыбой камня, в земле чернело отверстие... нет, не отверстие — матово-черный диск с идеально ровной поверхностью.

— Что это?

— Это? — Марич усмехнулся.— Спросишь завтра у Златкова.

Когда мы раковым манером выползли оттуда, эта черная штуковина поднялась из дыры, как вода. По-моему, в бункер нам пройти не удастся.

— Кто говорит о бункере? — раздался в наушниках голос диспетчера ночной смены контроля.— Вы, двое у лаборатории, скоро прекратите нервировать спасателей? Что там у вас произошло? В вашем районе возрос радиационный фон.

— Возвращаемся,— буркнул Марич и встал.— Пошли, инспектор, а то эти поспешаи кинутся спасать нас. Не повезло сегодня — повезет завтра. А ты парень ничего, сдержанный. Видел же я, что хочешь остановить, но не остановил. Знаешь, когда я выстрелил, кто-то мне так внятно и громко сказал: «Дурак!» Не ты, случайно?

Павел сдержал улыбку, отрицательно качнул головой.

— Я сразу вырубился, начисто.

— Ясно. Да и голос вроде не твой был... Мне почему-то меньше досталось, хотя я стоял впереди, оглядываюсь — ты качаешься, вот-вот упадешь. Я тебя толкаю к выходу, зову, а ты молчишь, только ноги передвигаешь, как сомнамбула. И — не поверишь — вокруг тебя светится ореол. Вышли — он пропал.

— Ничего не помню.

— Ну, Игорь, вы доиграетесь! — не выдержал диспетчер.— Доложу шефу о вас...

— Не пугай,— перебил его Марич.— Все в порядке. Завтра поговорим.

Больше они не разговаривали. Только прощаясь с Павлом, инженер задержал его руку в своей, но так ничего и не сказал. Если бы Павел догадался его спросить, дальнейшие события повернулись бы иначе...

Наутро он снова полетел в Центр защиты и не узнал местности вокруг Ствола: угрюмая чернота и ржавые полосы исчезли, холмы, равнина, речные террасы поросли сочной изумрудной травой, преобразившей ландшафт в удивительно опрятный, чистый и веселый уголок природы. Ствол смотрелся на этом зеленом фоне естественно и даже празднично, не вызывая привычной тревоги,— незатейливая белая колонна, диаметром в километр и высотой в два. На Земле много сооружений, больших по масштабам и сложности.

В зале контроля инспектор встретил Златкова.

Начальник Центра казался ушедшим в себя. На приветствие инспектора только кивнул, продолжая смотреть на панель контроля среды.

— Говорят, вы ночью спускались в преисподнюю. Это правда?

— Правда,— смущенно признался Павел.— Глупо и несерьезно, конечно, но так уж получилось.

— Марич умеет заражать своей энергией других.

Павел не ответил, думая, что инженер виноват не больше, чем он сам.

— В бункер независимой аппаратуры пройти, к великому сожалению, невозможно. «Хронопена» просочилась и туда. А теперь после вашего похода весь тоннель заполнен «аморфным временем», субстанцией с максимально возможной энтропией... Вы ко мне?

— Простите, что отвлекаю,— встрепенулся Павел, ощущая себя мальчишкой, которого выдрали за уши.— У меня всего два вопроса.

— Валяйте,— без выражения сказал Златков.

— Можете объяснить непосвященному, почему хроноускоритель в ходе некоторых запусков резко увеличивал энергопотребление и тут же уменьшал до нуля?

Златков перестал глядеть на пульт, но глаза его по-прежнему оставались равнодушными.

— Для нас это пока тайна. Теоретики разработали любопытную теорию, но проверить ее оказались не в состоянии.

— Вы можете поделиться идеей хотя бы вкратце?

— Нет ничего проще. В ней утверждается, что Ствол наткнулся на встречную хроноскважину древней цивилизации Земли, основанной предками дельфинов около двухсот миллионов лет назад.— Златков еле заметно усмехнулся, заметив растерянность Павла.— Вы сами этого хотели. Теоретики не скованы цепями здравого смысла, тем более что их расчеты сходятся с фактами. Другая гипотеза и вовсе экзотична: Земля вмещает бесконечное количество цивилизаций, не имеющих контакта между собой, потому что живут они во времени, «повернутом» относительно друг друга на определенный «угловой квант», а наш Ствол где-то соприкоснулся с таким же Стволом «другого временного угла».

Павел невольно покачал головой.

— Вы меня ошеломили. Неужели такое возможно?

— Кто сказал нет? Теоретически можно создать любой континуум с любым ходом времени и даже вообще без времени. Еще сто лет назад считалось, что инвертировать время невозможно, а сегодня Ствол «пробудил» его на миллиарды лет в прошлое!

— У меня остался последний вопрос. Однажды хроноускоритель включился сам, ночью. Есть мысли по этому поводу?

— Были, сейчас нет. В рамки двух последних гипотез, с которыми я вас познакомил, укладывается и этот случай.

— А в вашу собственную гипотезу он укладывается?

Златков поднял глаза. Глаза у него были все еще равнодушными, но мелькавшие в них иногда огоньки иронии, сарказма, превосходства говорили о том, что заведующий лабораторией времени далеко не так прост, как может показаться с первого взгляда.

Павел тихонько отошел, посмотрев на часы. Марич обещал прий-

ти в десять утра, но шел уже одиннадцатый час, а его не было. В это время в зале прозвучал гудок.

— В зоне человек! — доложил автомат.— Тревога!

В первый момент Павел, как и все в зале, подумал, что человек вышел из лаборатории, но потом понял — тот шел к зданию, а не от него. Видеокамеры поймали его и показали крупным планом в главном виоме.

Человек в толстом голубом комбинезоне с ранцем и непрозрачным конусовидным шлемом спокойно приближался к Стволу.

Несколько операторов связи начали вызывать незнакомца, в воздух поднялись пинассы аварийного патруля. Но тут неизвестный оглянулся, помахал рукой, словно знал, что за ним наблюдают, и в зале раздался характерный глуховатый, с легкой хрипотцой голос Игоря Марича:

— Не надо меня спасать, Атанас, я все рассчитал. Слишком долго мы ждем, пока изготовят скафандры, пока не отыщется доброволец или не взорвется Ствол. Надо прекращать эксперимент, стрелка которого давно выскочила за шкалу риска. И я надеюсь, что в лаборатории кто-нибудь остался жив.

— Что ты делаешь, безумец! — изменившимся голосом сказал Златков в микрофон.— Ты же знаешь, никто не может пройти по зоне «хронопены», где время и пространство квантуются на макроуровне. Никого не спасешь и сам погибнешь напрасно!

— А вот тут ты ошибаешься,— донесся голос Марича.— Польза уже в том, что я хотя бы проверю скафандр, который сделали в техсекторе. Повинись за меня, я его украл, кому-то ведь все равно надо было проверять его в деле.

— Игорь...— Златков замолчал, оттолкнул микрофон и бросил в сторону сквозь зубы: — Он никогда не понимал, что авантюра не сродни риску...

«Вот что имел в виду инженер, приглашая меня к десяти часам,— подумал Павел.— Кто мог предположить, что он способен на такое! Недооценил я его, однако...»

Марич в это время остановился в ста метрах от здания лаборатории, достал из ранца черный кубик, нагнулся, что-то сделал, и куб превратился в паука-конкистадора.

— Я тут взял с собой помощника,— продолжал Марич.— Специально программировал, убрал блок самосохранения, вывел на блок памяти запись своих датчиков, я их нацепил целую кучу. В случае чего он выскочит...

Конкистадор у ног инженера зашевелился, два раза подпрыгнул на месте, словно разминая ноги, и помчался к главному входу в здание. Не добежав с десяток метров, он вдруг засветился оранжевым светом, очертания его исказились, заколебались, будто в струе нагретого воздуха. В следующее мгновение он вырос в размерах

вдвое, и следить за ним стало невозможно — паук почти «размазался» от скорости, человеческих реакций не хватало для визуального наблюдения за ним.

— Он прошел «зону эффектов»,— с облегчением сказал Марич.— Я, грешным делом, боялся. До встречи, спасатели! Атанас, передай привет этому парню, инспектору, понравился он мне. Если мне пройти не удастся, он справится.

Все в зале оглянулись на Павла. Тот молчал, ждал, чем кончится происшествие. Идти к Маричу на пинассе или на куттере без защиты было обыкновенным самоубийством. Все понимали это, никто — ни наблюдатели-ученые, ни спасатели — не предвидел такого поворота событий, но ждали, что произойдет чудо и Марич вернется сам.

— Опасайся глухой черноты,— бросил вдруг Златков.— Черная «жидкость», которую ты видел в дыре выхода из бункера. Не подходи близко, судя по всему, это действительно предсказанное «аморфное время».

— Спасибо за предупреждение, я буду осторожен.

Марич снова помахал рукой и шагнул вперед. Его фигура искривилась, оделась в золотой ореол свечения, скачком увеличилась в два раза. Скорость движений тоже возросла, но не настолько, чтобы не видеть, что он делает.

Марич обошел здание лаборатории кругом, постоял у входа и вошел. Он молчал, но скорее всего радиоволны не проходили сквозь слой «хронопены», пронизывающий всю лабораторию.

Потянулись минуты ожидания, сложились в часы. Ждали наблюдатели, операторы, ученые, спасатели, пилоты аварийного патруля, готовые лететь хоть к черту в зубы. Марич не возвращался.

Не вернулся он и на следующий день. И лишь через двое с лишним суток из лаборатории выполз конкистадор. Бок его наполовину был снесен, трех лап не хватало, глаза не светились, но он все же сумел пройти границу зоны преобразованного времени, где его подобрали роботы. Однако блок памяти паука-конкистадора оказался пустым.

5

Начальник отдела кивнул на ряд кресел у стола. Павел сел, окидывая взглядом пейзаж видеопласта. Кабинет Ромашина представлял собой каменную террасу на склоне горы: сзади склон становился круче и превращался в вертикальную скальную стену, впереди обозначался обрыв ущелья, за ним хаос серо-синих скал и на горизонте — заснеженные силуэты гор. Стол-пульт, кресла и подставка объемного экрана выглядели несколько странно на этом фоне, словно декорации к спектаклю.

«Памир,— определил почти сразу Павел,— вид с Конгурского перевала — вон и вершина Конгура слева, не спутаешь. Все же как много говорит картина с видеопласта о характере хозяина кабинета. Мы, оказывается, близки по вкусам».

Ромашин несколько секунд читал бегущие по черной матовой панели световые строки и коснулся сенсора «отбой». После этого он вышел из-за стола и сел рядом с инспектором, глядя на космы облаков, плывущих у вершин гор.

— Разобрались?

Павел покосился на его седую на висках шевелюру.

— В основном. У бывшего заведующего лабораторией есть интересная идея, объясняющая причины катастрофы. Он считает, что в эксперимент вмешался кто-то чужой.

— Это подтверждается фактами?

— Утверждать не берусь, но некоторые факты действительно говорят в пользу гипотезы. По сообщениям конкистадоров, автоматов обслуживания хроноускорителя, оборудование Ствола работает в экстремальном режиме, внутри Ствола находятся люди, но связи с ними нет.

Ромашин кивнул.

— Как вы считаете, Игорь Марич погиб?

— Вероятно, хотя надежда на его возвращение остается. Вполне возможно, что внутри лаборатории время течет медленнее, чем вне здания.

— А не мог он проникнуть в Ствол через выходы лаборатории?

— Не исключено, однако, чтобы это проверить, надо повторить попытку атаки лаборатории. К сожалению, конкистадор, вернувшийся оттуда, пуст, как консервная банка.

Ромашин перевел взгляд на Павла, в глазах его мелькнула тень сожаления и вины. И намек на сомнение.

— Мы надеемся на вас.

— Я это понял. Уже второй день готовлюсь к новой разведке. Завтра или послезавтра буду готов.

— Не торопитесь с разведкой, прежде рассчитывайте варианты проникновения в здание. Ошибки быть не должно. И еще: вы слышали о странных явлениях в атмосфере Земли, в Приземелье и на границах Системы?

— Нет,— Павел не стал рассказывать Ромашину о том, как ходил с Маричем к Стволу в ночь перед его безрассудно смелым шагом.— В последнее время я не слушаю программу новостей.

— Эта информация пока закрыта для всеобщего оповещения, можете узнать подробности по каналам Управления. Вкратце дело вот в чем: две недели назад над Стволом засветилась область стратосферы площадью в десять квадратных километров. Издали очень похоже на северное сияние. Кроме того, на высоте около десяти

тысяч километров от поверхности Земли над той же точкой обнаружен «пузырь отталкивания» — зона, не пропускающая через себя ни одно материальное тело. Диаметр «пузыря» — около двухсот километров. Визуально он не наблюдается, никаких аномалий физических полей не обнаруживает, но при попытках преодолеть абсолютно пустое пространство «пузыря» появляются силы отталкивания.

— Занятно,— тихо проговорил Павел.

— Вы находите? Ну и последнее: у полюсов эклиптики, на расстоянии около одной астрономической единицы, объявились «прозрачные дыры» — зоны поглощения вещества. В одну из них засосало несколько автоматических зондов и беспилотный астрономический модуль, в другую — станцию СПАС-42. Из пяти членов экипажа спастись удалось троим. Объяснить причины явлений ученые пока отказываются, но нет сомнений, что явления связаны с катастрофой, вернее, с работающим до сих пор Стволом.

— Эта мысль приходит в голову в первую очередь.

— Совершенно верно, не обязательно иметь семь пядей во лбу, чтобы увидеть связь. Явления стали наблюдаемы две недели назад, то есть как раз после катастрофы, а области свечения, отталкивания и поглощения укладываются на прямой, проходящей через Ствол, и «привязаны» к нему, то есть вращаются вместе с Землей. Там сейчас с физиками Академии работают и наши эксперты.

— Только что подумал: они не пробовали прощупать космос дальше по вектору?

— Интересная мысль. Мы предложим проверить. Что ж, степень вашей автономности остается прежней. Готовьтесь к вылазке в лабораторию, восстанавливайте в зале управления обстановку, которая была во время эксперимента. Сможете определить степень опасности работающего Ствола?

— Не знаю,— помедлив, ответил Павел.— Наверное, только при наличии полной информации о положении дел. Пока же Ствол для нас — «черный ящик». Никто не знает, почему он работает и в какие времена проник. Такие вот дела.

Ромашин встал, походил по кабинету и сел за стол.

— Вы мне напомнили... Вам не кажется, что возник парадокс? По свидетельствам конкистадоров, ближайшие точки выхода Ствола в реальное время — двести лет назад, триста, десять тысяч. Почему же нет документов из прошлого, что эти события имели место в Брянском лесу? Ведь для нас-то они уже произошли? Предки должны были отразить их в документах, хрониках, летописях...

— Парадокс и в самом деле существует, но физики объясняют его по-разному. Одни тем, что в силу вступил закон затухания последствий, специфичным проявлением которого и является отсутствие всякого рода упоминаний о появлении Ствола в различных исто-

рических эпохах. Второе объяснение весьма оригинально: эксперимент закончился в ту же секунду, когда и начался. То есть все, что мы сейчас переживаем,— один из возможных путей развития эксперимента, как бы «сон» Вселенной. Исчезнет причина хроносдвига — исчезнут, как и не было, события, происшедшие после пробоя хроноскважины. Но есть еще более экзотичные гипотезы, например, что Ствол вышел в прошлом в «соседних временных углах». Раньше говорили — в «соседних измерениях», именно поэтому история и не сохранила свидетельств его выхода.

— М-да, любопытно. Многовато гипотез, не правда ли?

— В том их и слабость. Правда, истина бывает многолика. Может быть, она и в нашем случае лежит на стыке многих гипотез? Путь к ней один — познание.

Ромашин едва заметно улыбнулся.

— «Тысячи дорог уводят от цели, и лишь одна-единственная ведет к ней». Монтень. Древние философы знали цену мудрым изречениям. Вам нужна моя помощь?

— Пока нет.

— Тогда до встречи. Жду вас через два дня... если ничего не случится. Надеюсь, мир просуществует столько времени.

Они улыбнулись друг другу, чувствуя взаимное расположение, и Павел покинул кабинет начальника отдела безопасности.

В коридоре он наткнулся на спешащего человека. Оба одновременно извинились и, пройдя два шага, остановились.

— Павел?

— Женя!

— Ну, здравствуй, бродяга! Вот не думал встретить тебя здесь. Ты же инспектор космосектора, насколько мне помнится. Или перешел в отдел к наземникам?

— Временно, Женя, временно.

— Понятно. Катастрофа с лабораторией времени?

— Следишь за новостями? Угадал. А ты где сейчас?

— Все там же: испытательный полигон, бригада наземного транспорта. Не забыл еще? Ребята тебя помнят, особенно Витольд, он уже начальник монтажно-испытательного корпуса.

— Вырос парень. Я тоже всех помню, передавай привет.

— Обязательно. Что же ты не спросишь, как Люция?

Павел слабо усмехнулся.

— Верю, что у нее все хорошо.

Евгений помолчал.

— Ты из-за нее ушел? Ребята долго гадали...

— Из-за себя.

— Понятно. Ну ладно, дело прошлое. Я побежал, меня ждут. Заходи к нам, если освободишься. Кстати, у нас с Люцией дочь, назвали Алевтиной. Люция ушла из бригады, и мы с ней поженились.

Евгений сжал руку в кулак, вскинул вверх прощальным жестом и пошел прочь.

Павел остался стоять, оглушенный новостью, потом медленно двинулся в свой кабинет. Там записал появившиеся мысли на кристалл, прочитал поступившие по запросам сообщения, а сам вспоминал Люцию, пытался представить, какой она стала, какая у нее дочь, почему она вышла за Баранова... Сколько лет они были вместе, в одном отряде, изо дня в день, и каждый раз она была разная: то ласковая и нежная, то чужая и недобрая, дразнящая и насмешливая, ранимая и беспомощная, твердая и сильная, капризная и нетерпеливая... Так и осталось загадкой, какая она настоящая. Был прав поэт, утверждавший:

У каждого свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
Но это все неведомо для нас... .

И до сих пор личный мир — тайна, и долго будет еще оставаться тайной для других. К Люции эти строки, пожалуй, применимы. Почему она вдруг потеряла интерес к Павлу после стольких встреч? Почему Евгений, Женька-простейший, которого она вообще не замечала, вдруг стал ее мужем? Вечный неудачник и неумеха, простой до кретинизма, хороший математик, но плохой спортсмен, худой и нескладный — и рядом Люция, эффектная, красивая, уверенная в себе... Трудно представить! Невозможно представить! И тем не менее — факт! Факты — упрямая вещь, как говорил мудрец. Правда, выглядит он уже не интеллигентным «хлюпиком в очках», возмужал, пополнел... Ее влияние?..

Павел очнулся, взглянул на часы и заторопился. Пора было идти в экспертный отдел Академии наук. А вечером он нашел Баранова, к которому его потянуло болезненное любопытство, ответил отказом на приглашение посидеть дома, в семейном кругу, и повел Евгения в ресторан «Золотой плес» в Брянске.

Вспомнили друзей, знакомых, поговорили о работе, а потом Павел неожиданно для себя решил показать Евгению Ствол. Не отвечая на вопросы, усадил товарища в комфортабельный куттер класса «сапсон», и они взлетели.

Четверть часа прошло в молчании.

Куттер бесшумно скользил в ночи, обгоняя редких попутчиков, видимых только по мигающим габаритным огням. Под ними проплывали россыпи цветных искр, пятна и полосы света — поселки и кемпинги, зверофермы и фабрики биосинтеза, станции магнитопланов, спортивные базы, дома отдыха, культурные центры. Рассасывание городов уже достигло той степени, когда концентрация зданий воспринималась как отклонение от нормы, и поверхность земли с высоты в три километра напоминала один колоссальный

парк, город-лес. Лишь изредка в сиянии и мерцании огней протаивали темные провалы: реки и болота, острова нетронутого цивилизацией леса, заповедные и туристские зоны. На юге постепенно меркло, исчезало за горизонтом голубоватое зарево — центральный район Брянска с его памятниками старины. В нескольких местах подпирали небо белые спицы лифтов, двигаясь назад, исчезая на фоне более яркого свечения каких-то сооружений. На севере, куда стремился куттер, из-за горизонта вырастала ровная белая колонна, утопающая в разноцветном облаке света. Колонна росла быстро и вскоре заслонила собой четверть небосклона.

— Что это? — нарушил молчание Евгений.

— Это башня хроноускорителя лаборатории времени,— ответил Павел и пожалел, что взял его с собой. Он так и не понял, чем Баранов так поразил Люцию, что она вышла за него замуж.— Мы называем ее для краткости Ствол.

Снова помолчали. Потом Павел поднял аппарат выше и медленно повел к исполинской трубе, до которой оставалось километров восемь. В кабине раздался писк вызова, замигал алый огонек индикатора. Павел нажал кнопку связи.

— Борт-икс, вы вошли в запретную зону, запретную зону! — прозвучал характерный голос автомата.— Вход только спецмашинам. Назовите код, ваши позывные, паспорт отдела.

— Код сто семь, инспектор отдела безопасности Павел Жданов, группа «роуд-аскер».

Секунда, ответ:

— Вход разрешен.

«Сапсан» продолжал двигаться дальше.

— Как строго! — сказал Евгений.— Это и есть тот самый хроноускоритель? По-моему, совсем недавно я видел видеопередачу с места происшествия. Но в натуре это...— он поискал слово,— более серьезно. До сих пор неизвестно, что произошло?

Куттер завис над вершиной белой колонны. Пилотам показалось, что они заглянули в глубокий, со светящимися стенами, колодец. Вершина Ствола была слегка размыта и дрожала, будто накрытая шапкой нагретого воздуха.

Павел поднял голову и увидел в зените розовое пятнышко света, похожее на летящую по ветру светящуюся паутину. Его вдруг пронзило острое ощущение опасности, будто некий исполин равнодушно навел в спину излучатель и положил палец на спуск. В тот же момент колонна под ними загорелась дрожащим желтым светом, гулкий удар обрушился на ушные перепонки, куттер подбросило вверх на добрый десяток метров.

Мерцающее облако света скатилось кольцом с колонны Ствола на землю, угрюмые рогатые машины попятились от него прочь. Откуда-то из-за холмов со всех сторон ударили по Стволу зеленые

огненные клинки, снова и снова. Адское шипение и треск перекрыли все остальные звуки, а потом наступила полная тишина, словно аппарат провалился глубоко в подземелье.

Павел успокаивающе тронул товарища за плечо, поднял куттер еще.

Разгул неведомых непосвященному стихий под ними пошел на убыль, башня перестала светиться желтым накалом и походила теперь на тлеющую сквозь сизый пепел головешку. Кольцо белого, переливающегося перламутром пламени распалось на облачка и погасло. Со всех сторон Ствол окружали, группируясь в колонны, светляки невидимых в темноте машин.

Тишина внезапно лопнула, словно куттер продавил пленку глухоты, стали слышны многотональные свисты, необычные тоскливые крики, от которых сжималось сердце, голоса команд, звонки и глухой шум, напоминающий гул прибоя.

— Я думал, что оглох,— признался Баранов.— Что это было?

— Коррекция масштабов,— пробормотал Павел.— Странно, что нас не предупредили... Ну, идем домой? Больше ничего интересного не увидим.

Евгений, перегнувшись, продолжал смотреть вниз.

Павел включил интерком, и в рубке зазвучали негромкие голоса переговаривающихся людей. Сквозь них пробился четкий и звучный бас:

— Первый вызывает «роуд-аскер» сто семь...

Молчание, вернее, равномерный шум других голосов, и снова:

— Первый вызывает «роуд-аскер» сто семь...

Павел спохватился и наклонился к микрофону:

— Сто седьмой слушает первого.

— Сто седьмой, вас ждут в Центре, срочно ответьте по двадцать второму каналу.

Павел посмотрел на спутника, с трудом избавляясь от мыслей о Люции.

Разозлился, стряхнул оцепенение.

— Извини, меня вызывают. Придется тебе добираться домой одному.

— Жаль, а то посидели бы у нас, посмотрели мою коллекцию рогов и клыков, я ведь охотником стал.

— В другой раз. И вообще хорошо бы встретиться всей нашей старой компанией. Не возражаешь?

— Соберу всех и позвоню. До встречи.

Высадив Евгения, Павел помахал рукой, и вскоре рубиновые светлячки кормовых огней куттера затерялись в ночи.

6

В бункере Центра его ждали Ромашин, Златков и директор УАСС Ив Костров. До этого Павел видел директора всего два раза, и то, что руководитель такой мощной организации, как аварийно-спасательная служба, «снизошел» до посещений Центра, указывало на серьезность происходящих событий больше, чем другие факты.

Ив Костров был среднего роста, нетороплив, скуп на слова, широкоскул и рыжеволос. Твердый рот, пристальный взгляд из-под припухших век, умение мгновенно оценивать собеседника говорили о недюжинном уме и сильной воле этого человека. Павел, здороваясь, встретился с ним глазами и понял, что оценен и взвешен взыскательно и точно — он, инспектор космосектора УАСС, считавший себя неплохим психологом, непроницаемым для других!

— Дела наши не блестящи,— сказал Ромашин.— Только что получен анализ состояния среды вблизи Ствола: изменены все природные параметры, обнаружена широкая гравитационная депрессия, растущая в глубь Земли. Кроме того, открыты более чем странные объекты в космосе, расположенные по вектору от Ствола на расстоянии около ста астрономических единиц от Солнца. Но самое главное, что дальше нас не пропустили! Путь в космос на этом направлении блокирован.

— Как не пропустили? — вяло удивился Павел.— Кто не пустил?

— Не знаю. Мы направили спейсера погранслужбы и дальше в открытый космос по тому же вектору, но в световом полугоде от Солнца корабли наткнулись на неизвестное поле, отбросившее их назад.

— Может быть, надо просто обойти эту область?

— Результатов пока нет.— Ромашин посмотрел на директора Управления и замолчал.

— Вы догадываетесь, зачем вам все это говорится при мне? — спросил тот, сдерживая в голосе басовитые громыхающие нотки.

Павел кивнул.

— Под угрозой жизнь многих тысяч людей, и надо спешить с выключением Ствола.

— Под угрозой существование цивилизации — вот как стоит вопрос! Связь между странными явлениями на Земле и в космосе и экспериментом в лаборатории времени прямая. Нет смысла объяснять, как дорога каждая минута. Мне сообщили, что именно вы пойдете в лабораторию. Справитесь?

Павел выдержал еще один быстрый оценивающий взгляд, но за него ответил Ромашин:

— Справится, я в него верю.

— Необходимо сделать все возможное и невозможное, чтобы

предотвратить грядущие катастрофы. Покажите мне оборудование Центра и его структуру,— обратился Костров к Ромашину.

Инспектор остался стоять с молчащим Златковым.

— Ну и ну,— пробормотал Павел.— Час от часу не легче!

— Он еще слабо сказал,— тихо произнес Златков.— Под угрозой существование Вселенной, а не только земной цивилизации! Я боюсь, как бы хроноген не «провалился» к самому моменту образования нашего Мироздания! Кстати, по последним выкладкам расчетной группы, Ствол ушел и в будущее.

— Ну и о чем это говорит?

— Это открытый хроноклазм, вариант которого никем не просчитан. Ни один запуск хроноускорителя в будущее до катастрофы не дал положительного результата. «Вязкость» времени в направлении будущего оказалась такой, что хроноген выталкивался из времени, как пробка из воды.

Павел помолчал, глядя, как Ромашин что-то рассказывает Кострову.

— Вы как-то сказали, что у вас разработана собственная гипотеза о причине катастрофы...

— Не отрицаю, говорил... Разве Марич не отбил у вас охоту выслушивать бредовые идеи?

— Напрасно вы о нем так...

Начальник Центра пожал плечами.

— Не судите пристрастно о наших отношениях. Он меня не любил, это верно, да и я его не жаловал за несдержанность, излишнюю категоричность, но он прекрасный специалист... был. Жаль, что он пошел на этот безумный шаг без подготовки.

— Вы не ответили.

— Извольте. Я уже высказывался на эту тему. Одно из двух: или вмешались чужие разумные существа, или наши с вами правнуки. Многое говорит в пользу последнего: то, что раньше мы не могли проникнуть в прошлое глубже миллиарда лет, а тут вдруг провалились гораздо ниже. Не могли ни на минуту выйти в будущее и вдруг вышли. На поддержание ускорителя в рабочем состоянии нужна колоссальная энергия — почти четверть дневного ресурса земного энергопояса. Откуда она поступает в Ствол?

— А если чужой разум?

— Я же говорю, по логике происходящего — похоже. Коль уж затронуто будущее Вселенной, другие цивилизации не могли не вмешаться. Но их вмешательство заметили бы сразу, оно было бы, наверное, сравнимо по мощности с общеземной катастрофой. Если бы я мог попасть в Ствол и посмотреть записи регистраторов!

Павел вздохнул.

— Тогда я был бы не нужен. Хочу вернуться к вашему утверждению об угрозе существования Вселенной. Доказательства есть?

Слишком уж фундаментальные вещи затронуты этими страшными словами. Вы не преувеличиваете степень опасности?

— Может быть,— неожиданно легко согласился Златков.— Извините, мне надо работать. У вас еще есть вопросы?

Павел вдруг понял, что устал.

— Нет, до свидания.

Выходя из зала, он оглянулся. Директор УАСС и начальник отдела безопасности смотрели ему вслед.

В отдел «Р» Павел прибыл в половине восьмого утра и первым делом прочитал поступившую информацию. По его просьбе расчетная группа отдела безопасности смоделировала обстановку в главном зале управления лаборатории во время эксперимента. Все было, как обычно: мощность хроноимпульса, работа силового оборудования Ствола, разговоры по интеркому с абонентами. То есть ничего не предвещало катастрофы, и никто из экспериментаторов не заметил ничего необычного. Во всяком случае, за полчаса до катастрофы.

Быстро дочитав остальное, Павел отправился в отдел разработки индивидуальных средств защиты, или «отдел бронемастеров», как его называли в техническом секторе.

Его встретил сам начальник отдела Тишо Алюш, бронзоволицый, с орлиным носом и пронзительными глазами, не то индус, не то перуанец. Одет он был во все красное и коричневое, но, как ни странно, гармонирующее с цветом лица и фигурой.

— Проходите,— Алюш сделал приглашающий жест. Голос у него был гортанный, горловой, и слова он выговаривал очень четко и правильно, как диктор интервидения.— Это мой кабинет.— Алюш указал на белую дверь с номером один.— Дальше лаборатории: микротехники, внутреннего обеспечения, газо- и водообмена, утилизации отходов, подгонки, легкой защиты, специальных средств защиты. Нам сюда.

Они вошли в лабораторию. Небольшой прямоугольный зал был поделен на отсеки, соединенные лентой транспортера, из дальней стены вырастали выпуклые щиты с люками и окнами — камеры испытаний. В зале было свежо и тихо, витали приятные травяные запахи.

Алюш провел Павла в самый конец зала, к последнему отсеку. В огороженной с трех сторон молочным пластиком комнатке стояли какие-то сложные агрегаты, у которых возились две девушки и юноша. Четвертый работник сидел перед экраном и следил за вспыхивающими в окошках пульта зелеными и красными цифрами.

— Третий цикл заканчиваем,— сказал он тонким голосом.— Показатели в пределах нормы. Приступать к последнему?

— После испытаний.— Алюш повернулся к Павлу, кивнул на экран.— Испытываем ваш скафандр.

Начальник отдела снял с зажимов одной из машин какой-то черный сверток с блестящими полосами и развернул в плоское подобие человеческой фигуры.

— Внутренняя оболочка. Она будет служить фильтром и удалять отходы метаболизма. Управляется биотоками, но есть и звуковое дублирование.

Павел с сомнением потрогал мягкую и эластичную пленку.

— А я в нее влезу?

— Не волнуйтесь, она рассчитана на крупногабаритную начинку. К сожалению, готов только первый скафандр, а он в камере.

— Нельзя ли посмотреть на скафандр в натуре?

— Нет ничего проще. Сеня, включи передачу из камеры.

Низкорослый Семен включил видеосвязь с камерой, одна из стен отсека исчезла, и на ее месте явился короткий круглый тоннель, заполненный слоистым голубым дымом. В дыму бродила странная серая фигура с конусом вместо головы. На спине у нее был круглый горб — генератор защитного поля, на поясе — ряд приборов и светящихся индикаторов.

Семен поколдовал на пульте, дым в камере исчез.

— Что, конец? — раздался с пульта голос испытателя.

— Еще нет, Лори,— ответил Семен.— Пришел инспектор безопасности, хочет посмотреть, как ты выглядишь в скафандре.

— Ну и как я ему?

— Нормально, как горбатый варан.

Павел покосился на Алюша, смущенного юмором подчиненных, некоторое время рассматривал скафандр со множеством окошек, штуцеров, рубчатых полос и выпуклых ромбов, превративший человека в неизвестное науке существо.

— Выглядит довольно необычно, как панцирь мезозойского пресмыкающегося. Мне приходилось носить все типы скафандров для космических исследований и разведки, но такого я еще не видел.

Он покинул отдел через полчаса и вскоре был уже под Брянском, в зале Центра защиты, психологическая атмосфера которого заставляла его с особой остротой ощущать нависшую над миром грозную непредсказуемую опасность. Знакомого инженера службы Центра Полуянова, занимавшегося засылкой в Ствол конкистадоров, Павел обнаружил в отделе кибернетического обеспечения.

Помещение отдела напоминало зал «отдела бронемастеров»: те же кубы отсеков, за перегородкой — терминал вычислителя, видеоселектор, в центре черный круг с манипуляторами. На круге стоял конкистадор, рядом возился Федор Полуянов.

— Извините, что отрываю от работы,— сказал Павел.— Я ненадолго.

— Ради бога, о чем разговор,— развел руками Федор, сероглазый, плотный, с «казачьими» усами.— Ваша фирма настолько серьезна, что ее уважают даже неспециалисты.

— А вы разве не из нашей конторы?

— Нет, я из отделения перспективных исследований Академии наук. Здесь, в Центре, много наших работников, да и вообще собрались представители почти всех научных дисциплин. Сами понимаете, случай беспрецедентный.

Полуянов нашел два свободных кресла, и они сели в уголке, чтобы не мешать работающим у пульта.

— Что вас привело к нам сегодня?

— Хочу узнать, что удалось выудить у конкистадоров о работе Ствола.

Инженер оценивающе посмотрел на Павла.

— Вы имеете разрешение отдела контроля на получение этих сведений? Почти вся информация о выходах конкистадоров из Ствола закрыта, даже для инспекторов. Кстати, вы третий, с кем я имею дело.

— У меня карт-бланш.— Павел показал красно-белую карточку с эмблемой УАСС и выбитой на другой стороне надписью: «Павел Жданов, отдел безопасности, неограниченные полномочия».— Из-за чего засекречена информация конкистадоров?

— Тут я пас, могу только предполагать. Мне кажется, ваше руководство опасается паники глобального масштаба. Изменить ход событий мы пока не в силах, всей мощи земной техники не хватит на то, чтобы уничтожить Ствол или хотя бы закапсулировать его от окружающего мира. К тому же есть подозрения, что в катастрофе замешаны чужие.

— Ну это я уже слышал от Златкова, он давно предположил о вмешательстве в эксперимент иного разума.

— Тогда пойдемте, кое-что покажу.— Полуянов встал и подошел к отдельно стоящему пульту с мыслезадатчиком команд, в два приема вырастил из панели усик эмкана.— За две недели с момента катастрофы из Ствола вышли одиннадцать конкистадоров, последнего мы ловили вместе. Блоки памяти у них были разрушены, однако кое-какие крохи информации о работе систем Ствола изнутри удалось наскрести.

Инженер включил проектор, вспыхнувший виом раздвинул стены помещения. Павел увидел часть песчаного пляжа, нависающую над ним циклопическую сизо-синюю стену, какие-то бурые высохшие растения и россыпь камней. Но не это привлекло внимание инспектора: на переднем плане виднелись полузасыпанные песком матово-черные полусферы, из которых торчали длинные красные хлысты, похожие на удочки,— не то антенны, не то усы, а рядом стояла громадная черная туша, похожая на уродливого металличе-

ского «кентавра» с таким же уродливым черным всадником на спине.

— Одна из самых качественных голограмм, полученных нами от конкистадоров, после обработки, разумеется. Видите полусферы с антеннами и это чудище — «кентавра»? Это главное доказательство того, что в Стволе находятся чужие разумные существа. Полусферы и «кентавры» не входят в оборудование Ствола.

Подождав немного, Федор сменил изображение.

Низкая темная комната, закопченная и грязная, а может быть, сказалось качество голографии. Посередине круглая колонна с черной дверью, рядом с колонной — люди, мужчина и женщина. Лица немного смазаны, но заметно, что они устали.

— По одежде — выходцы из двадцатого века. Как они туда попали — неизвестно.

Снова смена изображения.

Снежная равнина с чахлыми кустиками, а вдали — золотистый купол, похожий на пухлую шапку светящегося тумана.

— Хроноскважина,— пояснил инженер.— Канал непосредственного преобразования пространства во время. Остальные снимки, к сожалению, некачественные, почти ничего не разглядишь. Кроме голограмм, мы получили записи состояния некоторых агрегатов Ствола. Нет сомнения, хроноген продолжает работать и удерживать Ствол в состоянии «вибрирующей струны». Состояние это опасно тем, что в любой момент время может «пойти вразнос»— термины условны — и... никто ничего не успеет понять. Мы просто исчезнем, а вместе с нами и обозримая часть Вселенной. Перспектива не из приятных, не правда ли?

— Меня сбивает с толку, что вы так легко рассуждаете об этом.

— Потому что не верю в пессимистические прогнозы. Мы, считавшие себя владыками пространства и времени, разбудили такие чудовищные силы, что наши старшие братья по разуму не могли не вмешаться. Полусферы с антеннами и «кентавры» со всадниками наверняка являются их аппаратами.

Павел с сомнением покачал головой.

— Что-то вид у них больно непрезентабельный. Вмешательство иного разума я представляю себе не так. Во всяком случае, без применения техники, похожей на нашу. И вообще получается странная ситуация: одни вмешались и породили катастрофу, другие пытаются исправить содеянное первыми. Не объясняем ли мы икс через игрек?

Федор улыбнулся.

— Мыслите вы логично, но, как бы это сказать, слишком прямоугольно.

— Вы хотите сказать, прямолинейно?

— Нет, именно прямоугольно, с применением жестких рамок привычных представлений и взглядов.

— А мне говорили, что я мыслю раскованно.

— Не верьте, польстили.

Они улыбнулись друг другу.

— Последний вопрос,— посерьезнел Павел.— Каким образом конкистадоры пробираются в Ствол?

— Через особые точки. Бывает, что некоторые участки Ствола «выпадают из резонанса», тогда в этой точке происходит выброс странной субстанции, нечто вроде черного тумана или жидкости, которую теоретики назвали «аморфным временем», и в момент окончания выброса можно успеть проскочить внутрь Ствола. Но нужна исключительная реакция, превышающая даже возможности конкистадоров. По подсчетам, из десяти запускаемых автоматов проходят в Ствол два-три, ну, а назад возвращаются и вовсе единицы из сотни, да и те «инвалиды».

— Из людей никто не пробовал пройти в Ствол?

— Никто... кроме Марича. Это ведь равносильно самоубийству.

Второй раз Павлу напоминали об опасности его будущей вылазки. Конечно, он имел право отказаться, но ведь кто-то обязан проникнуть в хроноускоритель и выключить этот проклятый генератор.

— Чем грозит человеку столкновение с «хронопеной»? Мне много говорили об опасности зоны темпоральных эффектов, но чем она опасна конкретно?

— В зоне «хронопены» пространство-время становится многосвязным на макроуровне. Время становится «пространственноподобным», то есть измерение интервала между прошлым и будущим можно свести к измерению длины. Кроме того, рядом сосуществуют области пространства, в которых время течет в разных направлениях и с разной скоростью. При переходе из области в область может произойти распад психики, распад личности. Человек может уцелеть физически, но погибнуть как разумное вещество. Но все же вероятнее всего он просто превратится в сгусток энергии, во вспышку света.

— М-да...— протянул Павел.— Атаковать Ствол в лоб действительно опасно. Спасибо за предупреждение.

— Всегда к вашим услугам,— поклонился Федор.

Павел вернулся в зал контроля, где в это время проводилась перекличка постов наблюдения, и попросил диспетчера выдать ему статистический отчет об изменениях среды вокруг Ствола за последние двое суток.

Полчаса ушло на изучение отчета, выведенного на дисплей. Ромашин не зря обращал внимание инспектора на характеристики среды в месте расположения лаборатории. По отчету выходило, что процесс изменения среды постепенно ускоряется. Самым неожиданным следствием изменений как для метеорологов, так

и для исследователей было появление гравитационной депрессии. Поле тяготения вокруг Ствола приобрело «форму» вогнутой линзы: направление силы тяжести уже не совпадало с перпендикуляром к земной поверхности, и люди вдруг начинали ходить под углом в пятнадцать градусов к вертикали. Летательные аппараты в полете по горизонтали, приближаясь к Стволу, начинали полого скользить вниз, альтиметры давали снижение высоты, а гравиметры упрямо твердили о неизменности потенциалов гравитации.

Со Златковым поговорить не удалось. Пока Павел беседовал с диспетчером, начальник Центра исчез из зала в неизвестном направлении. Видимо, он устал от бесконечных вопросов и не хотел снова и снова повторять азбучные, по его мнению, истины.

Павел соединился с базой УАСС в Калининграде, предъявил свой карт-бланш и попросил подготовить к полету десантный когг, перебросив его в район Брянска, к станции метро.

Диспетчер кивнул, хотя в глазах его мелькнуло удивление. Павел не стал объяснять ему, что несколько лет проработал пилотом-испытателем полигона УАСС на Сааремаа, и лишь уточнил время прибытия когга в Брянск. Аппарат, способный совершать «теневые» прыжки внутри Солнечной системы, понадобился ему, чтобы посетить те странные области над Землей, о которых говорил Ромашин. Едва ли того требовал ход расследования катастрофы, и Павел в душе понимал это, но, во-первых, расследование, как таковое, зашло в тупик, новые факты только добавляли загадок, не объясняя старых, а во-вторых, откуда-то пришло ощущение нереальности происходящего, отстраненности бытия, ненужности и тщетности попыток осмысления событий. С Павлом такое происходило впервые, он сначала с удивлением, а потом и с тревогой прислушался к себе, пытаясь понять, что послужило первопричиной необычных, новых ощущений, и пришел к выводу, что причин несколько. Он «выпал» из привычного ритма работы в космосе, это раз. Остался без друзей, которые понимали его с полувзгляда, это два. И, наконец, получил изрядный психологический шок от избытка информации и того смысла, который стоял за словами «режим бедствия», «катастрофа» и «угроза существованию Вселенной».

Павел вышел из кабины метро в Брянске и отправился разыскивать транспортную площадку грузового орбитального лифта, где должен был дожидаться его когг типа «Коракл» без пилота.

7

Получив разрешение диспетчера транспортной инспекции на старт, Павел привычно провел контроль функционирования и поднял машину в воздух. Через пять минут он был над Стволом. Завис-

нув на минуту на высоте в десять километров, Павел сообщил в Центр о своих действиях и попросил включить его когг в поисково-опознавательную сеть группы «роуд-аскер».

Переключив станцию связи на волну интеркома, он стал слушать переговоры пилотов и наземных служб между собой. Голоса были негромкие, буднично спокойные, и Павлу снова на короткое время показались напрасными его тревоги и страхи. Жизнь Земли продолжалась обычными темпами, и даже здесь, в районе катастрофы, где УАСС ввело режим бедствия, не чувствовалось лихорадочной и жестокой спешки, напряжения и тревоги, соответствующих «настоящему» бедствию, влекущему разрушения, уничтожение природной среды и человеческие жертвы.

Когг медленно пополз вверх. Зеленая холмистая равнина вокруг Ствола отодвинулась, детали и подробности ландшафта растворились на фоне сочной зелени. Ствол превратился в белый карандаш, воткнутый острым концом в землю.

Мимо проскользнул ажурный короб с шариком кабины на торце — излучатель силового поля. В километре висел второй такой же, за ним еще один. Вероятно, пояс силового заграждения. На высоте сорока километров Павла окликнули:

— Эй, кто там лезет напролом? Пилот неизвестного «Коракла», ответьте патрулю заграждения, вы нарушаете режим работы.

Павел притормозил подъем.

— Инспектор Жданов, отдел безопасности, «роуд-аскер».

Тон патрульного не изменился.

— Будьте внимательнее. Выйдите из зоны риска.

Вскоре Павел оказался в непосредственной близости от первой из странных областей — светящегося слоя площадью в два десятка квадратных километров. На фоне фиолетового купола неба стратосферы она выглядела красивой, зеленовато светящейся паутиной, похожей на интерференционную картину световых волн. Узор «паутины» медленно и непрерывно менялся, из-за чего казалось, что она то удаляется, то приближается, танцует.

Павел направил когг прямо в ее центр, готовый изменить курс при первых же признаках опасности, но делать это ему не пришлось: аппарат сам собой, без команды, плавно изменил направление движения и отвернул от покрывала. В рубке зазвучал тот же голос:

— Инспектор, вы в опасном районе. Прошу не мешать работе исследователей. Как слышите?

— Прекрасно слышу,— пробормотал Павел сердито.— Чем опасен район свечения?

— В его излучении есть жесткая компонента.

— Машина имеет полевую защиту от всех видов излучения.

— И все же прошу не рисковать. Исследования свечения начались недавно, могут быть неприятные сюрпризы.

— Хорошо, понял.

Когг увеличил скорость и вышел из-под светящейся вуали. Земля на глазах превратилась в пухлый голубовато-зеленый шар.

Десять тысяч километров до следующей загадочной области пространства — «пузыря отталкивания» — когг преодолел за две минуты. Здесь повторилась та же ситуация, что у зоны свечения: когг изменил траекторию и погасил скорость почти до нуля.

— Вы у зоны «два»,— произнес знакомый патрульный.— Диаметр зоны тысяча километров, включите локацию в диапазоне инфра.

Павел послушно включил локаторы и увидел впереди и вверху мерцающую голубоватым светом объемную фигуру — сетчатый шар. Вокруг зоны установили радиоотражатели, чтобы было видно издалека, догадался инспектор. «Напрасно полетел,— подумал он вдруг, разглядывая на экранчике локатора светящуюся мошкару вокруг тысячекилометрового «пузыря».— Никто сейчас не скажет, связаны ли эти странные образования с работой Ствола, а интуиция не обладает правом проверенного факта. Что из того, что я убежден в их связи? Доказательств-то нет. Доказать эту связь можно, только побывав в лаборатории...»

С полчаса Павел выписывал петли возле громадного шара, пустого, как и пространство кругом, с сочувствием подумал о суетящихся исследователях, которым предстояло больше разочаровываться, чем радоваться открытиям, и повернул когг носом к Земле. Тоскливое чувство ненужности вернулось вновь и потащило за собой привычную цепь размышлений, конечным итогом которых были злость и боль неведомой утраты: злость на себя, за несвойственные ему переживания, чувство утраты — сугубо конкретное чувство, поводом для которого были воспоминания о Люции.

В Управлении Павла ждало сообщение об испытаниях скафандра и короткая записка начальника отдела безопасности: «Павел, зайдите, вы мне нужны». Записка была оставлена два часа назад.

Ломая голову, зачем он понадобился Ромашину, Павел привел себя в порядок — он знал, что начальник ценит аккуратность и подтянутость, внешнюю и внутреннюю.

Видеопласт кабинета на этот раз встретил его дубовой рощей, запахами прелой листвы, грибов, дубовой коры. Ромашин сидел за столом, он исподлобья посмотрел на инспектора, кивнул на стулья.

Павел сел. Хозяин наклонился к столу, коснулся сенсора программ видеопласта, дубовая роща исчезла, кабинет замкнулся стенами из мерцающего огнями янтарного пластика.

— Собственно, у меня к вам всего один вопрос.— Ромашин походил в задумчивости у стены и сел напротив.— Вам не кажется, что за вами следят?

Павел оторопел.

— Нет,— сказал он спустя несколько секунд, совладав с изумлением.— Зачем кому-то следить за мной?

— Значит, нет...— повторил Ромашин, не сводя с него глаз.— Допустим, вы не заметили. А во время работы с лабораторией ничего странного вокруг вас не происходило?

— Вы меня озадачили... Что имеется в виду?

— Конкретно ответить не могу. Все, что выпадает из рамок обыденности, привычных представлений — в поведении людей вокруг, в событиях, связанных с вашим участием. Попытайтесь вспомнить, это важно.

— Я пытаюсь,— Павел развел руками,— но нужно время.

— Тогда у меня все. Вспомните — позвоните. Завтра в семь вечера по времени Москвы состоится экстренное совещание Совета безопасности ВКС. Прошу вас явиться на заседание, это здесь же, в управлении, в конференц-зале.

В своем кабинете Павел попытался собраться с мыслями, но из головы не шло выражение глаз Ромашина, когда он говорил: «Вам не кажется, что за вами следят?» Павел прочитал в них холодную заинтересованность и недоверие, граничащее с враждебностью. За что? За какие прегрешения? Кто может следить за ним, инспектором аварийно-спасательной службы, работником спецгруппы, в которую входят профессионалы следственного отдела? Бред! Что стоит за этими вопросами?..

Павел тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, попытался вспомнить какой-нибудь необычный эпизод или событие, задевшие его внимание, но на ум ничего не приходило, кроме недавнего подхода к бункеру с Маричем да полета на когге, когда его останавливал патруль УАСС. Но если шепот в тоннеле под землей еще можно отнести к «необычному», то что необычного в остановках? За каждым аппаратом в зоне работы аварийщиков-спасателей ведется наблюдение, и ничего в этом необычного нет. Может, те два звонка по видео, два дня назад и вчера, когда он был дома? Павел дважды подходил к аппарату связи, но оба раза включенный вином показал лишь серебристую пустоту холостого режима. Ну и что? Кто-то ошибся номером... Что еще?

Тогда он отложил поиск «странного» на вечер.

В «отделе бронемастеров» его ждал Алюш, одетый на этот раз в темно-коричневый костюм.

— Вот,— сказал Алюш, подавая Павлу серый толстый балахон,— готов к испытаниям. Вам осталось заказать снабженцам, чтобы в Центр прислали робота-андроида.

Павел взвесил скафандр на руке.

— Килограммов шестнадцать.

— Восемнадцать без генератора поля и батарей. Полный комплект весит сорок один килограмм.

— Ничего не поделаешь, придется таскать.

— Второй обещает быть полегче килограммов на десять.

В Центр прибыли к двум часам дня. Павел отметил появление у Ствола трех фиолетовых конусов. Что-то новое. В зале контроля он нашел Златкова и сообщил о решении провести контрольные испытания скафандра в реальных условиях. Начальник Центра поманил Павла к себе, усадил рядом в пустующее кресло. В виоме виднелся Ствол, холмы и фиолетовые конусы на них.

— Мы разработали метод наблюдения за слоем «хронопены» вокруг ускорителя. Не хотите посмотреть? Те конусы — антенны хроновизоров.

Златков произвел на пульте необходимые переключения, и картина в центральном виоме изменилась. Пейзаж остался тем же, но холмы, покрытые травой, потеряли цвет, стали серыми, словно присыпанные пылью. Ствол из стройной белой колонны превратился в полупрозрачную неровную скалу, похожую на гигантский сталагмит. Куб лаборатории и вовсе исчез. Но главное, что «сталагмит» Ствола «дышал»: форма его изменялась, поверхность то вспухала прозрачными буграми, то опадала зализанными волнами, с крутых склонов отрывались студнеобразные капли, скатывались вниз, разбиваясь на «брызги», и постепенно рассасывались до полного исчезновения в сотне метров от подножия «ледяной скалы».

— «Хронопена» в наглядном изображении,— сказал Златков.— Студнеобразные пузыри — это области пространства с локальным ходом времени. В каждом пузыре время течет по-другому. Если бы хроновизор у нас появился раньше, автоматов мы потеряли бы меньше.

— Благодарю,— сказал Павел.— В свою очередь предлагаю посмотреть запуск робота в лабораторию. Кстати, не мешало бы включить хроновизор — будет видно, где робот войдет в «хронопену».

— Когда будете готовы — предупредите.

Павел отправился в отдел запуска автоматов.

Робот, одетый в скафандр, был уже готов к выходу. Алюш проверял, как он реагирует на команды, усатый Федор натягивал на себя легкий пленочный скафандр.

— Провожу до линии гипнозащиты,— пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Павла.

— Готов,— сказал Алюш.— Можете начинать.

Павел обошел фигуру в сером балахоне. Вблизи скафандр выглядел более внушительно, чем в первый раз по виому, а его схожесть с фигурой человека только подчеркивала различия, отчего у Павла возникло странное ощущение, будто он знакомится с представителем чужой цивилизации.

— Какова программа?

— Самая простая — пойти и вернуться,— пробормотал уже одетый Федор, застегивая прозрачный куб шлема.— Он обойдет лабораторию, войдет внутрь и попытается пройти в зал управления. Встретятся препятствия — вернется. Весь путь будет записываться на видео.

Федор поднял руку и пошел к выходу. Серая сгорбленная фигура потопала за ним. Впечатление, что это неземное существо, усилилось.

Павел проводил необычную пару и вернулся в зал контроля.

В зале собралось человек двадцать работников Центра, которые хотели посмотреть на испытания скафандра, обладающего хронозащитой. Златков занял место главного диспетчера и приказал в течение часа соблюдать в эфире режим радиомолчания. Шум переговоров на общей волне интеркома стал стихать.

Павел занял кресло рядом с начальником Центра и стал наблюдать, как Полуянов ведет робота по берегу ручья.

За километр от Ствола инженер остановился.

— Дальше мне, к сожалению, нельзя. А хотелось бы... Иди, дружище.

Робот в скафандре ожил и размеренно зашагал к зданию лаборатории.

Златков включил хроновизор. Ствол и здание лаборатории превратились в «ледяные утесы», даже отдаленно не напоминающие постройки, сделанные руками человека. По их склонам все так же сползали и падали на землю «водянистые» капли многосвязного квантового пространства-времени.

Робот дошел до границы темпоральных эффектов и шагнул в «студень». На обычном экране его фигура причудливо исказилась, задрожала, стала зыбкой и скачком выросла в размерах. В виоме, принимавшем изображение от антенн хроновизора, было видно, как робот вошел в одну из жидких на вид капель, разделился на три одинаковых силуэта и, вспыхнув, пропал.

Как сонные мухи поползли секунды, складываясь в минуты, десятки минут. Павел нашел глазами Алюша, начальник отдела «бронемастеров» развел руками: что, мол, я могу сделать? В это время Павла тронул за рукав Ромашин.

— Ждете?

— Ждем. Прошел час с небольшим.

И в это мгновение раздался голос наблюдателя:

— Возвращается!

Полуянов бросился бегом с холма к тому месту, где у границы запрещенной зоны должен был выйти робот.

В виоме хроновизора длиннорукий урод вынырнул из шевелящейся массы «студня» в шести экземплярах, сложился в один. В обычном виоме выход робота выглядел иначе: сначала из черного

прямоугольника двери главного входа вынеслось размазанное серое пятно, потом робот прошел границу несовмещения времен и превратился в серого горбуна, который неторопливо направился к ожидавшему его человеку.

— Поздравляю,— сказал Ромашин Алюшу.

— Рано поздравлять,— оживился тот.— Посмотрим, что он принесет.

— Он вернулся, а это главное.— Ромашин глянул Павлу в глаза.— Кажется, приближается ваш звездный час?

— Мне пока не объяснили, что я должен делать в здании.

— Все объяснит Златков, лучшего специалиста у нас нет. Вы не торопитесь?

— Как будто нет. Хотел закончить работу со скафандром.

— Что ж, подождем несколько минут.

Они стали смотреть, как возвращаются Федор и робот.

Инженер почему-то размахивал руками, забегая вперед, останавливался, толкал серого робота в толстое «плечо», а тот размеренно шагал вперед, не обращая внимания на действия своего провожатого. Наконец Полуянов выдохся.

— Он не отвечает на вызовы и не слушается команд. Что делать? Так мы пройдем мимо лифта в Центр. Разрешите, мои ребятки спеленают и принесут его вниз?

— Действуйте,— буркнул Златков.

На склоне холма показались «ребятки» Федора — два странных механизма, похожих на многоруких и безголовых обезьян. Они ловко окружили невозмутимо шагавшего робота, мгновенно опрокинули его, подняли над собой, заключив ноги и руки робота в захваты, и понесли в Центр. Робот дернулся несколько раз и затих.

Через несколько минут выяснилась причина его молчания: во-первых, антенны связи скафандра оказались «съеденными» необычной коррозией, а во-вторых, у робота почти полностью отсутствовал энергозапас.

Павел не стал дожидаться, пока ученые разберутся с причинами этих явлений, и вместе с Ромашиным вернулся в Управление.

— Я вижу, вы до сих пор сомневаетесь в целесообразности режима бедствия,— сказал Ромашин в кабинете, усадив Павла.

— Я почему-то считал, что внешняя сторона этой формы тревоги выражается эффектней. Два года назад я был свидетелем тревоги по форме «Шторм», тогда Управление проводило операцию «Демон». Подробностей не знаю, помню только, что где-то в Северной Америке обнаружили неземной аппарат, обладающий способностью изменять реальность мира. За ним прилетели хозяева, и дело едва не закончилось крупной катастрофой. Вот тогда режим бедствия был исключительно заметен: в воздух были подняты все три спасательных флота УАСС.

— Руководителем операции был я. Но мы отвлеклись. Вы говорите, что настоящий режим бедствия со стороны незаметен? Что ж, как мне кажется, это большая похвала отделу безопасности, да еще из уст профессионала. Наша работа и должна быть незаметной и эффективной. Ну-ка, смотрите.

Ромашин наклонился над столом, стремительно прошелся пальцами по сенсоратуре, в стенах комнаты загорелись ячеи виомов. Каждый показывал свою картину, в основном — рубки спейсеров Дальразведки и погранслужбы, посты связи станций приема аварийных сигналов и посты оперативного дежурства, диспетчерские пункты аварийно-спасательной службы, кабинеты руководителей Управления.

— Вы видите «изнутри» систему координации Управления по режиму бедствия. Я координатор операции и на кабинет сведены все цели связи и контроля.

Павел кивнул.

Напротив, в полутемной рубке одного из спейсеров звездного флота, плотный, крупнолицый человек с коротким ежиком волос разговаривал с невидимым собеседником:

— В первую очередь эвакуируйте женщин и детей, остальные пойдут во вторую очередь. Потом пройдите по трассе Ориона в ТФ-режиме и прощупайте границу мрака, только без ненужного риска.

В другом виоме в такой же рубке трое космолетчиков работали на общем пульте, переговариваясь на таком узкоспециальном жаргоне, что Павел с трудом понял, о чем идет речь: космолет не мог пробиться в какую-то закрытую неизвестно чем область пространства, его выталкивало обратно.

В третьем виоме разговор шел о свертывании дальних звездных экспедиций и подготовке к эвакуации колоний у других звезд.

В четвертом директор УАСС беседовал с председателем Высшего координационного Совета Земли о необходимости переброса энергетического моста от энергостанций солнечного пояса в район Брянского леса, к установкам Центра защиты...

Ромашин сделал выпад пальцем в стол, радуга виомов погасла.

— Так-то,— сказал он.— Это наша работа, и пусть она будет видна только нам. Хочу вернуться к разговору, который вы сочли за неудачную шутку,— о слежке. Вспомните два момента: кто вам сообщил о вызове на Землю в отдел безопасности?

Павел наморщил лоб.

— Кто-то из дежурных бортинженеров космолета «Рысь», базового корабля экспедиции к альфе «Рыси». Меня направили туда для расследования причин исчезновения разведшлюпа с тремя исследователями. Экспедиция работает в системе «Рысь» уже больше двух лет, и ничего подобного до этого не случалось.

— Где исчез шлюп?

— В одном из пылевых поясов. Вокруг звезды вращаются две планеты и три пылевых пояса, самый внутренний и преподнес сюрприз: внутри него оказались твердые образования, «не влезающие» в рамки теоретических представлений об эволюции планет. Предположим, что тела искусственного происхождения и...

— Понятно. Вы направили когг и к этому пылевому кольцу...

— И меня вернули.

— А вы ничему не удивились потом?

— А ведь верно! — вспомнил вдруг Павел.— Полет занял полтора часа, и когда я прилетел, заместитель начальника экспедиции сказал, что я вернулся «вовремя». Мол, только что пришло ТФ-сообщение с Земли, чтобы меня отправили в отдел безопасности неземного сектора. Понятное дело, я удивился — как «только что»? Дежурный сообщил мне об этом полтора часа назад! Но разбираться было некогда, и я улетел. Вы хотите сказать, что меня вернули из полета до того, как пришло сообщение с Земли?

— Более того, вас никто не вызывал на Землю.

Павел засмеялся.

— Выходит, я все придумал? Легко проверить.

— Я констатирую факт: вас никто не вызывал. О том, что вы якобы «вызваны» в наш сектор, стало известно совсем недавно, случайно. Еще вопрос: полет к пылевому кольцу таил в себе опасность?

— Как вам сказать? — Павел не сразу собрался с мыслями. Вообще-то риск был, тем более что именно там и пропал разведшлюп. Но до меня в кольце побывали десятки людей на таких же коггах, к тому же я не работаю один, со мной была бригада поиска и поддержки...

— И все же риск был... Я, кажется, понял...

— Зато я ничего не понимаю!

— Сейчас поймете. Вспомните последнее: сегодня утром вы решили пройти по вектору от Ствола, посмотреть на странные явления: свечение стратосферы, «пузырь отталкивания», так?

— Признаюсь, это было лишним. Нет сомнений, что свечение и все остальное связано со Стволом. Но я не знал, что делать.

— Во время полета вы разговаривали?

— Со службой координации транспорта и патрулем.

— Вас останавливали?

— Дважды: у зоны свечения и у «пузыря отталкивания».

— Что говорилось при этом?

— Дословно не помню, но что-то вроде: «Вы в опасной зоне», «Включите локаторы» и «Не мешайте работе».

— Дело в том, что никто с вами не разговаривал! Во всяком случае никто из людей. Коррекцию траектории полета

осуществляют автоматы, а они не запрограммированы вести переговоры с пилотами всех видов транспорта. Были слышны только ваши реплики и ни слова тех, кто с вами разговаривал.

Павел молча смотрел на Ромашина. Тот слабо улыбнулся.

— Интересно, правда? Хотите верьте, хотите нет, но за вами установлено наблюдение. Хотелось бы знать, кто этот неизвестный радетель, волнующийся за вашу судьбу.

Павел оценил скрытый подтекст речи начальника отдела: если бы ему не доверяли, этого разговора не было бы.

— Если все это связано с лабораторией,— продолжал Ромашин,— а иначе все происшедшее с вами теряет смысл, то вывод напрашивается сам собой: кто-то — не люди — назначил вас главным исполнителем по выключению Ствола и печется о здоровье, чтобы не дай бог до похода в Ствол с вами ничего не случилось!

— Даже сказать нечего, полный сумбур в голове! — Павел погладил шею у затылка.— Но почему я? Чем я так понравился моему визави?

— И нас интересует этот вопрос. Вам придется пройти медосмотр в полном объеме и психологическое тестирование, не возражаете?

— Не очень приятное известие.— Павел поймал себя на том, что хочется почесать затылок, и взял себя в руки.— Я согласен, если, конечно, это необходимо. Но я понял, что наблюдают за мной не только неизвестные лица, но и коллеги?

Ромашин кивнул.

— Это вынужденная мера, вы же понимаете. Если мои предположения верны, вам ничего не угрожает... в ближайшем будущем. Свое наблюдение мы снимем, но помните, что основные наблюдения остаются. Кто они — друзья или враги, я не знаю.— Начальник отдела положил руку на плечо Павлу.— Я все понимаю, Паша. Утешать не буду, утверждать, что все кончится хорошо, тоже. В данный момент, уж ты прости, я думаю не о тебе и не о себе. На карту, по словам Златкова, поставлено будущее Мироздания, и что-то мне подсказывает, что он ненамного преувеличил опасность. Конечно, для нас с тобой все равно, что будет во Вселенной, если исчезнем мы сами. Но у нас нет выбора — кого спасать...

— Не надо меня убеждать,— тихо сказал Павел, не заметив, что они перешли на «ты».— Все, что от меня зависит, я сделаю.

— Тогда иди. Наблюдение снимем, нет смысла дублировать... неизвестно кого, хотя у нас была другая цель — выйти через тебя на этого наблюдателя. Но если что-то заметишь — сообщи. Еще раз напоминаю, что через три часа заседание Совета безопасности, не опоздай.

Павел вышел из кабинета. Ему предстояло долго разбираться во всем, что он услышал от Ромашина. «Почему же все-таки выбрали

именно меня? — подумал он, открывая дверь своего кабинета.— Чем я отличаюсь от других? Кто я? Вот именно — кто?!»

Он поднял голову, словно хотел увидеть наблюдателя, но увидел над собой только голубой потолок.

8

Заседание Совета безопасности Высшего Координационного Совета Земли проходило в малом конференц-зале УАСС.

С большинством присутствующих, представителями УАСС, погранслужбы, Земплана, ВКС, социальных институтов Павел знаком не был. Двоих или троих встречал в Управлении, директора УАСС видел в третий раз, и лишь Ромашина и Златкова знал достаточно хорошо.

На центральное возвышение зала взошла незнакомая женщина в сари, с пышными седыми волосами, в которых посверкивали радужные капли. Женщина была немолода и некрасива, но взгляд выдавал в ней человека незаурядного и сильного.

— Заседание Совета безопасности объявляется открытым,— сказала она певуче на интерлинге.— Кворум соблюден. Прошу помнить, решения заседания имеют силу закона. Экстренное сообщение сделает начальник отдела безопасности земного сектора Ромашин.

Женщина села за стол, набрала шифр записывающей аппаратуры, приблизила к себе усик киб-переводчика. Ромашин занял ее место. Павел невольно напрягся, до него вдруг дошел смысл слов «Совет безопасности». Решения этого органа чрезвычайного положения не могла отменить даже генеральная ассамблея ВКС.

— Начну с того, что вы уже знаете,— проговорил Ромашин, глядя поверх голов присутствующих.— Две недели назад произошла катастрофа в лаборатории времени, в результате которой погибли пятьдесят шесть человек. За две недели расследования причин катастрофы удалось установить, что хроноускоритель — Ствол, как мы его называем для краткости,— продолжает работать, хотя неизвестно, откуда он черпает энергию. С гипотезами ученых вас ознакомит заведующий лабораторией, доктор хронофизики Златков, я же приведу несколько примеров.

По данным статистического управления, за последние две недели резко возросло количество несчастных случаев как на Земле, так и в Системе, увеличилось число аварий. Кроме того, по данным скорой помощи, за те же две недели возросло количество сердечно-сосудистых и нервных заболеваний. Прослеживается прямая корреляция между работой Ствола и негативными явлениями в жизни планеты.

Ромашин посмотрел на Павла и отвел глаза.

— Вокруг Ствола накапливаются нарушения природной среды, погодный баланс расстроен, синоптики с трудом справляются с нарушением погодного равновесия в масштабах материка. Поддерживать равновесие с каждым днем становится все трудней. Нет смысла обвинять СЭКОН в некомпетентности, в том, что он разрешил эксперименты со временем, не просчитав всех последствий. Главное сейчас — не допустить развития катастрофы.

Начальник отдела снова посмотрел на Павла. «Волнуется,— догадался тот,— за меня волнуется!»

— Однако появились дополнительные факты, заставившие нас задуматься,— продолжал Ромашин.— А именно: мы, то есть человечество, находимся под контролем. Факты проверены, сомнений нет.

Реакция слушателей показалась Павлу забавной: все остались спокойными, задумчивыми, даже рассеянными, словно то, что они услышали, не выходило за рамки привычных представлений. Спустя полчаса Павел понял, насколько ошибался. Ромашин же отлично знал, с кем имеет дело, и сухо, точно, сжато перечислил факты, в том числе и о загадочном вмешательстве в поступки Павла неизвестного лица, позволявшем сделать вывод о контроле над людьми, пусть и не над всем человечеством, но, во всяком случае, над теми, кто так или иначе связан с катастрофой в Брянском лесу.

— И последнее,— сказал Ромашин, оставаясь бесстрастным, как и все остальные.— Вы слышали об открытии необычных явлений, каким-то образом связанных с работой Ствола: свечении в верхних слоях атмосферы, «пузыре отталкивания» материальных тел на высоте в десять тысяч километров над Землей, области поглощения у полюсов эклиптики. Все эти участки пространства укладываются на вектор, идущий из одной точки на поверхности Земли — из района расположения Ствола. Мы проверили этот вектор и дальше в космосе, сначала до расстояния в десять парсеков — не верилось, что дальнодействие Ствола распространяется так глубоко в космос,— ничего. Никаких сюрпризов. Семнадцать парсеков — новая область отталкивания размером в полтора световых года. Тридцать четыре парсека — еще одна область поглощения диаметром около семи световых лет! Предел наших космолетов, как вы знаете, сто парсеков, так далеко уходили только одиночные автоматы-разведчики, рискнули и мы. На сто втором парсеке спейсер «Славутич» воткнулся в н и ч т о!

Ромашин кашлянул, отпил несколько глотков сока из бокала.

— Экипажу крейсера удалось спастись на автономном «панцире», их подобрал идущий в кильватере «Тиртханкар». Конечно, н и ч т о, пожалуй, слишком сильно сказано, но то, что увидели разведчики, иначе не назовешь. Звезды впереди исчезли! Сзади все

было, как и прежде, впереди — чернота! Корпус спейсера стал таять, испаряться, несмотря на защиту, энергозапас иссяк в несколько минут... Знаю, звучит неправдоподобно, нонсенс, чушь! Но,— Ромашин развел руками,— факт! А потом мы послали разведчиков по другим направлениям, и оказалось, что область пространства в радиусе ста парсеков от Солнца окружена той же субстанцией, в которой бесследно исчезают зонды и беспилотные модули. Млечный путь исчез, будто почти все двести миллиардов его звезд погасли! Погасли и другие галактики, их свет за пределами двухсотпарсековой сферы умер! Я не знаю, в чем тут дело, никто не знает. Сфера «нормального» пространства уменьшается со скоростью две световые минуты за секунду. Звезды на границе сферы гаснут. Мы сворачиваем экспедиции, эвакуируем колонии у иных звезд. Паники еще нет, но...— Ромашин замолчал.

У Павла вспотели ладони, он был потрясен. Впрочем, не только он один. Эра Больших и Могучих дел! — вспомнил он ироническое высказывание Марича. Неужели все это — следствие катастрофы в лаборатории времени?!

— И выхода нет? — раздался чей-то негромкий голос.

— Есть. Надо выключить генератор хронораспада. Поскольку тот, кто установил контроль над нами, не навязывает своей воли, своего решения, значит, мы пока действуем правильно.

— Но ведь в Ствол пройти невозможно, вы сами говорили.

— Да, риск смертелен и нет гарантии, что удастся выключить генератор. Но у нас нет иного выхода!

— Уже есть кандидатуры?

— Инспектор космосектора Павел Жданов, о котором я только что говорил.

Павел встал. Двадцать с лишним пар глаз скрестили взгляды на нем. Павел ждал вопросов, но члены Совета молчали. Им не надо было долго разъяснять положение дел, и на что идет инспектор, они тоже понимали.

На возвышение вышел Златков.

— Не буду утомлять вас теоретическими выкладками,— начал он, более угрюмый, чем обычно; физик осунулся, под глазами легли тени, глаза сухо блестели.— Хронофизика пока остается наукой скандальной, ибо многие ее парадоксы каждый теоретик объясняет по-своему. Это касается и последнего эксперимента, закончившегося трагедией. И все же я попытаюсь свести гипотезы физиков, или хотя бы большинства из них, в одну. Итак, всех волнуют три вопроса: почему произошла катастрофа, чем все это кончится и что делать? Отвечаю по порядку. Катастрофа произошла из-за вмешательства извне. Расчеты специалистов сходятся полностью: с нашими энергиями и техникой «проколоть» время ниже миллиарда лет мы бы не смогли. Тем не менее, это произошло! Другой вопрос — кто

вмешался? Тут мнения расходятся. Многие считают, что вмешался иной разум. Есть даже гипотеза вроде той, что вмешались «земляне из другого угла времени». Я же считаю, что вмешались наши потомки, использовав наше оборудование, хроноускоритель, для своих целей. Основания так считать у меня есть: доказано, что Ствол проник не только в прошлое, но и в будущее, чего не удавалось ни в одном из прошлых запусков.

Вопрос второй: чем грозит вышедший из-под контроля эксперимент? По-моему, из сообщения Ромашина вы уже поняли ответ. Последствия эксперимента сказываются не только на Земле, но и в глубоком космосе: на расстоянии в сто парсеков от Солнца исчезли звезды и галактики, картина привычной нам Вселенной! Одно из двух: либо это проявление фиолетового смещения — сжатия Вселенной, либо свидетельство того, что мы замкнуты в своеобразной петле времени. Но в том, что мы не исчезли сразу после хронопрокола — Земля, Солнечная система, ближайшее звездное окружение,— я вижу великую надежду! Надежду на то, что не все потеряно и у нас остался шанс что-то сделать. И вместе с нами надеются те, кто все это устроил, виновники катастрофы, наши правнуки. Почему они не могут сами исправить содеянное, я не знаю, надо подумать. Но у нас самих есть шанс. Вот мы и подошли к третьему вопросу: что делать? Ответ прост: необходимо выключить хроноускоритель. Время само «вытолкнет» хроноген в нашу эпоху, и все вернется на круги своя... или не вернется!

Златков умолк. Эхо странных и страшных слов перестало метаться между стен, и на зал спустилась первозданная тишина.

— Но для каких целей иной разум или наши потомки использовали хроноускоритель? — спросил самый старый из членов Совета, сидевший впереди Павла.

— Да,— очнулся Златков.— Это лишь предположение, но уж очень хорошо оно укладывается в прокрустово ложе имеющихся данных. Всю информацию, все догадки и гипотезы, теоретический аппарат хронофизики и физики вакуума, общей теории поля, космологии и теории сингулярных состояний я вложил в большой интелмат Академии наук и получил ответ: хроноген «провалился» в самое начало времени, к моменту рождения Вселенной, и, возможно, именно в этом причина Большого Взрыва, взрыва космического «яйца», породившего нашу Вселенную!

Члены Совета переглянулись, кое у кого впервые промелькнули на губах легкие улыбки, только Павел поверил Златкову сразу. Но умудренные опытом члены Совета безопасности не стали доказывать Златкову, что его идея — всего лишь порождение человеческой мысли, пусть и пропущенной через умную машину; каждый из них уже принял решение, и теперь следовало из двух с лишним десятков решений составить одно, самое верное в создавшейся

ситуации. Павел внутренне поежился, представив, какое бремя ответственности несут эти суровые, молчаливые, сдержанные люди, знавшие, что от их решения зависят не только судьбы отдельных коллективов, но и человечества в целом. И сейчас от их решения зависели стратегия и тактика всей цивилизации, направление ее усилий и стремлений, всего беспокойного бытия, подчиненного главной цели: уцелеть самой и сохранить среду обитания...

Златков понял реакцию присутствующих, но не обиделся. Он и сам на их месте отреагировал бы так же. К столу вышел Костров.

— Нет смысла лишний раз утверждать, насколько серьезны заявления Ромашина и Златкова. Предлагаю следующее: сконцентрировать усилия лучших умов человечества для разработки способа проникновения внутрь хроноускорителя, срочно подготовить дублеров Жданову, установив причины отбора его неизвестным наблюдателем, попытаться связаться через Ствол с теми, кто нас контролирует,— с потомками, если это их рук дело, или с иным разумом, и, наконец, сообщить о случившемся всему человечеству. Люди должны знать все! Это главное, что должен решить Совет. Остальное — забота подкомиссий, я имею в виду вопросы энергозатрат, эвакуации, перехода УАСС на всеобщий «Шторм» и так далее. Прошу высказываться...

Спустя час Павел шел с Ромашиным в медцентр Управления, где его ожидали медики-эксперты со своей головоломной аппаратурой. У двери в медцентр начальник отдела придержал Павла за руку:

— Дальше я с вами не пойду. Не знаю, что вам сказать, прежде чем вы... Понимаете? Волнуюсь.

— Спасибо,— пробормотал Павел, не привыкший к выражению симпатий столь наглядным образом.— Я тоже, честно говоря, волнуюсь. Ничего говорить не надо, и так все понятно.

— Наверное, действительно, не надо. Слова просятся на язык какие-то слишком громкие, трескучие, вроде: «За спиной Земля», «От вас зависит судьба цивилизации»...

Павел невольно улыбнулся.

— Не мучайтесь, Игнат, тем более что судьба мира не только в моих руках.

— Судьба мира...— сказал Ромашин так, что улыбка застыла на губах инспектора.— Помните философское определение времени? Время — это имманентное свойство мира, связанное с характером происходящих в нем изменений. Смысл фразы ускользает, прячется, несмотря на то что все слова известны и понятны. Теперь мы точно узнали, что время — основа мироздания! Жаль, что поздно...

— Может, еще не поздно?

— Может быть. Как выразился Златков, есть великая надежда!

Надежда на то, что человек одновременно беспомощен и всемогущ. Идите. Буду ждать вас у себя.

Ромашин отпустил руку Павла и направился по коридору к лифту, прочь от двери с надписью «Медицинский комплекс УАСС».

После всесторонней медицинской проверки в медцентре Управления Павел прошел медосмотр и психологическое тестирование в Институте проблем медицины Академии наук, но никаких отклонений от нормы в его здоровье, психике, в работе нервной системы медикам отыскать не удалось.

— Вы не бог хладнокровия,— сказал ему, пожимая руку на прощание директор Института проблем медицины академик Латышев,— но исключительно уравновешенный, координированный, абсолютно здоровый человек. С чем и поздравляю!

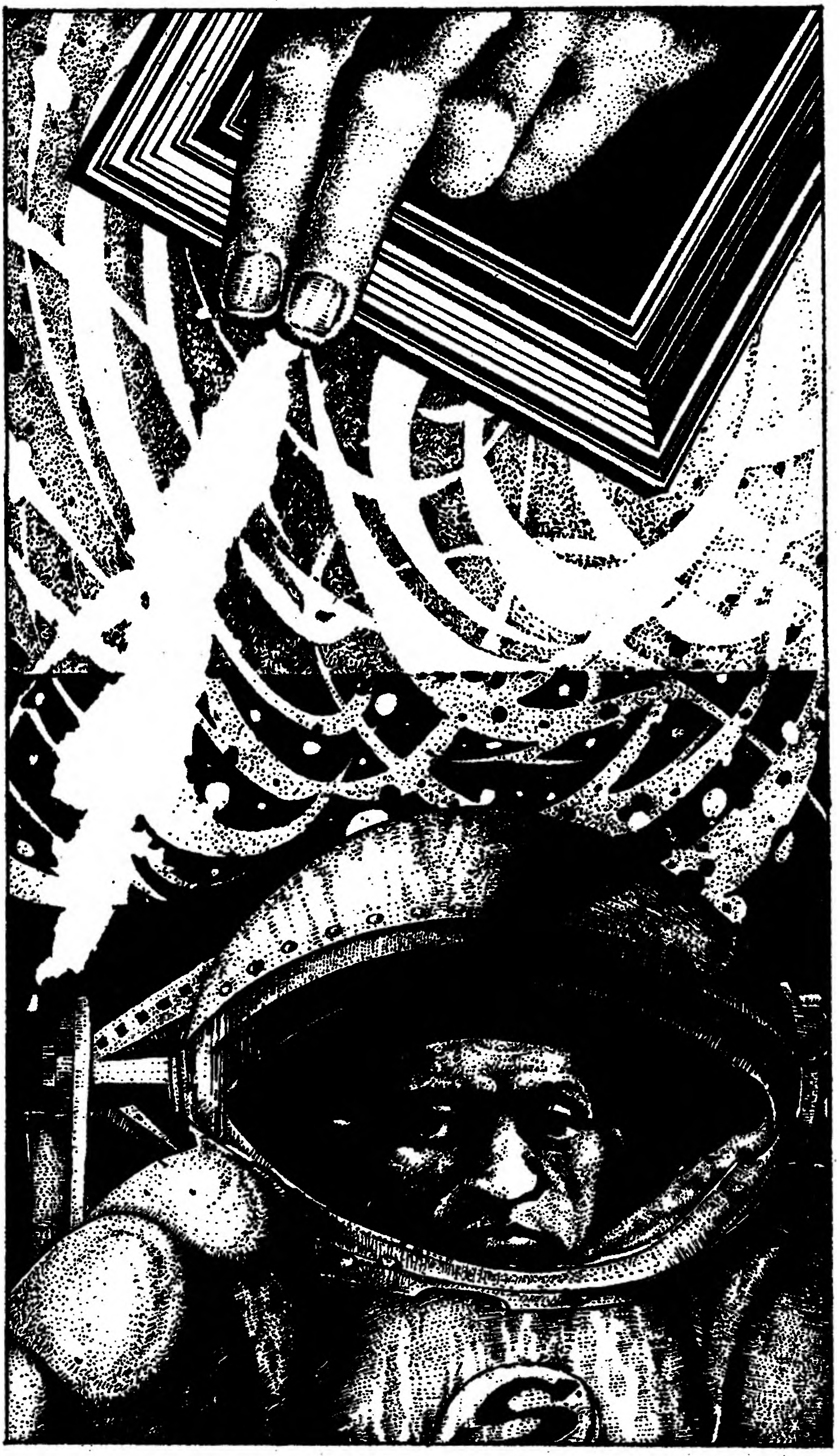
Речь академика тяготела к использованию слов в превосходной степени, видимо — старая закалка лечащего врача, но после встречи с ним Павел почувствовал себя увереннее и добрее.

Выйдя в девятом часу за пределы Института, расположенного в третьем округе Москвы, Павел вспомнил, что голоден, и решил поесть в кафе «Двадцатый век».

Через полчаса он уже заказывал ужин и, пока заказ отрабатывался, рассеянно осмотрелся: он бывал здесь часто, и обстановка кафе, искусно сделанная «под старину», в стиле далекого двадцатого века, была ему знакома.

Здесь не было сенсорных автозаказчиков, силовых завес и биокабин, рассчитанных на персональное автоматическое распознавание вкуса посетителей, не было синтезатора ароматов, бесшумных киб-официантов, эффекторов условий и видеопласта, создающего для любого посетителя любой пейзаж; не было синтомузыки с психоадаптерами, срабатывающими по настроению посетителей. По небольшому уютному залу со стенами из «кирпича» и «дерева» были расставлены треугольные, круглые, квадратные столики, рассчитанные на группы с разным количеством людей и с разными вкусами. У одной из стен между колоннами на небольшом возвышении располагался эстрадный оркестр, использующий старинные музыкальные инструменты. Оркестр играл что-то современное, но исполнение оставляло желать лучшего, все-таки возможности старинных инструментов во многом зависели от материала, качества изготовления и профессиональной подготовки исполнителей. Любой синтезатор мог заменить этот оркестр, особенно если музыкант достиг вершин эйфоромузыки, но Павел давно оценил желание распорядителей и оформителей кафе приблизиться к веку «вплотную».

Официант — вполне живой и настоящий человек — принес на подносе ужин и расставил на столике.



— Я вас уже приметил,— сказал он.— Нравится русская кухня?

— Все нравится,— признался Павел.— Только никак не могу привыкнуть к «живому» обслуживающему персоналу.

Официант красиво засмеялся.

— Мне тоже поначалу было не по себе. Привык. Ешьте на здоровье и заходите еще.

— Спасибо, непременно.

Павел принялся за еду.

Оркестр начал играть что-то томно-нежное, лирическое, две пары вышли танцевать, но вскоре сели: кафе еще только-только начинало заполняться посетителями.

Павел пожалел, что не может позволить себе отвлечься, отдохнуть, доел жаркое, запил медовым напитком, несколько минут посидел расслабленный, ощущая приятную тяжесть в желудке, потом встряхнулся и прямо из кафе вызвал такси.

В десять вечера он взлетел, направляясь к Брянску, в шестидесяти километрах от которого попирал Землю Ствол-хроноускоритель.

Над Брянском небо было затянуто тучами. Стемнело, и аппарат словно провалился в яму без дна. Павел, шевеля губами, стал читать вслух стихи, сначала шепотом, потом в полный голос:

Мы честно не веруем в бога,
Откуда берется тревога?
Друзья, отчего вы скорбите
На звонкой планете своей?..
Мы плавно летим по орбите,
Одни мы над миром владыки,
Нам зверь подчиняется дикий
И травы зеленых полей...

И вдруг слова замерли на его губах, он увидел Ствол.

На горизонте, врезаясь в темные громады ночных туч, дрожал бледный столб света, башня бледного сияния, безобидная и эфемерная из-за расстояния... И надолго врезались в память безмолвие и мрак, разрезанный надвое лезвием призрачно-лунного света...

Утро Павел встретил на Земле Пири в Гренландии — из-за желания умыться снегом. Свое желание он осуществил с лихвой: не только умылся, но и провалился в сугроб с головой на мысе Пири, куда от метро пролегла линия монора, совершенно пустого в такую рань. Возвращаясь, Павел изрядно продрог, с тоской подумал о биатлоне — на лыжи не вставал уже полгода, вернулся домой, сделал зарядку в полном объеме и принял горячий душ.

Завтрак занял двадцать минут, а спустя еще полчаса Павел облетел Ствол на двухместном пинассе и отметил появление у башни Ствола передвижного строительно-монтажного комплекса, а также

странные серебристые пятна в зеленой траве, похожие на пятна изморози. Снизившись, понял, что видит огромные, до десяти метров в поперечнике, паутины со сложным и красивым рисунком. В зале Центра он нашел Златкова.

— У меня создается впечатление, что вы здесь живете.

— Так оно и есть,— хмуро ответил начальник Центра.— Покидаю сей приют лишь когда нужно провести циклы расчетов на больших машинах. Вы тоже сегодня рано.

— Хотя мне и приказали отдыхать, спать не могу. Из головы не идет мысль, что все события вокруг — не настоящие, понарошку. С вами такого не бывает?

— Случается. Это оттого, что размах событий вышел за границу человеческого удивления. Каждому природой отмечен определенный запас эмоционального равновесия, заключенного в узком «ущелье» между двумя «стенами» — полнейшего равнодушия и стресса от переизбытка впечатлений и переживаний. За первой стеной — болезнь, ибо равнодушие — это предел эмоционального покоя, за второй — смерть или, по крайней мере, уход в выдуманный, иллюзорный мир, в котором на психику уже ничего подействовать не может, ибо она себя исчерпала.

— Ну, до равнодушия мне далеко, а вот ощущение нереальности, вернее, театральности, если хотите, не проходит. Но простите за лирику. С высоты я видел странные паутины в траве. Откуда они?

— Деятельность конкистадоров. «Паутины» — это антенны эффекторов хронополя, с помощью которых конкистадоры стабилизируют Ствол во временных координатах в местах выхода Ствола в прошлом. Здесь они не нужны, однако некоторые из вернувшихся автоматов начинают плести свою паутину, прежде чем мы их вылавливаем. Инстинкт опасности у них сохраняется.

— С высоты я заметил монтажный комплекс типа «Геракл», что за стройка затевается?

— Сегодня монтажники начнут установку максимального хроностабилизатора. Попробуем с его помощью пробить брешь в слое «вспененного» времени вокруг Ствола. Расчеты готовы.

— Зачем?

— Я думал, вы догадываетесь.— Златков поднял на инспектора измученные, покрасневшие глаза.— Чтобы тот, кто пойдет в Ствол для его выключения, смог остаться в живых хотя бы на первом этапе.

Павел кивнул, отворачиваясь.

В девять утра в Центр заявился Ромашин и сообщил, что решен вопрос с дублером. Вторым вслед за Павлом, в случае его неудачи, в Ствол пойдет сам начальник отдела безопасности. Поговорили о координации всех служб во время первой вылазки Павла в здание лаборатории. Побывали в секторе зондирования, где Федор Полуянов с товарищами готовил к запуску новую партию конкистадоров.

— Эти должны пройти почти все,— сказал инженер, похлопывая по глянцево-черному боку одного из «пауков».— Мы усилили защиту мозга, хотя пришлось пожертвовать полифункциональностью. Они теперь ничего не умеют делать, кроме видеосъемки.

— Какова же их программа? — спросил Ромашин.

— Цель! — бросил Федор повелительным тоном.

Паук что-то тихо проскрипел в ответ.

— Скоростная звукозапись,— пояснил инженер.— Ответь в нормальном диапазоне.

— Цель — установить контакт с людьми,— забубнил конкистадор басом.— Задать вопросы в записи, получить ответы, доставить ответы...

— Довольно...

Конкистадор послушно умолк.

Павел переглянулся с Ромашиным, в глазах которого мелькнул веселый огонек, и вернулся вместе с ним в зал контроля.

До обеда Златков и его помощник рассказывали им об аппаратуре, оборудовании и расположении помещений лаборатории и Ствола, показывали голографии внутренних интерьеров, разрезы, видеофильмы. Обедать Павел пошел с легкой головной болью: пришлось прокачать через память за короткое время небывалое количество информации. В два часа дня Павел и Ромашин сдали экзамен на знание оборудования и работы главных систем, инспектор в последний раз опробовал скафандр и проверил, все ли взял с собой в первый поход в лабораторию.

Его вывели из подземелья, гурьбой вышли на склон холма: Ромашин, Златков, Федор, инженеры и операторы связи, ученые. Все молчали, прощаться было глупо, и только Златков пробормотал:

— Всего тысяча дней...

Никто его не понял, кроме Павла. Начальник Центра предупреждал о том, что до «конца света» осталась тысяча дней, если судить по скорости сжатия мрака вокруг еще «живой» звездной области пространства с Солнцем в центре.

9

Громада Ствола заслонила горизонт.

Павел оглянулся, зная, что за ним наблюдают по крайней мере с четырех сторон. До сахарно-белого куба лаборатории оставалось не более двухсот метров серо-коричневой, губчатой, как пемза, площади: трава здесь, вблизи Ствола, так и не выросла.

Скафандр был тяжеловат, хотя и не причинял особых неудобств.

— До встречи,— сказал Павел, шагнув вперед и остановился, потому что услышал чей-то голос:

— Не ходите туда.

— В чем дело? — спросил Павел.— Кто это сказал?

— Что именно? — отозвался Ромашин.— О чем ты, Павел?

— Показалось...

Инспектор не страдал слуховыми галлюцинациями даже в моменты наивысшего нервного напряжения, поэтому он интуитивно понял, что его позвали «иные». Он снова шагнул к зданию, но как ни готов был услышать чужой голос, все же вздрогнул.

— Не ходите,— повторил обыкновенный человеческий баритон.

Павел отключил рацию, чтобы его не слышали в Центре.

— Почему?

— По двум причинам: первая — вы нужды для отключения Ствола, вторая — идти в лабораторию нет смысла, цепи управления хроноускорителем давно прекратили существова́ние. Здание лаборатории в настоящий момент только внешне выглядит зданием, внутри это перекресток пространств с разными свойствами.

— Но это знаете в ы,— сказал Павел.— Не мы. Если вы правы, я проверю и вернусь. Я обязан сделать это, понимаете? Почему вы не остановили Игоря Марича?

— Мы предупреждали, он не поверил.

— Почему же уверены, что поверю я? Впрочем, не обо мне речь. Он жив?

— Нет информации.

— Раз уж зашел этот разговор, ответьте на два вопроса. Что произошло на самом деле?

Тихое потрескивание в наушниках, словно неведомый собеседник задумался, стоит ли отвечать. Наконец прозвучал знакомый баритон:

— Родилась Вселенная.

— Но ведь она родилась давно, около двенадцати миллиардов лет назад!

— И да, и нет. Нет вещи более относительной, чем время.

— Не понимаю.

— Думайте. Вы все же намерены идти в здание?

— Да. Подождите, остался еще вопрос.

— Вы задали оба.

— Простите, второй возник попутно с первым. Вопрос личный: почему именно я выбран вами для... выполнения задачи?

— Вас «выбрали» не мы, а — законы природы. В самом первом, грубом и неточном приближении ответ сводится к закону обратной связи.

— Поясните, пожалуйста.

— Думайте.

— А если я... не сумею выключить генератор? Что тогда?

— Этого не знает никто во Вселенной. Вас зовут, прощайте.

Павел опомнился и включил рацию.

— Все в порядке, иду дальше.

Границы зоны «вспененного времени» он пересек незаметно для себя, вернее, заметил только по прекращению радиосвязи. Динамики скафандра сразу перестали потрескивать и доносить голоса операторов связи и патруля УАСС.

Как и робот до него, Павел обошел здание кругом, проверяя работу всех систем скафандра. Никаких неприятных ощущений не появлялось, хотя он находился в среде, смертельной для незащищенного человека. У главного входа в лабораторию задержался. На него дохнуло холодом и сыростью, как из подземелья,— реакция на угрюмый мрак за распахнутой дверью. «Перекресток пространств»,— сказал голос. Посмотрим, что оно представляет собой...

Павел решительно поднялся по ступенькам под козырек входа, включил поясной прожектор и шагнул в вестибюль.

Белые, изъеденные ямками и порами неведомой коррозии гнутые стены, вычурные желоба пандусов, ведущих на галерею, чаша мертвого фонтана посередине, наклонные щиты зеленоватого цвета, расколотые трещинами, куб светомузыкального устройства, серый, в черных потеках, три выхода в коридоры с полупрозрачными створками дверей. Но внимание Павла приклекла ажурная черная колонна, вырастающая из пола и исчезающая в сводчатом потолке.

Павел обошел колонну, пытаясь уяснить, для чего она здесь. Ни Златков, ни второй лектор ничего о ней не говорили. Выходит, колонна каким-то образом обязана своим появлением последнему эксперименту. Что же это такое?

Обойдя вестибюль, Павел вспомнил о Мариче, несколько раз позвал его, сначала по рации, потом через звукопередатчик. Ответом было эхо и серии тихих щелчков в наушниках.

«Что-то незаметно, что здесь «перекресток пространств»,— подумал Павел.— Разве что дырчатая колонна — иное пространство? И ничего тут нет опасного, из-за чего не вернулся Игорь... Или я не вижу опасности...»

Он вырастил щуп из универсального инструментария, похожего на пистолет, и, подойдя ближе к резной колонне, коснулся щупом ее стенки. В следующее мгновение пространство вокруг искривилось, наступила короткая невесомость, и Павел оказался внутри колонны, подвешенный неизвестной силой точно по оси ажурной трубы. Вокруг, куда ни глянь, висели десятки и сотни горбатых фигур в зеркальных балахонах — отражения разведчика в слоях неизвестной субстанции.

Павел осторожно шевельнулся, в наушниках раздался щелчок и вслед за ним женский голос:

— Нуль-вызов принят. Заказывайте выход. Солювелл-три готов к перегибу. Ваша масса?

— Э-э?..— хрипло проговорил Павел.— Масса сто тридцать три килограмма... простите, где я нахожусь?

В голосе незнакомки удивления не прозвучало, только вежливая готовность и доброжелательность:

— Вы в трансгрессе Солювелл-три. Срок выхода три минуты, массу принимаю, код перегиба бам-у-эс-тридцать-тридцать.

— А попроще?

— Трансгресс — парамост пространственных перемещений, перегиб длится три минуты, выходы квантованы, ближайшая точка выхода — Балор-девять, сто десять тысяч парсеков.

— Так далеко мне не надо.— Павел заметил, что женщина произносит совершенно иные слова, но речь синхронно переводится на русский язык.— Солювелл-три — это Земля или Солнце?

— Это Колыбель, около четырех миллиардов лет назад называлась Солнечной системой. Больше информации не имею, обратитесь в общий Информ Солювелла-три. Могу предложить код обмена сто второго хроноквант-градуса.

— Не надо. Могу я... э-э, каким-то образом выйти из этого парамоста... трансгресса... без перегибов и перемещений?

В тот же момент Павел очутился на полу холла рядом с решетчатой колонной, не изменившей своего мирного вида.

«Вот тебе и труба!.. Трансгресс... первая точка выхода — сто десять тысяч парсеков! Попробуй, дойди обратно!»

— Чувство юмора — это неплохо,— раздался рядом тихий голос, мужской.— Но лучше бы вы не теряли чувства осторожности.

Павел оглянулся, посветил фонарем — никого.

— Это снова вы? С кем я разговаривал?

— С автоматом обслуживания трансгресса.

— Так эта труба — что-то вроде метро?

— Через здание лаборатории проходит линия перегиба пространственных координат, ваш мозг воспринимает ее как «трубу». Не отвлекайтесь.

— Понял,— вздохнул Павел.— Спасибо за совет.

Где-то далеко, в глубине здания, с тонким звоном лопнула струна — именно такой звук коснулся слуха. Павел вздрогнул, машинально проверил встроенную в пояс и предплечья скафандра аппаратуру звуко- и видеозаписи и направился к двери в коридор, ведущий к лестничной клетке. Ему предстояло подняться на четвертый этаж в зал управления лабораторией.

Автоматика двери не работала. Павел нашел заслонку ручного открывания, нащупал рычажок и потянул на себя.

Коридор за дверью выглядел странно. Его стены были волокнистыми, как спрессованный дым, и уходили вверх на недосягаемую высоту, луч прожектора, казалось, был где-то в километре от пола. Но и пола как такового не было, вместо него во всю ширь коридора

пролегала рваная каменная борозда, по дну которой бежал ручей. Струя воды добегала до двери и... исчезала, будто отрезанная невидимым лезвием!

Павел прислушался, но плеска ручья не услышал. Лишь издали, из глубины, долетали иногда странные звуки: потрескивания, мокрые шорохи, удары водяных капель о гулкое дно, звуки лопнувшей струны...

Инспектор выключил прожектор, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, но увидел только светлую щель над головой — там, где исчезали в вышине стены коридора. «Пока ничего особенного,— подумал он, снова включая свет,— кроме непонятного исчезновения вод ручья. Еще один эффект перекрученного пространства-времени. Меня это в данный момент не касается, надо идти вперед, пока возможно».

Он шагнул на буро-коричневый пласт каменной борозды и... с грохотом полетел куда-то вниз, в глубокую пропасть. Стены коридора скачком выросли в исполинские вертикальные горные склоны и отдалились за пределы видимости, бугристый вал борозды превратился в горный хребет, конус прожекторного света сузился, ударило в ноги. Ошеломленный Павел, ощутив под ногами твердую почву, машинально шагнул назад — сзади должна была находиться дверь в холл, но все осталось на своих местах. Под ногами — пористый коричневый бугор, рядом — изломы скал, в сотне метров — луч прожектора вязнет в полной тьме, высвечивая те же скалы и каменные складки.

Павел выключил свет и увидел сзади далеко-далеко вертикальный блик высотой в несколько километров. «Вот это, что называется, влип! Шагнул и... провалился? Непохоже, хотя испытал нечто вроде падения... Куда же меня занесло на этот раз? В подвал? Или «перекресток пространств» в действии? Недаром не хотелось сюда идти... Скалы и камни... и ручей в коридоре... Ручей?»

Инспектор прислушался. Справа от него слышался равномерный глухой гул, который он поначалу принял за шум в ушах от удара. Павел прошел по каменным волнам метров двести, наткнулся на ребристую серую стену, обрывающуюся куда-то вниз, и посветил в провал. Луч выхватил из темноты серо-зеленую массу несущейся воды. Река...

— Река! — сказал он вслух, еще не веря догадке.

Это не могло быть совпадением: каменная борозда с ручьем в коридоре, хаос скал и река здесь, где он очутился. Коридор не изменился, изменился он, Павел Жданов, превратился в гнома, в Нильса Хольгерссона из древней шведской сказки. Один из темпоральных эффектов в действии, а именно — эффект трансформации масштабов при переходе из одной локальной области многосвязного пространства-времени в другую. Ничего особенного, придется вер-

нуться назад, к двери, перешагнуть магическую черту, за которой располагается обычный мир холла. Однако здесь немудрено и заблудиться. Может, Марич до сих пор плутает между скалами?

Павел включил звукопередатчик на всю мощь:

— Игорь! Отзовись!

Многократное эхо разбросало пригоршни звуков по каменным склонам, ущельям и долинам и погасло в теснине реки. Павел подождал ответа, вздохнул и зашагал вдоль берега по кромке обрыва в ту сторону, куда река несла свои безжизненные воды...

В холл он вышел через пять часов, если верить хронометру скафандра. Переход прошел мгновенно: Павла ударило обо что-то твердое — ощущение не из приятных, голову пронзила острая колющая боль. Очнувшись от короткого беспамятства, он понял, что стоит в холле на четвереньках. Под руками и ногами множество пластмассовых осколков, на полу желтые лучевидные пятна ожогов.

Поднялся на ноги, посветил кругом. Дверь отсутствовала, углы стены в местах крепления двери выщерблены и оплавлены.

Павел направил луч в коридор и хмыкнул. Каменная борозда с ручьем исчезла, пол коридора блестел, как металлический, зато стены почернели, стали жидкими, по ним ходили волны, вскипали фонтанчиками, проливая на пол черную дымящуюся жидкость.

Павел не рискнул еще раз войти в коридор. Две вещи беспокоили его: ограниченность энергозапаса скафандра и то, что за пять часов путешествия по «горной стране» неведомого мира вне здания могло пройти гораздо больше времени. Ожидающие могли не вытерпеть и послать дублера.

Решетчатую колонну трансгресса в центре холла он обошел на изрядном расстоянии, осмотрел колодцы лифтов — вроде бы целы,— но заходить не стал. Оставалось еще два коридора, и каждый мог привести к цели — на лестничную клетку, а там подняться на четвертый этаж будет несложно.

Но второй коридор отсутствовал вовсе.

Павел поворочал прожектором — луч света вяз в чернильном мраке без единого проблеска. Пустота да и только, космический вакуум! Ощущение опасности стало острей, сами собой напряглись мышцы тела, захотелось спрятаться под надежной защитой корабельной обшивки — стереотип космонавта, привыкшего мыслить категориями космической спасательной службы.

Павел аккуратно прикрыл дверь, отошел и облегченно вздохнул. Собрался было отдохнуть и перекусить, но звук «лопнувшей струны» заставил его пить и есть на ходу. Торопясь, проглотил несколько глотков витаминизированного желе, запил брусничным соком и спрятал мундштук пищеблока.

Последний коридор был нормальным на вид. Прямоугольного сечения, сизый, в голубых разводах «сырости», он исправно, без

сюрпризов вывел инспектора к лестничной клетке, но стоило посветить в проем двери, ведущей на лестницу, как сразу стало ясно, что пройти наверх не удастся и здесь. Вместо лестничного пролета взору предстала круглая труба, уходящая вверх метров на сто и обрывающаяся внизу всего в двух метрах. Павлу показалось, что он выглянул из люка космолета в пространство: вверху проплывали звездные россыпи, внизу — две звезды поярче, темно-багровая и желтая.

Из недр здания прилетал металлический стон. Павел невольно вздрогнул, оглянулся: показалось, что кто-то смотрит в спину. Коридор был пуст, но ощущение взгляда не исчезало, только ослабело. Из холла донесся тихий отчетливый хруст и треск — кто-то шагал по битой пластмассе. Павел в несколько прыжков преодолел коридор, выскочил в вестибюль. Прожекторный конус выхватил из тьмы знакомый ажурный цилиндр, пустые стены, гладкий пол. Никого.

Хруст повторился. Павел резко повернулся и направил луч в угол. У расколотого технощита топтался на месте шестиногий конкистадор. Три глаза его вспыхнули зеленоватыми бликами в свете прожектора, казалось, паук плачет.

— Ф-фу! — выдохнул Павел, снимая руку с рукоятки пистолета на поясе.— Напугал, насекомое! Ты откуда?

Паук что-то проскрипел.

— Ответь в нормальном ритме.

Снова тихий прерывистый скрип.

— Значит, не можешь. Плохи твои дела. Тогда веди меня в зал управления лабораторией. Живо!

Паук смешно перебрал ногами на месте, тихо свистнул и побежал через холл к первому коридору, где недавно протекал ручей. Теперь в нем не было ни каменной борозды, ни ручья, металлический пол был залит лужами черной жидкости со стен.

Остановившись на секунду, конкистадор снова свистнул, прыгнул в коридор. Громыхнуло, кибер исчез, и вместе с ним исчез коридор. На его месте образовалась дымная яма, на дне которой сквозь дым всплыл шар планеты в оспинах и шрамах кратеров. Планета больше всего походила на Меркурий.

— Понятно,— сказал Павел, пытаясь разглядеть планету подробней.— Вечная тебе память... туда мне тоже не надо. Далеко. Хорошо, если это Меркурий, а если иная звездная система? Да еще не имеющая станции метро? Н-да, прав был голос, это действительно перекресток пространств...

Павел слизнул языком пот над губой и вернулся в «нормальный» коридор: три двери слева и три справа. И все они открывались в пространства неведомых миров. Первая дверь, которую открыл инспектор, скрывала за собой пещеру, вернее, великолепный

грот с зеркалом воды и сверкающим панцирем натеков и сталактитов.

Вторая выходила на морскую террасу, мокрую от долетающих брызг: прибой яростно и упорно строгал камень террасы, обтачивал гальку, дробил щебень в песок. Море было неземное — как загустевшая кровь, оно искрилось и гнало светящуюся пену. Небо в этом мире было глухим, беззвездным, на горизонте смутно проглядывал тусклый коричневый диск — не то планета, не то светило.

Павел аккуратно закрыл за собой дверь, постоял в задумчивости у соседней, но все же решил удовлетворить любопытство.

За третьей дверью начинался чудовищный фиолетово-черный лес, деревья которого напоминали мохнатые человеческие уши с сотнями крохотных глаз. Лес был полон таинственных звуков и движения.

За четвертой дверью пейзаж был странный, словно вмурованный в толщу стекла или прозрачного желе: что-то полупрозрачное, скользкое, мерцающее медленно ползало, взбулькивало, хрипело, порхали хлопья дыма, рождались и умирали голубые огни, бледные сетчатые тени и пятна.

Пятая и шестая двери не открылись.

Павел потоптался в коридоре и вдруг вспомнил, что галерея перехода из лаборатории в Ствол начинается двумя этажами ниже, с самого нижнего горизонта здания. Он мысленно представил план расположения нижнего горизонта, вышел в вестибюль и снял с пояса пистолет. Лифты не работали, лестницы перестали быть лестницами, и на нижний этаж можно было попасть только через перекрытие, с помощью грубой силы.

Павел рассчитал импульс, способный пробить двадцать сантиметров пластибетона, выбрал точку удара в трех метрах от себя и нажал на спуск. Из длинного дула пистолета ахнуло ажурное пламя разряда, вонзилось в пол, и в то же время сильный удар в грудь отбросил инспектора к стене. Ослепительный клубок огня, роняя тающие клочья, метнулся в стену напротив. Пол завибрировал, здание вздрогнуло, шатнулось, гул и грохот всплыл из его недр...

Чувствуя подступающую к горлу тошноту, борясь с неожиданно подкравшейся слабостью — видимо, часть неведомой энергии прорвалась-таки сквозь защиту скафандра,— Павел побрел вдоль стены к выходу, оглядываясь на разгул стихий. За бледной стеной огня он разглядел черный поток, затопивший чашу фонтана и догоняющий его мягкими, вкрадчивыми прыжками.

Когда инспектор вышел из лаборатории, его встретила хмурая беззвездная ночь...

— Все? — спросил Ромашин, подождав минуту.

Павел кивнул.

В кабинете начальника отдела собралось пять человек: хозяин кабинета, директор УАСС, заместитель председателя Высшего координационного Совета Орест Шахов, Атанас Златков, Павел.

Ромашин оглядел присутствующих и снова повернулся к Жданову.

— Ты отсутствовал двое с половиной суток. Утром хотели посылать дублера. Кстати, почему ты не записал голос «потомка»?

— Это был, скорее всего, не голос, а мыслепередача.

— Поясните, о чем речь,— попросил Шахов.— Я не знаю подробностей.

Ромашин рассказал о таинственном незнакомце, контролирующем действия Павла Жданова.

— А разве трудно было установить, кто следит? — спросил Шахов с неудовольствием. Он не был на Совете безопасности и не слышал гипотезы Златкова.

— Наблюдатель пожелал остаться неизвестным,— с иронией ответил начальник отдела.— Это качественно иной уровень возможностей, основанный не на технике. Не так ли, Атанас?

Хронофизик медленно перевел рассеянный взгляд на Ромашина, мигнул, и лицо его приняло знакомое угрюмо-насмешливое выражение.

— Обычно ученые, а тем более спасатели, не принимают всерьез гипотез, базирующихся на исключительном стечении обстоятельств. Но в данном случае не существует иных объяснений: вмешались или наши правнуки, или иные разумные существа... что для нас, по существу, одно и то же.

— А по-моему, потомки вмешаться не могли,— сказал Костров.— Своим вмешательством они рискуют изменить собственную реальность, разве не так?

— В известной мере это парадокс,— согласился Златков.— Но и его можно объяснить по-разному. Может быть, в момент проведения эксперимента возникла развилка во времени, и наши наблюдатели из другой ветви мира. Но скорее всего, вступил в силу закон затухания последствий, и потомкам на большом отрезке времени не страшны никакие изменения в нашей эпохе.

— И все же я не понял, почему именно Павел Жданов выбран... э-э, теми, кто контролирует,— пробурчал Шахов.— Неужели он столь незаменим, отмечен «печатью спасения человечества»? Извините.— Шахов повернул голову к Павлу.— У меня нет намерения обидеть вас, но почему именно вы явились «избранником богов», вопрос не праздный.

— Не знаю,— тихо сказал Павел.— Никаких особых заслуг у меня нет, сверхспособностей тоже...

— Наверное, этот выбор навсегда останется загадкой для нас,—

сказал Златков.— Жданов, как вы уже слышали, задавал вопрос своему визави, но ответ получил расплывчатый. Можно предположить, что наблюдатель не захотел прямо ответить на этот вопрос, оставив нам самим домысливать сказанное. Вполне вероятно, что Павел совершенно случайным образом оказался закоррелированным в петле времени, в петле рождения и смерти Вселенной. В таком случае никто его не выбирал, никто не вмешивался в эксперимент, просто Вселенная замкнулась сама на себя по цепочке: Земля — Брянский лес — хроноускоритель — Павел Жданов. Вернее, она еще только замкнется, когда Павел проникнет в Ствол и выключит генератор.

— Как вы мыслите осуществить выключение?

— Предстоит спуститься по «цепочке эпох» — цепочке выходов Ствола в прошлом — в тот момент истории Вселенной, куда «провалился» хроноген, найти его, уничтожить. Звучит просто.

— А если удастся выключить, означает ли это, что мир вернется к исходному моменту истории — к началу эксперимента?

— У меня нет ответа на этот вопрос.— Златков опустил голову.— Есть только надежда. Нами задействован весь вычислительный потенциал Академии наук, но прогнозы финала требуют так много данных, что машины превратились в обычных прорицателей, в электронных гадалок. Ответы слишком неопределенны. После выключения мы можем «вывернуться наизнанку» — оказаться в другой Вселенной и с другими свойствами материи, можем «прыгнуть» в прошлое на несколько миллионов лет или в будущее на столько же — для вечности все едино, что миллион лет, что краткий миг, наплевать ей на то, будет ли вообще существовать человечество. Может случиться, что та Вселенная, в которой мы сейчас разговариваем, исчезнет, а сам факт ее существования окажется фактом виртуальным, иллюзией, «сном» того первоначального ядра материи, «сном» сингулярности, взрыв которой и воздвиг космос со всем его содержимым. Это все страшные прогнозы, модели катастроф, исключающие нас, род человеческий, как разумную и борющуюся силу. Есть и счастливые прогнозы, например: мир устоит перед натиском энтропии, и мы окажемся там, откуда начали...

Златков помолчал, пожал плечами и криво улыбнулся...

Ромашин подождал реакции присутствующих — все молчали — и встал.

— Атанас прав, высказанные им гипотезы воспринять трудно, но мы должны исходить из того факта, что в пределах ста парсеков от Солнца происходит свертывание пространства. Вселенная «ждет», чем закончатся наши попытки обуздать вырвавшуюся из-под контроля стихию, иначе мы давно прекратили бы существование. На худший вариант рассчитывать нечего — это гибель цивилизации, гибель всего сущего, значит, надо подготовить операцию так, чтобы

выиграть жизнь. Решение Совета безопасности вы знаете: в Ствол пойдет Павел Жданов. Весь технический потенциал Земли готов работать на нас. Следует немедленно решить, что потребуется для операции, как организовать дальнейшую работу УАСС и Центра защиты.

— Как я понял, через лабораторию в Ствол пройти невозможно,— проговорил Шахов.— Или все же есть шанс?

— Не думаю,— сказал Златков.— Оттуда не возвращаются даже конкистадоры с дополнительной хронозащитой. И у меня есть подозрения, что выстрел Жданова не пройдет бесследно. По теории выделение энергии в возбужденном хронополе ведет к распаду вещества. Если теория верна, мы скоро убедимся в этом воочию.

— У меня сомнения иного рода,— вставил Костров.— Справится ли Жданов один?

Ромашин кивнул.

— Существенное замечание. Но у нас появилась идея использовать помощь некоторых изолированных в Стволе групп людей, попавших туда в момент хронопрорыва. Помните, я говорил о мужчине и женщине? По информации, которую удается получить от конкистадоров, известно, где они находятся в настоящее время. Мы перешлем им инструкцию, что делать, если... не хочется говорить об этом, но рассчитывать придется,— если с Павлом что-нибудь случится. Какие у вас есть вопросы? Ко мне? К Жданову?

Четыре взгляда: откровенно изучающий, испытующий, недоверчивый и сожалеющий — уперлись в Павла.

— У вас к нам, Павел?

— Нет,— покачал головой Павел, ощущая неловкость. Ему вдруг очень захотелось проснуться, хотя он точно знал, что не спит.

Ромашин тронул сенсор, кабинет превратился в панорамный виом. Холмистая равнина, отгороженная с одной стороны хвойным лесом, убегала к горизонту, где подпирал небо колоссальный пик Ствола...

Павел стоял на вершине холма спиной к Стволу и смотрел, как из-за леса встает солнце. Травянистая равнина, вызвездившаяся одуванчиками, была седой от росы. В долинах между пологими увалами стлался-змеился туман.

— Помните, конкистадоры реагируют только на прямой приказ,— бубнил сзади Федор Полуянов, поправляя что-то на поясе скафандра Павла.— На горизонтах, имеющих выход в пространство определенной временной эпохи, установлены хронокапсулы мембранного типа: внешне напоминают обычные лифты. Ими можно

пользоваться, но только «вниз», в глубь истории. Вверх, в будущее, они не действуют. Как и всякие мембраны, они пропускают материальные тела в одну сторону...

Павел все это слышал не раз, но перебивать инженера, не знающего, чем помочь и что сказать, не хотелось.

— На всех горизонтах Ствола смонтированы ниши безопасности,— продолжал бормотать Федор,— в них можно не бояться коррекций и временных провалов. На четных горизонтах в северных коридорах вделаны в стены контейнеры с НЗ: молекулярные синтезаторы воды, блоки с продуктами, подвергнутыми субмолекулярному сжатию, аптечки, оружие...

Павел повернулся лицом к Стволу. С расстояния в пять километров детали на белом, с розовыми бликами утреннего солнца теле Ствола не замечались, он казался идеальным цилиндром, мачтой без парусов.

Павел перевел взгляд дальше.

От белого куба лаборатории не осталось ничего, кроме странных, металлических на вид башен, похожих на клыки динозавров. Башни торчали из стометровой воронки в земле, заполненной плотным черным дымом «аморфного времени». Воронка постепенно росла в глубину, «дым» разъедал землю, горные породы, металлы — любое вещество, кроме башен, добавляя работникам Центра защиты новые заботы и тревоги.

— Учти, что все эффекты, о которых говорил Златков, реальны.— Федор встал на колено, проверяя защиту сапог скафандра.— С чем ты наверняка столкнешься, так это с эффектом наслоения и дублирования с упрощением, когда вместо ста этажей горизонта насчитаешь двести, и с эффектом «марафонской дистанции» — коридоры Ствола покажутся чуть ли не бесконечными из-за многократного преломления-отражения в петле времени. Кроме того, могут встретиться полностью разрушенные горизонты, перенесшие протонное вырождение, побывавшие во «временном провале». Тебе «провал» не страшен, пока ты в ТФЗ-скафандре...

Павел посмотрел на фиолетовые конусы хроновизора, потом на грозное сооружение в несколько сот метров высотой, похожее на старинную пушку, ствол которой уперся в тело Ствола. Оптимизатор единственной временной линии настоящее-прошлое, с помощью которого Павла должны были «выстрелить» внутрь Ствола.

На мгновение защемило сердце, но Павел заставил себя думать о другом: о своей бывшей работе, о товарищах, ждущих его возвращения, о том, что так и не встретился с Люцией и, кажется, напрасно... Потом стал думать о своей судьбе, и снова пришло ощущение беды, невосполнимой потери, и снова Павел заставил себя переключиться на иную волну... Интересно, скажет ли хоть что-ни-

будь таинственный голос? Или, по его разумению, все идет нормально?..

— Мы готовы,— раздался в наушниках голос Ромашина.

До Павла не сразу дошел смысл сказанного.

— Я тоже,— с запозданием ответил он.

Федор, продолжавший что-то говорить, вдруг замолчал, встал с колена, похлопал Павла по плечу и протянул руку.

— До встречи, Павел. Будем ждать.

— До встречи.— Павел пожал руку и пошел к пинассу в низинке у рыжего ручья.

Через несколько минут он стоял на верхней смотровой площадке металлического левиафана, уткнувшегося хоботом в Ствол, задержался у люка. Сзади уже никого не было видно, равнина из конца в конец была пуста, начавшийся ветер гнал по ней зеленые волны, солнце скрылось за растущей пеленой облаков.

— Даем предупреждение,— послышался в наушниках чей-то голос.

Над холмами трижды прокатился леденящий душу вопль сирены. И стало совсем тихо, будто в Центре вырубилась связь или отказала рация скафандра.

Павел шагнул к люку. Ему показалось, что кто-то большой, как планета, но добродушный, дружелюбно настроенный, посмотрел на него сверху.

— Это... вы? — спросил инспектор негромко, забыв, что его слышат в Центре.

— Да,— раздался знакомый, твердый и спокойный Голос. Он мог принадлежать и нормальному, уравновешенному и сильному человеку. Павел даже представил его лицо, тут же подумав, что у хозяина Голоса, возможно, лица нет совсем.

— Что меня ждет? Вернее, что ждет нас всех?

Молчание.

— Не хотите отвечать или не знаете сами?

Снова молчание. Тишина в Центре.

— Тогда ответьте хотя бы, кто вы?

Минута, потом тихий и вежливый ответ:

— В лексиконе человечества нет слов, чтобы выразить такое понятие. Оно появится примерно через четыре миллиарда лет после вас.

— Значит, вы все-таки из будущего? Наши потомки?

— В какой-то мере. К сожалению, не существует даже упрощенных аналогий, чтобы вы их поняли. Все гораздо сложней, чем вы представляете. Извините.

Павлу почудилась в голосе неизвестного грустная нотка. «Мы дети для них,— подумал он,— дети, едва начавшие ходить, изучающие мир и себя на собственных ошибках, с болью, муками,

и сомнениями... а может быть, и того меньше: не дети — эмбрионы на стадии всеобщего разума...»

В наушниках ни звука, будто все вымерло вокруг на многие сотни километров. Центр тоже молчал, и Павел понял, что на этот раз разговор с «потомками» был услышан всеми. Он вдруг испугался, что короткий звуковой контакт с наблюдателем закончится и давно мучивший его вопрос так и останется без ответа.

— Подождите,— быстро сказал он.— Последний вопрос... очень важно! Кто виноват в катастрофе? Мы, люди, или кто-то еще? Кто ошибся?

— Способность совершать ошибки — не единственная положительная черта человека. Да-да, положительная. Ибо человек лишь тогда творец, когда он непредсказуем. На свой вопрос попробуйте ответить сами. Позволим маленькую подсказку: вы знаете, что такое эффект бумеранга?

— Эффект, противоположный тому, который ожидался в результате эксперимента.

— Вот и подумайте сами над этим эффектом, уверен, вы поймете.

Прошла минута, другая, и Павел понял, что ответа не услышит совсем. Разговор закончился, с ним попрощались, дали понять, что за него беспокоятся, ждут его прыжка в неизвестность. Эффект бумеранга... Не в том ли он, что человек зачастую беспомощен, когда он всемогущ? Не последствием ли его действий является рождение Вселенной? И не от него ли зависит ее гибель?..

Павел вдруг почувствовал, что его сознанием завладел кто-то огромный и властный. Сознание раздвоилось: одной половиной инспектор понимал, что стоит на площадке хронооптимизатора, другая позволяла видеть все как бы со стороны.

Сначала он увидел Ствол с расстояния примерно в пятнадцать километров: ровная белая тростинка на зеленом фоне. Потом скачком картина изменилась. Ствол провалился вниз, земля из плоскости выросла в голубоватый дымчатый шар, видимый с высоты в десять тысяч километров.

Новый скачок: Земля превращается в искру света и теряется на фоне таких же искр-звезд Млечного Пути. Солнце видится пылающей косматой дырой в золотом ореоле, на него больно смотреть. Еще скачок, и на месте Солнца возникает грандиозная звездная спираль — Галактика!..

Долго-долго смотрели на эту спираль двое: Павел и молчаливый его гид. Весь обозримый космос был уже темен и нем, и только колоссальная система звезд — Галактика, будущий дом человечества, сияла торжественно и ярко, словно бросая вызов мраку, и Павлу даже послышались аккорды органа, созвучные этой феерической, прекрасной и величественной музыке света...

— «Еще дрожит былого смутный свет...»[1] — невольно прошептал он.

И вдруг все исчезло. Впереди заслонила горизонт гора Ствола, сзади над лесом поднималась стена туч.

— Паша,— послышался далекий голос Ромашина.— Ты меня слышишь?

— Слышу,— отозвался Павел глухо.— До встречи во Вселенной.

Он перешагнул комингс, закрыл люк и уже не услышал, как Ромашин, страдающий от того, что уже ничем не может помочь, пожелал ему «ни пуха ни пера».

---

[1] Дж. Г. Байрон.

ЧЁРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

КНИГА ПЕРВАЯ

Фазы хозяина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Когда Шаламов очнулся от беспамятства и с трудом поднял чугунные веки, он не сразу понял, что все еще находится в рубке интергалактического спасательного шлюпа «Кентавр» с маской-фильтром на лице. К тому же сбивала с толку невесомость. Все органы чувств вопили во всю мочь, что он попал если не в мясорубку, то, по крайней мере, в камнедробилку, в то время как старт должен быть мягким и не влияющим на самочувствие.

Шаламов попробовал шевельнуться и едва сдержал стон: тело напоминало студень, в который вонзился миллион игл, осколков и прочих острых предметов.

— Елки-палки! — сказал Шаламов вслух, не узнавая голоса.— На сон это похоже мало. Эй, кто-нибудь, что случилось? Где я?

— Вы на шлюпе курьерской линии СПАС-Главный — Орион-6,— прошелестел в ушах бесплотный голос.

И Шаламов вспомнил, где он.

Багровая пелена в глазах медленно растаяла, сквозь мглу проступили очертания рубки.

Поскольку «Кентавр» был спасательным шлюпом класса «универсал-абсолют» и представлял собой, по сути, единый квазиживой организм, внутри которого, как семечко в яблоке, обитал водитель,

называемый по древней традиции пилотом, то рубка шлюпа должна была иметь вид трехметрового кресла-кокона, оборудованного множеством датчиков; датчики подавали информацию напрямую в мозг пилоту и через «дисциплинатор» — блок целесмыслового контроля [1] передавали его мысленные команды исполнительным механизмам. Теперь же в передней части кокона напротив Шаламова зияла брешь, образуя своеобразное окно, за которым располагалось странное помещение, напоминавшее пещеру. «Пещера», заросшая гребнеобразными перепонками, имела, однако, явные признаки технологической обработки. Ее торец представлял собой черный гладкий экран, по которому плыли светящиеся линии, искаженные геометрические фигуры, замысловатые символы и знаки, а напротив, в кресле, напоминающем журавлиное гнездо, сплетенное из толстых металлических прутьев, восседала завораживающая взор фигура: трехгорбая глыба в пластинчатых доспехах из полированного желтого металла. Глыба казалась живой и неживой одновременно и вызывала в памяти ассоциации с окаменевшим бегемотом или, наоборот, с ожившей скульптурой модернистов. Но хотя Шаламов соображал пока туго, он сразу узнал маатанина.

Цивилизация маатан была открыта около десяти лет назад, причем курьезным образом, не с помощью звездных экспедиций. По земле вдруг прокатилась волна жалоб операторов и владельцев компьютерных баз: информация, запасенная компьютерами, начала вдруг исчезать, теряться, будто ее кто-то нарочно стирал, специалисты сначала грешили на компьютерный вирус, запущенный в общую сеть неким злодеем-любителем, но подключенная к расследованию служба безопасности вышла совершенно неожиданно на странных существ, беззастенчиво грабивших память компьютеров. Последовавший вслед за открытием контакт привел если не к войне, то к полному отказу маатан объяснить свои действия и сотрудничать с землянами.

Десять лет люди пытались узнать причину такого отношения к себе со стороны негуманоидного разума, и все десять лет маатане упорно не замечали усилий землян, отвечая молчанием на все вопросы и предложения, демонстративно игнорируя братьев по разуму. За свой необычный облик, подчеркнутое нежелание вести диалог, явное пренебрежение к деятельности людей маатане получили название «черные люди». Разведчики, спасатели и археонавты не раз встречали в космосе их корабли, игнорирующие любые знаки запрета посадки, предупреждения и опасности, но еще не было случая, чтобы «черные люди» ответили на чьи-либо сигналы.

---

[1] Этот блок «отсеивает» неадекватные моменту мысли пилота при управлении, если тот почему-то отвлекается, поэтому пилотами спасательной службы могут работать только люди с четкой дисциплиной мысли.

— Джо,— позвал Шаламов мысленно, обрадовавшись тому, что пси-связь с координатором не пострадала.— Жив, старина? Что случилось? Почему я в маске? Высвети экспресс-информацию.

— Маска надета аварийно,— сухо ответил координатор,— потому что в рубку проник инертный газ. Но я вам не Джо, а функциональный киб-интеллект типа «проводник» класса «инк-пять»[1], прошу обращаться в соответствии с инструкцией.

— Слушаюсь, проводник!— пробормотал изумленный Шаламов.

Искусственные интеллекты устанавливались, а вернее, выращивались на каждом базовом спасательном шлюпе и даже на модулях аварийно-спасательной службы и обычно откликались на то имя, которое отражало название шлюпа или было вложено в них при рождении. Шаламов еще с первого рейса назвал координатора своего шлюпа Джорджем, по имени героя старинного романа Апдайка «Кентавр», и тот принял имя как должное. И если уж он вдруг «обиделся», значит, шлюп был поврежден серьезно, вплоть до нарушения работы главного компьютера.

— Экспресс-информацию выдать не могу,— продолжал пси-доклад координатор.— Почти все рецепторы и нейронные узлы парализованы, датчики пространства разрушены. Через пять-шесть минут смогу восстановить визуальный обзор, но мешает присутствие чужих логических цепей, сбивающих оптимальное функционирование систем.

— А нормальную гравитацию сделать можешь? Я не люблю работать в невесомости.

— Только после восстановления ремонтного узла, через час, да и то с вероятностью ноль шесть.

— Как мы оказались на одном месте? — Шаламов снова посмотрел на сверкающую металлическими зеркалами доспехов неподвижную фигуру «черного человека».

— Информации нет.

— Тогда включи меня в свой главный нервный контур напрямую и дай память от момента старта.

— Опасно, контур блокирован хаотическим поступлением чужих сигналов и «белого шума». Источник сигналов находится внутри моего информполя, вероятно, внедрен в меня ударно, однако мне неподконтролен.

— Позволю напомнить пункт инструкции: «В нештатной ситуации водитель имеет право...»

— Подчиняюсь.

И в мозг Шаламова хлынула лавина сигналов, донесений датчиков, обрывков команд, мыслей и чувств координатора, бессмыс-

---

[1] Инк — «интеллектуальный компьютер».

ленное бормотание поврежденных аппаратов, шепоты аварийных систем, «пачки» импульсов и глухой угрожающий шум...

Снова очнулся пилот спустя час, хотя и не помнил этого — координатор сам равнодушно сообщил ему о времени и причинах беспамятства.

Невесомости уже не было, сила тяжести равнялась примерно трем четвертям земной: координатор сдержал слово и починил генератор тяготения.

— Ввел максимальную аптечку,— добавил он,— вы были на грани коллапса.

— Спасибо,— пробормотал Шаламов, наслаждаясь почти нормальной силой тяжести и разливающимся по телу теплом: стимуляторы аптечки сработали и вытеснили из головы расплавленный свинец боли. Теперь он кое-что знал, по сути — главное.

Давно известна формула: проблема межзвездных путешествий — проблема побуждений, движущих разумом, а вовсе не физическая проблема; если межзвездные путешествия нужны — разум ее решает. Как, например, сделал это человек. Но кроме человека в космосе обитают и другие разумные существа, решившие ту же задачу сходным путем, и в один прекрасный день — вечер, утро — два межзвездных корабля, подобных в движении лучам света, точнее — потокам информации, а еще точнее — растянутым от точки старта до точки финиша «суперструнам информации», вдруг оказываются в одной и той же точке пространства в один и тот же момент. Именно этот редчайший случай и выпал на долю Шаламова.

Осознав свое «счастье», пилот понял, насколько ему повезло: шлюп, вонзившись в чужой космолет, не взорвался! Столкновение напоминало, скорее, процесс взаимопроникновения двух пересекшихся струй пыли или пара, и в настоящий момент «Кентавр» и маатанский корабль действительно напоминали мифического тезку земного шлюпа: сам он стал «головой и торсом», а «туловищем» был корпус чужого корабля.

— Включаю обзор,— предупредил координатор.

Экранов визуального обзора шлюп не имел, вместо этого сигналы видеокамер выдавались непосредственно в мозг пилоту, прямо к синапсам, минуя глаза, но суть видеосистемы от этого не изменилась.

Первым впечатлением Шаламова было впечатление глубины: казалось, он заглянул в гигантский, непостижимо глубокий колодец, причем колодец, вывернутый наизнанку, со светлыми стенками, потом упал в него и стал погружаться, глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии света: мерцание таинственного «колодца» завораживало взор, как танцующее пламя костра...

— С ума сойти! — сказал Шаламов, очнувшись.

— Не понял,— откликнулся координатор,— повторите.

— Что это?

— Для правильной оценки мало достоверной информации.

— Оцени с любой вероятностью, я и так понял, что это не Орион-6, не далекая галактика и не диффузная туманность.

— С вероятностью ноль семьдесят семь мы приближаемся к «серой дыре». Термин знаком?

— Знаком,— буркнул Шаламов, вспоминая все, что знал о «серых дырах».

Эти загадочные объекты были предсказаны учеными-космологами еще два века назад и по теории представляли собой входы в свернутые в «струны», скомпактифицированные, то есть схлопнувшиеся «лишние измерения» (известно, что наша Вселенная рождалась двенадцатимерной, но в процессе эволюции девять из двенадцати измерений сжались в «струны», скомпактифицировались). Косморазведчики и пограничники уже встречали рассеянные по Галактике «серые дыры», но «заросшие», покрывшиеся, как вода льдом в проруби, слоем преобразованного пространства, сквозь который могли просочиться разве что отдельные атомы; этот слой называли еще «мембраной закона компактификации». Но еще никто никогда не встречал «незаросших» «серых дыр»; Шаламов, видимо, был первым «счастливчиком» из землян.

— М-да, повезло... Из «струны» нас выбросило явно не по вектору Ориона. Как далеко мы от «серой дыры»?

— Мы уже в ее горловине, иначе не видели бы «колодца». «Серую дыру» можно увидеть, только попав за ее горизонт. Кстати, если не принять мер, нас затянет за «критический горизонт», и выбраться назад мы уже не сможем.

— Сколько времени в нашем распоряжении?

— Не знаю.

— Тогда к чему эти советы? Затянет так затянет, мы и так не можем выбраться отсюда, вломившись в маатанина. Я хочу посмотреть на себя со стороны, дай внешний обзор.

Координатор выстрелил одним из уцелевших зондов, его камеры передали изображение Шаламову, и тот присвистнул от удивления, хотя уже знал, что шлюп и маатанский корабль проникли друг в друга и «срослись». Но теперь их вид стал доступен прямому визуальному наблюдению.

Чужак был огромен, раз в сто двадцать больше двадцатиметрового «Кентавра», и на два порядка сложнее. Больше всего он напоминал раздавленный панцирь черепахи, сложенный из выпуклых «костяных» пластин размером с земной стадион. Весь панцирь был усеян тускло светящимися рубиновыми линзами, словно десятками паучьих глаз, и множеством других деталей разной формы и размеров.

«Кентавр» мог трансформировать свое тело в широком диапазо-

не форм — в зависимости от решаемых им задач, но, «оборвав струну движения» нештатно, не успев оптимизировать форму соответственно новым условиям, он представлял сейчас деформированную «ракетку для настольного тенниса» и«лопастью ракетки» проткнул «панцирь черепахи» там, где должна была находиться ее голова.

— Весело!..— пробормотал Шаламов. Сказать больше ему было нечего. Он еще раз более внимательно оглядел район дрейфа сцепившихся кораблей, осторожно подключая к сознанию выводы немногих исправных датчиков пространства, но определить свои координаты не смог: звезд сквозь мерцание горловины «серой дыры» не было видно. Пространство внутри горловины в пределах прямого визуального наблюдения было стерильно чистым и пустым, если не считать радиационного фона, обнаруженного датчиками.

«Странно, звезд близко нет, а «дыра» светится,— подумал Шаламов.— Эффект, которого я не знаю? Или «серые дыры» накачаны энергией изначально?»

— Логично,— отозвался координатор.

— Да, но тогда возникает вопрос: какого черта нас занесло именно сюда, в горловину? Может быть, маатанский транспортник направлялся в «серую дыру», зная дорогу, а нас вывернуло по вектору его «струны»?

— Логично,— повторил координатор.

— Я и сам знаю, что логично,— озлился Шаламов, морщась от приступа головной боли.— Сам-то ты можешь что-нибудь предложить?

— Нет,— холодно отрезал Джордж.

— Тогда пиши завещание. Сам говорил: затянет за горизонт — не вылезем... или вылезем в другой вселенной. Подходит перспектива? Ищи ориентиры, какие-нибудь объекты, тела, может, мы не одни здесь болтаемся, не зря же маатанин шел сюда на всех парах. Чини шлюп, в общем, делай что-нибудь. Впрочем...— Шаламов внезапно покрылся потом от приступа слабости,— сначала займись мной. Дай укол гиперальгина и через час рольфанг-массаж... если не разучился его делать.

Координатор промолчал.

2

Выдержав рольфанг — серию глубоких и болезненных массажей всех основных групп мышц — и приняв душ, Шаламов впервые после аварии почувствовал себя человеком.

За то время, что он отдыхал и лечился, координатор неожиданно обнаружил концентрацию массы примерно по вектору дрейфа кораблей, и Шаламов присвистнул от удивления, когда узнал, что

это за «концентрация массы»: по всем признакам это была планета! Как она оказалась в горловине «серой дыры», приходилось только гадать. Приказав Джорджу поточнее направить к ней вросший в гиганта-чужака «Кентавр» — кормовой двигатель, к счастью, не пострадал,— Шаламов принялся исследовать маатанский корабль. В его распоряжении было достаточно времени до встречи с планетой: скорость «упряжки» космолетов была невелика по космическим меркам.

Девяносто процентов имеющейся на борту шлюпа аппаратуры не работало, но и оставшихся датчиков хватило пилоту на определение основных параметров маатанского транспортника: массы, размеров, энергозаряда, гравидинамики систем. Было интересно разбираться в конструкции чужого корабля, созданного негуманоидами, но полностью понять принципы его компоновки и функциональные особенности Шаламов не смог даже с помощью Джорджа. Один из маатан, сидевший (или стоявший — поди разберись) в «гнезде» прямо перед рубкой-креслом пилота, был, очевидно, еще жив. Но если бы у пилота спросили, почему он так решил, он мог бы ответить только одним словом — интуиция.

Пока он приводил в порядок рубку, искал способы устранения неисправностей, лечился сам, блистающий металлом «черный человек» ни разу не пошевелился, и обстановка в зале управления не изменилась, если не считать того, что экран перестал извергать потоки светящихся кривых и лишь изредка на нем вспыхивали неяркие блуждающие звезды.

Наконец Шаламов проанализировал свое положение достаточно трезво и сделал неутешительный вывод: ремонт своими силами невозможен. Оживить компакт-генераторы, то есть генераторы свертки пространства в «страну», как называли их инженеры, или, по терминологии пилотов спасательных шлюпов, дыробои, без спецверфи нечего было и думать. К тому же растащить корабли, проникшие друг в друга до накладки кристаллических решеток материальных структур, было бы не под силу и специалистам на Земле. Поразмышляв о коварстве случая, Шаламов приказал себе не паниковать и решил, пока связка «хлама» будет ползти к обнаруженной планете, обследовать чужой корабль.

Для начала он осмотрел маатанина в «гнезде», используя переносный диагностер из походной аптечки, но микрокомпьютер прибора лишь отметил пульсацию целого набора биополей и не смог прямо ответить на вопрос, жив ли «черный человек». Не помог и Джордж, знавший о маатанах лишь сведения общего характера.

Шаламов и не ожидал позитивного результата от своих полудилетантских изысканий, имея кое-какие познания и навыки лечения нормальных людей, а не «черных негуманоидов». Облачившись в гибкий и легкий гермокостюм для короткого выхода в космос —

во избежание неприятных сюрпризов, пилот вошел в «пещеру» центра управления чужого корабля, внимательно осмотрел изломанные волей разработчиков стены «пещеры», поросшие гребенчатыми перепонками, и понял, что выхода из центра самостоятельно не найдет. Однако автоматика этого странного зала все еще работала и сама предложила гостю свои услуги.

В самом темном углу помещения, как раз напротив черного экрана, пилот обнаружил нечто, напоминавшее прозрачный мыльный пузырь в два человеческих роста. Стена за пузырем была вогнута, сходясь кольцами в коническую воронку, вершина которой «дышала» — то проваливалась в стену, то надвигалась на наблюдателя. Все это сооружение находилось под напряжением. Заинтригованный Шаламов подошел ближе, наклонился к прозрачной поверхности пузыря, в тот же миг внутри вспыхнула фиолетовая звезда, пузырь бесшумно лопнул и облепил человека тугим коконом, так что тот не мог пошевелиться. Мышцы неприятно свело от электрического удара, несмотря на защиту гермокостюма. В следующее мгновение все вокруг пришло в движение: воронка в стене надвинулась вплотную, провалилась наружу и превратилась в длинный прозрачно светящийся туннель, стены которого побежали мимо с нарастающей скоростью.

«Если это катапульта для выхода в космос — мне здорово не повезло,— отрешенно подумал Шаламов.— Выбросит в пространство — поди догони своего «коня», впряженного в чужую колымагу...» И вдруг он понял, что его беспечность и заторможенность могут стоить ему жизни. Страх парализующей струей ударил в голову, перехватил дыхание: все-таки пилот еще не выздоровел полностью и не был готов к подобной ситуации. Он рванулся изо всех сил назад, стараясь высвободиться от сдавливающих тело пут. Тотчас же тоннель изогнулся, как живой, и выбросил его в тупике, слабо освещенном бледно-голубыми прожилками в плите потолка.

— Спасибо! — с чувством поблагодарил Шаламов неизвестно кого, облизывая пересохшие губы и успокаивая сердце. Потребовалось целых пять минут на то, чтобы сообразить: тревоги напрасны, включившийся механизм вовсе не катапульта, а своеобразный внутрикорабельный транспорт.

— Но все-таки сначала надо было спросить, хочу ли я прокатиться.— Шаламов укоризненно покачал головой; самобичевание было не в его характере, а чувство юмора не раз помогало справляться с растерянностью и быстро обретать форму.— Набрасываешься, как дикий зверь... мустанг необъезженный! Как я теперь вернусь обратно?

«Мустанг» не ответил, мигая фиолетовым глазом готовности к новому старту.

Пилот ощупал сухие и теплые стены тупика и выглянул из

ниши. Он увидел короткий, но широкий коридор с плохо обработанными, на первый взгляд, бугристыми стенами, освещенный ручьем жидкого с виду голубого пламени, который вопреки здравому смыслу струился по потолку. Ближайший торец коридора был черным и дымился, впечатление было такое, будто в нем догорает костер. Дальний конец коридора зарос шипастым «кустарником» без листьев, а на концах каждого шипа светилась багровая капелька. Даже отсюда ощущалось, что «кустарник» заряжен электричеством.

Непроизвольно задерживая дыхание при каждом шаге, спасатель обошел коридор, внутри которого царила примерно земная гравитация, издали, с опаской осмотрел «заросли крыжовника» и подумал, что техника маатан ни в коем случае не должна причинять вреда как хозяевам, так и гостям. Но с другой стороны, что безвредно хозяину-негуманоиду, вполне может нанести вред гостю-человеку. Усмехнувшись своему внутреннему призыву к осторожности, Шаламов медленно приблизился к «дымящейся» стене коридора и стал свидетелем включения маатанской автоматики.

Как только он приблизился к «струйкам дыма» на расстояние метра, облачко дыма застыло, покрылось морозным узором, словно «дым» кристаллизовался от холода, и на его месте протаял глубокий колодец с черными стенками и светлым дном, похожим на блюдо со светящейся икрой. Шаламов не сразу сообразил, что видит торец «серой дыры», открытый в сторону какого-то далекого звездного скопления. Сработавший автомат включил не то телескоп, не то экран видеосистемы. Понаблюдав за мерцанием «икринок», каждая из которых на деле представляла собой звезду, пилот поймал себя на мысли, что не знает, как добираться до своего «Кентавра», изуродованного, с травмированным координатором, но простого и надежного, готового защитить своего хозяина от любой предвиденной создателями опасности. Тогда Шаламов заставил себя с большей тщательностью проанализировать имевшуюся информацию о маатанском корабле и пришел к выводу, что «мустанг» ему не страшен: в конце концов это всего-навсего лифт с плавающими координатами выхода, он должен когда-нибудь вынести его в рубку с бесчувственным пилотом.

Так и случилось.

Не обращая внимания на приступы слабости и головной боли, а также на электрические уколы, сопровождавшие посадку на «мустанга», Шаламов принялся его объезжать. Сначала «мустанг» выбросил его на узкий балкон, нависающий над провалом неизвестных размеров. Пространство под балконом было заполнено текучим багрово-фиолетовым полумраком, в котором плыли дымы, шлейфы искр, что-то урчало, хрустело, чавкало, вспыхивало; странные тени двигались в дыму, корчились и шипели. Шаламов нагнул-

ся к перилам балкона, и дремавшая доселе техника этого места снова отреагировала на его движение: из провала с низким гулом выплыл «мыльный пузырь», подплыл к балкону, зажигая внутри себя знакомую фиолетовую звезду.

Пилот отступил, усмехнувшись своей готовности попробовать действие и этого «зверя»— скорее всего, разновидности лифта или защитной кабины. В последний момент, когда он садился на «мустанга», ему показалось, что провал за балконом на самом деле вовсе не провал, а зрачок какого-то исполинского живого существа, смотревшего на него пристально и тяжело.

Вторая попытка привела его на стык трех коридоров: один из них был круглым и освещался ослепительным желтым светом, казалось, он заполнен расплавленным стеклом; второй, наоборот, давился темнотой, живой и текучей, как речная вода; третий был вполне земным, квадратным в сечении, с черным потолком, по которому мчались стремительные ручьи голубого света. Заходить в него Шаламов не стал.

В третий раз он вышел в мрачном склепе с едва светящимся низким потолком и черными, с багровыми прожилками стенами. Склеп был заполнен рядами неподвижных металлических глыб, восседавших на «гнездах аиста»— собратья маатанина в рубке. Возле каждого располагался плоский экран и пучок членистых антенн, похожих на удочки, но ни одна из фигур не казалась живой, экраны были черны, и веяло от них пронзительным холодом космического пространства.

Шаламов со смешанным чувством жалости и отвращения рассматривал застывшие глыбы, понимая, что эти странные существа, то ли пассажиры, то ли члены экипажа, мертвы или на полпути к водам Стикса. Он не знал, что послужило тому причиной, может быть, резкое изменение условий в пассажирском салоне, может, отсечка энергии или подачи воздуха, но гибель «черных людей» не могла оставить его равнодушным.

Устав от стремительных рывков «мустанга» и борьбы с собой, Шаламов обреченно шагнул в его объятия и наконец вышел в знакомом треугольном зале с единственным его обитателем. Вздохнул с облегчением. И, еще не отдышавшись как следует, понял: что-то изменилось.

На первый взгляд все было, как и прежде: мерцающий экран, мертвая неподвижность всех предметов, тишина — и все же пилоту показалось, что он не один в зале. Впрочем, он и был не один, вторым был «черный человек». Глаз у горбатившейся глыбы, подобных человеческим, пилот не заметил, и тем не менее маатанин смотрел на него так же пристально и тяжело, как и жуткий монстр в провале.

— Привет,— сказал пилот первое, что пришло в голову, ощущая

давление чужого взгляда в пси-диапазоне, интуитивно.— Я думал, что ты уже не очнешься, дружище.

В голове вспыхнула вязь пылающих знаков, быстро и плавно меняющих очертания, пока не превратилась в неграмотно построенную фразу (это была именно картинка, видение, а не «мысленный шепот», как при обычном пси-обмене, воспринимаемый человеком как шепот звуковой): «Вода... жидкие гуманоид... хомо Землие да... дело что хомо на борот проникател...»

Шаламов еще не надумал, что ответить маатанину, а фраза превратилась в пляшущие языки пламени, из которых вылепилось новое предложение: «Мы информацие — причина поломка проникател — неопытност водител Землие хомо... смысл понятное да... нет...»

— Еще бы! — сказал Шаламов, ошалевший от столь бесцеремонного обвинения и от того, что «черный человек» знает земной язык; по всей видимости, маатане давно изучили язык и пси-спектр мыслеобщения людей, хотя и никогда не общались с ними в открытую.— Но у меня прямо противоположная информация: еще десять лет назад мы сообщили вам граничные параметры наших космических маш... э-э, проникателей. Ваша раса использовала другие частоты свертки пространства в «струны», и «столкнуться» двум нашим проникателям было невозможно. Мы не меняли частот «струн», изменили вы, не известив нас, из-за чего, собственно, и произошел этот прискорбный случай. Так что извини, друг, я не виноват. Но давай все же начнем с другого конца: найдем более мирный способ контакта и попробуем выжить в этих условиях. К сожалению, мой... м-м, проникатель потерял связь, в том числе и дальнюю. А твой?

Маатанин вдруг изменил позу, причем выглядел этот процесс настолько необычно, что Шаламов застыл, изумленный, он еще не видел, как передвигаются «черные люди»: тело маатанина буквально встопорщилось мелкими кристалликами, словно человеческая кожа — пупырышками от холода, превратилось в сросток кристаллов разной величины, и каждый кристалл ожил, трансформируясь из одной формы в другую; вероятно, эти движения были аналогичны вспуханию и сокращению мускулов под кожей человека при ходьбе, только «мускулы» маатанина были твердыми, кристаллоподобными. Он превратился в металлическую глыбу, напоминающую грубую скульптуру человека с горбом-головой.

В мозгу Шаламова высветились слова:

— Проанализ полученные сведение хомо да. Ориентацеры нет функционира... нет информацие положение проникател два... кто район галактика мы... нет...

— Этого и я не знаю. Наши проникатели пересеклись «на струне» и выпали в эвклидовом пространстве, причем не просто в про-

странстве, а внутри горловины «серой дыры». Термин знаком?

— Термин знакомство да... нормальное проникател у цел...

— К сожалению, нас потихоньку затягивает в глубь «дыры», придется садиться на поверхность планеты, которую я обнаружил, хотя и не понял, откуда она взялась.

— Загде... нет да. Так... зачто... нет... зачем... вопрос.

— Вы хотите провалиться в «дыру»?

— Да так есто... необходимое... утверждение.

— Благодарю покорно! Мне с вами не по пути. Если за время полета к планете никто не откликнется, я буду садиться.

Огненные ленты перестали трепетать в голове Шаламова, маатанин «замолчал». Шаламов выжидательно смотрел на него, чувствуя, что блокада собственной воли начинает сдавать, тошнота подкатывает к горлу, и темнота небытия накрывает его душной и болезненной волной. К тому же то и дело руки и ноги начинали казаться манипуляторами или гибкими рукавами-шлангами — давал знать синдром механошока после прокачки через мозг памяти компьютера.

Ощущение взгляда со стороны внезапно исчезло, будто выключили пси-излучатель. Металлическая гора «черного человека» опала на «журавлином гнезде», расплылась. Пилот понял, что маатанин потерял сознание. Впрочем, он сам был на грани срыва, езда на «мустанге» отняла немало сил и здоровья. Пробормотав извинение, Шаламов доплелся до рваной дыры в гондоле своего шлюпа, свалился в кресло и поплыл в забытье, не чувствуя, что корабль начал осторожно лечить, массажировать, кормить и поить своего господина.

3

«Кентавр» с прицепом маатанского корабля достиг обнаруженной планеты спустя трое суток.

Человек очень быстро привык преодолевать колоссальные межзвездные расстояния, которые свет преодолевает сотни, тысячи и даже миллионы лет, и упустил из виду, что без своих совершенных машин для преодоления пространства он становится абсолютно беспомощным, случись авария или какое-то происшествие, обрекавшее его на вечное блуждание между звезд. И, хотя подобные происшествия случались редко, каждый из попавших в беду разрабатывал философию одиночества, буквально потрясенный открывшейся перспективой. Шаламов тоже был потрясен, хотя закалка характера и не позволила ему поддаться панике.

За время подлета к планете он дважды пытался завязать беседу с маатанином, который то и дело проваливался в «коматозное

состояние», но помощи так и не попросил, а на предложение пилота отвечал равнодушным: «Хомо гуманоидо жидкие Землие да нет»,— что в устах «черного человека» соответствовало, наверное, старой пословице, перелицованной на новый лад: «Гуманоид негуманоиду не товарищ».

С помощью диагностера и Джорджа Шаламов, как мог, обследовал «черного нигилиста» и пришел к выводу, что жить тому осталось немного: запасы энергии у маатанина почему-то истощались гораздо быстрее, чем снабжала его собственная система жизнеобеспечения. Впечатление было такое, будто энергия от питателей утекает в какую-то «черную дыру» внутри маатанина, и в то же время приборы вопреки смыслу отмечали в теле «черного человека» громадные запасы энергии. Почему он не мог ими воспользоваться, оставалось непонятным.

Надо было что-то делать, но пилот не знал что. «Черный человек» был прав: земная медицина не могла ему помочь, не имея понятия о метаболизме негуманоида, параметрах обмена и жизненных циклах.

Шаламов еще раз попытался обследовать чужой корабль в надежде найти живого и здорового члена экипажа, и снова потерпел неудачу. От электрических разрядов «мустанга» он защитился, надев пленочный скафандр, но обследовать гигантский «проникатель»-космолет за несколько часов, не зная принципов смены координат выхода лифта, было невозможно. «Мустанг» выбрасывал его то под купол башенки, торчащей на воротнике «панциря черепахи», то в глубокие колодцы, то в широкие гроты с мерцающими сводами, заполненные таинственными движущимися или неподвижными предметами, однако живых маатан, равно как и мертвых, в этих помещениях не нашлось.

В башенке, стены которой были оптически прозрачными, Шаламов задержался, с невольным благоговением любуясь сиянием Горловины, как он стал называть вход в «серую дыру». Подумал, поверит ли кто-нибудь его рассказу? Ведь, чтобы оценить своеобразие «серой дыры», ее надо увидеть. И все же он попробует рассказать... если вернется. Обязан вернуться! Спасатель всегда должен возвращаться, иначе какой он тогда спасатель.

Шаламов прищурился, вглядываясь в лучистое мерцание воронки «серой дыры», сходившейся в точку на пределе видимости. Куда же ты ведешь, самая древняя из «струн»? В какие измерения, в какие пространства? Осью какого мира ты служишь? И почему ты «не заросла», как другие «серые дыры»? Может быть, не только я один «провалился» в Горловину? Ведь оказалась же здесь каким-то чудом целая планета! Улыбнись, Фортуна, помоги встретить своих, и пусть даже не своих, но хотя бы друзей-гуманоидов...

Вернувшись на корабль, Шаламов попытался помочь Джорджу

с ремонтом станции связи, но координатор, сам травмированный при аварии, не принял его предложения и снова обиделся, перестав разговаривать. В это время «Кентавр» догнал тело, которое Джордж принимал за планету, и ошеломленный Шаламов наконец разглядел, что это такое на самом деле.

Перед ним висел, медленно вращаясь, слабо освещенный сиянием Горловины колоссальный куб размером с небольшую планету типа Марс! Как и нормальная планета, он имел сфероидальную атмосферу, над которой возвышались лишь «горные пики» углов куба, и моря, занимавшие большую часть каждой грани. В центре каждого моря располагались архипелаги больших и малых островов, а материков Шаламов не заметил вовсе, если не считать «материками» ребра планеты-куба, играющие здесь роль горных хребтов. На базе своих знаний и логических умозаключений Шаламов мог смело назвать это тело искусственным объектом, но что-то останавливало его сделать окончательный вывод, какие-то неясные предчувствия, да еще соседство «черного человека», который признался, что цель его полета — именно «серая дыра». Не их ли это сторожевой пост у входа в Горловину? Правда, не видно развитой инфраструктуры, которая должна иметь место, будь планета населена расой конструкторов куба, и обширной сети искусственных спутников и станций, формирующих архитектуру околопланетного пространства. По всем признакам планета необитаема, хотя по данным экспресс-анализа имеет кислородную атмосферу.

К тому же мнению склонялся и Джордж, несмотря на открытые им на островах какие-то почерневшие развалины. Шаламов тем не менее обрадовался, углядев шанс встретить обитателей развалин и попросить у них помощи. Не привыкший сокрушаться по несбывшимся надеждам, он ввел себе стимулятор, подключил мозг через Джорджа к искалеченной системе датчиков, исполнительных машин и контуров защиты дисциплинатора и принялся сажать почти неуправляемую связку шлюпа с маатанским кораблем на одну из граней куба.

Когда все закончилось, Шаламов с неожиданным сочувствием вспомнил о «черном человеке», потрогал свои губы, соленые не то от крови, не то от пота, подумал: губы у меня, кажется, всмятку, и потерял сознание.

Пришел он в себя через пять часов, так велики были потери сил и «засорение» мозга информационными шлаками — сигналами регистраторов, радаров, исполнительных вычислителей траектории, отработчиков команд — ими обычно оперировал только инк. В голове шумело, перед глазами все плыло и шаталось, руки не слушались, но пилоту удалось перекинуться парой слов с координатором, после чего, успокоенный, он снова впал в беспамятство, проспал около семи часов, не чувствуя, как медицинский комплекс, отве-

чающий за здоровье хозяина, пытался лечить его, поить и кормить, подавая питающие, укрепляющие и стимулирующие препараты прямо в кровь.

Проснулся почти свежим, бодрым, отдохнувшим и первым делом проверил состояние маатанина: «черный человек» был жив, судя по медленной пульсации электрических и пси-полей в его теле, однако на пси-контакт не шел.

Шаламов определил положение «Кентавра» и остался доволен своим мастерством: грохнулись они точно по расчету — «черепаха» чужого корабля послужила посадочной «подушкой», а шлюп сыграл роль наездника. Теперь предстояло заняться внешним осмотром и попытаться найти аборигенов, способных хоть как-то помочь в беде. Пилот еще раз проверил данные экспресс-анализа и с неохотой констатировал, что придется-таки надевать если не скафандр, то, во всяком случае, маску-фильтр: воздух планеты-куба, несмотря на присутствие кислорода и азота, имел иной изотопный состав, дышать им было нельзя.

Экипировавшись для пробной вылазки, Шаламов разблокировал люк и с трудом, сдерживая проклятия от ломоты в суставах, вылез на смотровой балкон в корме «Кентавра».

Сначала его оглушила странная смесь сладковатых и кисло-острых запахов, сбив дыхание: кипрей, клевер, полынь, аммиак, окись азота и озон; маска-фильтр пропускала практически все безвредные газовые смеси, задерживая только ядовитые, опасные для здоровья и совсем незнакомые. Потом показалось, что он оглох: тишина стояла, как в вакууме. По первому впечатлению.

Обычного для дневной поры на любой «нормальной» планете солнца в небе не было, но света хватало: казалось, он льется отовсюду, не давая теней, окрашивая небо в нежно-розовый, с перламутровыми переливами цвет. Левая часть небосклона скрывалась за грядой высоких, кипенно-белых, с яркими рубиновыми прожилками облаков.

Холмистая равнина уходила вперед до горизонта, справа переходила в каменистое плато и заканчивалась группой невысоких желтых скал, а слева, совсем недалеко от упавших космолетов, начинались необычные, черные, словно недавно сгоревшие, развалины большого города, состоящего, насколько хватал глаз, из одних толстых, пересекающихся под разными углами стен. Ни одной крыши Шаламов не заметил, как, впрочем, и других деталей, соответствующих понятию архитектуры городской застройки: стены, стены, стены до горизонта, черные вверху и светлеющие до пепельного оттенка к основанию.

— М-да,— промычал Шаламов, переживая острый приступ желания проснуться.— Не хватало мне стать причиной какого-нибудь межпланетного конфликта...

Он вернулся в кольцевой коридор и сформировал смотровой балкон с противоположной стороны.

«Черепаха» маатанского корабля пропахала при посадке широкую и глубокую борозду в почве планеты, и над этой серо-зеленой бороздой вспыхивали снопы долго не гаснущих искр, которые Шаламов принял поначалу за бабочек или мелких светящихся птиц.

«Интересно,— подумал пилот,— если причина пожара в городе не мое приземление, а это видно, слава богу, невооруженным глазом, мы до города не доползли, то когда и по какой причине он сгорел?»

С высоты в триста с лишним метров было видно, что воды моря, окружающие остров со всех сторон, похожи на расплавленный янтарь или на мед. И никого и ничего на глади моря, никого и ничего в воздухе, небо пустынно и чисто. Тишина...

Что ж, пока нам не на что жаловаться, если следовать принципу оптимизма. При столкновении «Кентавр» не взорвался — первая удача. Не попадись в Горловине планета-куб, его могло затянуть в «серую дыру»— удача номер два. Промахнись он в остров — утонул бы в море-океане, попробуй вылези оттуда! Осталось разобраться с аборигенами: раз есть город, значит, должны быть и его хозяева. А коли так, то появляется шанс выбраться отсюда и помочь маатанину. В таком случае нарекаем планету, этот шедевр кубизма, именем Шанс, и да поможет нам Фортуна! Аминь!

Разложив таким образом «по полочкам» имевшуюся информацию, Шаламов мог теперь как следует рассмотреть маатанский корабль-проникатель при почти дневном освещении и еще раз убедиться в том, что технические сооружения негуманоидного разума, переживающего технологическую стадию эволюции, необычны, удивительны и кажутся далекими от совершенства, хотя на самом деле просто функционально приспособлены решать задачи своих повелителей, смысл и цели которых зачастую так и остаются непонятными людям.

Корабль маатан только издали напоминал черепаху, а с расстояния в пятнадцать метров он походил на обросшего полипами, ракушками, водорослями и прочей светящейся и мигающей живностью исполинского кита. Непривычного человека это зрелище привело бы в содрогание, но Шаламов, в бытность свою разведчиком-первопроходцем, повидал немало всякого, в том числе по-настоящему жуткого и чудовищного, поэтому он только отметил знакомые геометрические формы и мимолетно подумал, что маатанину свой корабль починить будет гораздо сложней. Если только он выживет в этой передряге...

Подкрепившись питательным и вкусным к тому же бульоном, Шаламов предпринял новую попытку разбудить «черного человека», но тот не отзывался, застыв бугристой, черной сверху и брониро-

ванной снизу, похожей на старого сивуча тушей. Тогда пилот переоделся в кокос — компенсационный костюм спасателя, имеющий ко всем своим достоинствам еще и прямую связь с координатором, нацепил антиграв, респиратор и вышел в вечный день чужого мира, которому дал название Шанс.

До развалин города он решил пройтись пешком. Идиллическая тишина настраивала на философские размышления, а прекрасная ласковая погода, напоминающая земное бабье лето умеренных широт, призывала к умиротворению и спокойствию. Джордж включил исследовательский комплекс и объяснил здешнее «лето» равномерным потоком тепла, идущим из глубин моря, а значит, из ядра планеты-куба, и поддерживающим на планете одинаковые условия. Сгоревшие закопченные развалины, к которым подходил Шаламов, никак не вписывались в концепцию безмятежного, размеренного бытия планеты. Что же здесь случилось, черт побери?!

Шагая по негустой желтой траве, Шаламов спустился с холма, в который упирался уродливым носом маатанский корабль. При каждом шаге с травы срывался рой электрических искр и оседал на сапогах. Воздух был насыщен электричеством, как облако, готовое пролиться дождем-влагой, и кожу на щеках и на лбу слегка пощипывало при ходьбе.

Шаламов принюхался: спектр запахов стал иным, видимо, аппарат обоняния уже адаптировался и не реагировал столь остро на незнакомые радикалы. Преобладающими стали запах озона и горьковато-нежный запах, напоминающий аромат масличной пальмы.

Координатор, подключенный контуром пси-связи напрямую к мозгу, пробудился и выдал двадцать семь наименований пахучих веществ, составляющих общий фон запахов здешних мест. Потом предупредил об «электрических карманах»— неизвестной глубины круглых ямах, заряжённых статическим электричеством, которые встречались довольно часто и были, похоже, разбросаны по всему острову. Шаламов выслушал сообщение, пожал плечами и обошел яму на почтительном расстоянии.

Черно-серые стены города приблизились и накрыли спасателя ощутимо теплой тенью. Датчики, встроенные в костюм, сообщили температуру стен: около сорока двух градусов по Цельсию. Шаламов с недоумением вгляделся в представшие перед ними развалины. Больше всего они напоминали сростки неровных стен разной толщины — от двух дециметров до двух метров, разной длины и высоты: ничего похожего на геометрический порядок, расчет, логику и гармонию, соответствующие понятию пилота об архитектурных сооружениях. Но главное, что развалины, низкие и редкие на окраине, вскоре переходили в поистине непроходимые «заросли» из черных стен, перегородок, перепонок, буквально сросшихся в шеренги, лабиринты, «беседки», в «хижины» и «дворцы» без кровли, с окна-

ми-дырами и дверями-провалами... Температура воздуха в городе была градусов на двадцать пять выше, чем вне его, повысилась и концентрация горьких примесей.

Шаламов забрел в тупик, остановился и потрогал стену ближайшего здания: поверхность стены была бархатистой, горячей на ощупь, как шкура живого существа, с тонким муаровым рисунком, видимым только вблизи и напоминающим загадочные письмена, и она... вздрагивала! Шаламов приблизил ухо к стене и уловил внутри нее медленную пульсацию какой-то жидкости.

«Господи, да они живые! — сообразил он.— Клянусь Купавой, живые! Ведь я слышу пульс, гул пробивающейся по сосудам крови!..»

С минуту он прислушивался к четким, размеренным ударам сердца исполина и не сразу расслышал мысленный «шепот» координатора:

— Догадка верна с вероятностью ноль восемь. Отмечаю повышение пси-фона в районе «города», рекомендую вернуться.

Тут только пилот понял, почему у него при углублении в город появилось ощущение чьего-то скрытого присутствия, взгляда в спину: он и в самом деле находился внутри большого скопления биомассы, обладавшей разветвленной нервной системой, которая и создавала пси-фон, биоизлучение «мысленного эха». Спасатель скомандовал антиграву подъем и взлетел над «живым городом», внимательно вглядываясь в сплетение «улиц», «переулков», узких извилистых проходов, двориков, «площадей» и открытых «зданий». Теперь было ясно, что ни о какой системе в скоплении сросшихся стен речи не идет, перед человеком располагался самый настоящий лес! Выросший по своим законам, странный, жутковато похожий издали на развалины сгоревшего города, состоящий из «живых» деревьев-стен, но лес!

Шаламов записал картину стенолеса на видео и поднялся выше. Остров оказался плоским — в пределах холмистого рельефа, большим, а главное — идеально круглым, будто был вычерчен гигантским циркулем, и не имел береговой линии с пляжами и рифами. Он выступал из морских вод метров на сорок гладким цилиндром и вызывал в памяти искусственные морские платформы Земли. Впрочем, Шаламов не слишком удивился сходству, вспомнив, что форма планеты — куб, искусственное происхождение которого не вызывало сомнений.

Остров почти полностью зарос «развалинами», «Кентавр» на черепахе маатанского корабля сел на его краю, а в самом центре острова пилот разглядел какое-то колоссальное сооружение: храм не храм, но нечто в этом роде, удивительно красивое, поражающее законченностью форм и эстетическим совершенством. У Шаламова даже дух захватило от поднявшегося волнения, хотя спустя минуту он отметил и некоторые отклонения в симметрии «скульптур» соо-

ружения, нарушения в его структуре и очертаниях. «Оно недостроено,— понял он без подсказки координатора.— Значит, где-то поблизости должны бродить и сами строители? В таком случае надо срочно готовиться к нештатному контакту, чтобы предстать пред светлые очи хозяев в нужной кондиции, не то пойдет гулять по здешнему миру легенда о небритом пришельце».

Порадовавшись своей проснувшейся способности не унывать в любой ситуации, Шаламов утихомирил боль в грудной клетке и помчал домой, где ждал его холодно-вежливый, но все же заботливый Джордж.

4

Маатанина он застал в тот момент, когда «черный человек» самостоятельно пытался заняться ремонтом рубки. Тот, кто метко назвал маатан «черными людьми», смотрел в корень: во-первых, маатанин, по сути, до сих пор оставался загадкой, «черным ящиком», никто из земных ученых не обследовал его и не знал параметров жизнедеятельности, а во-вторых, при движении он чем-то напоминал человека, вернее, карикатуру на него, грубый слепок.

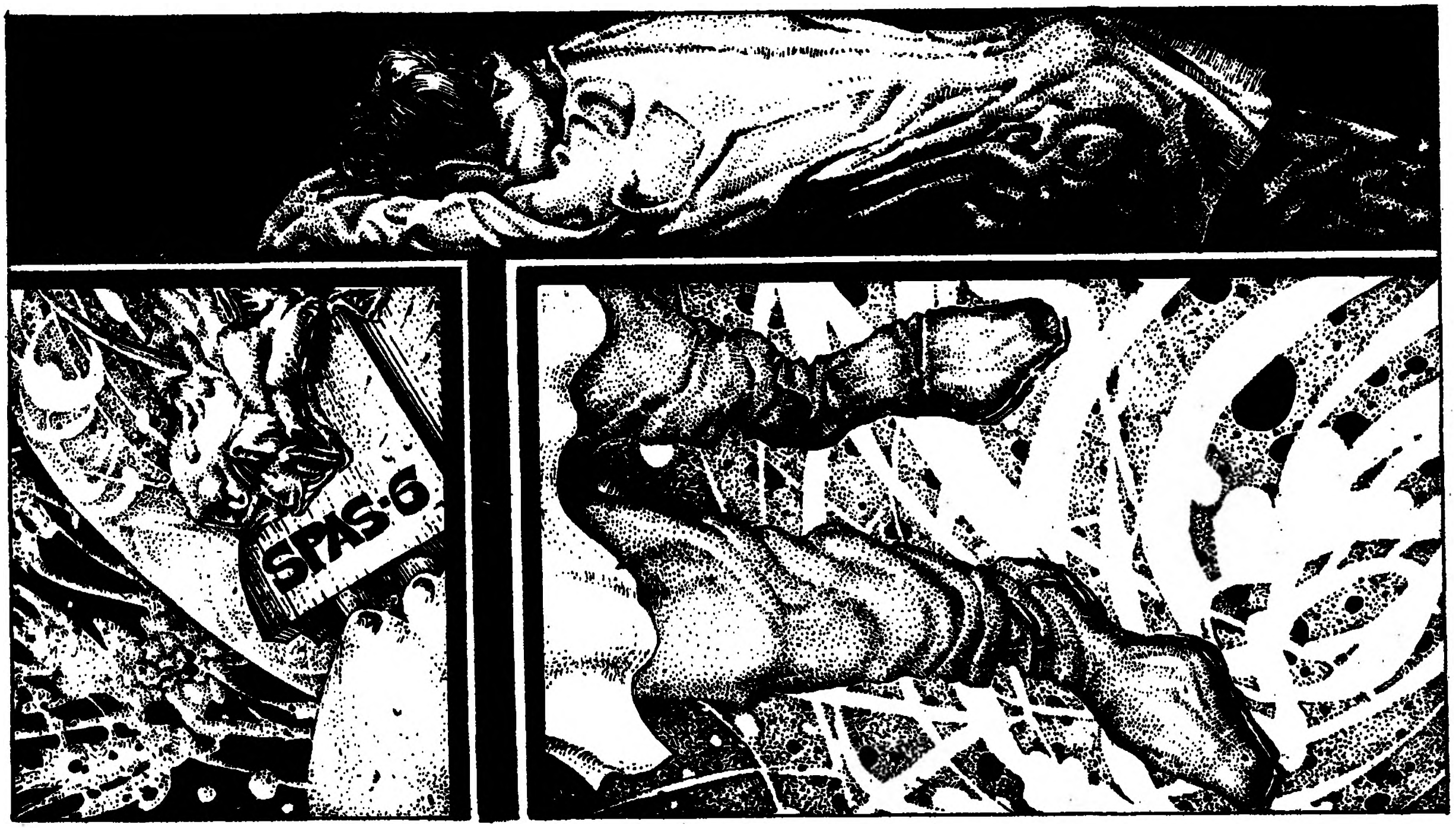
Он сполз со своего гнездоподобного кресла и медленно пополз вдоль стены рубки, превратив нижнюю часть тела в «ногу улитки». Шаламов никогда не видел, как передвигаются маатане, поэтому с любопытством и жалостью смотрел на слабые попытки коллеги разобраться в обстановке.

Черная сгорбленная фигура с намеками на плечи, голову и руки, одетая по пояс в сверкающие многогранные зеркала, колыхаясь при каждом шаге, как металлоподобный студень, тяжеловесно доползла до стены и замерла. «Кожа» верхней части туловища встопорщилась мелкими кристалликами и стала похожа на крупнозернистую наждачную бумагу. Одно «плечо» маатанина претерпело несколько быстрых трансформаций, меняя форму в строго детерминированном диапазоне геометрических фигур, и вдруг прошло сквозь стену. В то же мгновение «гнездо» в центре рубки превратилось в «жидкую» стеклянную чашу и скользнуло к маатанину, который без сил рухнул в нее грудой кристаллов разных размеров и форм.

— Осторожнее! — Шаламов подскочил к упавшему «черному человеку».— Не хватало мне еще собирать тебя по частям. Помощь нужна?

— Ничто...— высветилось перед глазами.— Нет помоч... нелзя да хомо командо зона операцие... без мой да вход нет... нет понятное... вопрос.

Маатанин снова сформировал свое непослушное тело и полез в стену зала, но теперь ему было легче передвигаться по рубке —


SPAS-6

бывшее «гнездо» стало подчиняться его командам и превратилось в тележку-антиграв, перемещая хозяина со скоростью корабельного «мустанга». Однако энергии у «черного» хватило ненадолго. Он успел только включить экран, по которому тотчас же поплыли вереницы странных знаков, и потерял сознание — превратился в безжизненную глыбу не то металла, не то камня.

Шаламов вздохнул. Помочь маатанину он не мог, а сочувствием сыт не будешь. Он даже накормить коллегу не мог, не зная, чем питаются негуманоиды и каким способом. «Может быть, попробовать подсоединиться к компьютеру его корабля? — мелькнула мысль.— Должен же у них быть компьютер или что там его заменяет — вычислитель-водитель, автомат».

— Подобное подсоединение стопроцентно гарантирует психическое расстройство,— буркнул Джордж.— А то и аннигиляцию личности. Тебе мало того, что получил? Да и откуда я знаю, на каких принципах работает их компьютер и каким образом к нему можно присоединиться?

— Нашел бы, если бы захотел...— Шаламов автоматически проверил экипировку.— Ладно, это беспредметный спор. Надеюсь, хозяева Шанса... знаешь, давай лучше назовем этот куб Стражем, вернее, Стражем Горловины, а? Так вот, хозяева Стража Горловины должны помочь нам починиться или хотя бы доставить «черных людей» на родину. Ну и нас, конечно.

Выйдя наружу, пилот бегло оглядел тело «Кентавра», глубоко вонзившееся в маатанский корабль, как топор в пень по самое топорище, вздохнул и направил полет к «храму», с хладнокровным автоматизмом выполняя привычную работу разведчика: видеосъемку, замер параметров среды и наблюдение за всеми объектами, способными представлять опасность. Правда, в данном случае самыми опасными объектами были маатанский корабль и приближающийся «храм».

Чем ближе подлетал к нему Шаламов, тем необычнее становился облик колоссального строения. Оно на глазах теряло красоту контуров, четкую структуру, эстетику плавных гармоничных переходов, грубело и корежилось, пока не превратилось в топорную неизящную постройку-барак из плохо пригнанных многотонных глыб, пористых стен, гнутых перепонок, балок и витых поверхностей с невообразимо сложной системой связок и растяжек. Растерянный пилот затормозил, не веря глазам. То, что вырастало перед ним, больше напоминало взорванный, но не разлетевшийся, а склеенный неведомой силой в момент разлета грузинский мгвилови — пещерный город. Пилот несколько минут разглядывал хаос «каменных» глыб и блоков, потом сдал назад. По мере того, как он удалялся от строения, жуткие вблизи разрывы, дыры, выпуклости и горбы складывались в красивый затейливый узор, корявые

балки, столбы и шпили превращались в изящные башенки, мелкие детали исчезали, рассасывались на общем фоне, и вскоре перед потрясенным пилотом предстал великолепный «дворец», сотворенный явно нечеловеческими руками, но с подобными человеческим размахом и фантазией.

— Ёлки-палки! — сказал Шаламов негромко. Полюбовался на «дворец», приблизился к нему вплотную и вернулся в исходную точку: метаморфозы чужого строения не исчезли, оно то становилось «храмом», достойным богов, то превращалось в жуткий ансамбль слепленных кое-как развалин. Причем пилот теперь убедился в том, что это чудовищное сооружение не недостроено, как ему показалось вначале, а наоборот, начинает разваливаться от старости: вблизи хорошо были видны иззубренные бреши в его стенах и обрушившиеся вниз блоки, погнувшиеся, корявые, неровные балки, похожие больше на гигантские кости и сухожилия с утолщениями и наплывами.

— Что ты на это скажешь? — обратился пилот к Джорджу.

— Не имею полной информации...— завел было обычную песню координатор, но Шаламов его перебил:

— Дай прогноз и перестань дуться, мы оба в одинаковом положении. Или хочешь остаться здесь?

Координатор поперхнулся и не отвечал несколько секунд, потом выдал сигнал метронома, что в переводе на человеческие эмоции соответствовало растерянному покашливанию, и сказал:

— Замечание учту. Даю прогноз: судя по этому сооружению, отсутствию развитой инфраструктуры и спутниковой архитектуры, планета имеет нуль психозоя, несмотря на все признаки искусственности.

— Иначе говоря, хозяев здесь нет,— уточнил Шаламов.— А может быть, перед нами памятник старины? И хозяева живут на других островах, а этот — заповедная зона?

Джордж промолчал. То ли учел замечание пилота, то ли сумел заменить несколько поврежденных нервных узлов и понемногу приходил в себя, обретал былую интеллектуальную форму.

«Приду — проверю,— подумал Шаламов, блокируя канал пси-связи с координатором.— Похоже, придется поработать с оптимизатором, сам Джордж вряд ли вылечит себя полностью».

Пилот осторожно опустился на горизонтальный участок одной из угловых башен сооружения, похожей на полный складчатый волдырь, усеянный рваными дырами, словно по нему стреляли из гранатомета. Материал крыши, мутный, зеленый, как старинное бутылочное стекло, ни на камень, ни на металл не походил.

— Кремнийорганика с примесями солей бора,— сообщил Джордж.— Хотя я могу и ошибиться.

— Пора взяться за исследования всерьез, если мы не хотим

неприятных сюрпризов здешней природы. Наш исследовательский комплекс сдох, попробуй расконсервировать «пчел» из основного груза, если, конечно, он не поврежден.

— Извини, шкипер, «пчел» я уже запустил, сохранилось всего три контейнера, около сотни штук. Пока есть ресурс, они будут работать.

Как и любой спасательный шлюп, «Кентавр» имел киб-систему анализа полевой обстановки, «пчелы» были рабочими органами этой системы, сборщиками информации, но так как оборудование шлюпа пришло в негодность в результате столкновения, Джордж догадался использовать «пчел» из перевозимого «Кентавром» оборудования.

— Маяк все еще не работает?

— Ему досталось больше всего, ремонту практически не подлежит. Я пытался запустить дубль, но и он, вероятно, влип в материал чужого корабля всем рабочим объемом.

— Вот повезло, а? Нечем даже хозяев позвать, разве что покричать «караул».

Шаламов включил антиграв и, преодолевая взявшийся откуда-то ветер, сквозь одну из дыр в оболочке опухолевидной башни влетел внутрь. В то же мгновение его подняло вверх и вжало спиной в купол потолка. В башне царила невесомость!

«Вот откуда здесь сквозняк,— сообразил Шаламов,— а развали-ны-то функционируют! Не получилось бы, как с прогулкой по маатанскому проникателю...»

Он уравновесил себя в центре башни и осмотрелся.

Здесь было довольно светло, стены башни казались обмазанными толстым слоем слабо светящейся икры. Пол помещения сходился двумя неровными оплывшими конусами к двум отверстиям. Одно из них напоминало прорубь во льду, затянутую свежим морозным узором, второе давилось мраком, осязаемо густым, как желе. Шаламов осторожно приблизился к отверстию и заглянул внутрь. Он увидел длинный мрачный туннель, уходивший куда-то глубоко в недра здания, а на дне его мерцал странный багровый отблеск, будто там догорал костер. Интуиция подсказывала пилоту, что идти в этот туннель не стоит.

— Ты согласен со мной? — позвал он координатора.

Никто не ответил.

— Проводник, в чем дело?

Молчание. Глухая ватная тишина и в пси-диапазоне. Этого еще не хватало! Выходит, стены экранируют все виды связи?

Шаламов полюбовался на «прорубь», испытывая желание разбить «лед» рукой, потом на уходящий вниз туннель с «отблесками костра», вспомнил Верхарна: «Пространство, сплющенное между скал, смотрело на него горящими глазами»,— и вылетел из башни

наружу. Время экспедиции по чужому зданию неизвестного назначения еще не пришло. Тотчас же послышался мысленный «голос» координатора.

— ...дите! Даниил, почему молчите? Где вы! Я вас не слышу, сообщите координаты местонахождения...— Джордж явно нервничал, если уж перешел на «вы».

— Все в порядке, старина, я никуда не исчезал, здесь, оказывается, зона блэкаута [1]. Не паникуй, если связь снова прервется, попробуй на всех доступных диапазонах еще раз позвать хозяев. На нашем острове их явно нет, но ближайшие острова могут быть заселены.

— Мощности уцелевшего радиопередатчика не хватает даже на двести километров, но я давно пробую, вторые сутки.

— Как там наш «черный друг»?

— Плакал.

— Что?!

— Это образное выражение,— поправился Джордж.— Он очнулся, посидел у экрана, минут пять издавал жалобный стон в звуковом диапазоне вместе с пси-волной тоски и горя, во всяком случае, очень похоже,— и снова отрубился.

«Парень совсем ослабел,— подумал Шаламов озабоченно.— Кто знает, сколько ему жить осталось. Да и мои резервы не бесконечны, надо поторопиться с поисками аборигенов; не может быть, чтобы никого из них не осталось на целой планете. Сюда я еще вернусь, поищем вокруг».

Он облетел остров вдоль и поперек, но не обнаружил ничего, кроме «развалин» леса. Остров был безлюден, если применять термин земного языка к отсутствию неведомых обитателей планеты, хотя в зарослях «стенолеса» вполне могли жить какие-то представители здешней фауны.

Понаблюдав за изумительно ровной и гладкой — ряби почти не было — поверхностью словно светящегося изнутри янтарно-медового моря, Шаламов заторопился домой, с нарастающей тревогой обдумывая слово «плакал», которым координатор охарактеризовал состояние маатанина. Конечно, ни о каком внешнем сходстве речь не шла, негуманоид не мог ни плакать, ни смеяться так, как это делал человек, но что его состояние близко подошло к критическому, было видно невооруженным глазом. А при подлете к сросшимся кораблям пилот стал свидетелем работы маатанской техники.

Горб проникателя вспучился, выросший волдырь — грузовой люк по-маатански — лопнул и со скрежетом выплюнул нелепую черную конструкцию, изломанную фантазией ее конструкторов,

---

[1] Блэкаут — полное прекращение радиосвязи.

чем-то напоминавшую безголового Змея Горыныча. Дребезжа, как разболтанный вентилятор, она зависла на несколько мгновений над десятиметровым отверстием люка, встопорщила черные лохмотья перепончатых крыльев и перьев и косо пошла в небо, исчезла в розовом сиянии.

— Наверное, зонд-автомат,— подал голос координатор.

— А где наши?

— Трудятся вовсю, принимают информацию, хотя исправен всего один канал.

— Готовь к походу куттер, через час попробую облететь планету и поискать хотя бы одну живую душу.

Шаламов вернулся в корабль и первым делом навестил маатанина. «Черный человек» был в сознании и торчал перед своим экраном, густо усыпанным светящимися, меняющими форму узорами, но едва ли он, обладая совершенно иным зрительным аппаратом, видел эти узоры так, как человек.

— Он должен видеть в ультрафиолете и мягком рентгене,— подтвердил координатор.— Хотя не исключено, что диапазон его зрения сдвинут и в фиолетовую область видимого света.

— Если у него рентгеновское зрение, представляю, каким он видит меня: скелет в сапогах и шлеме.— Шаламов подошел ближе к маатанину.— Как ты себя чувствуешь, дружище?

«Черный человек», не шевелясь, «оглянулся»,— пилот почувствовал на себе его взгляд,— но не ответил. Только по шершавой пупырчатой коже конвульсивно пробежала волна более крупных кристалликов.

— Могу я все-таки чем-нибудь помочь? Например, что-нибудь отремонтировать...

— Жидкие Землие хомо нет помоч... утверждение... совсем другой... себе нет помоч глуп да... больше нет беседа время да...

«Ну и что ему ответить? — с досадой подумал Шаламов.— Доказывать, что кто-то из конструкторов их проникателей самовольно поменял диапазон частот «генераторов струны»? Он не поймет... потому что не хочет понимать. Винить соседа во всех смертных грехах — последнее дело. Неужели он не понимает, что друг без друга нам не обойтись?»

«Черный человек» равнодушно «отвернулся» — давление его тяжелого взгляда исчезло — и занялся своими делами, а через минуту расслабленно оплыл в кресле, потеряв сознание. Он был невероятно слаб и так же невероятно упорен и не хотел, хоть убей, просить помощи у какого-то там «жидкого хомо». Какие чувства руководили им? Гордость? Презрение? Равнодушие к судьбе «недоразвитого землянина», к своей собственной судьбе? Или понимание обреченности? И вообще, обладает ли чувственной, эмоциональной сферой негуманоидный разум?

Шаламов впервые пожалел, что мало интересовался раньше ксенопсихологией.

— У меня есть кое-какие данные из этой области,— откликнулся Джордж.— Мы знаем всего две негуманоидные цивилизации: маатанскую и орилоухскую. Ни те, ни другие в контакт с нами не вступают. Причины такого странного отношения к разуму мне неизвестны, вероятно, оно традиционно. Знаю только, что орилоуны обладают зачатками психокультуры и своеобразным искусством, что уже предполагает наличие эмоциональной сферы, однако их этика и мораль настолько отличны от человеческих, что всякие аналогии исключены. На то, что у нас вызывает смех, они реагируют иначе, и точек контакта наши ксенопсихологи пока не подобрали. С маатанами, по-моему, положение примерно такое же.

— Что ты подразумеваешь под искусством негуманоидов? Цель искусства вообще — заставить работать мысль и воображение аудитории выше привычной нормы. Но это человеческий подход к проблеме, а как с этим у негуманоидов?

— Я просто воспроизвожу суждения ксенопсихологов об искусстве Орилоуха, больше ничего добавить не могу.

— Понятно, извини.

Шаламов вздохнул с сожалением, не видя выхода из создавшегося положения. Бредовая идея с подключением к памяти маатанского компьютера, чтобы тот сообщил ему варианты спасения хозяина, снова всплыла из трясины трезвой оценки происходящего, но пилот поспешил утопить ее коротким выпадом сарказма: не сходи с ума! Если уж подключение собственной автоматики к мозгу едва не повлекло фатального исхода — до сих пор ломота в костях от разного рода электромагнитных «шумовых» наводок,— то что же получится при выводе на мозг чужеродной информации, да еще закодированной неизвестным образом? Нет, самый реальный выход из положения — как можно быстрей отыскать хозяев Стража Горловины, маатанин, судя по всему, долго не протянет.

Пилот отдохнул в своей уютной гондоле, запустив кассету психоразгрузки: луг, опушка березового колка, речной откос, вдалеке стадо коров, идиллия! — вытерпел массаж основных групп мышц и незаметно для Джорджа подключил к цепи управления оптимизатор интеллекта. Это был своеобразный «массаж» для позитронного мозга координатора, способствующий регулированию его мыслительной деятельности и компенсации возможных «шизофренических» синдромов, возникающих в результате «болевых» шоков после повреждений кристаллической структуры мозга. Джордж отреагировал немедленно:

— Отмечаю нерасчетные колебания контурных связей и наводки в периферийных цепях. Причин такой «щекотки» проанализировать не могу из-за отсутствия данных. Встревожен.

— Успокойся, проводник,— сказал довольный Шаламов.— Все в порядке, это вмешалась машинная терапия, терпи, как терпел я. Твоя фармакопея, кстати, что-то слабовата, никак не может справиться с ломотой в костях, дал бы что-нибудь посерьезней.

— Посерьезней может быть только удар по затылку.

— О, кажется подействовало? Ты уже юморишь. Машина готова?

— Как штык,— после заминки ответил координатор.— Не могу не согласиться, что мне такая терапия приятна, но почему я ничего не знаю о существовании на борту «машинной медицины»?

— Потому что это резервная сеть, рассчитанная на аварию с тяжелыми последствиями, и подконтрольна она только мне. Не обижайся, многое из того, что делают люди, рассчитано на их спасение ценой... э-э...

— Понял,— сухо отрезал Джордж и неожиданно съязвил.— Раньше люди, не надеясь на интеллект отдельных индивидуумов, предусматривали для компьютеров «защиту от дурака», а теперь решили перевернуть формулу. Поздравляю!

Шаламов опешил, не сразу разобравшись в юморе координатора, но потом не выдержал и засмеялся: по сути Джордж был прав — оптимизатор являлся своеобразной «защитой дурака от компьютера». Значила ли реплика проводника, что он вошел в форму?

Ответом был короткий смешок Джорджа. Они поняли друг друга.

Куттер ждал пилота у аварийного люка, стремительный и красивый, похожий на плоского ската-хвостокола. Судя по высвету готовности на терминале ручного управления — полупрозрачном квадрате с набором сенсоров, используемом только при отказе системы пси-управления, Джордж перекачал из «баков» «Кентавра» в емкости аппарата почти все оставшиеся крохи энергии.

Шаламов устроился в мидель-захвате аппарата,— пилот в куттере не сидел, а полулежал лицом вниз, упираясь в тубус обзорной сферы,— нахлобучил тугой шлем эмкана, как в обиходе называли пси-рацию все пользователи, и рванул куттер с места в джамп-режиме.

5

За двое суток, почти без сна и отдыха, он облетел практически все острова всех шести морей на шести гранях планеты-куба; убедился, что острова похожи друг на друга, как две капли воды: выступающие из янтарного моря верхушки цилиндров с плоской вершиной, и все сплошь покрыты зарослями «стенолеса». Кроме того, пилот обнаружил около сотни построек, похожих на первый «храм» у корабля, похожих не очертаниями, а парадоксальной

особенностью восприятия: издали они казались совершенными, красивыми, хотя и необычными, сработанными без единого изъяна, однако вблизи производили впечатление полного разгрома; но нигде не встретил ни хозяев планеты, ни свежих следов их присутствия. Возраст построек по осторожной оценке Джорджа везде был примерно одинаков и подходил к сотне тысяч лет, но развалинами они все же не были, внешний их разрушенный вид имел какие-то другие причины.

Однажды Шаламов встретил невиданный ранее летательный аппарат, издали похожий на красивого парящего кондора, но вблизи «кондор» смотрелся, как сварганенный кое-как, из чего попало, воздушный змей, ничуть не напоминающий величественную земную птицу, и на сигналы не реагировал совершенно, направляя полет к одному ему известной цели. Может быть, то был автомат аборигенов, контролирующий состояние среды, а может, и маатанский зонд, исследующий новый мир.

Получая новые и новые порции сведений о кубообразной планете, Шаламов все больше убеждался в том, что открыл искусственный объект, созданный еще одной негуманоидной расой. Особенно изумляли его «леса» Стража, до умопомрачения похожие на настоящие развалины сгоревших дотла городов, крепостей, замков или старинных заводов. Джордж предложил назвать это чудо местной флоры и фауны «вудволловыми лесами», от двух английских слов wood — лес, и wall — стена, и Шаламов, поколебавшись, принял предложение: вудволловый лес — тавтология, конечно, однако звучит гораздо приятнее, чем прежнее «стенолес».

Устав так, что в который раз пришлось прибегнуть к укрепляющим и тонизирующим препаратам, пилот снова вернулся к мысли о прямом подключении к компьютеру маатанского корабля. Такое подключение при счастливом стечении обстоятельств помогло бы не только найти способ связи с маатанами, что в перспективе могло спасти и самого экспериментатора, но и найти метод лечения маатанина. Однако шаг этот был настолько рискованным, что Джордж даже не захотел подсчитывать вероятность благоприятного исхода, охарактеризовав шансы пилота остаться живым и нормальным человеком одним словом «дурак».

Шаламов снова кинулся в поиск аборигенов, мучаясь несказанно от дикого напряжения: в управляющем компьютере куттера полетел дисциплинатор, и приходилось напрягать волю, чтобы куттер летел туда, куда надо, и не реагировал на побочные «шумовые» мысли пилота, сбивающие компьютер с толку. Мыслеуправление всегда требовало от водителей чрезвычайно строгой дисциплины мысли, и Шаламов справился с управлением потому, что был одним из лучших драйверов-прима спас-центра с пятнадцатилетним опытом пилотирования любой техники.

Он сутки обследовал «горные хребты» ребер планеты-куба, монолитные, усыпанные крупными порами, но голые и безжизненные, насыщенные электричеством, а потом запасы энергии в емкостях куттера иссякли, и пилот с трудом дотянул до цилиндра-острова с «храмом», посадив аппарат за тридцать километров от сросшихся кораблей. Поплутав по «развалинам» вудволлового леса,— антиграв без энергии тоже не тянул,— он за шесть часов кое-как доплелся до «Кентавра», и сил его хватило только на ответ Джорджу, взгляд на тушу «черного человека» и на решение о немедленной подготовке к подключению. Ждать до тех пор, пока у Джорджа кончатся и оставшиеся в наличии скудные запасы энергии без надежды на их пополнение, не имело смысла.

— Давай лучше подключусь к нему я,— предложил Джордж, когда Шаламов привел себя в порядок.— Риск намного меньше, к тому же я машина.

Пилот отрицательно помотал головой.

— Извини, старина, твои возможности самоподстройки в таких условиях невелики, а я специально тренирован на выживание в экстремальной среде. Вспомни, как нас называют поэты, любители громких фраз. Правильно, рисконавтами. Ну а меня кто-то прозвал «сверхрисконавтом спас-флота». Да и случись что с тобой, мне одному все равно не выкарабкаться, так что риск остается. Ты лучше помоги избежать первого вазомоторного шока. Запускай «пчел» внутрь этого маатанского монстра, даю тебе на исследование корабля сутки. И час на анализ работы его компьютера. Больше ждать мы не имеем права, «черный» почти готов, а мы как-никак спасатели.

— От упрямства нет лекарства,— сказал Джордж сердито и надолго замолчал. Он тоже был почти мертв, энергии хватало лишь на минимум жизнеобеспечения кабины пилота и на исследовательские работы. Шансы починить «гавкнувшиеся», по выражению пилота, многодиапазонные накопители таяли с каждым часом, «Кентавр» давно перестал быть межзвездным спасательным шлюпом, восстановить его собственное и перевозимое оборудование было уже невозможно.

Шаламов попробовал еще раз подключить к маатанину диагностер, но Джордж обругал его вредителем и посоветовал «подышать свежим воздухом»: земная медицина была бессильна дать прогноз здоровья негуманоида, не имевшего внутренних органов в обычном понимании. А сам маатанин все с тем же беспощадным фанатичным упрямством не желал разговаривать, несмотря на бедственное положение, и в короткие минуты полного сознания отгораживался от пилота давящим мысленно-психологическим барьером. Шаламов ощущал этот барьер каменной стеной с бойницами, за которыми притаились вражеские лучники с полными колчанами стрел.

Однажды и он не выдержал и упрекнул маатанина в неспровоцированно негативном отношении к людям.

— Это же безнравственно, наконец! — закончил он в сердцах.

И получил потрясающую своей простотой, совершенно неожиданную отповедь:

— Хомо людие сам безнравство.— «Черный человек» помолчал, «глядя» на замершего Шаламова недружелюбно и мрачно, так его взгляд ощущал пилот.— Людие отношение природа нравство... вопрос. Нет. Много время нет. Мы знание... вопрос нет.

— Нет,— ответил Шаламов.

Больше они не разговаривали. Основную часть времени маатанин проводил застывшей металлической горой и бредил: в мозгу пилота вспыхивали сами собой причудливые фигуры, таинственные тающие призраки, ползущие и летающие «ангелы» с крыльями птеродактилей, обрывки слов и фраз...

Гулять по «стражгорловианской» электрической природе не хотелось, в основном из-за непрекращавшихся болей в позвоночнике и в костях, но пилот заставил себя облачиться в легкий пленочный скафандр, надел антиграв и снова полетел к загадочному «храму», присутствие которого волновало душу и заставляло прикидывать возможности контакта со строителями, искать причины их непонятного исчезновения.

Облетев колоссальную постройку кругом, пилот вдруг опять вспомнил строки Верхарна, удивившись их созвучию с явью: «Вы тексты от каких затерянных страниц? Остатки какой разрушенной Вселенной?» Древний бельгийский поэт словно своими глазами видел мир Стража Горловины и писал о нем. Господи, что же это за куб, равный планете? Для чего он построен почти сто тысяч лет назад? Зачем ему моря, атмосфера? «Храмы», наконец? Почему они покинуты? Ау, строители, где вы?..

Эфир молчал. «Храм» безмолвствовал. Тишина прочно владела вудволловым лесом, островом, морем, атмосферой, планетой-кубом, построенной неизвестно кем и неизвестно для каких целей. Только Джордж, в котором проснулся юмор, не удержался от реплики, следуя заложенной в него программе поддерживать хозяина всеми доступными ему средствами:

— Видимо, техника у «кубиан» или «стражгорловиан», как ты их обозвал, достигла такого совершенства, что они смогли обойтись без самих себя.

Шаламов невольно улыбнулся, сбрасывая оцепенение волшебных грез.

— Принимаю твое предложение: назовем аборигенов кубианами, так хоть не режет слух. Но ты не отвлекайся от основной задачи, шутник. Я тут поковыряюсь в «храме», посмотрю, что оно такое. Помни о прекращении связи.

Спасатель наметил достаточно широкий проем среди громадных пепельно-серых стен, торчащих лепестками тюльпана, и проник в извилистый коридор, ведущий в шарообразную полость с мерцающими стенами. В полости, как и в башне при первом посещении «храма», царила невесомость, а стены ее, усеянные рваными дырами приблизительно одинаковых размеров,— словно из полости хотели сделать дуршлаг — мерцали искристым узором, как перламутровое песчаное ложе реки сквозь толщу воды солнечным днем.

Одна из самых больших дыр была похожа на стеклянное окно, затянутое морозным узором, а в глубине второй дыры мрак был какой-то странный, красноватый, будто отражавший отсветы далекого пожара.

Связь с координатором снова прервалась, однако пилота это обстоятельство не смутило, в нем все еще жила надежда на встречу с теми, кто создал странные полуживые «города», «храмы» и вообще планету-куб. Кроме того, он терпеть не мог ничегонеделанья, предпочитая активно искать выход из любых, даже самых безнадежных положений. Осмотрев мрачное отверстие с «пожаром» внутри, Шаламов поспорил со своим внутренним «я», не рекомендовавшим залезать в туннель, нашел доводы оппонента убедительными и попробовал прочность «стекла со льдом». К его удивлению, рука прошла «стекло» без сопротивления и каких-либо неприятных ощущений. Тогда Шаламов окунулся в «окно», ничего не видя впереди, и в тот же миг его «разобрали на атомы», превратили в облачко газа, подержали в таком состоянии и снова «собрали»...

Шаламов инстинктивно сдал назад и выбрался из «окна» в той же полости.

Впрочем, не совсем в той: форма полости была иной, да и рваных дыр в ней не было вовсе. Рядом мрачно смотрел на него зрачок черного туннеля с отблесками пламени, а вверху виднелся светлый кружок выхода. Пилот с замиранием сердца поднялся вверх и вылетел из башни «храма». И почти сразу увидел, что «храм»— вовсе не тот, в который он залетел, и стоит не на острове с поврежденными космолетами.

«Хорошо, что надел скафандр с автономным питанием»,— пришла первая мысль.

Вторая была эмоциональней, ибо характеризовала самого Шаламова не совсем с лестной стороны; он уже сообразил, что совершенно случайно влез в узел мгновенного масстранспорта хозяев Стража Горловины, точно так же, как внутри маатанского корабля на «мустанге». Видимо, где-то на страницах Книги бытия рукой судьбы ему было начертано дважды нештатно испытать на себе чужие транспортные системы.

— Джордж, старина, где ты? — позвал Шаламов, не надеясь на скорый ответ. Координатор и не ответил. Он был слишком далеко, чтобы услышать слабенькую рацию скафандра. Впрочем, пилот не нуждался в советах, потому что уже догадался, как поступить. Все работающие станции сети мгновенного транспорта по логике должны были соединяться друг с другом, и даже прыжок в иную звездную систему не менял положения: вернуться оттуда обратно не составляло большого труда.

Налюбовавшись переливчатым сиянием Горловины, Шаламов вернулся в «пещеру» «храма», представлявшую собой машину перемещения, нырнул в «окно со льдом», испытал процедуру «рассеивания» на атомы и вынырнул из «окна» другой похожей «пещеры». Определив по свечению выход наружу, задержал дыхание и вылетел из «храма». Вылетел и забыл о приступах слабости, у него даже дух захватило от невероятной, нереальной по земным меркам картины: «храм» стоял точно на вершине куба, где сходились его исполинские ребра-«хребты» и грани с видимыми сквозь дымку атмосферы линзами морей. Слов, способных выразить состояние Шаламова, не было, да он их и не искал, забыв и о постоянных глухих болях в суставах, и о своем незавидном положении. Главными ощущениями были жадный интерес и восторг, граничащий с суеверным испугом: человеку было еще далеко до строительства подобных чудес...

Третий прыжок занес спасателя в глубины моря, судя по коричневой тьме с желтыми прожилками за толщей стены, четвертый — снова на «хребет» ребра планеты-куба, пятый — в абсолютный мрак подземелья.

Вернулась тягучая головная боль, которую не снимали ни гиперальгин, ни аутотренинг. Шаламов механически, с тупым равнодушием, входил в окно переброса, выходил в новом месте, окидывал взглядом пейзаж и снова нырял в отверстие входа. Он едва не прозевал нужной точки выхода: очнулся, не глядя по сторонам, собрался шагнуть в «подернутую льдом прорубь» и вдруг понял, что ландшафт с вудволловым лесом, серо-желто-зелеными холмами и близким, светящимся желтизной морем ему знаком. Этот остров он уже посещал, когда облетал моря на куттере в поисках аборигенов, и располагался остров не так уж и далеко от места посадки «Кентавра».

Однако после долгих размышлений пилоту все же пришлось еще раз войти в туннель мгновенного скачка: дойти своим ходом, на антиграве, до корабля все равно было немыслимо. Стиснув зубы, Шаламов заставил себя прыгнуть в «ледяное окно».

— Вези домой, ирод проклятый! — сказал он при этом с ненавистью.

«Ирод» — автомат перемещения не обиделся и то ли читал

мысли пассажира (надо было догадаться приказать автомату раньше), то ли Шаламову наконец повезло,— вышел он на острове с видимым издалека маатанским кораблем и «гарпуном» «Кентавра». Как добирался к нему, отвечал ли на скороговорку обрадованного и потому страшно ругавшегося Джорджа,— он не помнил, и провалился в темный сон-беспамятство мгновенно, лишь только коснулся спиной мягчайшей изоляционной спинки кресла. И снова заботливые «руки» медицинского комплекса, встроенного в гондолу кресла, начали приводить его в чувство, растирать и кормить. Но вылечить его полностью автоматы все же не могли.

6

В последний раз окинув взглядом пустынный пейзаж острова, Шаламов задраил люк и спустился вниз, в свою жилую камеру, где ждала его подготовленная к работе система пси-передачи информации. В отличие от Джорджа внутренний голос, уговаривающий его не рисковать: мол, не спасешь ни маатанина, ни себя, к чему эти эксперименты, когда есть Джордж, вот его и подключи,— замолчал только после того, как Шаламов разозлился и заставил свое второе «я» уйти «в подполье». Мысли о Купаве приходили все чаще, но с ними он справлялся без труда. Купава поняла бы его решение.

«Пчелы» поработали на славу, проникнув во все доступные микроавтоматам места маатанского корабля и собрав информацию о работе его энергооборудования и вычислительных комплексов. Джордж проанализировал поступивший массив информации и рассчитал варианты обратной связи с центральным компьютером чужака, хотя компьютером эту странную управляющую систему, строго говоря, назвать было нельзя: она скорее напоминала нервную систему живого существа, вживленную в металлокерамическую гору с кавернами, причем в гору, которая свободно трансформировала свою форму и создавала внутри себя любые пространственные объемы. Но каналы управления этим квазикомпьютером сводились к залу с полумертвым маатанином, и Джорджу было несложно определить точки главных выходов «терминала», с помощью которого «черный человек» управлял своим проникателем. Правда, Джордж, сконструированный для целей, далеких от решения лингвистических задач, действующий по законам антропологики, математики и физики, так и не сумел разобраться, какие сведения содержит память компьютера. Это мог сделать только Шаламов, включенный напрямую в цепь контроля. Причем дело осложнялось тем, что координатор не знал, какой из подключаемых «нервных

узлов» — контуров памяти,— содержит нужную пилоту информацию.

— Ничего,— пробормотал Шаламов,— включай поочередно, потом сам разберешься, что нам нужно, если я потеряю сознание. Но сначала помоги «включить» собственный резерв.

Джордж настроил аппаратуру лазерного иглоукалывания и вызвал у пилота состояние стрессовой гипермнезии — сверхзапоминания. О последствиях эксперимента разговора не было: Шаламов понимал, на что идет.

За час до этого Джордж попытался подключить свой дубль-блок к выходу одной из координирующих цепей маатанского компьютера, но это привело лишь к тому, что блок после включения выдавал на выходе бессмысленный набор слов и цифр. Конечно, можно было попытаться инициировать в дыробое серию коротких и длинных распадов, аналогичных сигналам азбуки Морзе, то есть дать СОС.

Однако эта в общем-то неплохая идея не гарантировала, что сигналы будут услышаны и запеленгованы, потому что диапазон дыробоя был далек от тех аварийных частот, на которых слушают космос земные СПАСы [1]. Шанс был, но у Шаламова не оставалось времени на ожидание ответа: «черный человек» почти не двигался и перестал высвечивать даже бред.

— Приготовились,— сказал Джордж.— Трехсекундный отсчет.

На счете «три» в мозг пилота хлынула лавина чужеродной информации, насыщенная невероятным «мусором» специфичных маатанских понятий, символов и знаков, яркими искрами и вспышками озарений и темными облаками абсолютного непонимания. Это впечатление прорвавшего плотину водного потока, несшего на волне различный мусор, пену и нефтяные пятна, сохранилось у Шаламова и после окончания сеанса.

Продержался он ровно две минуты, затем боль информационно-токсического шока оборвала сознание.

Джордж отключил выход маатанского компьютера на сферу псих-приема пилота и быстро привел того в чувство, высветив перед глазами данные медицинского контроля: пульс, давление крови, температуру, частоту дыхания, тургорные характеристики мышц, кардиозапас.

— Может быть, хватит, мастер?

— Делай свое дело,— мысленно отрезал Шаламов.— И подключи резервы памяти на всякий случай, может быть, что-нибудь запишется в параллели, только заблокируй входы основных управляющих центров, не то сам превратишься в маатанина.

Джордж послушно выполнил приказ и снова «вонзил» в голову

---

[1] Станции приема аварийных сигналов.

пилота бесшумную молнию информационного разряда чужой машины.

Дважды Шаламов всплывал из небытия после ударов эффективного и спинального шоков и окончательно потерял сознание только после явного пересыщения мозга, в течение получаса работавшего со скоростью электронно-вычислительной машины и получившего колоссальный объем маатанских знаний.

* * *

Сутки после этого жестокого эксперимента пилот отдыхал, ослабевший до такой степени,— мозг не смог переварить весь информационный поток и «саботировал» даже простейшие физиологические потребности,— что внезапно засыпал во время кормления или испытывал беспричинные приступы удушья.

Джордж лечил его молча, без обычных нравоучений и ворчания, но не потому, что того требовал метод лечения, а из-за неясных ему паталогических проявлений в работе многих внутренних органов Шаламова, возникающих в результате неадекватной работы спинного и головного мозга. Что-то разладилось в организме пилота, центральная нервная система стала источником «фантомных» болей и «перевернутых чувств»: Шаламов вдруг начинал «слышать» глазами, «видеть» кожей рук или «чувствовать» волосами температуру.

Но все это было не страшно, на Земле излечивали и не такое, главными же источниками беспокойства Джорджа оставались идущие в глубинах психики пилота процессы перерождения интеллекта и памяти: в мозгу человека боролись две вселенные — человеческая и маатанская, негуманоидная: рождалась темная бездна чужих инстинктов и чувств, вспыхивали и гасли галактики странных психических состояний, проявлялась записанная в памяти информация, обработанная подсознанием.

Однако тренированный и сильный интеллект пилота в конце концов одержал верх, хотя никто, конечно, не мог предсказать, какими будут последствия необычного пси-контакта, Шаламов неожиданно заблокировал пси-связь с Джорджем и общался с ним только по радио.

Несмотря на постепенное улучшение общего тонуса, он не мог пока ни самостоятельно двигаться, ни отправлять естественные физиологические надобности, и координатору приходилось ухаживать за хозяином в аварийном режиме.

На вторые сутки Шаламов потребовал дать ему рецептор прямой связи с исследовательским комплексом.

Координатор выполнил приказ.

Спустя минуту «пчелы» снова полезли в маатанский корабль, подчиняясь неведомым командам пилота. Что они там делали, Джордж так и не узнал, «пчелы» имели выход только на мозг Шаламова, и ни одна из них не вернулась в бункер кибер-комплекса. После этого пилот завладел памятью Джорджа и гипер-вычислителем, с помощью которого мог оперировать расчетами любой сложности со скоростью самого координатора, и в течение трех часов гонял вычислитель, заводя его в дебри странных и неприятных вычислений, от которых Джорджу становилось не по себе: за вычислениями стоял мир чужих правил, знаний, математических и этических формул.

Шаламов потерял сознание неожиданно. Работал он далеко за пределами человеческих возможностей и не «всплывал» из беспамятства около семи часов, бледный до синевы, с окаменевшими в горестной судорожной гримасе губами. Диагностер бесстрастно выдал столбец биопараметров пилота, и Джордж испугался по-настоящему: с расширением невралгии у Шаламова обнаружилось около десятка микроизлияний крови в мозг. Пилот нуждался в немедленной операции, но сделать это можно было только на Земле, координатор не был рассчитан на лечение человека с такими специфическими травмами.

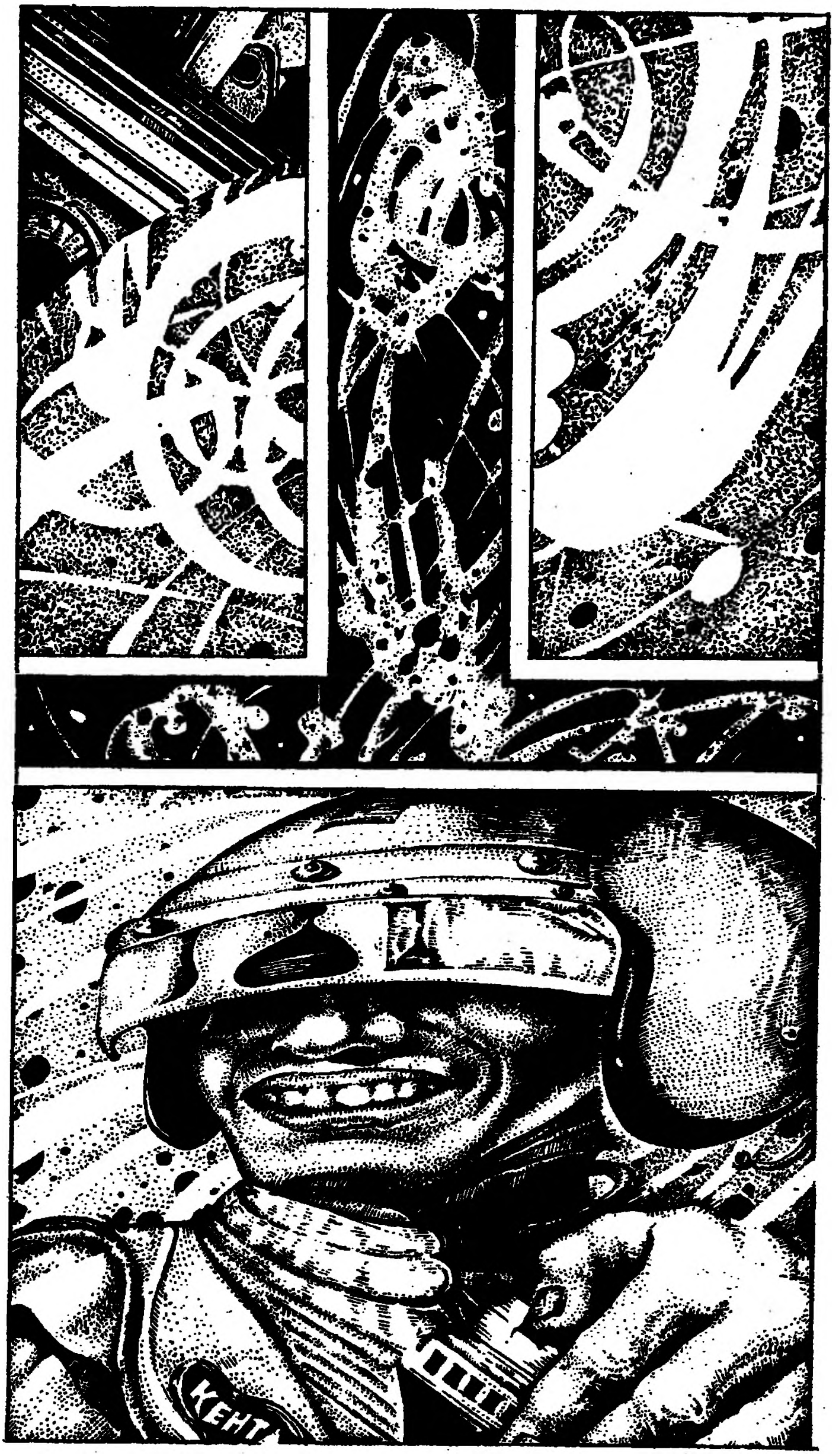
Шаламов выкарабкался из пропасти небытия сам и снова задействовал вычислитель, а затем Джордж стал свидетелем того, как пилот превратился в хозяина маатанского корабля, оживив его исполнительную технику и дремлющую автоматику из той, что осталась неповрежденной.

Какие-то корявые с человеческой точки зрения механизмы, похожие на ожившие творения абстракционистов, принялись чинить и латать зал управления, запеленали неподвижного «черного человека» в серебристую пленку и поместили под ажурный колпак, напоминавший грубую птичью клетку.

Маатанин был еще жив и даже в сознании, но, равнодушный, как и прежде, не желал общаться, не хотел принять предлагаемую помощь.

Деятельность маатанских киберов прекратилась так же внезапно, как и началась: они разломали силовые отсеки и блоки управления «Кентавра», а также оборудование, которое он вез по назначению как спасатель-курьер, перенесли нужные Шаламову компоненты аппаратуры на маатанский корабль и вырастили на панцире «черепахи» корабля кособокую башню, по виду — из рогов и копыт. Затем они попрятались по своим норам. Тишина завладела кораблями.

Джордж «затаил дыхание», готовый выполнить любой приказ командира, но Шаламов молчал по-прежнему и не включал пси-связь. Он был в сознании, даже улыбался иногда сквозь неве-


KEHT

роятную усталость и непрерывную боль, терзающую тело и мозг. Глаза его были открыты, но Джордж знал, что пилот ничего не видит, его зрительные нейроны были парализованы.

— Все в порядке, старина,— прошептал Шаламов, услышав жалостливый «шепот» координатора.— Я все-таки недаром ношу значок мастера-спасателя... мне, наверное, хана, но с техникой «черного» я разобрался...

— Включите пси-канал, Даниил,— попросил Джордж, воспрянувший «духом»,— я попробую снять аффекты, и мы поборемся с недугом.

— Нет, дружище, держись теперь от меня подальше, я стал для тебя опасен. Скоро за «черным» прилетят, я починил его тахиопередатчик, использовав кое-что из нашего оборудования, иначе ничего не получилось бы, и дал СОС на их языке. Не вмешивайся ни во что... если я не смогу участвовать в контакте лично. Понял?

— Да, мастер. И все же еще раз прошу использовать медкомплекс, вдвоем мы хотя бы снимем болевой синдром. Кстати, если их передатчик работает, почему бы не позвать нашу аварийно-спасательную службу?

— К сожалению, частоты передатчика далеки от частот наших приемником, как и в случае дыробоя. Едва ли наши астрономы службы пространства слушают космос в этом диапазоне, но я, конечно же, дал сигнал, остается только ждать.

— Но вас необходимо лечить! И как можно скорее. Я подключу диагностер.

Шаламов не ответил. У него не было ни сил, ни желания спорить, ни особого желания жить. В голове все чаще вертелась одна-единственная фраза, уже почти не тревожащая душу: «Бедная Купава...»

И тогда Джордж впервые нарушил приказ хозяина: преодолел порог команды запрета, включил контур мысленного съема. И получил сильнейший шумовой шок, превративший его в бесполезный кибернетический хлам,— он «захлебнулся» чужой информацией...

Соплеменники «черного человека» прилетели за ним спустя десять часов после включения передатчика, починенного Шаламовым, но ни пилот, ни «сошедший с ума» Джордж не видели, как над островом зависла километровая кошмарная конструкция в пластинчатой броне, а из нее на «журавлиных гнездах» вылетели два десятка черно-золотых фигур. Маатане обследовали свой разбитый проникатель, не обращая внимания на торчащий из него «дротик» «Кентавра», забрали запеленутого полуживого командира, и

через час улетели, оставив землянина в недрах своего покалеченного корабля, не сделав даже попытки анализа ситуации, не выяснив причины аварии и не узнав, не остался ли кто в живых из экипажа земного корабля и не нуждается ли он в помощи. Зато они потратили около четырех земных суток на монтаж ячеистой конструкции, напоминавшей пенал, уложили в ячеи мертвых собратьев и направили «пенал» в глубину «серой дыры». Уходя из Горловины, они оставили у планеты-куба маяк, высвечивающий галактическим кодом фразу: «Владение Маата. Входить, изучать, пользоваться запрещено!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Заремба посмотрел на Мальгина как-то по-особенному, с любопытством и сожалением, словно знал о нем нечто, не укладывающееся в рамки общего мнения о товарище.

— Ты еще не в курсе?..

Мальгин, только что вошедший в служебный модуль, с давних времен называемый кабинетом, не оглядываясь, сделал жест — заходи. Одет он был, по обыкновению, в голубую рубашку с черной искрой, черным воротником и черными обшлагами рукавов, в белые брюки и такие же туфли.

Заремба остановился на пороге, глядя на прямую развитую спину заведующего отделением нейропроблем, надежную спину уверенного в себе, уравновешенного и сильного человека. Повторил:

— Так ты еще не знаешь новость?

Мальгин сел за стол, включил автоматику, формирующую рабочую поверхность: из черной блестящей плоскости стола вылез бутон эмкана, линза селектора виома, информационный блок, сетчатый карандаш киб-секретаря. Наконец Мальгин поднял спокойный взгляд серых глаз, способных становиться прозрачными до ледяной твердости, искриться сдерживаемым, всегда запрятанным в глубину смехом или скрываться за броней иронического прищура.

— Не бери меня на арапа, Иван. Ох и не люблю я твою манеру сообщать неприятные новости.

Заремба, не вынимая рук из карманов, прошел на середину уютного кабинета заведующего отделением.

— Час назад привезли Шаламова...

Глаза Мальгина сузились, похолодели, стали прозрачными.

— Не понял. Что значит «привезли»?

— Он очень плох, попал в какой-то переплет при аварийном курьерском посыле или, как у них говорят, «кенгуру». У него коматозное состояние, колониальный неврит...— Заремба замолчал, глядя, как железный Мальгин вдруг побледнел, вернее, побелел, так что губы его стали синими, под цвет рубашки. Длилось это несколько мгновений, заведующий тут же взял себя в руки, но обычный цвет вернулся на лицо не скоро.

— Где он?

— В первом боксе, у Стобецкого, над ним сейчас колдуют сам Готард и Билл-старший со всеми своими «вивисекторами». Таланов обещал собрать консилиум, искал тебя, но не нашел.

— Я был на корте,— машинально сказал Мальгин и стремительно вышел из кабинета, хотя мог бы связаться с клиническим отделением Готарда Стобецкого по селектору.— Кто его привез? — спросил он уже на ходу, вскакивая в коридоре в первую попавшуюся «улитку» институтского конформного лифта.

— Спасатели, кто же еще,— забубнил Заремба в спину.— Некто Жостов и двое врачей, одного я немного знаю по практике — Джума Хан, врач «скорой».

«Улитка» вынырнула из коммуникационной шахты у двери с зеленой полосой и номером два, бесшумно свернула прозрачные перепонки выхода.

Бокс номер два был собственно нейроклиникой, и заведовал ею Готард Стобецкий, нейрофизиолог и врач с тридцатилетней практикой. Шел ему шестьдесят второй год, но выглядел он на тридцать пять: молодой, гладколицый, уверенный и обстоятельный до пунктуальности. Ошибался Стобецкий редко и, вероятно, поэтому не допускал мысли, что может быть неправ. Это его качество раздражало Мальгина, но в остальном они давно притерлись друг к другу и хорошо знали свои возможности, сильные и слабые стороны, хотя это не мешало им вести деловые и неделовые споры и отстаивать свою точку зрения. Но не до вражды.

Пространство клиники было функционально и эстетически организовано таким образом, что любая палата, а их было около трех десятков, имела прямой лонж-выход в операционный и процедурный комплексы, и выглядело это ячеистыми янтарными выступами, напоминавшими обнаженные светящиеся пчелиные соты, которые упирались в причудливо изогнутые палевые «бутоны» реанимакамер.

Дежурный терминал управления операционной прятался в хрустально-белом «бутоне», сквозь стенки которого были видны врачи за двумя развернутыми пси-вириалами [1] стационарного диагностера и медицинского информбанка.

Стобецкий, заметив заведующего первым отделением, жестом попросил соседа освободить кресло. Мальгин, поздоровавшись со всеми кивком и пожав руку Готарду, сел. Виом напротив показывал внутренности реанимакамеры с телом Шаламова. В правой верхней четверти оперативного фронта изображения загорались и гасли строки бланк-сообщений, а чуть ниже — данные медицинского анализа.

— Нечто странное,— отрывисто бросил Стобецкий.— У него парадоксальный статус абсанса [2], резко нарушена нейроцитоархитектоника мозга: таламус сплющен и загнан в нейропиль, оба полушария срослись в одно целое, межуточный мозг проник в средний, сетчатое образование исчезло, мозжечок увеличился в объеме в два раза... Ну и так далее. Никогда не видел ничего подобного!..

Левая нижняя часть виома отразила голографический разрез мозга пострадавшего. Алая стрелка показала узлы нарушений и переродившиеся участки коры.

— Кроме того, ПНС [3] у него расположено прямо над тазом, а не на границе брюшной полости,— добавил заметно волнующийся Билл-старший, заместитель Стобецкого, приступивший к работе всего три дня назад.— Такое впечатление, будто оно «сползло». А корпус каллозун [4] увеличилось и соединило полушария!

— По данным коллег,— Стобецкий кивнул в сторону трех-четырех мужчин в фирменных голубовато-зеленых комби, какие носили все врачи «скорой помощи» и спасательной службы,— его организм большую часть времени отказывается регулировать деятельность внутренних органов.

— Что значит «большую часть» времени?

Один из гостей, рослый, черноволосый, загорелый до цвета красной меди, с хищным носом и черными цепкими глазами, придвинулся ближе.

— Это значит, что иногда этот парень вдруг сам выкарабкивается из беспамятства, и организм начинает ему подчиняться. Не надолго, на три-четыре минуты, но и это удивительно, ведь по сути он фрустрирован.

---

[1] Пси-вириал — блок управления с конформным преобразованием аппаратуры, заменивший устаревшие пульты; содержит аппаратуру звукового и мысленного (пси) управления.

[2] Статус абсанса — состояние больного, характеризующееся серией абсанов (кратковременных потерь сознания с последующей амнезией), в промежутках между которыми сознание полностью не восстанавливается.

[3] ПНС — превертебральное нервное сплетение.

[4] Corpus callozun — мозолистое тело *(лат.)*

— Простите, с кем имею честь?

— Джума Хан,— представился черноволосый, и Мальгин понял, что его загар — нормальный, естественный цвет кожи.

— Нейрэктомию [1] делали? — спросил Стобецкий, манипулируя секторами диагностера.

— Конечно, данные в персон-банке. У него прогрессирующая гетероплодия [2]. И при всем том парень умудряется всплывать из преисподней и разговаривать, как вполне нормальный, почти здоровый человек! Очень сильная личность.

— Учтите, он ко всему еще и слеп,— невпопад вмешался Заремба, дыша в затылок Мальгину.

— Где Таланов?

— На связи с индийским филиалом, через пару минут явится.

Виом вдруг подернулся рябью, стершей все надписи. Приглушенно прозвенел колокол внимания. На мигающем огнями «кактусе» вириала зажглись голубые и зеленые огни отмены контактного контроля.

— Он просыпается,— быстро сказал Джума Хан.— Зафиксируйте параметры в момент «всплывания», это важно.

— Пациент в сознании,— четко доложил инк-координатор клиники.

Виом прояснился.

Лицо Шаламова с открытыми глазами было повернуто к людям, видеокамерам, конечно, так что создавалось впечатление, будто он их видит, хотя спасатель был слеп.

— Джума,— позвал он.

В группе, обступившей Мальгина и Стобецкого, произошло общее движение.

— Я здесь, Даниил,— с небольшим запозданием ответил Джума Хан, покосившись на Мальгина.

— Где я?

— В Москве, в Институте нейрохирургии.

Шаламов помолчал; в зале повисла хрупкая тишина. Было видно, что держится спасатель с большим трудом, колоссальным напряжением воли — по лицу его поползли капли пота.

— Клим, ты тоже здесь?

— Да,— каменно-твердо ответил Мальгин, шевельнув желваками.

Шаламов усмехнулся, не мигая. Заремба невольно поежился.

— Тогда я могу быть спокоен. Не давай никому меня резать, Клим, меня нельзя резать. Даже тебе. Понял? Даже тебе!.. Ты понял? — настойчиво повторил спасатель.

---

[1] Нейрэктомия — иссечение участка нерва.

[2] Изменение структуры некоторых хромосом.

— Да! — ответил Мальгин.

Шаламов еще несколько мгновений с улыбкой, кривой, понимающе-иронической, сожалеющей и странной, смотрел — не видя! — на замерших врачей, потом расслабился и откинул голову, глаза его закрылись.

— Потеря пульса,— отозвался инк.— Активирую ВРС [1], дыхание, нейропинг, блокирую выделение избыточных доз вазопрессина, окситомицина.

— Дьявольщина! — произнес Стобецкий.— Это же невозможно!

— Что именно? — сухо спросил Мальгин с чувством, близким к растерянности, глядя на тело друга, опутанное шлангами и проводами. Шаламов всегда был похож на дерзкого и удачливого пирата, по-мужски красивого, склонного к риску, решительного и упрямого, настолько уверенного в себе и в своей неуязвимости, что трудно было представить, будто с ним может произойти какое-либо несчастье. Во всяком случае, Мальгин знал его давно и никогда не думал, что Шаламов, олицетворяющий по натуре тип джеклондоновского героя, вдруг окажется в положении смертельно больного...

— Каким образом он приходит в себя, не имея возможности управлять физиологией? Это же нонсенс!

— Мы назвали такие моменты «пароксизмами жизни» или «парадоксальным сознанием»,— сказал Джума Хан. Мальгину нравилось, как спокойно, уверенно и раскованно держится молодой врач спасателей.

— Кстати, во время «пароксизмов жизни» у него почти все основные функции приходят в норму.

Заремба легонько толкнул Мальгина в спину.

— Главный...

Толпа врачей раздалась, пропуская Богдана Таланова, директора института нейрохирургии, всегда озабоченного, нахмуренного, с морщинистым сухим лицом; глубокие поперечные морщины на лбу главного врача говорили о его возрасте больше, чем седые виски.

— Ваше мнение, Клим? — Голос у директора был низкий, почти бас, но мягкий, не оглушающий.

— Я только что узнал об этом,— сдержанно ответил Мальгин.— Мне нужно знать, помимо медицинской диагностики, как все произошло, где, по какой причине, то есть нужна вся доступная информация.

— Можем дать только приблизительную реконструкцию происшествия,— сказал один из спасателей чуть в нос; это и был Прохор Жостов, руководитель сектора, в котором работал Шаламов.— Дело в том, что мы обнаружили Даниила в последний момент, когда

---

[1] Водитель ритма сердца.

он уже не дышал, да и координатор его шлюпа был кристаллически мертв. Никто, по сути, не знает, что произошло, а маатане не хотят сообщать подробности.

— При чем тут маатане?

— О случившемся мы узнали от них, точнее, от маатанина, которого спас Шаламов. Это все, что известно достоверно. В системе, где мы нашли спасателя — кстати, это в высшей степени интересная система, так называемая «горловина серой дыры»,— на искусственной планете, имеющей форму куба, остался маатанский космолет, но он тоже пуст. По всему видно, что шлюп Даниила в состоянии «струны» пересек «струну» чужого корабля, но о подробностях аварии расспросить некого.

— Появятся новые сведения, сообщите, пожалуйста.

— Непременно.

— У него есть близкие? Родственники? — спросил Таланов.

— Отец, мать, жена,— ответил Джума Хан.

— Они знают?

— Отец и мать знают, жена еще нет. Она... беременна.

Мальгин медленно повернулся к говорившему.

— Что?.. Что вы сказали?

— Она беременна,— невозмутимо повторил Джума Хан.— Мы считаем, что в сложившейся ситуации нельзя волновать ее до родов.

«Когда же роды?» — хотел спросить Мальгин, но сдержался.

Таланов сел на его место, придвинул к темени выросший из мигающего огнями «кактуса» пси-вириала на гибком усике «одуванчик» эмкана и погрузился в мысленные переговоры с координатором. Через две минуты отодвинул эмкан, помассировал висок ладонью.

— Готард, продолжайте анализационное сканирование и структурное интегрирование показаний. Завтра соберем консилиум. Клим, доклад сделаете вы, не забудьте главное: выводы и рекомендации консилиума принимаются к неукоснительному исполнению, ошибки должны быть исключены. Такого случая я не помню в практике, и вряд ли подобные зафиксированы историей, но все-таки покопайтесь в планетарном БМД и банках спас-службы.

Мальгин молча кивнул.

* * *

Весь день он находился под впечатлением встречи с Шаламовым и страшного диагноза его состояния. Память вопреки воле снова и снова прокручивала события давно минувших дней: детство, юность, совместные игры, увлечения, ссоры, первые серьезные шаги в жизни и наконец встречи с Купавой. До института. После. При-

знание... Да, тогда он казался старше, значимее и увереннее Шаламова благодаря своей природной сдержанности и спокойствию. Даниил слишком разбрасывался, хватался за тысячу дел, с легкостью бросая переставшие его интересовать, а Мальгин шел одной тропой к намеченной цели, и Купава пошла за ним. Четыре года, конечно, не прошли, как один день, и все же они жили, не ощущая власти времени, но потом Шаламов вернулся из очередной звездной экспедиции повзрослевший, переживший смерть товарищей, научившийся ценить сказанное им самим слово и ответный взгляд друга... нет, они встречались втроем и раньше, Купава любила Шаламова, как она говорила, за общительность, распахнутость души и склонность к юмору, но кто же знал, что это чувство внезапно усилится многократно и вырвется на свободу, ломая рамки сложившихся отношений, паритет дружбы и устоявшихся взглядов на смысл жизни?! Кто? Только не Мальгин. И ему пришлось пережить самый тяжелый день в своей жизни, когда Купава сказала, что уходит к Шаламову! День, когда был разрушен замок его привычных представлений на женскую любовь и мужскую дружбу, и ночь, когда он сквозь боль и муку нахлынувшего одиночества вдруг понял, насколько ошибался в себе!..

Шаламов пришел на следующее утро, волнуясь, сказал всего несколько слов:

— Я ничего не знал. Она пришла час назад. Ты, наверное, догадывался, что я ее люблю, но я бы никогда сам... она пришла и...— Шаламов беспомощно пожал плечами и криво улыбнулся; Мальгин впервые увидел в глазах друга растерянность.— Если считаешь меня подлецом — прощай.

Мальгин покачал головой. Ему было плохо, очень плохо, однако он недаром считался сильным и выдержанным человеком.

Все правильно, подумал он почти бесстрастно, загнав свою боль глубоко в сердце. Она сделала все правильно. Я бы тоже никогда не понял, что все кончилось, а если бы и понял, то не поверил. Редко кто способен признаться в собственном эгоизме добровольно... Однако вслух он сказал другое:

— Дан, если вы с Купавой не будете возражать, я приду к вам в гости. Позже. А сейчас я хочу побыть один.

Он сдержал свое слово... через два месяца, когда почти полностью преодолел последствия самоанализа, тоскливую тягу к голосу Купавы и желание сделать операцию на памяти. И еще дважды приходил к ним в гости, хотя Купава всегда почему-то пугалась его приходов, и вот спустя еще полгода Шаламова привозят спасатели...

«Господи,— снова подумал Мальгин со страхом,— она беременна! И, вполне вероятно, «виновен» в этом именно я!.. Хотя какое это имеет теперь значение? Главное, что она ничего не знает о Дане. Что же случится, когда ей сообщат о положении мужа?..»

Вошел Заремба, как всегда — руки в карманах.

— Предлагаю спутешествовать в ближайший водоем искупаться.

До Мальгина не сразу дошел смысл сказанного.

— Тебе что, делать нечего?

Заремба опешил: Мальгина всегда забавляло, как Иван, который был на девять лет моложе его, вел себя со всеми запанибрата, покровительственно, и всегда совершенно искренне поражался, когда его ставили на место. Но характер у молодого нейрохирурга был незлобивый, покладистый, общительный, просто он так был воспитан — без критического отношения к себе, сам обижался часто и быстро, но так же быстро остывал.

— Будешь ждать, пока Готард подготовит анализ?

— А ты предлагаешь докладывать на консилиуме ему?

— Нет, но времени-то еще воз и маленькая тележка.

Мальгин потерял интерес к разговору и снова уткнулся в стол, по черной панели которого ползли последние сводки медицинских новостей из всех районов земного шара, отобранные для него кибсекретарем. Лицо заведующего отделением за день осунулось и заострилось.

Заремба потоптался у стола, повздыхал.

— Ты меня включишь в бригаду лечащих?

Мальгин с трудом вернулся из глубин памяти.

— Что?

— Я хотел бы попасть в ПР-группу.

Клим наконец выключил информпрограмму, вскинул на нейрохирурга затуманенные глаза.

— Надеюсь, у тебя есть основания?

— Ну, я думаю... считаю, что я... хороший специалист, врач...

Мальгин вздохнул.

— Ты же знаешь, что этого недостаточно, Иван. Ответственность за лечение таких пациентов, как Шаламов, требует полной отдачи, колоссального опыта и знаний.

— Что я, по-твоему, не лечил никого? — насупился Заремба.— А кто оперировал Кадовски? Кто поставил правильный диагноз Ламбергу?

— Ты.— Мальгин снова вздохнул.— Но ты пока умудряешься брать на себя больше, чем можешь унести. К тому же Таланов уже назначил бригаду операционников.

— И кто в нее вошел?

— Готард, я и... как его, врач-спасатель Джума Хан. Трое.

— Мне этот индиец не показался опытным.— Заремба покривил губы.— К тому же трое в группе — мало. Могу заменить индийца.

— Он афганец.

— Какая разница? Значит, не берешь?

Мальгин тронул сенсор вызова, отрицательно качнул головой.

— Ты даже не представляешь, какой это трудный случай. Не знаю, как Готард и Джума, но я... я просто боюсь давать прогнозы.

«Знал бы ты, что я испытываю,— с тоской подумал он.— Умирает человек, который был моим другом, не подозревая, что мы давно враги! Умирает исключительно коммуникабельный человек, которого все любили и всегда ждали. Умирает тот, кто, не дрогнув, пожертвовал собой, спасая маатанина, совершенно чужое разумное существо, не способное на ответное благородство. И наконец умирает тот, к кому ушла жена, превыше всего в жизни ставящая честность отношений, какой бы ни была цена... Что будет, если Даниил умрет? Вернется ли она? И что будет, если он все-таки в ы ж и в е т?..»

Над глазом виома развернулся объем изображения с головой Стобецкого.

— Давайте поработаем вместе,— сказал Мальгин.— Мне некуда деться.

— Успеешь поработать,— недовольно проговорил Готард.— Через пару часов я дам предварительный вывод.

— И все же я подключусь в параллель. Извините, Готард, но у меня есть свои резоны. Этот человек... мой злейший друг.

Стобецкий пожевал губами, хмурясь, нехотя кивнул. Потом не удержался от ехидной тирады:

— Боишься, что на стадии прогноза не учту какую-нибудь мелочь? Стобецкий еще не ошибался в анализе.

— Я знаю.— Мальгин остался бесстрастным.— Но решать судьбу этого парня буду, наверное, я.

Виом погас, Стобецкий выключил интерком.

— Индюк,— сказал Заремба простодушно.— Клим, если будет возможность, вспомни обо мне, я не подведу. Желаю удачи.

Мальгин остался один. Минут десять он сидел в том же положении, боролся с памятью, а победив, дал задание киб-секретарю связаться со спасательной службой и собрать все материалы о работе Шаламова. После этого спустился в клинику Стобецкого, где автоматы реанимакамеры, насколько было в их силах, поддерживали оптимальную среду для одного пациента, Даниила Шаламова, мастера-спасателя тридцати двух лет от роду, верного своим принципам всегда и везде, даже в ситуации, когда выбор один — жизнь своя за жизнь чужую...

Стобецкий не сказал ни слова, когда Мальгин сел рядом и вывел на второй эмкан параллельный выход диагностера. До глубокой ночи они работали в полной тишине, связанные оперативным полем компьютера, а когда закончили формирование отчета, долго сидели за светящимся «кактусом» вириала и смотрели на неподвижное тело Шаламова, погруженные каждый в свои мысли и чувства. Их

рабочие отношения можно было бы выразить двумя словами: унисон диссонансов, но это в общем-то парадоксальное словосочетание точно определяло способности каждого видеть границы принципиальной оценки событий. Стобецкий ушел раньше, буркнув «спокойной ночи». Мальгин вернулся в кабинет, еще раз перечитал собственные выводы, зафиксированные памятью машины — в Институте ее все называли Гиппократом,— и в третьем часу ночи покинул Институт. Думал он к собственному отвращению только об одном: у Купавы будет ребенок...

* * *

На консилиуме присутствовали едва ли не все крупнейшие специалисты с приставкой «нейро» в области изучения и лечения человеческого мозга и нервной системы: нейропсихологи и физики, хирурги и химики, кибернетики и лингвисты, психологи, генетики и химики, в том числе и доктор неврологии Бронислав Каминский, возглавлявший Европейский центр индивидуальной психотерапии.

Данные анализа состояния Шаламова произвели на них разное впечатление, но в одном их мнения совпали: случай был уникальным. Мозг пациента переродился почти на пятьдесят процентов и продолжал изменяться, хотя процесс этот и замедлился после медикаментозного вмешательства врачей спасательной службы. Начали играть особую роль интрамуральные нейроны — замурованные в стенках сосудов, их объем увеличился, а структура изменилась, теперь они объединились в автономную сеть, образовав специфический нейропиль — «скелет» новой нервной системы, почти не зависящей от головного и спинного мозга.

За сутки, истекшие с момента доставки Шаламова в институт, он дважды приходил в себя, звал Джуму Хана или Мальгина, просил ничего не сообщать Купаве, настойчиво требовал не пичкать его нейролептиками и не вмешиваться в организм. Каждый раз после этих кратких сеансов полного сознания у него останавливалось сердце и наступала клиническая смерть, но ухищрениями медиков, вооруженных тысячелетними знаниями методов и накопленным опытом медицины, опирающихся на умные машины и точнейшую аппаратуру, Шаламов снова возвращался к жизни, вернее, полужизни, большую часть времени проводя в глубоком беспамятстве. Он был явно неоперабелен, о чем прямо заявил Стобецкий, но Мальгин, как, впрочем, и сам Готард, и Таланов, и многие другие, не видел иного выхода; Шаламова надо было срочно оперировать, он мог умереть в любую минуту.

— Ну хорошо, операция необходима,— согласился Каминский, чем-то напоминавший Мальгину дремлющего седого льва.— Но

ведь сам пациент от нее отказывается. Не нарушаем ли мы норм врачебной этики? К тому же поле хирургического вмешательства настолько велико, что едва ли с операцией справится один человек. Вот вы, например, справитесь? — Каминский посмотрел на Стобецкого.

Готард нахмурился, пожевал губы и вдруг к удивлению Мальгина — тот ожидал другого — отрицательно качнул головой:

— Я, наверное, нет, а вот он справится.— Кивок на Мальгина.— Клим — лучший нейрохирург Системы, нейроконструктор высшей квалификации...

— Оставьте славословие, Готард,— негромко перебил коллегу Мальгин.— Бронислав прав, оперировать придется сразу два десятка пораженных участков, но не это главное. Операция ничего не даст, если мы не сможем стереть чужую информацию в мозгу больного. Именно она формирует те структурные и нейрохимические изменения мозга и тела Шаламова на уровне неосознанной психики, подсознания, которые превращают его в...— Мальгин запнулся,— в нечеловека. Но вы не учитываете фактор времени. У нас его нет. Дальше будет еще хуже: процесс перерождения продолжается, и скоро мы упремся в тупик, из которого всего два выхода — смерть пациента или полная фрустация личности, что для него, в принципе, одно и то же.

— Вы берете на себя ответственность за исход операции? Придется сделать не одну, а целую сотню тончайших операций одновременно.

Мальгин поднял на Каминского твердый взгляд, мельком отметив жест Зарембы, означавший «не дрейфь».

— Да,— сказал он и вспомнил шепот Купавы: «Тебя все называют человеком-да. Ты всегда так уверен в себе? В своей судьбе? В правильности выбора цели?» — «Да»,— ответил он в тот день...

— Но повторяю, до нейрооперации необходима операция по очистке мозга больного от «шлаков» чужеродной информации. Это самое трудное и опасное в данном случае. Подобную операцию проводили всего один раз за всю историю медицины: около тридцати лет назад мой предшественник Наумов оперировал двух космонавтов, попавших под информационно-лучевой удар над Юпитером.

— Ему было труднее,— проворчал Стобецкий.— В те времена еще не было машин типа Умник или Гиппократ.

Мальгин промолчал.

— Но насколько я понял, вы не знаете всех запасов криптогнозы [1],— сказал Каминский.— К тому же она может быть перемешана с жизненно важной наследственной и приобретенной информацией. Как вы отделите зерна от плевел?

---

[1] Информация, осевшая в глубинах неосознанной психики.

В демонстрационном зале, где проходил консилиум, повисла тишина.

— Есть только один способ,— нарушил ее Мальгин; посмотрел на задумавшегося Таланова.— Прямой пси-контакт. Необходимо замкнуть мозг больного на мозг врача.

— Но это же колоссальный риск!

— Да, риск,— согласился Таланов,— прежде всего риск шокового исхода и глубокой психотравмы хирурга, но я не уверен, что нет другого выхода. Давайте подумаем вместе, может быть, выход найдется. Предлагаю укомплектовать группу профессионального лечебного риска пятью врачами. У кого другое мнение? Прошу назвать кандидатуры.

— Разрешите слово? — встал Заремба.— Мне кажется, мы кое-что упускаем из виду.

Мальгин, приготовившийся к тому, что Иван станет предлагать в группу себя, с интересом посмотрел на молодого хирурга.

— Конкретней, пожалуйста,— сказал Таланов с обычной своей ироничной вежливостью.

— Шаламов работал с маатанской техникой в состоянии гипермнезии и впитал почти весь запас информации их корабельного компьютера, поэтому прежде, чем заняться лечением больного, необходимо узнать все о маатанах: их биологию, физиологию, биохимию и так далее. Только тогда мы поймем процессы, идущие в организме Шаламова, и сможем определить пределы хирургического и психофармакологического вмешательства.

«А молодец Иван, голова у него варит»,— подумал Мальгин с некоторым удивлением; сам он упустил из виду эту особенность случившегося.

— Идея хорошая,— сказал Таланов,— хотя мы об этом не забывали. Но как ее осуществить практически? Насколько я осведомлен, контакт с нами маатане отвергли. Вообще удивительно, что этот травмированный маатанин, которого спас Шаламов, внезапно проникся благодарностью к нему и решил сообщить нам координаты места катастрофы.

Заремба сунул было руки в карманы, но посмотрел на Мальгина и вытянул обратно.

— Это можно объяснить,— сказал он со снисходительной небрежностью.— Шаламов сработал обратную связь с маатанским компьютером, а тот мог иметь такую же с маатанином. Вот «черному человеку» и передалась часть эмоциональной и психогностической информации спасателя.

По залу снова поплыла тишина.

«Недооценивал я Ивана,— подумал Мальгин с невольным сожалением.— Из него можно вырастить отличного врача. Главное, что он умеет думать».

Таланов кашлянул в кулак, в глазах его отразилось уважение.

— А вот об этом я не подумал. Спасибо за идею, она интересна и ценна. Правда, я все равно не вижу, каким образом можно получить сведения о физиологии маатан.

— Да очень просто! Разве у нас нет в УАСС отдела разведки или безопасности? Пограничники, наконец. Пусть поработают!

На лицах присутствующих в зале замелькали улыбки. Горячность молодого нейрохирурга и его манера поведения импонировали многим.

— Это как раз очень непросто,— негромко сказал Джума Хан.— Как вы себе это представляете?

— Элементарно: выкрасть маатанина, обследовать и вернуть... извинившись.

Последняя фраза Зарембы снова развеселила присутствующих, но не надолго. Предстояло принять решение, определяющее дальнейшую судьбу больного.

Спустя полчаса группа риска была создана. В нее вошли четверо мужчин: Мальгин, Стобецкий, Джума Хан, а также Бронислав Каминский, и женщина, одна из крупнейших нейрохимиков Земли, Карой Чокой. Консилиум закончил работу, и теперь предстояло выработать стратегию и тактику лечения Шаламова, странной своей болезнью поставившего в тупик лучших специалистов Земли в области изучения человеческого мозга и нервной системы человека.

Заремба хотел было навязать Мальгину свое общество, но Клим отвел эти попытки двумя словами «встретимся завтра» и сбежал из Института, наугад ткнув иглой задатчика в схему выходов метро. Вышел он на второй станции метро Ио, спутника Сатурна, над прозрачным куполом которой нависала пухлая пятнисто-полосатая стена гигантской планеты, перечеркнутая узкой полоской кольца, видимого с ребра.

«А может быть, поступить по совету Зарембы? — подумал Мальгин, глядя на заметное глазу движение пятен на боку Сатурна.— Выкрасть «черного человека», предварительно подготовив исследовательский комплекс на базе больших Умников Академии, и за два-три часа «распотрошить» его по всем параметрам. Потом извиниться и, бия себя в грудь коленом, вернуть обратно...»

Из-за горба планеты брызнуло расплавленным золотом — солнце. Мальгин не отвернулся, только сощурился.

«Нет, не имеем мы права действовать подобным образом, по-пиратски. Пусть «черные люди» высокомерны, эгоистичны и равнодушны к нам, это никому из людей не дает моральных преимуществ. Этика контакта живых с живыми складывалась веками, от контактов с братьями нашими меньшими — животными до контактов людей с людьми. Мы пережили все: войны и геноцид, расизм и оголтелый шовинизм, примитивный социализм, фашизм и псевдоком-

мунизм и ворох других производных «измов», пока не научились уважать чужое мнение и чужие желания. Шаламов не прикидывал размеров личной выгоды от спасения «черного человека», он просто его спасал... как тот дурак, который не знал, что задача неразрешима, и потому решил ее... Ах, Данька, Данька, кто знал, что ты станешь моим пациентом! Человек устроен таким образом, что считает себя бессмертным до тех пор, пока не встретится со смертью конкретно, а ты был сверхоптимистом и вряд ли задумывался о том, что смертен, как и все. В какую же историю ты влип, мой злейший друг! И меня тянешь за собой в пропасть... потому что никогда не задумывался о последствиях своих поступков. Я даже не уверен, думал ли ты о Купаве, когда спасал этого каменно-металлического монстра... хотя эгоистом тебя никто назвать не вправе, даже я. Просто ты такой, какой есть,— ничего показного, фальшивого, хитрого, весь на ладони. А главное, ты всегда был искренне уверен, причем не в меру общепринятых норм, что предать тебя никто не может, тем более друзья. Надо же таким уродиться?! А подумал ли ты о том, каково сейчас мне? Имею ли я право на ошибку, зная о твоем святом неведении и не менее святой уверенности в моем профессионализме, в том, что я вытяну тебя из преисподней?..»

В глубинах атмосферы Сатурна мигнула алая звезда — луч лазер-связи какого-то исследовательского автомата. Мальгин опомнился и шагнул обратно в камеру метро, не обращая внимания на удивленные взгляды работников станции. Через двадцать минут он был дома.

Принял душ, переоделся, выпил бокал испли и вдруг бессознательно набрал телекс Купавы, заблокировав обратную связь.

Вином развернулся почти сразу. Перед Мальгиным возник объем до боли знакомой гостиной Шаламова, а напротив стояла Купава в халатике и с недоумением смотрела на Мальгина, и хотя видеть его она не могла, Клим невольно сделал шаг в сторону, глотая ставшую горькой слюну.

— Слушаю вас,— нараспев сказала Купава с рязанским выговором, откидывая пушистую прядь волос со щеки.— Включите обратку, я вас не вижу.

Мальгин молчал, сжав кулаки так, что ногти впились в ладонь. Он увидел округлившийся живот, изменивший фигуру женщины, ее бережные осторожные движения, и в голову ударило волной пронзительной тоски и отчаяния. Купава любила Шаламова, но еще ничего не знала...

— Кто звонит? — повторила Купава, и вдруг выражение ее лица изменилось.— Клим?.. Ведь это ты, я знаю. Включи обратку, я хочу посмотреть на тебя. Почему ты не звонишь?

Мальгин с трудом проглотил ком в горле и выключил вином связи.

Уснул он только под утро, на рассвете.

2

Заремба встретил Мальгина рассеянным «привет». Он сидел за пси-вириалом реаниматора с эмканом на голове и, судя по сигнализации на терминале, работал с вычислителем в режиме интегрального общения. Стобецкого в клинике не было.

— Где Готард? — спросил Мальгин, включая передачу из реанимакамеры. Виом раскрыл внутренности камеры: сквозь зеленоватый сумрак физиогаза едва проглядывало тело Шаламова, похожее на скульптуру спортсмена из позеленевшей бронзы.

— Ушел,— ответил Заремба с запозданием.— Он дежурил с Ханом всю ночь. Подожди, я сейчас освобожусь.

Мальгин сел рядом, вывел на второй эмкан информацию сторожа состояния, выслушал мысленный доклад, откинулся в кресле. Эмкан свернулся в гибкий усик и втянулся в пульсирующую колонну вириала.

Состояние Шаламова не улучшилось, он оставался в коллапсе, на грани клинической смерти. Спасатель не реагировал на раздражители, смену физиогаза, излучателей, стимуляторов и на регулярные сеансы внутривенного питания. Но за ночь он дважды «всплывал» из небытия в пароксизме псевдосознания, почти полностью восстанавливая на несколько минут функции сердечно-сосудистой, вегетативной и центральной нервной систем. Однако блокада пси-сферы при этом не снималась, то есть даже с помощью точнейших датчиков не удавалось «снять мысли» спасателя, уловить, о чем он думает и какая информация прячется в глубинах его памяти.

Заремба стащил ушастую дугу эмкана и небрежно бросил на вириал, пригладил волосы.

— Я нашел причину слепоты: у него нарушена связь между стриарной зрительной корой и латеральным коленчатым телом. Восстановить эту связь для меня — пара пустяков.

— Что он говорил в сознании?

— По-моему, ничего существенного... нет, постой, первый раз позвал тебя и умолк, а второй произнес странную фразу, сейчас вспомню... да, вот: «Я — обезумевший в лесу Предвечных Чисел».

— Числ,— поправил Мальгин.— Это Верхарн, Даниил любит его поэзию.— Клим полузакрыл глаза, помолчал, потом продекламировал:

— «В одежде цвета горечи и яда рассудок мой холодным мертвецом плывет по Темзе вверх лицом».

Заремба хихикнул, но, видя, что Мальгин не расположен к юмору, подобрался виновато и покачал головой:

— Мрачновато, хотя и весьма оригинально. Я лично Верхарна

не читал и не особенно жалею. Что будем делать, Клим? Машина дает ему не больше двух суток жизни. Если не успеем что-либо предпринять, летальный исход неизбежен, несмотря на временные прояснения сознания, которые твой любимый Хан назвал «фазами хозяина».

— Где он?

— Джума? У себя, наверное, в клинике спас-центра, я им как-то не интересовался. Кстати, ты знаком с Карой? Она зачем-то интересовалась тобой, звонила, я дал твой домашний телекс. Ну и женщина, скажу я тебе! С ходу можно отдать ей корону «Мисс Вселенной»! Во всяком случае, я бы отдал. Красивая женщина, а? Она занимается исследованием нейрилеммы и нейроглии [1], а старик Каминский собрал своих лингвистов и кибернетиков [2], его задача — ЦНС. И все равно мы придем к одному: требуется срочная операция. Вернее, две операции, как ты и говорил: стирание чужой информации после выявления запасов криптогнозы и воссоздание нормального генома, конструирование здоровых хромосом со всеми вытекающими последствиями.— Последние слова Заремба проговорил с видимым удовольствием, смакуя.

Мальгин молчал, все так же полузакрыв глаза. Заремба вдруг щелкнул пальцами, глаза его загорелись.

— А давай сами слетаем к маатанам в гости и умыкнем одного, если они не дадут нужной биоинформации! А?

— Ты сам-то представляешь, что говоришь?

— Очень даже представляю. Попытка — не пытка, а твой друг ждать не может, он и так на ладан дышит.

Мальгин встал так стремительно, что Заремба отшатнулся.

— Ты что?..

— Ничего,— глухо сказал Клим.— Может быть, и из лучших побуждений, но ты провокатор, Иван. Обзвони всех и сообщи, что собираемся в двенадцать, будем решать. Спросит Таланов — я в Управлении спасателей.

— Хорошо, скажу.— Заремба шмыгнул носом.— А почему я провокатор?

Мальгин окинул хирурга взглядом, глаза его стали грустными.

— Тебе никогда не приходило в голову, что ты слишком медленно взрослеешь? Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— А ведешь себя подчас, как двенадцатилетний малец. Подумай на досуге, ведь есть чем, голова иногда соображает.

---

[1] Нейрилемма — оболочка нервных волокон; нейроглия — ткань нервной системы, в которой располагаются нервные клетки.

[2] Подразумевается — нейролингвистов и нейрокибернетиков; нейролингвистика изучает нарушения языковых навыков, нейрокибернетика — организацию и функционирование нервных сетей, механизмов памяти и поведения.

В девятом часу утра Мальгин нашел Джуму Хана в шоковом отделении клиники УАСС. Меднолицый врач «скорой помощи» не удивился визиту, извинившись перед коллегой, отвел Клима в сторону; они медленно пошли по заросшему травой — таково было впечатление от ковра — коридору.

— Нужна полная информация о физиологии и биологии маатан,— сказал Мальгин прямо.— Я не имею права оперировать, не зная полной картины того, с чем могу встретиться на молекулярном и атомарном уровнях.

— Такой информацией мы не располагаем и вряд ли будем располагать в ближайшем будущем.

— Разве вы не поняли? — холодно спросил Мальгин.— Я и сам знаю, что у нас есть, а чего нет.

Джума Хан остался невозмутимым.

— Не сердитесь, я вас понял. К сожалению, мои коллеги не догадались доставить из Горловины шлюп Шаламова или хотя бы его инк. А выудить что-либо из поврежденного проводника на месте не удалось.

— Надо срочно доставить его сюда и отдать специалистам-структурщикам, может, хоть что-нибудь выудят.

— Боюсь, что это невозможно, маатане установили в Горловине «маяк-табу» по терминологии безопасников, то есть знак частного владения. Мы не имеем права врываться на занятую территорию.

— Но ведь вы уже «врывались», когда забирали Шаламова.

— Сядем,— кивнул Хан на кресла в нише с видом на пойму Десны; они сели друг против друга, похожие сдержанностью и той особенной мимикой, которая выдает в собеседнике умного, понимающего иронию и юмор человека.

— Все не так просто, не однозначно. Да, мы забрали Шаламова из Горловины, но после этого маатане выпустили внутри нее сторожей, имеющих приказ уничтожать любых непрошенных гостей.

Мальгин молча смотрел на врача. Тот оценил его взгляд.

— Да, такова их логика, и ничего с этим не поделаешь.

— А откуда это известно?

Джума Хан слегка улыбнулся.

— У разведки свои секреты и методы, к тому же по этому делу работают еще пограничники и безопасники.

— Но ведь «черные люди» имеют точно такие же права на «серую дыру», что и мы. Шаламов «обнаружил» ее, если можно так сказать, одновременно с маатанином.

— С юридической точки зрения — да, мы имеем право на владение как Горловиной, так и планетой-кубом,— Шаламов назвал ее Стражем Горловины,— хотя никто из людей никогда не стал бы присваивать себе лично и вообще всему человечеству подобный объект, нам достаточно иметь возможность исследования феномена,

однако «черные люди» не признают законов земной юрисдикции. Конечно, комиссия ИВКа [1] попытается официальным путем решить возникшие правовые вопросы, но едва ли маатане станут нас слушать.

— Так что же, уперлись в тупик и на этом успокоимся?

Джума внимательно посмотрел в глаза Мальгину.

— У вас есть конкретные предложения?

— Нет,— сказал Мальгин нехотя через некоторое время.— Но у меня в распоряжении сутки, от силы двое. Сегодня в двенадцать я объявил общий сбор рисконавтов, и если решение не будет найдено, я начну действовать так, как сочту нужным.

Джума Хан покачал головой.

— Напрасно вы разговариваете со мной, как с противником, я целиком и полностью на вашей стороне, и как бы вы ни решили,— а я думаю, что понял вас правильно,— будем действовать сообща, аморфная позиция не по мне.

Мальгин встал, протянул руку.

— Благодарю, и простите за резкость. Этот случай настолько неординарен для меня в личностном отношении, что я не имею права ошибаться.

Ладонь у Джумы была широкая, шершавая и твердая.

— Никто из нас не имеет права ошибаться, хотя без ошибок человек — не человек. Хотите, покажу одну любопытную картинку?

— Она имеет отношение к нашей теме?

— Прямое.

В своем рабочем кабинете Хан включил стол, полистал оглавление проектора и остановился на нужном кадре. Виом развернул плоскость цветного изображения, медленно протаявшего в глубину. Мальгин увидел дымящийся черный океан, низкое мрачное небо с перьями фосфоресцирующих облаков, неожиданно светлый берег с редкими скалами.

— Снято в ультрафиолете,— пояснил Джума, наблюдая за Мальгиным.— Догадываешься?

Вглядевшись, Клим понял, что видит вовсе не скалы, а чудовищные скелеты, облепленные не то насекомыми, не то пиявками. А на заднем плане торчало из песка косо уходящее в небо перепончатое перламутрово-полупрозрачное, с красивым рисунком прожилок крыло, на вершине которого громоздилась мрачная, многогорбая, наполовину покрытая зеркальным слоем глыба — «черный человек». На стереоснимке был запечатлен пейзаж Маата.

Ничего больше не сказав друг другу, они разошлись. Мальгин вернулся в Институт и принялся внимательно изучать сканер-срезы

---

[1] Институт Внеземных Культур.

мозга Шаламова, намечая пробную «тропу вмешательства». А около одиннадцати в клинику пришла Купава.

Одета она была в нечто пушистое, снежно-белое с голубым, с зеркальными перетяжками,— комплект «воздушный замок», скрывающий фигуру, и никто не смог бы сейчас утверждать, что Купава ждет ребенка. В кабинет она вошла без предупреждения.

Когда Мальгин, недовольный вторжением, повернул голову к двери, он сначала не поверил глазам, потом встал, не снимая эмкана, и молча уставился на женщину. В голове поплыли дым и звон, и — ни одной мысли.

Смуглое лицо Купавы казалось чуть бледнее обычного, а изогнутые, как птичьи крылья, брови были сдвинуты, придавая лицу какой-то особый трагизм. Мальгин никогда не видел у нее такого выражения лица.

— Что же ты не приглашаешь меня сесть, человек-да? — спросила она тихо, с неожиданно робкой улыбкой.

Мальгин опомнился, сорвал с головы эмкан, бросил на стол, вышел навстречу. Слова застревали в горле, пришлось откашливаться.

— Извини, я просто-напросто остолбенел. Проходи, садись.

— Спасибо. Не ожидал?

— Нет,— сказал он так жестко, что она снова улыбнулась, но улыбка была невеселой и длилась недолго.

— Клим, ты же сильный и добрый, иначе тебя не называли бы человеком-да, почему ты ничего мне не сказал?

— О чем?!

— Не притворяйся.— В голосе женщины прозвучали слезы; она села в кресло и облегченно вздохнула, прислушиваясь к себе.— Ты не способен на обман и должен сказать правду: что с Даном?

Мальгин попятился, поймал спинку кресла, сел напротив.

— Кто тебе сообщил?

— Неважно, кто. Ты звонил вчера, и я... почувствовала. И потом, у меня есть друзья в Управлении спасателей и среди пограничников... они сказали, что он здесь. Что с ним? Почему он лежит у вас, в Институте нейрохирургии? Почему мне никто ничего толком не говорит?

— У тебя будет ребенок,— сказал он вдруг утверждающим тоном, словно разговор шел об этом.

— Да,— сказала она спокойно, не удивляясь, только прищурилась и словно отгородилась от него внутренним барьером.

— Мой ребенок,— уточнил он.

— Да,— повторила Купава все так же спокойно.— Но это ничего не меняет, Клим. И речь о другом. Что случилось с Даном? Почему он оказался в твоем институте?

— Идиот,— сказал он вдруг сокрушенно.

Купава вздрогнула, непонимающе посмотрела на Мальгина.

— Я идиот,— добавил он.— Что позволил тогда тебе уйти. Почему-то не сработала интуиция. Надо было догнать тебя, всыпать как следует и вернуть.

— Вряд ли бы это подействовало, я бы все равно ушла.

— Нет,— сказал он тихо, но так твердо, что Купава посмотрела на него с невольным интересом.

— Ты, кажется, становишься человеком-нет. Не отвлекайся, Клим. Я знаю твою манеру уводить разговор в сторону, когда ты не хочешь говорить о главном. Почему Дан оказался в Институте нейрохирургии? У него... стресс?

— Хуже,— помолчав, сказал Мальгин; полуправду он не любил так же, как и ложь.— У него коматозное состояние, сильнейший шок... а он умудряется при этом на две-три минуты выкарабкиваться из беспамятства и просить, чтобы тебе ничего пока не сообщали.

— Что с ним случилось? Он же ушел в обычный курьерский рейс...

— Его шлюп в режиме «компакт-струна» пересекся с чужим кораблем... оба «выпали» в наше трехмерное пространство внутри «серой дыры», вернее, внутри входа в нее... и, чтобы спасти экипаж чужака, Дан вывел на свой мозг память и динамику операционных полей их компьютера... маатанского компьютера.

Мальгин поднял голову и опустил.

Купава смотрела на него ставшими огромными и бездонными глазами, совершенно пустыми, словно душа ее вдруг выгорела дотла.

— Он...

— Сейчас он почти нечеловек, Купава. И спасти его...— Клим хотел сказать «невозможно», но не смог.

Но она поняла.

— Ты сможешь! — прошептала она.— Ты сможешь, Клим, ты же все можешь, ты лучший нейрохирург Системы, не говори «нет»...— Шепот угас.

— Не знаю.— С горлом у Мальгина снова что-то случилось, слова застревали, цеплялись и царапали горло, и он испытывал самую настоящую боль.— Не знаю. Это правда.

Она вдруг коротко и зло рассмеялась, так что у Мальгина пробежала по спине ледяная дорожка озноба.

— Тебе не кажется, что мы с тобой оживили джеклондоновский сюжет?

— Какой? — Он смотрел непонимающе.

— Вспомни рассказ «Конец сказки». От хирурга Линдея ушла жена, и ему пришлось лечить соперника...

Клим кивнул, к нему возвращалась былая твердость и сила, и понимание того, что он тоже не сможет сказать «нет».

— Так вот,— продолжала Купава, кусая губы,— я тоже могу, как и та женщина, Медж, предложить тебе компромисс: спаси Дана, и я уйду к тебе... навсегда!

Мальгин встал, наглухо застегнутый в бронежилет самообладания, хотя в квартире души, уютно обставленной привычками и желаниями тридцатилетнего мужчины, возведшего в абсолют догмат выдержки и самоконтроля, вдруг проросло желание сделать Купаве больно. Росло оно недолго, Мальгин умел бороться с малодушием. Он усмехнулся и подумал: когда-то наши разговоры были для меня сродни умственной гимнастике, заставляли держать себя в постоянной интеллектуальной форме. Как давно это было, а интонации сохранились до сих пор. Неужели я это буду помнить всегда?

— А если я соглашусь на твое условие?

В глубине глаз Купавы мелькнуло не то сомнение, не то страх, но думала она сейчас не о себе.

— Я приду.

Мальгин глубоко вздохнул, запирая в горле невысказанное, и Купава поняла, о чем он подумал.

— Ты до сих пор не простил мне... ухода?

Он покачал головой:

— Не о том говорим.

— Не простил... а мне казалось, умение прощать — свойство сильных. Ты же сильный, Клим, неужели никогда не...

— Замолчи,— сказал он почти грубо,— иначе я возненавижу себя за то, что дал тебе повод думать обо мне так. Уходи, Купава, потому что мы наговорим друг другу столько, что не сможем потом простить никогда. Меня не нужно упрашивать вылечить Дана, это мой прямой долг. Одно знаю твердо: я сделаю все, что в моих силах, и даже больше, насколько это вообще возможно.

Купава встала, до боли желанная и чужая, встретила его взгляд, и снова в глазах ее мелькнул страх. «Почему страх? — подумал Клим с недоумением, мимолетно.— За кого она боится? Господи, неужели за меня?!»

Купава вдруг шагнула к нему, поцеловала и, не оглядываясь, пошла к двери, а он остался стоять, оглушенный бурей чувств и желанием разбить голову о стену...

Потом, спустя несколько бесконечных минут, буря стихла, боль ушла и голова стала пустой, легкой, звонкой, как фарфоровый сосуд; отзвуком эмоционального урагана повисла в тишине нота грусти и тоски... и снова — ни одной мысли.

«Хватит!» — сказал сам себе Мальгин с ненавистью, а когда это не помогло — ударил кулаком в стену так, что разбил пальцы в кровь! Физическая боль отрезвила...

* * *

Группа риска в полном составе собралась возле реанимакамеры в двенадцать часов.

Стобецкий попытался было вслух обобщить свои личные выводы, но его перебил Заремба, и они вдруг углубились в спор, заинтересовавший и остальных. Предметом спора стала конечная стадия преобразования личности Шаламова. Стобецкий утверждал, что процесс интериоризации, то есть расщепления личности, зашел слишком далеко, и спасатель едва ли сможет вернуться в исходное состояние.

— Чепуха! — заявил Заремба безапелляционным тоном, становясь похожим на своего оппонента.— Должна победить человеческая основа. Слишком долго эволюция лепила и обжигала человека, чтобы он сдался под напором информ-мутагена, пусть даже и на уровне генного приказа...

Мальгин прислушивался к спору одним ухом и поглядывал то на безмолвствующего Каминского, то на Карой Чокой. Заремба не преувеличивал, женщина действительно была молода и красива, хотя уже успела стать ведущим нейрохимиком планеты. Мальгин слышал о ней, читал ее работы, но встречаться с Чокой даже по виому ему еще не приходилось. Видимо, их интерес был взаимным, потому что взгляд Мальгина то и дело наталкивался на встречный взгляд женщины, изучающий, задумчивый и вспыхивающий искрами улыбки в ответ на горячие выпады Зарембы.

— Может быть, коллеги позволят перейти к делу? — негромко сказал невозмутимый Джума Хан. Он был единственным из их мужской компании, кто не посматривал на представительницу слабого пола.

Заремба хотел было огрызнуться, но Мальгин остановил его, подняв ладонь вверх.

— Резрешите начать?

Стобецкий остановился на полуслове, посмотрел на Карой Чокой, словно проверяя, какое впечатление оставила фраза Мальгина, и нехотя кивнул.

— Простите, не сдержался. Все мы знаем положение больного и нет смысла спорить по мелочам. Я безусловно хочу его вылечить и буду рад, если ошибусь, предполагая худшее. Что вы хотите предложить, Клим?

— Сначала я хотел бы выслушать остальных, и прежде всего вас, Карой. Данные анализа я знаю, изложите лишь выводы и прогноз.

Нейрохимик перекинула ногу за ногу. Держалась она свободно и непринужденно, и было заметно, что взгляды мужчин ее занимают мало. Мальгин невольно сравнил ее с Купавой, тип лица у обеих

женщин был одинаков, вероятно, обе имели славянские корни, общих предков, но если красота Купавы была уютной, милой, «домашней», противоречащей, кстати, резкому независимому характеру, то у Карой доминировала печать интеллекта, деловой независимости и уверенности. Тонкое смуглое лицо ее с бровями вразлет притягивало взоры и заставляло мужчин держать себя в постоянном напряжении.

— Я бы хотела вернуться к спору и поддержать коллегу Стобецкого,— произнесла женщина глубоким контральто.— Судя по цитохимическому изменению структурных органелл нейронов и расстройству всей нервной системы, у Шаламова действительно начался распад психики. Вы должны понимать, что может последовать за превращением биполярных нейронов чувствительных ганглиев в мультиполярные [1], а именно этот процесс у пациента и происходит. Вывод один: у больного налицо прогрессирующий синдром «черного человека» — термин коллеги Каминского. Процесс перерождения нервной ткани замедлился, но начинают сказываться качественные эффекты: тело больного, его ЦНС по сути действуют самостоятельно, в соответствии с какой-то внутренней программой, закодированной информацией, полученной Шаламовым от маатанского компьютера. Вот-вот наступит кризис: больной балансирует на тонкой грани перехода человек — нечеловек, негуманоид, и кем он станет, не вмешайся мы, одному богу известно. Необходима срочная, очень рискованная, причем не только для пациента, но и для хирурга, колоссальной сложности операция! Это все, что я могу предложить. Если не возражаете, согласна быть ассистентом хирурга по координации.

— Но сам больной во время «фаз хозяина» или «пароксизмов бодрствования» категорически возражает против операции,— вскинул голову Заремба.

— Вот именно — «пароксизмов»,— буркнул Стобецкий.— Я склонен полагать, что это не просветление сознания, а именно моменты псевдосознания, когда за Шаламова говорит его вылупляющееся «второе я», часть интеллекта, контролируемая информацией «черного человека».

— Согласен,— кивнул Каминский, включаясь в разговор.— Мы пришли к такому же выводу. Внутри больного формируется личность «черного человека», и к чему это приведет, когда формирование закончится, боюсь и представить. Случай беспрецедентный в моей практике, да и в мировой тоже. Я вообще не понимаю, почему Шаламов в той ситуации не воспользовался двигателем как передатчиком, чтобы дать СОС.

— По утверждениям экспертов, он им воспользовался, но, к со-

---

[1] Биполярные — нейроны с двумя отростками, мультиполярные — со многими.

жалению, наши СПАСы его не услышали,— сказал Джума Хан.— Диапазоны их частот прослушивания весьма далеки от тех, что возбуждаются в компакт-камерах двигателя. Что касается действий Шаламова, то он был спасателем и в создавшейся ситуации иначе поступить не мог: он спасал пусть и не человека, но разумное существо! Однако я не стал бы обвинять и маатан в том, что они не люди. Конечно, они не люди! Совсем иные, со своей этикой и моралью, которые кажутся нам несовместимыми с логикой жизни и даже враждебными, они действуют так, как воспитаны своей средой, привычным укладом бытия. И все же позвольте мне не согласиться с последним утверждением об их враждебности, ибо почему в таком случае «черный человек», спасенный Шаламовым, придя в себя на родной планете, несмотря на все различия психо- и эмоциосфер, на многовековые традиции, запрещавшие видеть в гуманоидах разумных существ,— а есть подозрения, что маатане знают о нас давно, гораздо раньше, чем мы узнали о них,— почему он вопреки всему потенциалу цивилизации добрался до станции связи и сообщил нам координаты Горловины, зная, что обрекает себя на остракизм?

— Однако! — крякнул Каминский.— Вы, уважаемый коллега, вторглись, по-моему, не в ту область. Речь идет о Шаламове, о его характере, почему он пошел на такой огромный риск, имея всего один шанс из миллиарда!

— Видимо, идея прямого подключения к чужой машине завладела им целиком и была интереснее остальных,— сказал Мальгин, с удивлением окинув взглядом лицо Хана.— Джума прав, Шаламов был не просто спасателем, но и разведчиком-исследователем, склонным к непрогнозируемому риску. Думаю, у него даже мысли не возникало — спасать или не спасать, вопрос был только — как спасать!

— Ну, это-то как раз норма,— проговорил Каминский,— норма человечности, насколько я ее понимаю.

Помолчали. Мальгин перевел взгляд на Хана.

— Ваше мнение, Джума?

— У нас в запасе двое суток, многое может измениться.

Мальгин понял врача тотчас же: Джума Хан нашел способ выявить дополнительную информацию. Но открыто говорить об этом не хотел.

— Тогда продолжаем работу в соответствии с заданиями,— сказал Мальгин сухо.— Соберемся вечером. Извините.

В свой кабинет он вошел с Джумой, остановив попытку Зарембы войти следом:

— Иван, поработай с Готардом, ему нужна твоя светлая голова. Я до вечера буду занят.

Заремба пожал плечами, подозрительно посмотрел на бесстрастного Хана и нехотя удалился, проворчав напоследок:

— Что-то не нравитесь вы мне, заговорщики...

— Ну? — сказал Мальгин, когда врач сел напротив.

— Я договорился с безопасниками: нас доставят в Горловину к столкнувшимся кораблям вместе с кибернетиками, специалистами по компьютерам. Времени на сборы в обрез.

— Я-то готов, но одного изучения шаламовского координатора будет недостаточно.

— Знаю. Вопрос контакта с маатанами решается. Пока мы будем в Горловине, безопасники и пограничники проработают модель контакта по нашему делу и сформируют свою ПР-группу. Я уже включен в нее и рекомендовал тебя.

— Согласен,— без колебаний сказал Мальгин.

— Не сомневался. У вас есть полчаса на сборы, в Управлении мы должны быть в два ноль-ноль. Кстати, вы будете настаивать на своем предложении?

— Каком именно?

— О прямом подключении к мозгу больного.

— Если не будет иного выхода.

— Я могу рискнуть вместо вас.

— Спасибо, Джума. Разговор преждевременен, но я буду иметь вас в виду, хотя едва ли соглашусь. Жаль, что я не знал вас раньше.

Джума Хан улыбнулся.

— Взаимно.

Мальгин встал, и в это время в кабинет вошла Карой Чокой, остановилась на пороге, посмотрев на мужчин с ироническим прищуром.

— Не соблаговолят ли джентльмены взять с собой женщину, знакомую с ксенопсихологией не понаслышке?

«Заремба,— понял Мальгин,— его язык. Обиделся и натравил ее на нас. Ну, погоди, информатор!»

— О чем вы?

— Насколько я поняла, готовится экспедиция на Маат, и я хотела бы войти в ее состав.

— Официальной информации о подготовке экспедиции у меня нет,— сдержанно сказал Мальгин.— Так что едва ли смогу быть вам полезен. К тому же, вы, по-моему, нейрохимик, биолог, а не ксенопсихолог.

— Она Т-специалист,— сказал негромко Джума.— У нее два диплома. В качестве ксенопсихолога она не работала, но проходила практику на «Эдип-2».

Мальгин с удивлением посмотрел на Хана. «Эдип-2» была станцией зоны контакта в системе Маата, и работали там в основном безопасники, прошедшие школу психотренинга в Институте Внеземных Культур. Попасть практикантом на станцию мог далеко не каждый ксенопсихолог-профессионал.

— Мне просто повезло,— любезно пояснила Карой, поняв

мимику Мальгина.— Мой отец заболел и не смог явиться на «Эдип», я убедила председателя комиссии, что смогу его заменить.

— И все-таки вас дезинформировали,— сказал Мальгин, морщась в душе.

— Об экспедиции речь не шла,— не моргнув глазом, добавил всепонимающий Джума,— мы говорили о способах давления на маатан. Поскольку виноваты в аварии они, без предупреждения использовав диапазоны частот наших компакт-струнных машин, у нас появилась мысль использовать этот факт.

— То, что для нас является де факто, для маатан — вовсе не де юре,— покачала головой женщина.— Вы еще убедитесь в этом. Что ж, прошу джентльменов извинить за вторжение. До встречи вечером.

Карой вышла.

— Умная женщина,— сказал Джума Хан со странной интонацией, глядя ей вслед.— Едва ли мы ее убедили.

— Предпочитаю рисковать только собой,— буркнул Мальгин.— К тому же не я играю в этом деле первую скрипку. Откуда вы ее так хорошо знаете?

— К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы. Говорят, она мастер спорта по десятиборью.

Мальгин подозрительно и с неудовольствием посмотрел на врача.

— Вы, кажется, не прочь взять ее с собой?

— Ни в коем случае, просто констатирую факт.

— Тогда в путь.

3

Одетые в кокосы — компенсационные костюмы спасателей (по терминологии спасателей, пограничников и безопасников), Мальгин и Джума Хан присоединились к ожидавшей их группе молчаливых крепких парней, и руководитель десанта (риск-обоймы) Игнат Ромашин дал знак двигаться. Десантники гуськом потянулись к метро Управления. Группа риска набиралась в основном из профессионалов отдела безопасности, но среди них были и представители технического сектора Управления: кибернетики, специалисты в области интелматики, археонавты, ксенематематики, инженеры и контактеры, специалисты Института Внеземных Культур в области неземных технологий. Всего в риск-обойму вошли тридцать человек, считая Хана и Мальгина.

— Вас искал Таланов,— тронул Мальгина за плечо Ромашин, рослый, с малоподвижным суровым лицом и седыми висками; они пошли рядом.— Я сказал, что риск участия в экспедиции не больше, чем при купании в шторм, и Богдан меня понял. Но это не преувели-

чение. Не лучше ли, пока не поздно, отказаться от похода? Вы один из лучших нейрохирургов Системы, и мне пришлось убеждать в необходимости вашего участия не только Таланова, но и СЭКОН [1].

Мальгин искоса взглянул на собеседника. Ромашин был начальником отдела безопасности, и его собственное участие в десанте указывало на серьезность и опасность этого шага, последствия которого были непредсказуемы, несмотря на привлечение к операции всего интелектронного и вычислительного потенциала Управления. Руководитель десанта понял Мальгина еще до того, как тот собрался ответить, пожал его локоть и ушел вперед.

— Он прав,— сказал Джума Хан, догнав Клима.— Пожалуй, я поспешил с предложением вашей кандидатуры. Вы не должны рисковать собой там, где могут и должны рисковать другие.

— Нет,— ответил твердо Мальгин, снова вспомнив слова Купавы: «Ты становишься человеком-нет».— Я не следую принципу: все, что ни делается — делается к лучшему, но предпочитаю делать, а не рассуждать, кто должен делать.

Джума Хан едва заметно улыбнулся.

— А я вот всю жизнь оправдываю этот принцип, только с некоторым довеском: все, что ни делается — делается к лучшему, но худшим из способов.

Мальгин с недоверием посмотрел на врача. Тот снова улыбнулся.

— Что, не похоже? К сожалению, это факт. Хотите свежий пример? Как вы думаете, откуда я знаю Чокой?

— Я хотел спросить об этом еще в институте, но постеснялся.

— Дело в том, что она моя жена.

Мальгин от неожиданности даже замедлил шаг, но в это время они подошли к залу метро, и разговор прервался. Ромашин подождал, пока все зайдут в кабину, перекинулся парой слов с оператором, и вошел сам.

Минута ожидания, короткий гудок, бесшумный толчок куда-то в область сердца, темнота и яркий свет финиш-камеры. Открылась дверь, десантники вышли в коридор спейсера «Конунг», дежурившего возле Стража Горловины, планеты-куба, открытой Шаламовым с трагическими для себя последствиями.

Их ждали двое: командир спейсера Хольгер Сваллинг и начальник отряда безопасников Александр Шевчук, оба кряжистые, белобрысые, с бородками и светлыми усами, похожие друг на друга, как братья. Отличить их поначалу можно было только по родинке на щеке у Шевчука. На обоих были надеты эмканы пси-связи системы «спрут»[2], Мальгин видел такие второй раз в жизни.

---

[1] СЭКОН — сектор этического и социального контроля за опасными исследованиями (подкомиссия ВКС — Высшего координационного Совета).

[2] «Спрут»— система компьютерной связи, соединяющая всех, включенных в ее контур.

— Обстановка? — спросил Ромашин.

— Пока нормально,— ответил Шевчук.— Оперативный прогноз дает вектор свободы на сутки с вероятностью ноль семьдесят семь.

— Готовность патрульной тревоги?

— Две с половиной минуты.

— Слишком много для данного случая, доведите готовность до минуты.

— Две с половиной и так сверх норматива «срам»[1], к тому же мы наконец запустили «Аргусы» у Маата, у Орилоуха и в Горловине.

— Хорошо, тогда сразу включаемся в работу, если готова экипировка.

Шевчук повел всех за собой.

— О чем речь? — тихо спросил Мальгин Хана, направляясь за молчаливыми парнями.

— «Аргус» — это система так называемого «глубокого» наблюдения за объектом, в данном случае наблюдение установлено не только за всеми маатанскими зондами в Горловине, но и за стартовыми коридорами спейсеров-проникателей Маата, чтобы вовремя предупредить наших ребят здесь, в Горловине, а также вне ее, о старте чужих кораблей или о передаче маатанами массивного груза в Горловину. Вообще-то хорошо бы ознакомить вас со специфичной терминологией безопасников, но нет времени. Если что не поймете — спрашивайте чтобы не ошибиться.

Мальгин кивнул. Он не страдал никакими комплексами и хотя не любил, но и не боялся выглядеть смешным в глазах окружающих, будучи некомпетентным в какой-то из областей знания.

В экспедиционном зале спейсера их ждали в зажимах пленочные скафандры, энергопояса, приборные комплекты, универсальные инструментарии, антигравы, оружие и необычного вида эмканы. Ромашин оглянулся на Мальгина, ожидая увидеть на лице хирурга растерянность, не увидел и кивнул удовлетворенно.

— Вы уже поняли, в чем особенность экспедиции? Так как маатане установили в Горловине маяк-табу «частного владения», а недавно запустили в нее и «сторожей», уничтожающих любых непрошенных, по их мнению, гостей, нам приходится работать в режиме «инкогнито».

Мальгин промолчал.

— В десант-обойме ваш номер второй, по связи откликайтесь на вызов двойки.

Рисконавты принялись натягивать на себя костюмы, застегивать пояса, закреплять на них оружие и приборные комплекты. Хан оделся первым, подошел к Мальгину, помог застегнуть эмкан.

---

[1] «Срам»— пункт инструкции УАСС, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».

— Не жмет? — раздался в голове его мысленный «шепот».— Включите блокиратор пси-контроля. С оружием знакомы? Это «универсал-101».

— Имел дело, хотя времени с тех пор прошло изрядно.

— Порядок, вспомните. Не забудьте включить имитатор, когда пойдем вниз.

— Какой имитатор?

Джума Хан отступил на шаг и вдруг превратился в черно-серебристую глыбу «черного человека».

— В шлемы встроены «динго»[1], имитирующие облик маатан во всех диапазонах вплоть до рентгена, поэтому и понадобились скафандры, защищающие от их излучения.

— Остроумно,— хмыкнул Мальгин.— Вы случайно не инструктор? Может быть, врач «скорой»— ваше хобби?

Хан рассмеялся.

— В Управлении работают универсалы, дорогой Клим, я из их числа. Еще полгода стажировки, и меня, возможно, переведут к безопасникам, если выдержу кое-какие испытания. Кстати, я заметил вашу мину, когда сообщил новость о Карой. Помните, она выразила сомнение, что маатане признают де юре наши притязания на одновременность открытия «серой дыры»? Так вот, чтобы не возвращаться к этому, приведу вам разницу между де факто и де юре на примере наших с Карой отношений: де юре — мы с ней муж и жена, а де факто...— Он развел руками.

— Черт возьми! — сказал Мальгин хладнокровно.— У нас, оказывается, сходные судьбы.

— Я знаю,— сказал Хан не менее хладнокровно.

«Откуда?» — хотел спросить Клим, но в этот момент Ромашин подал сигнал к выступлению.

Через четверть часа они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Илья Муромец», зависшего над островом Стража Горловины, где остались умирать вонзившиеся друг в друга «Кентавр» Шаламова и маатанский проникатель. А еще через несколько минут Мальгин, продавив перепонку выходного люка в брюхе спейсера, медленно опускался на остров, вглядываясь в открывшийся взору пейзаж.

С момента эвакуации Шаламова на острове ничего не изменилось. «Теннисная ракетка» «Кентавра» торчала из китообразной туши маатанского корабля, как дротик охотника, вернее, как гарпун китобоя. Стояла над заросшей золотистым пухом бороздой, пропаханной гигантом при посадке, туча красивых, долго не гаснущих искр, похожих на птиц или насекомых. Угрюмо чернели невдалеке «развалины» вудволлового леса. Манил законченностью форм и эстетическим совершенством «храм» в полутора десятках километров.

---

[1] «Динго»— излучатель динамического голографического изображения.

Как и прежде, островом владела тишина, от которой закладывало уши.

Ромашин, превращенный аппаратурой «динго» в жуткую фигуру на странном аппарате, первым спикировал к спасательному шлюпу и скрылся в открытом кормовом люке. Остальные «черные люди» исчезли кто куда, у них были свои специфические задачи, и каждый точно знал, что ему надлежит сделать.

— У нас с вами нет конкретного задания,— раздался пси-шепот Хана.— Давайте посетим маатанский гроб, спутешествуем к «храму», а потом вернемся в рубку «Кентавра». Пока ребята не распотрошат Джорджа, делать там нечего. Если захочешь участвовать в оперативных переговорах — дай команду, все мы завязаны между собой «спрутом» и подключены к Умнику, он выполнит приказ.

Умниками называли компьютеров-инков высшего класса с колоссальным быстродействием и огромной собственной памятью, с ними можно было не только работать, как с машинами, вычислителями, но и вести беседу, как с человеком, компетентным практически во всех областях науки и культуры.

Мальгин посмотрел на зависшую рядом глыбу «черного человека» — Хана, и вдруг что-то заставило его посмотреть вверх. Над ними висела жуткая черно-коричневая громада, ничем не напоминающая земной спейсер! И лишь несколько секунд спустя Мальгин понял, что это камуфляж — спейсер прятался внутри созданного с помощью «динго» «маатанского корабля», как и люди — внутри голографических изображений «черных людей».

Что-то гулко прошипело там, в днище «чужака», из черного люка выпала странная кособокая конструкция, набирая скорость, пошла в сторону «храма». Разведзонд, замаскированный под маатанский аппарат.

Мальгин проводил его взглядом и опустился вслед за Джумой на корпус мертвого маатанского проникателя.

В течение двух часов они обшаривали чужой корабль, стараясь не мешать исследователям десанта, потом слетали к «храму», чей особый эффект восприятия действовал на людей, как неожиданно вскрывшийся обман. За это время Умник дважды включал сигнал предупреждения из-за «падения вероятности положительного прогноза», то есть из-за появления в поле зрения наблюдателей маатанских «сторожей», но все заканчивалось благополучно. Мальгин с интересом знакомился с миром Стража Горловины и маатанской техникой, но вскоре почувствовал неудовлетворенность собственным положением: рисконавты работали, а он прохлаждался.

Судя по переговорам десантников, кое-что стало уже известно, однако этого «кое-что» Мальгину было мало. Тогда он с молчаливого согласия Хана присоединился к тем, кто работал в рубке «Кентавра», терпеливо «препарируя» мертвого Джорджа.

— Каковы впечатления? — встретил его вопросом Ромашин; у него, как и у остальных работающих в рубке шлюпа, «динго» был выключен.

— Потрясающе! — честно признался Мальгин.— По роду деятельности мне никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, а об археонавтике я знал только понаслышке. Если бы не специфический подтекст нашего здесь появления, я мог бы увлечься профессиями археонавта и ксенолога всерьез. Не могу даже выделить наиболее интересные детали — все интересно! Хотя, конечно, особенно впечатляют маатанский корабль и «храм» на острове. Кстати, что это такое на самом деле?

— Моно-но аварэ [1],— пробормотал протиснувшийся в рубку Хан.

Ромашин заинтересованно взглянул на него, кивнул, соглашаясь.

— В чем-то вы правы. А вообще существует несколько гипотез, по одной из которых «храм» — останки разумного существа, «скелет», так сказать.

— Вы серьезно?! — пробормотал Мальгин, переглядываясь с не менее изумленным Джумой.

Ромашин усмехнулся.

— Правда, в связи с этой гипотезой возникает проблема обоснования строительства Стража Горловины. Зачем планета-куб понадобилась таким странным существам? Как они ее строили? Известно, что социальная целесообразность астроинженерной деятельности равна ее практической реализуемости. Планета-куб реализована, но зачем — неизвестно. И почему погибла раса кубиан — неизвестно, видимых причин нет. Конечно, мы не исследовали и миллионной доли Горловины и ее «стража», многое еще прояснится, но кроме «сторожей ЧЧ» в Горловине полно другой техники, чужой, разумеется, это здорово мешает.

— Мне не совсем понятны... э-э, ваши...

— «Сторожа ЧЧ» — это автоматы маатан, а что касается другой техники, то мы опознали только автоматы Орилоуха; принадлежность остальных пока не выяснена. Но сомнений нет — все они исследуют «серую дыру», не обращая внимания на маатанский запрет... что дает и нам основание действовать подобным же образом, не мешая никому.— Ромашин хотел добавить что-то еще, и в это мгновение Умник передал по пси-связи сигнал общей тревоги.

— В поле зрения «сторож ЧЧ», курс на Стража Горловины, время подхода десять-двенадцать минут.

— Всем «ВВУ-экстра»! — передал мысленный приказ Ромашин.

Хан подтолкнул Мальгина в спину:

---

[1] Эстетическая категория японской культуры, понятие, обозначающее скрытую прелесть предмета; дословно — печальное очарование.

— Аллюр три креста!

Они помчались к выходу, но как быстро ни бежали — пришли на спейсер последними. Все-таки безопасники группы риска были профессионалами и ориентировались в обстановке быстрей.

— «ВВУ-экстра» — это сигнал сбора по форме «внезапно возникшая угроза»,— сказал, переводя дыхание, Джума Хан, когда они ворвались в зал десанта и нырнули в кресла согласно штатному расписанию.— У меня предчувствие, что останемся мы при пиковом интересе, ничего толком не узнав.

Перед ними развернулся объем виома с пейзажем острова, над которым висел спейсер. Остров немного отодвинулся и сместился вправо — спейсер поднялся чуть выше и отработал в сторону, теперь стали видны проткнувшие друг друга земной шлюп и маатанский корабль.

— Полный запас на отражение и поглощение! — раздался в наушниках голос командира спейсера.— Десанту приготовиться к капсулированию и маневру ухода.

— Готовы,— сказал Ромашин, посмотрев на Мальгина; совершенно спокойный и обыденно неторопливый, тот сидел рядом, справа.— Ну, как, взяли что-нибудь для себя? Хотя бы в эмоциональном плане?

Мальгин собрался с мыслями, возбуждение его от бега и непривычной ситуации улеглось. Он понял, что имел в виду Ромашин.

— В общем, для полноты картины мне действительно нужно было увидеть район действия, место встреч Шаламова с «черным человеком». Уверен, это поможет мне в будущем, когда мы вплотную подойдем к... операции. Но скажите, удалось ли что-нибудь выудить из памяти координатора шлюпа?

Ромашин оглянулся на кого-то из десантников:

— Об этом вам расскажет Фредерик...

— Внимание! — перебил его командир спейсера.— «Сторож» над островом. Всем готовность «ноль»!

Вариатор вырезал в верхней части виома окружность, внутри которой появилось изображение маатанского аппарата: нечто вроде корявого ствола какого-то исполинского дерева, очищенного от ветвей, но с разлохмаченной корой и множеством наростов, напоминавших гриб-трутовик. При входе в атмосферу «ствол» вдруг превратился в плоский «блин» с вытянувшимся вперед «клювом» и стал похож на хищную морскую манту. Размеры «манты» от «клюва» до «хвоста» достигали трехсот десяти метров, а толщина тела составляла около двадцати восьми метров. Она за несколько секунд пронзила оставшиеся двадцать километров до поверхности Стража Горловины, одевшись при этом в струящийся ореол — слой плазмы, и зависла точно над «ракеткой» шаламовского шлюпа, не обращая внимания на висящего неподалеку «собрата».

Дальнейшее произошло в течение полуминуты.

С «клюва» маатанского «сторожа» сорвалась неяркая в свете «дня» зеленая молния и вонзилась в тело шлюпа. На месте сцепившихся кораблей вздулся красивый сверкающий «мыльный пузырь», вырос до километра в диаметре и лопнул огненными лоскутами. Чудовищный вихрь взрыва ударил во все стороны, сметая на своем пути скалы и ближайшие «развалины» вудволлового леса. Серо-зеленая пелена раздробленного в щебень камня, почвы и пыли скрыла под собой чуть ли не весь остров.

В зале заверещали счетчики радиации, хотя спейсер даже не дрогнул — сработали поглотители инерции и ударной волны.

— Аннигиляция? — пробормотал Ромашин.

— По кораблям нанесен удар неизвестным видом энергии,— сообщил Умник,— мощностью около трех мегатонн, но при этом применено локализующее капсулирование взрыва, ослабившее ударную волну, гамма-излучение и световой поток на пять порядков по двум осям координат.

Корона выброшенного вверх слоя почвы постепенно осела, пыль и дым рассеялись, взорам свидетелей неожиданного нападения предстала в центре острова изумительно ровная, отблескивающая радужной глазурью дыра! Не воронка, а именно дыра диаметром в два километра и неизвестной глубины. Вся энергия взрыва, уничтожившего влипшие друг в друга корабли, пошла вглубь пород острова.

Мальгин не успел обменяться с соседом впечатлениями — маатанский «сторож» вдруг развернулся «клювом» в их сторону.

В рубке и зале десанта повисла напряженная капельно-звонкая «предгрозовая» тишина. У Мальгина непроизвольно сжались мышцы живота, будто неведомый противник направил в его незащищенное тело острие шпаги. Истекли долгие пять-шесть секунд, в течение которых состоялся короткий диалог Умника, Ромашина и командира спейсера, но они говорили на таком узкоспециальном жаргоне, что непосвященному разобраться в нем было почти невозможно. Мальгин понял только, что чужак запросил кодом спейсер, и тот ответил, подлаживаясь под своего (безопасники и разведчики поработали неплохо, раскрыв многие секреты маатан, в том числе и язык), но поверил ли «сторож» — можно было узнать лишь по реакции водителя аппарата.

«Сторож» снова послал запрос — спейсер еще раз ответил. Маатанский автомат «задумался», что-то в ответе «собрата» ему не нравилось. Ромашин принял решение раньше.

— Брэк! — скомандовал он.— Императив «Кутузов»[1]!

---

[1] Императивы — разработанные аналитиками отдела безопасности штатные режимы для групп риска, учитывающие изменения опасных ситуаций; компьютерам остается только пересчитать их в конкретное приложение к создавшемуся положению.

В ту же секунду спейсер перешел на «струну» и сошел с нее уже за пределами Горловины.

Десантники зашевелились, перебрасываясь репликами.

— Я думал, он и по «своему» проникателю шарахнет,— сказал Джума Хан.— Интересно, мы бы ответили?

— Скорее всего нет.— В голосе Ромашина прорезались мрачные ноты.— Мы не исповедуем принципа возмездия типа «око за око», но явно чего-то не учли в разработке режима «инкогнито». Умник, что не устраивало «сторожа»?

— Видимо, «динго» работал нечетко, изображение плыло, вот автомат и не поверил. А вообще-то, программу «динго» не я составлял. Я действовал на основе собранных данных, точно следуя логике маатан. Сбоев и ошибок в работе систем и персонала не зафиксировал.

— И все же мы действуем пока в пределах наших правил игры. Необходимы тщательный разбор ситуации, чтобы исключить подобные сюрпризы. Почему «сторож» уничтожил разбитые корабли?

— Нет достоверной информации.

— Есть предположение,— сказал Шевчук.— В Горловине крутится много чужой техники, я имею в виду орилоухскую, причем в отличие от нас орилоуны свою не маскируют, а маатане делают вид, что не замечают их, а может быть, и договорились о совместном исследовании «серой дыры», но в любом случае маатане решили скрыть от всех предмет возможного спора — кто и когда открыл вход в «серую дыру». А появление спейсера над островом спровоцировало, вернее, ускорило их решение.

Ромашин подумал и выбрался из кресла.

— Не бесспорно, однако у меня нет принципальных возражений. Возвращайтесь в Горловину и решайте свои прежние задачи, коль уж мы так неудачно вмешались в дела пограничной разведки.

— Это мы виноваты,— встал Мальгин, виноватым жестом потеребил подбородок.— Но я не знал всех обстоятельств дела, и у меня... просто не было выхода.

— Вашей вины здесь нет,— сказал Ромашин твердо.— Просто мы плохо подготовили операцию, информационно и технологически плохо, с чем еще предстоит разобраться. Идемте, поговорим на базовом.

Через несколько минут, сняв скафандры, десантники покинули борт «Ильи Муромца», который тотчас же растворился в пространстве, направляясь в Горловину, и собрались в кают-компании «Конунга».

Неизвестно о чем думал Джума Хан и какие им владели чувства, но Мальгин чувствовал себя неловко, словно был виноват в неудаче экспедиции или на худой конец отстаивал необходимость заведомо обреченной на провал операции. Он редко нервничал, никогда не

паниковал, не чурался риска, если это касалось только его личного благополучия и грозило неприятностями ему одному, но и бросаться очертя голову в схватку, в гущу событий, не зная ориентиров и конечной цели, не привык.

— Свои проблемы обсудим позже,— сказал Ромашин, каким-то шестым чувством оценив состояние Мальгина,— поэтому попрошу высказываться ближе к теме наших гостей.— Он повернулся к хирургу.— Вся добытая информация и выводы экспертов будут зафиксированы в памяти Умника, и вы сможете получить запись по возвращении на Землю. Помощь наша, к сожалению, будет весьма незначительна, финал десанта не в нашу пользу, так что не обессудьте. Итак, сначала вы, Фредерик.

— Вынужден повторить эту очень неудобную фразу «к сожалению»,— сказал главный кибернетик десанта, узкоплечий, с шапкой выгоревших до льняного блеска волос.— Все, что смогли, мы переписали и даже демонтировали кое-какие из блоков памяти Джорджа, но едва ли удастся восстановить из этого электронного хлама что-то путное. Компьютер получил сильнейший информационный удар, в результате чего шоковые наводки разрушили контуры интеллекта и межцентровые связи. Единственное, в чем мы разобрались: Джордж не был подключен к маатанскому компьютеру и принял на себя удар от пилота. Да-да, не удивляйтесь, это обстоятельство выяснено совершенно точно, канал связи координатора с эмканом пилота, слава богу, сохранился.

— Теперь вы сможете оценить не только качественно, но и количественно информационную мощь мозга Шаламова,— добавил Ромашин.

— Учтите еще вот что,— продолжал кибернетик.— Джордж, очевидно, подключился к мозгу пилота самовольно; это очень интересный штрих, но для вас не главный,— зато может заинтересовать процесс подключения. Время обратной связи Шаламов — координатор не превышало десятых долей секунды, но за эти мгновения Джордж, скорость операций которого близка к пределу Мука, пытался упорядочить хлынувший поток информации и успел частично перестроить электронную структуру мозга. Потом он все равно был «затоплен», однако четко прослеживается корреляция его оперативного поля со схемой маатанского компьютера.

— Ну и что? — спросил Джума Хан, подождав.

Кибернетик замялся, посмотрел на Ромашина.

— Извините, если я сложно объясняю...

— Так давайте попроще, мы не обидимся.

Фредерик порозовел, был он по сути еще очень молод, но ориентировался в разговоре с неспециалистами быстро.

— В двух словах сказанное мною переводится так: судя по состоянию Джорджа, принципы мышления вашего пациента близки к

принципам работы маатанского компьютера. Предполагается, что у Шаламова база этики — человеческая, а база логики, база принципов обработки информации — маатанская. Подчеркиваю — предполагается. Более точную реконструкцию происшедших событий сможем выдать вам только после обработки массива полученных данных.

— Информация нужна мне сегодня, не позднее...— Мальгин запнулся, потому что хотел сказать «не позднее десяти вечера», но в полете время на спейсере отсчитывалось иначе.— Не позднее, чем через шесть-семь часов.

Десантники, как по команде, одновременно посмотрели на Ромашина.

— Надо, значит, будет,— сказал Фредерик.

— Вне всяких сомнений,— кивнул Ромашин.— Кто еще имеет что сказать гостям?

— Добавлю,— Фредерик посмотрел на Мальгина, желая, видимо, произвести хорошее впечатление,— что сам маатанин не смог бы починить свой проникатель, потому что необходимые для этого компоненты находились на борту «Кентавра», а об этом знал только Шаламов. Он смог разобраться в управлении маатанской техникой и использовал ее для ремонта системы связи. Это все.

— У меня вопрос,— поднял руку верзила с несколько сонным выражением лица.— Вы хорошо знаете Шаламова?

Хан и Мальгин переглянулись.

— Достаточно,— сказал Хан.— Что вы имеете в виду?

— Меня он интересует как личность.

— Если очень коротко, то Шаламов азартен, упрям, независим, решителен, с твердой волей и любовью к риску. Личность своеобразная, но сильная.

— Это я и хотел услышать. Дело в том, что маатанский компьютер — моя группа успела его «оживить»— носит четкий отпечаток личности оператора-человека, в данном случае — Шаламова. А для того, чтобы поменять знак императив-вектора обратной связи, нужно обладать очень мощным интеллектом и несгибаемой волей.

— Вы хотите сказать, что произошел обмен? Шаламов получил запас знаний маатанского компьютера, а тот — память пилота.

— Более того,— сказал ведущий ксенопсихолог десанта,— Шаламов воздействовал не только на маатанский инк, но и через него на психику «черного человека», из-за чего у маатанина произошел, очевидно, «сдвиг» в обратную сторону, в сторону «очеловéчивания», иначе трудно объяснить его поступок. Нормальный маатанин никогда не стал бы беспокоиться за судьбу гуманоида, а спасенный Шаламовым по сути выручил своего спасителя, сообщив нам его координаты. Этот поступок еще требует анализа и влечет за собой интереснейшие последствия.

— Это все, что мы можем сообщить коллегам? — снова спросил Ромашин, вызвав отсчет времени на своем браслете.

— Пока все,— ответил смущенный кибернетик за остальных.

— Минуту,— сказал Мальгин через силу; неожиданно сжавшееся горло мешало говорить.— Я бы не обратился за помощью, имей я все необходимые для операции Даниила сведения. Но у меня нет ни капли информации по физиологии, биологии и психике маатан. Если ваши предположения об «очеловечивании» «черного человека» верны, то у нас есть шанс выяснить все через этого спасенного Даном маатанина. Прошу об одном: дайте мне возможность встретиться с ним.

В зале установилась тишина. Ромашин оглядел свою команду, по губам его скользнула тонкая иронично-понимающая усмешка.

— Вы представляете последствия в случае конфликта с маатанами?

— А вот это уже ваша забота,— огрызнулся Мальгин.

Ромашин засмеялся, за ним десантники тоже; Джума Хан, улыбаясь, подмигнул хирургу и поднял большой палец.

— Хорошо.— Начальник отдела безопасности стал серьезным.— Мне нравится ваш подход к делу. Поскольку я предвидел аппетиты медиков, то заранее вышел в Совет с просьбой ради спасения жизни Шаламова разрешить локальный контакт с маатанином, и СЭКОН дал согласие, а специалисты ИВКа разработали варианты сценария встреч с «черным человеком». Не буду говорить, какими методами и чего нам это стоило, но мы вычислили местонахождение маатанина, спасенного Шаламовым. Судя по предварительным данным, он в «сумасшедшем доме», если применить наши человеческие аналогии и термины. Видимо, он и в самом деле воспринял многое из того, чем был заполнен мозг пилота, вот его и решили изолировать. Честно скажу: если бы не это обстоятельство, мы не рискнули бы провести операцию, против которой до сих пор возражает председатель комиссии по контактам, работающей в системе Маата на «Эдип-2». И все же речь идет не о нас, на контакт пойдете вы, что намного усложняет подготовку и сопровождение операции, потому что вы не профессионал-безопасник. Не скажу, что риск смертелен, в этом случае СЭКОН не разрешил бы даже зондовой проверки, однако он все-таки достаточно высок, и я вынужден официально получить ваше согласие на участие в операции.

— Согласен,— твердо сказал Мальгин.

— Ваш дублер?

— Провалиться мне на этом месте,— поклялся Джума серьезно,— если я откажусь.

— Узнаю по когтю льва,— пробормотал Фредерик; на лицах десантников замелькали улыбки: многие из них знали нрав врача спас-службы.

— Тогда перейдем к делу.— Ромашин кивнул.— Так как традиционного РК-ВК-ИК [1] с маатанами не получается, вступает в силу специфика работы нашего отдела, и пока мы будем готовиться, вам придется пройти сеанс гипнообучения для получения кое-каких жизненно необходимых сведений.— Начальник десанта повернулся к своим подчиненным.— Обойме смены усиления — на замену.

Несколько десантников, в том числе кибернетики и специалисты-инженеры, молча встали и вышли, их место заняли другие безопасники. Проделано это было без единого слова, каждый человек знал свои обязанности.

Группа риска была готова к новой работе.

4

Спейсер начал ориентанцию в пространстве, чтобы прыгнуть на двадцать девять парсеков и выйти у Маата, соблюдая все меры предосторожности режима «инкогнито». На маневр и прыжок ушло около часа, готовить, собственно, было нечего, все было давно подготовлено к операции, остальное было делом техники, а компьютерная техника человека уже давно не подводила.

За это время Мальгин успел пройти сеанс гипнообучения и владел теперь не только специфичной терминологией безопасников и пограничников, но и знал все приемы работы и страховки групп риска, подобных их риск-обойме. Кроме того ему прокрутили пятиминутный видеоклип психологической разгрузки, и намечавшиеся признаки усталости отступили.

Пока «Конунг» устанавливал связь со станцией «Эдип-2», находившейся в системе Маата уже семь лет,— Ромашин хотел предупредить контактеров о предстоящей работе,— Мальгин перекинулся с Ханом несколькими фразами и убедился в том, что оба они реагируют на происходящее одинаково: не без волнения, но сдержанно и ровно. К тому же Джума умел слушать собеседника, что всегда нравилось Мальгину, и он даже подумал мимолетно — почему же при таких достоинствах Джума не смог удержать Карой Чокой? Но тут же пришла мысль: а ты почему не удержал Купаву? Тоже, видать, есть какая-то червоточина, нивелирующая личное благополучие и счастье? И Клим, усмехнувшись в душе, переключил внимание на предстоящую работу.

Процедура переодевания не заняла много времени, хотя экипировка нового десанта отличалась от первого — в горловину «серой дыры». Скафандры десантников представляли собой компьютеризированные автономные оболочки, увеличивающие вероятность выжи-

---

[1] Радиоконтакт, визуальный контакт, информационный контакт.

вания в экстремальных условиях, снабженные усилителями силы мышц, системами защиты, реагирующими на любую потенциальную опасность, и оружием, имеющим шлемные системы наводки и управляемым мысленным приказом.

Компьютер-инк скафандра Мальгина носил звучное имя Кир и очень быстро оптимизировал работу систем скафандра, подгоняя их под личность и особенности хозяина таким образом, что Клим почти перестал ощущать его на себе.

Опробовав скафандр в движении, Мальгин занялся проверкой автономного медицинского диагностера-инка, напичканного множеством сложнейших систем для записи и анализа состояния живых организмов. Этот диагностер был специально подготовлен для работы с неземными существами.

Джума Хан молча наблюдал за действиями хирурга, хотя мог бы спросить — зачем Мальгину диагностер: работать на аппарате предстояло ему.

— Перекличка-проверка,— послышался пси-шепот Ромашина.

— Второй готов,— отреагировал Мальгин, чувствуя возбуждение и желание действовать.

Десантники один за другим выдали готовность, и Ромашин первым вошел в кабину метро. Через минуту они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Стратег», прибывшего раньше для анализа обстановки и подстраховки основных сил, затем, сопровождаемые одним из членов экипажа, опустились на горизонт транспортного обеспечения. Их ждал необычного вида аппарат, похожий на засохший кленовый лист буро-желтого цвета, с загнувшимися краями и утолщением в центре. Размеры его превосходили размеры десантного когга: высота утолщения — пять метров, диаметр окружности «листа» — тридцать.

— Это и есть когг,— пояснил Кир, едва Мальгин успел подумать о форме аппарата,— но его «динго» уже включен. Включай свой.

Десантники, превратившись в черно-металлические туши маатан, один за другим влезли в щель люка. В неподвижности и молчании потянулись минуты ожидания. Вид черных фигур действовал на Мальгина угнетающе, ему почему-то казалось, что от них веет угрюмым презрением и даже угрозой, и хотелось быстрее включиться в дело, чувствовать себя хозяином положения, а не гостем на чужом пиру. В грузовом отсеке когга было ровно столько места, чтобы десантники разместились стоя, касаясь друг друга локтями и плечами так, что иллюзорные тела «маатан» проникали сосед в соседа.

Стоящая рядом глыбы «черного человека» не шевельнулась, но Клим почувствовал хлопок по плечу.

— Джума? — сказал хирург наугад.

Раздался смешок Хана.

— Я думал, ты меня не узнаешь.

— У меня перед ответственным делом развивается импринтинг [1].

— Поди ж ты — у меня то же самое.

— Хочу пояснить,— сказал Ромашин, не отличимый от остальных «маатан».— Операция уже началась, но первыми включились обоймы сопровождения, поддержки и обеспечения, всего около трехсот человек, а наша задержка вызвана тем, что спейсер сейчас проводит захват и замену настоящего маатанского аппарата нашим, чтобы не насторожить маатанскую систему контроля пространства. Сам спейсер невидим для любых радаров, а наш когг будет имитировать форму маатанского шлюпа и копировать его сигналы.

Мальгина снова охватило чувство неловкости и вины: чтобы помочь ему сделать свою работу, включились огромные человеческие коллективы, вынужденные рисковать ради решения чужой проблемы своим здоровьем и, может быть, жизнью, привелись в движение громадные технические и энергетические ресурсы, и все это — ради спасения одного человека. Не велика ли цена?..

Эта мысль мелькнула и погасла: Мальгин вспомнил выражение глаз Купавы, растерянно-ждущие лица родителей Шаламова. Чувство вины растаяло.

— Есть захват,— прошелестело в наушниках эмкана.— Пошел десант!

Толчок был несильным, а движения не ощущалось вообще. Эфир вдруг взорвался множеством голосов — на несколько секунд:

— Сопровождение — форма «экстра», тройное дублирование!

— Юг — на контроль атмосферы.

— Реакция нулевая...

— Север — планетарный контроль...

— Реакция нулевая...

— Вруб «абракадабры», отбой аналоговой связи!

Тишина в эфире, потом дробь писков и гудков, снова тишина. Толчок, совсем легкий.

— Группа обеспечения! — Голос Ромашина.

Несколько черных фигур отделилось от толпы «маатан»— десантники обоймы обеспечения пошли на работу. Истекла минута, другая...

— Двойка и тройка — ваш выход!

Как ни был Мальгин готов к вызову, все же вздрогнул, хотя рефлексы сработали мгновенно и не дали ему замешкаться. Джума Хан последовал за ним вместе с диагностером, «динго» которого превратил аппарат в нечто, напоминающее пень с массой плотно упакованных корней.

---

[1] Импринтинг — обостренная чувствительность к окружению.

В световом диапазоне пейзаж Маата был угрюм, необычен и дик, в его красках преобладали багровые и бурые тона, и казалось, что вся планета закутана в туман. Объяснялось это просто: окно прозрачности атмосферы было сдвинуто в сторону ультрафиолетового диапазона. Кир включил нужный диапазон видения скафандра, «туман» растаял.

Небо планеты показалось низким и плотным, по его темно-серому с бурыми пятнами фону неслись перистые светящиеся облака. Светило висело над горизонтом в зеленом ореоле, неяркое и негреющее. Когг произвел посадку на плоской, как стол, равнине, в центре круглой площадки, засыпанной слоем янтарно-желтой, светящейся изнутри гальки. За площадкой шла твердая почва, напоминавшая бетон или асфальт, но зеленовато-желтого цвета, с черным узором, похожим на следы древоточца на коре дерева. В трех десятках метров от когга начиналось небольшое озеро, вернее, пруд строгой геометрической формы — трапеции, с черной водой и громадными дышащими пузырями. За прудом начинался пологий склон холма, поросший ярко-оранжевыми языками, гребнями и перепонками. На холме стояло низкое уродливое здание с покоробленной черной крышей, без окон и дверей. Слева от него из почвы вырастали немыслимые конструкции, похожие на заросли из металлических шипов и проволоки, а справа шел ряд «парусов»— громадных рваных полотен из полупрозрачного материала с прожилками, обрамленных металлическими блестевшими полосами. За ними виднелись какие-то увенчанные черными «розами» мачты и ажурные башни. И замыкалось голое пространство за коггом невысокой стеной, сложенной из грубых, плохо обработанных блоков не то камня, не то металла.

Тишина в этом мире царила удивительная, лишь изредка откуда-то из-за стены доносился какой-то цокот и скрип.

— К зданию! — раздался в наушниках голос Ромашина.— Он там, внутри. Прошу быть готовым к отходу, в глубине здания отмечена громадная концентрация энергии. Факт этот непонятен и потому особо опасен!

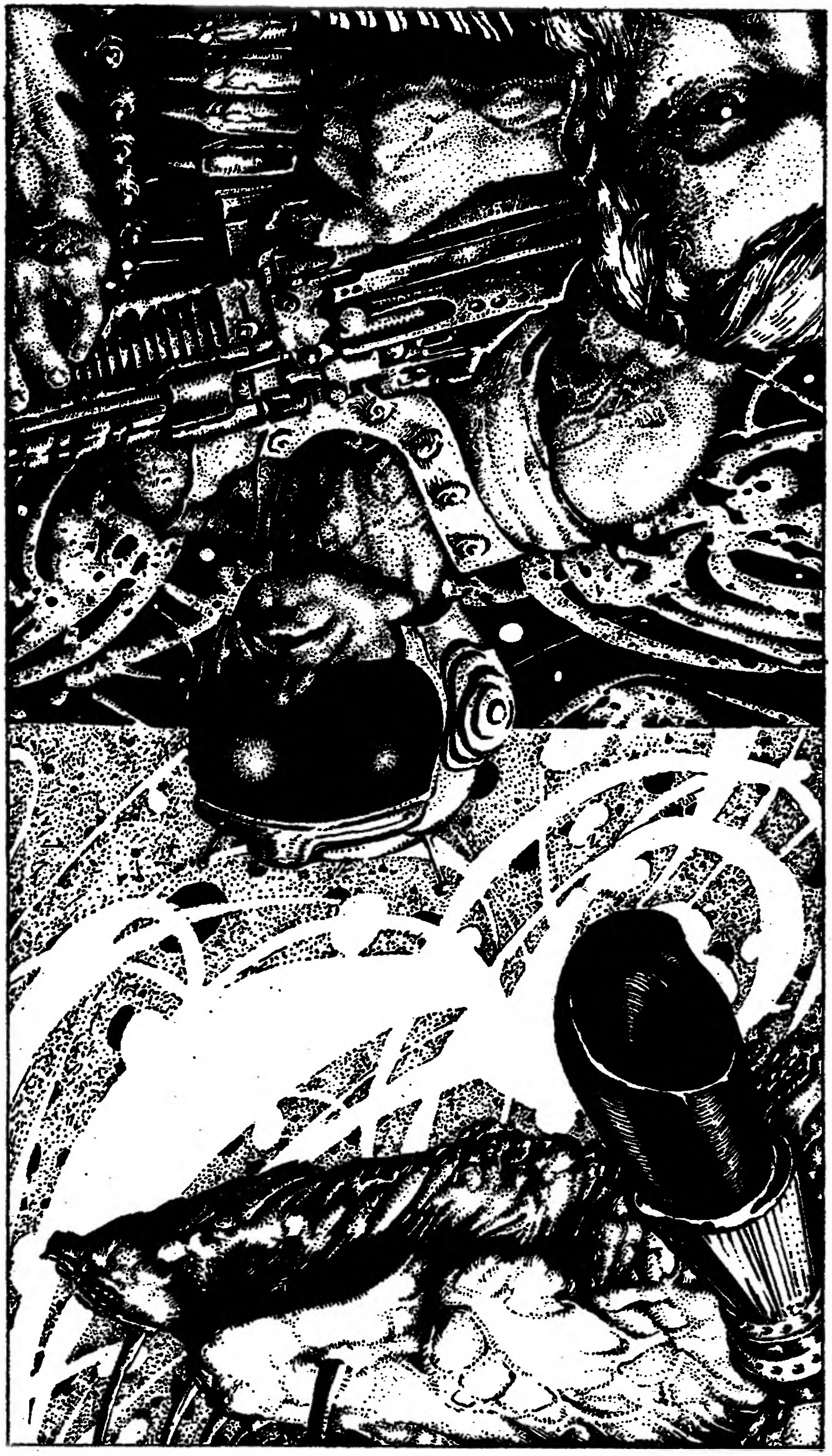
Мальгин скомандовал антиграву старт и за несколько секунд перенесся к зданию маатанского «сумасшедшего дома». За углом торчала фигура маатанина на «журавлином гнезде»— не поймешь, то ли десантник, то ли настоящий «черный человек». Бог с ним!

Сплошная стена здания вдруг раскололась щелью, в образовавшийся звездообразный пролом скользнула на «гнезде» блистающая серебром глыба.

— Переориентировка Умнику: персонал клиники одет в голубые «зеркала», мы выглядим чужаками.

— Принял,— отозвался Умник.— Меняю программу «динго».

В ту же секунду цвет маатанских «комбинезонов», в том числе и у Мальгина, изменился на зеркально-голубой.



— За мной! — «Маатанин» нырнул в проем двери, за ним Мальгин, Хан с диагностером и двое десантников.

— Это верхний ярус,— на ходу бросил проводник обоймы обеспечения.— Основной массив клиники внизу, глубина неизвестна, но не менее двухсот метров. Очень много энергоисточников, шумовых помех, невозможно ориентироваться. Такое впечатление, что у них тут куча работающих энергостанций!

Они двигались по широкому коридору с гладким черным полом, бугристыми стенами и багрово светящимся потолком, в толще которого пульсировали прожилки голубого пламени. Ни одной двери Мальгин не заметил, но впереди справа стена коридора лопнула сразу в трех местах и в образовавшиеся проломы выплыли «черные люди». У Мальгина екнуло сердце: влипли!

Первый из маатан, в фиолетовом «одеянии», что-то сказал: в голове Мальгина захрипело и затрещало, как валежник в лесу под ногами, «перед глазами»— таково было впечатление — метнулись пламенные стрелы, складываясь в узор фразы чужого псиязыка. «Вам здесь не место»,— перевел Умник.

— Мы идем одним путем,— мгновенно отреагировал десантник сопровождения. Умник послушно перевел фразу на маатанский: треск, шорох, скрип, вязь огненных лент.

Не останавливаясь, они проплыли мимо замерших озадаченных «черных людей». Десантник, замыкавший группу, отстал, загородив коридор, выдал угрюмое:

— Проходите, не задерживайтесь.

Чем закончилась встреча, Мальгин не увидел, проводник вдруг свернул в поперечный коридор, где возле открытой двери их ждал еще один член риск-обоймы.

— Здесь,— сказал сопровождающий, уступая дорогу.

Мальгин, не раздумывая, устремился в проем двери.

Взору открылось странное мрачное помещение, сходящееся клином метрах в двадцати от входа. Освещено оно было слабым ручьем багрового света, струящимся по потолку, но Мальгин все же разглядел впереди тушу «черного человека», буквально заклиненную в остром углу помещения. Хирург приблизился. «Черный человек» не пошевелился, но у Мальгина возникло ощущение, что на него смотрит угрюмая гора.

— Мы идем одним путем,— сказал Клим, не зная, с чего начать. Умник перевел сказанное.

— Но вы идете с закрытыми глазами,— прозвучало в ответ.

Мальгин вздрогнул.

— Открывайтесь,— сказал быстро Хан, выталкивая вперед диагностер.— Иначе он будет принимать нас за своих врачей.

— Обойме-главной! — раздалось в наушниках эмкана.— Штормовое предупреждение! Маатанский глобконтроль обратил внимание

на интенсивное движение в районе клиники. Вижу атмосферные объекты «АА». Время подхода — семь минут сорок секунд. Даю отсчет.

— Балансировка,— прорезался голос Ромашина.— Умник — балансировка оптимала!

— Предлагаю вариант-1, наиболее оптимальный в создавшемся положении.

— Двойка, ваше слово.

Мальгин сглотнул застрявший в горле вопрос. По первому варианту применялся отвлекающий маневр с запуском самостоятельного «динго», имитирующего орилоухский зонд, с последующей его самоликвидацией, а также бегство десанта на борт спейсера.

— Едва ли мы сможем еще раз прийти сюда, применив первый вариант. Предлагаю второй: я остаюсь, вы уходите на орбиту и ждете сигнала.

Ромашин думал недолго.

— Принимаю. Всем постам императив «Хеопс»! Внешнему наблюдению максимальный «хамелеон»! Кен, обеспечь защиту двойки.

— Я обеспечу,— вмешался Джума Хан.— Требую соблюдения иерархии десанта, я — тройка!

Мгновение спустя голос Ромашина принес короткое:

— Разрешаю.

Весь разговор длился девять секунд.

Мальгин и Хан остались одни перед травмированным «черным человеком», взиравшим на них с равнодушием тысячелетнего старца. Связь с Умником прервалась, видимо, когг ушел на орбиту, общаться с маатанином предстояло без переводчика. Но он знал земной язык.

— Мы земляне,— сказал Мальгин, подходя ближе,— и нуждаемся в вашей помощи. Вы в состоянии еще раз помочь человеку, который выручил вас из беды после столкновения в «серой дыре»? Помните? Вы понимаете меня?

«Черный человек» не пошевелился, лишь на коже проступила «сыпь»— встопорщились мелкие кристаллики.

Тусклые огненные струйки пси-языка маатанина сплелись в немыслимый узор, потом из него вылепилась фраза на земном языке:

— Я понимат... я помнит да есть... люди Землие что нуждаца конкретну... вопрос.

— Черт возьми! — прошептал Хан.— У маатан нет понятия «я», и они не умеют пользоваться глаголами. А этот — умеет!

— Ваш ксенопсихолог прав: «черный человек» получил знания Шаламова и теперь лучше знает язык.— Мальгин подошел к маатанину вплотную.

— Для лечения вашего спасителя нам необходимо знать био-

параметры маатан: физиологию, биологию, нейрохимию, психологию...

— Нет необходимост перечисление... я понимат... я нет помоч нет движене...

— Мы освободим вас. Если бы вы смогли подключиться к банку биологических данных... у вас есть такие банки?

— Банк что есто — вопрос.

— Вместилище информации, склад с запасом данных по всем отраслям науки, техники и культуры.

— У них нет науки и техники,— быстро сказал Джума, но уже включил диагностер и запустил программу исследований — около двух десятков «усов» протянулись от «пня» аппарата к неподвижному «черному человеку».— Их наука есть одновременно и искусство, и культура, и быт, и мораль, и этика.

— Я понимат,— высветил маатанин.— Помоч я да есто движене... бystие... три... быстрие нет време... опасно да есть...

Мальгин бросился к маатанину, зажатому клиновидно сходящимися стенами его палаты, примерился, как вытолкнуть «черного человека» из щели, и вдруг понял, что тот вовсе не сдавлен стенами, как показалось вначале, а... врос в них боками!

— Джума!— окликнул Мальгин.

— Вижу,— отозвался врач.— Без ножа освободить его невозможно, надо резать... по живому.

— Резат ды быстрие... я много понимат ваш друг... нет смыслие жизние без жертвия сам — понимат... нет смыслие любвие без препятство — наш маат нет состояние определит смыслие хомо жизние — хомо ценил мы — я мы хомо — нет — плохо да есть...

Маатанин выдохся, на Мальгина пахнуло волной чужой тоски и сложных, невыразимых словами чувств. Человеческий язык не в состоянии определить все возможные оттенки переживаний даже самого человека, не хватило бы слов и точности, что же тогда говорить о переживаниях «черного человека»!..

— Режу!— Возглас Хана вывел Мальгина из ступора.

— Простите нас!

Джума двумя взмахами «лезвия» разряда «универсала» отделил маатанина от стен. Дважды в голове Мальгина вспыхнули огненные клубки — то ли крики боли маатанина, то ли «крепкие выражения», распались на светящиеся лоскуты, сложились в слова:

— Так я легко... контролеры кризис нет понимат я лечит нет время нет быстрие... как я движене — вопрос. Нет транспорт...

Джума мгновенно сформировал из диагностера нечто, напоминающее двухметровое блюдо.

— Садитесь, довезем.

«Черный человек», всколыхнувшись кристаллами тела, неуклюже влез на «блюдо».

— Я вперед... время совсем удар сердца... тревога да... ждат контролеры кризис... быстрие...

— «Контролеры кризиса» — это, наверное, их врачи.— Джума выглянул в коридор.— Я пойду первым, ты за ним.

Процессия вылетела из палаты, стены которой вдруг задымились и покрылись сеткой мелких электрических разрядов. Свернули налево, потом еще раз налево, по коридору, ведущему в глубь клиники. Встретили целую толпу маатан в голубом, но Хан не снизил скорости, а наоборот, направили прямо на них, «вопя» во всю мочь заранее составленную на маатанском языке фразу («вопил», конечно, киб-интеллект скафандра):

— Прочь! Опасность! Освободите путь! Он уходит в хаос!

«Черный человек» вдруг засмеялся — так расшифровал его пси-всхлип Мальгин и не поверил себе: маатане не умели смеяться и не знали, что такое юмор. Видимо, отпечаток личности Шаламова был настолько глубок, что на самом деле перестроил личность маатанина; «черный человек» был «болен» человеком...

Мальгин посмотрел на громоздкую тушу, с повреждённых боков которой «сочились» и стекали вниз струйки голубоватого сияния — электрическая «кровь» маатанина, и хирурга обдало горячей волной благодарности, нежности и жалости: «черный человек» рисковал, как и они, но если они спасали человека, своего соплеменника, то маатанин шел на риск ради чужака-гуманоида вопреки колоссальным традициям морально-этического кодекса цивилизации. Мальгин снова пожалел, что затеял эту экспедицию, заставившую переступить грань дозволенного риска сотне людей и совершенно чужому разумному существу, уже пострадавшему от встреч с человеком, хотя и спасенному им же.

Нырнули в прозрачный пузырь в тупике коридора — лифт, «мустанг», по терминологии Шаламова, который вынес их в просторный зал, чем-то напоминающий рубку маатанского корабля. У черного плоского экрана во всю стену зала сидели на «журавлиных гнездах» пять маатан в синем. Рядом с каждым рос из пола пучок членистых прутьев, похожих на бамбуковые удочки. Все пятеро «оглянулись» на шум.

— Не мешать! — рявкнул Джума Хан.— Контролеры кризиса.— Вытолкнул «черного человека» на «блюде» диагностера вперед.— Приступайте.

Неизвестно, что поняли из перевода маатане, сидящие у экрана, но они не сделали ни одной попытки воспрепятствовать смельчакам, застыв словно в столбняке лоснящимися тюленьими тушами.

Маатанин Шаламова что-то сказал соотечественнику, располагавшемуся в центре. В ответ раздалось такое сверкание чужой пси-речи,— Мальгин и Хан тоже «увидели» этот взрыв эмоций,— что не приходилось сомневаться в смысле сказанного. Джума отреаги-

ровал мгновенно: туша маатанина кувырком вылетела из гнездообразного кресла и врезалась в барьер перед экраном.

— Полегче;— проворчал недовольно Мальгин.

— Я всего лишь толкнул его немножко, в назидание другим, времени на уговоры у нас нет.

«Черный человек», которого они привезли, с некоторой заминкой — опешил, видать,— занял освободившееся место. «Удочки» возле «гнезда» легли на него, образовав нечто вроде клетки. Экран напротив тут же выдал сноп светящихся стрел и кривых.

Выбитый «из седла» маатанин повозился у экрана и застыл в нелепой позе, сильно смахивая на карикатуру изваянной из металла гориллы.

— Быстрие писание ответ,— заговорил «черный человек» спустя минуту; он был специалистом высокого класса, несмотря на травму психики, и умел работать со своей компьютерной техникой.

Джума Хан метнулся к нему, покопался в диагностере, отогнул три «удочки» от маатанина и воткнул их в спецгнезда на корпусе аппарата: со стороны этого никто не видел, видеопризрак тела маатанина, «надетый» на скафандр, надежно скрывал действия человека, просто Мальгин знал, что так все и было на самом деле.

— Готов.

— Писание идти... много нет время... опасно близь... должно бегствие быстрие да... быстрие...

Среди маатан у экрана прошло вдруг общее движение, Мальгин почувствовал на затылке давление чужого угрожающего взгляда, оглянулся.. Вход в зал раскрылся и в образовавшийся широкий многоугольный проем ворвалось вдруг жуткое страшилище: колоссальная туша, похожая на зубра и носорога одновременно, в пластинчатой броне, с кучей хвороста вместо ног.

— Уходим! — сказал Хан хладнокровно.— Это по наши души.

— Я прикрою! — не колеблясь, отозвался Мальгин.— Главное теперь — запись! Уноси диагностер и «черного». Быстро!

— Только не отставай.

В то же мгновение тело Джумы разделилось на три совершенно одинаковые фигуры, две из них бросились навстречу ворвавшемуся существу или механизму, третья — сам врач — выдернула диагностер с маатанином из объятий удочек-антенн управления и превратилась в туманное облако, в котором скрылся и Джума, и диагностер, и «черный человек». Облако стремительно рванулось в обход «зуброносорога», который замешкался с выбором цели, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Джума скрылся в дыре выхода.

Мальгин увидел, как черный рог чужого автомата повернулся в его сторону — автомат разобрался в запущенных Джумой «призраках». Состязание в скорости реакций теперь шло между маатанским компьютером и земным, вмонтированным в скафандр, но Кир

успел обработать ситуацию раньше и без подсказки Мальгина чиркнул лучом «универсала» по кончику рога. «Зубороносорог» окутался мощной короной электрических разрядов, на месте его рога вздулся ослепительный радужный пузырь, несколько разрядов сорвалось с «хвороста» ног под телом сторожа в пол. Что последовало за этим, Мальгин увидеть не успел, он был уже в коридоре, оставив за собой «крик» маатан в пси-диапазоне, а в звуковом — вой и треск поврежденного автомата.

В конце коридора мелькнуло маскировочное облако Джумы, Мальгин рванул за ним с такой скоростью, что едва не сломал себе шею от рывка. Он сбил какого-то маатанина в голубом, не успевшего увернуться, увидел сзади еще двух «зубороносорогов» и выстрелил для острастки: прозрачно-желтый хлыст разряда проложил огненную дорожку в полу коридора, отгородив маатанскую стражу от беглецов.

«Черный человек» вывел их другим путем — со стороны «леса»— зарослей «стрекозиных крыльев» величиной с лопасть воздушной мельницы. Тотчас включилась связь с Умником, и началась отработка операции возвращения, рассчитанной аналитиками отдела безопасности, но и маатане не дремали, все-таки технологический потенциал их цивилизации был очень и очень высок, хотя и необычен.

Над зданием клиники висели один над другим аппараты маатан, асимметричные, плоские, похожие на гигантских каракатиц диаметром в две сотни метров. Из днища нижнего аппарата торчала вращающаяся кособокая решетка, окутанная шубой электрического сияния. Второй снизу, через дыру в борту, «метал икру»— выгружал маатанский десант в зеленой броне; эта операция здорово напоминала выброс парашютного десанта из самолета на Землю двухвековой давности.

Стоило только беглецам появиться на открытом пространстве, как их заметили. Из зарослей «стрекозиного леса» с треском выползла навстречу кошмарная конструкция, слепленная из ржавых на вид балок, штанг и рычагов, сквозь мешанину которых виднелась туша маатанина. Из носовой части этой машины угрожающе выдвинулась вперед косая ажурная башенка.

— Нет оружие,— торопливо высветил предупреждение «черный человек».— Службие контроля нет загроза... опасно да вверх... беглие назад быстрие...

— Не стрелять,— торопливо перевел Мальгин Умнику.— Первый, у нас всего одна-две минуты, здесь их десант.

— Видим, успеем,— отозвался Ромашин.— Отойдите от «черного», быстрее!

— Прощай, друг,— сказал Джума Хан, освобождая диагностер от туши «черного человека».— Извини за хлопоты и боль. Держись!

— Понятие да хомо эмоцие,— ответил маатанин, грузно осев на одну из серых плит, цепочкой уходивших в заросли леса.— Маатание безнадежност... желание дружие Шаламо здоровие да... вам здоровие... мы не есть разумие хомо да... не есто понятие вы.

— Спасибо! — успел крикнуть Мальгин до того, как их накрыл силовой трал упавшего с неба десантного когга, втянул внутрь корабля. Стены дезокамеры сомкнулись вокруг, в глазах померк свет...

В джамп-режиме когг преодолел атмосферу Маата в три прыжка и растаял во тьме космоса, подхваченный невидимым спейсером «Стратег», готовым прийти на помощь всей интеллект-компьютерной и энергетической мощью. Отпустив на волю задержанный чужой зонд, под которым был замаскирован когг, спейсер включил компакт-генераторы и ушел в «струну», а вышел из нее уже в Солнечной системе, дома.

В дезокамере когга вспыхнул свет, открылась дверь наружу.

— Выползаем,— сказал Джума Хан, превращаясь в человека в скафандре.— Рокамболь [1] наш кончился.

Мальгин с удивлением обнаружил, что со времени старта к Маату на когге прошло всего лишь тридцать восемь минут.

— Я думал, прошло, по крайней мере, два часа,— сказал он хриплым голосом.— Знаешь, чего я хочу больше всего?

— Чего? — спросил Хан из ангара спейсера.

— Пить и есть!

Мальгин выключил аппаратуру «динго», расправил плечи и вышел из дезокамеры. В конце коридора показался Ромашин без скафандра, в белом кокосе, за ним вся его гвардия, десантники риск-обоймы, пограничники, члены экипажа спейсера и оперативники бригады сопровождения.

— Поздравляю с успехом,— невозмутимо сказал начальник отдела, протягивая руку.— Вы, Джума, были неподражаемы, особенно когда скомандовали маатанам не мешать от имени «контроля кризиса». Знаете, как переводится на маатанский ваш грозный рык «не мешать, контроль кризиса»? У маатан нет такой службы, и будь с вами Умник, он перевел бы эту фразу, как «могильщики энтропии». К счастью, «черные люди» вас не поняли и поэтому не вмешались.

Ромашин пожал руку Мальгину, остро взглянул ему в глаза:

— Вы довольны?

— Еще минуту назад я ответил бы да,— сказал Мальгин.

— Что же изменилось?

— Я подумал... что будет с «черным человеком»? По сути он допустил утечку информации...

---

[1] Необыкновенные приключения (по имени героя романов Понсон дю Террайля).

Ромашин улыбнулся, оглядываясь на зашумевших парней.

— На Маате не знают, что такое смертная казнь, это раз. Мы не находимся в состоянии войны с маатанами, это два. Наша работа не есть игра в «шпионов и контрразведчиков», как может показаться с первого взгляда,— не те масштабы и задачи,— это три. И, наконец, последнее: проведенная операция — только начало намеченного контакта, давно подготовленного Институтом внеземных Культур. Комиссия по контактам порядком работает у Маата на «Эдип-2» и готова объяснить смысл нашей вылазки, которая должна была всколыхнуть омут маатанского равнодушия и подготовить почву для переговоров. Контактеры испробовали до этого момента все доступные им средства и методы ведения переговоров — безрезультатно, наш десант — последний шанс.

— И все же...— Мальгин откашлялся.— Поймите меня правильно... может быть, я не затевал бы подобного эксперимента, подумай об этом раньше... вероятно, мы в душе больше антропоцентристы, чем принято считать... мы не подумали... вернее, я не подумал о судьбе «черного человека». Вы можете сказать точно, что будет с ним?

Участники операции замолчали.

Ромашин не отвел взгляда, но в глубине его глаз вдруг всплыла печаль. Не презрение, жестокость или ирония — печаль! Он немного подумал.

— Точно — нет,— сказал он тихо.— Я думаю, что ничего плохого с ним не случится, если верить ксенопсихологам, а я им верю. Они давно возятся с Маатом и, хотя вынуждены довольствоваться только косвенными методами исследований, смогли довольно верно определить основные аксиомы психологии «черных людей». Успешный финал десанта — тому подтверждение.

— И все же история мидян темна и непонятна...

— Согласен. Я, кажется, понял вас. Но учтите — невозможно, жалея двоих, остаться посередине, нейтралитет в такой ситуации хуже предательства. Вы не сможете помочь обоим сразу, а значит, не поможете никому. Убедил?

— Не знаю... я подумаю. Извините меня, я еще не пришел в себя и поэтому столь резок в оценках.

— Все нормально, Клим,— вмешался Джума Хан,— не вешай на себя ярлык. На их месте я бы сразу взял тебя, если не в безопасники, то уж в пограничники обязательно.

Обступившие их десантники засмеялись.

— А что? — улыбнулся и Ромашин; он понимал Мальгина и сочувствовал ему, но характер и положение не давали ему права на колебания.— Пойдете?

— Нет,— сказал Мальгин, внезапно ощутив на губах горечь этого слова. Слова, которое так ненавидела Купава.

5

Отдыхать не пришлось.

Шел уже десятый час вечера, когда Мальгина доставили на базу погранслужбы «Луна-центр», откуда он сразу позвонил в институт Таланову, предупредить, что будет на месте к десяти, лишь слегка приведет себя в порядок.

Хан прямо с базы умчался к экспертам-кибернетикам с драгоценным диагностером, битком набитым полученными от «черного человека» сведениями, и обещал явиться сразу, как только удастся расшифровать хотя бы небольшой фрагмент записи. Мальгин попрощался с Ромашиным и с базы отправился домой, мечтая только о горячей хвойной ванне и глотке клюквенного морса, а в гостиной ему навстречу встала с дивана Купава.

С минуту они молча смотрели друг на друга, потом Купава шагнула к нему и, как в былые времена, ткнулась в грудь лицом. Прошла вечность, прежде чем Мальгин опомнился и отстранил женщину, вглядываясь в ее ставшее мокрым от слез лицо. Пришли на ум некрасовские стихи:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!..

Купава потянулась к нему губами, странно робкая и беззащитная, но Мальгин уже овладел собой, погладил ее по щеке и усадил на диван.

— Подожди немного, я переоденусь, а то с корабля на бал.

Вскоре он появился в гостиной в строгом сером костюме, спокойный, уверенный в себе, застегнутый на все пуговицы самообладания. Купава заметила эту перемену, усмехнулась:

— Ты, словно крепость, намерен выдержать долговременную жестокую осаду. Неужели боишься, что возьму тебя измором?

— Боюсь,— серьезно кивнул Мальгин, усаживаясь напротив; она тоже привела себя в порядок, и следов слез уже не было заметно.— Но боюсь не тебя, а себя.

— Плохо верится, что мастер Клим Мальгин может чего-либо бояться. И не говори намеками, я давно перестала тебя понимать.

— Хорошо, давай говорить прямо. Зачем ты пришла?

Купава стойко выдержала его взгляд.

— Мне сказали, что ты ушел на Маат для встречи с...

— Кто сказал?! — спросил он с тихим бешенством.— Кто этот благодетель?

— Неважно. Ты был там и...

Он встал так резко, что Купава испуганно отшатнулась; отвернувшись, сказал глухо:

— Купава, если ты хочешь, чтобы я не потерял рассудок, не приходи ко мне больше.

Женщина задумалась, пристально разглядывая профиль хозяина, встала тоже, подошла к нему, не решаясь дотронуться; он слышал ее тихое дыхание, чувствовал теплоту ее тела, и душа рвалась на части, создавая и уничтожая замки любви и мрачные склепы ненависти.

— Не сердись,— тихо проговорила Купава.— Сердиться — мстить себе за ошибки других. Я знаю, что ты не простил мне мою, хотя ошибкой это назвать трудно. Я не приду больше... может быть. Ответь мне только на один вопрос: почему ты рискуешь собой, пытаясь вытащить Дана? Из-за того, что я... обещала...вернуться?

Мальгин медленно повернул голову к ней, лицо его побледнело. Внутри с крутых гор души сошла лавина, столкнулись тайфуны, замерз океан, погасло солнце, взорвалась сверхновая звезда... Несколько секунд он смотрел на Купаву, изломав брови, будто силясь сдержать стон, затем произнес только одно слово:

— Нет!

Глаза Купавы вспыхнули, заискрились радостью и слезами, она поняла, что пряталось глубоко на дне израненной души Клима.

— Благодарю.

И не успел Мальгин ничего сообразить, как горячие ладони женщины обожгли его щеки, горячие губы прижались к его губам,— поцелуй был оглушающе долог,— и Купава исчезла, оставив после себя тонкий запах ландыша. И горьковато-нежный привкус поцелуя на губах...

Мальгин почувствовал боль, перевел взгляд на руку: он сжал кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони до крови.

— Намеки тонкие на то, чего не ведает никто...— пробормотал он глубокомысленно.— Еще одна такая встреча, и меня можно будет класть вместо Даниила...

Полностью хирург пришел в себя только после пятиминутного сеанса аутотренинга. По дороге в институт дал себе обещание выяснить, кто же все-таки сообщает Купаве о действиях безопасников и какие цели преследует этот «друг-благодетель». Правда, это мог быть и сотрудник института, однако Мальгин не верил в отсутствие у коллег врачебной этики.

Таланов встретил заведующего отделением в кабинете вопросом:

— Тебе никто не звонил?

— Нет, а что случилось?

— Джума Хан...

— Что?! — у Мальгина перехватило дыхание.— Что с ним?

— Тебе придется оперировать двоих.

Мальгин сел.

— У кибернетиков он включил диагностер через Умника,— продолжал Таланов,— сначала в режиме выдачи диагноза, то есть выдачи тех данных, что записал сам диагностер с помощью своих датчиков при обследовании «черного человека». Потом включили программу, с помощью которой записали информацию, выведенную маатанином из своего компьютера. На выходе — тарабарщина! Код записи оказался не тем, что рассчитали кибернетики при составлении программы. И тогда Джума подключился к диагностеру напрямую.

— Он с ума сошел!

— А черт его знает, чем он руководствовался! У него спинальный шок. А времени у те... у нас то есть, осталось всего ничего. Шаламов не выходит из комы и жив только аппаратно.

Мальгин глубоко вздохнул, посидел немного и встал.

— Мне надо было идти с Джумой.

— Теперь уже поздно сожалеть. Данные диагностера введены в Гиппократа, можешь ознакомиться. Группа ждет тебя и Стобецкого... кроме Джумы и Карой Чокой. Она с ним в клинике спасцентра, умчалась сразу, как только узнала. Непонятно...

— Она его жена,— сказал Мальгин, думая о своем,— чего ж тут непонятного. Идем, заменишь Джуму, мне понадобятся, по меньшей мере, три ассистента.

— Возьми Зарембу, парень рвется в бой, да и специалист он неплохой.

— Посмотрим.

Они спустились к лифту.

— Что нового выдал диагностер? Я имею в виду, чего мы еще не знали?

— Практически все! У маатан нет нервной системы в общепринятом значении этого слова. То есть она существует, но не постоянно, а в нужный момент формируются нервные пути и узлы в толще однородной массы, которая называется телом. Почему вдруг именно эти участки тела становятся нервной тканью, нервами, узлами, сплетениями волокон — загадка! То же касается и мозга. По сути «черный человек» — единый организм-мозг с постоянно меняющейся структурой, иерархией, архитектоникой. Кстати, точно так же построен и маатанский компьютер. Но самое интересное у него внутри: сверхтвердое ядро массой около ста килограммов, закапсулированное к тому же силовым полем с головоломными характеристиками. Поле пульсирует, а энергетическая мощь его, по оценкам экспертов, равна мощи десантного когга!

— Ерунда какая-то! Он что — живой реактор?

— Кто знает?

— А пульсирует из-за чего? Сердце?

— Нет у него сердца.

Они вошли в отделение Стобецкого в тот момент, когда у Шаламова после долгого времени беспамятства наступила «фаза хозяина»— период парадоксального сознания.

Шаламов не лежал, а сидел с открытыми глазами, поддерживаемый лапой манипулятора, и, казалось, смотрел на сдвинувшихся к вириалу реаниматора людей, хотя видеть их, конечно, не мог.

— Найдите Клима,— проговорил он негромко, но четко; голос был не его — гортанный, с каким-то вибрирующим тембром, и говорил Шаламов, почти не разжимая губ.— Найдите Мальгина, прошу вас. Быстрее найдите, мне нужно поговорить с ним.

— Я здесь, Дан,— ответил Мальгин, заставив всех у полусферы вириала оглянуться.— Слушаю тебя.

— Клим, как там мой «крестник»? Я знаю, ты был у него.

— Откуда знаешь?

— Неважно, знаю.— Шаламов раздвинул губы в улыбке,— он еще помнит меня?

— Да,— ответил Мальгин после паузы.— Он... болен.

— Говори все.

— У него проявляются черты человека...

— Обратный эффект, эффект бумеранга. Я тогда слишком поздно понял, что он тоже связан со своим компьютером напрямую... Ему можно помочь?

— Подумай лучше о себе,— проворчал Стобецкий.

Шаламов не обратил на реплику внимания.

— Не знаю,— сказал Мальгин, с трудом останавливая вдруг поднявшийся из глубин души гнев.— Скорее всего нет. Но врач прав, подумай о себе.

— Обо мне думай ты, а кто подумает о «черном»? Ты все же прикинь наши возможности, он стал для меня крестником, а для своих соотечественников — отщепенцем, изгоем, и хотя у них нет смертной казни, маатане способны на казнь равнодушием, а эта пытка пострашней остальных. И еще, Клим: не торопись ты меня оперировать, подожди немного, может быть, я справлюсь с собой сам. Не прошу — требую!

— Но это невозможно! — воскликнул Заремба.— Ты все реже выходишь из комы, а искусственно поддерживать работу внутренних органов до бесконечности невозможно, они теряют способность функционировать нормально в отрыве от организма.

— Это ваша забота,— отрезал Шаламов.— Ты слышишь, Клим? Не спеши с операцией.

— Слышу,— сказал Мальгин в наступившей тишине.

Шаламов закрыл глаза, тело его расслабилось. Со всех сторон ударили дымные струйки физиогаза, внутренности реанимакамеры затянуло зеленоватой мутью.

Мальгин оглядел обращенные к нему лица.

— Ваши предложения?

— Оперировать, и немедленно! — быстро сказал Заремба.— Если и не приведем все в норму, то хотя бы остановим процесс регрессивной трансформации. У него все большую роль начинает играть Р-комплекс [1], понимаете?

— Я тоже за операцию,— сказал Стобецкий с непривычной для него неуверенностью.— Шансы благополучного исхода с каждой минутой падают.

— Предпочту воздержаться,— пожевав губами, проговорил Каминский, ни на кого не глядя.

Мальгин кивнул, полузакрыв глаза и постукивая пальцем по меняющей световой узор прозрачной «шляпе» вириала.

— С одной стороны, желание больного — закон.— Таланов был не менее решительным, чем Мальгин, но в данной ситуации решал не он.— С другой, Шаламов сейчас...

— Вот именно, он в таком состоянии,— перебил главного экспансивный Заремба,— что не может отвечать за себя сам. Мы не имеем права ждать.

— Не кипятись,— бросил Стобецкий, морщась.— Вчера ты доказывал обратное.

— Мало ли что я говорил вчера,— пожал плечами молодой хирург,— главное, что я говорю сегодня.

— Кредо болтуна.

— Кредо человека, способного вовремя почувствовать собственную ошибку...

— Стоп! — глухо сказал Мальгин.— Я выслушал вас. Операция откладывается... на сутки. Вопросы есть?

— Ты понимаешь, чем это может обернуться? — проговорил Таланов.— Автоматика поддержки на пределе, еще сутки такой работы, и она не справится...

— Сутки и подождем. У нас есть еще один больной — Джума Хан, будем работать с ним. Иван, мчись в спас-центр и вместе с Карой транспортируй его сюда.

Заремба с готовностью поднялся.

— Остальные с этого момента включаются в постоянную связь через Гиппократа. Час на изучение научной информатуры о маатанах, час на подготовку к операции. Координатором буду я, центральным ассистентом — Готард, остальные — периферийными. Надо задавить процесс перерождения у Джумы в самом...— Мальгин не закончил.

---

[1] Мозг человека создавался эволюцией постепенно, сначала ядро — Р-комплекс, так называемый «комплекс рептилий», который возник сотни миллионов лет назад, потом «средний» мозг — лимбическая система, общая со всеми млекопитающими, и наконец неокортекс — новая кора, отвечающая за интеллект и высшие психические функции.

В реанимационную вошла грациозная, улыбающаяся Карой Чокой, а за ней невозмутимый, хотя и бледней обычного, Джума Хан.

Сцена, последовавшая за его появлением, длилась ровно пять секунд, пока обстановку не разрядил смех Зарембы:

— Явился, не запылился! Тебе ж положено лежать в шоке, мы уже оперировать тебя собрались!

— Этого-то я и испугался.

— Так слухи о твоем нездоровье преувеличены?

— Кто меня отпустил бы из «скорой»?

— Поклянись.

— Чтоб я сдох! — не моргнув глазом, поклялся Джума.

Смеялись несколько минут все, кроме Мальгина, постепенно отходя от сюрприза, потом Клим спросил:

— Что с тобой случилось? Нам сообщили, что ты в шоке...

— Так оно и было, но кибернетики молодцы, поставили на пси-съеме блокировку, и как только информация «пошла густо»— сработал отстрел. Мне, конечно, попало много всякого «мусора», но, как видишь, все обошлось.

— Он как ребенок,— сказала Чокой своим красивым низким контральто с непередаваемым акцентом.— Совсем по Лермонтову: то кровь кипит, то сил избыток!

Джума посмотрел на нее с неопределенным вопросом, и Мальгин понял, что ничего в жизни врача не изменилось, а реакцию Карой вполне можно объяснить данью привычки, вежливости и участия. Видимо, по дороге в институт они успели объясниться, и разница между «де факто» и «де юре» осталась прежней. «Хотя дьявол их душу знает! — с мрачной завистью подумал вдруг Мальгин.— Не копайся в чужих отношениях и чувствах, разберись в своих».

— На чем мы остановились, коллеги? — Чокой сделала вид, что не заметила взгляда нейрохирурга, невольно отразившего его мысли.

— Операция переносится на сутки,— сказал Таланов.

— Извините, нам необходимо поговорить.— Мальгин увлек Хана за собой.— Продолжаем работу, как наметили. Я подключусь в общую связь позже.

Не обращая внимания на удивление в глазах женщины, Мальгин подтолкнул к двери Джуму и вышел сам. В своем кабинете он усадил врача и некоторое время изучал его лицо. Джума выдержал испытание спокойно, без обычной иронии или насмешливости.

— Зачем ты пошел на этот неоправданный риск с диагностером?

Лицо Хана не выразило досады, хотя было видно, что вопрос ему неприятен.

— Если честно, то... это редкий случай, когда у меня срабатывает самолюбие. Подумалось: смог же Шаламов выдержать информационный удар маатанского компьютера и расшифровать запись,

почему не смогу я? Тем более что диагностер — не маатанский аппарат.

— Я думал, ты лишен подобных недостатков, хотя самолюбием твой поступок не объяснишь, скорее, это ложная гордость, переоценка сил.

— Свои недостатки я не оправдываю.— Джума слегка нахмурился, однако тут же вернул себе равновесие.— Но и причислять их к семи смертным грехам я бы не стал.

Мальгин непонимающе уставился на собеседника. Тот вполне серьезно пояснил:

— Гордость входит в число семи смертных грехов.

— Екклезиаст? Вы неплохо начитаны для своей профессии, слуга Гиппократа, а на вид — обычный конокрад.

Хан засмеялся.

— Ты тоже на вид простой, в меру воспитанный спортсмен.

— И за то спасибо. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Скажи это Карой. Я недаром мастер-медик, мон шер, а любой мастер — интуитив высокого класса. Ты сильный парень, но после этого прискорбного случая я не могу оставить тебя в группе риска. А жаль.

— Жаль,— согласился Джума Хан, погрустнев.— Ты прав, мне здорово досталось, и отпустили меня из «скорой» только под честное слово, что я приду на обследование при первых признаках... неблагополучия. Но ассистентом я был бы неплохим.

— Знаю, потому и жаль. Что сказали кибернетики?

— Код записи неизвестен, но логику маатан мы уже знаем. В общем, надежда на расшифровку есть, все дело в том, сколько может ждать Шаламов.

— Он потребовал не оперировать его вообще.

— Снова «фаза хозяина»?

На столе замигало индикаторное окошко, раздался голос Таланова:

— Клим, зайди ко мне, как освободишься.

Мальгин молча ткнул пальцем в окошко.

— Карой, кстати, как только узнала...— Клим замолчал, заметив напрягшиеся скулы Джумы.— Что?

— Не стоит об этом. Все не просто, туманно и скользко... гололед с дождем.

Мальгин покачал головой.

— Если бы ты был ей безразличен, она не менялась бы в лице и не бежала к метро сломя голову, узнав, что с тобой приключилось.

— Да ни о чем это не говорит! — В голосе Джумы неожиданно прорвалась тоска.— В том-то и дело,— сказал он тоном ниже,—

что она становится заботливой только в экстремальных ситуациях. Я уже два года ищу свою ошибку, пытаюсь понять, где я свернул с тропинки, ведущей к ее мироощущению, вернее, к взаимопониманию, и не могу найти. И ты мне в этом деле не помощник, Клим, извини. Ты и сам, похоже, в ситуации похлеще.

Мальгин посмотрел на свой кулак, потом на лицо Хана. Тот невесело улыбнулся.

— А ты врежь, может, полегчает... а потом я тебе, если встану. Идет?

Мальгин улыбнулся через силу в ответ, прислушался к себе и почувствовал, как тает в сердце ледник одиночества и отчаяния, ледник, не видимый никем и никогда.

— Давай думать, старик, нам обоим теперь надо много думать. Видать, чего-то нам недостает, чисто человеческого, может быть, доброты или простоты, щедрости или азарта, жадности или способности удивляться и совершать незапрограммированные поступки... не знаю. Но успел убедиться, что женщине надоедает мужское суперменство, постоянная готовность мгновенно ответить на любой вопрос, жестко запланированная, стойкая уверенность в своей правоте. Может быть, им не хватает чего-то посередине, минутного колебания между «да» и «нет», еле заметного проявления слабости, что уравновешивает нас в их глазах и придает силы... Может быть, уже то плохо, что мы редко ошибаемся. Прав был мудрец, мы редко думаем о том, что имеем, зато всегда думаем о том, чего нам недостает [1]. Не поменять ли принципы?

— Нет,— качнул головой Джума Хан после долгого размышления.— Принципы менять не годится, зачем тогда жить? Но думать надо. Кажется, мы с тобой прирастаем друг к другу, а?

— Я как-будто не против. А ты?

— Взаимно.

Мальгин кивнул, замыкаясь в обычной оболочке непреклонной уверенности, потом искоса посмотрел на Хана, в глазах которого запрыгали насмешливые чертики взаимопонимания, и они одновременно рассмеялись.

Всему свое время, подумал Клим, отворачиваясь, время собираться в тугой комок мышц и время расслабляться, радоваться и страдать, думать и чувствовать... научиться бы угадывать нужный момент или на худой конец вырастить в себе инстинкт безошибочной реакции на происходящее, чтобы всегда и везде при любых обстоятельствах действовать только правильно... впрочем, стоп! Это уже было — безошибочно, скорей всего это и есть одна из самых страшных человеческих ошибок...

— Тебе пора к шефу,— напомнил Джума.

---

[1] В. Шопенгауэр.

— Иду,— встал Мальгин и спохватился.— Слушай-ка, мне нужна твоя помощь. Кто в отряде Шаламова был к нему близок? Кроме, пожалуй, самого Жостова? Ты их знаешь?

— Почти каждого. По-моему, Даниил дружил со всеми, завистников у него не было вообще, а вот близких... в парном патруле он чаще всего ходил с Висенте Оросо, а отдыхал с Марселем Гзаронвалем. Я частенько видел их втроем, Дана, Марса и... Купаву. Зачем они тебе?

— Потом скажу.— Мальгин устремился к двери, на пороге обернулся.— Подключайся к Гиппократу, будешь сопровождать группу до операции, твой совет лекаря может существенно повлиять на подготовку, а на операцию все равно не рассчитывай.

Жест Джумы — кольцо из большого и среднего пальцев — был понятен без слов.

* * *

Мальгин знал, как вредно сосредоточение на своих внутренних переживаниях, уход от социальной действительности, поэтому с ненавистью к своей прогрессирующей слабости и нерешительности, чувствуя сопротивление организма, некоторое время боролся сам с собой, изгоняя из пор души мысли о Купаве, но полностью освободиться от навязчивых дум не смог.

Таланов разбирался в информатуре, подаваемой на дисплей рабочего стола, кивком указал хирургу на стул.

— Богдан, давай поговорим позже,— проникновенно сказал Мальгин.— У меня возникло желание убыть в неизвестном самому себе направлении и отрешиться от всего земного.

Таланов поднял голову, изучающе посмотрел на Клима.

— А я хотел предложить тебе поработать со старым багажом, только что получил данные по всем операциям «стирания» в мозгу криптогнозы. Но если устал — отрешайся.

— Не устал, просто на какое-то время необходимо переключиться.

— В таком случае не мешай.

Мальгин кивнул и сбежал из кабинета, не прощаясь. А для того, чтобы его могли найти в любое время и в любом месте,— все-таки связь с другими членами группы риска должна быть включенной постоянно,— нацепил на ухо усик персональной рации, снабженной радиомаяком: поисковые спутники-автоматы системы СПАС были способны отыскать его практически за несколько секунд.

Домой идти не хотелось, Клим наугад ткнул иглой задатчика в карту на стенке кабины метро и вышел в незнакомом помещении с низким потолком и светящимся по всей массе полом. С удивлением

прислушался к своим ощущениям: сила тяжести в помещении была меньше земной раза в три.

Луна? Не похоже, там гравитация еще слабей. Марс? Венера? И почему другая планета? Я же точно помню, что карта выходов была сугубо планетарной, земной. Может быть, Приземелье?

Из помещения через единственную дверь, убирающуюся по старинке в паз, Мальгин вышел в коридор с таким же низким потолком и слабо светящимся полом. Никого. Тишина... Лишь издали доносится изредка странный тихий звук, напоминающий верещание цикад. Заинтригованный «путешественник» двинулся вправо, ловя себя на желании двигаться бесшумно, поддаваясь таинственной атмосфере неведомого жилища.

Коридор поворачивал под тупым углом и был абсолютно пуст, если не считать контуров двух дверей со светящимися на них римскими цифрами I и II. Следующий поворот был копией первого, и колено коридора ничем не отличалось от предыдущего. Повернув еще три раза и выйдя к двери в помещение с кабиной метро, Мальгин понял, что коридор образует замкнутый шестиугольник. В каждом его отрезке было по две двери, различавшихся только номерами от I до XII. Мальгин толкнул первую дверь — безрезультатно, не реагировала она и на мысленный приказ. Пожав плечами, Мальгин собрался было вернуться к метро, но цикадный скрип заставил его пойти на звук.

Скрип доносился из-за еще одной двери — слева по ходу коридора, тогда как остальные двери находились справа, и хирург не заметил ее лишь потому, что она не имела номера и почти сливалась со стеной. Приказав ей открыться, пару раз толкнув рукой, Мальгин вдруг вспомнил Маат и сказал вслух:

— Сезам, откройся!

Дверь послушно ушла в паз, так что гость невольно вздрогнул, и открыла небольшой круглый зал с куполовидным зеркально отсвечивающим потолком, с тремя большими вогнутыми экранами на стенах и тремя старинными пультами. За каждым пультом сидели операторы в необычной черной форме с дугами наушников на головах. На появление гостя никто не обратил никакого внимания,они были заняты работой и переговорами друг с другом. На экранах мерцали горсти цветных искр и огней, на каждом внизу мелькали красные и зеленые цифры и по черному их фону плавали светящиеся кресты визирных меток. На экране слева одна из меток остановилась на крупном белом огоньке, тотчас же раздался басовитый гудок, и оператор за пультом пробежал пальцами по сенсорной клавиатуре пульта.

— Сорок третий, есть захват!

— Ответа нет,— отозвался второй оператор.— Три секунды до зоны поражения.

— Пуск!

По экрану снизу вверх ширкнуло световой полосой, на месте огонька расплылось облачко света и растаяло.

— Сорок третий, есть поражение! Контроль МБР. Квадрат пуст. Цели на подходе, минута сорок...

— Вижу крупный объект в зоне «А»,— вторил переговаривающимся за первым пультом оператор соседнего.— Скорость три единицы, вектор Шамбуадор — Крокс, масса двенадцать сто...

— Захват!

— Машина отрабатывает четные цели,— говорил за последним пультом плотный здоровяк в комбинезоне с красивыми нашивками и эмблемами.— Отработка очередями, повтор по оценке вероятности с учетом мощности импульсов. Перенос огня на зоны «Б» и «Д»...

Ошеломленный Мальгин молча смотрел, как на экранах разворачивается настоящее сражение: все больше и больше искр и огоньков, представляющих собой реально летящие в космосе объекты, взрывались и таяли после бесшумных лазерных вспышек, а когда в прицельные визирные кресты перестали попадать плывущие световые черточки и темп стрельбы замедлился, Мальгин очнулся и смело подошел к центральному пульту, пройдя сквозь фигуру оператора. Оглядел пульт и тронул черную пластину сенсора с цифрой «ноль». Световая беготня по экранам и пультам прекратилась, операторы в креслах замерли.

— Отбой принял,— раздался с пульта вежливый голос.— Слушаю.

— Кто ты?

— Экскурсионный програ́ммат̀ор Цербер.

— Это что за станция?

— Боевая лазерная база «Эвриван» для уничтожения спутников и межконтинентальных баллистических ракет, запущена в две тысячи тринадцатом году, законсервирована в две тысячи сорок пятом году, отреставрирована и превращена в экскурсионный объект в две тысячи сто двадцать девятом.

— Ну и зачем?

Компьютер-инк, отвечающий за воссоздание иллюзии боевых действий и работы базы, помолчав, сказал:

— Вы не первый задаете этот вопрос, но в моих программах нет ответа. Могу предложить подслушанную у экскурсантов реплику: база превращена в экскурсионный объект для напоминания об ошибках прошлого. Своего мнения не имею.

— И на том спасибо,— пробормотал Мальгин.— И часто у тебя бывают гости?

— Сначала были часто, теперь редко. Последняя экскурсия была двести двенадцать дней назад.

— Что ж, бывай... не скучай, если больше никто не придет.

Мальгин невольно пожалел компьютер, обреченный на одиночество, и пока шагал к метро, спрашивал себя — чего ему не хватает самому? И уже входя в кабину, понял: общения. По сути он был сейчас так же одинок, как и компьютер-сторож древней военной ракетно-лазерной базы.

Вышел он скорей всего где-то в Европе: город был незнаком с первого взгляда, но по архитектуре зданий можно было примерно определить регион. «Швейцария,— подумал Мальгин,— или Австрия. Послушаем, на каком языке здесь говорят».

Он вышел на площадь перед метро и двинулся в глубь древнего парка по одной из светящихся изнутри янтаритовых дорожек, прислушиваясь к говору идущих навстречу или обгонявших его людей.

Вечер на долготе этого места только начинался: солнце зашло, но было еще довольно светло. Часов восемь с минутами, прикинул Мальгин и посмотрел на браслет видео: цифры высветили время Брянска — десять часов двадцать минут. Разница в два часа, значит, это не Австрия и не Швейцария, вероятнее всего, Нидерланды.

Однако по языку прохожих точно определиться не удалось: говорили кругом и на немецком, и на французском, и на английском, и на русском языках. Больше всего на русском и на английском, с акцентом и без, но удивляться не приходилось: русский и английский языки стали основой единого земного разговорного языка, впитав богатство национальных оттенков всех остальных языков мира, хотя и они, конечно, не потеряли своего значения.

Мальгин набрел на пруд, задумчиво направился вдоль берега, вглядываясь в прозрачную водную толщу, а за дубовой рощей обнаружил изумительной красоты веранду, нависающую над водой. Высоко над крышей вспыхивало и гасло название ресторана на английском языке: «Король Георг». Не раздумывая, повернул к летнему ресторану и сел за один из столиков прямо у обреза веранды; людей было много, но в большинстве своем сидели парами, лишь две или три компании вмещали по семь-восемь человек.

— Слушаю вас,— раздалось над ухом по-русски. Говорили свободно, без акцента.

Мальгин оглянулся. Рядом стоял с вежливой полуулыбкой на губах красивый молодой человек, одетый по моде «галант». Он мог быть и фантомом, видеопризраком официанта, формируемым сервисной киб-системой ресторана, но смахивал на живого.

— А если я не говорю по-русски? — сухо спросил Мальгин на испанском.

— Я буду говорить на вашем языке,— с улыбкой сказал по-испански официант.

— Полиглот?

— Да, сеньор. Я знаю сто сорок шесть языков.

— Фантомат,— с некоторым разочарованием протянул Мальгин.— К чему тогда эта форма? Ведь вы можете выполнить заказ без всяких эффектов.

— Традиция, сеньор.

— Я русский. Принесите что-нибудь, соответствующее моему настроению.

— Сей секунд!

Мальгин усмехнулся последней фразе и, поставив локти на стол, утвердил подбородок на сплетенные пальцы. Мозг лениво перебирал обрывки видений, давних разговоров с друзьями, с Купавой, проблемы, с которыми он сталкивался в институте, но ни одна из мыслей не задевала чувственных центров, эмоции притупились, отступили в глубь души, словно под влиянием наркотика. Мальгин грезил... хотя никогда не поверил бы, скажи ему кто-нибудь, что он способен на такое.

Киб-официант принес высокий бокал с изумрудным напитком и тарелку с коричневыми хрустящими шариками. Подождал реакции посетителя, не дождался, исчез, а Мальгин сидел в этом странном состоянии еще несколько минут, пока кто-то рядом не спросил:

— Разрешите присесть?

Он медленно повернул голову. Рядом стояла Карой Чокой, красивая, чуть улыбающаяся, одетая в летний вечерний костюм в стиле «очарованный кварк»: полуоткрытая грудь, серебристые буфы на плечах, два зеркальных обруча на талии, обнимающая бедра и переходящая в черную бахрому юбка, ажурные трансформные туфли, высота каблука которых зависит от скорости движения. Черные волосы у нее были распушены в громадный шар — прическу в стиле «афро».

— А говорят, что трансцендентальная медитация [1] — ложное понятие,— мягко проговорила женщина.

Мальгин опомнился, резко встал, сбил со стола бокал, но успел подхватить.

— Простите, ради бога! Кажется, я действительно увлекся самосозерцанием.

— И часто это с вами?

— Если честно, то первый раз. Обычно я справляюсь со своими внутренними переживаниями на ходу.

— Поэтому я и удивилась, с виду вы целеустремленный и жесткий, или, как говорили раньше, «железный» человек. Вас еще называют «человеком-да». Откуда пошло это прозвище?

— Не помню.— Мальгин очнулся окончательно.— Может быть, присядем?

— А я думала, вам так удобнее,— с легкой иронией сказала

---

[1] По представлениям психологов древности трансцендентальная медитация — четвертое состояние сознания после бодрствования, сна и сновидений.

Карой, перехватив его взгляд.— Закажите мне миндаль и сок.

Они сели, посматривая друг на друга: с просыпающимся интересом Мальгин и с лукавым вызовом в глазах женщина.

— Не ожидала встретить здесь кого-то из знакомых, а тем более вас. Любите отшельничество? Или ждете подругу?

Он подумал, хотел сказать «нет» и произнес:

— Просто сегодня я не в форме и удрал из института, чтобы побыть...

— Наедине с собой, так сказать, с умным человеком.

— Не заставляйте меня говорить «нет», я очень не люблю это слово и произношу его, лишь когда меня вынуждают. Сегодня мне захотелось вдруг побыть с кем-нибудь, кто не искал бы во мне идеала, и поговорить о чем угодно, даже о погоде.

Карой приподняла бровь.

— Оригинальное желание. Обычно мужчины все делают наоборот. Что ж, давайте говорить о погоде, хотя я больше хотела бы о нашем пациенте. Меня беспокоит масштаб изменений нервной ткани, их глобальный, всеобщий характер. Что, если количество перейдет в качество? Что произойдет? Сохранится личность Шаламова или перерождение затронет и психику? Сможет ли он контролировать свой Р-комплекс?

— Не знаю.— Преодолевая внутреннее сопротивление, он добавил: — Не думал. Даниил очень сильный в психологическом отношении человек, его весьма трудно вывести из равновесия.— Потом прямо посмотрел на собеседницу.— Извините, Карой, я сбежал из института именно потому, что не хочу сейчас думать об...

— Все! — Карой Чокой подняла ладонь.— Не буду, мастер. Видимо, я плохой психолог, иначе поняла бы вас сразу.— Она улыбнулась с оттенком вины и кокетства.— А вообще я уважаю прямых людей. Мало кто из моих знакомых способен прямо сказать мне в лицо о своем нежелании говорить на ту тему, которую избрала я. Пожалуй, кроме вас я знаю лишь еще одного человека...

— Я тоже его знаю,— кивнул Клим.— Почему вы не вместе?

— Ну вот,— с неожиданным сожалением сказала она,— как ушат воды на голову. От вас такого вопроса я не ожидала. Неужели интересно?

Мальгин смешался, быть может, впервые в жизни. Карой заметила это, улыбнулась.

— Не ищите ответа. В молодости мне больше нравились мужчины, знающие ответ на любой вопрос.

— А сейчас? Хотя едва ли вам стоит жаловаться на возраст.

— Спасибо, такие слова для меня уже начинают становиться комплиментом. Сейчас я предпочитаю живых мужчин, способных удивляться и сочувствовать, а не все знающих, все умеющих суперменов.

— Постараюсь учесть в дальнейшем, хотя мне еще далеко до супермена. Правда, у некоторых моих знакомых суперменство — это, скорее, состояние тела, а не души. Они умеют очень многое, почти все, но не потеряли способность удивляться.

— Если вы о Джу...— Карой сдвинула брови.

Мальгин тихо засмеялся.

— Меня упрекаете, и тут же сбиваетесь на личности. А Джума мне нравится, хороший парень, запросто рискующий собой во имя дела.

— Ну, это нам знакомо.— В том, как были произнесены слова, чувствовалась ирония и чуть-чуть грусть.— Риск для него — родная стихия.

— Я не договорил. Страсть к риску не главное, не может быть главным в жизни, а Джума, кстати,— думающий рисконавт. Насколько я понял, он в последнее время многое переоценил, в том числе и свой имидж.

— Вы так считаете? — На лицо Карой легла тень задумчивости.

«Красивая женщина,— подумал Мальгин с невольным сожалением.— Если бы не было Купавы... такая может зажечь и увлечь, и всю жизнь держать в постоянном напряжении... но далеко не каждый способен гореть всю жизнь. А ведь она одинока! — понял вдруг хирург.— Красивые женщины зачастую одиноки, несмотря на постоянное окружение и поклонение, а тем более женщины умные. Найти идеал для такой — проблема почти безнадежная, особенно в условиях постоянного дефицита джентльменов. Она права: суперменов среди нас — пруд пруди! Романтики без догмата превосходства — ау! Правда, если разобраться, то идеал мужчины — величина постоянная: Карой, например, судя по всему, нужен «живой» спутник жизни, который не подавлял бы ее непогрешимостью и абсолютным знанием, чтобы он стоял рядом, а иногда и спрашивал совета — как поступить в той или иной ситуации. По сути она тоже очень сильный, умный, безусловно красивый человек и имеет право на равное партнерство. Джума, кажется, понял это слишком поздно... как и я, впрочем. Купава ведь тоже не любит суперменов «без страха и упрека»...

— Что с вами? — спросила Карой, оценив его молчание, и чисто по-женски, рефлекторно поправила прическу, которая вовсе не нуждалась в подобной операции.— У меня что-нибудь не в порядке? Вы так пристально смотрели...

— Все в норме,— поспешил успокоить женщину Мальгин.— Потанцуем?

Стемнело, и пространство танцевальной площадки в центре веранды уже заиграло призрачными переливами света, превратившись в волшебный, постоянно меняющийся замок. Музыка была

слышна только в пределах этого «замка», причем психоадаптеры проецировали для каждой танцующей пары свою мелодию и ритм.

Настроение у Мальгина было таким, что танцевали они с Карой древнее замедленное танго. Женщина прижалась к нему и вздрогнула, словно ей стало холодно. Шепнула:

— Я искала вас.— Она подняла прядь волос над ухом и показала золотую каплю рации компьютерной связи.— Это было нетрудно.

— Я догадался.

— Только не делайте далеко идущих выводов, а то я разочаруюсь в вас раньше, чем наметила по плану.

Он тихо рассмеялся.

— Таких ошибок я не делаю уже давно. Впрочем, если мне не изменяет память, то и в юности со мной такого не случалось.

— Вы умный человек, мастер, и классный специалист, многого добившийся в жизни, но скажите... вы счастливы?

Мальгин молчал. Спина Карой напряглась. Клим тихонько погладил ее по плечу.

— На этот вопрос я сегодня не отвечу. Сначала надо было бы разобраться, что есть счастье. Всему свое время...

— И время всякой вещи под небом. Вы опасный человек, мастер.

— Почему? — искренне удивился Клим.

— Потому что у меня начинает кружиться голова.— Намек был весьма прозрачен, а может быть, и не намек, Карой говорила то, что думала, прекрасно зная, что он способен понять ее и по взгляду.

— Мне надо идти,— сказал он, спустя минуту.— Если хотите, я провожу вас.

— Идите, я еще немного посижу.

— Вы обиделись?

— На что? Нет, все в порядке, мастер, просто хочу побыть одна.

Мальгин на мгновение прижал женщину к себе и отвел к столику, вырвавшись из власти музыки. На выходе оглянулся: Карой сидела совершенно прямо, положив руки на стол, и смотрела на воду.

Разговор с умной женщиной сродни ловле тополиного пуха, подумал Мальгин, одно неосторожное движение — и пух улетел! Учись «ловить пух» осторожно, мастер... А я, кажется, испугался...

Он вернулся, наклонился над ее плечом, сказал мягко:

— Не сердитесь, Карой.

— Я не сержусь,— сухо ответила она, не повернув головы.— С чего вы взяли? Насколько мне помнится, вы только что торопились уйти.

Он сел рядом.

— В таком случае, выслушайте последнее брюзжание человека, стоящего на пороге зрелости. Природа вас щедро наградила: вы кра-

сивая, решительная, смелая женщина. Но когда слабый пол начинает выполнять все функции сильного — что остается мужчинам? Будьте мудрее, дайте нам — даже не право — хотя бы иллюзию уверенности в том, что решаем всегда мы. Ведь мы изначально не должны быть слабыми, и амазонки — только пример отклонения, подтверждающего правило. Хотите на всю жизнь остаться амазонкой? Тогда мы вам не нужны. А если нужны — будьте чаще женщиной, и тогда мужчины будут спорить за право уступить вам первенство. Стоит вам только захотеть. А говорю я это лишь потому, что корабль моей судьбы уже разбился однажды о твердую волю сильной женщины. Я слишком поздно понял, что всегда все знать, все уметь и решать может и киб-интеллект и что умение уступить и есть сила. Простите за длинную сентенцию, иногда я бываю невыносим. Даже себе. До завтра.

— Подождите,— быстро сказала Карой, бросив взгляд исподлобья.

Он снова присел на краешек стула.

— Она красивая?

Мальгин понял.

— Очень!

— А вы знаете, к кому она ушла? Я поняла так, что она... Кто ее... друг?

— Наш общий пациент,— сказал Мальгин после недолгого раздумья.— Даниил Шаламов.

Глаза у Карой сделались огромными и черными. Клим кивнул ей подбадривающе и пошел к выходу, не оглядываясь больше. Чувствовал он себя скверно и был недоволен собой до глухой тоскливой досады. В душе росла уверенность, что он снова что-то сделал не так.

6

Ночь Мальгин провел плохо, третью ночь подряд после свалившейся на голову беды с Шаламовым, которая перевернула жизнь и поставила его перед необходимостью выбора и выхода из скорлупы флегмы. Спал он всего часа четыре, да и то с кошмарами, не помогли ни гипносон, ни аутотренинг. Тем не менее встал, заставил тело работать физически, для чего выбрал максимальный разминочно-тренировочный комплекс тайбо, и после часовой нагрузки, холодного душа и завтрака почувствовал себя бодрее.

В институте он сразу включился в обратную связь с Гиппократом, контролирующим работу всей медицинской аппаратуры, в том числе и реанимационных камер, а через него — с остальными членами ПР-группы, но все оставалось по-прежнему: Шаламов не выходил из коматозного состояния, а процесс перерождения его

нервных тканей продолжался, хотя и значительно медленнее, чем в первое время. Никто из рисконавтов не внес никаких предложений, и Мальгин понял, что они подошли к пределу теоретических умопостроений, за которыми должно было последовать действие. Свежих данных не поступало ни от медиков, ни от кибернетиков, ни от безопасников Ромашина.

Джума Хан сообщил Климу новость о том, что ксенопсихологи и кибернетики нашли наконец ключ к расшифровке записи маатанской информации, но обещали сообщить результаты перевода только к обеду. Эта новость несколько подняла общий тонус группы, а Заремба, дежуривший в клинике вместе с Каминским и не знавший, чем занять свою деятельную натуру на время, отведенное им пациентом, тут же испросил разрешения поработать с кибернетиками. Мальгин не возражал, хотя весьма сомневался в полезности этого шага.

В девятом часу утра Клим оставил Стобецкого с Биллом-старшим в реанимационной и, ничего никому не говоря, покинул институт, вспомнив о своем обещании. С помощью волевых усилий, хотя и не без борьбы, он загнал мысли о Купаве глубоко в «подземелье» души и «закрыл дверь на замок», понимая, что не сможет работать творчески и спокойно, поддаваясь чересчур эмоциональному калейдоскопу памяти.

Центр Управления аварийно-спасательной службы располагался под Брянском, на берегу Десны, и представлял собой километровой длины здание из универсального строительного пластика, обладающего памятью формы и цвета; окна зданиям из такого материала не требовались — по желанию прозрачным мог становиться любой участок стены.

Воспользовавшись метро, Мальгин видеть этого не мог, но внешний вид здания помнил по стереофото и видеопередачам. С помощью мысленного шепота дистанционного кибер-гида, «уши» которого — пси-антенны — были вмонтированы в коридоры и кабинеты, Мальгин быстро отыскал отдел, в котором работал Шаламов до аварии, и выплыл из лифта прямо у кабинета Жостова.

Начальник службы курьерских спасательных линий не удивился приходу хирурга, только мельком посмотрел на цифры времени, горящие в толще стола, но Клим и не собирался задерживать этого занятого сурового человека, от способности которого мгновенно анализировать ситуацию зависела четкость работы курьеров.

— Я не надолго,— сказал Мальгин, не садясь в предложенное кресло.— Всего один вопрос, если не возражаете: где я могу найти Висенте Оросо и Марселя Гзаронваля?

Жостов и на сей раз не выказал удивления, привычка сдерживаться у него, как и у Мальгина, вошла, очевидно, в плоть и кровь, формируя характер.

— Ничего нет проще,— ответил начальник курьеров; в голосе его проскальзывали носовые дифтонги.— Висенте сейчас «драйвер-секунда», а мсье Гзаронваль развлекается в «Аду-2».

— Спасибо,— поклонился Мальгин.— Извините, не буду вам мешать. Желаю здоровья и удач.

Жостов не ожидал подобной оперативности от посетителя, собираясь объяснить, где находятся названные спасатели, нормальным человеческим языком, но, посмотрев на Мальгина, понял, что тот не нуждается в объяснениях, и спросил:

— Как Даниил?

— Без изменений,— ответил Мальгин.

— Звоните, если понадоблюсь.

— Непременно.

И они разошлись, довольные лаконизмом друг друга и общей точкой зрения на манеру делового разговора.

«Драйвер-секунда» на арго спасателей означало, что Висенте Оросо готовился к глубокому интергалактическому рейду вторым номером курьерской линии. Кто был «прима»— первым пилотом — Мальгина не интересовало, поэтому, найдя спасателя на базе погранслужбы «Нептун-41», он отвел того в сторону, отметив его внешнюю заторможенность и даже сонливость и лень, вполне, кстати, могущую оказаться обманчивой, и спросил напрямик:

— Сеньор Оросо, когда вы виделись с сеньорой Купавой, подругой Дана Шаламова, в последний раз?

Висенте — девяносто килограммов мышц и сухожилий без единой унции жира — равнодушно оглядел Мальгина и вдруг преобразился в готового к любому приему мастера тайбо. Длилось это превращение всего одно мгновение, но Клим понял, что не ошибся в выводах относительно внешности Оросо: парень был что называется т р е н и р о в а н на демонстрацию ленивого увальня.

Таким место среди безопасников, подумал Мальгин хладнокровно. Хотя вполне может быть, что он работает и там.

— Вы Клим Мальгин,— сказал, растягивая слова, Оросо, прячась за свою обычную броню «шалтая-болтая».— Дан говорил, что вы друзья. С Купавой я в последний раз виделся перед кенгуру Дана, больше двух недель назад. С Даном все то же?

Он был неглуп, этот бывший «секунда» Шаламова, и не стал спрашивать, зачем хирургу знать подробности своих встреч с женой пилота.

— Все то же,— ответил Мальгин и вскинул вверх кольцо из пальцев.— Удачи вам.

Что такое «кенгуру», Клим уточнять не стал, на жаргоне пограничников «кенгуру» означало — спасательный рейд за пределы Солнечной системы.

«Ад-2» на том же жаргоне был известен как «полигон внезап-

но возникшей угрозы формулы два», и предназначен он был для тренировки и выработки навыков действий в нештатных ситуациях у работников спасательной и пограничной служб. Существовал еще полигон «Ад-1» — для стажеров и «Ад-3»— для командиров групп отдела безопасности, спортсменов высокого класса, обладающих большим «количеством здоровья»— то есть резервом адаптации. Допускались на «Ад-3» только абсолютно здоровые люди, и если полигоны первый и второй предназначались практически лишь для выявления профессиональной пригодности, то прогон третьего был всегда доброволен, и прошедший его полную программу считался мастером-экстра. Шаламов когда-то прошел его вместе с Мальгиным за четырнадцать с половиной часов.

Полигон «Ад-2» располагался в пустыне Такла-Макан и занимал территорию площадью в две тысячи квадратных километров. Сверху он ничем не выделялся на фоне гористо-пустынного ландшафта остальной части Такла-Макан, однако его границы невозможно было пересечь незаметно: по всему стовосьмидесятикилометровому периметру несли службу зоркие автоматы, включающие сигналы предупреждения или системы гипноиндукционного отпугивания,— если непрошеные гости перли на территорию полигона, не вняв предупреждению и уверовав в свою безнаказанность.

Обычно во время запусков программ над полигоном на безопасных высотах зависали сотни аппаратов: куттеров, пинассов, самодельных вертопланов и нефов, пилотируемых юными любителями острых ощущений, в массе своей школьниками, вооруженными мощной оптикой; зрелище действительно было весьма своеобразным и неординарным, все-таки программы разрабатывались в основном специалистами погранслужбы и Института внеземных Культур, моделирующими либо дальний космос, либо реализацию миров, возможных только теоретически.

Выйдя из метро на административной площади полигона и заметив высоко над горами облако разноцветных бликов,— зрителей хватало и на этот раз,— Мальгин спустился под землю в зал управления и контроля. К своему удивлению, Гзаронваля он обнаружил не на трассе, а среди зрителей: человек семь в форме испытателей, среди них и курьер-спасатель, следили за происходящим на полигоне с помощью виомов монитора контроля, отпуская по поводу участников иронические замечания и шутки. Взрывы смеха сопровождали каждое такое замечание, и особенно громко смеялись зрители, когда шутил высокий широкоплечий молодой человек с густой шапкой вьющихся седых волос и невозмутимым лицом. Он был весьма эффектен, форма спасателя сидела на нем, как вторая кожа, а в ухе был закреплен не стандартный усик приемника рации, а оригинальная серьга с камнем — источником «мурлыкающего» света.

Мальгин бегло оглядел компанию (юнцы, лет по восемнадцать—двадцать, то ли стажеры, то ли новоиспеченные спасатели-линейщики, впервые попавшие на полигон и пытавшиеся скрыть «мандраж» за бравадой и смехом) и спросил, где можно найти Марселя Гзаронваля. Черноволосый юноша с добродушной складкой губ, единственный из всех, кто не спешил смеяться на шутки, кивнул на седоголового крепыша. Тот внимательно посмотрел на подошедшего хирурга, в углах губ его таилась усмешка, но лицо было холодно-спокойным, по-мужски твердым и хорошо вылепленным, с тяжелым подбородком и черными масляными глазами, в которых Клим неожиданно заметил скуку и равнодушие. Портил это лицо только длинноватый, хищно загнутый нос, придающий ему неприятное выражение.

— А зачем он вам понадобился? — спросил седой о себе в третьем лице.— Медиков заинтересовало его здоровье?

Мальгин был одет в обычный рабочий костюм: светло-голубой блузон с короткими рукавами, серые брюки «хокку», кросстуфли, ничего сугубо «медицинского», но Гзаронваль почему-то угадал в нем врача.

— У меня к вам небольшой личный разговор.— Мальгин пропустил вопрос спасателя мимо ушей.— Не будете ли вы так добры выслушать меня наедине?

Компания перестала следить за событиями в виомах и притихла.

— Не имею желания,— с прорвавшейся насмешкой ответил Гзаронваль.— Есть разговор — валяйте, нет...— Жест спасателя был красноречив.

Мальгин, не ожидавший подобной реакции от незнакомого человека, растерялся на мгновение, но соревноваться в невозмутимости и сдержанности с кем бы то ни было ему было не привыкать. Он меня знает, понял хирург. От Купавы или от Дана... и, кажется, я вычислил «доброжелателя» Купавы. Непонятно только, почему он столь неучтив. Воспитание с детства? Или считает, что отвергнутый муж не заслуживает другого обращения?

— Вы, очевидно, не поняли, разговор личный,— произнес Мальгин,— прошу извинить.

Видимо, Гзаронваль посчитал сдержанность хирурга за слабость, потому что оскорбительная насмешливость его перешла в грубость.

— У меня нет секретов от друзей. Или говорите здесь, или ступайте по своим делам.

Скрытый характер неожиданного поединка почувствовали и члены компании. Один из них, круглолицый, вихрастый, с румянцем во всю щеку, смущенно посмотрел на гостя и обратился к спасателю:

— Ты что, Марс, словно после провала на полигоне? Человек

хочет с тобой поговорить, тем более он медик, ты сам сказал.

— Весь вопрос в том — хочу ли я с ним говорить?

Остальные испытатели зашумели. Ребята не привыкли к таким поворотам беседы.

Мальгин подавил закипающий в душе гнев.

— Жаль. Я не хотел бы говорить с вами при посторонних, но теперь придется. Вы уже дважды нарушили этикет службы, сообщив Купаве то, что она должна была узнать гораздо позже и не от вас. Я не знаю, какой целью вы руководствовались, но во всяком случае благородством здесь не пахнет. Предупреждаю: еще раз подобное повторится...

— Ну и что будет? — Гзаронваль выпрямился с пренебрежительной улыбкой на губах, поиграл бицепсами.— Вы меня поставите в угол? Не дадите мороженого? Сообщите родителям? Указать вам на дверь, как указала когда-то она?

Мальгин шагнул к спасателю, почувствовав, как тот сразу напружинился и посерьезнел.

— Высокомерный малодушный щенок,— тихо сказал Клим.— Я пришел вежливо и открыто, собираясь услышать такой же вежливый и открытый ответ, но услышал голос заурядного пошляка. Хайям говорил, что, общаясь с дураком, не оберешься срама, поэтому общаться не буду, но предупреждаю в первый и последний раз: стоит Купаве узнать еще что-нибудь, способное повредить ей в том положении, в каком она находится, я вышвырну тебя из службы! Надеюсь, Купава успела тебе сообщить, что меня недаром называют «человеком-да». Я сделаю, что сказал.

Мальгин круто повернулся, чтобы уйти, и услышал возню за спиной и сдавленный голос:

— За щенка я еще с тобой разделаюсь!..

Оглянулся.

Двое, в том числе и краснеющий парнишка с вихрами, держали Гзаронваля за руки, хотя он явно не собирался драться, просто играл на публику. «Публика», не понявшая причины ссоры, роптала. Мальгин кивнул, отвечая своим мыслям.

— А вот насчёт «разделаюсь»— не советую. Впрочем, если у вас чешутся кулаки, согласен в параллели пройти полигон: кто пройдет последним — тот и неправ.

Гзаронваль, не раз испытавший на себе программы второго «Ада», с недоверием и неприязнью посмотрел на говорившего, покосился на виомы, отражавшие события на полигоне. Мальгин тоже посмотрел в ту сторону, покачал головой:

— Нет-нет, не здесь, это было бы слишком просто,— на третьем, если вас допустят. И не сегодня. Захотите — найдете меня послезавтра, когда я закончу одну работу... не суть важно, какую. И не забудьте, что я говорил.

Гзаронваль снова сжал кулаки, но Клим уже шел к выходу из зала, прислушиваясь к приглушенному шепоту за спиной:

— Он сказал — на третьем? Я не ослышался?

— Это «Ад-3», полигон безопасников...

— Кажется, он где-то на Камчатке?

— Не кажется, а точно. Суровая школа, я тебе скажу!

— Едва ли их туда пустят...

— А кто он такой, этот парень?

— Это друг Дана Шаламова, знаменитый нейрохирург, я его узнал, Дан как-то говорил, что он с ним проходил третий. Зря ты, Марс, с ним так. Какая муха тебя укусила?..

Улыбнувшись в душе на «знаменитый нейрохирург», внезапно успокоившийся Мальгин вышел из центра управления полигоном, посмотрел на тучу аппаратов над облаками и зашагал к метро. Через двадцать минут он был в институте.

* * *

Таланов, хмур и неразговорчив, копался в каких-то бумагах, называемых так по-старинке: «бумаги» были листками сверхпрочного пластпапира, не сгорающего даже при температуре плавления вольфрама.

— Отлучаешься, так хоть говори — куда, если не берешь с собой рацию. Нас на одиннадцать ноль-ноль вызывают в отдел безопасности УАСС.

— Зачем? — вяло удивился Мальгин, потом подобрался.— Кибернетики? Сделали перевод?

— Нет, нас ждет Ромашин.

Мальгин расслабился.

— Я-то думал... не пойду, иди один.

— Неудобно, просили прийти обоих, хотя и мне непонятно, зачем мы им понадобились.

— Значит, узнали что-то о Маате... или о «черном человеке», крестнике Даниила. Но с другой стороны, могли бы об этом сообщить по видео.

— Гадать положено на кофейной гуще. Поехали, времени в обрез. Кого возьмешь в ПР-группу вместо Хана?

— Зарембу, наверное. Хотя могу и тебя.

Таланов сделал неопределенный жест, словно сомневался в правильности решения хирурга, аккуратно подровнял стопку голубоватых листков, вставая, постучал по ним пальцем:

— Есть кое-какие любопытные данные по информационным шокам, придем обратно — почитаешь. Этим данным лет двести.

По дороге к метро зашли к Стобецкому. Все члены операцион-

ной бригады были уже здесь. Карой выглядела, как и всегда, уверенной в себе и подчеркнуто спокойной, однако на взгляд Мальгина ответила виноватой морщинкой над переносицей. Внимательный Джума заметил их короткую дуэль взглядов, но не прореагировал никак.

Заремба с эмканом на голове о чем-то спорил со Стобецким, не замечая вошедших. Он по собственной воле снова дежурил у пульта реанимакамеры ночью и тем не менее был свеж и деятелен.

— Клим, скажи ему,— обратился он за помощью к Мальгину, когда тот поздоровался.— Пси-балет сейчас моден, как ни одно из направлений модерн-культуры, во всяком случае сенсмути и саундай [1] до него далеко, как по психоэмоциональному насыщению, так и по силе восприятия. Спорит, а не назвал ни одной конкретной вещи. А «Балладу о вересковом меде» видели?

Мальгин не признавал ценность так называемых элитарных видов искусства, восприятие которых требует специальных познаний и навыков, поэтому он промолчал, хотя «Балладу» в свое время смотрел. Вместе с Купавой.

Перебросившись парой фраз с Каминским и Стобецким — разговаривать, собственно, было не о чем, постоянная компьютерная связь позволяла обходиться минимумом слов, распространяя известия практически мгновенно и всем сразу,— директор института и заведующий отделением нейропроблем проследовали к метро и в одиннадцать ровно вошли в кабинет Ромашина.

Начальник отдела безопасности был не один, в его кабинете медиков ждали еще двое незнакомцев в стандартных кокосах: полусонный на вид толстяк и худощавый брюнет с орлиным носом и щеточкой усов.

— Садитесь, пожалуйста.— Ромашин перевел свой стол-пульт в режим автоответа и по очереди посмотрел на приглашенных.— Вы люди опытные, битые, как говорят, и нет смысла подготавливать вас к тому, что сейчас услышите. Разговор пойдет о вашем пациенте Шаламове, ради которого наша служба пошла на некоторые неординарные меры.

— Минуту, один вопрос,— поднял руку Мальгин.— Вы говорили, что после нашего возвращения с Маата начнется контакт с «черными людьми», подготовленный специалистами ИВКа. Как обстоят дела с этим в настоящее время?

Хозяева кабинета переглянулись.

— Никак,— ответил ровным голосом Ромашин.— Все попытки привлечь внимание маатан не привели к успеху. Девять наших зондов-автоматов выявлены маатанами и уничтожены, была попыт-

---

[1] «Сенсмуть» (разг.) — «осязание музыки», от англ. sense of touch music; саундай — от англ. sound (звук.) и eye (глаз) — наблюдение за звуками.

ка атаковать станцию «Эдип-2» с дружиной комиссии по контактам. Даже после нашего с вами вояжа на Маат «черные люди» реагируют на вид хомо сапиенс по-прежнему, то есть не признают в нас равных себе партнеров. И слушать не хотят, и видеть не желают. Ксенопсихологам предстоит еще многое узнать, чтобы найти подход к этим странным существам. Кстати, диапазоны частот компактификации своих космических линий они все-таки сдвинули, катастроф, подобной той, что произошла с «Кентавром», больше не предвидится, но это единственный штрих прогресса в наших отношениях. Что вы еще хотели бы узнать, прежде чем мы вернемся к теме разговора?

— Что с тем «черным», которого спас Шаламов?

Ромашин помолчал, глядя на свои сплетенные пальцы.

— Он находится в том же учреждении, где был и раньше. Мы по незнанию назвали учреждение клиникой, но по новым косвенным данным это, скорее...— Ромашин поднял ставший на мгновение колючим взгляд,— тюрьма.

Мальгин сжал зубы так, что они заныли.

— Можно было бы догадаться об этом и раньше... и хотя бы перенести его куда-нибудь, в другое место, что ли...

Усатый брюнет хмыкнул.

— Какой смысл? Все не так просто, как вы себе представляете. В отношениях «черных людей» между собой столько непонятных нюансов, что распутывать их можно сто лет. Это самобытная интереснейшая цивилизация негуманоидов, не имеющая себе аналогов в Галактике. Даже цивилизация Орилоуха ближе нам по духу, чем Маат... хотя нет, пожалуй, это я переборщил. А то учреждение, о котором шла речь, тюрьмой, в общем-то, назвать трудно, вернее, только тюрьмой. Это и клиника, и технико-информационный центр, и пинакотека, и нечто вроде отделения вивисекции, и энергоцентр, и собственно тюрьма с первоклассным — по-маатански, конечно,— «кабинетом пыток». Учтите, я ничего не утверждаю, это пока предположения.

— Да, таковы реалии,— тихо сказал Ромашин, не сводя внимательных глаз с Мальгина.— Но вернемся к существу вопроса. Вам ни о чем не говорят такие факты? Первый: ваш пациент, находясь в состоянии комы, неизвестно каким образом научился эффективно влиять на синтез и выделение энкефалинов, то есть освоил приемы волевого обезболивания. Второй: его КЗ [1] достигло восьмисот! Не десять—двадцать, как у нормальных людей, и даже не двести—триста, как у специально тренированного спортсмена, а восемьсот! Что вы об этом думаете?

---

[1] КЗ — «количество здоровья», термин, обозначающий резервы организма, измеряется в литрах воздуха, прокачиваемых человеком в минуту через легкие.

Мальгин вспомнил слова Карой о «переходе количества в качество», и холодок пробежал у него вдоль позвоночника.

— Что вы хотите сказать?— спросил Таланов неприятным голосом.— Я не люблю тонких намеков.

— Хорошо, давайте говорить открыто. Случай с Шаламовым беспрецедентен, и наша служба не могла им не заинтересоваться. Конечно, Даниил Шаламов и в прежней жизни не был суперменом, хотя кое-какие задатки сильной личности у него были. Но сейчас он... нечеловек.

— Чушь! — сердито бросил Таланов.— Извините. Он человек, хотя и с гипертрофированной нервной системой. Обратных доказательств у вас нет.

— Надо уметь смотреть правде в глаза,— скрипучим голосом проговорил молчавший до сих пор толстяк.— Он биоморф, монстр, химера с открытым «синдромом ЧЧ», процесс перерождения его нервной системы зашел так глубоко, что не мог не затронуть личность, интеллект. В его мозгу родились такие сложные психические структуры...

Ромашин приподнял ладонь, толстяк замолчал.

— Простите, я вас не представил. Эфаналитик Делашвили.

Усатый брюнет приподнялся и снова сел.

— Ксенобиолог Тернье.

Толстяк кивнул.

— Да, мы склонны полагать,— продолжал Ромашин,— что дела обстоят именно таким образом. По имеющейся информации эфаналитики отдела просчитали прогнозы так называемых «фаз хозяина» у Шаламова и пришли к выводу, что в случае полного контроля над собой он...— Ромашин впервые нахмурился,— может быть опасен!

В кабинете установилась тишина.

— Для кого?— спросил Мальгин, давно понявший, к чему клонят безопасники.— Для кого он может быть опасен?

— Для всех,— ответил толстяк Тернье.— Для людей вообще. Поведение маатан нельзя назвать агрессивным ад инфинитум, но оно не предсказуемо нашей, человеческой логикой, а Шаламов — и вы это прекрасно понимаете,— наполовину уже маатанин.

Таланов резко встал, он был бледен.

— Во-первых, Шаламов, к сожалению, почти мертв и нет никаких оснований утверждать обратное. Во-вторых, я не верю, что он наполовину нечеловек, доказательств этому утверждению нет, а усложнение нейроструктур — еще не доказательство. В-третьих, опасным для людей может быть только маниакально-депрессивный больной, не способный контролировать искаженное сознание, а Шаламов контролирует. И в-четвертых, мы уверены, что сможем прооперировать его и вернуть к нормальной жизни.

Ромашин встал тоже, за ним все остальные.

— Что ж, хорошо, если так. Мы хотели бы надеяться на это, на благополучный исход. Однако все же следует помнить, что вы отвечаете за все неучтенные последствия. Желаю успеха.

Таланов молча повернулся и пошел к двери, прямой и угрюмый. Мальгин, чувствуя себя так, словно его обвинили в профессиональной несостоятельности, поплелся следом. Трое безопасников смотрели на них до тех пор, пока не закрылась дверь.

— Ты был великолепен,— пробормотал Клим, когда они шли уже по коридорам института.— Единственный твой прокол — в нашей общей уверенности, что мы сможем вернуть Шаламова в норму. Операция — не гарантия...

— Да знаю! — с досадой махнул рукой Таланов.— Я просто растерялся. К тому же твой Ромашин прав. Иди к Готарду, я сейчас приду, надо посовещаться. Что ты на меня так смотришь?

— Кажется, мы сами себя загнали в угол. Отвечать за здоровье пациента — одно, а за его поведение — совсем другое.

— Черт! — сказал Таланов.— Я не подумал.

— Я тоже понял это лишь сейчас,— вздохнул Клим.

* * *

Во втором часу дня пришло наконец сообщение от кибернетиков Ромашина о расшифровке записей диагностера, вытащенного Ханом и Мальгиным из преисподней маатанской «тюрьмы-клиники».

Группа риска собралась у Стобецкого, связанная информационным каналом Гиппократа, главного компьютера института. Все были возбуждены и ждали начала сообщения с нетерпением. Непосредственный Заремба не преминул блеснуть знанием маатанской компьютерной техники, но Стобецкий остановил его пространную речь репликой:

— По-моему, неправы были творцы Библии, ограничившие число смертных грехов цифрой семь, я бы добавил восьмой: болтливость.

Заремба обиделся, но, имея характер незлобивый, сердился недолго.

Мальгин, успевший проверить приведенные Ромашиным факты о некоторых гипертрофированных способностях Шаламова и отметивший еще несколько подобных фактов, почувствовал растущий страх, но в это время в голове раздался мысленный «голос» Гиппократа:

— Сосредоточьтесь, даю адаптированный перевод массива. Время сообщения — час двенадцать, при необходимости устроим перерыв.

И в мозг Мальгина «пошла» видео- и звуковая передача записи.

Уже через минуту приподнял в недоумении брови Каминский, потом Стобецкий оглянулся на Мальгина, Заремба шумно вздохнул, а Джума Хан снял с головы эмкан. Вытерпев еще несколько минут, Мальгин остановил демонстрацию перевода. Врачи молча смотрели друг на друга. То, что записал диагностер с подачи «черного человека», не было информацией о физиологии, психологии и биологии маатан, в записи речь шла о маатанской версии рождения Вселенной.

— Еже писах, писах [1],— пробормотал Джума Хан, встретившись взглядом с Мальгиным.— Ошибся наш приятель, не то записал, что мы у него просили. Плохо просили?

— Ничуть он не ошибся,— возразил Заремба.— Ваш «черный друг» был и остался выкормышем Маата и нарочно подсунул то, что не жалко. Надо же? — «Вселенную сотворили Вершители, пришедшие из Глубины Запределья»! Или вот это: «Было вечное кипение, но все пузыри связаны пуповиной единого начала, в одном из них родились «Вершители из Глубины», нашли боковой отросток пуповины и открыли дверь...» Вот ведь ерунда!

— Не так грубо, дружок,— заметил Джума Хан.— Что мы знаем о маатанах, чтобы говорить о них в уничижающем тоне?

— И откуда в тебе наравне с полезной закваской столько мусора?— пробурчал Стобецкий.— Кто тебя воспитывал?

— Гиппократ,— огрызнулся Заремба.

Таланов медленно снял эмкан, повернулся к Мальгину.

— Что будем делать, мастер?

Хирург, встретив сочувствующий, пытливый и подбадривающий взгляд Карой, очнулся и сказал твердо:

— Будем опираться на те сведения, что у нас есть. Спасибо Джуме, что он смог включить диагностер под маатанином, иначе у нас вообще ничего бы не было. Операцию начнем в семнадцать по Москве. Первая фаза: стаз криптогнозы из мозга через ЦНС на периферию — полтора часа. Вторая: локализация пораженных шоком участков и стирание криптогнозы в гипофизе, мозжечке, лобных долях — пять часов со сменой ассистентов. Третья: полная нейрохирургическая эктомия — только после анализа пропатоклизы и возрастания тонуса. Первую фазу готовит Богдан, вторую Готард, Билл и Заремба. Карой и вы, Ежи, отвечаете за манипуляционную, аппаратура в вашем ведении до конца операции. Я составляю программу Гиппократу, координация схем операции — за час до начала. Даю полчаса на личные дела и час на разгрузку. Все свободны.

Таланов кивнул и вышел первым. В дверь реанимационной попытались проникнуть сотрудники других лабораторий института,

---

[1] Что я написал, то написал (изречение, приписываемое Пилату).

но Стобецкий отразил натиск. Мальгин поспешил к себе, ответив на вопросительно-грустный взгляд Хана отрицательным жестом. Предчувствие не обмануло: в кабинете сидела Купава. Вскочила, когда он вошел. Мальгин остановился перед ней, покачиваясь с пятки на носок. Огромные глаза женщины наполнились слезами:

— Прости, я не смогла... но, Клим, мне некуда деться! У меня никого нет, кроме... него,— кивок на дверь,— и тебя... Я с ума сойду одна... ты же знаешь, сестра не хочет меня слушать, а у Дана я...

Мальгин посмотрел на браслет, отметил время, ни слова не говоря, схватил Купаву за руку и потащил за собой. Она не сопротивлялась.

Метро выбросило их в Жуковке, на родине Мальгина. На площади Ленина Клим нашел такси и через четверть часа ураганного полета к хутору отца ввел растерянную, ничего не понимающую Купаву в его дом. К счастью, Мальгин-старший был дома. Он молча перевел взгляд с сына на бывшую невестку и обратно, поклонился в ответ на лепет ее приветствия.

— Оставляю ее на твое попечение, па,— сказал Мальгин, подталкивая женщину вперед.— Заберу завтра вечером. Не выпускай ее ни под каким предлогом, иначе я не смогу работать. Надеюсь, ты будешь крут.

Губы отца тронула улыбка. Он был лыс, круглолиц, добр и неуетлив, а главное, он всегда понимал сына.

— Будь спокоен,— сказал он, пытаясь нахмурить выцветшие брови.

Купава беспомощно оглянулась, слезы снова задрожали у нее на ресницах. Язык слез и улыбок не требует перевода, но Мальгину очень захотелось, чтобы ему перевели.

— Клим!..

— Раньше ты была сильней,— сухо сказал он, обнимая ее взглядом,— единственное, что мог себе позволить, и вышел. Он знал, что отец, как никто другой, сможет успокоить ее и удержать дома. Несмотря на все происшедшее, связанное с уходом Купавы от Мальгина, отец продолжал любить ее и не потерял надежды на возвращение невестки.

7

О том, что Шаламов сбежал из института, прямо из реанимакамеры, Мальгин узнал еще в здании Жуковского метро: заговорила вдруг «чревовещательница» рации в ухе:

— Внимание всем рисконавтам ПР-группы! Пациент второй РК вышел из состояния комы, взломал саркофаг и вышел за пределы института! Всем рисконавтам принять меры к его задержанию

и успокоению. Применение обычных психолептиков противопоказано, арсенал транквилизаторов подчинен МНК Мальгину.

— Готард, Богдан! — мысленно позвал Клим.— Где Даниил сейчас?

Ни Таланов, ни Стобецкий не отозвались, вместо них снова заговорил Гиппократ:

— Связи с названными рисконавтами не имею, оба находятся вне здания института. Предлагаю...

Что предлагал инк, Мальгин уже не услышал, находя иглой задатчика точку на карте метро с координатами института. Через несколько минут он ворвался в бокс-клинику Стобецкого.

Куб второй реанимакамеры имел такой вид, будто внутри нее произошел взрыв: люк с окантовкой пневмоприсоса был вырван и погнут, верхняя крышка со сменным оборудованием съехала набок, по полу были разбросаны осколки прозрачного фторогласса, черного пластика и металлические детали креплений. Воняло в реанимационной смесью острых и горьких запахов от сгоревшей изоляции и физиогаза. Человек десять знакомых сотрудников лаборатории из соседнего отделения, одетые в блестящие зеленоватые комбинезоны — сработала аварийная сигнализация,— успокаивали плачущую Карой и галдели между собой, живо обсуждая родившуюся сенсацию.

— Чтобы вырвать дверь камеры, удар должен быть не менее пяти тонн! — говорил один.— Как это можно сделать голыми руками — не представляю!

— А внутренний фтороглассовый саркофаг? — вторил сосед.— Фторогласс с компенсирующим слоем вообще разбить невозможно!

— Всем вон! — сказал Мальгин тихо, но так, что его услышали.

Руководитель смежного отделения, бородатый, вальяжный и громогласный, посмотрел на него, открыл было рот, собираясь возразить, но повернулся к подчиненным:

— Пошли отсюда, ребята, наша помощь не потребуется, они сами разберутся.

Мальгин подождал, пока выйдет последний из добровольных утешителей и помощников, сел напротив нейрохимика.

— Где остальные?

— Ищут Ша... Шаламова,— всхлипнула зареванная Карой. Сейчас она совсем не походила на ту уверенную в себе красавицу-гордячку, имидж которой культивировала всю жизнь. Первую можно было боготворить, вторую, ставшую проще и милей,— любить.

— Кажется, мы реализовали закон Мэрфи.

Карой посмотрела на хирурга с недоумением, и Мальгин пояснил:

— По закону Мэрфи если неприятность может случиться, она случается. Как это произошло? Он же был совершенно слаб и слеп!

— Я не знаю... мы с Иваном прогоняли операционную в режиме «экспресс», как вдруг раздался грохот, люк в камеру упал... и оттуда вышел Шаламов... голый...

— Дальше.

— Он посмотрел на... Каминского, который бросился навстречу, и что-то сказал, кажется: «Не мешай, я должен успеть...»— и пошел к двери. Джума прыгнул к нему и...— Карой снова заплакала.

— Ну?— спросил Мальгин одеревеневшими губами.— Что с ним?

— Шаламов его не трогал... а может, я не заметила. Джума упал и разбил лицо...

— Где он?

— Иван повез в «скорую»... Джу без сознания. Что мне делать? Можно, я поеду к нему? Пока найдут Даниила и привезут сюда, здесь делать нечего.

— Нет,— сказал Мальгин, прикидывая, что делать дальше.— Везет же парню... то есть я хотел сказать, с Джумой ничего не случится, вы мне нужны здесь. Гиппократ, твоя версия происшедшего. Почему ты не поднял тревогу раньше?

— У пациента внезапно заработало сердце, без водителя сердечного ритма, изменился энцефалообмен, резко ускорился процесс передачи возбуждения по нервам. Я дал сигнал внимания, но пациент очнулся уже через несколько секунд и разбил саркофаг.

«Вы не боитесь, что количество перейдет в качество?»— холодея, снова вспомнил Мальгин слова Карой, и еще он вспомнил глаза Ромашина и его предупреждение. Такого поворота событий хирург не предусмотрел, хотя был обязан. Конечно, он и до сих пор не верил в то, что Шаламов вдруг станет опасен окружающим, но его неверие опиралось только на эмоции и память прошлого, не имеющие доказательной силы. Куда же ты ушел, Дан? Кем ты стал? И что собираешься делать?..

— Пациент ничего не просил передать мне лично?

— Нет,— ответил Гиппократ.— Разбив саркофаг, он сказал только одну фразу: «Нек деус интерсит».

— «Пусть бог не вмешивается»,— перевел Мальгин хрипло; посмотрел на Карой, но не увидел ее.— Соедини меня с отделом безопасности.

Через минуту над пультом общей координации развернулся вином связи, на Клима глянул прозрачноглазый внимательный начальник отдела безопасности УАСС.

— Он сбежал,— сказал Мальгин, чувствуя, как слова физически царапают горло.— Даниил Шаламов освободился от пуповины жизнеобеспечивающей автоматики и ушел из института минут двадцать назад. Куда — неизвестно.

— Мы знаем,— кивнул Ромашин.— Он побывал дома, переоделся... вернее, оделся и с метро ушел на базу погранслужбы «Златоуст». Там он захватил спейсер «Скиф» и исчез вместе с ним из поля наблюдения.

Мальгин проглотил ставшую полынно горькой слюну, бессмысленно посмотрел на издавшую восклицание Карой.

— Так быстро? За двадцать минут?! Он... ничего... никого?..

— Бортинженер и драйвер-прима спейсера, пытавшиеся ему помешать... находятся в клинике скорой помощи спас-центра. К сожалению, мы не успели, на несколько секунд, но не успели, он действовал быстрее.— Ромашин помолчал, во взгляде его не было сочувствия, но и презрения, отвращения или злости не было тоже.— Упрек вы заслужили, прежде всего упрек в утрате критического отношения к реалиям нынешних ваших отношений с Шаламовым. В какой-то степени это малодушие, вы просто не хотели думать о нем плохо, и по-человечески понять это можно. Но кроме вас двоих в орбиту ваших отношений вовлечены и другие люди, а они не должны страдать из-за... кого бы то ни было. Разберитесь со всеми обстоятельствами бегства Даниила и приходите ко мне, подумаем, что делать дальше. Часа вам хватит?

Мальгин с трудом заставил себя ответить:

— Хватит.— Торопливо добавил.— Если возможно — не допустите утечки информации. От этого...— он хотел сказать «по-страдают другие, например, жена Шаламова», но передумал.

Ромашин несколько мгновений рассматривал его лицо, словно изучая, потом, вероятно, понял:

— Постараемся. Жду вас у себя.

Виом свернулся в нить, угас. В реанимационную вернулась тишина. Мальгин обернулся. Карой смотрела на него странно, с каким-то новым, необычным для нее выражением. «Неужели ей тоже свойственна растерянность? — подумал он, словно определение состояния женщины было сейчас главным делом жизни.— Или страх? Не похоже... Скорее, надежды и ожидание чуда, и тайная уверенность, что я это чудо сотворю. Кажется, она впервые в жизни не знает, что делать!» И вдруг Мальгин с отвращением поймал себя на родившемся глубоко под слоем собственной растерянности, изумления и тревоги чувстве облегчения! Облегчения от того, что Шаламов сбежал, по-своему решив все проблемы разом, и операция таким образом откладывается... если не срывается совсем.

— Нек деус интерсит,— выговорил Мальгин тяжелые слова древней латинской поговорки.— Пусть бог не вмешивается. Интересно, кого имел в виду Дан?

— Вас, мастер,— сказала Карой.

Мальгин покачал головой.

— Я не бог, и он это знает. Бог не ошибается, как человек.

* * *

Джума Хан все еще был без сознания, находясь почти в такой же реанимационной камере, какие стояли и в боксе Стобецкого.

Движения врачей за терминалом компьютера, следящего за состоянием больного, были спокойными, а разговоры будничноделовитыми, и Карой немного успокоилась, как и Мальгин, впрочем.

— Болевой шок и кровоизлияние в мозг,— сказал им лечащий врач, соратник Джумы.— Симптомы странные, ничем не спровоцированные, но тревог особых нет, все излечимо. Такое впечатление, что он перегрузил мозг при работе с машиной в режиме «один-на-один» да еще использовал при этом запрещенные стимуляторы.

— Исключено,— возразила Карой сухо, разглядывая в виоме внутренности реанимакамеры с телом Джумы; глаза ее сухо блестели, и она снова была собранной, самоуверенной и нетерпимой к слабостям других.— Он не работал с компьютером перед тем, как потерять сознание.

— А до этого?

— Мы работали вместе, но до перегрузки не доходило. Другое дело, что вчера утром он...— Карой оглянулась на Мальгина.

Тот кивнул, повернулся к врачу:

— Разве он лечился не у вас?

— Вы имеете в виду психологический удар при подключении к инку диагностера? Да, мы работали с ним, но сегодняшний случай не имеет отношения к вчерашнему.

Мальгин встретил затуманенный взгляд женщины: она силилась что-то вспомнить, но с сожалением покачала головой.

— Мне кажется, все так и было, как я рассказывала: Джума подбежал к Шаламову и... и упал. Но Даниил его не... по-моему... нет, точно, не касался. К тому же у Джумы хороший тренинг, он бы не позволил себя...

— Я знаю,— кивнул врач, косясь на терминал.— Простите, я должен работать. Звоните вечером, думаю, он выйдет из этого состояния.— Врач отошел.

— Пошли,— проворчал Мальгин, постояв с минуту.— Все будет нормально.

Он уже просрочил время, данное ему Ромашиным, и торопился.

— Идите,— сказала Карой, не глядя на него, потом опомнилась и улыбнулась виновато.— Я подожду здесь, Клим, если не возражаете.

— Тогда встретимся в девять у Стобецкого, предстоит систематизировать все наши загадки и беды, выдать прогноз поведения Шаламова, проанализировать...— он замолчал, так как женщина его явно не слушала, и, легонько сжав ее локоть, ушел.

Разговор с Талановым занял всего две минуты, оба все понимали с полуслова и знали, что предстоит сделать каждому в отдельности и всем вместе.

— Поступили два пациента с интегральным поражением подкорки,— сообщил Таланов хмуро.

— Стобецкий справится сам, бригада у него хорошая.

— Я уже перевел на него отработку проблем, кроме той, что ты занимался до...

— Регуляция эндокриножелез? Посади на нее Зарембу, парень рвется в бой, его энергию надо направлять в нужное русло.

— Согласен. После встречи с безопасниками позвони.

— Если буду готов. До девяти не позвоню — собирай группу сам, нужен глубокий анализ с привлечением эфаналитиков.

— Ступай, не беспокойся за тылы.

Таланов был озабочен и встревожен, но не стал напоминать Мальгину об их общей ответственности за происшедшее вообще и за жизнь Шаламова в частности.

Выпив по пути два стакана ежевичного сока — пересохло горло,— Клим переместился из института, выросшего в южной Курской зоне Москвы, в Брянск, на окраине которого располагалось Управление аварийно-спасательной службы, но Ромашина в отделе не нашел.

— Он в погранслужбе,— сообщил киб-секретарь, мигая зеленым глазом внимания.

— Где именно?

— С кем имею честь?

— Клим Мальгин, нейрохирург. Институт нейропроблем.

— Он в отделе пограничных конфликтов, код лифта «сто сорок один-ю».

Клим, чувствуя сосущую пустоту под ложечкой, отыскал лифт и набрал названный код.

Здание УАСС строилось лет сто с лишним назад, но уже тогда при его строительстве были использованы прогрессивные архитектурные решения типа «плывущей структуры», «свободно организованного пространства», «модульной компоновки» и принципы трансформных преобразований, основанные на материалах с памятью формы, поэтому с течением времени облик его хоть и менялся, но инженерно-техническое обеспечение оставалось тем же, разве что совершенствовалось. Погранслужба Даль-разведки была создана позднее и сначала дислоцировалась в центре Даль-разведки в Джезказгане, но спустя двадцать лет после создания решением Высшего координационного Совета Земли была перенесена в спас-центр, из-за чего здание УАСС, и без того занесенное в книгу рекордов Гиннеса, как самое большое и сложное, выросло в длину еще на полкилометра. Однако благодаря пронзающим лифтам со сменой

координат выхода попасть из одного конца здания в другой можно было всего за несколько минут. Путешествие Мальгина, например, длилось две минуты сорок секунд. Лифт выбросил его прямо у двери сектора погранслужбы, занимающегося разного рода конфликтными ситуациями на переднем крае космических исследований человечества.

Дверь открылась сама, едва Мальгин к ней приблизился, видимо, инки сектора были предупреждены о допуске нейрохирурга к секретам погранслужбы. За дверью шумел сосновый лес, созданный иллюзией видеопласта, сквозь лапы елей и сосен проглядывало солнце. По «песчаным дорожкам» коридора изредка сновали люди, по большей части одетые в кокосы с эмблемами погранслужбы на рукавах: сине-белый полосатый ромбик с золотыми звездочками. Мальгин двинулся по дорожке вглубь коридора и буквально наткнулся на Ромашина, вывернувшегося навстречу из-за пушистой японской сосны.

— Идемте,— кивнул начальник отдела безопасности, не удивившись. Следом за ним вышли из незаметной двери двое мужчин: плечистый здоровяк с крупным мясистым лицом и тонкий, стройный, как юноша, но с гривой седых волос (интересно, свои такие или краска?), начальник сектора Милослав Торопов.

Молча сели в лифт, перенесший их в зал метро, подождали, пока освободится кабина. Вышли где-то в недрах базы погранслужбы, как определил Мальгин. Короткий коридор вывел молчаливую группу к двери со светящейся надписью «ППП». Первым вошел Торопов, Ромашин пропустил Клима вперед и вошел последним.

Открывшееся помещение было весьма своеобразным, с конформной организацией технопространства: три стены собственно стенами назвать было нельзя, они представляли собой оконечные устройства линий доставки с меняющейся геометрией бункеров, третья стена служила терминалом контроля и связи, а потолок мог пропустить через себя крупногабаритный модуль или патрульный шлюп.

Торопов, обойдя в центре зала манипуляторы и груду контейнеров, возле которых работали трое парней в одинаковых черных комбинезонах, подвел прибывших к единственному пульту, ежесекундно меняющему узор индикаторов. Над пультом склонились два оператора. Один из них, кряжистый, белобрысый, со светлой бородкой и усами, с родинкой на щеке, оглянулся, и Мальгин узнал Александра Шевчука, руководителя группы безопасников в Горловине. Второй продолжал работать с эмканом на голове, не обращая ни на кого внимания.

— Все посты предупреждены,— сказал Шевчук, кивком поздоровавшись с Мальгиным.— В намеченных финиш-зонах задействован императив «Чеширский кот» и включен «спрут», но пока все тихо.

— Поймать «след» старта не удалось,— отрывисто добавил второй оператор.

— Этого и следовало ожидать,— сказал седой Торопов.— К сожалению,— приходится повторять это слово снова и снова,— «Скиф» — спейсер высшего класса и ходит без «шипения», а управлять им может любой мало-мальски подготовленный человек. Да и Шаламов — не «любой», а драйвер-прима, специалист высокой квалификации.

— Почему его, то есть «Скифа», спейс-управление не было заблокировано?— спросил Ромашин.— У вас что, не соблюдается стандартный «срам»[1]?

— «Скиф» стоял на приколе второй месяц и готовился к рейду на границу в Гиппархе,— нехотя ответил Торопов.— Блокировку сняли буквально перед похищением, хотя странно, почему инк спейсера послушался чужого приказа.

— Это не оправдание.

— Я и не оправдываюсь, удивление мое вовсе не риторическое, вы же знаете, обычно инки работают только со своими пилотами, и этот психологический порог переступить нелегко. Но к делу, коллеги.

Ромашин повернулся к Мальгину.

— Пора прояснить ситуацию. Поскольку лучше всех Шаламова знаете вы и отвечаете за его поведение тоже вы, участие ваше в его поиске не только желательно, но и обязательно. Возражения?

— Нет.

Торопов, одним ухом прислушивающийся к разговору, усмехнулся, окидывая взглядом Мальгина:

— По всему видно, он не знаком с законом Биллингса: половина трудностей происходит от того, что мы слишком быстро говорим «да» и недостаточно быстро «нет».

Мальгин с каменным лицом промолчал, подумав с удивлением: кажется, этот пограничник за минуту нашел во мне то, что я пытаюсь найти несколько лет. Не от того ли мои беды, что я всегда говорю «да»?

Ромашин с любопытством посмотрел на него, кивнул:

— Умение выбирать между «да» и «нет»— великое искусство. Итак, с этого момента вы участник операции. Всю свою работу перегрузите на заместителей.

— Уже. Но я хотел собрать группу для анализа реакции Шаламова и предшествующего его состояния, это поможет нам в прогнозе его поведения.

— Таланов справится без вас?

---

[1] «Срам»— пункт инструкции УАСС, аббревиатура слов: сведение риска к абсолютному минимуму.

— Безусловно.

— В таком случае мы свяжемся с ним и все объясним. Эфаналитики нашего отдела определили вероятные выходы Шаламова: Горловина, Маат, Орилоух. Ваше мнение?

— Почему Орилоух?— пожал плечами Мальгин.— Что ему там делать?

— Вероятность похода к Орилоуху мала, но она есть. Маатане каким-то образом связаны с орилоунами, хотя обменом информацией эту связь назвать нельзя, но дело в том, что в экипаже маатанского корабля, командира которого спас Даниил, были два орилоуна.

— Откуда это известно?

— Вспомните наш поход в Горловину. Эксперты успели осмотреть «проникатель» и обнаружили отдельную «каюту», в которой и находились орилоуны. Сразу, конечно, мы не смогли определиться, и открытие сделали только при анализе полученного фактажа.

Мальгин задумался: его не торопили.

— Но если я правильно понимаю спейс-навигацию, чтобы попасть в нужное место, инк спейсера должен з н а т ь маршрут и координаты выхода к Маату... или к Орилоуху, в противном случае придется идти вслепую. Нет?

Безопасники и пограничники переглянулись.

— Мысль верная,— хмуро сказал Торопов,— но Шаламов тоже знал это обстоятельство. Он проверил карту маршрутов сразу же, как только попал в рубку, определил, что «Скиф»— непривязанный спейсер, и... рискнул остаться в Системе для пополнения информационных запасов.

— Картина, вообще говоря, получается неприглядная,— сказал Ромашин.— Шаламов все время опережал нас на минуты, а иногда буквально на секунды, опережал прежде всего в оценке событий и выборе оптимального решения. И это говорит о том, что его возможности намного превышают возможности нормального человека, ведь против него работал весь интеллект-потенциал отдела и погранслужбы с мощным кабинетом эфанализа. Он перевел спейсер в режим «инкогнито», не уходя с базы, подключился к компьютерной сети, соединяющей банки данных погранслужбы и, пока мы искали его по Системе, выкачал необходимую информацию, в том числе и маршрутные данные погранкораблей и галактические координаты дальних погранпостов и маяков. И ушел. Куда — приходится только гадать. Уверен, его бегство не было бессмысленным, да и актом протеста против лечения оно быть не может. Космос велик, но искать беглеца стоит только в районах, которые могут представлять для него интерес.

— Скорее всего, он пойдет к Маату,— сказал Мальгин, пряча душившее его желание отказаться от участия в поисках спасателя.

— Наши мнения совпадают. Будем ждать его в системе Маата, хотя того, что он может там искать, на планете нет.

— То есть?

— «Черный человек», с которым вы встречались...

— Умер?!

— Ну что вы, нет, конечно, но бежал с Маата.

— Бежал?!

— Выглядели его действия именно как бегство, хотя... кто знает, может, мы неправильно оцениваем их поступки, не изучив психологии отношений. Как бы то ни было, «черного» на Маате нет, и я не знаю, что произойдет, когда об этом узнает Шаламов.

— А известно, куда сбежал маатанин? И на чем?

— По-видимому, у маатан есть нечто вроде нашего метро, единственная станция на всю планету, и «черный» прорвался к ней, подняв в стане соотечественников изрядный переполох.

— Что значит — единственная станция? — недоверчиво спросил Мальгин.— Разве у маатан нет внутрисистемных линий метро?

— В том-то все и дело. Их межзвездные «проникатели», выполняющие, кстати, множество других функций, в том числе и совершенно непонятных нам, работают на принципах «компактификации измерений», как и наши «струнные» корабли, но метро тем не менее у них нет. Эта станция на Маате — единственная.

— Какой-то парадокс...

— Подобных парадоксов у маатан отмечено много. Мы давно присматриваемся к этой станции и пришли к выводу, что маатане... э-э, не являются ее хозяевами. Точнее, они только эксплуатируют ее, а вот строили станцию другие, возможно даже, орилоуны.

— Интересная версия.— У Мальгина внезапно пропал интерес к загадкам маатанской цивилизации, в настоящий момент его волновали другие проблемы.— И вы до сих пор не узнали координат выхода станции?

Безопасники снова переглянулись.

— Это очень непросто сделать,— буркнул Торопов.

— Если еще учесть, что подойти незаметно к станции невозможно,— добавил Ромашин.— Минимальное расстояние, на которое допускается наша спецтехника, около полусотни километров, ближе подойти невозможно, хотя для нас это совершенно неожиданная загадка: техника у нас работает совершенно без шума. Любого. Да и замаскирована она хорошо... как мы думали. Однако мы отвлеклись. Вас, Клим, включили в ЧП-вахту, через несколько минут она передислоцируется на «Илью Муромца», мы ждали только вас, все давно готовы к работе. Шкипер вахты — уже знакомый вам Алекс Шевчук (бородатый Шевчук за пультом кивнул), старпом — Калина Лютый, познакомьтесь.

Молчавший до сих пор крупнолицый напарник Торопова про-

тянул мощную длань, словно клещами сдавил руку Мальгина. Клим встретил его испытующий взгляд и напряг мышцы.

— Годится,— кивнул Лютый после минутной борьбы с неожиданно добродушной улыбкой. Эта улыбка перевернула в душе Мальгина родившуюся было неприязнь.

— А вы не идете? — спросил он Ромашина.

— Мое непосредственное участие в поиске не обязательно, а опытных работников в ЧП-вахте хватает. Желаю удачи.

— Пойдемте,— сказал Лютый, направляясь к груде оборудования.— Переоденетесь уже на месте.

— Минуту,— сказал Мальгин, оглядываясь в нерешительности на Ромашина.— Мне необходимо вернуться в... в общем, я буду готов только через час.

Начальник отдела безопасности смотрел на него без удивления, взвешивая не то свой ответ, не то причину внезапной нерешительности Мальгина. Однако психолог он был высокого класса, не хуже самого хирурга.

— Надеюсь, часа вам хватит.

Мальгин промолчал.

— Хорошо, мы подождем.

Шевчук, ни слова не говоря, сел обратно за пульт. Лютый похлопал Клима по плечу:

— Не переживайте, отвезу вас к метро самым коротким путем.

Контейнеры уже были уложены на черном диске в центре зала в аккуратный штабель, манипуляторы отступили к слепым мордам линий доставки. Двое парней вышли, третий остался. Лютый встал на диск, поманил Мальгина:

— Смелей.

Мальгин оглянулся. В немигающем взгляде Ромашина, устремленном на него, сквозь укор и отчужденность он прочитал сомнение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Прошло немало времени, прежде чем Шаламову сквозь странную сосущую, шершавую, занозистую боль, терзавшую приступами все нервные центры, удалось кое-как овладеть телом и сократить время беспамятства до минимума: организм, «воспитанный» десятками тысяч лет эволюции, сопротивлялся вторжению чужой воли и появлению странных возможностей и продолжал «отключать» мозг на уровне инстинкта. Тем не менее Шаламов после многих попыток, отнимающих громадное количество психических сил, сумел наладить компромисс между двумя чуждыми друг другу системами переработки информации (раньше сказали бы — между двумя половинами души), подчинить нейросекреторные функции тела волевому усилию и обеспечить некоторую власть над процессом биотрансформации, основанным на электроэнергетике, на два порядка превышающей по мощности биоэнергетику нормального человеческого организма. Зрение он не только восстановил, но и усовершенствовал.

Приступы слабости, обмороки и черные потери сознания все еще продолжались, но значительно реже, и в конце концов Шаламов решил, что для достижения поставленной цели владеет собой в достаточной степени. Единственная раздражающая мысль, вен-

чавшая земное психологическое наследие, была: где, черт возьми, Купава?! Почему ее не оказалось дома?..

Потренировавшись в смене облика и оптимальной подгонке функций под тот или иной тип тела, Шаламов вернулся в рубку спейсера, самостоятельно шедшего крейсерским шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, со скоростью, близкой к скорости света, но без включения дыробоя — генератора «струны». Координатор с готовностью высветил пилоту в пси-диапазоне основные параметры хода и характеристики окружающего корабль пространства. В пределах прямых измерений пространство было «плоским» и чистым, как лист ватмана.

Рубка спейсера напоминала рубку спасательного шлюпа, но была рассчитана на трех человек: шкипера (он же пилот, или, по терминологии спасателей, «драйвер-прима») и двух бортинженеров, собственно, и представлявших весь экипаж. Кресла-коконы экипажа были установлены в общем коконе рубки так, что шкипер видел своих подчиненных одного за другим, а напротив него стена рубки выгибалась пузырем и представляла собой ситуационный экран, используемый в аварийном режиме при отстреле контролирующей пси-связь автоматики и включении ручного управления.

По желанию пилот мог передвигаться по спейсеру, не покидая кресла, с помощью пронзающего лифта, так что время в пути до самого отдаленного отсека не превышало минуты, несмотря на пятисотметровый размах корпуса, тем не менее каюты погранвахты располагались рядом с рубкой, рассчитанные на двадцать шесть человек; сейчас они пустовали.

Устроившись в кресле шкипера, Шаламов с мимолетным удовлетворением подумал: «Теперь я кум королю и сват министру. Жаль, что пришлось немного помять ребят, но они были так воинственно настроены... к сожалению, мой друг Клим Мальгин не оставил другого выхода, наметив операцию, которая мне абсолютно не нужна... а ребята попались на пути наибольшего сопротивления случайно, когда я уже не мог избрать другой вариант.— Скиф, что с ними? Есть сведения?

— Оба в реанимации,— отозвался координатор в пси-диапазоне.— Результата лечения не знаю.

— Плохо,— помрачнел Шаламов.— Не помню, как это произошло. По-моему, я их не трогал... черт, провал в памяти! Я не хотел этого... Ничего, оклемаются. Как далеко мы ушли от Солнца?

— Три парсека с небольшим хвостиком.

— Что ж, давай посмотрим. Три мы дали «на струне», а остальные, выходит, шпугом? Индекс ЛЗВ [1].

[1] ЛЗВ — Лоренцево замедление времени; при скорости корабля, близкой к скорости света, время в корабле начинает идти медленнее по сравнению со временем на земле.

— Семь ноль ноль две.

— Значит, если здесь я отдыхаю всего вторые сутки, то в Системе прошло уже около двух недель. Интересно, где они подготовили мне встречу?

— Кто?

— Пограничники, кто же еще, плюс безопасники, шедшие за мной по пятам. Хваткие ребята, да и начальник у них не без царя в голове. Наверное, сработают «Шторм» и будут дежурить у Маата и в Горловине, причем наверняка погранвахты запустят со сменами усиления. А?

— Наверняка,— согласился координатор.

— Ничего, мы тоже не лыком шиты, прорвемся. Идем к Маату в режиме «инкогнито», на подходе ищем трассы и коридоры входа маатанских космотранспортов, засекаем всю их космотехнику и вычисляем, какая из нее предположительно принадлежит нашей разведке. Только после этого формируем из тебя «проникатель»— программа трансформации записана в моей памяти — и ползем к Маату, как свои. Работу продолжать независимо от того, в сознании я или нет. Понял?

— Так точно,— ответил координатор по имени Скиф; имя было ему дано по названию спейсера. Он уже не был инком, самостоятельным киб-интеллектом, после того, как Шаламов оглушил его, подав на вход запороговую шумовую задачу и переориентировав блоки этического контроля. В настоящее время Скиф наполовину представлял собой маатанский компьютер, позаимствовав многое из того, что знал Шаламов.

Через несколько часов по внутреннему времени, ушедших на ввод и корректировку маршрута, спейсер в режиме «суперструны» преодолел гигантское расстояние в тридцать семь парсеков и вышел к гравитационным границам звездной системы Маата. Звезда, давшая жизнь собственно Маату,— второй планете системы, была класса FO, имела в свите еще четыре планеты размером с Юпитер и пылевой пояс. На Земле ее знали как сто вторую Щита и называли Угрюмой.

Чувствительность техники наблюдения спейсера была так велика, что Шаламов, включенный в контур управления координатора, мог контролировать даже перемещение летательных аппаратов в атмосфере Маата, хотя расстояние между кораблем и планетой превышало триста миллиардов километров. Работая с координатором в рапид-режиме, позволяющем человеку вести расчеты со скоростью позитронного вычислителя, Шаламов выполнил первую часть задачи по обнаружению крупнотоннажного космического транспорта в системе и принялся за вторую — выявление земных развед-кораблей, способных маскироваться под любое движущееся тело.

Работал он с удовольствием и чувствовал себя вполне сносно, загнав эмоции глубоко в недра психики, хотя образ Купавы нет-нет да и пробивался наверх, к центрам зрительной памяти. Однако неясные эти картины — то лицо Купавы, ее фигура, то отдельно глаза, губы, волосы — не отвлекали пилота от главного дела и не злили, только заставляли работать быстрей. Он знал, что вернется за ней и заберет с собой. Но сначала надо было достичь поставленной цели.

Аномалий в движении маатанских внутрисистемных аппаратов они со Скифом не нашли, зато с ходу определили координаты базовой станции «Эдип-2», принадлежащей земной Комиссии по контактам, и отметили два тела, круживших над Маатом по хитрым траекториям.

Кроме того, приборы выявили несколько концентраций масс, не привязанных ни к одному визуально наблюдаемому объекту, и Шаламов отнес их в разряд потенциальных наблюдателей, работающих в системе, как и он со Скифом, в режиме «инкогнито».

Затем пришла очередь определения коридоров выхода к Маату возвращающихся из дальних рейсов космолетов — «проникателей». Просидев сутки в кресле шкипера, отвлекаясь только на завтраки,— человеческое тело просило человеческой пищи и привычных процедур,— Шаламов справился и с этой задачей, после чего наступило время действий. Проложив трассу «струны» корабля мимо обнаруженных объектов, способных помешать осуществлению задуманного, с точностью, недоступной ювелирам, пилот взял управление «Скифом» на себя.

Корабль, превращенный в маатанский «проникатель»,— с виду, конечно, вышел к Маату безошибочно, но обмануть земных наблюдателей не смог. Правда, это и не требовалось, Шаламову важно было не вспугнуть самих маатан.

— Нас засекли,— предупредил Скиф.

— Сам вижу. Делай свое дело.

— Принимаю кодовый вызов.

— Слышу.

— Похоже, нас пытаются перехватить. Не понимаю смысла игры.

— Отставить вопросы, это не игра. Вход в атмосферу аварийный, не забудь смену режима. Район финиша определяю я.

— Принял. Хочу напомнить: на выходе из атмосферы нас будут ждать... если только не приготовили встречу внизу, на дне. Внезапность — пропуск только для входа.

— Есть другая поговорка: сила — пропуск для входа, ум — для выхода. Разговорам конец. Начали!

«Скиф» прыгнул...

2

Две недели Мальгин маялся на борту спейсера «Стратег», дежурившего в системе Маата, и вместе с другими вахтенными отрабатывал императив «Черный поиск», разработанный специалистами-ксенопсихологами Института внеземных Культур и аналитиками погранслужбы из отдела проблем контакта. Шаламов как в воду канул, исчез, растворился в глубоком мраке космоса, не появившись ни в Горловине, ни у планет Орилоуха, а искать его прямым зондажем было бессмысленно.

В первый же день на спейсер прибыл Ромашин, вызвал Мальгина из отсека отдыха в зал десанта. По его лицу ничего нельзя было прочитать, однако Мальгин, внутренне сжавшись, приготовился к самому худшему, подумав при этом, что не достиг предела, когда о худшем думать уже не хочется. С Ромашиным сидел озабоченный и хмурый Таланов. Клим сел рядом, взглядом спрашивая у директора института, что случилось.

— Мы ошибались в оценке состояния Шаламова,— сказал Таланов, перебирая на груди пальцы.

Мальгин невольно перевел взгляд на Ромашина, сидевшего совершенно неподвижно, не терявшего своего «я» ни при каких обстоятельствах, привыкшего спрашивать с себя не меньше, чем с других.

— Не может быть!

— Это стало известно час назад, после прогонки ситуации на Европейском эм-синхро [1]. Когда Шаламов находился в бессознательном состоянии, процессы обмена у него шли параллельно маатанским. То есть в эти периоды он по сути был маатанином, сердце и другие органы ему не требовались... а мы «спасали» его от комы! Поддерживали сердечную деятельность и работу легких... А непосредственно перед выходом из камеры он... перестал излучать.

Мальгин не понял, продолжая смотреть на Таланова с недоумением. Тот снова сложил руки на груди, покосился на Ромашина.

— Человеческое тело, как тебе известно, излучает тепло, а мозг — электромагнитные волны, так вот Шаламов п е р е с т а л излучать.

— Как маатане! — хрипло сказал Мальгин, вспомнив.

— Вот именно, Клим, как «черные люди». И больше всего я боюсь, что Даниил не знает обо всех своих специфических способностях, как и о расщеплении личности.

Ромашин впервые шевельнулся.

— А я боюсь, что вы не совсем понимаете, к чему может при-

---

[1] Таланов имеет в виду компьютерную систему медицинских институтов и клиник, работающую по заданной проблеме в режиме синхронизации банков данных.

вести «двойное дно» души вашего пациента. Он уже не в состоянии контролировать свои поступки, не будучи человеком, то есть в периоды, когда над ним властвует маатанин.

Медики молчали. Потом Таланов спросил:

— Кто у тебя отвечал за информацию о состоянии Даниила? Заремба, Билл-старший или Стобецкий?

— Какая разница? В конечном счете виноват я.

Ромашин усмехнулся.

— Вы смелый человек, Клим, но все же не стоит взваливать на свои плечи чужой груз. Что касается ответственности за своевременную информацию о нюансах состояния Шаламова, то винить надо вас, Богдан, за то, что понадеялись на достаточную оперативность и мощь Гиппократа, главного компьютера института. Он не справился с анализом, случай беспрецедентный и специфичный, и надо было сразу включить режим эм-синхро, тогда бы нам удалось избежать многих ошибок.

— Виноват я,— твердо сказал Мальгин.— Я обязан был предусмотреть такой финал и не надеяться только на Гиппократа. О включении эм-синхро я не подумал.

— Нет,— так же твердо возразил Ромашин.— Но поговорим лучше о маатанах.

— Хорошо,— тихо проговорил нейрохирург после паузы.— Один вопрос: что с Ханом?

— Он очнулся, скоро будет на ногах. Самое интересное, что он уверен, будто из Шаламова... прыгнул на него «с рычанием» оскаленный барс! После чего Джума потерял сознание.

Таланов подтверждающе кивнул.

— Да, я с ним разговаривал. Джума уверен в ф и з и ч е с к о м прыжке, он даже почувствовал на лице «смрадное дыхание пасти зверя», причем, по его версии «барс» выпрыгнул «из глаз» Даниила.

— Скорее всего это личностное впечатление от направленного гипноимпульса.— Ромашин поправил у виска усик антенны связи.— Как известно, дыма без огня не бывает, и «прыжок барса»— это скорее всего пси-атака Даниила. Если бы у нас была видеозапись выхода Шаламова из реанимакамеры, подобные вопросы отпали бы. Клим, вам необходимо запомнить новые данные о маатанах, Богдан привез кассету.

Таланов вытащил из кармана плоскую пуговку видеозаписи.

— Прокрути, много интересного, я, например, ничего этого не знал. Догадайся, почему маатане нас не признают как братьев по разуму? Конечно, это лишь гипотеза, но ксенопсихологи поработали исключительно результативно и скорее всего не ошиблись. Специфика живого организма на Земле заключается в поддержании низкого уровня энтропии в себе за счет увеличения энтропии окружающей среды, а маатане энтропию среды н е п о в ы ш а ю т,

создавая как бы «склады энтропии» внутри себя! Отсюда и их неприятие всех, кто «увеличивает хаос мира»!

— Не спешите с выводами,— мягко сказал Ромашин.— Проблема отказа «черных людей» от контактов с нами — комплексная, сложная, в ней отражены и физиологические, и чисто физические, и философские аспекты жизни маатан, их этика и мораль. Например, в их речи нет местоимения «я», и в то же время каждый из маатан — личность. Парадокс не парадокс, но противоречие налицо, и таких противоречий много. Возьмем их эволюцию: маатане с о з н а т е л ь н о ограничили рост производства и потребление информации, выбрав из всего спектра направлений познания мира лишь те диапазоны, которые ориентируют их не на всестороннее развитие личности с возможностью самовыражения в избранной области науки, искусства и культуры, а на максимальное «закукливание», централизацию в каждом индивидууме одного для всех достоинства — возможно меньшего потребления энергии и информации.

— Разве такое может быть?

— Посмотрите запись, там не только голые выводы, но и выкладки, на которых они основываются. Вы говорите — возможно ли? А то, что тело маатанина есть одновременно его мозг, возможно? А то, что нужный для решения определенной задачи «объем ума» у маатанина как бы растет с подключением новых и новых участков тела-мозга, с увеличением количества нервных связей, возможно? Кто-нибудь из ксенобиологов мог представить, что природа реализует «черного человека», мозг которого по сути — фрактальный кластер?

Таланов и Мальгин молчали. Ромашин перевел взгляд с одного на другого и встал.

— Идемте, Богдан, у нас мало времени.

— Погодите,— сказал Клим ему в спину, оставаясь сидеть.— А что, если Шаламов появится... в другом месте?

Начальник отдела безопасности обернулся, помолчал, разглядывая пол под собой.

— Если я вас правильно понял, вы говорите о Земле. Не беспокойтесь, мы приняли необходимые меры предосторожности. Купава в полной безопасности.

Они ушли, и Мальгин расслабленно откинулся на спинку кресла. Напряжение схлынуло, в голове стоял сплошной туман, в ушах же раздавался шепот Купавы:

— Найди его, Клим, милый! Он же серьезно болен, его спасать надо, а не ловить, как преступника. Скажи им всем, пусть не расставляют капканы, иначе он сорвется и такое может натворить!.. Слышишь, Климушка?..

— К сожалению, да,— горько отозвался Мальгин.

* * *

Ромашин посещал спейсер еще дважды, сообщая новости с Земли, не проходившие по каналам срочной связи, передавал новые порции информации от ксенопсихологов, эфаналитиков, биологов и медиков, приносил приветы от выздоравливающего Джумы и ни слова от Карой или Купавы. Мальгину уже осточертели шестичасовые вахты, чередующиеся с периодами отдыха, неразговорчивость вахтенных, атмосфера тревоги и томительного ожидания, но он старался ничем не выдавать своих переживаний и чувств. Соображения о том, что можно было бы обойтись без перехвата угнанного Шаламовым спейсера, ограничившись наблюдением и попыткой связи с ним, не произвели на Ромашина впечатления. Спорить с Мальгиным он не стал, на совет снять вахту ответил односложным «нет» и только очень спокойно и корректно напомнил о предполагавшемся расщеплении личности спасателя. Последствия такого расщепления действительно могли быть катастрофическими, что и признал хирург, скрепя сердце.

А на четырнадцатый день дежурства спейсер «Скиф» объявился в трехстах миллиардах километров от Угрюмой — светила Маата, защищенный хитроумным режимом «инкогнито» почти от всех способов обнаружения, кроме гравитационного. На «Стратеге» сыграли тревогу, и началась отработка императива «черный перехват», предусматривающего каждому члену ЧП-вахты свой участок работы.

Место Мальгина было в десантной группе, подчиненной Шевчуку, и уже через полминуты он прибыл в зал десанта, облаченный в гермокостюм с компьютером сопровождения по имени Клаус. В ушах раздавались голоса переговаривающихся наблюдателей, пилотов спейсера, команды, указания координатору, его ответы и краткие реплики руководителя операции.

Десантников было семеро вместе с Мальгиным — четверть-обойма (полная обойма насчитывала тридцать одного человека, полуобойма — пятнадцать), и едва они успели собраться, как последовал приказ занять места в десантном когге. Купол зала разошелся лепестками диафрагмы, в него просунулось глянцево-черное рыло посадочного автомата когга, выстрелило коробкой лифта. Спустя минуту Мальгин полулежал-полустоял лицом вниз под углом в сорок пять градусов в мидель-захвате рубки когга, вслушиваясь в голоса, доносимые «спрутом» компьютерной связи. Перед ним возник объем видеопередачи, созданный прямой подачей сигналов в мозг, и Клим как бы висел в рубке спейсера с черным провалом центрального виома над пультом ручного вириала.

«Стратег» шел шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, и звезда в левом верхнем углу виома на глазах увеличивалась,

превращалась в плотный раскаленный шар. В правом нижнем углу виома голубела горошина Маата, увеличиваясь в диаметре с такой же скоростью, что и Угрюмая. А по центру виома, перечеркнутый крестом визира, висел кособокий, словно созданный сумасшедшим скульптором, маатанский космотранспорт, в котором не было с человеческой точки зрения ничего похожего на космолет, способный преодолевать колоссальные межзвездные расстояния. Это был спейсер «Скиф», загримированный под маатанский корабль.

Переговоры пилотов, бортинженеров и координатора были специфичны и немногословны, для непосвященного они, наверное, звучали бы сплошной абракадаброй, но Мальгин понимал их свободно, не требуя перевода, давно изучив по настоянию Ромашина профессиональные жаргоны космических служб человечества.

— Объект пошел в «косой лист»,— говорил пилот драйвер-прима, что означало: «объект совершил маневр перехода из походной гиперболы в финиш-параболу с «перекручиванием» координат».

— Скорость три и три, демпфирование ноль двенадцать, повторяю маневр в режиме половинного спрямления — хамаль сорок два градуса,— бубнил координатор.

— Боковые зэ-эс-эл плывут, поле допуска семьдесят пять,— скороговоркой докладывал бортинженер, что на нормальном человеческом языке звучало бы как: «границы створа захвата и слежения локаторов отрабатывают сверхскоростное маневрирование объекта на семьдесят пять процентов».

— Три минуты до цели,— это снова координатор.— Размыв трассы ноль ноль шесть, граничные параметры «свиста» сто децибел на один градус.

— Связь с объектом?— вклинился в разговор голос Шевчука.

— Отсутствует. Объект маневрирует в режиме «бегущий призрак», перехват возможен только с риском ПС (с риском прямого столкновения,— перевел для себя Мальгин).

— Расстояние от объекта до планеты?

— Сорок мегаметров, время входа в атмосферу минута двадцать.

— Мы не успеваем выйти раньше?

— Пятьдесят на пятьдесят с риском ПС.

— Готовить силовой демпфер и контактное задерживание. На подходе с маневром перехвата нанести удар. Масса удара должна быть достаточной для выбивания «Скифа» с трассы входа, защите — полную компенсацию ответа. Ни в коем случае не допустить прорыв объекта в атмосферу Маата!

— Принял!

— Я «ведомый»,— раздался голос командира спейсера, идущего к планете с другой стороны.— Готов к прямому контакту с объектом. Задачи введены, предлагаю начать развертку «зонтика»...

Мальгин вдруг осознал, что, если захват «Скифа» станет невозможным, его собьют! И уцелеет ли при этом Шаламов, гарантировать никто не сможет, потому что в дело пущены силы, не способные к избирательному разрушению: силовой удар нельзя «научить» разрушить спейсер, сохранив его пилота в целости и сохранности.

«Стратег» был уже рядом с планетой, стремительно выраставшей в размерах, спейсер Шаламова появился в пределах прямой видимости и делал сумасшедшие прыжки, сбивающие постановщиков захвата цели, уже и координатор «Стратега» доложил, что к залпу готов, как вдруг Мальгин крикнул:

— Отставить силовое задержание!

— Это вы, Клим? — мгновенно отреагировал Шевчук.— Причина?

— Мы не имеем права...

— Ошибаетесь, у нас есть карт-бланш комиссии морали и этики ВКС. Мы не должны допустить такую мощную машину, как спейсер, с больным пилотом на чужую планету. Возможен инцидент.

— Карт-бланш на убийство?

— Вы с ума сошли! — Это голос Калины Лютого.— О каком убийстве речь? Шаламов должен быть задержан...

— И все же я требую прекратить гонку! Немедленно!

Двухсекундная тишина в эфире.

— Вы берете ответственность за последствия?

— Да!

— Отбой! — Шевчук тоже был решительным человеком и этим приказом ответственность за случившееся брал и на себя.— Ведомой «двойке»— императив «змея»! Команде — свертка «шепотом», переход на гиперболу возвращения. Конец прямому эфиру.

Спейсер резко затормозил, Маат перестал расти в виоме — шарообразная глыба дымящегося не то камня, не то стекла. Рубиновые стрелки визира продолжали вести уходящий в атмосферу планеты спейсер Шаламова, пока он не исчез из виду. Наискось по темно-серому боку Маата скользнула искра зонда — Шевчук запустил наблюдателей, чтобы знать, что предпримет Шаламов после посадки.

— Вижу объекты АА,— доложил координатор.

С двух сторон к земному спейсеру спешили маатанские корабли — сторожа пространства. Молча. Они никогда не давали запросов и не требовали ответов, они действовали.

— Брек! — скомандовал Шевчук.

Спейсер перешел в режим «суперструны», Маат исчез из поля зрения. Мальгин, обессиленный нервным напряжением, лежал в рубке десантного когга, закрыв глаза, и вспоминал, как ходил с Даниилом по грибы в брянских лесах и как Шаламов по-детски радовался, находя подосиновики или боровики...

* * *

Двое суток «Стратег» дежурил в системе Маата в состоянии повышенной готовности, с помощью разного рода ухищрений следя за действиями Шаламова на поверхности планеты.

«Скиф», превращенный аппаратурой «динго» в маатанский проникатель, сел в горах, на первый взгляд — совершенно безжизненных. Атмосферные летательные аппараты маатан не обратили на него особого внимания, хотя и покружили над ним некоторое время. Затем от спейсера отделились кособокие «маатанские» планеры — Шаламов выпустил своих разведчиков. Планеры вернулись через несколько часов, облетев Маат по замысловатым траекториям, но один из них остался висеть над «клиникой», где некогда находился спасенный Даниилом «черный человек».

Висел он сутки, а потом к нему подошли аппараты маатанских «сил безопасности», и Шаламову пришлось возвращать разведчика. Вернулся он в сопровождении сторожей, могущих испугать своей формой кого угодно. Однако Шаламову удалось, очевидно, найти с ними общий язык и рассеять на время подозрения: аппараты улетели. Шаламов снова запустил зонды и к исходу вторых суток, наверное, узнал все, что хотел. На вызовы кодом по ТФ-связи, а также на прямые, открытым текстом с помощью лазерного луча он не отвечал.

Ромашин за это время несколько раз появлялся на спейсере, но с Мальгиным не разговаривал, решая какие-то свои задачи с командиром ЧП-вахты. Клим замкнулся в себе и на вызовы Шевчука отвечал преимущественно односложными «да» и «нет». Он был готов к любой неожиданности, неприятным объяснениям и даже к отстранению от участия в операции, но ум его оставался холоден, трезв и оценивал ситуацию логически точно.

Спустя еще двое суток «Скиф» выпустил более крупный аппарат, скорее всего десантный когг, а сам неторопливо пополз вверх, всплывая сквозь малопрозрачную для световых лучей толщу атмосферы Маата. Наблюдатели растерялись: определить, где именно находится Шаламов — на борту спейсера или в когге,— было невозможно.

Ромашин созвал экстренный компьютерный совет: каждый работник вахты мог участвовать в совете, решая одновременно свои задачи на рабочем месте. Мальгин в этот момент дежурил в зале десанта.

— Он на «Скифе»,— предположил Лютый.— Узнал, что его «друга» нет на планете, и понял, что делать ему там нечего.

— Я тоже так считаю,— сказал Шевчук.— Надо перехватывать спейсер.

— А если он остался?

— Насколько я понимаю, Шаламов болен,— вмешался шкипер «Стратега»,— а человек с нарушенной психикой способен на любой нелогичный поступок.

— И все же его действия должны иметь логические предпосылки или хотя бы видимость логики. Есть такой термин — антилогика. Пусть Умник проанализирует вероятности...

— Некогда. Ваше мнение, Клим? Вы знаете Даниила лучше.

Мальгин ждал этого вопроса и ответил без запинки:

— Он остался. Дан всегда отличался способностью к нестандартным решениям, потому и смог стать мастером-спасателем, равных которому я не встречал.

Ромашин думал несколько мгновений, был слышен только пульсирующий фон пси-связи.

— Что вы предлагаете?

— Мне надо идти за ним... пока он не... Я уже бывал на Маате и готов к любому повороту событий. А идти туда должен только один человек во избежание ненужного риска.

— Это невозможно!

— Единственный способ установить границы возможного — выйти за них. Решайте быстрее, он уйдет из-под контроля.

— Принимаю.— Ромашин понимал ситуацию не хуже.— Коггу десанта — на старт! Клим, в рубку, через минуту пробьем «струну» до Маата. В атмосфере вас поведут на луче целеуказания по данным наблюдателей, выйдете на цель — решайте самостоятельно, мы подстрахуем каждый ваш шаг. И еще один нюанс... Вполне вероятно, что вам придется задерживать Шаламова самостоятельно, так вот, в ваш скафандр вмонтирован «василиск». Инструкция по применению нужна?

— Нет,— сказал Мальгин; «василиском»— гипнотизатором направленного действия он пользоваться умел, как и любой хирург.

— Отлично. Ни пуха вам...

— К черту!

— Остальным готовить перехват спейсера, на тот случай, если Шаламов остался в нем. Ведомые — старт!

Все совещание заняло немногим более тридцати секунд, «Скиф» успел лишь подняться над горами Маата, а выпущенный им когг, похожий внешне на уродливого безголового орлана, преодолел горную цепь и вышел к долине, где располагалась единственная на всю планету станция метро.

Мальгин очнулся от короткого беспамятства,— встряска нештатного «броска на струну» была довольно приличной,— когда когг уже шел в атмосфере по пеленгу зонда, ведущего наблюдение за машиной Шаламова.

В ушах раздавалась скороговорка обещанного Ромашиным десанта подстраховки и защиты:

— Вижу «гадюк», фронт сорок один градус — пять единиц, семьдесят три градуса — шесть единиц.

— Маневр влево с выпуском «динго».

— Вижу, пошел «сарыч».

— Первый, в тылу «носорог», включаю «музыку»...

— Синхронизация ответа — в диапазоне «агрессив», не давайте подойти на залповую дистанцию, уводите прочь, пустите «попугаев».

— Шестой, императив «цунами»! Дерутся, гады!..

— Принял...

— Смене два — перехват «драконов» на высоте сорок. Смене три — кильватерная расчистка. Дайте «карусель».

— Первый, контакт в наносекундном интервале — предел авто, ведомый отстал, поддержите «попугаями».

— Пятый, держать синхроконтакт во что бы то ни стало! Чем хотите, хоть голыми руками! «Попугаи» пошли.

— Принял... Попробую перейти на ПС [1] траектории...

Мальгин не знал, что его сопровождают три эшелона коггов, перекрывших доступ к его машине в коридоре погони за Шаламовым всем маатанским аппаратам. Управлялись когги страхующего десанта асами погранслужбы, умеющими избегать конфликтов чуть ли не во всех диапазонах сложнейших ситуаций, поэтому маатане, ошарашенные внезапными отвлекающими действиями земных кораблей, внешне не отличавшихся от их аппаратов, не смогли помешать Мальгину догнать Шаламова и перехватить его когг.

А когда «птеродактиль» Шаламова вполз в перекрестие захвата следящей автоматики, Мальгин получил сообщение, что спейсер «Скиф» взорвался в десяти мегаметрах от Маата, будучи атакованным маатанскими «сторожами». Перехватить его пограничникам не удалось, «черные люди» на этот раз действовали расторопней.

Сообщение не потрясло Мальгина, он просто не верил, что Шаламов находился на борту «Скифа»; едва ли спасатель позволил бы уничтожить спейсер погранслужбы, защищенный от большинства космических катаклизмов, и принять бессмысленную смерть. Вполне могло быть, что он сам запрограммировал взрыв спейсера, чтобы замести следы, и следовало идти по его предполагаемому пути до конца.

Когг Мальгина нагнал машину Шаламова в тот момент, когда та двинулась в глубь воздушного пространства долины, к видимому издалека — в ультрафиолете, конечно,— строению, удивительно напоминавшему скелет земной радиолярии или колокольчатой

---

[1] Половинное спрямление: при локации в автоматическом режиме ведомый аппарат не копирует траекторию ведущего, а спрямляет свой путь; при половинном спрямлении вектор движения ведомого аппарата «упирается» не в ведущий аппарат (полное спрямление), а в середину оставшейся дистанции.

диатомовой водоросли. Правда, размеры «водоросли» на много порядков превышали размеры ее земного аналога.

Мальгин, не раздумывая, направил машину вслед за «птеродактилем» Шаламова, увеличил скорость и включил передатчик, пытаясь связаться со спасателем. Координатор перешел на полное копирование эволюций впереди идущего аппарата, повторяя не только его маневры, но и сигналы.

Мелькнули внизу удивительные заросли блистающих хрусталем и серебром «стрекозиных крыльев», какие-то угрюмые, черно-багровые громады, похожие на вздувшиеся опухоли с рядами неровных дыр. «Скелет радиолярии» приблизился, и тут подал голос координатор когга:

— За нами погоня — три аппарата массой до трех килотонн, еще два опускаются сверху, масса около пяти мегатонн, энерговооруженность до ста кларков. Надо возвращаться, подстраховка отстала.

— Вперед! — ответил Мальгин. Он знал, что примерно такую же энерговооруженность имеют и земные спейсеры, что намного превосходило возможности когга, но драка с чужими не входила в планы пилота. К тому же он верил в обещание Ромашина прийти на выручку в случае осложнений.

Когг-«птеродактиль» впереди круто спикировал к зданию маатанского метро, из него вынеслась черная соринка, и тотчас же когг превратился в язык бело-голубого пламени. Машина Мальгина подпрыгнула, некоторое время шла боком, потом с трудом выровнялась.

Он не знал причин взрыва, то ли когг взорвался сам, то ли по нему выстрелили охраняющие здание автоматы, и действовал, основываясь только на интуиции: резко затормозил, в темпе передал сообщение Ромашину и катапультировался из рубки в скафандре, не забыв включить «динго». Его когг взорвался в тот момент, когда он падал вслед за несшимся впереди пятном «черного человека». Инк скафандра работал с такой же быстротой, что и координатор когга, и прочно держал пятно беглеца в центре визирных меток оптического визирного устройства шлема. Таким образом, один за другим в полусотне метров, они и ворвались в раскрывшиеся лепестками неровные двери странного здания примерно на уровне третьего этажа. Но уже с первых метров путешествия по чужому зданию Мальгин вынужден был притормозить.

«Черный человек», за которым он гнался, бесследно исчез. Извилистый коридор, начинавшийся за входом в здание маатанского метро, дышал, как живой, его освещение пульсировало от багрового сумрака до пронзительной зелени, так что ориентироваться в нем было очень трудно. Углубившись в коридор метров на сто, Мальгин в нерешительности остановился. Навстречу изредка попа-

дались летающие «доски» длиной до трех метров, но ни одного маатанина видно не было.

— Дан! — позвал Мальгин.— Даниил, отзовись! Какой смысл тебе прятаться? Давай поговорим.

И услышал вежливый ответ:

— Хомо, тот, кого ты назвал Даниилом, ушел.

Это был не голос — мысленный «шепот», его владелец представился Климу похожим на Ромашина: тот же тембр, та же учтивость, непробиваемое хладнокровие и способность понять мысль собеседника.

— Кто вы?

— В одном из приближенных значений — транспортная машина, аналог станции метро Галактики. Можете называть меня Хранителем Пути, если угодно. Можете не называть никак.

— Извините, я спешу... где ваш зал контроля и управления?

— Я не нуждаюсь в контроле и управлении.

— Но как вас найти? Где вы находитесь?

— Везде. Вы находитесь внутри меня.

Мальгин чертыхнулся в душе, сообразив, что допустил бестактность, но на переживания у него не было времени.

— Простите...

— Я не в обиде.

— Это верно, что вас сконструировали и установили по просьбе маатан орилоуны? — Вопрос был задан машинально, Мальгин вспомнил разговор с Ромашиным и не удержался от любопытства.

— Верно лишь отчасти. Собственно, я тоже один из орилоунов.

Мальгин снова смешался, не сразу придя в себя от изумления, только предупреждение осторожного Клауса вывело его из ступора.

— Простите, я не знал... не думал, что вы... голова забита другим. Сюда... в вас могут проникнуть маатане?

— Если я захочу.

— Понимаете, может быть, мы и превысили полномочия, но не нашли другого способа...

— Я знаю. Чем могу помочь?

— Я должен отыскать Даниила... Шаламова... он болен...

— Он вслед за «черным человеком» ушел в место, которое вы называете «серой дырой».

— Они оба там?!

— Да.

— Если можно, переместите и меня к ним!

— Точных координат их местоположения я не знаю, но могу соединить с моим коллегой, живущим на последнем Свидетеле.

— На ком?!

— Вы назвали его Стражем Горловины, хотя это не искусственный объект. На самом деле это Свидетель.

— Живое существо?!

— И да, и нет. Он действительно свидетель — рождения вашей Вселенной в частности. Итак, вы идете?

Мальгин очнулся.

— Да, благодарю.

Коридор, посередине которого висел Мальгин, превратился в ровную гладкую трубу, стенки ее засвистели мимо, и через несколько мгновений гость вылетел под купол циркообразного зала.

— Добрых дел!— пожелал Хранитель Пути.

— Погодите,— торопливо бросил Мальгин,— вы затронули очень интересную тему, можно я потом вернусь? Поговорить с вами? Завтра... когда удастся.

— Завтра будет дуть завтрашний ветер. Это земная поговорка, хомо. Вряд ли вы вернетесь. Хочу предупредить: ваш друг Даниил действительно серьезно болен, будьте осторожны при встрече с ним. В нем живут две личности, две психики, отражающие два совершенно разных подхода к жизни и смерти.

— Спасибо, Хранитель, я учту.

— До встречи на Земле, хомо.

Мальгина окутал мрак, потом, спустя неизвестное время, в глаза брызнул призрачный свет.

Хирург висел, поддерживаемый антигравом, в центре сплюснутого помещения с закругленными углами и светящимися зернистыми стенами. В полу помещения угрюмо чернела неровная дыра, густо затканная паутиной,— по первому впечатлению, в потолке начиналась широкая труба, проложенная сквозь толщу переплетений каких-то белых жил, полос и труб. Мальгин «на цыпочках» пробрался сквозь трубу и выглянул в отверстие: белоснежный пористый купол, венчающий громадное здание неопределенных форм, а внизу, насколько хватает глаз, угрюмый вудволловый лес, освещенный сиянием Горловины...

3

Боль была странной и почти нестерпимой: начиналась она где-то в одной точке грудной клетки и распространялась по всему телу, словно ударная волна от взрыва, пока не достигала кожи. Затем она стягивалась обратно в точку, и все начиналось сначала. От пульсации к пульсации боль утихла, успокаивалась, но кожа «горела» долго, словно ошпаренная кипятком, и заканчивался цикл щекотным передергиванием мышц спины...

Шаламов очнулся, глубоко вздохнул и наконец кинул вокруг осмысленный взгляд. Пейзаж Стража Горловины, планеты-куба, узнал сразу, но, хоть убей, не мог вспомнить, как здесь оказался.

Потерял сознание он еще в спейсере, при подлете к Маату, и все случившееся потом напрочь выпало из памяти. Значит, пока человек в нем спал, работала вторая часть сознания, маатанская, и, как видно, справилась со своей задачей неплохо. Знать бы, что произошло на Маате, как он там действовал...

Шаламов оглядел себя: скафандр погранслужбы, как и положено, «динго» включен на создание облика «черного человека», все системы работают нормально... стоп! А инк скафандра? Он-то не отключался во время «сезона небытия» хозяина и все видел!

— Джордж,— позвал мысленно спасатель; киб-интеллект скафандра имел при рождении другое имя, но Шаламов упорно называл его Джорджем, отдавая своеобразную дань памяти погибшему «Кентавру».

— Готов к работе,— отозвался компьютер бесстрастно.

— Высвети мне события после моего отключения.

— Не понял, повторите. С какого момента времени?

Шаламов сообразил, что для Джорджа он сознания не терял, разве что изменилась манера управления скафандром. Значит, его сомнения подтверждаются: во время забытья телом управляет та часть мозга, которая содержит маатанскую память. Итак, формула его существования такова, что сознание и оба вида памяти подчинены человеку, за исключением «черных кладов», а подсознание и маатанская память — сформировавшемуся «черному»... Можно натворить дел... если не подчинить мозг себе без остатка. Необходимо срочно попытаться присоединить все ресурсы одному хозяину — мне.

— С какого времени дать запись? — повторил Джордж.

— С момента подхода к Маату.

— Даю запись.

Шаламов терпеливо выслушал скоростную запись происшедших за это время событий и в задумчивости прошелся по неровной поверхности какой-то плиты, венчавшей не то башню, не то колонну, пока не понял, что стоит на крыше одного из «горловианских храмов».

— Как я оказался на этом здании?

Инк скафандра удивился, но задавать вопросы в духе своего хозяина запрограммирован не был.

— Вы просили Хранителя Пути отправить вас вслед за больным «черным человеком», «струна» метро закончилась здесь, внутри здания.

— Этого следовало ожидать... я уже испытал однажды их систему мгновенного транспорта, правда, внутреннюю, но от внешней она, похоже, не отличается ничем. Значит, мой «черный приятель» тоже вышел здесь? Что ж, помаракуем, куда он мог отправиться, и двинемся искать. Никуда он отсюда не денется, если только не

махнет куда-нибудь за пределы Горловины... что, кстати, вполне может статься.

Шаламов поднялся над «храмом», с километровой высоты оглядел панораму острова, полностью заросшего вудволловым лесом, но на этот раз вид «развалин сгоревшего города» на него подействовал слабо. Океан, окружавший остров, отсвечивал медвяной желтизной и был пустынен и неподвижен, лишь у побережья он серебрился рябью мелких волн. Тишина и покой. Мертвая тишина и мертвый покой. И все же что-то здесь было не так, Шаламов мог поклясться, что пейзаж во время его первого пребывания на Страже был иным.

Озарение пришло, когда он обратил внимание на цвет неба — темно-розовый, вишневый на горизонте, а раньше он был гораздо светлее. Выходит, Горловина перестает излучать свет, а это значит, что Страж Горловины уже не сможет долго сдерживать схлопывание «серой дыры» в «струну», и времени до этого момента осталось не так уж и много. Еще чуть-чуть, и одна из последних оставшихся дверей в иные миры закроется и останутся маатане без присмотра.

Шаламов пожал плечами, попытался сориентироваться. Он уже решил, что будет делать дальше. «Черный человек» бежал в Горловину не ради ее красот, маатане меньше всего были романтиками в человеческом понимании, способными к эстетическому созерцанию гармонии чужих пейзажей, они признавали только собственные картины и собственное искусство, и целью маатанина была, конечно, сама «серая дыра»,— туда его путь. Однако не имея проникателя, он вряд ли добьется цели, а значит, искать его надо где-то на Страже или на форпосте Границы... куда можно добраться и с любого острова, где есть скелеты Хранителей Пути. И Шаламов повернул к «храму», откуда только что вышел.

Первые две попытки выйти к форпосту привели спасателя на два астероида, расположенные в глубине Горловины один за другим. Это были по сути «автоматы поддержки оси», давно потерявшие свое значение: астероиды были окутаны черным дымом толщиной в полметра, текучим и тяжелым, не желающим испаряться в космос и быстро оседающим после взбаламучивания. «Дым» этот, конечно, дымом не был, вероятно, вблизи поверхности астероидов происходили какие-то пылевые процессы, визуально наблюдаемые как дым, зато свет он поглощал в результате стопроцентно.

С третьей попытки использования «горловинского» метро Шаламов оказался на борту какого-то архисложного левиафана, описать форму которого не смог бы и профессиональный математик или кристаллограф. Любопытства это космическое чудо у Шаламова не вызвало, и он продолжал методично входить в тоннель переброса и выходить, пока не очутился на острове планеты-куба, который по какой-то ассоциации показался ему знакомым.

Поднявшись повыше, спасатель убедился, что остров — тот, который нужен, спутать с другим его было невозможно, однако на том месте, где когда-то сел маатанский проникатель с «Кентавром» на горбу, угрюмо блестел глазурью колоссальный провал строгой цилиндрической формы, достигавший в диаметре не менее трех километров и с уходящими примерно на такую же глубину стенами. Шаламов завис над его краем, молча вглядываясь в слоистые стены. Накатила волна боли, стянулась в голову, царапнула глазные яблоки. И сразу пришло ощущение, будто в голове проросла почка, лопнула бесшумно и безболезненно, и под черепной коробкой раздался темный, равнодушный, щекочущий голос:

— Терроморфа глубь...

Шаламову захотелось почесать под черепом, от необычной щекотки даже зубы заломило, такого он еще не испытывал.

— Джордж, переведи, что ты сказал.

— Не понял, уточните, что имеется в виду.

— Ну, эти слова: терроморфа глубь... или что-то в этом роде. Что они означают?

— Прошу прощения, я ничего не говорил и перевода слов не знаю. По ассоциативной связи речь может идти о проникновении в суть явления.

— Вряд ли.— Шаламов прислушался к себе. Снова внутри головы, во лбу, начала «расти почка», лопнула, и тот же голос проскрипел:

— Терроморфа глубь — селективное трясение основ материи.— И добавил.— Здесь.

Шаламов нашарил ртом мундштук пищеблока и глотнул витаминизированного желе-концентрата. Он понял, что каким-то образом маатанин в нем пробился сквозь изолирующие барьеры подсознания в сферу сознания и подсказал ответ. «Спасибо» говорить было некому, разве что самому себе. Что ж, если он овладеет таким способом и закрытым маатанским знанием, «черным кладом», осевшим в глубинах психики, откроется возможность прямого контакта с главным информарием Маата. Тогда и «черный» не понадобится с его «ключами». А пока надо идти к намеченной цели, искать этого придурка, на острове его нет. Возможно, он был, но задерживаться не стал, нет смысла. Что же здесь произошло? Кто «селективно» разнес на атомы разбитые корабли, применив «трясение основ материи», скорее всего — кварковый резонанс? И зачем?

— С юга приближаются объекты неизвестной природы,— вмешался вдруг Джордж в размышления хозяина.— Скорость шесть и два, время подхода две минуты двадцать две секунды. Мы в поле их радаров.

Шаламов бросил последний взгляд на провал, пробитый в породах острова,— на дне его блестело озерцо,— и стартовал к «храму»,

поражавшему со стороны своим идеальным замысловатым асимметричным узором. Все-таки было в этом строении что-то от геометрии живого организма, некий «биологический беспорядок», всегда отличающий живое от холодной симметрии мертвого кристалла. Кажется, пришло время заняться им вплотную, при первом знакомстве с планетой-кубом серьезно изучать «храмы» было некогда.

Уже с вершины здания Шаламов оглянулся. Объекты неизвестной природы приблизились настолько, что были видны невооруженным глазом: два летающих громадных «крокодила», с воем раздиравших воздух. Один был маатанским сторожем, второй — скорее всего замаскированным земным автоматом.

— Ну и драндулеты! — Шаламов качнул головой, усмехаясь, помахал им рукой и нырнул в дыру одного из куполов, венчавших «храм».

* * *

Обычно дальше «зала метро» — полости с дырами входов в тунели мгновенного перемещения он не заходил, теперь же надо было попытаться пройти в глубь «храма», посмотреть на его остальные залы и разобраться в системе архитектурного подхода. Но прогулки не получилось. Как только Шаламов нашел несветящееся отверстие, с виду — «затканное паутиной», к которому пол опускался неровной воронкой, и прыгнул в него — сработал обычный механизм метро: спасателя «разложили на атомы» и «собрали» уже в другом месте, за сотни тысяч километров отсюда.

— Граница перехода! — раздался внутри Шаламова чей-то безликий голос.

Прошло время, пока спасатель сообразил, что «говорили» на маатанском — фейерверк огня, но он понял фразу без перевода, словно всю жизнь говорил по-маатански — вспышками света.

— Повторите,— попросил он.— Что это значит?

— Граница перехода,— повторил неведомый собеседник.— Граница континуума. Мембрана. Обратный переход невозможен.

Шаламов хмыкнул, огляделся. Труба. Впереди сужается и еле светится, сзади светится чуть сильнее. Проверить?

Выход из «трубы» оказался недалеко, в ста метрах. Шаламов выглянул из устья «трубы» и увидел расширяющийся в бесконечность световой конус, перегороженный «стеной» с дырами-ячеями; спасатель выглядывал из одной такой дыры. Вот, значит, как выглядит на самом деле конец Горловины — стена сыра!..

— Неправильно,— угрюмо ответил кто-то внутри него.

— Почему неправильно? — удивился Шаламов, не обращая внимания, что спорит сам с собой.— Я же вижу!

— Это ложное видение, отражающее стереотипы геометрических представлений. На самом деле все выглядит иначе.

— Так что, я по-твоему вижу не то... что вижу?

— Для адекватного отражения необходим набор других органов чувств, у человека их нет.

— Понятно. Нет, так будут, попозже я займусь усовершенствованием. Что ж, посмотрим, что там дальше, за границей.— Шаламов спохватился.— С кем я говорю?

— Не понял вопроса,— отозвался Джордж.

Глотнув желе, Шаламов вернулся к исходной точке трубы, откуда начинал знакомство с «границей перехода». Идти в глубь трубы не хотелось, но он себя пересилил.

Метров сто — если опираться на ощущения — труба шла идеально ровная и светлая, а потом начался настоящий лабиринт с пятнами какого-то лишайника на гладких, серо-белых, словно мраморных стенах. Лабиринт вел сначала вперед, потом нырнул вниз, если судить по изменению ощущений, стал однообразно петлять и кружить, и, пока Шаламов следовал его изгибам, Джордж насчитал полсотни петель и столько же расширений коридора, запоминая на всякий случай дорогу назад. Он первым отметил нарастание псифона, Шаламов среагировал чуть позже и не количественно, а качественно: показалось вдруг, что он с ходу влетел в трясину заросшего ряской болота. Остановился. «Болото» исчезло, зато коридор впереди стал «дышать», стены его то сдвигались, то раздвигались, воздух сгустился, замерцал.

— Что это? — задал мысленный вопрос Шаламов.

— Рекомендую вернуться,— отозвался Джордж.— Кроме набора электромагнитных полей отмечаю синусоидальные колебания пси-поля с нарастающим градиентом.

Шаламов напряг зрение и слух, но даже в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах не смог опуститься взором ниже нескольких десятков метров от уровня, на котором находился. Тоннель продолжал складываться в петли (словно двенадцатиперстная кишка, пришло на ум сравнение), а за его стенками простирался хаос пустот, стенок, перепонок, провалов и наборов плоскостей разного порядка сложности.

— Ничего не вижу. Метров на сорок опуститься можно, впереди чисто, а там посмотрим, спешить нам некуда.

Координатор скафандра промолчал. Он, как и хозяин, видел и чувствовал лишь то, что мог видеть и чувствовать с помощью датчиков, разработанных человеком и рассчитанных на диапазоны его органов чувств.

Шаламов тронулся с места, и чем дальше углублялся в недра загадочной «мембраны перехода» (видимо, это и есть тот самый «форпост Границы», о котором доложила «проросшая почка» маа-

танской памяти), тем сильнее на него влияли странные, невесть откуда взявшиеся перепады пси-поля. Галлюцинации стали приобретать вещественный, предметный характер, мозг уже не справлялся с ориентацией в пространстве и перестал различать, где фантом, а где реальное препятствие. Шаламов, вспотевший и злой, вынужден был остановиться перед развилкой: ход раздваивался на два одинаковых коридора, то расширяющихся, то суживающихся до размеров игольного ушка.

— Дальнейшее передвижение считаю нецелесообразным,— снова сказал Джордж.— Опасно!

— Черта с два! — огрызнулся Шаламов.— Непосредственной опасности не вижу, а с галлюцинациями мы как-нибудь разберемся. Помогай лучше, а не встревай с советами. На сколько метров мы уже опустились?

— Метров на двести... если ваше «опустились» соответствует истине. На самом деле мы могли пролететь всю Галактику.

— Не остри, умник. Мое «второе я» молчит, значит, все идет нормально. Вперед!

Антиграв бросил скафандр с начинкой в одно из пульсирующих отверстий, и в тот же момент Шаламов услышал чей-то густой, «астматический» мысленный «шепот»:

— Остановись, хомо!

«Шепот» не принадлежал ни координатору, ни «внутреннему голосу», и все же Шаламов, машинально затормозив, окликнул инка:

— В чем дело, Джордж, снова твои штучки!

— Не понял,— сухо ответил координатор.— Что вы имеете в виду?

— Ты сказал «остановись»?

— Нет.

«Ясно,— подумал спасатель,— галлюцинации перешли и в звуковую форму. Хотел бы я знать, откуда внутри этой «мембраны» пси-излучение. Может быть, в ней кто-то живет? Орилоун, например?»

Снова мимо поплыли стены тоннеля, то вспыхивающие странными узорами, то передергивающиеся судорогой, то вспухающие волнами конвульсивных сокращений, расплывающиеся туманной пеленой или твердеющие до металлического звона. Но не успел путешественник пролететь и двух десятков метров, как снова послышался угрожающий «шепот»:

— Остановись, хомо!

— Кто говорит?! — еле сдерживаясь, воскликнул Шаламов, не ожидая ответа от «звуковой галлюцинации».

— Остановись,— последовал тот же совет.— Тебе не выдержать увеличения трансцендентности. Возвращайся.

— Ха-ха! — сказал Шаламов с веселой злостью.— Советчик нашелся! Скажи, кто ты, и я скажу, друг ты мне или нет.

— Друг. Еще немного, и ты никогда не вернешься...

— Вздор! Кто не рискует, тот не живет! А я живу!

— Похоже, риск для тебя — главное. А как же Купава?

— А вот ее не тронь, не советую! — Шаламов вынужден был остановиться; пот заливал глаза, вокруг творилось светопреставление и не было видно, куда двигаться дальше.— Лучше подскажи, как мне пробиться по ту сторону границы, а то от моих «кладов» памяти что-то мало толку, жди — когда еще они проснутся.

— Рекомендую вернуться,— снова вмешался Джордж; его мысленный «голос» стал почему-то детским, тонким, как писк.

— Заткнись! Я разнесу «мембрану», но пройду ее насквозь!

Еще несколько минут истекли в борьбе с изменившимся пространством и бунтующими чувствами. Искаженные, причудливые, необычные ощущения сбивали с толку, расщепляли «я» Шаламова, заставляли его напрягать все силы, чтобы хоть как-то ориентироваться внутри сошедшего с ума пространства. Не помогали ни приборы скафандра, ни транквилизаторы аптечки, ни новые «нечеловеческие» способности. И снова человеку пришел на помощь дремлющий в нем «черный человек».

Шаламов почувствовал знакомую боль во всем теле, эта боль стянулась в одну точку в голове и лопнула с отчетливым хлопком. Световая феерия вокруг потускнела, извивающиеся стены перестали дергаться, танцующие тени застыли, хотя весь пейзаж продолжал вздрагивать и шататься, будто был вылеплен из единого куска желе или кто-то бил Шаламова по затылку. Пришло странное холодное успокоение, как бы поднявшись от ног до головы, вернулась небывалая ранее острота зрения. Шаламов понял, что он висит над краем обрыва, за которым распахивается колоссальный провал неизвестных размеров, заполненный пульсирующим мраком. В этом мраке плыли вереницы огней в форме спиралей, туманных облаков и звезд, мелькали жуткие тени, вспыхивали зарницы, взрывались хрустально прозрачные шары, истекая струями искр, перемещались и разбегались огромные объемы не видимой, а ощущаемой материи... Это был иной мир, иная Вселенная, и Шаламов смотрел, смотрел, смотрел, завороженный, пока внутри не раздался знакомый «астматический шепот»:

— Ты очень сильный, хомо, но и твои силы конечны. Обрыв — это предел трансцендентности трехмерного континуума, за ним — иной ваккум, иные формы материи. Возвращайся, ты и так прошел путь, недоступный никому из людей. Когда-то эта линия — «серая дыра», как вы называете, или «суперструна» — была совершенно прозрачной, а теперь она почти заросла и превратилась в мембрану. Возвращайся.

— Нет! — сказал Шаламов, собираясь «шагнуть с обрыва», понимая, что это вовсе не обрыв, а его представление об этом месте, отражение неизведанных пространств ограниченными человеческими чувствами.— Я не прошел всего, чего хотел, и остановить меня ты не сможешь, кто бы ты ни был.

— Тогда посмотри налево.

Шаламов невольно повернул голову и увидел слева от себя, совсем недалеко, неподвижную глыбу маатанина, «застрявшую» в нагромождении камней. Мгновение смотрел на нее, не веря глазам, но что-то лопнуло внутри с тонким стеклянным звоном, и на нервную систему спасателя обрушился штормовой прибой расстроенных чувств, ломая волю, умение трезво мыслить и правильно оценивать происходящее.

Шаламов сопротивлялся психологическому давлению извне самозабвенно и яростно, но уже через минуту понял, что «астматик», внушавший неизбежность отступления, прав, и что еще немного, и спасатель сойдет с ума! И хотя вся его натура восставала против совета неизвестного советчика-благодетеля, надо было отступать, спасать маатанина и себя. Шаламов был уверен, что перед ним тот самый «черный человек», за которым он гнался с Маата.

— Но я вернусь! — пригрозил Даниил неизвестно кому.

Он не помнил, как пробирался по «живым» тоннелям «мембраны», поднимаясь из преисподней наверх, сквозь бесшумный ураган пси-излучения, выворачивающий наизнанку все чувства до глубин души, но позволил себе потерять сознание лишь когда убедился, что миновал опасную зону, грозившую полным распадом личности. Бросив взгляд на тушу маатанина, следующую в кильватере на тонком репшнуре, Шаламов улыбнулся, удовлетворенный, и рухнул в грохочущую багровую пропасть беспамятства.

4

Мальгин, как и Шаламов, тоже догадался, что может воспользоваться «внутригорловианским» метро,— только так можно было обрести шанс наткнуться на беглеца. Конечно, хирург не удержался от прогулки по острову, с трепетом взирая на исполинские стены вудволлов, этого чуда Стража Горловины, теплокровных полурастений-полуживотных, но Клаус, не имевший человеческих слабостей, напомнил ему о невыполненном задании, присовокупив предупреждение о возможных наблюдателях маатан.

— Засекут нас здесь — костей не соберем!

— Не пугай,— буркнул Мальгин.— В Горловине должны быть и наши наблюдатели, в случае чего придут на помощь.

Ему повезло. Уже со второй попытки он попал на остров, где

когда-то совершили вынужденную посадку изуродованные, вросшие друг в друга маатанский проникатель и земной спасательный шлюп. Мальгин сразу узнал глубокую дыру в центре острова, пробитую маатанским сторожем Горловины, когда тот уничтожал космолеты. Клим поднялся над «храмом», из башни которого только что выбрался, и не успел как следует осмотреться, как оказался в гуще событий.

К «храму» со стороны океана мчались два маатанских «крокодила», еще один аппарат — сложное сплетение серебристых колец, решеток и спиралей, падал сверху. Первый из «крокодилов» с расстояния в триста-четыреста метров метнул вдруг в замешкавшегося Мальгина дымный рукав, внутри которого, как в трубе, просверкнул огненный пунктир. Клима спас координатор скафандра, без предупреждения хозяина — не было времени — рванувшего изо всех сил в сторону, так что хирург на мгновение потерял сознание от удара ускорения.

А затем произошло неожиданное: второй «крокодил» прыгнул вперед и столкнулся со своим напарником, отчего следующий выстрел маатанского автомата пришелся по «храму», испарив в нем часть неимоверно изогнутой крыши. Что-то сверкнуло внутри столкнувшихся «крокодилов», оба нырнули вниз, кувыркаясь, один из них стал разваливаться на огненные лохмотья и дымящиеся куски.

— Берегись! — предупредил Клаус.— Еще один над нами.

— Вижу,— хладнокровно отозвался Мальгин, облизывая соленую от крови верхнюю губу; от удара у него носом пошла кровь.— Быстро в здание!

— Я только что заметил странную фигуру, как раз перед тем, как на нас напали. Похоже, это были два «черных человека»...

— Где?!

— У той угловой башни с дырами, слева по борту.

— Это Даниил, больше некому. Ходу к башне, быстрей!

Скорость подскочила до ста километров в час, оставшееся расстояние Мальгин преодолел буквально за несколько секунд, но как ни спешил, серебристая многоэтажная машина успела опуститься к «храму» раньше. Клим вынужден был затормозить. Ему показалось, что изнутри чужой непонятной машины на него смотрят десятки пар глаз, и только он успел подумать об этом, как спирали, кольца и решетки внутри диковинной конструкции пришли в движение, размазались, расплылись дымом, а на их месте действительно проступили... десятки человеческих глаз!

— Что за дьявольщина?! — Ошеломленный Мальгин не поверил собственным глазам.— Клаус, ты тоже их видишь или они мне грезятся?

— Вижу только одного, он возвращается.— Координатор не понял вопроса, он следил за обстановкой вокруг и увидел одного из уцелевших «крокодилов».

— Я о «глазах». Ты что, в самом деле не видишь?

— Вижу впереди чужой автомат сложной структуры, излучающий мощный пси-фон.

— Ах так вот оно в чем дело, пси-наводки...— Мальгин кинул взгляд назад: «крокодил» угрожающе приближался. Размышлять — «добрый» это автомат или нет — было некогда.

— «Универсал» к бою! Ныряем под эту... этот геометрический ребус с глазами, а попытается помешать — стреляем. Не лучом — по площади, для острастки. Не внемлет — откроем огонь на поражение.

— Понял.

Мальгин выписал аккуратную синусоиду в воздухе, сначала вниз, под «глазастую» конструкцию,— она никак не реагировала на этот маневр, только глаза повернулись вслед человеку,— потом вверх, и вышел точно над башней со множеством отверстий, в которой, по утверждению Клауса, скрылись два «черных человека». Уже влетая в одно из отверстий, Клим оглянулся.

Упакованные в прозрачный пузырь внутри обрамленной серебристыми кольцами машины, глаза, совершенно живые, человеческие глаза, мигающие по очереди (!), смотрели ему вслед.

— Клим,— послышался чей-то далекий голос, и наступила тишина — Мальгин оказался в башенке «храма», стенки которой не пропускали радиоволн. Он сразу угадал вход в тоннель, где мог скрыться «черный человек», и, направляясь к нему, не удержался от вопроса:

— Ты слышал?

— Что именно? — отозвался Клаус.

— Меня кто-то окликнул...

— Нет.

Накатила волна глухой досады.

— Что-то глуховат ты у меня, братец, да и подслеповат к тому же... Неужели так и не разглядел «глаза» внутри того прозрачного монстра?

— Нет,— ответил координатор бесстрастно.

* * *

Как и Шаламов до него, Мальгин вышел из тоннеля «храмового» метро в том же месте, внутри последнего форпоста Границы «серой дыры», хотя и не знал этого. Ему показалось, что он блуждает по лабиринтам необычного объекта, постепенно опускаясь в его недра, на самом же деле путь Мальгина был гораздо длиннее, хотя он и не мог быть измерен линейными мерами в километрах или парсеках.

«Черные люди», в которых Мальгин подозревал Шаламова и его

«приятеля», мелькнули и пропали, не оставив следов своего пребывания в петляющих коридорах, то ярко освещенных, то темных или заполненных редким цветным туманом, затрудняющим тем не менее ориентацию. Мальгин все еще вспоминал встречу с неизвестным летающим объектом, битком набитым «глазами», но уже склонялся к мнению, что «глаза ему пригрезились. Очевидно, давление пси-фона вблизи чужого аппарата было таким сильным, что вызвало наведенную галлюцинацию, ассоциирующуюся с не похожими на человеческие мигающими глазами. Внутри аппарата кто-то был, внимательно наблюдавший за событиями, но не желающий вмешиваться, что и уловило подсознание Мальгина.

Устав, Клим съел два кубика интегропищи, по вкусу напоминающей жареное мясо, запил витаминизированным желе. Кровь веселее побежала по жилам, мышцы обрели былую силу, однако голова оставалась тяжелой, как после бессменного суточного дежурства.

«Странное ощущение,— подумал Мальгин, прислушиваясь к себе.— Будто застряло что-то во лбу и мешает двигаться... результат усталости? Не похоже. Я не мог устать до такой степени, да и стимуляторы должны были сработать...»

— Вероятно, это следствие действия повышенного пси-фона,— предположил Клаус.

— Что?! И здесь повышен пси-фон?

— Ощущаю качественно, количественные оценки дать не могу из-за невозможности замера параметров поля, его диапазон лежит далеко в стороне от полосы чувствительности датчиков.

— То есть ты хочешь сказать, что этот пси-фон далек от нормального гуманоидного?

— Совершенно верно. Источник излучения где-то внизу, в глубине здания... если только это здание, что весьма спорно.

— Тогда идем вниз.

— Есть ли смысл? «Уби нихиль — нихиль»[1]. «Черный человек» давно покинул здание, ему здесь просто нечего делать.

— Ты не знаешь Даниила, он наверняка пойдет вниз, а тем более в таком возбужденном состоянии... Готовься к медблокаде, чувствую, будет мне худо. Но проверить этот ход необходимо.

Мальгин двинулся вперед, сосредоточив волю и желания на достижение одной цели: поиск Шаламова. Все остальное, в том числе собственные переживания и физическое состояние, было несущественным.

По мере того, как он опускался с «этажа на этаж», психологическое давление на мозг усиливалось, Клим пережил те же ощущения, что и Шаламов до него, только возможности адаптации и сопротивления внешним пси-ударам у Мальгина были скромнее. Вскоре

---

[1] Ubi nihil—nihil — где нет ничего, там нет ничего *(лат.)*.

он перестал отличать реальные предметы от галлюциногенных призраков, натуральные стены коридоров от стен, сооруженных взбунтовавшейся фантазией, и только трезвая оценка координатора кое-как спасала положение. Мальгину грезились готовые к прыжку хищники, сочетавшие в себе злобную силу земных тигров-людоедов и мрачную таинственность «черных людей», чудились засады, руки, сжимавшие оружие, уродливые фигуры джиннов и дивов, демонов и чертей с трезубцами, направленными ему то в грудь, то в спину, но как бы ни был он дезориентирован и сбит с толку, стрелять по «нападавшим джиннам» не стал, удержался, каждый раз срабатывала глубинная «блокировка» морали, закалка, воспитываемой веками этики, основанная на заповеди «не убий» и опиравшаяся на тренированное самообладание. «Меч» оставался в «ножнах», хотя меч у Клима, многодиапазонный излучатель «универсал» с автоматической наводкой на цель и мысленным спуском, был гораздо более мощным оружием.

Опустившись еще на сто метров ниже прежнего уровня — таково было впечатление, подкрепленное измерениями датчиков,— временами полностью теряя ориентацию и смысл своих блужданий от оглушительного «шума», с трудом удерживаясь на грани беспамятства, Мальгин вынужден был констатировать, что глубже ему не пройти. Хорошей защиты от пси-излучения у него не было. К зрительным добавились и звуковые галлюцинации: кто-то звал его, предупреждал, вещал философские истины, смеялся и плакал, говорил голосами Купавы и Ромашина. Однако Мальгин отреагировал на все эти «голоса» лишь дважды: первый раз — когда с ним заговорил Ромашин, и второй — когда послышался голос Шаламова.

— Дан, это ты? — прохрипел Мальгин.

— Я то, что было, есть и будет,— ответил «собеседник»,— никто из смертных не приподымал моего покрывала [1].

Мальгин сразу потерял интерес к голосу,— он говорил сам с собой. Но когда «Шаламов» заговорил с ним второй раз, Клим все же не выдержал, вступил в диалог:

— Где ты, Дан? Отзовись!

— Клим, дальше тебе ходу нет, возвращайся.

— Где ты? — крикнул Мальгин, невольно напрягая зрение и слух, но видел вокруг лишь танцующих огненных чудовищ, а в ушах звучал рев «диких слонов», «грохот взрывов» и «адский вой урагана».

Шаламов не ответил.

И Мальгин двинулся в прежнем направлении.

Он обнаружил Даниила случайно, буквально наткнувшись на две черные фигуры, причудливо искаженные искривленной линзой сознания, но все же материально ощутимые и твердые. Мальгин не

---

[1] Надпись на храме Изиды в Саисе (Египет).

смог определить, кто из них Шаламов в образе маатанина, а кто галлюцинация, иллюзорный двойник, поэтому хирург, ощупав первую фигуру и убедившись, что перед ним, похоже, человек в скафандре типа «отшельник», принайтовил находку к своему скафандру с помощью прочного линя и приказал Клаусу включить «аллюр три креста». Координатор, тоже наполовину оглохший и ослепший, память все же сохранил и рванул назад из адского места, стены которого, казалось, вот-вот сомкнутся и раздавят непрошенных гостей.

Очнулся Мальгин в просторном гроте с неровным полом и низким потолком, украшенным пятнами светящейся изморози. Оглянулся. В кильватере за ним одна за другой смирно следовали две черные глыбы, два маатанина.

— Кажется, у меня начался бред,— сказал он сам себе спокойно, жадно глотая витаминизированную смесь.— Я почему-то вижу двух «черных людей». Чур меня

Мальгин поперхнулся, с минуту смотрел на неподвижные фигуры, постепенно приходя в себя, потом наконец вспомнил:

— Их и должно быть двое, ты же сам говорил, что видел двоих. Даниил нашел-таки своего визави, того самого своего крестника, которого спас. Надо же, как повезло, ай да мы!.. Кстати, как долго я был без сознания?

— Час одиннадцать минут. По моим подсчетам мы где-то недалеко от...— Клаус замялся.— Я потерял ориентацию. Здесь мы не проходили.

— Немудрено в такой свистопляске... Поехали наверх... или куда там еще, вылезем — сообразим, что делать дальше.

Связка из трех одинаковых с виду фигур, две из которых были созданы голографической аппаратурой земных скафандров, медленно поползла вдоль грота к выходу, потом по коридорам из «пещеры в пещеру»; менялись диаметры и длины коридоров, размеры залов, их стены постепенно светлели, наливались молочным свечением, в них появились прозрачные прожилки, словно пласты хрусталя, и наконец впереди засияло отверстие выхода. Мальгин инстинктивно замедлил движение, ему стало не по себе: выходил он явно не там, где когда-то начал погоню за Шаламовым. В тревоге сжалось сердце.

Выход приблизился, в глаза брызнуло ярким белым светом. Стиснув зубы, Мальгин одним прыжком преодолел последние метры пути и вылетел наружу. И не поверил глазам.

Ландшафт кругом был не Стража Горловины, и вылетел хирург не из «храма» — из сверкающей алмазными просверками ледяной горы! Гора имела плоскую вершину, усеянную множеством ниш, и курилась паром. Стояла она в ущелье с отвесными, синими с голубым, стенами, поднимавшимися на колоссальную высоту и буквально тающими в голубом свечении неба. Светила видно не было, и все

же освещен это мир был, как в яркий солнечный день на Земле. Казалось, что светится сам воздух.

По ущелью, почва которого имела серо-синий цвет, были разбрызганы вкрапления черных пятен и заросли «настоящего» бамбукового леса, удивительно ровного, как щетка: каждое «дерево» представляло собой совершенно прямой членистый прут высотой до ста метров, черный у основания и краснеющий к вершине. В разных местах ущелья, уходящего влево до горизонта и поворачивающего справа, виднелись «ледяные горы», такие же, как и та, из которой выбрался Мальгин: неровные параллелепипеды в невероятно сложном узоре ниш и рытвин, красивые, гармоничные, эстетически совершенные, вызывающие впечатление небывалой легкости и стройности, несмотря на неуклюжую форму, размеры и массу.

— Поздравляю,— раздался в ушах чей-то голос.

Мальгин, зачарованный, медленно повернулся.

— Привет, Клим,— снова прозвучал голос.— Поздравляю с прибытием на Орилоух. Ты все же нашел меня, старик. Зачем?

Мальгин вспомнил о «василиске», как о постыдной тайне, в пересохшем горле пискнул задавленный волнением вопрос: «Кто ты?» Вместо этого он хрипло проговорил:

— Ты напрасно сбежал из клиники, Дан. Многие беспокоятся, что ты можешь... понимаешь, может быть, даже неосознанно...

— Ясно, не продолжай. Кто именно беспокоится? Безопасность? Ромашин.

— Не только.

Шаламов рассмеялся. У Мальгина похолодела спина от этого смеха, лишенного эмоций, ровного и холодного, как снежное поле.

— Купава, что ли? Допускаю. А ты, видать, до сих пор не остыл, Климушка, и не забыл... и не простил, а?

— Дурак ты! — вырвалось у Мальгина непроизвольно первое, что пришло в голову.

— Может быть,— с неожиданной легкостью согласился Шаламов.— Что есть, то есть. Хотя я почему-то всегда был уверен в обратном. Да и Купава не ушла бы к дураку.— Тот же холодный смех.

«Тогда был дурак я,— подумал Мальгин с тоской, блокируя выход пси-передатчика на антенну связи.— Если бы мне дали возможность, я бы каждый свой шаг прошел не так... и не было бы этой встречи...»

— Где Купава? — спросил спасатель.— Дома я ее не нашел.

— Не знаю,— соврал Мальгин с пугающей простотой.

— Знаешь,— твердо сказал Шаламов.— Знаешь, мастер. Не хочешь говорить — не надо, узнаю сам. Что же мне с тобой делать? Ты мне будешь мешать.

— Давай вернемся. Дан. Без твоего согласия ни о какой операции речи быть не может, обещаю, хотя ты и...

— Договаривай.

— Ты болен, Дан, болен чужим знанием, и прекрасно понимаешь это. Прошу тебя, давай вернемся, тебя ждут. Купава тоже.

— Откуда сведения? Вернуться я успею. Что мне с тобой делать, лучше скажи. Ты же добровольно не отстанешь...

— Не успеешь, Дан. Я имею в виду, что чем позже ты вернешься, тем дальше зайдет процесс...

— Ну-ну? Интересно.

— Не торопи меня и не стращай, я давно прошел границы страха. Ты и сам знаешь, что в тебе идет процесс перестройки психики. Кем ты станешь, Дан, когда он закончится?

— А тебе что за забота? Подумал бы лучше о себе.

У Мальгина вдруг возникло ощущение, что внутри Шаламова шевельнулся дракон, поднял голову и посмотрел на него ледяным взглядом.

5

Ромашин сорвал с головы эмкан и посмотрел на осоловелого Шевчука.

— Прошел?

— А дьявол его знает! Стопроцентной гарантии нет, но он в станции. Думаю, конфликтная ситуация внутри маатанского метро исключена, «черные люди» не самоубийцы, чтобы пытаться силой остановить гостя с такой энерговооруженностью, как Мальгин.

— И все же...

— Отбой прикрытию! — скомандовал Шевчук и тоже снял эмкан.

Пока отрабатывалась процедура свертки операции, возврата эшелонов, подстраховывающих поход Мальгина к станции маатанского метро, руководители операции молчали и вздохнули свободно лишь после того, как все аппараты десанта, кроме телезондов, покинули атмосферу планеты и вообще пространство системы. Но не успел Ромашин вызвать начальников служб и руководителей отрядов, как на спейсер пришел кодированный видеовызов. Развернувшийся виом кодовой связи отразил экспедиционный зал станции «Эдип-2», центральной резиденции комиссии по контактам в системе Маата.

— Что вы самовольничаете, Ромашин? — сказал из виома прозрачноглазый, седой, вечно чем-то опечаленный Уильям Уэрт, начальник экспедиции и он же заместитель председателя ВКС.— Мы только что получили ноту маатан: в течение часа покинуть систему во избежание «недоразумений». Что произошло? Почему ваши технари сидят на Маате?

— Уже не сидят,— вздохнул Ромашин.— Мы вынуждены были развернуть императив по пункту «срам». Кстати, мы вас предупреждали, что могут быть осложнения.

— Вы практически сорвали начавшийся было единственный возможный вариант неформального контакта с «черными людьми». Понимаете? Неужели не могли обойтись без этих ваших императивов?

— Не могли,— ровным голосом ответил Ромашин.— Альтернативных решений много, а верное, отвечающее оптимальным расчетам одно. Кто может без колебаний определить его в условиях дефицита времени? Я уверен, что мы действовали правильно.

— Какова «размазка» вероятности?

— Эфаналитики дали семьдесят семь [1], достаточно для проведения любой операции.

— И все же ваши действия можно квалифицировать, как намеренный срыв работы комиссии. Вы не можете не знать, что контактные отношения цивилизаций — это не только научные и культурные связи, но и все виды взаимодействий, от экономических, идеологических, до политических и дипломатических, и если сорвать дипломатические...

— Я понимаю,— сказал Ромашин.

— Вряд ли,— отрезал Уэрт.— Иначе обеспечили бы себе квалитет ответственности.

— Председатель СЭКОНа предупрежден.

— Он должен был присутствовать на борту спейсера во время проведения вашей операции, вы же не мальчик, Ромашин. Я тоже не поборник официальных инструкций, но не в таком же деле. Единоличные решения операций столь крупного масштаба неправомочны и преступны, даже если они рассчитаны с дальним прицелом благих намерений. Чем вы мотивируете свои действия?

— С Земли в систему Маата бежал из Института нейропроблем Даниил Шаламов, находившийся на излечении с диагнозом...

— Я слышал,— кивнул Уэрт, в чертах которого было что-то от грустного бульдога.— Синдром «черного человека», так это, кажется, называется? Ну, и из-за чего вы всполошились?

Ромашин помолчал, покосился на каменно застывшего Шевчука.

— Он... не всегда способен контролировать свои поступки. Более того, прогноз его будущей психической деятельности неблагоприятен настолько, что... вероятно даже полное расщепление личности, а при его возможностях это может повлечь непредсказуемые тяжелые последствия. Его надо было остановить и вернуть.

— Он что же — супермен-киборг?

---

[1] Имеется в виду, что вектор правильного выбора операции рассчитывается аналитиками заранее, и если вероятность правильного выбора превышает семьдесят процентов, вариант принимается.

— Ирония здесь неуместна. О его возможностях говорит уже тот факт, что против него работал весь технический и оперативный потенциал отдела и погранслужбы, а он все равно ушел!

Теперь замолчал председатель комиссии, грустно опустив уголки губ; казалось, он готов заплакать. Потом сказал тихо:

— Еще раз убеждаюсь, что древние философы знали жизнь не хуже нас, овладевших космосом. По закону Джилба любая система, зависящая от человеческой надежности, ненадежна. Мы просто не в состоянии всего предугадать, в силу несовершенства логического аппарата, в силу психологического несовершенства, а может быть, и биологии. До связи на Земле, камрады.

— Все же попытайтесь объяснить маатанам, в чем дело. По сути, мы пытались обезопасить в первую очередь не себя, а их.

Уэрт не ответил.

Виом свернулся в нить и погас.

Ромашин и Шевчук смотрели на глазок проектора, словно ждали, что он вспыхнет вновь и Уэрт весело прокричит: «Все в порядке, камрады, маатане все поняли и передают всем привет!»

— Если бы мы еще были уверены, что Мальгин отыщет беглеца...— произнес Шевчук.

Ромашин встрепенулся.

— Не стоит думать о потерянных возможностях. Временная неудача лучше временной победы. Если Мальгин сработает хорошо, он выплывет вслед за Шаламовым или в Горловине, или на Орилоухе, это рационально. Что говорят наблюдатели?

— Молчат. Может быть, все же потревожим СЭКОН еще раз, объясним ситуацию? Пусть кто-нибудь прибудет для соблюдения квалитета.

— Поздно,— сухо сказал Ромашин.— Мы в цейтноте, и думать, как действовать,— поздно, надо действовать. Зонды на Маате уцелели?

— Все пять, передачи вполне чисты... пока.

— В таком случае уходим в Горловину, здесь останется Лютый с обоймой прикрытия. Гони вызов на «Конунг».

Шевчук замешкался.

— В чем дело? — среагировал Ромашин, от внимания которого не ускользала ни одна мелочь.

— Есть сообщение с Земли, но я не знаю, настолько ли оно важно, чтобы заниматься им сейчас.

— Короче и по существу.

— Некто Марсель Гзаронваль самовольно, без подготовки и уведомления соответствующих служб попытался пройти третий полигон.

— Ад-3?! Он что, сумасшедший? Что с ним?

— Сняли с трассы в состоянии грогги.

— В каком месте?

— В зоне информационно-топологической развертки.

— Для непосвященного он еще легко отделался. Кто он профессионально?

— Спасатель из группы курьеров Жостова.

— Что?! Ты понимаешь, о чем речь? Шаламов тоже из группы Жостова и, возможно, встречался с этим Гзаронвалем. Немедленно проверить и сообщить!

— Проверяется,— сказал Шевчук без тени самодовольства; он был умен и надежен, как скала.

* * *

На борту спейсера «Конунг», которым командовал Хольгер Свалинг, похожий на Шевчука, как родной брат, Ромашина ждало сообщение об инциденте на острове Спасения, как его окрестили наблюдатели, где некогда произвел посадку верхом на маатанском корабле шаламовский «Кентавр».

Наблюдатели заметили Шаламова одновременно с маатанским сторожем и вынуждены были предпринять марш-бросок к «храму» вслед за маатанином на своем когге, замаскированном под аппарат «черных людей». Они же смогли помешать сторожу и в тот момент, когда тот пытался напасть на появившегося в поле зрения «черного человека», не сразу распознав под его видеокамуфляжем скафандр Мальгина. А когда наблюдатели, уничтожив сторожа, достигли «храма», Мальгин уже проник в здание, не ответив на прямой вызов.

— Так.— Ромашин думал несколько мгновений, просматривая некоторые моменты записи еще раз, сел за пульт оперативного выхода.— И вы его, конечно, упустили.

Сваллинг, флегматичный и корректный, сел рядом.

— Не совсем так. Мальгин, как и Шаламов, проник в артефакт... извините, вы еще не знаете изменений в терминологии. Научниками исследовательской дружины с некоторыми оговорками доказано, что все эти «храмы», «башни», «здания» и прочие «постройки» не что иное, как скелеты живых существ.

— С гипотезой я знаком, что за оговорки?

— Похоже, это не совсем скелеты, вернее, снаружи — да, именно скелеты, а внутри как будто еще тлеет жизнь. Странная, судя по всему, жизнь.

— А из чего видно, что «храмы» — это все-таки скелеты?

— Машинный анализ показал, что все их пропорции от больших до малых подчиняются закону золотого вурфа [1], как и все живое.

---

[1] Вурф (бросок, *нем.*) — термин проективной геометрии, означает четверку точек прямой, обладающих свойством не меняться при конформном преобразова-

Кстати, артефакты, как мы тут их называем, очень сильно «фонят» в пси-диапазоне. Жуть берет, как подумаешь, что это останки живых существ, строителей Стража Горловины, со встроенными в них механизмами мгновенного «струнного» транспорта. Хотя кто знает, может, это и не останки вовсе.

— Научники считают, что они погибли? Или умерли от старости?

— Скорее всего вымерли, но по этому поводу, да и по другим тоже идут жаркие споры.

— Но ведь многие, если не все, архитектурные сооружения на Земле также построены с учетом канона пропорций, в том числе и с учетом золотого вурфа, золотого сечения, иконографических норм. Даже древние зодчие тысячи лет назад знали эти законы и создавали потрясающие по красоте архитектурные комплексы, храмы, соборы, церкви. Нет?

— Вы правы, но ни одно сооружение на Земле, какой бы сложности оно ни было, не построено еще и по закону фрактального кластера, это прерогатива только живой природы. Для создания эстетического эффекта человеку этот закон не понадобился, хватило более общих законов.

— Хорошо, оставим эту тему, пусть ею занимаются научники и другие компетентные службы. Вы не ответили на вопрос, где Мальгин.

— Он в артефакте, имеющем, кстати, несколько прямых выходов на «струну» мембранного типа, а «струны» здесь соединяются в подобие сети метро, уходящей вглубь Горловины вплоть до объекта, который мы назвали форпостом Границы. Возможно, есть выходы и на межзвездные «струны».

— «Храм»... артефакт обследован? Куда делись Шаламов и Мальгин? Ушли по «струнной» сети в Горловину? Прячутся в глубине здания?

— Если ушли, то найти их практически невозможно, они могут появиться где угодно, в любой точке Горловины, а само здание еще исследуется. Что касается форпоста Границы, то автоматы из его глубин не возвращаются, а люди... глубже двух сотен метров от уровня входа, если судить по датчикам, пройти не удается, пси-фон возрастает до величин, расстраивающих нервную систему до сильнейших фантомных болей и галлюцинаций. Мы едва не потеряли двух разведчиков... Шаламов и Мальгин исчезли.

Ромашин молча натянул эмкан «спрута», включаясь в интегративную систему связи оперативной группы в Горловине, вылу-

---

нии. Золотой вурф, как и золотое сечение, будучи воплощенным в геометрические формы, производит наибольшее эстетическое впечатление гармоничностью пропорций; в живом золотой вурф заложен изначально, как следствие закона выживания более совершенного.

щивая из памяти базового компьютера те сведения, которыми располагал банк оперативных данных по «серой дыре».

С момента открытия «серой дыры» Шаламовым и его спасения ситуация в Горловине изменилась. Доказав с необходимой и достаточной достоверностью приоритет открытия «серой дыры» за двумя представителями разных цивилизаций одновременно,— человеческой и маатанской (хотя социологи и ксенопсихологи отдавали предпочтение землянам «по очкам», потому что Шаламов пришел в себя раньше и обнаружил Стража Горловины) — люди с многократным дублированием передали свои доказательства на Маат, а так как ответа не последовало, сочли возможным действовать по своему усмотрению.

Маяк маатан, вопивший на весь космос: «Владение Маата. Заходить, исследователь, пользоваться запрещено!» — был выключен, а вместо него установлен бакен с высветом на всех мыслимых диапазонах электромагнитного спектра фразы: «Заповедная зона! Применение в частных целях запрещено! Разрешены только исследовательские работы с чистой экологией». Аппараты маатан, прозванные «дикими сторожами» за их агрессивность в отношении к земной технике, сначала были несколько раз предупреждены, о чем немедленно передавались сведения на Маат, а потом уничтожены. Оставшиеся автоматы, а может быть, и управляемые живыми «черными людьми», стали избегать встреч с земными кораблями, испробовав на них свои излучатели и убедившись в тщетности попыток атак на уничтожение. Но поскольку они все равно оставались опасными соседями с непредсказуемым поведением, земные наблюдатели глаз с них не спускали.

Встречались в Горловине и другие аппараты, не похожие на маатанские и предположительно относящиеся к орилоухским. Были они странными, иррационально неконтактными, неуловимыми, и так же, как и аппараты «черных людей», не отвечали на запросы землян. Как правило, они уходили из-под наблюдения, как только люди обращали на них внимание, и не подпускали к себе никого ближе, чем на несколько километров, за редким исключением, типа того, что случилось во время проникновения Мальгина в «храм». Исчезали и появлялись в пространстве они бесшумно, как призраки, то есть не оставляли после себя ни ударных ТФ-волн, сотрясающих вакуум, ни «суперструнного таймфагового» эха или «шипения», ни электромагнитного излучения, за что и были прозваны «фантомами», хотя были они не менее материальны, чем земные спейсеры и когти или маатанские «дикие сторожа».

Выслушав мысленные рапорты командиров ведомых станций и постов, исследовательских баз, разбросанных по узкому пространству Горловины, Ромашин сделал вывод, что его присутствие на борту лидера погранслужбы «Конунг» необязательно, да и на Земле

ждало много нерешенных проблем. Пробыв на «Конунге» еще несколько часов и убедившись, что Шаламов и Мальгин действительно затерялись в таинственных недрах форпоста Границы, начальник отдела безопасности вернулся в Управление.

Первым, кто встретил его в зале метро, был Джума Хан.

— Что с Климом? — спросил врач, как всегда собранный и по-особому серьезный.

Ромашин в двух словах обрисовал ситуацию, добавив, что рад видеть Джуму живым и здоровым. В своем кабинете он усадил гостя в кресло, поколдовал над столом, пробуждая ото сна киб-секретаря, сказал негромко:

— Джума, у меня к вам два вопроса, от точности ответов на которые будет зависеть многое.

У глаз врача спас-службы собрались в ироничном прищуре морщинки, но он только молча поклонился. Ромашин искоса посмотрел на его спокойные руки.

— Вопрос первый: что случилось между вами и Шаламовым, когда он выбрался из реанимакамеры?

Джума ничем не выдал своего состояния.

— Ничего. Практически.

Ромашин безмолвно смотрел на него.

— Я до него не добежал,— продолжал врач, нахмурился, вспоминая, и нехотя добавил.— Можете смеяться надо мной, но перед тем, как я... мне показалось, что я вижу внутри Даниила хищного зверя.

— Какого именно? — быстро спросил Ромашин.

— Да-да... в общем-то...— Джума ошеломленно взглянул на его изменившееся на мгновение лицо.— Мне показалось, что это была... странная помесь тигра и крокодила... или варана.

— Продолжайте.

— Это все. «Тигрокрокодил» прыгнул на меня и... я потерял сознание.

— Спасибо.— Ромашин откинулся в кресле, не сводя взгляда с лица врача.— Это коррелируется с впечатлениями экипажа «Скифа», хотя их видения несколько отличаются от ваших. Второй вопрос: вы хорошо знаете Мальгина?

Джума Хан оторопел, затем усмехнулся, покачал головой, отвечая каким-то своим мыслям, выражение затаенной иронии в его облике стало заметней.

— Вряд ли. Хотя суть его характера, по-моему, постиг. Знаете, как его прозвали товарищи по работе и друзья? Человек-да. Он весь в этом определении. Хотя, с другой стороны, если он скажет «нет»— значит, так оно и будет.

— И мне так показалось.— Взгляд Ромашина смягчился, стал задумчивым.— Как говорил Бернард Шоу: «Существует пятьдесят

способов сказать слово «да» и «нет», и только один способ написать его». Это изречение в известной мере можно отнести и к Мальгину, его «да» и «нет» — словно вылиты в металле.

— То есть? Поясните, пожалуйста.

— Его «да» и «нет» почти не имеют оттенков, они словно написаны, впечатаны в металл раз и навсегда. Недаром он одинок.

Врач покачал головой, колеблясь, но так и не заговорил. Встал, собираясь уйти.

— Зачем вы спросили о нем?

— Просто хочу знать, чего от него можно ждать. Как вы думаете, что он предпримет, догнав Шаламова?

— Не знаю. Действительно не знаю, простите.

— И я не знаю, а должен. Едва ли он воспользуется «василиском».

— Вы снабдили его гипнотизатором?!

— Да, а что?

— Если Клим включит его, он погиб! Черт бы вас побрал! — Хан круто повернулся и пошел к двери.

— Вернитесь, Джума,— сказал Ромашин, не повышая голоса.

— Извините...

— Почему вы считаете, что он погибнет? «Василиск» — не обычный гипнотизатор, он способен усыпить любое живое существо с любым соматическим и генетическим аппаратом.

— И «черного человека» тоже?

— Причем тут «черный человек»? Шаламов биологически и физиологически человек, гуманоид, несмотря на усиление некоторых качеств и засевших в генах памяти маатанского компьютера.

— Дремлющую до поры, до времени.

— Пусть дремлющую, но даже если память пробудилась, она не способна разрушить органы чувств Шаламова.

— Шаламов — оборотень, вы это прекрасно знаете, иначе не поднимали бы панику по поводу его бегства. А если, усыпив в Шаламове человека, вы тем самым разбудите «черного» в нем? Что произойдет? Я уповаю только на то, что Клим удержится от выстрела из «василиска». До свидания.

Джума вышел.

Ромашин опустил голову на кулаки, глубоко задумавшись...

* * *

Во второй половине дня он вспомнил заинтересовавшее его сообщение Шевчука о спасателе по имени Марсель Гзаронваль, который проник на полигон «Ад-3» ради острых ощущений, и что случи-

лось это после бегства Шаламова из клиники. Связи между этими событиями могло и не быть, но Ромашин обязан был проверить ее, тем более что Гзаронваль и Шаламов работали когда-то в одной упряжке. Узнав, где находится пострадавший, начальник отдела за несколько минут добрался до клиники «скорой помощи» спасцентра, занимавшей левое крыло Управления.

Гзанроваль лежал в отдельной палате, вернее, сидел перед виомом и смотрел какую-то комедию. Сопровождавший Ромашина врач выслушал доклад автомеда и вышел. Гзаронваль — красивый, мускулистый и загорелый парень с капризной складкой губ и острым хищным носом, покосился на Ромашина, потом понял, что это не врач, и повернулся к нему лицом.

— У меня один вопрос,— сказал Ромашин, стоя.— Извините, я не представился: Игнат Ромашин.

— Я вас знаю,— кивнул спасатель хмуро.— Не хватало, чтобы мной еще занималась безопасность. Чем могу быть полезен? Или вас интересует, кто меня пропустил на полигон?

— Это я уже знаю,— спокойно сказал Ромашин.— Вопрос такой: что вас толкнуло на этот странный поступок? Ведь для того, чтобы пройти третий полигон, необходимо закончить курс спецподготовки, в который входит не только оптимайзинг, но и социотренинг, неформальное эс-моделирование, интегральный пилотаж, тень-маскировка, а после этого еще и пройти проверку на сюрприз-сопротивляемость и стрессовую закалку. Вы понимаете, что могли погибнуть? С чего вдруг у вас возникло столь дикое желание?

— Ничуть не дикое... Мальгин смог пройти «Ад-3», и я смогу,— решительно сказал он.

— Причем тут Мальгин? — Ромашин озадаченно погладил левую бровь.

— Был у меня с ним... разговор.

— Так это с его подачи вы кинулись в омут? — догадался начальник отдела.

— Да,— нехотя ответил Гзаронваль, помолчав.

— А откуда вы знаете, что Мальгин проходил третий?

Спасатель кривовато улыбнулся.

— Слухом земля полнится... Разве узнать об этом сложно?

— Понятно. А с Шаламовым вы давно виделись?

— Да, почитай, с момента его последнего кенгуру. Вообще-то по графику идти курьером на Орион-6 должен был я, но у меня были... свои... в общем, я попросил Дана, он согласился.

М-да, насколько все было бы проще, подумал Ромашин, оставаясь с виду бесстрастным. Вряд ли этот красавчик стал бы спасать маатанина столь изобретательно, как Шаламов. И не получилось бы этого кавардака с бегством и вынужденными нештат-

ными режимами. Как говорили в старину: сублата кауза, толлитур эффектус [1].

— Спасибо.— Ромашин откланялся.— Желаю скорейшего выздоровления. Извините за беспокойство.

Он почувствовал облегчение и одновременно странное сожаление, что случай с Гзаронвалем не связан с Шаламовым. Правда, не совсем ясной была роль Мальгина в этом деле, но то была уже другая опера, неподвластная партитуре отдела безопасности. Ай да Мальгин! Вот тебе и тихоня-хирург, упустивший жену из рук. Пройти «Ад-3» надо умудриться!

По пути в Управление Ромашин зашел в бар, выпил брусничного сока, поговорил с коллегами из погранслужбы, забежавшими в бар «перехватить по капле смысла», и вернулся в отдел. В кабинете его ждала женщина исключительной тонкой красоты с бровями взразлет и лучистыми серыми глазами. Он узнал ее сразу — Купава, жена Шаламова. Она встала при появлении Ромашина, молча ожидая его реакции.

Начальник отдела остановился на пороге, глядя женщине в глаза, потом поздоровался, усадил ее в «личном» углу кабинета и сел напротив. Он редко ошибался в оценке собеседника, поэтому, не ожидая ее вопроса, заговорил:

— Будем откровенны, Купава. Вы сильная женщина, насколько я знаю, и с вами не нужно искать путей обхода острых углов. Ничего утешительного сообщить не могу: он жив, но исчез.

— Кто? — шепотом спросила Купава; глаза ее наполнились слезами.

Ромашин опешил, оставаясь с виду спокойным и доброжелательным. Подумал: кажется, она с одинаковым чувством беспокоится за судьбу обоих. Во всяком случае ее вопрос явно не о муже... хотя такой паритет мне абсолютно непонятен. Зачем в таком случае надо было уходить от одного к другому? Захотелось проверить свою силу? Чувства? Впрочем, как говорят философы: единственная действительно непрогнозируемая вещь — женская логика.

— Мальгин исчез тоже,— сказал он ровным голосом.

Купава судорожно вздохнула, погладила живот — машинально, прислушиваясь к себе, потом глаза ее затуманило облачко недоумения.

— Ким? Как... исчез? Почему?

— Он участвовал в операции по перехв... поиску вашего мужа. Подробности вам ни к чему. Оба замечены в Горловине... редчайшем астрофизическом объекте, оставшемся от эпохи инфляционного расширения нашей Вселенной... и открытом вашим мужем. Даль-

[1] Sublata causa, tollitur effectus — с устранением причины устраняется следствие *(лат.)*.

нейшее местопребывание их неизвестно, хотя я уверен, что они оба живы.

Купава с заметным усилием справилась с собой, улыбнулась сквозь тоску и внутреннюю боль.

— Простите... думаете, я всегда такая... рева?

— Не думаю,— мягко, как мог, ответил Ромашин.— Все дело в маленьком, так? — Он кивнул на ее живот.

— Вы проницательны. Но я жду не мальчика — девочку.

— Уже есть имя?

— Нет.

— Хотите предложу?

Купава недоверчиво посмотрела в глаза Ромашина, мудрые и всепонимающие, и вдруг поняла, что он далеко не молод, хотя с виду выглядит всего на тридцать пять — сорок лет. И еще она поняла, что ее успокаивают,— ее, всегда гордившуюся своим самообладанием, с насмешкой относившуюся к любому проявлению женской, равно как и мужской, слабости.

— Спасибо, но все же пусть имя дают ей те, от кого это зависит.

— Резонно,— кивнул Ромашин, скрывая улыбку.

— А хотите в ответ выслушать мою историю? Вы не торопитесь?

Ромашин встал, наклонился над столом, негромко произнес:

— Я занят, беспокоить только в ЧП-режиме.

Сел снова.

И Купава вдруг, неожиданно для себя самой, рассказала ему все о себе и о своих отношениях с Мальгиным и Шаламовым...

Несколько минут он молчал, постукивая по столу указательным пальцем, поднял голову. Женщина виновато улыбнулась.

— Никогда не думала, что когда-нибудь вот так... ни с того, ни с сего, разоткровенничаюсь перед незнакомым человеком о наболевшем... но мне больше не с кем делиться... хотя вру, есть такой человек, отец Клима. Но так уж получилось... извините. Клим как-то сказал, уже после... после нашего разрыва: все проходит, но мы остаемся. Я не верила, что эта простая фраза способна мучить больней, чем физическое страдание, особенно когда понимаешь, что во многом была неправа... Что-то словно погасло во мне и вспыхнуло вновь, когда я увидела его глаза и поняла, что он все еще любит и страдает, как никто другой, потому что больше всего мучаются и страдают именно сильные люди, просто это мало кто видит. И у меня появился... есть такой термин в медицине: синдром стресса ожидания,— у меня внутри все заледенело и не тает. А самое страшное — я жду их обоих! И люблю обоих...— последние слова Купава произнесла шепотом, с изумлением и страхом.— Или так не бывает?

— Бывает,— сказал Ромашин.— Но недолго. Рано или поздно выбор делать придется, а сейчас они в равном положении... для вас.

— Не знаю... Марс говорит, что оба они любители острых ощущений и не способны... думать о других.

— Кто это — Марс?

— Марсель Гзаронваль, друг Дана, они вместе работали.

Вот это сюрприз, подумал Ромашин изумленно. Снова Гзаронваль! Теперь только в качестве «друга семьи»... Что же это он отзывается о своем друге так нехорошо? Ладно бы о Мальгине, как-никак «списанный» муж, но о Дане?.. Интересная ситуация, надо бы с ним повстречаться еще раз...

— Что молчите? — не выдержала Купава.

— По-моему, ваш Марс неправ, Мальгина никак нельзя отнести к любителям острых ощущений. И относить его в разряд людей, мало заботящихся о других, я бы тоже не стал.

— Разве он не может измениться?

— Он — нет,— покачал головой Ромашин.— Хотя я могу и ошибаться. Вам судить его несомненно легче.

Тишина повисла в комнате, тонкая и хрупкая, как льдинка на стекле. Ромашин сидел, полузакрыв глаза, и Купаве даже показалось, что он задремал, но губы собеседника вдруг шевельнулись:

Друг мой, друг мой, я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь, орошает мозги алкоголь.

Ромашин читал Есенина!..

Дочитал. Купава сидела, не шевелясь. По лицу ее трудно было определить, о чем она думает.

— Клим однажды произнес интересную фразу,— проговорил начальник отдела словно про себя.— В душе каждого из нас сидит свой «черный человек». Понимаете? Не тот, не маатанин,— есенинский «черный человек». У него, у меня... у вас тоже. И знаете, какой я сделал вывод? Мальгин, легендарный человек-да, спасший многие десятки жизней, сильный, властный и решительный человек,— раним и беззащитен, как никто из нас! И как никто из нас нуждается в поддержке. Но в чем я уверен на сто процентов — он никогда, ни при каких обстоятельствах не даст себе сорваться, какой бы «черный человек» внутри него ни сидел! Он всегда верен себе и, наверное, поэтому так одинок.

Купава покачала головой, порываясь что-то сказать, скорее всего возразить, но так ничего и не ответила.

Они посидели молча еще несколько минут, потом женщина встала. На пороге оглянулась.

— Простите еще раз меня за этот визит и спасибо за терпение,

вы мне очень помогли. Я почему-то верю, что вы вернете их... Что же касается Клима... до сих пор я была уверена, что сильным натурам не требуется ничья поддержка, вы поколебали во мне эту уверенность. Но я уверена и в другом: Дан тоже сильный человек и не позволит себе нанести вред другим. Марс здесь неправ. Просто Дан болен, вот и все. Клим вылечит его, вы только найдите. До свидания.

«Мне бы твою веру, девочка!»— с неожиданной тоской подумал Ромашин. Когда личность ломается — это одно, последствия такой ломки предсказуемы и поступки человека легко предугадать, а когда личность раздваивается и не знаешь — маатанин с тобой контактирует, динозавр или человек,— это совсем другое дело. Тогда дело из рук вон плохо! Потому что приходится не только страховаться, но и перестраховываться, шарахаться из крайности в крайность и совершать ошибки, не поддающиеся формализации и расчету...

Над столом всплыло алое кольцо аварийного вызова, пронзительно свистнул сигнал интеркома. Ромашин дотянулся и снял блокировку сенсора ответа.

— Они появились на Орилоухе,— доложил возникший из воздуха дежурный по отделу.— Все трое: Шаламов, Мальгин и «черный человек».

— Где именно?

— Квадрат аш-сорок один-юг, «дефиле духов». Самое загадочное место на планете, по-моему,— добавил дежурный.— Ландшафт там никогда не держится более суток, то и дело плывет и трансформируется.

— Готовьте «струну» на Орилоух. Шевчуку с обоймой усиления прибыть туда же. Тренажу отбой «три девятки» в эфир! От меня только что ушла Купава, жена Шаламова, прошу взять ее под наблюдение. Кто знает, вдруг ее супруг неожиданно объявится на Земле, возможности у него имеются. А для этого случая включите в постоянную готовность тревожную обойму. Все!

— Три десятки проиндексированы?

— АА.

— Может быть, «Шторм»?

— Нет,— отрезал Ромашин.— Выполняйте.

Дежурный кивнул, исчезая.

— Держись, Мальгин! — вслух сказал Ромашин, делая шаг к двери.— Все теперь зависит от тебя.

Когда-то состязание в силе и ловкости, открытая схватка с силами зла, кто бы их ни олицетворял — природа или человек, стремительный темп событий были его стихией, помогающей вскрывать резервы организма и полнее чувствовать вкус бытия, теперь же, на шестидесятом году жизни, на «пороге мудрости», как гово-

рили философы, такие схватки понимались уже как акты отчаяния после проигранной дуэли умов. Безопасник обязан выигрывать бой до его начала, только тогда он специалист своего дела. Правда, если приходится вступать в борьбу с опозданием, как в случае с Шаламовым, когда принципы и правила игры навязываются извне, ультимативно, то времени на обдумывание адекватного ответа почти не остается...

6

Мальгин напрягся, но не испугался,— Шаламов почувствовал это без удивления, как само собой разумеющееся; Клим был не из робкого десятка, но чувствовалось, что на душе у него тьма и мука. На мгновение у Шаламова в ответ шевельнулось чувство жалости, желание как-то успокоить друга, однако тут же в голове родилось знакомое ощущение проскочившей электрической искры: щелк! — и волна безразличия потушила желание, как вода — затлевший фитиль.

— Возвращайся, Клим,— глухо сказал Шаламов.— Я вернусь на Землю сам, когда мне будет нужно. Этот «ледяной айсберг» — то же самое, что метро на Маате,— Хранитель Пути, только он еще молодой, ему всего несколько тысяч лет. Все они наполовину растения, а наполовину животные, плюс интеллект. Когда-то их вырастили Вершители, пришедшие сюда из другого мира, и с тех пор они живут, как флорофиты, а функционируют, как живые станции метро. На Страже Горловины ты видел их скелеты, там они почему-то не прижились... хотя с ними мне еще не все ясно. Залезай внутрь «горы», ищи окно и уходи на Землю.

— А разве они имеют связь с Землей?! — невольно изумился Мальгин.— И никто из людей этого не знает?

— Скелет заплыл почвой и распознать его издали очень сложно.

— В таком случае, орилоуны посещали Землю?

— Задолго до появления на ней человека, поэтому легенд об их пришествии не сохранилось. К тому же, вероятнее всего, орилоуны сами не путешествовали.

— Что ты имеешь в виду? По крайней мере, один из орилоунов — тот же Хранитель Пути — сидит на Маате.

Шаламов почувствовал нарастающее раздражение: время уходило на пустопорожнюю болтовню, игру в вопросы и ответы, разговор затягивался, Мальгин явно тянул паузу — для того, чтобы их успели заметить земные наблюдатели, вдобавок «черный человек» начинал приходить в себя.

— На Маате сидит не орилоун, а универсальная транспортная машина, квазиживой организм, созданный или, если хочешь, выра-

щенный орилоунами. Живых орилоунов еще никто не видел, даже маатане, а все «орилоуны», с кем имели дело наши пограничники, ксенопсихологи и контактеры,— это изделия Вершителей, наделенные разумом в необходимых для функционирования пределах. Так что наши специалисты искали способы контакта с «машинами» орилоунов, если их так можно назвать.— Шаламов хихикнул: прорвалась одна из эмоций его былого «я».— Есть еще вопросы? Уходи, Клим, ради бога, мне действительно некогда с тобой возиться.

— Тогда ответь на последний вопрос.— В мысленном «голосе» Мальгина отразилось его возбуждение, волнение, изумление и недоверие.— Значит, на Орилоухе... нет живых орилоунов?!

— Я же сказал — нет.

— А откуда ты знаешь?

— Ты же только что утверждал, что вопрос последний. Знаю, Клим. Как и все маатане.

«Черный человек» рядом шевельнулся. Шаламов переключил диапазон мыслесвязи и быстро спросил по-маатански:

— Маатанин решил покончить с собой? Или хотел по «струне» «серой дыры» в иное пространство? Зачем?

— Я исчерпать моменты бытия,— ответил «черный человек» почти на чистом русском языке. Шаламов даже присвистнул от удивления: в языке маатан не существовало местоимения «я», и говорили они о себе в третьем лице, а его спаситель вдруг свободно перешел на пси-язык, адекватный земному разговорному.

— Ты явно прогрессируешь, старик!

— Мне более тысяча лет, хомо,— продолжал маатанин, не слушая пилота,— и я устать хранить в себе жизнь. Хомо получить представление о цель жизни маатан?

— В самых общих чертах, но хочу разобраться глубже.

— Мне жаль, но я ничем не помочь. Силы иссякать и долго удержать в себе жизнь я не смочь, и это очень опасность для хомо.

— Чепуха,— отмахнулся Шаламов,— не отказывайся от беседы в небезопасной для себя ситуации, ответь лучше на вопрос: зачем ты это сделал?

— Что есть? Точность формулировка вопрос, хомо.

— Сообщил обо мне на Землю зачем?

«Черный человек» помолчал: в мозгу Шаламова вспыхивали и гасли странные картины, соответствующие переживания негуманоида, но что они означали, спасатель не понимал, несмотря на приобретенные знания маатанских обычаев, истории и психологии.

— Хомо знать, что есть обратная связь? Когда он открыть шлю-

зы компьютера проникателя, я быть подключен другая сторона. И теперь я — наполовину хомо...

— Об этом я не подумал. Но все, что и делается,— делается к лучшему, я ведь тоже — наполовину маатанин, хотя меня это беспокоит мало. К тому же есть желание разобраться во всех «складах» памяти вашего компьютера, которые остаются закрытыми для меня до сих пор. Помоги осмыслить их и применить. Зря я, что ли, гоняюсь за тобой по Галактике?

— Хомо сейчас есть наполовину маатанин, ему этот мало? А стать маатанин он не смочь, как бы ни хотеть, им надо родиться. Хомо быть чужой для соплеменники и не стать свой для маатан, у нас разность цели существования.

— Цель жизни есть жизнь.

— Цель жизни — уничтожество хаоса в пространстве жизни, хомо, а люди способность поддерживать стабильность уровень энтропии только в масштабах оболочка свой тело, увеличность энтропия окружающей среды. И при этом называть себя разумными. Маатане жить иначе.

— Люди разумны, потому что стремятся познать мир.

— Как хомо мочь познать мир, не познав себя? Ему пора знать смысл маатанской цивилизация: объем используемость информация стремит в бесконечность, и ее принципиальность невозможность ни запомнить, ни освоить. Зачем тогда? Все связи с хомо — лишнесть. Не трать время, хомо, у маатан и людей разность цель жизни, им не понять друг друга.

— Но раньше маатанин был вообще некоммуникабелен, и все-таки мы нашли общий язык.

— Кто знать, хомо, можно ли считать этот разговор, мне для общение достаточность один контур память, в то время, как я вмещать миллиард такой контур. Люди устроенность проще, их место внизу лестницы эволюции, как и у всех биологические существа.

— Место людей — между богами и зверьми [1],— пробормотал Шаламов.— Маатанин ошибается. Еще раз по-хорошему прошу помочь расшифровать во мне криптогнозу, мне это очень важно.

— Пусть хом не обольщается, помочь ему мочь только соплеменники, например, один из них, что приходить ко мне ради хомо. Он рядом, пусть хомо обратиться к он.

— Что?! Мальгин приходил к тебе? Когда? Зачем?

— Он хотеть познать маатан, чтобы вылечить хомо. Про--ещальность, хомо. Я уходить, время мой возвращение в колыбель придти.

---

[1] Плотин.

— Дан,— послышался извне слабый пси-вызов.

— Что? — очнулся Шаламов, услышав наконец, что его окликают.

— Я спрашиваю, кто построил Стража Горловины? — повторил вопрос Мальгин, ничего не понявший из разговора Шаламова с маатанином.

— Не знаю,— машинально ответил Шаламов.— Его никто не строил, он выращен задолго до появления в космосе Орилоуха и Маата. Снова ты со своими дурацкими вопросами?.. Это правда, что ты был на Маате и встречался с «черным»?

— Правда.

— И что ты узнал?

— «Черный человек» получил отпечаток твоей личности, Дан, и положение его в своем мире от этого не улучшилось.

— Чепуха, его положение меняется не от внешних причин, не подходите к маатанам со своими мерками. Так ты узнал, как меня можно вылечить?

— В общем... да, хотя подтекст твоего вопроса явно скрывает иронию.

— Да потому что никто не знает точно, от чего меня надо лечить. И я не знаю, Климушка. И разговор о моем лечении излишен. Прощай. Или, как сказал «черный»: прощальность. Вряд ли мы когда-нибудь еще встретимся.

— Ты изменился, Дан. Раньше ты больше думал о своих друзьях... не говоря о Купаве. Неужели ты забыл о ней?

— Шел бы ты к черту! — Выругался Шаламов.— Достал-таки! О Купаве я позабочусь сам, не трогайте вы эту тему! Дайте мне разобраться с этим булыжником, возомнившим себя «вершиной эволюции», вот тогда, может быть, и вернемся к старой теме.

Спасатель включил антиграв, устремляясь вслед за «черным человеком».

Он не знал, что Мальгин в это время борется с собой, решая вопрос, включать ли «василиск» или нет. Время шло, но гипнотизатор так и не был включен... В последнее мгновение Мальгин, облившись холодным потом, заблокировал выстрел и успел скомандовать скафандру следовать за двумя «черными людьми», уносящимися прочь...

* * *

Маатанин не свернул к «ледяной горе» орилоухского «живого метро», а направился к стене ущелья, возле которой росла сложнейшая головоломная конструкция, от взгляда на которую в душе пробуждались древние атавистические страхи и тревоги.

— Ваш друг следует за нами,— предупредил Джордж.

Шаламов оглянулся: Мальгин в защитном скафандровом комплексе спасателя — камуфляж под маатанина он выключил — держался в кильватере, как привязанный.

— Черт с ним,— буркнул Шаламов.— Я его понимаю: он меня упустил и теперь будет лезть из шкуры, чтобы оправдаться перед безопасностью. Македонский в свое время выразился правильно: избави меня, боже, от друзей, а с врагами я и сам справлюсь. Будет надоедать — остановим.

— Он вооружен.

— Не имеет значения. Я его знаю, он не способен выстрелить в человека, которого считал своим другом всю жизнь. Так воспитан. Догоняй «черного».

Но догнать «черного человека» они не успели. Впереди вдруг с ревом разверзлась земля, из гигантской трещины выметнулся бешено вращающийся смерч дыма пополам с огнем, все вокруг зашаталось, загрохотало, волна искажения пробежала по ущелью, меняя очертания предметов, скал, строений и конструкций. Ударивший от смерча вихрь увлек Шаламова за собой, закрутил, бросил вниз, едва не разбив о голую поверхность обнажившегося скального дна. А потом на месте смерча вырос жуткий, ни на что не похожий, стеклянно просвечивающий призрак, заполненный «рыбьей икрой». Приглядевшись, Шаламов понял, что каждая «икринка»— на самом деле не то птичий, не то человеческий глаз!

В первые мгновения Шаламов опешил и упустил фигуру «черного человека» из виду, но Джордж не сплоховал, выполняя приказ хозяина и не обращая внимания на свистопляску орилоухской природы вокруг.

Маатанин вонзился в тело «призрака», превратился в черную струю жидкости, эта струя собралась в каплю и нырнула в растущую трещину в дне ущелья. Джордж замешкался, прежде чем повторить маневр «черного человека», и Шаламов крикнул:

— Вперед, не дрейфь!

— Мы в зоне полтергейста [1], это опасно.

— Вперед, я сказал!

— Предупредите хотя бы вашего друга. Кстати, чую локацию, нас догоняют.

Шаламов оглянулся и увидел, как в ущелье стремительным копьем падает десантный когг.

— Молодцы, быстро нас вычислили. Клим, слышишь меня? Не ходи за мной, нянчиться с тобой я не смогу.

— Я тебе не мешаю.

---

[1] Полтергейст — шум, игра духов *(англ.)*.

— Мешаешь! — В Шаламове вдруг на мгновение проснулся некто свирепый, яростно агрессивный; волной поднялся слепой гнев, затмил рассудок. Спасатель тут же опомнился, но Мальгин уже тормозил.

— Так-то лучше.— Шаламов унял поднявшуюся было в голове боль и, не оглядываясь, нырнул в тело танцующего, меняющего форму глазастого «призрака».

Мальгин, беспомощный, потерявший сознание от пси-удара, остался висеть в воздухе, не отвечая на тревожные запросы Клауса и командира десантного шлюпа.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Причудливые видения, то жуткие и угрюмые, то сказочно красивые, как танцующие эльфы, посещали его все реже и реже, и наступил наконец день, когда Мальгин проснулся с ясной головой и без тяжести в сердце.

Он лежал один в комнате с распахнутым во всю стену окном, за которым пели птицы и шелестели кроны деревьев, заслонявших солнце. Кровать была нормальной, без видимых медицинских приспособлений, но у стены висел пульт медицинского комбайна, и Мальгин понял, что находится в лечебнице.

Легкий ветерок заносил в комнату запахи свежескошенного сена и меда. Где-то далеко родился странный звук, поющий, нежный, звенящий, легкий, пробудивший древнюю родовую память и ассоциации чего-то патриархально идиллического, вроде вкуса парного молока, рожка пастуха и колокольчика на шее коровы...

Коса, вспомнил Мальгин, кто-то недалеко точит косу.

Ему до зуда в руках захотелось самому взять в руки отполированное руками цевье и пройтись по лугу, оставляя за собой ровную дорожку выкошенной травы. Он встал, прошлепал в плавках к окну и выглянул.

Так, все ясно, третий этаж клиники спас-центра. Неясно только,

как я здесь оказался... и сколько времени провалялся в постели.

Сзади раздался шорох открываемой двери. Мальгин оглянулся. В палату входил начальник отдела безопасности Ромашин, из-за спины которого выглядывал улыбающийся Джума Хан с букетом полевых цветов.

— Доброе утро,— скупо улыбнулся и Ромашин, протягивая сильную руку.— Как вы себя чувствуете, больной?

— А разве я больной? — Мальгин ответил на рукопожатие и с удовольствием хлопнул ладонью по ладони подмигнувшего Хана. Ему он был рад искренне.

Джума критически оглядел хирурга, ткнул пальцем в живот, вздохнул сожалеюще:

— Отощал малость, кожа да кости...

Все трое засмеялись. Клим напряг мышцы, приподнял врача и положил на кровать.

— Ладно, ладно, убедил,— сказал тот, вставая.— Вижу, что здоров, как бык. Рад видеть тебя в форме.

Мальгин сел на кровать, Ромашин и Хан уселись напротив, вырастив кресла из стены.

— Как я здесь очутился?

— А что вы помните? — спросил Ромашин.

Клим нахмурился. Чудовищные метаморфозы орилоухской природы встали перед глазами, удивительный колеблющийся «призрак» смотрел на него миллионом глаз, судорога ломала стену ущелья, а напротив висел «черный человек» — Шаламов, и не хватало решимости включить гипнотизатор...

— Мне показалось, что на меня прыгнул какой-то зверь,— проговорил Мальгин.— Потом вспоминаются всякие кошмары, но это, видимо, уже последствия.

— Нам удалось вытащить вас в последний момент. Едва десант пошел вверх, ландшафт ущелья полностью изменился: на его месте выросло нечто вроде чаши, заполненной кипящей лавой. Подобные трансформации ландшафта вообще характерны для Орилоуха, так что вы чудом остались в живых.

Помолчали. Мальгин никогда не предполагал, что ему на роду написано испытать так много необычных приключений в космосе, далеко от Земли, но он был рад, что выдержал эти незапланированные им самим испытания.

— Что с Шаламовым? Вы его... задержали?

— Нет, ушел, к сожалению. Вместе с «черным человеком». И где они находятся в данный момент, никто не знает. Во всяком случае ни на Орилоухе, ни на Маате, ни в Горловине они не появлялись. Кстати, почему вы не воспользовались «василиском»? — Ромашин покосился на Джуму Хана, который ответил ему таким же косым взглядом.

Мальгин задумался, потом тихо сказал:

— Мне почему-то казалось, что это... вроде удара в спину. Он не знал, что у меня есть гипнотизатор... а я хотел предупредить, но так и не смог.

— Ты молодец,— заявил Джума убежденно.— Это тебя спасло. Излучение гипнотизатора «переключило» бы личность Шаламова на его «альтер эго» — «второе я», на личность «черного человека», а тот мог отреагировать гораздо сильнее.

— Я в это не верю,— вежливо возразил Ромашин,— но объективности ради приходится признать, что Даниил, видимо, обладает особыми психофизическими способностями. По вашей записи мы расшифровали разговор Даниила с маатанином и выяснили многое из того, что было непонятным до сих пор. У «черного человека» наступил какой-то жизненный кризис, так сказать «соблазн небытия», он ищет то ли смерти, то ли забвения, а Шаламов жаждет разобраться в запасах маатанских знаний, записанных у него в мозге. Судя по всему, он очень изменился. Если раньше он был просто увлекающейся натурой, бескорыстной и прямой, хотя и не без проявлений беспечности, то после бегства его уверенность гипертрофировалась в самоуверенность, воля — в своеволие, независимость в авторитарность, решительность и жестокость, и базируется это все на прогрессирующем равнодушии.

Мальгин с недоверием посмотрел на гостя.

— И все эти выводы вы сделали на анализе одного разговора?

— К сожалению, не только. Расщепление личности Шаламова — факт, подтвержденный множеством косвенных улик, и никуда от него не деться. Да, конечно, биологическая основа человека требует физически и психологически напряженной жизни, такими нас вырастила природа, запрограммировала эволюция, но если нормальный человек успешно подавляет агрессивность и хищнические инстинкты, доставшиеся нам в наследство от предков-динозавров, то человек с такими нарушениями мозга, как у Даниила, способен на... в принципе, на все, причем, независимо от его желаний, что страшнее всего. Вот почему надо было задержать его. Понимаете?

Любой ценой, понял Мальгин невысказанную мысль Ромашина. Задержать надо было любой ценой... Может быть, он прав?

— Знаешь, Клим, что такое орилоуны? — после паузы с искусственным оживлением спросил Хан.— Не кто, а что, именно так. Оказывается, все «живые» организмы на Орилоухе, которых мы считали таковыми и хозяевами планеты вдобавок, на самом деле являютя реализациями математических формул, снабженными способностью к размножению и движению. Квазижизнь! А сами орилоуны канули в неизвестность, понастроив по Галактике тысячи станций метро, типа тех, что ты видел в Горловине и на Маате. Только на Маате машина метро — тот самый Хранитель Пути — еще жива,

а в Горловине остались только скелеты, хотя и сохранившие способность к «струнной» связи.

Мальгин кивнул, не особенно удивившись.

— Знаешь, с кем ты столкнулся на Орилоухе? — продолжал Хан.— «Призрак» с глазами — это воплощенное множество Мандельброта...— Джума посмотрел на Ромашина и замолчал.

— А Страж Горловины? — против воли поддержал врача Мальгин.— Известно, для чего и кем он создан?

— Со Стражем еще не все ясно. С одной стороны — это искусственный объект, не позволяющий «серой дыре» закрыться, превратиться в частицу микромира, с другой — это узел пересечения древних трасс обмена информацией с другими Вселенными,— сказал Ромашин, понимающе глядя на больного.— А с третьей — это самоподдерживающаяся система с полной утилизацией отходов и признаками живого организма. Кем она построена или выращена, не знает не только Шаламов, но, видимо, и сами «черные люди». Клим, у вас свой взгляд на вещи, и ответ ваш может дать разгадку... Меня волнует одна фраза «черного человека» в разговоре с Даниилом. Маатанин выразился, что его смерть опасна для окружающих. Что он хотел сказать?

— Не знаю,— подумав, произнес озадаченный Мальгин.— Темный лес. Извините.

— И я не знаю,— вздохнул Ромашин.— И не узнаю, наверное, хотя чувствую, как это важно.

— Еще узнаете.

— Вряд ли.— Ромашин слабо улыбнулся, совсем не так, как улыбался раньше.— Нет возможностей. Я уже не начальник отдела безопасности.

— Что?! — Мальгин не поверил ушам.— Не начальник отдела? — Посмотрел на Джуму. Тот отвел глаза.

— Три дня назад решением Совета безопасности отстранен от должности. Такие вот дела.

Клим растерянно перевел взгляд с одного гостя на другого. Джума Хан слегка пожал плечами и кивнул. Мальгин снова посмотрел на Ромашина. Тот сидел спокойно и невозмутимо, как будто ничего существенного не произошло. Он был очень сильным человеком, жестким, заряженным на результат, всегда добивающимся поставленной цели, и Мальгин вдруг подумал, что по контрасту с ним этого человека можно назвать «человеком-нет», потому что сам Клим, сказав «нет», мог сделать наоборот, а Ромашинское «нет» было незыблемым, как монолит.

— Минутку, я оденусь,— пробормотал Мальгин доставая из ниши кровати мохнатый халат.

— Послушай, Клим,— начал Джума и не договорил, потому что в палату без предупреждения вошла Купава.

У Мальгина внезапно заложило уши и остановилось сердце, поэтому он пропустил момент, когда Ромашин оглянулся, встал, пожелал ему скорейшего выздоровления и вышел, подталкивая Хана в спину. Очнулся хирург, когда в палате, кроме Купавы, никого уже не было.

Купава, тонкая, стройная, как и прежде, одетая в летний сарафан, стояла рядом и смотрела на него вопрошающе, строго и в то же время робко, как никогда прежде, и было видно, что держится она спокойно из последних сил, потому что глаза ее в каждое мгновение могли пролиться дождем слез.

Мальгин запахнул халат, рука его дрожала. Купава заметила эту дрожь и вдруг подалась вперед, прижалась к нему, спрятав лицо на груди.

— Я дура, да? — послышался ее изменившийся голос.

— Не знаю,— сказал Мальгин, усмехнувшись, обнял ее за плечи, и так они стояли некоторое время, словно пытаясь соединить несоединимое, каждый со своей надеждой, верой и отчаянием. Потом Купава отстранилась. Вопреки ожиданию Мальгина она не заплакала, глаза женщины сухо блестели, брови, придававшие лицу неповторимый колорит и красоту, были сдвинуты и, казалось, взлетят сейчас птицей со лба, унося ее тоску и муку... непонятную в общем-то муку, так как Мальгин впервые в жизни не смог определить ее причин; во всяком случае он был твердо уверен, что причины не только в исчезновении Шаламова.

— Мне никто не хочет говорить, где Дан,— сказала женщина непривычно низким от сдерживаемого волнения голосом.— Ты видел его последним. Что с ним?

Мальгин неожиданно успокоился, зажав сердце холодными тисками рассудка. Подумал: неправ был древний философ, утверждавший, что разум — это возбужденное сердце. В жизни все наоборот: возбужденное сердце — это полное отсутствие разума. Держи себя в руках, мастер, не поддавайся очарованию несбыточных надежд и эмоций.

— Садись, успокойся,— сказал он, придвигая ей кресло; сел напротив на кровать.— Дан... ушел вместе с «черным человеком». Куда — неизвестно. Но я уверен, что он жив.

— А мне сказали, что ты его...

Мальгин потемнел от гнева. Купава испугалась.

— Я не верю, конечно, все это чепуха, но... ты вернулся, а он... прости, Клим.

Хирург подождал, пока кровь отхлынет от щек и перестанут дрожать пальцы рук, сцепил руки на колене.

— Снова Гзаронваль, узнаю почерк. Можешь не отвечать, я и так знаю. Не думал, что ты можешь быть такой слепой в выборе друзей. Это же... низкий и подлый человек!

— Не смей о нем так...— Купава заговорила с вызовом, но тут же сникла, в голосе прозвучали нотки горечи.— Мои друзья — это друзья Дана, а врагов у него не было... если только... А Марсель... он хороший парень, только самолюбив немного... ты его плохо знаешь.

— Достаточно, чтобы понять его манеры. Он ведь по сути натравливает нас друг на друга. Подумай об этом на досуге.

Мальгин вдруг с пронзительной остротой понял ее состояние: Купава была непередаваемо, чудовищно одинока, если искала утешения даже у такого человека, как Марсель Гзаронваль! Всю свою жизнь она, привыкшая к лидерству, созданному и культивируемому ее красотой и умом, привыкшая ко всеобщему поклонению, пыталась доказать, что не зависит ни от кого и ни от чего и всегда способна принять самостоятельное решение, сделать так, как хочет она сама. И уход-то ее к Шаламову был, вероятно, попыткой доказательства полной независимости и самостоятельности, хотя жизнь всегда с успехом доказывала обратное. А теперь, неожиданно оказавшись в ситуации, когда требуются истинное мужество и решительность, умение перенести удары судьбы, Купава растерялась, и не оказалось рядом никого, кто помог бы ей обрести уверенность. А к одиночеству она готова не была...

— Я не враг даже врагам своим,— улыбнулся Мальгин.— Не помню, чей это девиз, но могу под ним подписаться. А Дан — мой злейший друг.— Он снова улыбнулся.— Друг, а не враг, как, вероятно, хочет доказать тебе твой Марсель. Ну, да бог с ним. Дай мне только чуть-чуть прийти в себя, и я доставлю тебе Дана живым и невредимым.

— Правда? — Взгляд Купавы был так откровенно и красноречиво недоверчив, что Мальгин пережил приступ острой головной боли.

— Правда.

В палату вошел врач, знакомый Климу по первому посещению клиники спас-центра: он же лечил и Джуму Хана.

— Извините, пациенту требуется покой.

Купава встала, несколько мгновений смотрела на Мальгина сияющими глазами и вышла. А потом вдруг вернулась, сказала: «У нас дочь, Клим», и дверь бесшумно закрылась за ней.

Судорога боли снова вонзилась в голову хирурга, лишая воли и спокойствия. Любовь и ненависть, тоска и радость, лед и пламя смешались в его душе в кипящую болезненную лаву, вывели из равновесия, заставили смеяться и плакать и шептать странные слова, непонятные никому, кроме него самого.

— Ну-ну, сейчас все будет в норме,— бормотал врач, укладывая Мальгина на кровать, и задвинул над ним невесть откуда взявшийся прозрачный колпак процедурной камеры.— Я, кажется, поспешил

с разрешением посещений, не все они несут положительные эмоции...

Последним видением Клима было видение абстрактной фигурки ребенка с громадными черными — на пол-лица — глазами, в которых стыли непонятная угроза и вопрос...

* * *

Солнце уже встало, пронзив сосновый бор на берегу копьями оранжевого света, но до речного плеса, над которым стлался туман, его лучи пока не доставали. Вода в заводи была тиха и прозрачна, она еще спала и едва заметно вздыхала, шевеля листья кувшинок.

Мальгин поправил удилище и снова уставился на поплавок, грезя с открытыми глазами. Перед мысленным взором проплывали вереницы призрачных лиц, каких-то бесформенных фигур, картин природы чужих планет, но ни одно видение не затрагивало душевных центров и не заставляло волноваться и переживать заново приключения вдали от Земли. Природа вокруг была так чиста, идиллически тиха и безмятежна, что тревоги дня не могли пробиться к человеку сквозь эту хрупкую на первый взгляд броню, защитившую его душу не хуже любой лечебной психологической блокады. Отец знал, что делает, предлагая сыну отдохнуть в лесной глуши, вдали от цивилизации, ее суеты и скорости, и вечных забот, не оставляющих человеку времени на философское осмысление собственных желаний и устремлений.

Уже два дня Мальгин жил с отцом в Придеснянском заповеднике, на берегу Десны, установив палатку в красивейшем сосновом бору, рядом с густым малинником, обещавшим невиданный урожай малины. Они почти не разговаривали, понимая друг друга с полуслова, а старик был не только умным собеседником, но и хорошим психологом, зная, что требуется сыну после сильных потрясений, дозу которых никто не регулировал. Он старался не мешать Климу, отвлекая его от созерцания природных красот только лишь когда приходило время обеда и ужина и не заговаривая с ним без нужды. Вчера вечером он сказал:

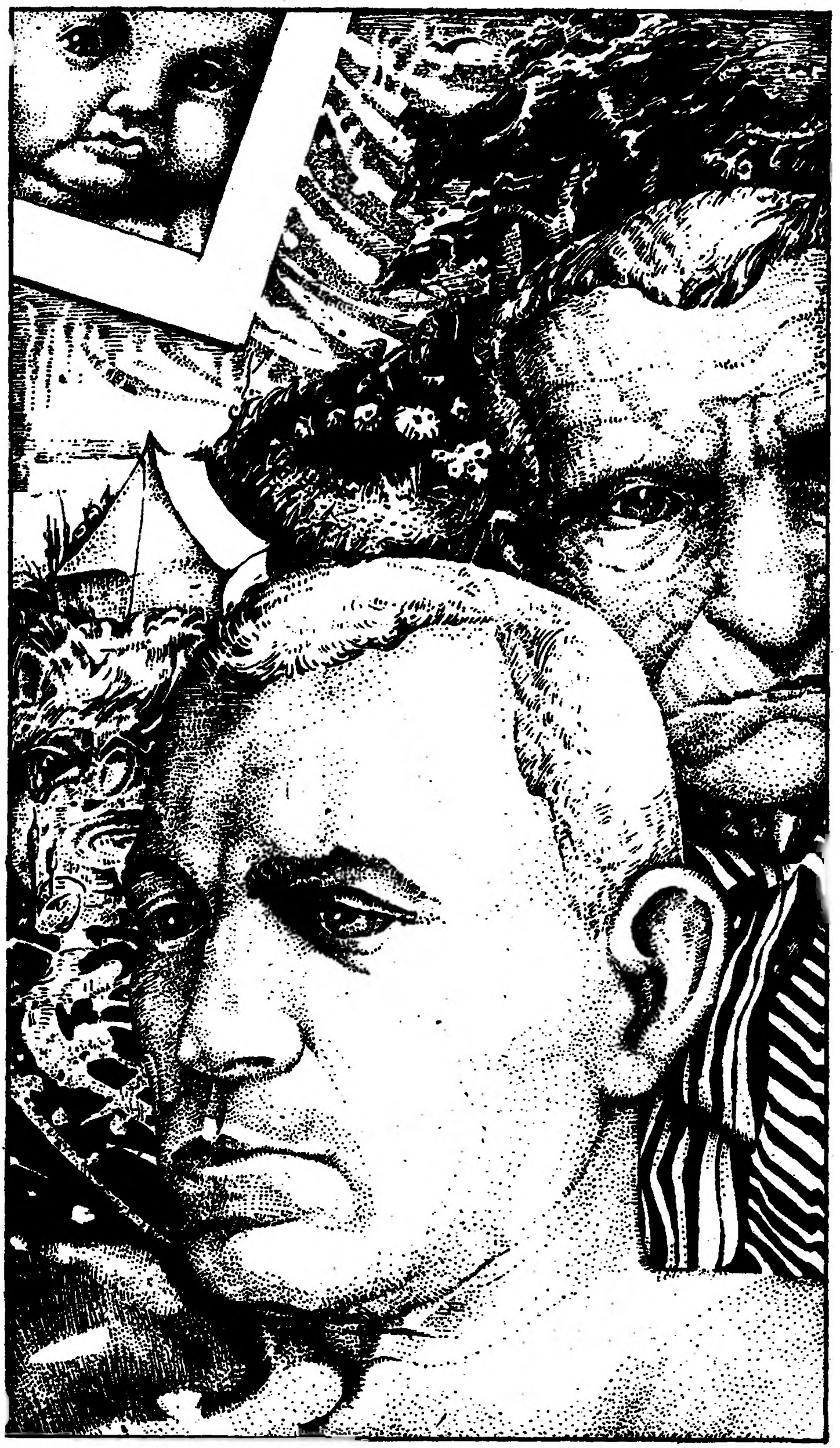
— Ты изменился...

Мальгин улыбнулся, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени костра.

— В какую сторону?

Отец закряхтел, устраиваясь на боку, подбросил в костер сухих полешков.

— Пока не знаю. Раньше ты, во всяком случае, не колебался, принимая какое-то решение, даже самое безобидное. Ты знаешь, что у Купавы дочь?



— Знаю, Дарья.

— Она сказала, что ребенок твой... и значит, мой внук.

Мальгин промолчал, завороженный колдовством пламени. Он мог так сидеть всю ночь.

Старик поворочался, бормоча что-то про себя, покряхтывая, пошевелил хворост, огонь высветил его лицо с резкими чертами, углубленными резцом теней.

— Я предложил ей жить у нас...

Молчание.

— Она сказала, что подумает. Тебя это не интересует?

Клим посмотрел на отца, словно только сейчас расслышав его слова.

— Отец, давай о чем-нибудь другом. У нее есть муж...

— Какой он ей муж,— буркнул Мальгин-старший.— Ему бы только приключений побольше... да и если бы он был настоящим мужем, то прежде подумал бы о ней, а не о...

— Отец!

— Что отец? Ты тоже хорош! Вы оба с ней — два сапога пара, не ведаете, что творите. Как можно быть такими глупцами? Ведь вы до сих пор не разобрались в себе, если не можете порвать связи. Главное, что вы любите друг друга, но как-то... эгоистично, что ли, самолюбиво, не считаясь с обидами...

— Я счета обидам не веду.

— Вот-вот, не ведешь, но не ведешь-то своим обидам, а речь об обидах другого. Ты когда поймешь наконец, что нельзя всю жизнь оставаться прямым и твердым, как скала? Когда научишься определять границу компромиссов! Любовь — самый великий и древний из компромиссов, неужели ты еще не понял?

Мальгин молчал.

Отец еще повздыхал и затих. Костер продолжал потрескивать, играть оранжевыми и фиолетовыми язычками огня, одобряя все, о чем думал созерцатель, и что творилось в его душе. Он тоже был хорошим собеседником...

С другой стороны лодки плеснула рыба, Мальгин очнулся, машинально потрогал на груди золотистого «паучка» — не потерялся ли?

— Вам придется поносить вот такую штучку,— сказал ему врач, вручая нечто вроде небольшого значка в форме десятиногого плоского паучка.— Это «филер» — анализатор состояния, он будет записывать ваши биопараметры в течение дня и в случае накопления отрицательных данных напомнит, что вам надо зайти в клинику. Если же все будет нормально, через три-четыре дня я сниму прибор.

Мальгин снова погладил почти неощутимый значок, приклеившийся к коже над сердцем, и вспомнил еще об одном приборе, который вручил ему Ромашин. Бывший начальник отдела безопасности застал его дома буквально перед отъездом в Придесновье.

— Простите, что я незвано. Я всего на одну минуту.

Клим сдержанно пожал протянутую руку, познакомил гостя с отцом и пригласил его в свой «грот», как называла гостиную Купава: видеопласт комнаты создавал непередаваемую иллюзию пещеры с «наскальными рисунками» и закопченным потолком, причем иллюзию с эффектом законченности и уюта. Ромашин огляделся без удивления, а может быть, хорошо скрывал его, и сел на «лежак» в углу, в меру твердый, но удобный. Хозяин сел напротив на «плоский камень», чуть подрегулировал освещение.

Знание того, что Ромашин отстранен от должности за «превышение полномочий и служебного положения», плюс «преувеличение степени опасности одного человека для всего общества», заставляло Мальгина держаться с изрядной долей вины и сочувствия. Операция по задержанию Шаламова в системе Маата свела на нет усилия комиссии коммуникаторов и по сути сорвала контакт с «черными людьми», а также едва не привела к человеческим жертвам. И хотя компетентная подкомиссия СЭКОНа не нашла в действиях Ромашина корыстных побуждений, ему было порекомендовано найти другую работу. Что он выбрал, какую профессию, Клим еще не знал.

— Собираетесь на природу? — спросил Ромашин; под глазами у него собрались иронические морщинки, словно он догадывался, о чем думает собеседник.

— Да вот, еду порыбачить на Деснянские плесы, с отцом, он старожил тех мест и знает заповедник, как егерь и лесник.

— Завидую, право слово. С удовольствием отдохнул бы денек-другой на лоне природы, вдали от суеты... хотя от дома до поймы Днепра — пять минут лета на любом транспорте.

— Пойдемте с нами,— великодушно предложил Мальгин, учинив над собой насилие, но готовность его не могла обмануть такого опытного психолога, как Игнат Ромашин.

— Спасибо, и рад бы, но не могу, нет времени. Замаливаю грехи в экспертном секторе отдела безопасности. Работы много, и она неожиданно интересна, хотя и весьма специфична... Да вы не переживайте за меня, Клим, ей-богу вы в этом не виноваты.

— Если бы я догадался поработать на эм-синхро, Даниил не ушел бы из института, и ничего не случилось бы...

— Нет, все правильно, бегство Даниила послужило только катализатором остальных действий, спусковым механизмом... да что мы все об этом, да об этом.

— А кто теперь во главе отдела? Шевчук?

Гость покачал головой.

— Нет, новый человек, вы его не знаете.

Помолчали, присматриваясь друг к другу. Потом Ромашин покопался в кармане рубашки и протянул Климу ажурную золотистую змейку — на первый взгляд.

— Вам придется некоторое время поносить на голове вот эту машинку, она легкая.

«Машинка» оказалась почти невесомой: тоненькая дуга с двумя сеточками и блестящими иголочками.

— Что это?

— «Защитник», персонком со спецпрограммой. Другими словами — контур защиты от пси-излучения в широком диапазоне волновых ритмов. Настроен на ваши ритмы.

— Зачем? — Клим тяжело посмотрел на гостя и встретил его прямой, без тени смущения или колебания взгляд.

— Чтобы отразить пси-выпад наподобие того, которым вас наградил Шаламов.

Мальгин некоторое время перебирал в пальцах красивую вещицу.

— Почему вы уверены, что мне это пригодится?

— Я не уверен, но береженого бог бережет. Мне кажется, Шаламов вернется, а вам... надо беречь Купаву.

— Вы считаете, что он?..

— Не знаю, просто хочу исключить неожиданные повороты ситуации, может быть, перестраховаться. Если уж обычный человек, как правило, непредсказуем, то что говорить о Данииле?

Мальгин вдруг вспомнил разговор с Ханом, вскинул голову:

— А орилоухское метро на Земле еще не нашли? Если верить «черному человеку», орилоуны строили... или выращивали свои трансгрессы на всех планетах, перспективных для появления разума.

— «Черному человеку» верить можно, он не способен лгать биологически, вернее, генетически. Выявлены уже десятки звездных систем, где были установлены станции мгновенного масстранспорта, и все они стоят на планетах, где или была когда-то жизнь, или есть в настоящее время, но без носителей разума. На Земле орилоухский вариант трансгресс-метро пока не найден, хотя поиски велись не слишком тщательно, да и то лишь в Антарктиде. Решено проверить и Северный Ледовитый океан.

Ромашин легко встал.

— Извините, Клим, мне пора идти. Вы наденете «защитника»?

Мальгин тоже встал, все еще поглаживая ободок прибора, наконец, проговорил:

— Надену.

— Спасибо. Если Даниил появится неожиданно, дайте мне знать. Хочу поговорить с ним, и не из-за нехватки острых ощущений, просто он мне симпатичен, хочу предостеречь его от необдуманных поступков. Впрочем, решать вам...

Мальгин погладил невидимую под волосами скобу «защитника», плеснул в лицо воды и сделал глоток. Клевать перестало, пора было сматывать удочки.

— Кли-им! — раздался из тумана близкий зов.— Отзовись!

— Слышу,— отозвался Мальгин.— Что случилось, па? Завтракать вроде еще рано.

— Греби к берегу, к тебе гости.

Сердце замерло, потом ухнуло вниз и забилось часто и сильно, пока Мальгин не успокоил его привычным усилием аутотренинга. Подумал: если Купава — придется просить отца увезти ее...

Но это была не Купава.

2

Ромашин уже достаточно хорошо ориентировался в сплетениях коридоров и транспортных линий Института внеземных Культур и лабораторию фантомоделирования нашел за несколько минут.

Обстановка лаборатории была совсем простой: странный белоствольный лес заполнял ее всю, оставив только небольшой свободный пятачок посередине, над которым висела угрюмая, многоугольная бугристая глыба «черного человека», голого, без нижней металлической «кольчуги». Каждый ствол «дерева» на уровне чуть выше человеческого роста начинал ветвиться и под потолком превращался в густейшую паутинную шапку, сраставшуюся с другими такими же. Изредка в этой «паутине» высверкивали желтые и оранжевые огоньки, некоторые из них мигали.

Ромашин равнодушно окинул «зимний заснеженный лес» взглядом,— конечно, это был никакой не лес, а система эффекторов комплекса моделирования, снабженная тысячами датчиков системы измерения,— и прошел к свободному пространству в центре лаборатории.

У стены за «кустами» конформных аппаратных стоек он увидел краешек пульта, почти скрытого широкими спинами работников лаборатории; мужчины были одеты в синие полукомби, женщины — в белые халаты. Еще трое мужчин стояли у неподвижного «черного человека» и спорили. Шум в лаборатории стоял изрядный.

Игнат кашлянул.

Мужчины оглянулись. Один из них, толстый, с короткой шеей и лысиной на полчерепа, шагнул навстречу:

— Ромашин? Мне передали, что вы звонили утром. Коллеги, потише, пожалуйста... Извините, со временем у меня туго.

— У меня тоже.

— Прекрасно, пару минут можем поговорить. Идемте в совещальник.— Толстяк махнул рукой собеседникам.— Не меняйте условий, я сейчас вернусь.

Он открыл незаметную дверь в стене справа и вошел первым.

«Совещальник» оказался рабочим кабинетом заведующего лабораторией, оборудованным по последнему слову оргтехники и эрго-

номики. Видеопласт кабинета показывал пейзаж Орилоуха: пляж, усыпанный крупными кристалликами соли, черная лента «реки»,— реки на Орилоухе были асфальтовыми,— испещренная голубыми трещинами стена льда за рекой и несколько пушистых белых шаров, плавающих в воздухе.

— Проходите,— махнул рукой хозяин. Короткая бородка «а ля варяг» не могла скрыть два его подбородка и выглядела приклеенной, как деталь маски.— Я Герхард Маттер, ксеноэксперт, исполняю обязанности заведующего лабораторией, сам он находится в данный момент в Горловине «серой дыры». Итак, слушаю. Что вас интересует? Кстати, как вас звать?

— Игнат,— подал руку Ромашин, сел, кивнул на видеопласт.— Давно занимаетесь Орилоухом?

— Второй год. Бездна интересного! Можно работать по Орилоуху всю жизнь и все равно до конца не размотать этот клубок тайн и загадок.

— Но сейчас вы, насколько я знаю, работаете с Маатом.

Маттер пожал круглыми плечами.

— Не с Маатом, а с маатанином. Лаборатории дали задание проанализировать информацию, полученную разведчиками на Маате. Тоже, скажу я вам, масса непонятного и загадочного.

— За этим я и пришел — услышать мнение компетентного человека о «черных людях».

— А мнения еще нет,— всколыхнул в улыбке свои подбородки ксеноэксперт.— Я имею в виду — официально выверенного мнения группы. Анализ еще не закончен, а данные противоречивы.

— Хорошо, поделитесь личным мнением, клянусь здоровьем не использовать его, как базу умозаключений нашей фирмы.

Глаза Маттера весело блеснули.

— В таком случае, пожалуйста. Первое и главное: лично я считаю, что цивилизации маатан вопреки общепринятому мнению не существует. Впрочем, как и цивилизации Орилоуха.

Ромашин, не справившись с изумлением, смотрел на собеседника. Тот засмеялся с удовольствием, тряся животом, мягкими плечами и руками, каждая из которых была размером с бедро нормального человека.

— Что, озадачил? Думаете, соригинальничал для эффекта? Ничуть. Поясню, в чем суть утверждения. Любой безопасник должен быть в известной мере социологом и знать, что культура — это приобретенная разумным существом способность ставить любые цели вообще. Так вот, похоже, что «черные люди» не имеют целей! Накопление энергии — не есть цель разумного существа, а именно это и имеет место у маатан. Более того, внегенетическое и внесоматическое знание у рядового маатанина составляет всего лишь две десятых процента от всего запаса информации. Вдумайтесь в эту

цифру — две десятых процента! Вам это о чем-нибудь говорит?

Ромашин подумал.

— Дайте собраться с мыслями... честно говоря, вы меня сразили! Вы хотите сказать, что почти весь объем информации маатане получают генетическим путем, при рождении?

— Именно! Хотя термин «рождение»— не совсем правилен. А это значит, что их так называемая «цивилизация»— фикция! Они не развиваются, и то, что каждый из нас получает в процессе обучения за день, маатане получают за полтора года! О какой культуре может идти речь при таком методе познания мира? Складывается впечатление, что «черные люди» знают лишь себя и кое-что, очень мало, об окружающем мире. Хотят знать, но не пользуются информацией, вот в чем парадокс!

— У вас есть факты, подтверждающие этот вывод?

Маттер шлепнул громадной ладонью по столу.

— Могу представить. Хотя точно такие же факты имеют и ребята на «Эдипе-2», которые со мной, естественно, не согласны, особенно теоретики-ксенопсихологи. Они видят только то, что желают видеть, и в основном живут по закону Майерса: если факты не подтверждают теорию, от них надо избавиться.

Теперь улыбнулся Ромашин, смеялся он редко.

— Вы не жалуете коллег.

— Только тех, кто делает вид, а не работу. Вы же знаете тезис: если кто-то морщит лоб, это еще не значит, что он думает. Но будем справедливы, среди них есть и талантливые ученые, блестящие аналитики и прогнозисты.

— Вернемся к «черным человекам». Кто же они тогда, если у них отсутствует интеллект? Животные, наделенные сложным инстинктом, который мы принимаем за разум?

Маттер почесал бороду.

— Вопрос прост — ответ на него сложен. Интеллект-то у маатан есть, такой примерно, как у наших инков, но... он в них вложен, понимаете? Так же, как у тех же наших инков. Эволюция разума вообще невозможна без развития органов действия, таких, скажем, как рука человека. «Эволюции мозгов», так сказать «чистого ума», не существует, и маатане — тому пример: они не эволюционируют. Тело маатанина — поликристалл, в котором трехмерная пространственная периодичность строения нарушается в двух измерениях, то есть это кристаллы с так называемыми несоразмерно модулированными структурами, а их оболочка, «кожа», имеет «запрещенную» в кристаллографии симметрию — оси пятого порядка! В этом есть свой парадокс: подобные нарушения могут быть только у ж и в ы х существ, и поэтому маатане — биологические объекты, но...— Маттер развел руками,— в остальном они — физические «растворы» нервной системы в кристаллической структуре, опять же подобно

нашим киб-интеллектам. И еще меня настораживает обстоятельство, что маатане интенсивно аккумулируют энергию, почти не расходуя, создают внутри себя так называемые «зоны с максимально возможным дефицитом энтропии».

— Почему это вас беспокоит?

— Не беспокоит — настораживает. Я не знаю, зачем это им надо. Никто из наблюдателей и специалистов по контактам еще не видел, чтобы маатане использовали накопленную ими энергию в каких бы то ни было целях. Никто! И никто не наблюдал смерти «черного человека». А ведь это как-то противоестественно, а?

Ромашин промолчал. Эксперт смотрел на него, выпятив толстые губы, словно решал: сможет ли говорить дальше. Игнат оценил его скепсис.

— Ваши сообщения многое меняют. Признаюсь, я ошеломлен, хотя считал, что знаю маатан достаточно хорошо. Вы можете поделиться своими соображениями с Климом Мальгиным?

— Кто это?

— Тот самый разведчик, который добыл информацию о маатанах непосредственно на Маате. Он нейрохирург, готовится к операции...

— Кажется, я слышал эту историю. Шаламов? Такая, мне помнится, фамилия у того парня, что получил информацию маатанского компьютера.

— Совершенно верно, Шаламов. Сейчас он... м-м, вышел из клиники, но вряд ли удастся обойтись без операции. Так что ваша информация будет весьма ценной для врачей, для Мальгина в особенности. Я пришлю его к вам, если не возражаете.

— Ради бога, о чем разговор, буду рад помочь.

Ромашин встал, поколебался немного, но все же задал вопрос, ради которого он и пришел:

— Скажите, Герхард... маатане могут стать... не врагами, но опасными для людей?

— В каком смысле? — выпучил глаза Маттер.

— В прямом. Могут ли их внутренние императивы — равнодушие и агрессивность — возобладать в их поведении? Превратить их в злобных, не знающих жалости и доброты существ?

Эксперт покачал головой.

— Тут я пас. Их внутренние мотивы для нас пока — черный ящик, ларец за семью печатями. Сами знаете пословицу: чужая душа — потемки, а тут речь идет о «душе» негуманоида...

— Понятно. Спасибо за консультацию.

Оставив озадаченного толстяка-эксперта в лаборатории, Ромашин лишь по дороге к метро вспомнил, что забыл спросить Маттера об Орилоухе: почему ученый приравнял маатан и орилоунов? Не-

вооруженным глазом видно, что «черные люди» отличаются от неуловимых орилоунов, как журавль от крокодила. Что имел в виду эксперт?

* * *

— Послушайте, Игнат,— сказал негромко Лондон, останавливаясь перед дверью в свою квартиру; дверь утратила твердость, свернулась валиком вверх, хозяин пропустил гостя в прихожую.— Мне кажется, ваше участие в деле Шаламова не ограничивается рамками теперешнего служебного положения. Как эксперт отдела вы можете только консультировать оперативников, но ни в коем случае не решать проблемы сами.

Ромашин прошел в гостиную, огляделся, не пряча любопытства, как обычно.

Майкл Лондон жил в стандартном этажно-ступенчатом модульном доме типа «гроздь винограда» с прихотливым расположением квартир — «виноградин»; квартира Лондона венчала «гроздь» на головокружительной высоте в триста метров и была открыта всем ветрам и горизонтам. Дом стоял на окраине Колорадо-Спрингс, в центре древнего экопарка, и с его «крыши» можно было целый день любоваться живописным пейзажем, включающим в себя реки, скальные ансамбли, величественные каньоны, прерии и дикие леса.

Квартира нового начальника отдела безопасности состояла из четырех комнат, жил он с женой и дочерью, уже взрослой самостоятельной особой, хотя самому ему пошел всего тридцать восьмой год.

Из «глубоких ниш» великолепных стереофотографий, которыми были увешаны стены гостиной, смотрели на гостя дикие звери: волки, медведь-гризли, барс, гиена, росомаха, тигры и львы. Причем все они стояли к фотографу в анфас, а некоторые — рассерженные, с угрожающим оскалом,— явно готовились к прыжку. Мастерство фотографа было очевидным, хищники казались живыми.

Лондон принес по бокалу прозрачно-желтого, янтарного напитка, протянул один Ромашину, отпил глоток.

— Нравится?

— Отменно! — пробормотал Игнат, пригубив.— Кто фотограф?

Хозяин сел в кресло, выдолбленное из целого пня секвойи, отпил напитка, ткнул себя пальцем в грудь.

— Увлекаюсь с детства.

— Инцидентов не было?

Лондон задрал рукав рубашки, обнажив мускулистую руку с несколькими беловатыми зажившими шрамами.

— Таких украшений у меня много. Но вы же знаете: охота пуще неволи. Так все-таки, Игнат, вы не ответили на вопрос. Почему вас так волнует судьба Шаламова?

Ромашин, не отвечая, выцедил холодный напиток, поднял брови.

— Черт возьми, это же сбитень [1]!

— Совершенно верно, сбитень, рецепт родителей жены. С удовольствием пьет вся семья. Итак?

Ромашин покрутил в пальцах бокал и поднял на хозяина спокойные глаза:

— Он опасен, Майкл. Проанализируйте весь объем информации, случаи с экипажем угнанного им спейсера, с Джумой Ханом, с Мальгиным, а главное, поговорите с ксенопсихологами, изучающими маатан. Шаламов — наполовину «черный человек», психика его расщеплена, и этот процесс...

Лондон поднял ладонь, Ромашин замолчал.

— Я все это уже анализировал, Игнат, и не только я — крупнейшие эфаналитики отдела и погранслужбы, и наши мнения совпали: да, Шаламов может стать оборотнем, химерой, соединяющей в себе черты «черного человека» и землянина, но он не может стать нашим врагом, н е т п р и ч и н. Понимаете? Нет ни объективных, ни субъективных причин. Ведь даже настоящие «черные люди» не являются врагами людей.

Ромашин покачал головой.

— Вы не учитываете нюансы, Майкл. Конечно, Шаламов не враг нам ни вообще кому-нибудь конкретно, но... он не всегда способен контролировать свои поступки, как раньше, до катастрофы. Что бы ни утверждали врачи, психика его нарушена серьезно, восприятие им действительности не может быть адекватным, он уже больше начинает мыслить категориями маатан, а много мы знаем о «черных» — что они считают для себя нормальным поведением? Может быть, для них смерть землянина — нормальное явление, исключительно полезное с точки зрения энтропийного равновесия. Именно поэтому Шаламов должен быть изолирован, хотя бы на время изучения его возможностей и попытки лечения.

Лондон улыбнулся, и Ромашин, как и Мальгин когда-то, оценил эту улыбку, отражавшую вторую, скрытую во время официальных деловых разговоров и напряженной служебной деятельности натуру начальника отдела: мягкую, деликатную, великодушную и тактичную. Ромашин признался в душе, что по внутренним качествам в чем-то уступает этому человеку, не признающему за собой особых достоинств и не претендующему на исключительность. И вместе с тем мягкость Лондона хорошо сочеталась в нем с высокой требовательностью и упорством. Во всяком случае убеждений своих он не менял и если уж решил что-то по-своему, то решил.

— Хотите еще сбитня? Предпочитаю его остальным фирменным напиткам, хотя люблю и кока-колу, и солинт. Хмель и мяту собирала

---

[1] Древнерусский напиток из меда, мяты и хмеля.

дочь, в прошлом году, а делает напиток жена, она у меня русская, Катя.

— А дочь как назвали?

— Акулина. Жена настояла.— Лондон вздохнул.

Ромашин засмеялся.

— Вы предлагали другое имя?

— Вообще-то я хотел сына, хотя уже знал, что будет дочь. Но знаете, все теплилась надежда, что медики ошибаются. Кстати, вы знаете, что предложил врач «скорой», Джума Хан?

Ромашин замялся на мгновение, Лондон собрал у глаз веселые морщинки.

— Знаете.

— Результатов еще нет?

— Просчитаны обе Америки. Южная и Северная, Австралия и Африка, остались Европа и Азия. Вряд ли орилоунский трансгресс отыщется на территории Европы, слишком уж хорошо она изучена, остается Азия. Ждем. Что вы хотели у меня спросить еще?

Ромашин помолчал немного. Было воскресенье, выходной день. Лондон, конечно, удивился, когда Игнат попросил его встретиться, но виду не подал. Жена и дочь, очевидно, не обрадовались тому, что супруг и отец остается дома, но привыкли ко всему. Зря пришел сегодня, подумал Ромашин, мог бы потерпеть до понедельника, человек и так отдыхает редко...

— Майкл, вы верите в интуицию?

Лондон снова прищурился, изучающе глядя на гостя.

— Верю.

— Тогда установите наблюдение за женой Шаламова. У меня нехорошее предчувствие, что Даниил вот-вот появится на Земле.

Хозяин посмотрел на окно сквозь бокал красного стекла, встал и принес еще напитка. Сказал, стоя:

— Игнат, вы на двадцать лет старше меня и намного опытней, я всегда уважал вас и прислушивался к вашему мнению, когда мы работали вместе,— вы в службе Б, я в погранслужбе,— но не все то, что подходит вам, подходит мне. Извините.— Лондон с сожалением развел руками.— Я слеплен из другого теста и чту принципы, заложенные в меня с детства. К тому же вы сами, да и СЭКОН в первую голову, не дадите мне санкции на наблюдение. Нет причин.

Игнат полузакрыл глаза.

— Принцип у нас один: безопасность людей.

— Да, вы правы, и все же...

— Я понял.

— Извините еще раз, обидеть вас я не хотел, просто я так думаю. Но мы сделаем все, что следует сделать в создавшемся положении. Обещаю советоваться с вами по каждому...— начальник отдела не договорил, с панели «домового»— домашнего координатора, деко-

рированного под древнеафриканскую маску, кузнечиком простре-котал вызов.

— Включай,— скомандовал Лондон автомату.

Панель превратилась в окно виома, из которого выглянул дежурный североамериканского спас-центра:

— Майкл, вам «две семерки» по треку [1].

— Причина?

— Разве ваши мудрецы сообщат? Но я понял, что речь идет о какой-то жутко необычной находке.

Лондон оглянулся на Ромашина, тот встал.

— Орилоун?

— Похоже на то. Где именно, Джо?

— Русский Север, полуостров Таймыр. Больше ничего не знаю.

— И на том спасибо. Идемте, Игнат. Кажется, интуиция вас не подвела. Да и моя меня тоже, иначе я не остался бы дома.

Обменявшись понимающими полуулыбками, они вышли из квартиры и поднялись к причалу дежурных машин, где Лондона всегда ждал скоростной куттер.

Сложена была Карой великолепно. В своем таитянском парео, загорелая до бронзового свечения, она казалась Мальгину Алкменой, дочерью царя Электриона, чья исключительная красота заставила даже Зевса обратить на нее внимание.

Плавала она бесшумно и надолго уходила в глубины заводи, словно поддразнивая хирурга, пугая его своей смелостью. Мальгин лежал на берегу, покусывая травинку, и думал о том, что наряд женщин не должен быть вызывающим, намек на тайну всегда интереснее и влекомее; полное откровение всегда интимно и редко не вызывает самого примитивного желания,— но Карой и в парео не вызывала у Мальгина возражений, лишь восхищение и невольное легкое волнение.

Они позавтракали у костра, вместе с отцом Клима, выпили по кружке вкусного чая, пахнущего дымком, малиной и чебрецом, потом Мальгин-старший отбыл на лодке вниз по течению, скрылся за излучиной реки. Карой предложила искупаться и позагорать, и Мальгин, в душе забавляясь непосредственностью женщины и своею растерянностью и ожиданием неизвестных, но приятных событий, первым полез в воду.

---

[1] Трек — тревожный канал; «две семерки»— вызов по тревоге общей степени, когда счет не идет на секунды.

Говорили они мало, ограничиваясь в основном междометиями и малозначащими замечаниями. Какова причина или цель визита, Карой не сообщила, а Мальгин не спросил, пережив мимолетное разочарование, когда увидел Карой на берегу вместо Купавы. Теперь он уже не жалел, что его одиночество — отец не в счет — получило пробоину.

— Что вы на меня так смотрите? — спросила Карой, выходя на песчаную отмель и стряхивая с волос капли воды.

Мальгин отвел взгляд от ее точеной загорелой груди с маленькими темными сосками и подвинулся на махровой простыне. Карой села, потом легла навзничь, зажмурясь и подставляя лицо солнцу.

— Господи, как хорошо!

Мальгин тихо засмеялся.

Карой открыла глаза.

— Что вы смеетесь?

— Просто так. Рад, что вы нашли меня... хотя час назад готов был убить на месте всякого, кто пожелал бы нарушить мой покой.

— Я это заметила. И все-таки вы не ответили на вопрос. Когда я выходила на берег, вы смотрели на меня, как...

— Бальзак.

— Нет.

— Македонский.

— Я не то хотела сказать, а вы, кстати, Клим Мальгин и им останетесь, хотя что-то от Македонского в вас, пожалуй, есть.— Карой оценивающим взглядом окинула жилистую фигуру хирурга.— Нет-нет, не напрягайте мышцы, я уже поняла, чем вы похожи — шрамами на груди.

Мальгин снова засмеялся, с удовольствием.

— Благодарю за столь лестное сравнение, но есть еще одна вещь, которая объединяет меня с великим Александром: упрямство. Знаете, о чем я подумал, глядя на вас?

— Честно?

— Вполне. Вы — копия Алкмены, жены Амфитриона, красота которой опьянила Зевса до такой степени, что они три дня и три ночи...

— Не продолжайте.— Карой задумчиво разглядывала лицо Мальгина.— В результате их встречи родился Геракл, так? Я хорошо помню эти мифы, они интересны тем, что женщины в них равны мужчинам почти во всем. Поцелуйте меня...

Мальгин, замерев, долгое мгновение смотрел в глаза женщины, постоянно меняющие цвет от желто-рыжего до черного, наклонился и поцеловал ее в полуоткрытые, пухлые, необычайного рисунка губы. Отодвинулся.

— Еще,— прошептала она с закрытыми глазами.

Клим вздохнул, покачал головой, сказал коротко:

— Хан.

— Что? — Карой изумленно распахнула глаза.

— Джума узнает,— серьезно сказал он.— Вызовет на дуэль и убьет, я его знаю.

Она не ответила, снова закрывая глаза и отворачиваясь. Несколько минут прошло в молчании.

— Вы обиделись? — негромко сказал Мальгин, укладываясь рядом, и тоже подставил лицо солнцу; по сравнению с Карой он казался незагорелым.

— Знаете, что мне в вас нравится? — проговорила женщина.— Не поверите.

— Простота.

— Не гадайте, у вас это плохо получается, к тому же вы очень непростой человек, Мальгин, хотя и очень открытый. Вы интересный собеседник, прекрасный специалист, хороший организатор, смелый и решительный человек, и прочее, и прочее, но меня тянет к вам просто как к мужчине. И я не могу этому противиться. И не хочу. Не верите?

— Почему, верю,— сказал Мальгин, чувствуя легкий эйфорический звон в ушах, словно от избытка кислорода.— А как же Джума?

Карой резко привстала, повернулась к хирургу, как разъяренная тигрица, на Клима глянули бездонные черные омуты. Он опасливо отодвинулся.

— Извините, Карой, я не хотел... честное слово, больше не буду.

— С Джумой у меня все иначе, хотя вряд ли я смогу объяснить — как. Помните у Блока? «Принимаю тебя, неудача, и удача — тебе мой привет...» Джума — моя неудача, и не надо было напоминать о нем, я думала о вас...

Мальгин не дал ей договорить и поцеловал еще раз, и не отпускал, пока она не задохнулась. Пробормотал:

— Есть такой закон: с пола упасть нельзя. Лично я нахожусь на полу, и падение мне не грозит. А вам?

— Мне тоже.— В глазах Карой сквозь изумление, гнев, вопрос, растерянность и колебания пробился опасный блеск взаимопонимания.

— Тогда ползком за мной.— И Мальгин пополз по траве к шалашу, сделанному из лещины и осоки. Эйфорический звон в ушах усилился, перекрывая нудный шепот внутренного «контролера», думать не хотелось ни о чем и ни о ком, кроме лесной феи, принявшей облик Карой и глядящей ему вслед с радостью и недоверием. Тогда он встал, вернулся и подхватил ее на руки...

* * *

Карой улетела в полдень, вызвав по рации видеобраслета из ближайшего поселка загородный пинасс.

— Презираешь? — сказала она с пленительной улыбкой, вглядываясь в лицо Мальгина, стоя вплотную к нему.

— Нет. В противном случае пришлось бы презирать себя. Все непросто и... не знаю, как назвать... вообще, надо бы начать с анализа своих эмоций, но я и так себе верю... Пусть все идет, как идет, не надо уточнений... Мне придется многое переосмыслить и кое-что решить... хотя я и рад этому.

— Решай, Мальгин. Мне тоже надо многое переоценить, и прежде всего в себе. Может случиться, что в результате наших переоценок мы больше не встретимся... во всяком случае — так. Но если я позову, ты... придешь?

— Приду,— тяжело обронил Мальгин.

Женщина засмеялась, легонько поцеловала его в подбородок и нырнула в хрустальное нутро пинасса-такси. Аппарат бесшумно взмыл в небо, превратился в золотую точку, пропал.

«Пойду спать,—подумал Клим,—почитаю немного—и спать...»

Он стоял несколько минут лицом к небу, ни о чем особом не жалея, собрался было достать книгу и в это время заметил, что в небе снова засияла звездочка. Пинасс возвращался. Однако это оказался другой аппарат, не Карой.

Пинасс был оранжевый, класса «три крыла», и принадлежал спасательной службе. Из кабины на траву выбрался Джума Хан, помахал рукой, подходя. Мальгин почувствовал укол совести и неприятный холодок в груди: если бы Джума прилетел на минуту раньше, он застал бы Карой, хотя сам Клим и не был инициатором встречи. Что было бы, прилети врач десять минут назад, говорить не приходилось.

— Привет, путешественник,— скупо улыбнулся Джума (поромашински, подумал Мальгин).— Что-то выглядишь ты бледновато, не по погоде, не любишь загорать?

— Не успел, да и гости отвлекают. Только что от меня улетела Карой.

Джума поднял брови, в глазах его мелькнула хмурая отчужденность.

— Карой? Это любопытно.

Они смотрели друг на друга некоторое время, проверяя впечатление и реакцию, но Мальгин закрылся «наглухо», и прочитать, что творится в его душе, Джуме не удалось.

— Не возражаешь, если я посижу с тобой полчаса?— Врач «скорой» огляделся.— Благодать-то какая...

Клим надул два матраса и улегся в тени клена, одного из ред-

ких лиственных деревьев среди сосен и елей. Джума расстегнул рубашку и пристроился рядом.

— Как здоровье?

— Нормально. Я здесь уже третьи сутки отдыхаю, не думал, что это так приятно после покорения пространств. В суете и обыденности бытия как-то мало задумываешься над философскими проблемами, смыслом жизни, над своим местом в системе отношений и в межчеловеческом пространстве. А ведь жизнь — это лишь пауза между рождением и смертью, антракт между двумя сценами, как сказал бы Ваня Заремба, завзятый театрал. Каждый заполняет эту паузу сам, в меру таланта и способностей, не рассчитывая терять, рассчитывая только приобретать. По молодости лет я все считал, что мои потери зависят не от меня, а только от внешних обстоятельств, а теперь вдруг понял: я и только я виноват в том, что терял. Хотя в отличие от поэта с потерями не согласен.

— Это хорошая формула, я, пожалуй, возьму ее на вооружение. Но ведь не всегда точно знаешь, что твои лучшие побуждения могут обернуться потерей. Например, будучи женатым человеком, я неожиданно вывел другую формулу: не целуйте спящих жен, они пугаются.

Мальгин подумал.

— Это наводит на размышления.

— Вот именно.

— Если жена пугается, она не уверена, что ее поцеловал...

Джума засмеялся.

— Примерно так же рассуждал и я, и в результате — Карой ушла. Так что, как видишь, я далеко не идеал. А вообще всерьез вести такие разговоры трудно, тем более с умным собеседником.

— Согласен. В каждом из нас сидит свой «черный человек», ждет своего часа, и бороться с ним порой просто нет сил,— задумчиво сказал он.

— Тебе ли плакаться, мастер? По-моему, до сих пор ты справлялся со своим «черным человеком» успешно. Это Шаламову труднее, а нам с тобой не пристало жаловаться при наличии мощных сдерживающих систем. Я не узнаю тебя, Клим.

— Я сам себя не узнаю,— пробормотал Мальгин.

Где-то в лесу послышался шум, словно кто-то на бегу застучал по стволам сосен.

Такой звук Мальгин слышал впервые, на ум пришло слово из лексикона Бажова: голк... По лесу гулял звонкий, светлый, деревянный голк...

— Дятел,— сказал Джума Хан, прислушиваясь.— Лупит по сухой сосне. Ты уже знаешь, что орилоунский трансгресс, о котором упоминал маатанин в разговоре с Шаламовым, в Антарктиде не найден?

— Мне говорил Ромашин. Решено вести поиски и в Северном Ледовитом океане. Но и там его вряд ли найдут.

— Сведения от самого Ромашина?

— Конечно. А твои?

— Из первых рук. Я уже не стажер отдела безопасности, а рядовой оперативник.

— Поздравляю, если только выбор твой обоснован. Как и Оскар Уайльд, я тоже люблю мужчин с будущим... и женщин с прошлым.

По лицу Джумы прошла тень. Он поколебался немного, потом все-таки спросил:

— Клим, можешь не отвечать, если вопрос покажется чересчур личным, но все ж: чем объясняется визит к тебе Карой?

— Скукой,— ответил Мальгин, наблюдая за гаммой чувств, отразившейся на лице собеседника: интерес, ожидание, недоверие, облегчение.

— А насчет поисков орилоунской машины,— продолжал Мальгин,— я посоветовал бы искать ее иначе: дать задание большому инку спас-центра покопаться в ПОБах [1], содержащих всю подробную картографию Земли вплоть до дна океанов и морей, и проанализировать формы рельефа, близкие к геометрии орилоунских зданий, причем не только живых, но и мертвых, то есть скелетов, как на Страже Горловины.

Джума неожиданно рассмеялся. Клим поднял брови, не понимая причины смеха. Бывший врач толкнул его в плечо:

— Не обижайся, просто мы с тобой действительно схожи по складу ума. Эту идею я уже предложил Лондону.

— Кому-кому?

— Это новый начальник отдела вместо Ромашина, работал в погранслужбе, потом заведовал Североамериканским филиалом Б. Мужик толковый. Говорят, он прямой потомок Джека Лондона, и, хотя я в прямую генеалогию не верю, он действительно похож на Джека, почти как две капли воды.

Мальгин вспомнил слова Купавы и проговорил:

— Передай ему привет. Джек Лондон — один из самых любимых моих писателей, его цикл рассказов, как северный, так и южный, можно перечитывать всю жизнь. Я благодарен ему за то, что он был, а судьбе за то, что она позволила начать изучение литературы с его «Конца сказки» и «Прибоя Канака».

Джума молча вскинул руку прощальным жестом и полез в кабину.

— Подожди,— вспомнил Мальгин.— Ты-то с какой целью нашел меня в этой глуши?

Новоиспеченный безопасник придержал дверцу машины.

---

[1] ПОБы — проблемно-ориентированные банки данных.

— Во-первых, я соскучился; во-вторых, Ромашин просил передать, что твоей расчетливости предстоит экзамен в самом ближайшем будущем.

— Поясни, не совсем уразумел.

— У слова расчетливость шесть тысяч орфографических вариантов, но смысл всего один. При появлении Шаламова ты должен рассчитывать каждый свой жест, и это время не за горами. Он вернется на Землю, одиночество — не его удел, потому что он все-таки не совсем «черный человек». И еще учти, что он способен трансформировать внешность.

Хан захлопнул дверцу, пинасс, прошелестев обшивкой по кустам, скрылся за верхушками деревьев.

День померк.

Джума улетел озадаченный, а может быть, и уязвленный — если понял значение визита Карой, неожиданного лишь для него; Мальгин-то его ждал, чего уж там греха таить, хотя ждал и другой встречи, которой он одновременно боялся, как удара в спину. Он боялся Купавы, потому что не мог гарантировать собственной твердости и дружески ровного к ней отношения; он боялся ее, потому что давно простил, но не простил самому себе; он боялся, потому что любил ее до сих пор, хотя и казалось ему иногда, что это чувство размывается, как рисунок акварелью под дождем. И не потому ли так легко ему было с Карой? Женщина была независима, свободна в решениях и поступках в той же степени, в какой он был несвободен. Господи, зачем ты формулу: нет любви без препятствий — возвел в ранг абсолюта?..

Мальгин очнулся: из лодки на него вопросительно и странно смотрел незаметно подплывший отец.

— Ты что-то сказал, па?

— У тебя сегодня день приема гостей? Кто это был?

Заноза тревоги вошла в сердце Клима с этим вопросом, так и осталась, пока он умывался, собирал вещи и одевался.

— Па, я должен идти, извини. Есть неотложные дела. Не сердись, ладно?

— Жаль,— тихо, с грустью, сказал старик.— Как я могу на тебя сердиться? Береги себя.

— Спасибо за два прекрасных дня, два вечера и две ночи. Я отдохнул так, как не отдыхал никогда в жизни. Мы еще порыбачим с тобой, обещаю.

Старик прижал его к себе, уколов небритым подбородком: он никогда не брился на природе, отращивал бороду.

Подумав, пробормотал:

— Ты изменился, Клим...

Мальгин поцеловал его в темную от загара шею и пошел, не оглядываясь, к их туристскому пинассу.

* * *

Заремба вошел в кабинет в тот момент, когда Мальгин собирался выключить связь с Гиппократом: он успел узнать все новости института и размышлял теперь о том, с чего ему начинать в первую очередь.

— Привет директору,— сказал молодой нейроконструктор; руки, как всегда, в карманах, на лице непробиваемая безмятежность, в глазах любопытство.— А Богдан говорил, что ты выйдешь только в августе.

— А я еще не вышел, просто заглянул ради интереса. Гиппократ сообщил, что ты успешно сделал сложную операцию на ганглион-спинале [1]. Поздравляю.

Заремба небрежно махнул рукой.

— Не стоит поздравлений, я могу работать и сложнее.

Мальгин засмеялся.

— Ты не меняешься. Как дела у Стобецкого?

— У него тоже ничего не меняется: работает, бурчит, каждую неделю ходит в театр с новой дамой. Лучше расскажи, где ты пропадал,— вдруг жадно сказал Заремба.— А то слухи ходят один страшней другого. Где Шаламов? Что там у вас произошло?

На миг в душе Мальгина шевельнулось дремлющее раздражение, он отвык от манеры поведения Зарембы, парень так, наверное, и не отвыкнет от амикошонства, не научится тактичности самостоятельно, надо бы позаниматься с ним, хотя чувство такта, деликатность и галантность должны быть врожденными, генетически запрограммированными. А их планируемое приобретение в зрелом возрасте — процесс длительный и не всегда результативный...

— Какие слухи ты имеешь в виду? — спросил Мальгин, снимая эмкан и приглаживая волосы.

— Говорят, ты дрался с Шаламовым, но тот превратился в «черного человека» и удрал на Орилоух. А еще говорят, что ты стрелял в него...

— Кто говорит? — наливаясь яростью, сипло спросил Мальгин.

Заремба испуганно отступил, в замешательстве почесал верхнюю губу.

— Да ребята из неврологического, Стоун, Роб, Жека...

— А они откуда знают такие «подробности»? Кто их источник информации?

— Не знаю точно.— Заремба пожал плечами.— У Роба приятель в спас-центре, может, он?

— Имя приятеля не помнишь?

Молодой нейрохирург засмеялся, преодолевая внутренний тре-

---

[1] Ganglion spinale — спинномозговой узел *(англ.)*.

пет: он никогда не видел у товарища т а к и х глаз,— в них плавились ненависть и угроза.

— Ты ведешь себя, как на допросе. Имени приятеля Роба я не помню, спроси у него сам. Так ты расскажешь о своих приключениях?

— Расскажу.— Мальгин взял себя в руки; он уже понял, откуда ветер дует, информатор Роба, равно как и Купавы, мог быть только один человек — Марсель Гзаронваль, мстивший ему подобным образом.— Позже расскажу. Не обижайся, Иван, я еще не совсем здоров и мне вредно волноваться.

Заремба торопливо закивал, выставил вперед ладони.

— Все понял, прошу прощения, Клим, но смотри — ты пообещал. Моя помощь не понадобится?

— В чем? — усмехнулся Мальгин через силу.— Спасибо за сочувствие, обойдусь. Таланов у себя?

Заремба как-то странно посмотрел на него.

— Тебе разве никто не говорил?..

Мальгин молча смотрел на коллегу: тот снова почувствовал себя неуютно.

— На Совете Академии Таланов снял с себя обязанности директора и взял месяц на отдых. Мотивировал тем, что не предусмотрел последствий пробуждения Шаламова и тем самым подверг риску ни в чем не повинных людей.

Вставший было Мальгин снова сел.

— А Гиппократ этого мне почему-то не сообщил... странно... Что Богдан собирался делать?

— Сказал, что будет согласен с любым назначением, и Совет принял решение поменять вас местами. Так что ты теперь — без пяти минут директор. Ты разве не расслышал, как я тебя приветствовал?

— Думал, ты шутишь, как всегда.

Мальгин медленно и глубоко вздохнул и так же медленно выдохнул: в голове тонко задергал-запульсировал сосудик, и тотчас же ожил «филер» на груди — его писк был слышен только хозяину.

«Такой новостью можно свалить здорового,— подумал Клим,— а я еще действительно не в форме. Бедный старикан, что ему пришлось пережить! Он ведь на самом деле всю жизнь будет считать себя виновником случившегося, и доказать обратное ему невозможно, уж такой он человек. Если уж вбил в голову какую-нибудь идею — обухом не выбьешь. Кремень... Дредноут!»

Последнее слово Мальгин произнес вслух.

— Кто?— не понял Заремба.

Мальгин очнулся.

— Я, конечно. Не обращай внимания, это эвфемизм. Ты иди, пожалуйста, Иван, мне надо побыть одному. Не говори, что я в ин-

ституте, не хочу паломничества, хватит с меня и твоих расспросов.

Хирург подошел, похлопал его по плечу и вышел, несколько разочарованный тем, что не смог полностью удовлетворить своего любопытства. Однако он быстро примирился с неудачей и тут же переключил внимание на новый интерес. Мальгин невольно позавидовал легкости его характера, сам он был слеплен из другого теста.

На груди снова зашелся писком «филер».

— Слышу, слышу, не нервничай,— буркнул хирург.— И без тебя ясно, что мне необходима консультация.

Он позвонил Купаве, не включая обратной связи, полюбовался на крошечное существо в колыбели, возле которой топтался роботнянька с немыслимым набором игрушек, и вызвал отдел безопасности УАСС.

4

Уже после второго путешествия по «струнным» трассам, связывающим Орилоух с «живыми» станциями метро на других планетах, Шаламов ощутил потребность делиться с кем-нибудь своими открытиями. «Черный человек», которого он не отпускал, таская за собой в качестве гида, живого справочника и просто собеседника, замкнулся в себе и все реже отвечал на вопросы, а скафандровый микрокомп не годился для роли сопереживателя и товарища, его забота не распространялась на душу хозяина. И тогда снова вернулась мысль посетить Землю и забрать с собой Купаву. Это был бы самый благодарный слушатель и сопереживатель из всех возможных, включая даже ученых-ксенопсихологов, а что показать Купаве — Шаламов знал.

Первый прыжок с Орилоуха после схватки с чужим автоматом, из которой Даниил вышел победителем, впервые воспользовавшись «универсалом», занес его в иную галактику, на планету, где царствовала электрическая жизнь. Ничего в ней не поняв, Шаламов стартовал снова и оказался за пределами местного скопления галактик, в которое входили и Туманность Андромеды, и галактики в Волосах Вероники, и Галактика, давшая жизнь Солнцу.

Орилоун-метро, выбросивший спасателя с «черным человеком» на поводке, с первого взгляда был установлен на небольшом по космическим масштабам скалистом планетоиде, изъеденном порами, как голова сыра. На самом же деле «планетоид» оказался чудовищным скелетом жившего некогда существа! В поперечнике скелет-планетоид достигал шестисот шестидесяти шести километров! Сам Шаламов, наверное, никогда не догадался бы, что это такое, новость сообщил ему маатанин, взволновавшийся на короткое время. Потрясенный спасатель долго не мог прийти в себя от неожиданности,

бродя по внутренностям монстра, но не верить «черному человеку» не мог, маатане не были способны на ложь, да и на творческую фантазию тоже.

Исполин был мертв давно, сотни тысяч лет, но трансгресс-метро на нем работало исправно, как ни в чем не бывало, хотя от старости само превратилось в «скелет».

Не найдя на «трупе» ничего достойного особого внимания, Шаламов отправился дальше и вышел на Орилоухе, только в другом районе. Снова нырнул в «струну» мгновенной транспортировки и вылез под водой неизвестно где...

Потом были десятки голубых, красных, желтых солнц, гигантов и карликов, с планетами и без них, вращающихся вокруг черных дыр и нейтронных звезд, в шаровых скоплениях, в эллиптических, спиральных и не имеющих определенной формы галактиках, а однажды Шаламов вышел из метро, выращенного в системе квазара, и в течение суток любовался грандиозной картиной горящего обломка праматерии, сохранившегося с момента Большого взрыва Вселенной.

А потом идущий внутри Шаламова процесс распада психики достиг той стадии, когда включение памяти «черного человека» стало уже не раздражающим, а приятным фактором, хотя сам Даниил не понимал, что при этом состояние озарения сопровождается устойчивым безразличием ко всему, что еще недавно казалось интересным и волновало душу. Вспыхивающее восхищение быстро сменялось равнодушием, интерес к новым ощущениям гас, разгорался ненадолго и снова потухал; человеческая психика все еще боролась за власть внутри Шаламова, но силы были уже неравны — подсознание, принадлежащее маатанской психике, постепенно подчиняло сознание, а таявшему человеческому обломку «я» все труднее было контролировать поступки хозяина. Спасти личность Шаламова могла бы только немедленная операция.

Вернулись головные боли, появилась тяга к обычной человеческой пище, несмотря на то, что спасатель не был голоден, приспособив организм к прямому поглощению энергии, как это делали «черные люди».

Спустя неделю с начала путешествия Шаламов заметил, что за ним следует тот самый непонятный орилоунский автомат с «миллионом глаз», с которым он столкнулся еще на Страже Горловины, когда гнался за сбежавшим маатанином. На запросы «глазастый» фантом не отвечал, только смотрел, а когда Шаламов брался за пистолет — исчезал, словно понимая, к чему это может привести. Однако исчезал ненадолго, на час-два, чтобы потом выскользнуть из ниоткуда, как стеклянная змея, и превратиться в зыбкое полупрозрачное облако со множеством живых, внимательных, мигающих вразнобой глаз.

На вопрос Шаламова: «Что это такое?»— «черный человек» ответил коротким: «Было всегда»,— но пояснять свой ответ не стал. В конце концов спасатель привык к необычному преследователю, будто к детали пейзажа, и перестал обращать на него внимание: «глазастый» был безвреден и представлял собой, скорее всего, автомат-наблюдатель.

Почувствовав, что ему становится хуже, Шаламов решил серьезно поговорить с маатанином: многое из того, что всплывало в сознании из хранившихся в памяти запасов маатанских знаний, оставалось непонятным, хотя спасатель уже знал главное: кто такие маатане, как возникла их «цивилизация», что такое Орилоух и для чего создан Страж Горловины. Но оставались «темные» знания, передаваемые маатанами из поколения в поколение и не используемые ими в повседневной жизни, вот они-то и будоражили остатки любопытства Даниила. Ему казалось, найди он ответ на все загадки — и его болезнь прекратится сама собой или он сможет вылечить себя сам, без помощи хирурга Мальгина и земных врачей вообще, поэтому Шаламов наконец перестал метаться по неизвестно кем созданной сети мгновенного масстранспорта и попытался разговорить молчаливого «черного человека», полного непонятной тоски и скорби.

Вышли они в угрюмом дождливом мире с низкими, зеленоватыми тучами, нависшими над серо-коричневыми, рябыми от дождя водоемами и голой скалистой почвой, черной и блестящей от пленки воды.

Джордж определил, что вода в этом мире насыщена целой смесью кислот от серной до плавиковой, и Шаламов вынужден был вернуться в сухой грот метро: глазастый орилоунский автомат остался висеть снаружи, видимо, погода ему нравилась.

Шаламов уже знал, что «черные люди» не имеют имен, хотя это и не мешало им различать друг друга, но для определенности называл «своего» маатанина Отшельником.

— Послушай, старик,— просигналил он мысленно, свободно переходя на маатанский.— Я, конечно, мог бы оставить тебя помирать, коль уж тебе приспичило, но все же войди в положение, мне тяжело носить в себе драгоценный груз, не зная, как и где его можно применить. Откуда пришли ваши хозяева, Вершители, как ты выражаешься, я понял, но зачем они оставили вас одних? Да и орилоунов тоже? Бросили за ненадобностью или рассчитывали вернуться? И почему тогда не вернулись? Ведь прошли уже тысячи лет, если не миллионы.

— Маатане давно перестать быть теми, кем их создать Вершители, и хозяев у них нет.

— Обиделся? А с виду камень-камнем. Ладно, мне все равно непонятно, зачем эти самые Вершители прорвались в нашу Вселен-

ную из своей, сотворили вас, орилоунов, колоссальную систему мгновенного перемещения, охватившую десятки галактик, и ушли. Кстати, ты на самом деле не знаешь, что это за «мешок с глазами» сопровождает нас?

— Было всегда. Сначала появитья они, потом Вершители. Сделать Орилоух. Орилоуны создать нас... мы искусственные существа.

— Ну, это я знаю. М-да, понятно... что ничего не понятно. Как хоть выглядят Вершители? Ты их видел?

— Они везде и нигде, они могут быть всем и ничем, от атома до звезды, они принимать любой облик...

— Ну-ну, не пересказывай только всю свою религию, я сыт ею по горло. Похоже, вы деградируете, Отшельник, вас хватило только на то, чтобы создать религию, а запасы знаний, добытые для вас Вершителями, вы умудрились запихнуть в себя и забыть про них. Зря я тебя таскаю за собой, плохой ты помощник, а гид и вовсе никудышный. Кто бы мог заглянуть мне в башку и выпустить на волю все, что там записано?..

Шаламов вздохнул. Его мутило, голова раскалывалась от боли, хотелось принять душ, выпить молока и лечь спать в чистую, благоухающую свежестью постель, хотя, с другой стороны, он отлично знал, что ни в чем таком не нуждается.

— М-да, вахлак ты, Отшельник, прости меня господи! Столько в тебе запасено информации! — а поговорить не о чем.

— Не видеть смысла, хомо.

— Зато я вижу, дубина ты стоеросовая! Мне на Землю надо, хочу забрать с собой... свою половину, а ты не хочешь помочь.

— Что значит «свою половину»? Ты — не есть целое?

— Не поймешь. Она поможет мне, да и вдвоем веселей будет. Как туда добраться? Можно ли нащупать канал связи с метро на Земле?

— Попросить орилоуна, он доставить тебя, куда надо.

— А разве орилоунские метро соединены не случайным образом?

— Это не есть рационально. Каждый соединяться с каждым.

Шаламов присвистнул.

— Ну и дурака же я свалял! Надо было раньше сообразить. Что ж, лучше поздно, чем никогда. В таком случае поехали домой. И не возражай, не поможет. Побудешь гостем, покажу Землю, нашу жизнь. Ведь тебе все равно, где помирать?

— Снова хомо упоминать этот странное понятие «помирать», хотя я и понимать, о чем идти речь. В лексиконе маатан нет такое понятие, и если маатанин терять интерес к жизни или исчерпать лимит бытия, это не значит, что он хотеть собраться «помирать».

— Отшельник, не надо выкомуривать, нагнетать страсти вокруг маатанской смерти, ваша «философия» мне известна. Я мог бы во-

обще с тобой не церемониться, зная, кого спас в Горловине, а я, как видишь, довольно вежлив.

— Хомо, твоя половина во мне заставить меня много переосмыслить, и я тоже не мочь поступать так, как поступить бы на мое место любой маатанин. Но все же ты не знать, как умирать маатанин. Это опасно для все твои соплеменники, не только для ты один. Еще ни один маатанин не умирать в эта Вселенная. При достижении предела бытия в нас просыпаться вторая целевая программа, и мы уходить в тот мир, откуда придти Вершители. Мой срок близок очень, весьма, сильно, я должен уходить, не задерживать меня. Да!

— Подождешь,— буркнул осоловевший Шаламов.— Отпущу, когда объяснишь все, что я храню в своем сейфе.— Спасатель шлепнул себя ладонью по затылку.— Кстати, почему ты полез в Горловину? Разве ваше собственное маатанское метро, этот ваш Хранитель Пути, не мог доставить тебя к Вершителям? Или куда ты там собрался?

— Нет, остаться только два, может быть, три живой орилоун, способность к выводу в иную Вселенную через «серую дыру», да и то они больные и мочь необратимо трансформировать уходящего.

— Посмотрим. Любопытно будет взглянуть на мир Вершителей, да и на них самих. Первым делом я спрошу, чего им у нас было надо. Пришли, покрутились, бросили своих слуг и ушли. Ну что, вперед? Кстати, наш «глазастый» призрак-преследователь, кажется, отстал наконец. Послушай, Отшельник, а что, если я спрошу у него, он поможет?

Маатанин не ответил.

Пожав плечами, Шаламов, подбадривая себя, пропел дурным голосом: «Где над омутом синеет тонкий лед, там часочек погощу я, кончив лет»[1],— и нырнул в открытую дверь чужого метро.

* * *

Боль внезапно отступила, сменилась волной возбуждения, и Шаламов, с трудом пробившись из внутренностей метро наружу, сквозь забитый песком, грязью и льдом выход, даже засмеялся, увидев над головой темно-синий купол неба с полосой Млечного Пути.

— Слава богу, дома! Слышишь, Отшельник? Красиво у нас, на Земле? Кажется, вылезли мы где-то в северных широтах, в зоне мерзлоты.

— Я плохо видеть, у вас сильно темнота.

— Извини, я забыл, что ты видишь в другом интервале спектра. У вас, на Маате, тоже не очень-то светло с моей точки зрения. Те-

---

[1] И. Анненский.

перь держись, я буду действовать по своему усмотрению. Рано или поздно нас, конечно, засекут, поэтому действовать надо быстро, не хочу я объяснений с властями. Одно хорошо, что ты есть не хочешь и на горшок не просишься, это великое преимущество маатан перед людьми.

Понял ли «черный человек» грубоватый юмор Шаламова, неизвестно, но возражать не стал. При свете звезд на фоне земного пейзажа: тундра, край озера, приземистая березовая роща неподалеку,— маатанин выглядел настолько необычно, что Шаламов возблагодарил его Величество Случай за прибытие в полночь. До утра они успеют найти транспорт и упрятать бесформенную глыбу вместе с ее «гнездом». «Черный человек», конечно, не ведьма на метле, но встреча с ним любому нормальному человеку может стоить сердечного приступа; что издали, что вблизи — нечистая сила, да и только!

Шаламов ухмыльнулся и, пристроив на теле маатанина свой скафандровый «динго», превратил того в двухметровый снежный ком. Затем утопил скафандр в озере, приметив место, с неведомым доселе наслаждением искупался сам, хотя вода была по человеческим меркам исключительно холодной, и принялся искать транспорт. Через полчаса дежурный куттер общетранспортной инспекции доставил его к станции метро на Таймыре. Внушив пилоту, что он отвозил влюбленную парочку, Шаламов отыскал кабину для «негабаритных» пассажиров и вышел в Брянске.

Купавы дома не оказалось.

Побродив по комнатам, Даниил сел на кровать и несколько минут размышлял, вспоминал ее поведение в последние дни перед его неудачным кенгуру, жесты, улыбку и голос. Проснулась головная боль, а вместе с ней и древние атавистические инстинкты ревности, обиды и пренебрежения нормами этики. Справиться с ними было нелегко, да и не очень хотелось. В условиях постоянной внутренней борьбы двух психик и медленной, но растущей дезорганизации личности, Шаламовым начинали командовать те стороны характера, о существовании которых он и не подозревал и которые остались в человеке от его общих предков по эволюционной лестнице,— динозавров и хищных млекопитающих: индивидуализм, высокомерное сознание собственной исключительности, бессердечие и равнодушие. Правда, все эти черты пока еще сглаживались волей, сознанием и запасом лучших человеческих качеств, свойственных Шаламову в прежней жизни, врожденных и воспитанных, но моменты равновесия наступали все чаще и чаще, а сам Шаламов не способен был проанализировать свои мысли и поступки с точки зрения стороннего наблюдателя. Мелькающие изредка сомнения в правильности принимаемых решений и мысль: он что-то упускает из виду, что-то делает не так,— таяли, как мираж, оставляя в душе саднящий

след. И все же спасатель верил в свои силы, нося в себе знания, расшифровка которых позволила бы землянам решить проблему контакта не только с орилоунами и маатанами, но и с загадочными их прародителями, перекинувшими мост между двумя Вселенными еще в те времена, когда по Земле бродили мамонты...

Мальгин, подумал Шаламов с неприязнью. Купава может быть только у Мальгина... черт его побери! Он же ее до сих пор любит, это заметно невооруженным глазом. Но с другой стороны, Клим исключительно щепетилен в вопросах чести, искренне считая меня своим другом. Не может он перемениться вдруг, не тот человек... «человек-да». М-да... А с третьей: меня уже могли списать с довольствия, погиб, мол, на Орилоухе, вот и развязали ему руки. Да он из простой заботливости обязан был забрать Купаву к себе, к тому же и ребенок его...

Шаламов вскочил, снова сел, но успокоился только после того, как обдумал план дальнейших своих действий. Хотя во время последней своей встречи с Мальгиным он и был не очень вежлив, тем не менее, помня изречение Бернарда Шоу: «Берегись того, кто не ответил на твой удар»,— должником себя не считал. Ты сам во всем виноват, Клим, подумал он, я не отбирал у тебя жену, она ушла от тебя сама... по неведомому даже мне зигзагу настроения. А если думаешь, что я этому был дико рад, то глубоко ошибаешься. Это только со стороны кажется, что мы остались друзьями, да тебе самому, на самом деле мы враги. Жаль, что ты этого не понял раньше. И, кстати, мне Купава нужней, она это поняла. Если бы она была нужна тебе, она бы не ушла...

Спасатель вызвал городское транспортное бюро по обслуживанию населения и заказал грузовой куттер. Инк бюро не удивился вызову, хотя шел второй час ночи, и пообещал подогнать машину через пятнадцать минут.

— Вот и все,— сказал Даниил «черному человеку».— Скоро мы будем далеко отсюда, осталось уладить кое-какие дела. У меня предчувствие, что ухожу я отсюда надолго. Юкиккирини [1], как говорят японцы.

— Мне жаль тебя,— ответил с необычной, прорвавшейся, совсем человеческой тоской и горечью маатанин.

5

...Он бежал, задыхаясь, по странному и сложному лабиринту, сворачивая в бесчисленные коридоры с черными стенами и светящимся потолком, полные жутких теней и танцующих призраков,

[1] Навсегда, надолго.

слепленных из струй лилового тумана. Сзади все явственней доносился тяжелый топот, сотрясавший лабиринт: кто-то черный, бесформенный, страшный, без лица и без ног, догонял и жег спину угрожающим взглядом. «Как же он бежит без ног?!»— мелькнула мысль, но тут же была задавлена темным, слепым ужасом, поднявшимся из глубин души. Мальгин уперся в тупик и повернулся к преследователю лицом. «Черный человек» тоже остановился и начал менять форму, превращаться в невиданное существо, помесь тигра, орла и дракона с человеческой головой...

Все исчезло. Мальгин шевельнулся и бессмысленным взором осмотрел комнату. Он лежал на кровати, мокрый от пота, одеяло лежало на полу, исчерченном голубыми полосами света. Тревога не проходила. Какие-то смутные ассоциации продолжали роиться в голове, чье-то лицо, бледное, странно знакомое и в то же время чужое, маячило на стене, притягивало взор, будило неуверенность и страх.

Мальгин рывком поднялся. Это был просто лунный блик на стене, высветивший кружевной узор старинной картины. И все же тревожное ощущение чьего-то присутствия осталось. Клим вспомнил слабый шорох в гостиной, который он принял за звук упавшего одеяла, бесшумно встал и выглянул из спальни.

Дымящиеся столбы лунного света пробивали гостиную насквозь, придавая ей нереальную призрачность воздушного замка. Никого. Все на своих местах. Тишина. И запах...

Обоняние у Мальгина было, как у собаки, поэтому, принюхавшись, он сразу выделил из спектра домашних запахов тонкий незнакомый аромат, чужой этому дому. Так могла пахнуть лунная пыль... или марсианский лишайник...

Хирург включил свет, обошел все три комнаты, опустевшие после ухода Купавы. При ней в доме вечно торчали какие-то друзья и подруги, бросая свои и вещи хозяина где попало. Никого. М-да, не хватало только горячечных бредовых снов. Однако откуда в квартире этот слабый, но отчетливо чужой запах? Может быть, из сада? Ночные цветы?..

Мальгин выглянул в окно, постоял с минуту, прислушиваясь, потом выключил свет и вернулся в спальню. Левую ступню вдруг пронзил укол боли. Клим присел, пошарил рукой и поднял с пола миниатюрный значок, очень тяжелый, похожий на бокальчик с отбитой ножкой: диаметр чаши — около сантиметра, длина игловидной ножки — тоже около сантиметра, а цвет неопределенный, то как стекло, то как ракушечный перламутр... а весит, как будто сделан из осмия. Действительно, бокал в миниатюре, только внутри чаши застряла какая-то крошка...

Клим попытался вытряхнуть застрявший в бокальчике предмет, но не смог. Заинтересовавшись, поднес значок к глазам: точно та-

кой же формы чаша, только чуть меньше, а в той еще чаша, и еще... словно набор матрешек, штук шесть-семь одна в одной. Хмыкнув, Мальгин задумчиво подкинул непонятный значок на ладони, весивший не менее килограмма, принюхался — запах был тот самый, «лунный». Как же он попал сюда? Сам Клим принести его не мог, а гостей у него не было давно, с момента начала внеземных путешествий. Тогда кто его принес? И когда?

Заныло под ложечкой. Мальгин представил, как в квартиру проникает неизвестный, скорее всего Шаламов,— он знает мысленный код замка,— и роняет на пол значок... а потом уходит, удостоверившись, что хирург Клим Мальгин спит один, без Купавы...

— Один,— вслух пробормотал Мальгин, голос был хриплым.— Один, без Купавы...

Эта мысль объясняла все: в доме действительно побывал Даниил, чтобы убедиться, что Купавы з д е с ь нет.

Спокойно, приказал себе Мальгин, ничего еще не произошло, просто фантазия разыгралась, с чего бы Шаламову переться прямо ко мне, когда он мог бы сначала навестить свой собственный дом, не вяжется тут у тебя, мастер, перестань психовать... Но мысль уже рисовала такие картины, с которыми не справлялись ни логика, ни воля, и хирург, не выдержав, набрал номер Купавы.

Нить виома развернулась в плоскость, но глубины не приобрела: с той стороны связь не включили. Прошла минута, другая, третья, на вызов никто не отвечал. И тогда Мальгин испугался по-настоящему. Бросив взгляд на часы в стене,— три двадцать три утра,— набрал телекс Ромашина и стал поспешно одеваться. Ромашин ответил, когда он застегивал рубашку.

— Клим? Что случилось?

Выглядел Игнат так, словно спать и не ложился.

— По-моему, у меня только что побывал Шаламов.

Бывший начальник отдела безопасности внимательно рассмотрел лицо Мальгина, отметил его нервозность, кашлянул.

— Что значит «по-моему»? Вы его видели?

— Нет, но... ощущение, что в квартире кто-то был... странный запах... и еще вот это.— Клим показал «значок».

— Что это?

— Похож на значок с отломанной булавкой, но какой-то необычный, и весит около килограмма.

— Из ваших гостей никто не мог его обронить?

— Я обнаружил бы его раньше. Повторяю, у меня ощущение, что был именно Шаламов. И еще меня тревожит...— Клим заколебался.— Купава не отвечает на вызовы, дома ее нет.— Заметив взгляд Ромашина, с усилием заставил себя успокоиться, сказал с усмешкой:

— Все-таки неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое.

В глазах Ромашина мигнули колючие огоньки.

— Вряд ли эту формулу можно применить к данной ситуации. Давайте сделаем вот что: проверьте, дома ли Купава, может быть, у нее просто не работает связь, а я кое-кого предупрежу. Встретимся возле ее дома. Идет?

Клим кивнул, уколол руку «значком» и, спрятав его в карман, вызвал такси к дому.

Начало уже светать, когда он, преодолев три сотни километров на метро, а остальные десять на такси, позвонил в дверь квартиры Шаламова, подождал, позвонил снова и вошел, мысленно приказав двери открыться.

В квартире стойко держался тот же самый запах, что появился и в доме хирурга, ошибиться было невозможно, а сама квартира была пуста и прибрана, Купава исчезла. Исчезла и колыбель с антиграв-подвеской. Мальгин со звонким туманом в голове сел на несмятую кровать Купавы и сидел так до тех пор, пока в квартиру не вошел Ромашин. Он сразу все понял.

— А не может она поехать к вашему отцу?

— Он сразу бы позвонил.

— И все же я с вашего позволения проверю.— Игнат негромко продиктовал распоряжение в каплю микрофона, свисавшую с мочки уха; на нем уже была рация компьютерной связи, подобная той, что носил недавно Мальгин.— Идемте со мной. С вами хочет познакомиться мой преемник.

— А не рано?

Ромашин молча ждал.

Клим еще раз кивнул и встал.

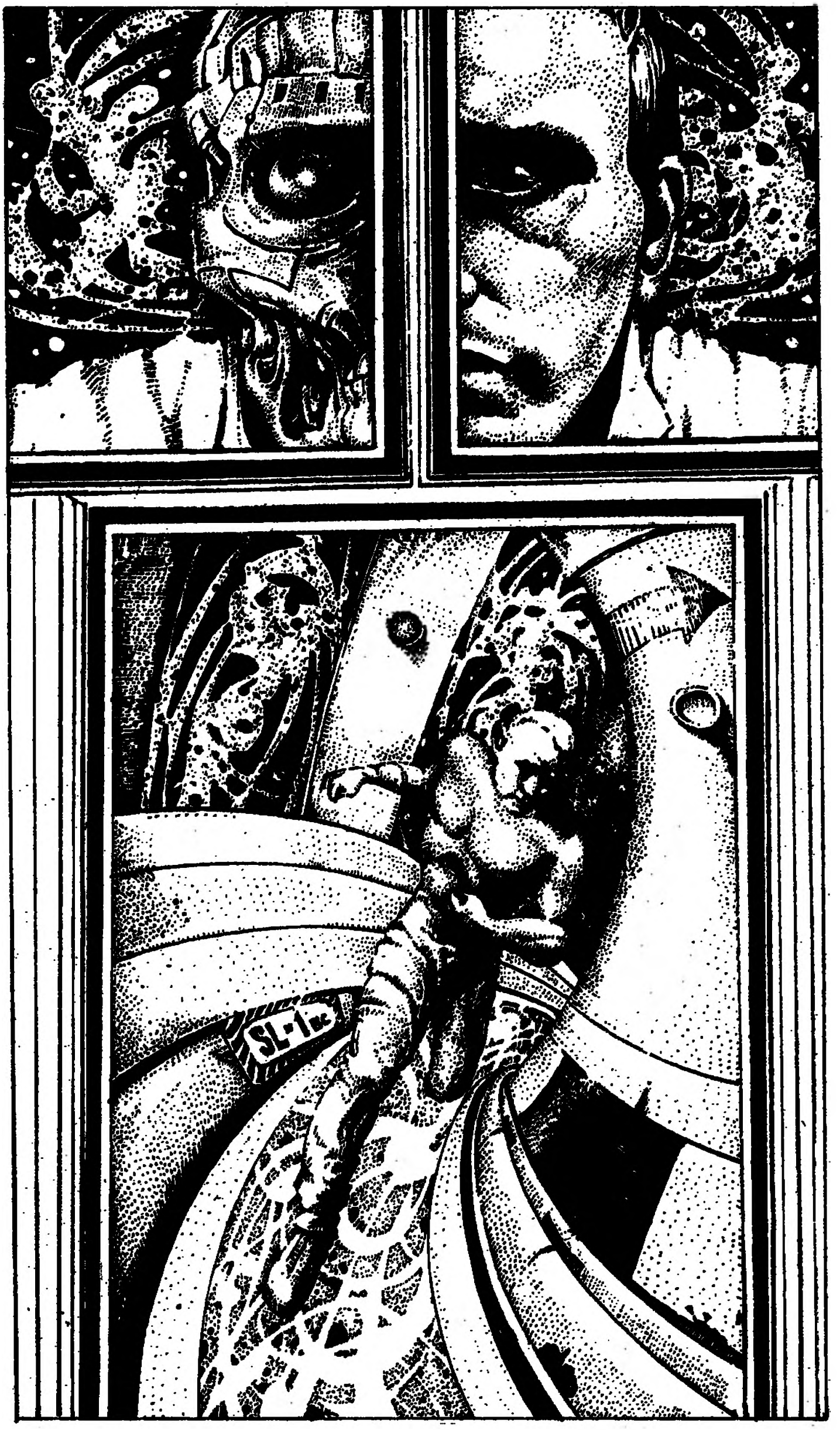
Они спустились вниз, сели в белый скоростной куттер пограничной службы, из которого выпрыгнули двое крепких ребят в кокосах. Шел шестой час утра, и солнце уже встало, вызолотив вершины берез недалекой рощи.

В пути почти не разговаривали. Ромашин покрутил в пальцах тяжелый «значок», вопросительно посмотрел на соседа.

— Вы разрешите взять его на время?

Мальгин безмолвно пожал плечами, решая и в дальнейшем обходиться минимумом слов и жестов. Он искал ответ на вопрос, где могла находиться Купава. Подруг ее новых он не знал, а из старых помнил только Наташу Верченко, проживавшую где-то в Днепропетровске. Но едва ли Купава ни с того, ни с сего поедет к подруге, когда у нее есть люди ближе, сестра, например, под Курском, родители Дана в Бежице... Или она все-таки поехала к отцу? Зачем? Да и он сообщил бы...

— Не ломайте голову, Клим,— посоветовал проницательный Ромашин,— отыщется. К сожалению, мое предложение об установлении постоянного наблюдения за Купавой не прошло. СЭКОН доб-


SL-1

ро не дал, поэтому я тоже не знаю, где она, однако по всем адресам, известным мне... и вам, уже пошли люди. Подождем.

Хирург не ответил. Тоска вползала в сердце струей холодного и зябкого тумана, и все время хотелось проснуться. Купава смотрела на него из памяти тревожно и с ожиданием, словно хотела о чем-то предупредить, и ничего с этим ощущением Клим поделать не мог. Правда, уже в здании спас-центра его усилия взять себя в руки наконец возымели действие, и в отдел безопасности он вошел, повторяя девиз Фихте: «Действовать! Действовать! Вот для чего мы существуем».

В знакомом кабинете, хозяином которого был недавно Ромашин, стоя разговаривали двое: дюжий, средних лет мужчина, широкий, но болезненно рыхлый на первый взгляд (Мальгин вспомнил, что таких мужчин скорый на эпитеты Шаламов обычно называл «гроб с музыкой»), и невысокий, но крутой, весь накачанный, большерукий молодой человек. Лицо у него было овальное, широкоскулое, с широко расставленными серыми глазами под выпуклыми дугами бровей и с тяжелым подбородком; волевое, умное, серьезное лицо, чем-то неуловимо схожее с лицом Ромашина. Во всем облике этого человека проглядывала спокойная надежность. Мальгин понял, что это и есть новый начальник отдела.

— Знакомьтесь,— сказал Ромашин, поздоровавшись.— Клим Мальгин, нейрохирург.

— Майкл Лондон,— подал широкую сильную ладонь начальник отдела.— Очень приятно.

Мальгин молча пожал руку.

— А это Герхард Маттер, ксенолог, привлечен нами для работы с объектами в Горловине.

— Извините,— шевельнул двумя подбородками Маттер, наклонил голову с громадной лысиной,— слышал о вас много, но все никак не удавалось познакомиться. Заходите в лабораторию, Клим, поговорим. Я сейчас вынужден вас покинуть, дефицит времени просто жесточайший. До встречи.

Он ушел.

Лондон поправил усик микрофона у губ, он тоже был включен в систему компьютерной связи, жестом указал на стулья:

— Располагайтесь, побеседуем, хотя Маттер прав: дефицит времени катастрофический. Клим, вы лучше знаете свою бывшую жену... простите...

— Ничего,— сказал Мальгин.

— Ее нет ни у вашего отца, ни у сестры, ни у подруг и друзей, известных нам. Куда она могла отправиться? Вполне вероятно, что паниĸу мы затеяли зря, но Игнат опытней меня, и я доверяю его интуиции. К тому же выяснились новые обстоятельства. Пять часов назад обнаружена орилоунская станция метро.

Мальгин невольно вздрогнул, посмотрел на ничем не выдавшего свои чувства (уже знает?) Ромашина, перевел взгляд на Лондона, но от вопроса «где?» удержался. Начальник отдела снова поправил усик микрофона, кивнул.

— Ваша идея оправдалась, равно как и идея Джумы Хана, первым ее предложившего. Большой инк Геоинститута за несколько часов обнаружил три похожих образования, одно из них оказалось орилоунской транспортной машиной, вернее, ее «скелетом», таким же, как и «храмы» на Страже Горловины. Координаты: северная оконечность озера Таймыр.

— Таймыр? В тундре?

— «Скелет» полностью прячется в слое вечной мерзлоты, видна только его «крыша», да и то лишь сверху, со спутников. По мнению ученых, орилоунские трансгресс-метро — бесконечно сложные объекты, чем больше их изучают, тем больше возникает проблем. Мало того, есть предположение, что эти машины, Страж Горловины и объекты Орилоуха созданы или выращены пришельцами не из нашей Вселенной. По косвенным данным и расчетам эфаналитиков это мир, где размерность дробная, а число координат изменяется с течением двух, а то и трех времен. Это совершенно иная физика, более сложная, чем наша, и более сложная геометрия, таким образом, открытие Шаламова — факт исключительного научного и социально-исторического значения! Вот как обстоят дела на самом деле. Теперь о насущных проблемах. Есть подозрение, что орилоунское метро все еще работает, хотя и заплыло торфом, водой и песком, а главное, что в нем обнаружены следы, позволяющие предположить: не далее вчерашнего вечера на Землю прибыли гости.

— Гости? Разве их было много?

— Скорее всего двое. Один, очевидно, человек.

— Шаламов!

— Возможно. А второй... здесь есть неясности. Повторяю вопрос: куда могла уехать Купава, да еще с ребенком?

Мальгину стало жарко. «Неужели Данька успел забрать Купаву и увезти ее с собой?»— подумал он. Куда? Зачем?.. Вспомнил о Гзаронвале, но без колебаний решил: к нему я схожу сам. Парень, похоже, давно ищет возможность и способ переступить границу сложившихся отношений, видит себя на месте Дана. Неужели Купава не чует низменных глубин души этого «супермена»?

— Не знаю,— покачал головой Мальгин.— Я начинаю думать, что Шаламов успел раньше нас и забрал Купаву с собой. Она все же его... жена.

Лондон неожиданно улыбнулся, отчего его лицо преобразилось неузнаваемо. «Прав Шатобриан,— подумал Мальгин рассеянно,— чем серьезней лицо, тем прекрасней улыбка. Правда, неизвестно,

к чему относится улыбка Майкла. Видимо, уровни информированности у него и у Ромашина одинаковы, и он тоже знает, что Купава ушла от меня к Даниилу...»

— Мы учитываем эту возможность,— сказал Лондон, погасив улыбку.— В этом случае Шаламову будет труднее остаться незамеченным, он потеряет свободу маневра и мобильность. Но прежде, чем объявлять его розыск, необходимо выяснить главное — цель! Цель его действий, вектор устремлений, его желания. И тут нам без вашей помощи не обойтись. Судя по личному делу и послужному списку, Шаламов был личностью неординарной, в его жизни большую роль играло... скажем так, странствие сердца.

— Что вы хотите сказать? — осторожно проговорил хирург.

— Даниил был подвержен эмоциям чуть больше, чем позволяла ему специфика работы, любил рисковать, любил острые ощущения, а его бесшабашность даже вошла в поговорку, недаром его прозвали «сверхрисконавтом» спас-центра. Существуют открыватели проблем и их закрыватели, так вот Шаламов — из первых. Нет?

«Интересно, кто же тогда я, если следовать этой классификации,— подумал Клим,— закрыватель?»

— Пожалуй,— сказал он.— О характере Дана я уже говорил с... э-э, с Игнатом.

Ромашин не пошевелился, будто речь шла не о нем.

— Я знаю.— Лондон больше не улыбался. Он был здорово похож на своего предшественника, не внешне — внутренне, манерой поведения, способностью к оценке вещей, и это обстоятельство сбивало Мальгина с мысли.

— Последний вопрос. Вы уверены в том, что если Даниил будет доставлен в клинику, вы его вылечите?

В кабинете стало тихо, как в пустой комнате. Мальгин задержал дыхание; не ожидая этого вопроса, он не был готов к нему, хотя давно уже в глубине души пытался ответить на него сам. Но ответа для других, как и для себя, у него не было.

— Не знаю,— честно сказал он, помедлив; подумал: «Прошли времена, когда я на все вопросы такого рода мог ответить «да».

— Это плохо.

— Почему? Какое отношение результат лечения имеет к службе безопасности?

— Прямое: пропадает смысл нашей «охоты» за этим человеком.

Ромашин встрепенулся, хотел что-то сказать, Лондон посмотрел на него, но не прервал речь:

— Игнат не согласен с этим, но у меня другое мнение. У СЭКОНа тоже. Не думаю, что Шаламов способен нанести кому-нибудь вред, поэтому искать его следует только как пациента, нуждающегося в лечении. А если излечить его невозможно, какой смысл в операции поиска и захвата? Понимаете?

— Вполне. Вообще я придерживался такой точки зрения давно. Извините, Игнат.— Мальгин поглядел на невозмутимого Ромашина, тот слегка развел руками.— Но отыскать Даниила все же необходимо, мне обязательно надо встретиться с ним, поговорить, мы не договорили в последний раз, а мне почему-то кажется, что ему плохо... Убежден, он скажет мне, чего хочет.

Ромашин с сомнением покачал головой.

— Клим, он мог убить вас...

— Не убил же? К тому же он мой друг...— Утверждение прозвучало неуверенно и беспомощно. Почувствовав это, Мальгин разозлился.— Не верю я в его полное интрапсихологическое перерождение, не верю! Задавить человеческое в человеке довольно просто, но лишь в том случае, когда он этого хочет и если применить внешнее психотропное давление, а у Даниила случай особый.

Ромашин вздохнул, встретил взгляд Лондона и пожал плечами.

— Расщепление личности Шаламова — факт, не подлежащий сомнению, я уже говорил, и не учитывать его нельзя. Вы это прекрасно понимаете, Майк.

— Ноу коммент,— развел руками начальник отдела.

— Обещайте мне,— медленно сказал Мальгин, вставая,— обещайте, что как только вы обнаружите Даниила — предоставьте мне возможность поговорить с ним первому.

Лондон тоже встал, не колеблясь, протянул руку.

— Договорились.

Оставив Ромашина в отделе, Мальгин вышел в парк, окружавший здание спас-центра, и, машинально огибая деревья, направился по склону холма к реке, раздумывая над всем, что услышал. Солнце уже стояло высоко и пригревало, день обещал быть жарким. Отец, наверное, свернул удочки и бродит по лесу, мимолетно подумал Клим, сожалея, что оставил старика одного. Что-то мешало ему, словно натирающий ногу мокасин или тесный ворот рубашки... нет, словно головной убор! Мальгин вспомнил о подарке Ромашина, потрогал дугу «защитника», спрятанного под волосами, и вдруг укол тревоги заставил его вздрогнуть и очнуться. Гзаронваль!.. С визитом к Гзаронвалю следовало поторопиться. Если Купавы нет и у него, значит, Шаламов действительно забрал жену с собой. Данька, Данька, баловень судьбы, что же ты затеял еще..

* * *

Спасатель из группы Жостова жил, как ни странно, под Рязанью, в Спас-Клепиках, в коттедже, стилизованном под старинную русскую избу из толстых бревен, с двускатной крышей и резными наличниками. Ошеломленный Мальгин — даже не предпола-

гал, что родина Гзаронваля не Руан или Марсель, а Рязанщина, как и у матери Клима,— оставил такси у закрытой калитки и огляделся.

Солнце стояло в зените и пекло, как по заказу. Улица в оба конца была почти безлюдна, две шеренги похожих друг на друга коттеджей проглядывали сквозь кружевную резьбу листвы плодовых деревьев, возле некоторых коттеджей стояли личноры — машины индивидуального пользования от одноместных пинассов типа «гном» до многоместных скоростных драккаров класса «семь самураев». У дома Гзаронваля личнор не стоял, хотя по характеру спасатель должен был иметь какой-нибудь из престижных аппаратов.

Мальгин прошелся вдоль штакетника, невысокого, символического забора из планок, калитка сама открылась перед ним,— автоматика в порядке,— и вошел в сад, окружавший коттедж: Яблони — антоновка, золотой налив, штрифель; груши; экзотичный дуриан (на широте Рязани он вряд ли плодоносит, это уже явный снобизм хозяина), малинник, смородина, заросли крупноплодной земляники — все, как полагается. Где же хозяин?

Что-то зашуршало в малиннике, у Мальгина екнуло сердце. Из кустов выползло страшилище, похожее на крокодила и древних динозавров, глянуло на гостя стеклянными глазами, стрельнуло длинным розовым языком. Дракон Коммодо! М-да...

Мальгин покачал головой, усмехаясь в душе. Все-таки Гзаронваль верен себе даже в таких мелочах, привычка выделяться, хотя бы внешне, у него в крови. Правильно, выходит, Клим вычислил его сущность во время первой встречи. Надо же — притащить на древнерусские равнины заморского дракона! И посадить дуриан! Что он с драконом делает зимой? Отвозит домой, на остров? Или эти гигантские ящерицы зимой спят? А экземпляр неплох, метра три с половиной от морды до кончика хвоста...

Клим потрепал медлительное пресмыкающееся за отставшую на затылке кожу.

— Что, зверь, холодно и скучно? Где твой хозяин?

Дракон мигнул, снова показал язык и уполз на солнцепек.

— Вы Сеню ищете? — раздался сзади женский голос.

Мальгин оглянулся. Из-за разросшихся кустов смородины на него смотрели две пары глаз, принадлежащих женщине средних лет с волосами, собранными на затылке в тяжелый узел, и мужчине на склоне жизни, одетому в белую майку и полосатые брюки. На их лицах читалось сдерживаемое любопытство.

«Соседи,— сообразил Мальгин.— Только причем тут Сеня? Неужто я ошибся адресом, и этот дом — не Гзаронваля?»

— Добрый день,— слегка поклонился хирург.— Я, кажется, немного промахнулся. Я ищу Марселя Гзаронваля.

Мужчина засмеялся, женщина тоже улыбнулась.

— Это его дом и есть, просто мы привыкли называть его крещеным именем.

— Сейчас модно иметь по два имени,— пояснил сосед.— Мальчишкой он был Семеном Руцким, а вырос — стал Марселем Гзаронвалем.— В голосе соседа прозвучало осуждение.— Он, вообще-то, был слишком заносчив...

— Пантюша,— с укором сказала женщина, краснея,— ну что ты говоришь? Вы его не слушайте, Сеня — мальчик неплохой, просто немножко любит порисоваться, знаете, как это бывает у молодежи? А второе имя взял не из прихоти, просто спас какого-то француза и поменялся с ним именем...

— Он тебе не то еще наплетет...— Мужчина фыркнул.— «Спас»... Знаем мы, кого и когда он спас... Неплохой... базло он луженое [1], позер и хвастун, к тому же злопамятный...

— Пантелей!

Мужчина махнул рукой.

— Вот на баб он влияет здорово, этого у него не отнять, раз уж даже ты его хвалишь... Извините, вырвалось, но уж очень хорошо я его знаю. Ну, что Пантелей, Пантелей? Вспомни, как он буквально облаял бабушку Улю? А его «шутки» вроде ям и капканов в саду? А что он учудил в прошлом году с компанией друзей? А сколько слез ты из-за него пролила? Хоть одно обещание свое он выполнил?..

— Пантелеймон! — Женщина смутилась, но держалась твердо, хотя и краснела при каждом слове.— Не надо об этом, молодой человек может подумать, что мы со зла...

— Можно подумать, они там в своей конторе ничего этого не знают. Я еще много чего могу вспомнить, если понадобится. Стоит ли?

Кажется, меня тоже приняли за другого, подумал Клим. Сюрприз за сюрпризом! Ай да Марсель Гзаронваль... Семен Руцкий! Кого же ты спас? Неужели было такое на самом деле? Ведь судя по реакции соседей, зарекомендовал ты себя «хорошо». Оказывается, наклонности твои имеют глубокие корни в детстве. Куда же смотрели родители, особенно отец? Кто тебя воспитывал? И что нашла в тебе Купава кроме мужественного профиля? Какой же слепой она умеет быть! И как часто ее доверчивость и вера в лучшее человека подводит ее саму и друзей.

— Так где же хозяин? — спросил Мальгин.

— Вы третий, кто об этом спрашивает,— буркнул склонный к прямоте Пантелеймон.

— Утром прилетал какой-то мужчина,— извиняющимся тоном пояснила соседка Гзаронваля.— Суровый такой, глаза такие у него...

---

[1] Глотка, горло *(слонецк.)*

словно он видит все насквозь. Спрашивал про какую-то Купаву. Потом следом за ним пожаловал вежливый молодой человек. Теперь вы...

Шаламов! Первым, несомненно, был Даниил. А вторым — посыльный Лондона или Ромашина. Опоздал я со своими догадками. Впрочем, это не беда, главное, что Шаламов еще не нашел Купаву, а значит, есть шанс его опередить...

— Простите, а Марсель... э-э, Сеня один уехал? Не знаете, куда? Он не говорил?

Соседи переглянулись.

— Один.— Пантелеймон махнул рукой вдоль улицы.— Оседлал своего «носорога» и умчался. Вообще-то он редко здесь бывает, да и то с компанией.

— Сказал, что его ждут в раю,— добавила женщина, виновато и робко посмотрев на спутника.— Но что он имел в виду, извините, не знаю.

— И за то спасибо,— бодро сказал Мальгин.— Прошу прощения за беспокойство. Всего вам доброго.

— И вам того же! — ответили соседи Гзаронваля-Руцкого дружно.

У калитки Мальгин оглянулся. Все трое смотрели на него: Пантелеймон, задравши майку и почесывая бледный живот, его жена или, может, сестра и дракон с острова Коммодо.

В «раю», повторил про себя Мальгин, чувствуя в душе опустошающую горечь и бессилие. Ждут в «раю». Где он, этот «рай» по-гзаронвальски? Купава, ау!..

«Подожди, мастер, не суетись,— раздался вдруг внутри Мальгина трезвый голос.— Что тебе, собственно, надо? Что ты так переживаешь за чужую жену? Ты же отрезал ее от себя, с кровью, болью и мукой, но отрезал! Какого ж рожна, спрашивается, тебе от нее надо? Пусть за нее беспокоятся те, кому это положено по службе».

«За нее больше некому беспокоиться,— возразил Мальгин-второй,— сестра не в счет, как и сам Шаламов и его родичи».

«Есть отдел безопасности, это его работа. Брось свои сентиментальные замашки, игру в благородство, никого не поразишь, никто не оценит. Вчера ты, кажется, думал о другой женщине».

«Если б все было так просто...»

«Не оправдывайся хотя бы перед собой. Карой пришла не к кому-нибудь, а к тебе, и о Джуме ты в тот момент не вспомнил. Вступил на дорогу — иди до конца».

«А шел бы ты сам!»— сказал Мальгин себе-первому с отвращением, оглядываясь на дом Гзаронваля. Ему показалось, что из окна посмотрел ему в спину кто-то угрюмый и неприязненно-враждебный.

6

В институт идти не хотелось. Вообще никуда не хотелось. Сообщение Зарембы о замене Таланова хотя и взволновало Мальгина, однако думал он сейчас о другом и планов своей дальнейшей судьбы в качестве директора не строил. Поскольку он не знал, где искать Гзаронваля, а вместе с ним и Купаву (наверняка она в компании спасателя), то решил прогуляться на Таймыр, посмотреть на орилоунское метро.

Шел пятый час вечера по Москве и девятый на долготе Таймыра, когда Мальгин вышел из кабины второго таймырского метро в Хатанге (первая станция располагалась в Норильске), ближайшего к океану и к озеру Таймыр, на северной оконечности которого был найден утопленный в землю орилоунский «скелет».

Пока Мальгин искал транспорт, способный доставить его в нужное место, стемнело. Такси так далеко за город не летало, а рейсовый неф уходил в десять по местному времени, так что предстояло провести в Хатанге целых полтора часа, но поскольку Мальгин не любил изнывать от безделья, то и решил погулять вокруг станции метро, не рассчитывая встретить кого-нибудь из знакомых.

Еще дома он несколько раз порывался позвонить Карой, то ли объясниться, то ли просто убедиться, что она есть и не желает его видеть, потом все же нашел в себе силы не звонить. Он не знал, что скажет ей при встрече, а мямлить «как дела? как жизнь? где будешь вечером?»— не хотел. Изгиб судьбы, толкнувший их навстречу друг другу, был ему непонятен, хотя в глубине души Мальгин чувствовал: всему виной не логика и трезвый расчет и не любовь, может быть, а желание уйти от одиночества, признаться в котором не могли себе ни он сам, ни Карой. И все же странно, что его снова потянуло к этой женщине, словно в доказательство известной истины: очарование разлуки скоротечно... как и очарование встречи, впрочем. Ведь давно все решено и взвешено: нет в мире второй Купавы... или есть?

«Зато совершенно точно есть Карой,— проговорил знакомый голос внутри Мальгина.— И брось притворяться, что можешь справиться со своим желанием увидеть ее снова. Это было бы, кстати, лучшим выходом из положения. Купава к тебе не вернется, даже если — не дай бог, конечно,— что-то произойдет с Шаламовым, она просто мечется от одиночества, не найдя в себе достаточно сил для поддержки, а один ты — половина пары».

«Но Карой меня не любит, она же сама сказала об этом просто, прямо и открыто...»

«А ты точно знаешь, что такое женская любовь? Ее формула: правда хорошо, а счастье лучше...»

«Я не знал, что ты циник».

«Я — это ты, дорогой мой, но циничного я ничего не сказал, это народная мудрость. Не узнаю тебя, ты стал слишком раздражительным и легко выходишь из равновесия. Неблагополучие души — хуже, чем любая физическая болезнь. Может быть, тебе пора отдохнуть от дел, мастер? Полечиться?»

«Нет, я справлюсь».

«Что ж, хотелось бы верить...»

Клим очнулся и, озираясь, попытался определить, куда его занесли ноги.

По-видимому, он вышел не к центру города, а наоборот, попал на окраину. Сзади за деревьями вставало облако света центральной части Хатанги, впереди в сгущающейся темноте вырастали редкие, мозаично светящиеся башни жилых кварталов, соединенные дорожками из хрусталита с зеленовато светящимся покрытием. Чуть вправо виднелась стена какого-то мрачного низкого здания, дорожка огибала его и исчезала за поворотом. Слева начинался пустырь или луг, за которым Мальгин разглядел какие-то неясно видимые громады, увенчанные вертикальными алыми огнями или гроздьями алых искр. Заинтересовавшись, повернул в ту сторону.

Конечно, он шел по лугу, заросшему невысокой травой, пушицей, цветущей камнеломкой, княженикой и мхом, обошел несколько островков карликовой березы и наткнулся на невидимую в темноте узорчатую металлическую ограду в рост человека. Оглянувшись — не видит ли кто? — подпрыгнул и, помогая руками, перемахнул через ограду на ту сторону.

Тот же луг с теми же цветами и травой, но луговые ароматы здесь не превалировали: все перебивали запахи озона и металла, к которым примешивался тонкий, горьковатый аромат, напомнивший Мальгину космодром.

Первая темная громада высотой в четырехэтажный дом оказалась, как он уже понял, спасательным шлюпом с включенными габаритными огнями, подогнавшим свою форму под формулу «отдых-ожидание». Перед Мальгиным простиралась взлетно-посадочная площадка курьерских коггов. Возле каждой машины торчал «журавль» с «клювом» энергопитания, у некоторых хлопотали многорукие кибер-погрузчики, но большинство шлюпов было погружено в сторожкий сон-ожидание тревоги. Лишь у тонкой спицы орбитального лифта на дальнем конце поля, где располагался вокзал и пост управления, то и дело сверкали молнии, с шипением стартовали и садились дежурные машины.

Вдруг Мальгину показалось, что над полем пролетел бесшумный косяк электрических птиц или рой светляков. Кольнуло в груди: хирургу почудилось что-то знакомое в этом «рое», отзвук былого происшествия заставил работать память, но «птицы» поднялись выше и затерялись в небе. Ощущение неуютной причастности

к непонятному явлению усилилось, Мальгин был уверен, что уже видел где-то нечто подобное, однако память не торопилась выдать ему нужное воспоминание, не хватало зацепки.

Обойдя когг, Мальгин двинулся к зареву рабочей зоны и наткнулся на спешащего по дорожке человека.

— Чокко, ты?

— Нет,— ответил Мальгин.

— Кто это еще? — Вспыхнул фонарь.— Кто вы? Каким образом здесь оказались? Ба! Да никак это хирург Мальгин! Ну и сюрприз!

Человек осветил себя, и Клим узнал Жостова, начальника курьерской группы спасателей.

«Черт возьми, это же их база! — сообразил хирург с удивлением.— Как я не догадался раньше? Дан говорил, что база в Хатанге, а я забыл... Везет же!»

— Здравствуйте, Прохор,— пробормотал он.— Я, кажется, случайно попал туда, куда надо. Вы не можете подбросить меня к северной оконечности озера Таймыр?

Жостов хмыкнул, выключил фонарь; темнота вокруг сгустилась.

— Вас искал Ромашин, спрашивал, не интересовались ли вы кем-нибудь из моих ребят.

— Когда?

— Когда спрашивал или когда интересовались? Если первое, то с час назад. Кстати, он тоже должен быть там, куда вы проситесь. Вообще-то у меня другой маршрут... да и не уверен я, можно ли вам на Таймыр, там у них развернулись какие-то непредвиденные события, зона объявлена «квадратом гарантированного риска»...

— Что за события? Нашли Шаламова?

— По-моему, нет, но... пограничники закрыли зону наглухо.

— Что же делать?

Жостов помолчал, изучая лицо хирурга, выступившее из темноты из-за включившегося освещения кормового люка ближайшего к ним когга. В кармане у начальника отряда пискнул вызов.

— Ладно, попробую помочь. Пойдемте, через минуту стартуем.

Жостов свернул к шлюпу, возле которого началась быстрая предстартовая суматоха: появились, как по мановению волшебной палочки, киберы, какие-то механизмы, люди.

— Понимаете, рейсовый неф отправляется в одиннадцатом часу,— забормотал Мальгин, обрадованный и смущенный одновременно,— и я решил прогуляться... а тут стемнело... увидел огни...

— Рейсовые маршруты на север Таймыра отменены,— не оборачиваясь, бросил Жостов,— так что, считайте, вам повезло.

«По старинной поговорке: везет дуракам и влюбленным,— подумал Мальгин.— Дураком я, вроде бы, не был, а быть влюбленным хочется взаимно... что весьма проблематично в создавшейся ситуации. Пока что я способен только разрушать взаимность...»

Он споткнулся, подумал: «Не хватало еще, чтобы я себе что-нибудь сломал...» И вдруг отчетливо понял, что видел над ВПП не стаю светящихся птиц, а... орилоунский автомат с «миллионом глаз»! Он дважды встречался с ним в Горловине, на планете-кубе, и на Орилоухе. Но почему «глазастый» объявился здесь, на Земле? Что ему надо? За кем он наблюдает?..

Мальгин похолодел.

Как это — за кем? За Шаламовым, конечно! А это значит, что Дан и в самом деле на Земле... а может быть, и здесь, близко, на Таймыре...

— Что остановились? — оглянулся Жостов, подходя к осветившейся при его приближении капсуле лифта.— Поторопитесь, у нас мало времени.

Мальгин очнулся и безмолвно последовал за руководителем группы спасателей-курьеров.

В рубке Жостов критически оглядел костюм хирурга и остановил пробегающего мимо парня с пышной шевелюрой.

— Чокко, принеси кокос на мой размер.— Повернулся к Мальгину.— Вам лучше переодеться, в цивильном вас туда не пропустят, а так будете, как все.

Клим кивнул, все еще находясь под впечатлением своего открытия. Шаламов был где-то рядом, и существовал реальный шанс встретиться с ним. «Хорошо, что миллионноглазый орилоун попался на глаза в нужный момент,— подумал хирург,— теперь я буду готов к неожиданностям, а то совсем расслабился. Мне и в самом деле везет. Спасибо случаю, что столкнул меня с Жостовым, мужик он умный и деловой. Черта б с два я добрался без него к озеру...»

Переодевшись в компенсационный костюм спасателя с эмблемой курьерского сектора на предплечье, Мальгин уселся в предложенное кресло в кабине десанта и затих. Кроме него в кабине находилось четверо молодых людей, ведущих разговор о спорте; из динамиков интеркома доносились голоса членов экипажа, приглушенный говор двух десятков людей — экипажей других машин, тоненькие посвисты автоматов: перед мысленным взором хирурга проплывали сумрачные пейзажи Маата, лица тех, кто участвовал вместе с ним в десанте, напряженное лицо Джумы и красивое нежное лицо Карой, потом возник земной пейзаж с лесом и отец в лодке, подзывающий к себе... Очнулся Мальгин от прикосновения.

— Ну и нервы у вас,— с одобрением сказал нависший над ним Жостов.— Ребята сказали, что вы уснули, едва сели в кресло. Мы почти на месте, пойдемте, покажу вам объект.

В видеорубке когга, предназначенной для работы командира десанта,— пилот сидел отдельно в коконе пси-управления,— продолжалась эфирная перекличка многих десятков людей, раздавались команды, писки, гудки, скороговорка и бормотание автоматов,

резкие многотональные сигналы кодовых сообщений. Жостов поднес к голове дугу эмкана, и тотчас же стены и пол рубки растаяли; Мальгин оказался висящим в воздухе над ночной землей, вернее, над черным зеркалом озера. Прямо перед ним, километрах в десяти от шлюпа, вырастала из земли колоссальная струя светящегося тумана или пыли, бьющая в небо и тающая где-то на высоте двух десятков километров, хотя точно оценить высоту этого факела Мальгин, конечно, не мог.

— Что это? — спросил он тихо, уже догадываясь, что произошло.

— Ромашин тоже здесь,— ушел от прямого ответа Жостов.— Я высажу вас на берегу, недалеко от бункера управления спасобоймой, а там сориентируетесь.

Мальгин молча пожал руку спасателю.

Через минуту упругий язык десантного лифта выплюнул его на плотный песок берегового откоса, и когг Жостова растаял в ночи, мигнув на прощание кормовыми огнями.

Мальгин вдохнул в себя воздух и закашлялся: не горький и не кислый, но резкий запах перехватил дыхание. Амбре, однако... Пыль! Так пахнет лунная пыль, подумал хирург, зажимая нос рукой. Значит, факел на горизонте — фонтан пыли. Не лунной, конечно, но, похоже, и не земной. Неужели Жостов не знал, что дышать в этом угаре практически нельзя? На него это не похоже.

Вглядываясь в бьющий в высоту факел, Мальгин двинулся к мигающему огнями десятиметровому диску драккара, который на данный момент представлял собой временный мобильный бункер управления ситуационной работой. Рядом то и дело садились и взлетали пинассы, куттеры и черепаховидные галеоны чистильщиков. Их уносило круговертью к недалекому факелу, но из ниоткуда возникали новые аппараты, садились, взлетали, уходили, как выстрел в темноту, оставляя штриховые очереди трасс мигающих габаритных огней.

Людей почти не было видно, лишь изредка из финишировавших машин выскакивали командиры групп с надвинутыми респираторами, одетые в такие же кокосы, что и Мальгин, и ныряли обратно, чтобы освободить место прибывающим машинам, принадлежащим чуть ли не всему спектру земных специальных служб и ведомств.

— А вы почему без респиратора? — окликнул Мальгина какой-то рыжий детина с бородой, выбивающейся из-под маски.— Немедленно наденьте! Герои тут не нужны, а газ еще не исследован.

— Рад бы...— развел руками Клим, чувствуя, как в голове поплыл легкий звон.

— Присылают же растяп! — рявкнул детина и махнул рукой в сторону драккара.— Быстро внутрь, в тамбуре есть маск-фильтры.

Мальгин не заставил себя ждать. Надев респиратор, вздохнул с облегчением, но голова прояснилась не сразу, видимо, в газе,

затопившем окрестности озера, были компоненты, вызывающие нечто вроде кислородной эйфории. Побродив по коридору, уступая место спешащим пограничникам в синей форме и безопасникам в серо-голубой, Мальгин набрел на десантный отсек и вошел.

Отсек был на удивление просторен и почти пуст. У висящей подковы пульта располагались в креслах операторы, еще трое стояли у виома с плавающими по всему объему визирными метками и вспыхивающими зелеными и красными цифрами. Виом показывал светящийся факел с кружившими вокруг мотыльками исследовательских и тревожных машин.

Входившие в зал люди подбегали к сидевшим у пульта, получали инструктаж и кассеты программ, убегали, снова возвращались. Один из стоявших у виома обернулся, и Клим узнал Ромашина; его респиратор висел на шее. Собеседниками Игната были Майкл Лондон и Калина Лютый, дружески кивнувший Мальгину. Лондон что-то сказал им, и бывший начальник отдела безопасности, не удивившись внешне появлению хирурга, быстро подошел к нему.

— Уж полночь близится, а Германа все нет... но вот он появился... нежданно-негаданно. У вас, случайно, индивидуального метро нет? В зону сейчас попасть невозможно.

— Меня пропустили по блату. Что происходит?

— Потом поделитесь опытом проникновения в закрытые зоны. А происходит следующее: исследователи орилоунского метро попытались забраться в него поглубже, в нем что-то сработало, и он начал генерировать джет.

— Что, простите?

— Термин астрофизиков: джет — высокоскоростная струя газа из области формирования молодых звезд. В общем, к «скелету» метро подойти нельзя, из него со скоростью двадцати километров в секунду бьет струя пыли и газа. К счастью, обошлось без жертв. Пытаемся локализовать, готовим «панцири» для похода в метро, может быть, сможем заткнуть глотку этому вулкану.

Мальгин молча смотрел на колоссальную струю серебристого свечения, перечеркнувшую небосвод.

— Кого вы ищете? — спросил Ромашин, тоже посмотрев на факел.— Шаламова здесь нет.

Клим встрепенулся.

— Я видел орилоуна...

— Что вы сказали?!

— Я видел ту странную штуку с глазами, которую встретил на Орилоухе и в Горловине. Помните? Полупрозрачное облако, а в нем миллион вполне человеческих глаз.

— Где?

— В Хатанге.— Мальгин рассказал, при каких обстоятельствах он оказался на стартодроме базы курьеров-спасателей.

Ромашин секунду смотрел на него, как на предвестника апокалипсиса, потом стремительно подошел к продолжавшим беседу Лондону и Лютому. Их разговор длился полминуты, затем Лютый бросился из зала, Лондон сел за пульт, а Ромашин вернулся к хирургу.

— Задали вы нам задачу. Выходит, Шаламов притащил на Землю не только «черного человека», но и автомат с неизвестными нам функциями. Дело осложняется. Кстати, вы хорошо помните свой поход на Маат? Так вот «клиника», где вы встречались с «черным человеком», не имеет к медицине никакого отношения. Это нечто вроде информационно-энергетического центра. Вам это ни о чем не говорит?

Мальгин подумал, пожал плечами.

— Нет. Но если это энергоцентр, что там делали с маатанином?

— Насколько я понял объяснения ксенологов, у «черного человека» что-то не в порядке с балансами энергии. У маатан вообще энергобаланс весьма странен, они больше получают, чем тратят, то есть представляют собой своеобразные живые аккумуляторы, а вот у нашего маатанина этот запрограммированный генами баланс нарушился, он стал излучать больше, чем получать.— Ромашин помолчал, посматривая то на пульт, то на безучастное лицо Мальгина, потом что-то вспомнил и достал из кармана значок, найденный Климом дома.— Узнаете?

— Мой значок?

— Если бы значок. Есть предположение, что это... «материализованный обрывок суперструны», связывавший некогда наш мир с иной Вселенной!

Клим фыркнул. Ромашин остро взглянул ему в глаза.

— Что, не воспринимается? Моя реакция тоже была под стать вашей: как это можно материализовать «струну», по сути — пространственное измерение! Оказывается, можно. Не нам, конечно, природе. Время на границе этого «значка» застыло, поэтому он кажется вещественно осязаемым. Самое удивительное в нем — его «конструктивное» исполнение. Видите, его внешняя форма — гиперболоид вращения на тонкой ножке, внутри — точно такой же гиперболоид, который крепится к внешнему ножкой, внутри того — еще один, и так до бесконечности! Так что гипотеза физиков правомерна.

— Не понял.— Мальгин наконец проявил интерес, слегка удивился, потом до него дошел смысл сказанного.— Как до бесконечности?!

— В прямом смысле этого слова.— Ромашин подкинул тяжелый «обрывок суперструны», довольный произведенным эффектом.— У русской матрешки пять-шесть сестер одна в другой, а у этой штуки ряд гиперболоидов-чашечек уходит в бесконечность. Специалисты с помощью нейтринных умножителей насчитали больше триллиона

чашечек, одна меньше другой, но так и не дошли до конца, не хватило глубины микроскопов. То есть последняя «чашка» этого «значка» по размерам меньше не только атома, но и нуклона [1]!

Мальгин перевел дыхание, он был ошеломлен.

— Из чего же тогда он сделан? Не платина, конечно, и не осмий?

— По цвету и массе действительно похоже, но не осмий, не металл вообще и никакое другое вещество. Физики предложили кучу объяснений: устойчивые конфигурации известных частиц типа нейтрино; глюоний [2]; мезовещество; «вспененный вакуум» и черт знает что еще. По-моему, они сами плохо разбираются в своих гипотезах. Но реально дело обстоит так: неизвестно что, сделанное неизвестно из чего и неизвестно каким образом. Лично я склоняюсь к уже высказанному мнению: это «обрывок суперструны», соединявший наш мир с иным во времена Большого взрыва.

— Я могу забрать?

— Пока нет.— Ромашин спрятал «значок».— Это вещественное доказательство, говоря языком следствия, да и физики готовы за него продать душу не только мне, но и дьяволу. Лишь один специалист, изучавший эту «матрешку», автор гипотезы «обрывка суперструны», мыслит нестандартно. У него в запасе есть еще одна гипотеза: «значок» сделан во Вселенной, где царствуют иные физические константы и законы, где время не одно, а несколько, и размерность координат там не целочисленная, а дробная. Что, кстати, хорошо коррелируется с гипотезами физиков, изучавших «скелеты» орилоунских метро в Горловине. И принес «значок» наш общий друг Даниил Шаламов.

— Вы на что-то намекаете?

— По возможности я стараюсь говорить прямо, без намеков. Просто я хотел сказать, что Шаламов знает такое, что и не снилось нашим мудрецам. А главное, он знает маатан, которые знают остальное.

— Ну и что?

— Клим, он должен быть задержан. Видите, во что вылилось только одно его появление на Земле? Укротить этот фонтан пыли и газа будет очень нелегко. А кто знает, что может произойти еще? Обладая колоссальным запасом чужих знаний, атакующих подкорку, будучи энергетически независимым, имея расщепленную психику, Даниил способен...— Ромашин замолчал, увидев, как изменилось лицо собеседника.

— Как бы ни был болен Шаламов,— угрюмо выдавил из себя Мальгин,— он не способен на преднамеренное зло. Нет причин. Если только они не появятся, когда вы попытаетесь задержать его силой.

---

[1] Нуклон — класс элементарных частиц, в который входят нейтрон и протон.

[2] Глюон — частица, «склеивающая» кварки в элементарные частицы.

Глаза Ромашина стали грустными.

— Вы рассуждаете, как Майкл.— Он перевел взгляд на работающего у пульта Лондна.— По-моему, вы даже похожи, хотя по натуре он ближе к «человеку-нет», чем к «человеку-да».

Клим невольно улыбнулся, отрицательно качнул головой.

— Я давно перестал быть «человеком-да». Потому что понял: всегда и во всем быть уверенным — не достоинство, надо уметь говорить и «нет», особенно самому себе. А Лондон, как мне кажется, надежный человек.

— Значит, я был ненадежен? — Ромашин тоже улыбнулся.

— Нет, почему...— Мальгин смешался.— Я не сравниваю вас... во всяком случае с таких позиций.

— Не оправдывайтесь. Все правильно. Мы с Майклом мыслим по-разному, но человек он действительно надежный, хотя с моей точки зрения ему надо бы иметь больше творческого воображения и способности рисковать. Хотите еще новость? Вы видели на Страже Горловины вудволловые леса? Похожие на развалины? Случайное чудо природы, потому что они растения и животные одновременно. Так вот судя по всему, они обладают интеллектом. Не человеческим и даже не маатанским, но интеллектом.

— Разумные леса? — Мальгин скептически покачал головой.— Это не ново. Имею в виду идею. Хотя возникает множество вопросов. Например, каким образом они познают мир? Эволюционируют? Общаются?

— Я тоже задал себе эти вопросы и не нашел ответов. Но вудволлы тем не менее существуют. Извините, я вынужден удалиться. Что вы намерены делать дальше?

Мальгин посмотрел на светящийся столб пыли, издали похожий на раздувшийся канал орбитального лифта, почувствовал вдруг неимоверную усталость и пробормотал:

— Пойду спать.

— Моего «защитника» еще не выбросили? У меня ощущение, что он может понадобиться вам с минуты на минуту.

Клим раздвинул волосы на виске, показал сетку и часть дуги «защитника», о котором он уже успел забыть. Ромашин кивнул.

— Не призываю вас чураться Шаламова, как черт ладана, однако опасайтесь его. Он не знает пределов своей мощи... и неосторожности. Если хотите, ребята доставят вас в Норильск, туда проложена курьерская линия спас-центра.

— Спасибо, буду обязан.

— Вы так и не определили координат Купавы?

Мальгин молча отвернулся.

— Жаль. Найдете — дайте знать, вас соединят со мной по «спруту» немедленно.— Ромашин некоторое время смотрел на хирурга с каким-то неопределенным сожалением.— И все же вы

не сказали, что привело вас на Таймыр, к орилоунскому метро. Надежда на встречу с Шаламовым? Любопытство?

— Игнат, подойдите,— позвал Ромашина Лондон.

И в этот момент Мальгин снова физически почувствовал на спине знакомое «дыхание притаившегося зверя», как и давеча у дома Гзаронваля: «зверь» посмотрел ему в спину и «тихо зарычал»... Хирург стремительно обернулся. Дверь медленно закрывалась за мелькнувшей спиной человека в синем кокосе. Мальгин выбежал в коридор, потом наружу, простучав каблуками по пандусу. Надвинул респиратор. Человек в синем комбинезоне уже садился в куттер, взмахнул рукой, и куттер тут же взмыл в небо.

— Что с вами? — окликнул Мальгина выглянувший Ромашин, реагирующий на все, что касалось хирурга, как настроенный на его эмоции камертон. Зажал нос пальцами, потом вспомнил о респираторе.

Мальгин проводил взглядом тонущие искры света под брюхом куттера, оглянулся и сказал почти равнодушно:

— Это был Даниил.

7

Такси несло его над засыпающим городом, как хрустальную вазу, осторожно, быстро и плавно. И мысли у Мальгина плыли такие же плавные, невесомые, не затрагивающие эмоциональные центры: о спорте — забросил тренировки и вышел из формы; о библиотеке — давно не брал в руки книгу, не «дышал запахом истории», переживая приступы ностальгии по прошлому; о работе — проблемы остались, а решать их придется другим, если он согласится на пост директора; вспыхивали на миг и другие мысли, но, не разбудив активности сознания, гасли, не оставляя следа...

После того, как Мальгин сообщил Ромашину на Таймыре о том, что видел Шаламова, Игнат оперативно организовал поиск скрывающегося спасателя, но тот как в воду канул, хотя полуостров был перекрыт буквально за несколько минут по всем направлениям. Задержали два куттера местных служб и пинасс лесничего, но куттер Шаламова исчез, словно растворился в воздухе.

Мальгин участвовал в поиске пассивно: сидел в драккаре рядом с Ромашиным, пока машина пахала ночное небо над Таймыром, координируя работу тревожных групп — десантных обойм. Поиск закончился ничем, Ромашин остался таким же невозмутимым, как и Лондон, и не стал выяснять, видел ли Мальгин Шаламова на самом деле или ему это показалось.

Высадили хирурга в Норильске недалеко от метро, и во втором часу ночи по местному времени — в десятом по времени Москвы —

Клим сел в такси, направляясь домой в состоянии полной и глубокой прострации. Гзаронваль увез Купаву с дочкой в «рай» с только ему известными координатами, и после первых негативных реакций — гнева, растерянности, ревнивого удивления и отчаяния,— Мальгин вдруг подумал, что исчезновение Купавы может оказаться лучшим выходом из создавшегося положения. Шаламов тоже не знает, где она, а значит, договориться с ним, когда он один, проще, чем если бы он был с Купавой. И Клим расслабился...

Пинасс мягко опустился на крышу дома, откинул прозрачный колпак, мигнул глазом, ожидая команды. Клим очнулся, и вдруг ему остро захотелось увидеть Карой. Не раздумывая, он назвал киб-водителю такси обратный маршрут, к метро, и пока летел над Смоленском, вспоминал, где живет Карой Чокой.

Ровно в восемь часов вечера метро выбросило его в Братиславе, на берег Дуная, а такси за десять минут доставило в пригородную зону, застроенную коттеджами, владельцы которых имели высокий индекс социальной значимости.

Коттедж Карой был выстроен в липовой роще: двухэтажный «финн», среднеевропейский вариант, с сауной, открытой верандой, эллингом для флайта и коралем для верховой езды. На белом пятачке для гостевых машин стоял голубой неф, а на веранде Мальгин в компании Карой увидел Джуму Хана.

Настроение резко упало, возбуждение схлынуло, но поворачивать было уже поздно, его заметили. Не выдавая своих чувств, Мальгин выпрыгнул из пинасса, не забыв отослать такси, и по густой траве прошел к веранде, издали помахав рукой в ответ на жест зоркого Хана.

Карой была удивлена, так же, как и Джума; Мальгин перехватил ее взгляд, брошенный на врача спас-центра, и понял, что его здесь не ждали.

— Какими судьбами? — Хан встал навстречу, протягивая коричневую сильную руку. Одет он был в ослепительно белую рубашку, обтягивающую торс с рельефными мышцами, и белые брюки. Карой в белой блузке свободного покроя и белых шортах была похожа на него, как сестра-близнец.

Клим встретил пытливый взгляд бывшего хирурга «скорой помощи» и сумел ответить открытым взглядом уверенного в себе человека; он уже взял себя в руки.

— Летел мимо, дай, думаю, загляну.

Хан засмеялся, сжимая ладонь Клима в полную силу. Мальгин ответил. Борьба, незаметная со стороны, длилась полминуты и закончилась ничьей.

— Садитесь, мастер.— Карой подвинула плетеное кресло.

Джума снова сел с ней рядом, пряча в глазах вызов и грусть. Он все понял еще до того, как понял сам Мальгин.

— Хочешь угадаю, откуда ты «летел мимо»? С Таймыра.

Мальгин усмехнулся, ткнул пальцем себя в грудь.

— По кокосу? Ты прав, я только что с Таймыра.

— Не только по кокосу — амбре.

— А-а... возможно.— Мальгин вспомнил незнакомый тревожащий запах газо-пылевого фонтана, бьющего из орилоунского метро.— Я к нему уже привык и не ощущаю.

— О чем речь, джентльмены? — вставила наконец слово недоумевающая Карой.

Джума покосился на ее ноги, потом, прищурясь, глянул на Мальгина.

— Но Таймыр лежит несколько в стороне от Европы, насколько я разбираюсь в географии.

Клим не успел ответить, Карой встала:

— Джентльмены, я переоденусь, и мы погуляем.

Вошла в дом. На веранде установилась тишина. Двое мужчин смотрели друг на друга, оценивая причины присутствия каждого в обществе Карой. Клим вспомнил стихи Велимира Хлебникова:

Вечер. Тени.
Сени. Лени.
Мы сидели, вечер пья.
В каждом глазе бег оленя.
В каждом взоре лет копья...

«Лет копья» Джумы был холоден и грустен, однако ни злобы, ни ненависти он с собой не нес.

Вечерние тени уже затуманили даль, заштриховали детали пейзажа и превратили близкий лес в таинственное обиталище троллей и гномов. В воздухе разлился аромат вечерних цветов, дурманящий и пряный. Вечер был полон ожидания, только у каждого из сидящих на веранде причины ожидания были разными. Мальгин думал о том, что шкура у него стала, как у носорога, толстая, шершавая и непробиваемая, потому что почти никаких угрызений совести он не ощущал. Первое чувство неловкости прошло, и хотя он мог в любой момент подняться и уйти, помня удивление в глазах Карой, и не боясь показаться смешным, все же что-то удерживало его на месте, не то желание объясниться, не то упрямство пополам с любопытством: чем все это закончится?

«А ведь раньше я покраснел бы и ушел, сославшись на дела, и долго бы мучился потом, пытаясь выглядеть человеком, не ведающим сомнений»,— подумал Клим, невольно развеселившись. Хан заметил в нем эту перемену, улыбнулся в ответ:

— Хочешь угадаю, о чём ты подумал?

— Стоит ли? Мы уже убедились, что мыслим одинаково. Я могу прямо и откровенно сказать, что привело меня сюда.

— Стоит ли?— в том же тоне сказал Джума.— Что бы тебя

ни привело в этот дом, дружище, я не вправе требовать от тебя отчета. Единственное, о чем хочу предупредить: я буду бороться за нее. До конца. Я многое понял в последнее время, кстати, не без твоей помощи, и взял на вооружение твою формулу: с потерями не согласен.

— И уже есть результаты?

— Поэтому-то я здесь.

— И я тоже.

На веранду внезапно выскочил громадный пушистый, с рыжими полосами по черной шерсти, кот. Зыркнул на Мальгина прозрачно-бирюзовыми глазами и подошел к Джуме, потерся о ногу.

— Привет, зверь,— сказал Хан, почесав кота за ухом.

— Хорош! — невольно восхитился Мальгин.— Оцелот! Или каракал?

— Ни то, ни другое.

— Манул?

— Нет, селективная модификация, хотя яйцеклетка от каракала.

— Вид у него довольно устрашающий.

— Хищник без всяких скидок, вовсю охотится за птицами на лугу, за мышами и леммингами, но ластится, как ни в чем не бывало. Мне иногда кажется, что он понимает все, о чем мы говорим.

Кот обнюхал ноги Мальгина и ткнулся носом ему в бок с такой силой, что едва не опрокинул вместе со стулом. Мальгин с удовольствием погрузил пальцы в шерсть на загривке животного. Кот еще раз толкнул его, словно стараясь вывести из равновесия, зевнул, показывая розовую пасть.

— Гаргантюа, отстань! — На веранде появилась Карой, одетая в индейский костюм для верховой езды: джинсы с бахромой, куртка и мягкие мокасины. Костюм этот давно вышел из моды, хотя время от времени и появлялся на ее горизонте, но Карой выглядела в нем великолепно. «Умную женщину всегда можно узнать по ее непокорности модному стандарту,— подумал Мальгин, любуясь фигурой женщины,— она носит лишь то, что ей идет».

Кот с достоинством уклонился от руки хирурга, потерся о ногу хозяйки и удалился в дом походкой баловня судьбы.

— Итак, джентльмены, прошу составить мне компанию.— Карой поглядела на мужчин с легким вызовом.— Лошади ждут.

Ни слова не говоря, оба встали. Женщина засмеялась и сбежала по ступенькам на газон.

Мальгину досталась караковая кобыла-трехлетка с великолепной сбруей, сделанной, очевидно, кустарем-профессионалом. Хан выбрал серую, в яблоках, а Карой легко вскочила в седло ахалтекинца, потянувшегося к ней мягкими губами; было видно, что лошади ее знают и любят.

Умело подтянув подпругу и проверив уздечку и не обращая внимания на взгляды Карой и Джумы, Мальгин одним махом оказался в седле и первым выехал за ворота кораля.

— А вы, оказывается, мастер не только в нейрохирургии,— догнав его, с уважанием сказала Карой, окидывая Клима взглядом, в котором сквозь удивление загорелся интерес, и пустила коня вскачь.

Пройдя бешеным аллюром с десяток километров, по лугам и перелескам, обгоняя друг друга, дурачась и смеясь, разгоряченные и опьяненные скачкой, они повернули назад, когда уже окончательно стемнело. К дому подъехали в половине одиннадцатого вечера, с удовольствием искупались в бассейне, брызгаясь и топя друг друга, как дети, сбросив груз тревог и забот дня, и снова расположились на освещенной веранде вокруг накрытого стола с напитками, бутербродами и горячим кофе.

За время ужина ни разу не обмолвились словом, только переглядывались, и этот разговор взглядами был красноречивее слов. Мальгин уже понял, что он имеет такие же права на присутствие в доме, как и Джума, ну, может быть, чуть меньшие, но уходить не торопился, хотел убедиться в своих выводах и выяснить, что означает мерцающее в глазах Карой обещание и к кому оно обращено.

Джума выпил свой кофе первым, отодвинулся вместе с креслом, мельком посмотрел время.

— Пока вы пьете, я расскажу одну притчу о вечности. «Видишь за рекой гору?— сказал индийский мудрец.— Она состоит из чистого алмаза. Раз в тысячу лет на ее вершину прилетает ворон и точит клюв. Когда им будет источена вся гора, это и будет секунда вечности».

Наступило молчание. Мальгин промокнул губы и отодвинулся от стола тоже, Карой изогнула бровь.

— Я не поняла, Джу. Многозначительные заявления тебе не идут, поясни, что ты хотел сказать.

Хан рассмеялся с некоторой долей неискренности и встал.

— Это же очень просто, не так ли, мастер?

Карой перевела взгляд на Мальгина.

— Вы что, сговорились?

Мальгин кивнул.

— Конечно, сговорились. Хотя я тоже не врубился, как сказал бы мой друг Даниил.

С упоминанием имени Шаламова Хан перестал улыбаться и внутренне подобрался. Все понимая, держался он отлично, но Мальгину не нужен был переводчик с языка тоски и боли, он сам хорошо говорил на этом языке. Накатила волна отвращения к себе и желание бежать, куда глаза глядят, чтобы не видеть вопроса в глазах Джумы и любопытства в глазах Карой; она все понимала не хуже мужчин.

— Кажется, я понял,— пробормотал Мальгин, всплывая из колодца самоанализа.— Никому из нас не суждено прожить даже секунду вечности, и поэтому важно оставить след, по которому потомки будут судить о нас... нет?

— Не потомки,— покачал головой Хан, принявший какое-то решение.— Современники. Знаете что, ребята, мне надо идти, важная встреча, а я пунктуален. Хотите, я на прощание вам кое-что сыграю? — Не дожидаясь ответа, Джума вошел в дом, и переглянувшиеся Карой и Клим вынуждены были последовать за ним.

В гостиной Карой, обставленной в стиле «персидская сказка», к изумлению Мальгина стоял синтезатор «Терпсихора», которыми пользовались все знаменитые вокально-инструментальные ансамбли и достать которые было практически невозможно, таким они пользовались спросом. «Странно, что он стоит у Карой,— подумал Мальгин,— на таком могут работать только виртуозы...»

Джума сел за панель синтезатора, привычно натянул эмкан и нацепил на запястья браслеты биосъемов. Замер на мгновение... и заиграл.

Мальгин ощупью нашел кресло, сел, вслушиваясь в каскады звуков сначала с недоверием, потом завороженно, затаив дыхание. Перед ним возникали видения бешеных горных рек, грохочущих водопадов, моря и шторма, смерчей в океане и на суше, которые сменялись бездонными каньонами, мрачными пропастями, извергающими вулканические бомбы кратерами, озерами плюющейся огнем лавы, цунами, снежными лавинами и селями; придвинулось вплотную солнце с протуберанцами, показались взрывающиеся звезды, галактики, квазары; запылала Вселенная!.. Но постепенно бурные земные и космические катаклизмы стали стихать, пока не остались перед глазами прозрачное окошко родника и тонкий ручеек, исчезающий в траве...

Мальгин очнулся, потрясенный до глубины души.

— Колдовство! — хрипло выговорил он, не в силах сказать больше ни слова.

Хан, сгорбившись, посидел за синтезатором несколько мгновений, сорвал эмкан, встал и, улыбнувшись своей обычной всепонимающей, чуть иронической улыбкой, как ни в чем не бывало сказал:

— До связи, ценители.

Ушел, не взглянув на Карой. В комнате повисла неловкая пауза. Мальгин подумал, что, похоже, первый раунд он выиграл без боя. И, собравшись с силами, нарушил тишину первым:

— Я не знал, что он еще и музыкант экстра-класса...

— Не преувеличивайте, мастер,— тихо ответила задумчивая Карой.— Такое играется редко, лишь когда что-нибудь сгорает: вера, надежда или...— Она зябко передернула плечами.— Зачем ты пришел ко мне?

— Не знаю,— помедлив, признался Мальгин.— За собой, наверное.

— Ты считаешь, что имеешь право?..

Клим поморщился.

— Извини, что перебиваю, но я ничего не считаю и выяснять отношения не хочу. Мне нужно было увидеть тебя — я увидел, вот и все.— Мальгин наткнулся на взгляд женщины и не договорил.— Впрочем,— сказал он через силу,— вру. Я, кажется, люблю тебя...

Глаза Карой вспыхнули, засияли, хотя в них остались плавать хрупкие льдинки вопроса и сомнения.

— А как же Купава?

Мальгин, не ожидавший такого вопроса, замер, потом встал и пошел к двери. Карой догнала его у выхода на веранду, обняла сзади, прижалась к спине.

— Прости, мастер, я не хотела обидеть. Теперь ты понимаешь, как на меня действуют подобные вопросы? Мы квиты... Но я... еще ничего не решила... Ты же знаешь, с тобой не многим по дороге. Не обижайся, ладно? Ты, наверное, думаешь, что я бесстыжая? Играю с обоими ради удовольствия?

— Нет,— глухо сказал Мальгин. Он устал и хотел теперь только одного — спать.

Карой прижалась к нему тесней, Клим не сразу расслышал ее голос, она читала стихи:

Исполненный греха, без разума и воли,
Непрочен и тщеславен человек.
Куда ни погляди — одни утраты, боли
Ему терзают плоть и душу целый век.
Едва уйдут одни — на смену им иные,
Все в мире для него страдания сплошные:
Его друзья, враги, любимые, родные...[1]

Добавила тихо:

— Особенно друзья и любимые... Ты не пожалеешь о том, что сказал мне сегодня?

Мальгин повернулся, и его ослепил влажно-фарфоровый блеск ее зубов между полуоткрытыми, ждущими губами.

— Нет! — каменно сказал он, целуя Карой. На поцелуй она не ответила...

Домой Мальгин добрался на «автопилоте», в полубреду-полусне. Сил хватило только на то, чтобы снять кокос и доплестись до кровати.

Ему снился Джума Хан, читающий с надрывом стихи поэта восемнадцатого века Василия Тредиаковского:

---

[1] Анна Брэдстрит.

Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая...

Потом Клим блуждал в каменных лабиринтах орилоунского метро, и слышался ему дивной красоты голос, чем-то смутно знакомый, заставляющий плакать злыми слезами бессилия и тоски...

* * *

Проснулся он рано́ утром от какой-то важной мысли. Полежал немного, пытаясь разлепить веки, и вспоминал сон. Дурман тревоги накатил и отозвался в теле спазмом желудка, заныли натертые от вчерашней скачки боками и спиной лошади места; в последний раз он садился на коня почти год назад, хорошо, что отец вовремя научил его не только сидеть в кресле, но и сносно ездить...

Мальгин окончательно проснулся, прошлепал босиком по́ ворсу пола в гостиную и набрал код аппарата отца. Виом сработал на шестом сигнале:

— Извини, па,— пробормотал хирург.— Разбудил?

Отец запахнул на груди халат с изображением Рязанского Кремля, посмотрел на часы: пять утра.

— В самый аккурат. Что-нибудь стряслось?

— Ты не знаешь, где Купава?

Мальгин-старший пригладил седой вихор на затылке.

— Меня уже спрашивали об этом твои коллеги... как их, безопасники, как ты их называешь.

— Ромашин? И что ты ответил?

— А я почем знаю? Она мне уже не невестка.

Клим помял лицо ладонями. Отец смотрел на него, хмурясь.

— Не хотел говорить, но коль уж ты сам позвонил... у меня, по-моему, был Даниил.

— Да что ты говоришь?! Когда? Где он?

— Я не совсем уверен, что это был он... во всяком случае, физиономия у него другая, но манера поведения... Он представился безопасником из ромашинского отдела, а я потом вспомнил, что ты говорил, будто Ромашин ушел... вот и заработало сомнение.

— Понятно.— Голос сел, и Мальгин откашлялся.— Ты ему ничего не сказал?

— Что я мог ему сказать? Я не знаю, где твоя... его Купава. Тебе-то она зачем понадобилась?

— Извини, па, я потом еще позвоню.— Клим протянул руку, собираясь выключить виом. Отец сделал жест: подожди.

— Может быть, это? В прошлом году ты вместе с ней и Данькой отдыхал где-то на Сахалине...

— На Симушире! — Сердце отозвалось падением и взлетом. Мальгин вспомнил, что долину Шаншири на Симушире Купава называла «раем». Вот, значит, куда рвался Гзаронваль!

— Спасибо, па! — Мальгин показал отцу кольцо из пальцев и побежал одеваться. Через несколько минут он уже мчался в такси к метро над еще спящим городом, обгоняя редкие утренние машины, не заметив, что за ним в отдалении следует белый куттер с номером «сто».

8

До Симушира он добрался заполдень по местному времени, уговорив пилота грузового галеона доставить его на остров от метро Петропавловска-Камчатского. Чтобы поймать такси на Симушире, надо обладать терпением и временем, а поскольку ни того, ни другого у Мальгина в запасе не было, он просто-напросто увел со стоянки у вокзала чей-то пинасс, на панели которого мигал красный транспарант «занято».

Не обращая внимания на удивленный оклик пассажиров пинасса, стоявших неподалеку, Клим закрыл дверцу и взлетел, отключая автопилот. От одной мысли, что он сейчас увидит сытое, презрительно-равнодушное лицо Гзаронваля с выражением превосходства в глазах, у Мальгина свело скулы, однако он заставил себя думать только о Купаве и о том, что будет, если Шаламов найдет ее первым.

Панорама Симушира легла под ним зелено-коричневым ковром, замыкаясь бухтой Броутона с одной стороны и седой далью океана с другой. Озеро Шаншири располагалось в семи километрах от вокзала орбитального лифта и станции местного воздушного транспорта, на северной оконечности острова, заполняя боковой кратер древнего вулкана. Его крутые берега заросли низкорослыми соснами-пиниями, багульником, можжевельником и высокой, по пояс, травой; сверху в этой зеленой кипени ничего заметить было нельзя, но Мальгин уверенно повел пинасс к восточному краю озера и не ошибся: под шатром сосновых крон на берегу заросшего ерика он увидел две (все-таки д в е!) палатки, одну — оранжевую, просторную, с компьютерным и хозяйственным обеспечением, типа «Колыбель-комфорт», и вторую, серебристую, разворачивающуюся автоматически за несколько секунд,— типа «Спартанец». Рядом стоял синий шестиместный куттер. На скале, нависающей над обрывом озера, покрытой мхом и прогреваемой солнцем, лежала с книгой на матрасе Купава, рядом висела яркая детская колыбелька. Гзаронваля нигде видно не было.

Мальгин посадил машину, некоторое время сидел, ни о чем не

думая, просто глядел на женщину, одетую в такое же парео, что и Карой два дня назад, потом с усилием выбрался из кабины. Купава, отложив книгу, молча смотрела, как он приближается.

— Привет.— Мальгин сел на замшелый валун, посмотрев на солнце, расстегнул рубашку.— А где этот красавец... Марсель?

— Клим! — удивленно и обрадованно, словно только что узнала, нараспев сказала Купава.— Как ты нас нашел? Ты один?

— Один,— буркнул хирург.— Нашел по следу. Где Марсель?

— Занимается подводной охотой, он взял с собой лайтинг, лодку, ружье, обещал вернуться к обеду.

— И кто же из вас был инициатором этой идиллии?

— Марсель. Он сказал, что ты...— Купава запнулась.

Мальгин остался спокойным, только внутри живота болезненно напрягся какой-то мускул.

— Договаривай, не бойся, не укушу.

— Он сказал... мне надо держаться от тебя подальше, потому что... его предупреждал Дан... Ты правду мне сказал?

— Когда и что именно?

— Ну... что ты не... бросил Дана специально...

Мальгин покачал головой.

— Я лишнего и в мыслях не позволю,
когда живу от первого лица.
Но часто вырывается на волю
второе «я» в обличье подлеца [1].

— Не узнаю тебя. Ты же всегда имела вкус и четкое чувство меры, по-моему, врожденное, и вдруг такой нонсенс. Неужели ты не видишь, что Марсель...— Клим хотел сказать «подонок», но удержался,— лжет! Неужели ты так слепа?

Купава нахмурилась.

— Я так и думала, что ты это скажешь. Марс предупреждал правильно. Ты же его совершенно не знаешь.

— Да знаю! — махнул рукой Мальгин.— Это ты не знаешь, и не хочешь знать, отгородившись от мира стеной стереотипа. А он обыкновенный шантажист, который давно метит занять мое.., то есть место Дана, а не видеть этого, благосклонно принимать его ухаживания, значит совсем...

— Я поняла.— Ее тон похолодел еще больше.— Если ты прилетел, чтобы сказать мне гадость...

— Да! — твердо сказал Мальгин.— Именно поэтому я и прилетел. Больше всего меня поражает мысль, что ты веришь ему и не веришь мне, хотя я никогда не давал тебе повода обвинить меня во лжи или подлости. Но это твое дело, веришь — верь, ты действительно изменилась и далеко не в лучшую сторону, не обольщай-

---

[1] В. Высоцкий.

ся. Видимо, влияние этого «супермена» в конце концов сказывается даже на такой самостоятельной личности, как твой супруг, если он тоже его не разглядел. Но известно, что поддается чужому влиянию тот, кто х о ч е т поддаться, а тебе — и это понятно — очень хотелось бы убедиться в том, что я, железный Мальгин, «человека», не такой уж идеал, хотелось бы как-то подстраховать свое решение уйти от меня, вот и появляется Гзаронваль-Руцкий, удобное оправдание своей прогрессирующей...— Мальгин остановился, так как женщина закрыла лицо ладонями; говорил он без горечи, спокойно, и даже удивился этому (неужели перегорел?).— Извини, если я излишне резок, но такого тебе больше никто не скажет, тем более твой Марсель. Я не в обиде, что заслужил, то заслужил, но друзей все-таки надобно выбирать, Пава. Ты как-то сказала, что я сильный и все вынесу. Да, я сильный, хотя слабостей у меня — хоть отбавляй. Тебя вот я же не смог удержать? А пришел я затем, чтобы просить: появится Дан, позвони мне, обязательно. Это больше нужно ему, чем мне. Позвони. Обещаешь?

— Я здесь,— раздался сзади знакомый, с хрипотцой голос.— Хотелось бы знать, зачем я тебе опять понадобился.

Купава отняла ладони от лица, глаза ее расширились.

Мальгин рывком обернулся.

Возле его пинасса стоял белый куттер с номером «сто», из которого выпрыгнул Шаламов и направился к сидящим раскачивающейся походкой. В наступившей тишине вдруг заплакал проснувшийся ребенок в колыбели, заставив всех вздрогнуть.

Шаламов, загорелый до черноты, буквально обугливщийся под лучами неведомых солнц, одетый в синий кокос, подошел к автоматически закачавшейся колыбели, наклонился, вглядываясь в захлебывающееся плачем существо.

— Спасибо за торжественную встречу, карапуз. М-да... А Марсель прав, ребенок — вылитый ты, Клим.

У Мальгина родилось знакомое ощущение, будто внутри Шаламова шевельнулся дремлющий тигроящер, поднял голову и обнажил клыки в предупреждающем беззвучном рычании. От напряжения заныли мышцы ног. В голове бесшумно раскрылся тугой веер необычных ощущений, лег на затылок, придав чувствам хирурга приятную тяжесть,— сработал «защитник».

— Дан! — сдавленным голосом произнесла Купава, протягивая руки навстречу Шаламову.— Ты жив!..

— Жив, жив.— По лицу спасателя тенью пронеслось отражение грызущей голову боли, и снова оно стало гладким и равнодушным, без обычной, присущей ему мимики, отражавшей движения души и готовность к иронии и шутке. Шаламов шагнул к жене, взял ее за руки, наклонился: в ставших огромными и черными глазах женщины стояли слезы.— Я за тобой, Пава.

Брови Купавы в недоумении поднялись.

— Ты... что ты сказал? Как за мной?

— Ты мне нужна там, в космосе. На Земле мне нечего делать, а там — непочатый край неизведанных гармоний и красот, не пожалеешь. Собирайся, у нас нет времени.

— Но как же...— Купава, не ожидавшая такого предложения, беспомощно посмотрела на сидевшего неподвижно Мальгина, оглянулась на колыбель.— С ней?

Шаламов разогнулся, искоса посмотрел на Клима.

— Отвернись, мастер, ни солнце, ни смерть нельзя разглядывать в упор, как говорил древний мудрец [1]. Раньше ты был деликатней.

Мальгин встал, все время чувствуя ворочавшегося внутри спасателя, чем-то недовольного или страдающего «зверя», подошел к обрыву, оставив за спиной чету Шаламовых, но продолжал слышать их разговор.

— Ты же болен, болен,— быстро, глотая окончания слов, говорила Купава,— ну почему ты не хочешь вылечиться? Клим все сделает, и мы улетим, куда захочешь... а дочь куда я дену? Как я в твоем космосе буду с ней? Что я там буду делать? Кто ее воспитает? Пойми же, это глупо...

— Мне трудно одному, ты поможешь мне, а с дочерью ничего не случится, тем более, что ее можно оставить здесь, на время хотя бы, Клим присмотрит, отец как-никак...— отвечал Шаламов скороговоркой, в голосе его появились нетерпеливые нотки.— Почему ты уехала из дома сюда? Клим посоветовал?

— Нет, Марсель. Он говорил, что ты погиб...

— Чушь! Я теперь бессмертен. Белены объелся твой Марсель? Где он? Я с ним поговорю, что это ему вздумалось объявлять меня погибшим? Трогательная забота, ничего не скажешь.

— Он на озере, ныряет с подводным комплектом.

— Черт, времени нет совсем! Все время висят на хвосте... Ну, так ты идешь?

— Нет, Дан... не знаю... ну как ты можешь требовать? Зачем тебе уходить с Земли, разве здесь плохо? Послушайся, я тебя умоляю, пусть Клим посмотрит тебя, ты же совсем больной, я тебя не узнаю. Я боюсь тебя!..— Купава заплакала.

— О, женщина!

Мальгин обернулся. Шаламов, морщась, смотрел на жену, потом поднял взгляд на хирурга.

— Как часто женщина, вдохновляющая нас на великие дела, мешает нам их исполнить [2]. Ты же не сможешь ничего сделать, мастер, это выше твоих сил. Ведь так?

---

[1] Ларошфуко.

[2] А. Дюма-сын.

— Не знаю,— тяжело сказал Мальгин.

— Вот видишь. Помоги уговорить ее, ведь она не хочет уходить из-за тебя, я чую.

— Дан, что ты говоришь! — жалобно запротестовала Купава сквозь слезы.

Оба посмотрели на нее. Мальгин, стараясь говорить проникновенно и убедительно, сказал:

— Я уже давно не имею права совета, Дан, а для нее и вовсе не авторитет... как уже смог убедиться. Для нее авторитет — Марсель, может, он тебе поможет? Но извини, я тоже не вижу смысла в твоем призыве. Подумай хорошенько, куда ты зовешь Купаву. Ей нужен спокойный образ жизни, уверенность в завтрашнем дне, возможность воспитывать ребенка, а не опасные приключения в космосе. Не доверяешь медицине — бог с тобой, это твое личное горе, но не увлекай в авантюру жену, риск ей противопоказан.

Лицо Шаламова исказилось. Мальгину показалось, что на него приготовился прыгнуть громадный зверь, удивительным образом соединившийся с фигурой спасателя. Одновременно под черепом родилось ощущение выросшей твердой скорлупы, отгородившей мозг от всего мира. Облик «зверя» побледнел, хотя и не исчез. Вспомнилось шекспировское: «Не стой между драконом и яростью его...» И тут Мальгин неожиданно увидел над лесом странное полупрозрачное облако, опускающееся с неба. Вгляделся и не поверил глазам: это был орилоухский фантом с миллионом глаз!

Шаламов оглянулся, следуя застывшему взгляду хирурга.

— Смотри-ка! Отыскал-таки, дьявол глазастый! Слышишь, Отшельник?

Из грузового люка куттера выполз «черный человек», осторожно, почти по-человечески, пробуя псевдоногой почву. У Мальгина не было пси-рации и ответа маатанина он не услышал, но и без того он был буквально ошарашен появлением новых действующих лиц.

Шаламов выслушал ответ «черного человека», отмахнулся. В отличие от маатанина он дублировал свои мысли звуковой речью:

— Не дури, ничего с тобой не случится, потерпишь... Что значит — не можешь? Эти песни я слышу давно... ну и что? Держал же... ну хорошо, хорошо, мы скоро...— Даниил снова поморщился, схватившись рукой за голову, ему действительно было плохо.

— Дан,— сказала Купава, вставая.— Я тебя з а к л и н а ю! Пусть Клим хотя бы посмотрит тебя как врач.

Шаламов окинул Мальгина горящим взглядом.

— Каким образом он посмотрит меня без своей аппаратуры?

— Напрямую,— хрипло сказал Мальгин.— У тебя есть еще одна пси-рация? Одна есть точно, ты же общаешься с «черным».

— Найду. И что дальше?

— Прямой синхроконтакт. Я подключусь к твоему... мозгу напрямую, мне приходилось проделывать подобные контакты во время дежурства на «скорой помощи».

— А не боишься? Я ведь наполовину «черный».

Мальгин усмехнулся.

— А ты в свою очередь не боишься?

«Зверь» внутри Шаламова «обнажил клыки» и посмотрел на хирурга ледяными глазами.

— Хорошо,— сказал Даниил.— Даю тебе три минуты сроку, а потом мы с ней уйдем. Собирайся пока, Пава.— Не обращая внимания на отрицательный жест жены, он направился к своему куттеру. Мальгин погладил Купаву по плечу.

— Все будет хорошо.

Купава не ответила, беззвучно глотая слезы. Ребенок перестал плакать, словно понял Мальгина.

Орилоун с глазами превратился в «блин» и завис над «черным человеком», делающим осторожные попытки «пощупать» попавшееся на пути дерево «руками». Ему тоже было плохо. Добравшись до Купавы, смотревшей на него во все глаза, он вдруг принялся ее утешать! Вслух! Коверкая слова, запинаясь, меняя октавы, хотя речевого аппарата, подобного человеческому, у него не было.

Мальгин изумился настолько, что забыл о своем положении. О Купаве и говорить было нечего. Даже Шаламов был удивлен, хотя его удивление носило специфический характер.

— Еще один соперник! — фыркнул он, морщась.— Надо же, разговаривать выучился! Далеко пойдешь, аккумулятор.

«Черный человек» замолчал, потом пополз обратно к шлюпу, бросив последнее, жалобное:

— Прощальность...

Мальгин опомнился.

Подготовка к пси-контакту заняла всего две минуты. Шаламов сел в кресло пилота, Мальгин в соседнее, настраивая волю, нервные резервы, душевные силы на сопротивление первому натиску чужой пси-информации. Он почти справился со своим отчаянием, рожденным неизвестностью финала создавшейся ситуации, и старался не думать ни о чем, кроме предстоящего сеанса. Корону «защитника», которую вручил ему Ромашин, он снял, вызвав понимающую усмешку Даниила. Было видно, что держится Шаламов из последних сил, хотя и старается не показывать этого. Временами его облик начинал п л ы т ь, Даниил становился не похожим на себя, чужим, вмещающим в себя десятки других типажей, и тогда «дремлющий тигроящер» в нем ощущался сильнее.

— Готов, мастер? — спросил Шаламов гортанно; в голосе спасателя отчетливо слышался органно-металлический клекот.

— Да! — ответил Мальгин.

«Держись, «черный»! — подумал он с появившейся веселой злостью и доломал отчаяние о колено. А в следующее мгновение на голову обрушился весь внутренний мир-космос, Вселенная Шаламова, измученного борьбой двух психик, человеческой и маатанской...

* * *

Первый взрыв эмоциональных переживаний Даниила Мальгин выдержал, хотя и с трудом, удержавшись на грани сознания, помог опыт, воля и страстное желание сделать то, что до него не делал никто. Погружение в «маатанское» подсознание Шаламова, властно довлеющее над большей частью его внутреннего пространства, было очень трудным и болезненным. «Черный человек» психики сопротивлялся вторжению извне и «выталкивал» Мальгина, с яростью пытаясь подчинить его себе.

Мальгин шел по цепи чужих знаний и ассоциаций медленно, пресекая попытки собственного «я» посочувствовать запертому в тесноте шаламовской психики «черному человеку» и постепенно приближая «скальпель» деформации биотоков к узлам информации, как бы готовя ее постепенный спуск по «информационным ступенькам» в свою память, и в какой-то момент остро пожалел, что Шаламов не в хирургической камере: можно было бы вывести из его организма основные «шлаки» чужой информации, пользуясь благоприятным моментом.

Клим уже разобрался в хаосе вспыхивающих психических состояний Шаламова и готов был предельной концентрацией воли и психических сил подавить центры чужой памяти и без вмешательства гипноаппаратуры, но в следующий миг ему показалось, что на голову рухнула скала!..

Очнулся он спустя несколько секунд. В голове гудело, сверкало, звенело, перед глазами мельтешили какие-то призрачные лица, геометрические фигуры и цветные пятна — «следы» памяти Шаламова, в ушах шумел прибой странных звуков — не реальных, а мысленных, потому что, с другой стороны, Мальгин осознавал, что вокруг стоит тишина. Он повернул голову: Шаламова в кабине не было, его эмкан валялся на сидении. Голову пронзила острая, как заноза, тревога. Мальгин встал, его шатнуло, в глазах поплыло, но он заставил себя выбраться из кабины. Открывшаяся картина запечатлелась в памяти предельно ярко и четко: Купава, зажавшая рот рукой и протягивающая другую в сторону Даниила; сам Шаламов, пригнувшийся, неестественно растопырившийся, оглядывающийся на недалекие кусты; «черный человек» с орилоухским глазастым фантомом; Ромашин в необычном блестящем шлеме

и телескопических очках, выглядывающий из-за кустов; и Марсель Гзаронваль, наполовину вылезший из-за обрыва с подводным ружьем в руках.

В ушах Мальгина бесшумно лопнула пленка глухоты, и он наконец у с л ы ш а л жуткую тишину непредвиденной им драмы. Шлем на голове Ромашина был прицельно-расчетным устройством «василиска», а ружье в руках Гзаронваля говорило само за себя.

— Не стреляйте! — крикнул Мальгин, не слыша своего голоса.

Ромашин включил «василиск», гипнолуч накрыл Шаламова и Купаву. В то же мгновение Шаламов ответил на удар, и даже на расстоянии в три десятка шагов Мальгин почувствовал силу ответного пси-удара, обрушившегося на Игната: это было уже не «рычание дремлющего зверя», а смертельно опасный прыжок «рассвирепевшего хищника»! Купава и Ромашин упали почти одновременно, хотя Клим и не понял в первый момент, из-за чего упала женщина. Зато он первым отреагировал на жест Гзаронваля, поднявшего ружье:

— Дан!..

Шаламов остался стоять в прежней позе, вполоборота к нему, словно не слышал окрика, и тогда Мальгин, чувствуя себя так, словно внутри него рвутся мышцы и сухожилия, в три прыжка достиг Гзаронваля и ударил его по руке. Тяжелая металлическая стрела подводного ружья на длинном лине с треском вошла под камень у ног Шаламова. Тот медленно завалился навзничь, прямой, как монумент, будто стрела обладала силой убивать, не прикасаясь.

— Дан!

О, черт! Почему он упал? Стрела же в него не попала...

В голове вдруг вспыхнул свет, раздались чьи-то слова:

— Я весь — огонь, и холод, и... обман... Я — радугой пронизанный... туман...

Кто это сказал?!

Оцепенелый Мальгин смотрел, как одетый в плавки Гзаронваль деловито сматывет линь ружья и снова поднимает его к плечу, прицеливается...

Зачем? Что он делает?..

— Стой! — шепотом проговорил он.

— Не мешай, слабак, а то очнется,— ответил Гзаронваль спокойно.— Неужели не понимаешь? Ромашин убил в нем человека, а очнется монстр.

— Не смей! — На негнущихся ногах Клим загородил Гзаронвалю Шаламова.

— Уйди, неудачник! — Стрела ружья угрожающе уперлась в грудь хирурга.— Натворил дел, а другие расхлебывай. Ну? — Голос курьера-спасателя был все так же спокоен и равнодушен, он верил в то, что говорил, и это дикое, циничное в данном положении спо-

койствие возбудило в душе Клима вулкан ненависти и жажду убийства. Прыгнув к Гзаронвалю, он выбил у него ружье, и, хотя спасатель мгновенно встал в стойку и приготовился к защите — осознанно, без удивления, он так жил, уверенный в том, что имеет право на исключительность,— с первого же удара уложил его на камни, дав выход ярости и непривычному, никогда не испытанному раньше чувству мести. Остановился, опустошенный, оглядывая страшную картину места боя.

В разных позах на земле лежали четверо: Шаламов, Ромашин, Гзаронваль и Купава, но из них только Купава лежала относительно спокойно, мгновенно уснув от удара гипнолуча «василиска», да еще дочь Дарья в люльке.

И Мальгин вдруг с ужасом понял, что никогда не был и не будет свободен, всегда будет зависеть от взгляда, слова и жеста этой женщины, а его встречи с Карой — всего лишь слабый протест души, попытка обрести смысл жизни и выйти из заколдованного круга несчастливого бытия, куда он запер все свои мечты и чувства после ухода жены. Какие же силы потребуются ему, чтобы и после этих событий остаться для всех «человеком-да»? Где искать эти силы и кто поможет ему? Не Карой, и не Купава... и не Джума Хан... Снова одиночество? Если можешь, отче, чашу эту мимо пронеси...

Мальгин постоял немного на неподгибающихся ногах рядом с Шаламовым, глядя на его разгладившееся, спокойное лицо, неуловимо схожее и с лицом Прохора Жостова, и Висенте Оросо, и Ромашина, и многих других людей, кто был знаком со спасателем. Вспомнил о куттере. Еще можно было попытаться спасти Шаламова, как и Ромашина. Мозг начнет умирать минут через двадцать, и за это время можно было доставить их обоих к метро...

Клим поплелся к куттеру, будто во сне раздвигая руками воздух, ставший плотным, как вода. И тут над лесом сверкнули бесшумные молнии скоростных машин, с неба на берег озера посыпались пинассы и нефы безопасников с мигающими лампами предупреждения. Хирург остановился, рыхлый, как бы набитый ватой, опустошенный до нежелания жить.

Из севших машин выскакивали люди в белых кокосах — полная аварийная обойма — тридцать одна душа. Подбежал Лондон.

— Черт возьми, что здесь произошло, Клим? Неужели Ромашин был прав? Опоздали?

— Извините, Майкл,— пробормотал Мальгин, прислушиваясь к себе; внутри него вдруг проклюнулось странное ощущение безмерной пустоты, в которой начали вспыхивать искры звезд, сначала редкие, тут же гаснущие, а потом по нарастающей — роями и облаками. И каждая «звезда» превращалась в строчку информации, в понятие, которых Мальгин до этого не знал,— это заговорила в нем память Шаламова!

— Что с вами? — донесся сквозь глухой «шум» колоссального поля информации голос Лондона.

— Господи! — прошептал Мальгин, поднимая глаза на поддерживающего его под локоть начальника отдела безопасности.— Помогите мне...— Клим шагнул к оплывшему телу «черного человека», уперся в него плечом.— Помогите втащить его в куттер, быстрее!

— Зачем?!

— Я знаю, ч т о это такое! Маатане не разумные существа в полном смысле этого слова, они действительно аккумуляторы, причем не только информации, но и энергии. Правы были эксперты... Миллиарды лет назад их хозяева пришли из иной Вселенной по «струне» первичных «серых дыр», соорудили Орилоух и Стража Горловины... Страж — это центральный узел перехода обратно в тот мир, хотя к настоящему времени он почти «зарос»... Все это не суть важно. Помогайте!

Лондон очнулся и дал неслышимую команду: трое оперативников бросились к ним на помощь, приволокли универсальный антиграв для транспортировки негабаритных грузов, взгромоздили на него тушу маатанина и впихнули в чрево куттера. Остановились, глядя на Мальгина.

Хирург, запыхавшись, повернулся к Лондону.

— Майкл, эта машина поднимет меня только километров на двадцать, дальше нужен драккар или десантный когг, без экипажа. Пусть встретит меня по пеленгу на выходе из стратосферы. Спасайте Ромашина, еще успеете.

Лондон остановил его.

— Что вы хотите делать?

— «Черного» надо немедленно убрать подальше от Земли, тысячи лет он аккумулировал энергию, и теперь внутри него — адова пропасть! В идеале было бы хорошо отправить его в Горловину... он туда и направлялся, вез готовую к употреблению продукцию... вместе с собой, но Дан вытащил его обратно, не ведая, что вытаскивает величайшую из бомб...

— Я думаю, что вы неправы, он знал, кого возил с собой.

— И последнее...— Мальгин не хотел спорить, чувствуя головокружение.— На тот случай, если я не успею... маатанские «проникатели»— это нечто вроде передвижных «роддомов», предохраняющих «черных» от спонтанного энергоизвержения, поосторожнее с ними, если встретите. Я пошел. До встречи, Майкл.

— Стойте.— Лондон отстранил Мальгина твердой рукой.— Это уже не ваше дело.— Сел в кабину.— Всем продолжать работу в прежнем темпе. Ромашина и Шаламова — в клинику! Калина — «три девятки» в эфир!

Блистер бесшумно вошел в паз, куттер свечой рванул в небо.

За ним тенью скользнул миллионноглазый орилоухский «призрак». Мальгин, опустив руки, смотрел им вслед, постарев сразу на сто лет. Взмолился в душе: господи, если ты человек, не дай им взорваться! Не карай невинных, ни слабых, ни сильных, а с недобрыми мы справимся сами! Подожди немного...

Кто-то тронул его за плечо, раз, другой... Клим повернул голову — рядом стоял Джума.

— Очнись, мастер. Кажется, наша работа еще не завершена.— Хан смотрел за спину хирургу. Мальгин оглянулся.

Шаламов пытался встать, царапая землю руками, не обращая внимания на обступивших его людей. Встал! Оперативники попятились.

Внезапно Мальгину показалось, что воздух вокруг странно загустел, завибрировал, навалилось жуткое ощущение нависшей над всеми горы! В ушах поплыл звон гигантской, готовой лопнуть струны.

Шаламов повернулся к ним, и на Мальгина сквозь маску человеческого лица взглянула иная Вселенная!..

Конец первой книги

СОДЕРЖАНИЕ

РЕКВИЕМ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

Часть первая. ПРЕЛЮДИЯ 7
Часть вторая. ОДНИ МЫ 58
Часть третья. НАД МИРОМ 135
Часть четвертая. ВЛАДЫКИ 214

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Книга первая

ФАЗЫ ХОЗЯИНА

Часть первая. СЕРАЯ ДЫРА 285
Часть вторая. ЧЕЛОВЕК-ДА 324
Часть третья. ЧЕЛОВЕК-НЕТ 416
Часть четвертая. НЕЧЕЛОВЕК 466

Литературно-художественное издание

ГОЛОВАЧЕВ
Василий Васильевич

Избранные произведения

Том 2

РЕКВИЕМ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
Книга первая

Фантастические романы

Редактор И. А. МУДРОВА
Худож. редактор В. В. КРЕМЕНЕЦКИЙ
Техн. редактор Г. В. СТАЧЕВА
Корректоры Е. А. КОКОРИНА, Е. В. КАРЕЛЬСКАЯ

Сдано в набор 18.06.92. Подписано в печать 06.10.92. Формат 60×84 1/16. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,62. Уч. изд. л. 35,43. Усл. кр-отт. 33,02. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3801. С 025.

Издательство «Флокс», 603000, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.
ГИПП «Нижполиграф», 603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Издательство
продолжает новую серию

«ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»

книгами известного отечественного
писателя-фантаста
Василия Головачева

В 1993 году выйдут в свет совершенно новые романы и повести писателя:

«РЕЛИКТ», фантастический роман в 4-х книгах;

«ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ»,

«ПИРАНЬИ», «МИЛОСЕРДИЕ ДИНОЗАВРОВ»,

«ЗВЕЗДА ЛЮЦИФЕРА», роман в стиле сайнс-фэнтези.

Они составляют фантастико-приключенческий цикл, охватывающий события галактического масштаба на протяжении XXIII и XXIV веков.

Читателя при встрече с произведениями Василия Головачева ожидают захватывающий сюжет, сложные проблемы развития человеческой расы, вопросы глубинной связи Человека и Космоса, образы красивых умных женщин и героических мужчин.

Серию продолжат
новые произведения
известного писателя-фантаста
Владимира Михайлова

В новом романе «ВЛАСТЕЛИН» продолжаются приключения героев дилогии «Капитан Ульдемир». Многочисленные приключения чередуются с любовными сценами и размышлениями автора и его персонажей. Роман состоит из двух книг: «И ПРОЧИЕ УСЛЫШАТ И УБОЯТСЯ» и «ПУСТЬ ВОЗВРАТИТСЯ УБИЙЦА».

Эти книги и только что написанные повести «И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА», «ВАРИАНТ», «ПУТЬ В ДОЛИНУ СЧАСТЬЯ» выйдут в издательстве «Флокс» в 1993 году.

«Флокс»
в 1992—1993 годах
продолжает издавать
самые популярные в России
сборники фантастических произведений

«ФАТА-МОРГАНА»

В **четвертом** выпуске будут помещены рассказы
К. Воннегута,
П. Энтони,
Р. Брэдбери,
А. Ван Вогта,
Л. Бреккет
и других известных авторов.

В **пятом** выпуске читатели встретятся с произведениями
Д. Болларда,
С. Корнблата,
Б. Олдисса,
А. Кларка,
А. Рафа,
и других зарубежных авторов.

В **шестом** выпуске предполагается напечатать произведения
У. Ле Гуин,
А. Азимова,
Т. Старджона,
К. Джекоби,
Ф. Брауна,
и других мастеров фантастики.

В издательстве готовятся к печати седьмой и восьмой выпуски.

Оптовым покупателям

предлагаем
обращаться по адресам:

Фирма «ФЛОКС-1»
603001, Н. Новгород, ул. Маяковского, д. 35
тел. 34-06-95

Фирма «ФЛОКС-2»
603006, Н. Новгород, ул. Варварская, д. 32
тел. 38-94-72

Фирма «ФЛОКС-3»
603000, Н. Новгород, ул. Малая Ямская, д. 48
тел. 34-20-34

Телефакс (831) 342-64-17
Телекс 151143 PHLQXSU